

ISSN 2409-8965

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АФРИКИ

Конфликтология

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-01-2026

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Большаков Андрей Георгиевич, доктор политических наук, кандидат социологических наук, bolshakov_andrei@mail.ru

ISSN: 2454-0617

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-01-2026

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Bol'shakov Andrei Georgievich, doktor politicheskikh nauk, kandidat sotsiologicheskikh nauk, bolshakov_andrei@mail.ru

ISSN: 2454-0617

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

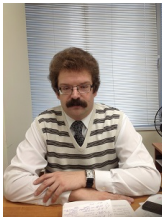
E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Большаков Андрей Георгиевич — доктор политических наук, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой конфликтологии Казанского федерального университета. 420111, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Абрамова Ирина Олеговна — доктор экономических наук, чл.-корр. РАН, профессор, директора Института Африки Российской академии наук. 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

E-mail: dir@inafr.ru

Амелин Веналий Владимирович — доктор исторических наук, директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета.

460018, Оренбургская обл., , Оренбург, пр. Победы, 13.

E-mail: avenali@mail.ru

Белозеров Василий Клавдиевич — доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета. 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38.

E-mail: vk_belozеров@mail.ru

Бойко Иван Иванович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук. 428015, Чувашия, г. Чебоксары, Московский просп., 29, корп. 1.

E-mail: boyko2003@yandex.ru

Бондаренко Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. РАН, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН. 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

E-mail: dbondar@hotmail.com

Бочарников Игорь Валентинович — доктор политических наук, проректор по научно-исследовательской работе Московского государственного гуманитарно-экономического института.

107150, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49,

E-mail: bocharnikov@rambler.ru

Анжела Ди Грегорио — доктор политологии, профессор Департамента международных, правовых и историко- политических исследований Миланского университета.

20122 Италия, Милан, ул. Консерваторио, 7.

E-mail: angela.digregorio@unimi.it

Емельянов Антон Игоревич — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета. 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38.

E-mail: anton.politolog@yandex.ru

Анна Задора — доктор политологии, профессор Межуниверситетского Дома наук о человеке.

67300, Франция, Эльзас, Страсбург, 6-ая Туринская улица, 5 аллея генерала РувийоЧилтигейма, 67083.

E-mail: anna_zadora@hotmail.com

Кассе Ныгусие В. Микаэль — доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов.

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

E-mail: kmikhail2003@mail.ru

Нестерчук Ольга Алексеевна — доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов. 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

E-mail: nesterchuk68@mail.ru

Радвани Жан — доктор географических наук, профессор Государственного института языков и цивилизаций Востока. 75013 Франция, Париж, ул. Гранд Мулен, д. 65.

E-mail: radvanyi.jean@wanadoo.fr

Семененко Ирина Станиславовна — доктор политических наук, чл.-корр. РАН, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

E-mail: isemenenko@mail.ru

Сидорова Галина Михайловна — доктор политических наук, Московский государственный лингвистический университет, заведующая кафедрой теории и истории международных отношений. 119034, г. Москва, ул. Остроженка, д.38 .

E-mail: gal_sid@mail.ru

Фитуни Леонид Леонидович — доктор экономических наук, чл.-корр. РАН, профессор, заместитель директора Института Африки Российской академии наук. 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

E-mail: africa.institute@yandex.ru

Чернышов Юрий Георгиевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета. 656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. E-mail: 7ashpi7@gmail.com

Шутов Анатолий Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

119992, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, строение 1.

E-mail: geopolitika10@yandex.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250.
sudorgin@madi.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509,

Волох Владимир Александрович - доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Института государственного управления и права Государственного университета управления.

Рязанский проспект, 99, г. Москва, Россия, 109542;

E-mail: v.volokh@yandex.ru

Попова Ольга Валентиновна - доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Университетская набережная, 7-9.

г. Санкт-Петербург, Россия, 199034.

E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Акишин Михаил Олегович - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университет.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482,

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент Университет: Краснодарский государственный институт культуры Кафедра: истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55.
sverhtitan@rambler.ru.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Батьковский Александр Михайлович – доктор экономических наук, АО Центральный научно-исследовательский институт экономики, систем управления и информации «Электроника», советник генерального директора, 127299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, 12, batkovskiy_a@instel.ru

Морозко Наталья Иосифовна – доктор экономических наук, профессор Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 49, Ленинградский проспект, Москва. 125993. NIMorozko@fa.ru

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Бурда Алексей Григорьевич – доктор экономических наук, профессор Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина", Частное образовательное учреждение высшего образования "Южный институт менеджмента" Кафедра: экономической кибернетики, финансов и кредита, 350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, каб. 209 корпуса экономического факультета

Черкасов Валерий Николаевич – доктор экономических наук, кандидат технических наук, первый заместитель главного редактора научно-практического журнала «Информационная безопасность регионов», Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 410009, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Дачная, 30А, кв. 116

Архипова Надежда Ивановна – доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, 6

Кормишкин Евгений Данилович - доктор экономических наук, профессор кафедры теоретической экономики и экономической безопасности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Гончаренко Любовь Ивановна - доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Налоги и налогообложение» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. 125993. Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 49.

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и

международных отношений, профессор,
650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6,
Sergii-Tsch@mail.ru

Артемьева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Бесчасная Альбина Ахметовна - доктор социологических наук, Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Профессор, 190121, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43 aabes@inbox.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, 16, кв. 32, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса , Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

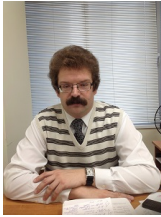
Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихоокеанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Editorial collegium

Chairman of the Editorial Board

Bolshakov Andrey Georgievich — Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Conflictology of Kazan Federal University. 420111, Russia, Kazan, Kremlevskaya str., 18.

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Irina Abramova — Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1.

E-mail: dir@inafr.ru

Amelin Venali Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Director of the Research Institute of History and Ethnography of the Southern Urals of Orenburg State University.

460018, Orenburg region, , Orenburg, Pobedy Ave., 13.

E-mail: avenali@mail.ru

Vasily Klavdievich Belozerov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science at Moscow State Linguistic University. 38 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russia.

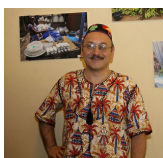
E-mail: vk_belozerov@mail.ru

Boyko Ivan Ivanovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Chuvash State Institute of Humanities.

428015, Chuvashia, Cheboksary, Moskovsky Ave., 29, building 1.

E-mail: boyko2003@yandex.ru

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Work of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences.

123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1.

E-mail: dbondar@hotmail.com

Bocharnikov Igor Valentinovich — Doctor of Political Sciences, Vice-Rector for Research at the Moscow State Humanitarian and Economic Institute.

Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150,

E-mail: bocharnikov@rambler.ru

Angela Di Gregorio is a Doctor of Political Science, Professor of the Department of International, Legal, Historical and Political Studies at the University of Milan.

20122 Italy, Milan, Conservatorio str., 7.

E-mail: angela.digregorio@unimi.it

Anton Igorevich Yemelyanov — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science at Moscow State Linguistic University. 38 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russia.

E-mail: anton.politolog@yandex.ru

Anna Zadora is a Doctor of Political Science, professor at the Interuniversity House of Human Sciences.

67300, France, Alsace, Strasbourg, 6th Turin Street, 5 Avenue of General Rouvillochiltigame, 67083.

E-mail: anna_zadora@hotmail.com

Kassae Nygusie V. Mikael — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Peoples' Friendship University of Russia.

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.

E-mail: kmikhail2003@mail.ru

Olga A. Nesterchuk — Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Analysis and Management of the Peoples' Friendship University of Russia. 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.

E-mail: nesterchuk68@mail.ru

Radvani Jean — Doctor of Geographical Sciences, Professor at the State Institute of Languages and Civilizations of the East. 75013 France, Paris, 65 Grand Moulin Street.

E-mail: radvanyi.jean@wanadoo.fr

Semenenko Irina Stanislavovna — Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. 23, Trade Union Street, Moscow, 117997, Russia.

E-mail: isemenenko@mail.ru

Sidorova Galina Mikhailovna — Doctor of Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Head of the Department of Theory and History of International Relations. 38 Ostrozhenka str., Moscow, 119034 .

E-mail: gal_sid@mail.ru

Fituni Leonid Leonidovich — Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1.

E-mail: africa.institute@yandex.ru

Chernyshov Yuri Georgievich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of General History and International Relations of Altai State University. 61 Lenin Ave., Barnaul, Altai Krai, 656049, Russia. E-mail: 7ashpi7@gmail.com

Shutov Anatoly Dmitrievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

53/2 Ostozhenka str., building 1, Moscow, 119992, Russia.

E-mail: geopolitika10@yandex.ru

Krainov Grigory Nikandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science, History and Social Technologies, Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2.

krainovgn@mail.ru

Oleg A. Sudorgin — Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-

Rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies",
125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow.
sudorgin@madi.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration,
199004, Russia, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509,

Volokh Vladimir Aleksandrovich - Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.
Ryazan Avenue, 99, Moscow, Russia, 109542;
E-mail: v.volokh@yandex.ru

Popova Olga Valentinovna - Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies of St. Petersburg State University. University Embankment, 7-9.
St. Petersburg, Russia, 199034.
E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration,
620000, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482,

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the University: Krasnodar State Institute of Culture Department: History, Cultural Studies and Museology,
350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Igor V. Berezhnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism,
656031, Barnaul, Molodezhnaya str., 55.
sverhtitan@rambler.ru.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University,
440052, Russia, Penza region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106

stawiczky.v@yandex.ru

Batkovsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Economics, JSC Central Research Institute of Economics, Control Systems and Information "Electronics", Advisor to the General Director,
127299, Moscow, ul. Cosmonaut Volkov, 12,
batkovskiy_a@instel.ru

Morozko Natalia Iosifovna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky Prospekt, Moscow. 125993.
NIMorozko@fa.ru

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory,
125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49,
18111959@mail.ru

Burda Alexey Grigorievich – Doctor of Economics, Professor Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin", Private Educational Institution of Higher Education "Southern Institute of Management" Department: Economic Cybernetics, Finance and Credit,
350044, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Kalinina str., 13, office. 209 buildings of the Faculty of Economics

Cherkasov Valery Nikolaevich – Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of the scientific and practical journal "Information Security of Regions", Saratov Socio-Economic Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics,
410009, Russia, Saratov region, Saratov, Dachnaya str., 30A, sq. 116

Nadezhda Arkhipova – Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities.
125993, Russia, GSP-3, Moscow, Miuskaya Square, 6

Kormishkin Evgeny Danilovich - Doctor of Economics, Professor of the Department of Theoretical Economics and Economic Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education N. P. Ogarev Mordovian State University

Goncharenko Lyubov Ivanovna - Doctor of Economics, Professor, Head of the Department "Taxes and Taxation" of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
125993. Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 49.

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor,
650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6,
Sergii-Tsch@mail.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Beschasnaya Albina Akhmetovna - Doctor of Sociology, North-Western Institute of Management - Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor, 190121, St. Petersburg, Sredny prospekt V.O., 57/43 aabes@inbox.ru

Nadezhda Oskarovna Bleikh - Doctor of Historical Sciences, K.L.Khetagurov North Ossetian State University, Professor of the Psychology Department of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Vladikavkaz, ul. Vladikavkazskaya, 16, sq. 32, 362043, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, nadezhda-blejkh@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Control Staff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Ryzhov Igor Valeryevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Head of the Department of History and Politics of Russia, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2, office 313, ivr@fmo.unn.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 125299, Russia, room 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Shevtsova Anna Aleksandrovna - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow Pedagogical State University", Professor of the Department of Cultural Studies, 127018, Russia, Moscow, Moscow, Streletskaya str., 14k1, sq. 164, ash@inbox.ru

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State

Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

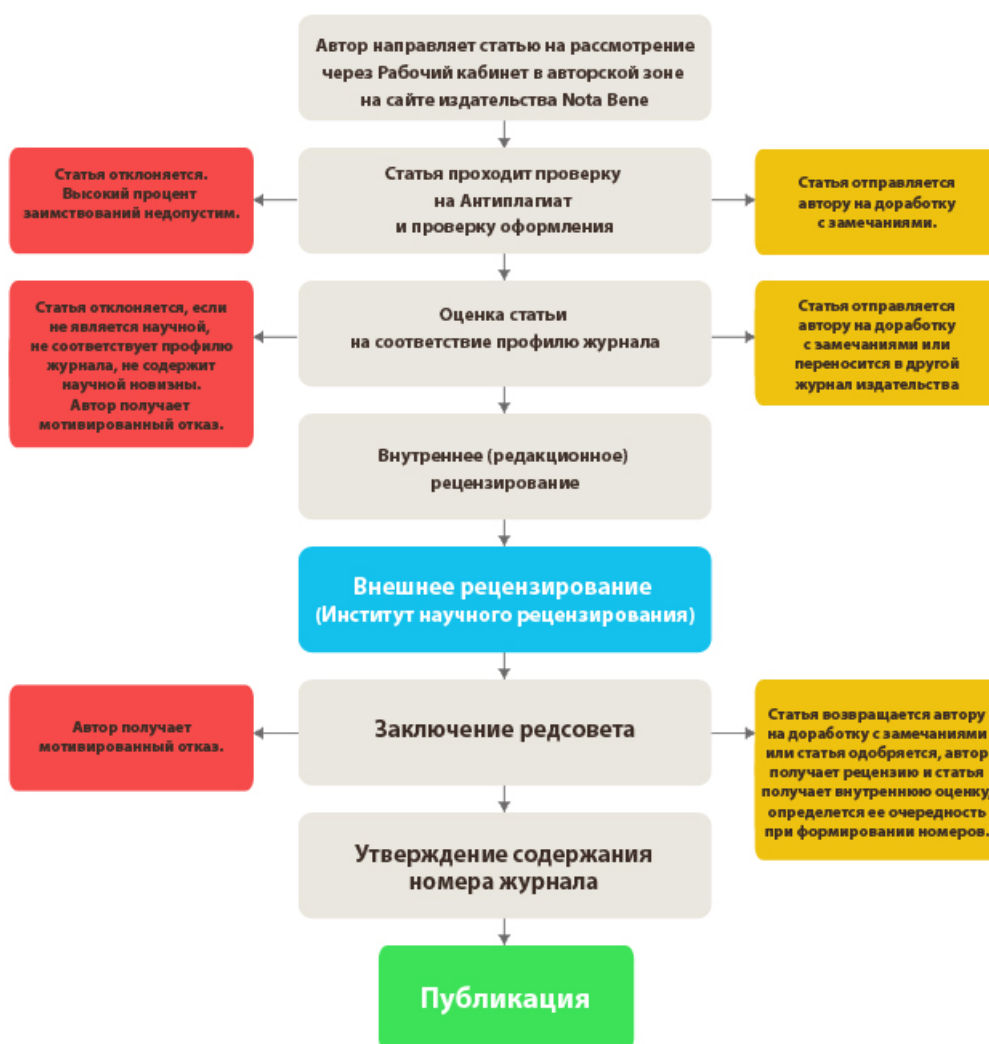
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Цю Ш. Гуманитарная помощь Китая как инструмент формирования позитивного имиджа на международной арене	1
Ли Н. Значение стратегического партнерства России и Китая в контексте американо-китайской торговой войны	15
Колосов А.А. Спорт как инструмент «мягкой силы» России в условиях международных ограничений	30
Яник А.А., Попова С.М. Подходы к управлению демографическим развитием в контексте достижения ЦУР: международный опыт	44
Ачонва Е. Вызовы миграционной политики в странах Западной Африки: противоречия между региональной интеграцией и национальными интересами (на примере Нигерии и Ганы)	69
Ванграуа В. В.Э. Роль Российской Федерации в обеспечении безопасности Буркина-Фасо на современном этапе	81
Карпухин М.К. Веапонизация мигрантов: кейс Турции	93
Камара С. Постколониальный этнополитический сепаратизм: концептуально-дискурсивный анализ	110
Чжан Ч. Международное сотрудничество стран БРИКС в области климатической адаптации сельского хозяйства	123
Чжао В. Южно-Китайское море и американо-китайское соперничество как взаимосвязанные факторы китайской дипломатии в отношении АСЕАН	134
Сюе В. Политико-практические аспекты международного сотрудничества Китая и стран Южного Кавказа в сфере возобновляемых источников энергии (2012–2025 гг.)	144
Мадрис Рито С. Латиноамериканская «мягкая сила» в действии: Бразилия и Чили как столпы ООНСГ (2004–2017)	166
Рыжов И.Г. Оценка влияния экологического фактора на развитие тяжелой промышленности в Российской Федерации	178
Баринов А.А. Проблема и перспектива мирного транзита власти в Демократической Республике Конго	196
Пичкхун П. Культурно-гуманитарный аспект камбоджийско-российских отношений	214
Ощепков Е.Р. Япония между Глобальным Севером и Глобальным Югом: приоритеты внешней политики Токио по регионам и уровню развития в 2013-2025 годах	232
Налбандян К.С. Отношения России и Турции на Южном Кавказе: управляемое соперничество как новая модель взаимодействия	267
Алмаметов А.Н., Загидулина Д.В. Государственная политика в области цифровой модернизации вооруженных сил России и стран Северо-Восточной Азии: сравнительный анализ	280
Гумбатов Н.Ф., Молокоедов Д.И. Военно-техническое сотрудничество между США, Японией и Филиппинами	294
Ориомоджор Д., Пищерская Е.Н., Шаренкова Т.А. Китайско-нигерийское	308

стратегическое взаимодействие в рамках инициативы «один пояс — один путь»:
вызовы и пути их преодоления

Ермолаев И.А. От "дипломатического чуда" к системному напряжению: современные вызовы Системе Договора об Антарктике	331
Цянь Ю. Гуманистический компонент глобальной и региональной политики Китая: ключевые концепции и стратегии	342
Краснова А.Е. Основные тенденции развития нефтяного сотрудничества России и Китая в условиях санкционного давления	358
Дубровский И.Р. От «информатизации» к «интеллектуализации»: трансформация военных концепций КНР в эпоху Си Цзиньпина	372
Кривова М.С., Подгусков В.Н. Американско-кубинская «разрядка» (2008-2016): смена вектора или пределы возможного?	384
Осудзи К. Структурная Перестройка и Воспроизводство Зависимости в Африке, 1980-1990-е годы	398
Сунь Е. Эволюция и текущее состояние системы государственного управления чрезвычайными ситуациями в Китайской Народной Республике	408
Англоязычные метаданные	420

Contents

Qiu S. China's humanitarian aid as a tool for creating a positive image in the international arena	1
Li N. The importance of the strategic partnership between Russia and China in the context of the US-China trade war	15
Kolosov A.A. Sport as an instrument of Russia's "soft power" under international restrictions	30
Yanik A.A., Popova S.M. Approaches to demographic development governance in the context of achieving the Sustainable Development Goals : international experience	44
Achonwa E. Challenges of Migration Policy in West African Countries: Contradictions Between Regional Integration and National Interests (The Case of Nigeria and Ghana)	69
Wangraoua W.E. The role of the Russian Federation in ensuring the security of Burkina Faso at the present stage.	81
Karpukhin M.K. Weaponization of migrants: the case of Turkey	93
Camara S. Postcolonial Ethnopolitical Separatism: Conceptual-Discursive Analysis	110
Zhang Z. International cooperation of BRICS countries in the field of climate adaptation in agriculture	123
Zhao W. The South China Sea and US-China rivalry as interconnected factors of Chinese diplomacy towards ASEAN	134
Xue W. Political and Practical Aspects of International Cooperation between China and the South Caucasus in the Field of Renewable Energy (2012–2025)	144
Madris Rito S. Latin American "soft power" in action: Brazil and Chile as pillars of UNASUR (2004–2017)	166
Ryzhov I.G. Assessment of the impact of environmental factors on the development of heavy industry in the Russian Federation	178
Barinov A.A. The problem and prospects of a peaceful transfer of power in the Democratic Republic of the Congo	196
Pichkhun P. Cultural and humanitarian aspects of Cambodian-Russian relations	214
Oshchepkov E.R. Japan between the Global North and the Global South: Tokyo's Foreign Policy Priorities by Region and Level of Development in 2013-2025	232
Nalbandyan K.S. Russia and Turkey's Relations in the South Caucasus: Managed Rivalry as a New Interaction Model	267
Almametov A.N., Zagidulina D.V. Comparative analysis of state policy in the field of digital modernization of the armed forces institution: the experience of East Asian countries and Russia	280
Gumbatov N.F., Molokoedov D.I. Military-technical cooperation between the USA, Japan, and the Philippines	294
Oriomojor J., Pishcherskaia E.N., Sharenkova T.A. China-Nigeria strategic alignment challenges and responses under the framework of the "Belt and Road" initiatives	308
Ermolaev I.A. From "diplomatic miracle" to systemic tension: modern challenges to the	331

Antarctic Treaty

Qian Y. The humanistic component of China's global and regional policy: key concepts and strategies	342
Krasnova A.E. The main trends in the development of oil cooperation between Russia and China in the context of sanctions pressure	358
Dubrovskiy I.R. From "Informatization" to "Intellectualization": The Transformation of China's Military Concepts in the Xi Jinping Era	372
Krivova M.S., Podguskov V.N. The American-Cuban "thaw" (2008-2016): a shift in vector or limits of the possible?	384
Osuji K. Structural adjustment and reproduction of dependency in African countries, 1980s–1990s.	398
Sun E. The evolution and current state of the national emergency management system in the People's Republic of China	408
Metadata in english	420

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Цю Ш. Гуманитарная помощь Китая как инструмент формирования позитивного имиджа на международной арене // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. С. 1-14. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76151 EDN: LHKTXS
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76151

Гуманитарная помощь Китая как инструмент формирования позитивного имиджа на международной арене

Цю Шуаншуан

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ shuan1299@mail.ru

[Статья из рубрики "Дипломатия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76151

EDN:

LHKTXS

Дата направления статьи в редакцию:

02-10-2025

Дата публикации:

09-10-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу гуманитарной помощи Китайской Народной Республики как инструменту формирования позитивного международного имиджа. Автор рассматривает эволюцию подходов Китая к гуманитарной деятельности за последние два десятилетия, начиная с ограниченного участия в ликвидации последствий природных катастроф и заканчивая расширением роли в условиях вооружённых конфликтов и глобальных эпидемий. В центре внимания находятся ключевые факторы, определяющие специфику китайской гуманитарной дипломатии: культурно-исторические традиции, государственно-центричный подход и стремление к сохранению принципов невмешательства и уважения суверенитета. Особое внимание уделяется взаимодействию Китая с международными организациями и странами Юго-Восточной

Азии, в том числе в период пандемии COVID-19, когда гуманитарная помощь использовалась не только для удовлетворения неотложных потребностей, но и для укрепления двусторонних связей. Таким образом, предмет исследования охватывает роль гуманитарной дипломатии в современной внешнеполитической стратегии КНР, её влияние на развитие мягкой силы и формирование доверия со стороны мирового сообщества. В исследовании применяются методы сравнительного анализа, историко-политического подхода и кейс-стади, что позволяет выявить особенности китайской гуманитарной дипломатии и проследить её трансформацию в международном контексте. Научная новизна статьи заключается в комплексном рассмотрении гуманитарной помощи КНР как системного инструмента внешней политики, а не только как реакции на кризисные ситуации. Автор выявляет, что в отличие от западных практик, основанных на многостороннем сотрудничестве и ведущей роли НПО, китайская модель акцентирует внимание на государственном участии и двусторонних каналах предоставления помощи. Сделан вывод, что гуманитарная помощь стала важным элементом «мягкой силы» Китая и тесно связана с инициативой «Один пояс, один путь», что позволяет Пекину укреплять политические и экономические позиции в странах Глобального Юга. При этом сохраняются вызовы – ограниченная прозрачность, осторожное отношение к негосударственным акторам и настороженность со стороны западных стран. Несмотря на это, опыт Китая в период пандемии COVID-19 продемонстрировал его способность быстро мобилизовать ресурсы и расширить спектр международного взаимодействия, что подтверждает возрастающее значение гуманитарной дипломатии в формировании позитивного имиджа КНР.

Ключевые слова:

К и т а й , гуманитарная помощь, гуманитарная дипломатия Китая, содействие международному развитию, Юго-Восточная Азия, Си Цзиньпин, COVID-19, международный имидж, АСЕАН, внешняя политика

Введение

В современном международном порядке гуманитарная помощь становится важным инструментом внешней политики государств, позволяя не только реагировать на кризисные ситуации, но и формировать собственный политический имидж. За последние два десятилетия Китайская Народная Республика (КНР) последовательно трансформировала свой подход к гуманитарной деятельности: от ограниченного участия в ликвидации последствий природных катастроф внутри страны — к активной вовлечённости в международные гуманитарные инициативы. С приходом к власти Си Цзиньпина китайское правительство проявляет все большую готовность участвовать в решении гуманитарных проблем, включая чрезвычайные ситуации, возникающие в условиях вооруженных конфликтов, несмотря на прежнюю осторожность Пекина в таких деликатных вопросах. Например, в 2017 г. председатель КНР Си Цзиньпин объявил о выделении 29 млн дол. США на помощь сирийским беженцам [\[1\]](#).

Кроме того, Китай усилил участие в международных гуманитарных инициативах, связанных с ликвидацией последствий стихийных бедствий. Так, в 2015 г. во время землетрясения в Непале китайские неправительственные организации впервые приняли участие в зарубежной гуманитарной миссии [\[2\]](#). В июле 2018 г., после разрушения плотины гидроэлектростанции в Лаосе, китайская военная медицинская команда

прибыла в зону бедствия спустя два дня после наводнения. В сентябре того же года, после землетрясения и цунами в Индонезии, китайские телекоммуникационные компании направили специалистов для восстановления поврежденной инфраструктуры [3]. Эти примеры демонстрируют расширение китайской помощи в случае стихийных бедствий, в которую вовлечены различные участники — от государственных органов и армии до неправительственных организаций и бизнеса. Особенно стала заметна роль негосударственных структур, которые стали не только поставщиками материальной помощи, но и полноценными партнерами в проведении гуманитарных операций на местах.

Целью исследования является выявление особенностей гуманитарной помощи Китая и определение её роли в формировании позитивного международного имиджа страны. В рамках этой цели анализируется, каким образом гуманитарная дипломатия КНР используется как элемент «мягкой силы» и средство продвижения внешнеполитических интересов, особенно в странах Глобального Юга и в контексте инициативы «Один пояс, один путь».

Проблематика, затронутая в настоящем исследовании, нашла свое частичное отражение в работах таких ученых, как О. Ричмонд, И. Теллидис [4], П. Ротманн [5], Р. Тхакур [6], Н. Вудс [7] и др., которые изучают особенности подхода Китая по сравнению с гуманитарной политикой ведущих развитых стран. Другое направление исследований вопросов внешней помощи КНР фокусируется на внутренних факторах, формирующих китайский взгляд на гуманитарные вопросы. В этом контексте особое значение придается культурным особенностям, историческому опыту и урокам, извлеченным из прошлого, особенно в связи со стихийными бедствиями. В этом направлении работали М. Хироно [8], П. Йофантонг [9], Л. Гонг [10] и др.

В исследовании применены методы системного и сравнительно-политического анализа, позволяющие рассмотреть гуманитарную помощь КНР как часть более широкой стратегии внешней политики. Использован метод кейс-стади для анализа конкретных примеров китайской гуманитарной активности — в частности, участия Китая в ликвидации последствий стихийных бедствий и в борьбе с пандемией COVID-19 в странах Юго-Восточной Азии.

Формирование имиджа во внешней политике Китая

Имидж государства играет ключевую роль в его международных отношениях, поскольку страны чаще стремятся взаимодействовать с теми, кто имеет позитивную репутацию. На протяжении последних сорока лет Китай прилагал усилия к формированию положительного имиджа на мировой арене, основной целью которого было создание внешних условий, благоприятных для внутреннего развития [11]. При этом подход Китая к достижению этой цели постепенно трансформировался в зависимости от его возможностей и изменяющегося статуса в мировой политике. В 1980-х и начале 1990-х гг., следуя принципам Дэн Сяопина о сдержанности и отказе от лидерских амбиций, Китай придерживался умеренного участия в международных делах, ограничиваясь скромным вкладом — примером может служить его участие в миротворческих миссиях ООН [12].

В начале 2000-х гг. Китай сосредоточился на преодолении негативного восприятия, вызванного «теорией китайской угрозы». Пекин стал активнее участвовать в международных и региональных делах, стараясь продемонстрировать, что его рост несет

выгоды не только для самой страны, но и для всего мира. Китайское руководство приняло концепцию «ответственной державы» и продвигало идею «мирного возвышения» [\[13\]](#). Одним из шагов в этом направлении стало решение не девальвировать юань в разгар азиатского финансового кризиса 1997 г., что восприняли как проявление ответственного поведения на международной арене [\[14\]](#). Количество китайских миротворцев в операциях ООН значительно возросло: с 52 в 2000 г. до более 1000 к 2005 году. Внешняя помощь стала еще одной сферой, в которой Китай демонстрировал свою вовлеченность — так, в 2005 г. он занял третье место среди крупнейших поставщиков продовольственной помощи [\[15\]](#).

Мировой финансовый кризис 2008 г. выявил уязвимость существующей финансово-экономической системы и предоставил Китаю шанс усилить свое влияние на глобальные процессы. Вместе с другими странами с развивающейся экономикой Китай начал продвигать идею реформирования международных финансовых институтов. В 2010 г. было достигнуто соглашение в рамках МВФ о перераспределении 6% голосов в пользу развивающихся стран, в результате чего Китай стал третьим по объему голосов членом организации [\[16\]](#). Хотя это не привело к кардинальному изменению структуры власти в МВФ, сам факт отражал усиливающееся влияние Китая и других растущих экономик.

Несмотря на успехи в продвижении образа ответственного и миролюбивого государства в 2000-х гг., Китай по-прежнему сталкивался с критикой — в частности, за свою позицию по кризису в Дарфуре, поддержке режима в Мьянме, усиленном стремлении к ресурсам и экологическим проблемам. Кроме того, растущая вовлеченность Китая в мировые дела, а также более жесткая риторика по вопросам принадлежности акватории и объектов в Южно-Китайское море, способствовали возникновению опасений по поводу «наступательной дипломатии» КНР [\[17\]](#).

Председатель КНР Си Цзиньпин придает большое значение формированию положительного международного образа Китая, что подтверждается его заявлениями о необходимости грамотно представлять китайскую историю на глобальной арене [\[18\]](#). В рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) можно выделить элементы, отражающие стремление Пекина учитывать, как страна воспринимается за рубежом. В частности, внимание уделяется таким аспектам, как устойчивое развитие, эффективное управление и развитие гуманитарных связей. Хотя Китай официально заявляет об отсутствии стремления к доминирующей роли в мире, формулировки вроде «китайское решение глобальных проблем» и описание ОПОП как «глобального общественного блага, предлагаемого Китаем» свидетельствуют о стремлении к более активному участию в международном управлении. Так, например, министр иностранных дел Китая Ван И в декабре 2018 г. на симпозиуме, посвященном международной обстановке и внешней политике Китая, подчеркнул, что ОПОП является «наиболее востребованным общественным благом и крупнейшей платформой для сотрудничества» [\[19\]](#).

Гуманитарная дипломатия в инструментарии внешней политике Китая

Гуманитарная деятельность рассматривается как эффективный инструмент, позволяющий государствам привлекать внимание международного сообщества и укреплять положительный образ за счет демонстрации высоких моральных и этических стандартов. В данной статье гуманитарная дипломатия понимается как усилия, направленные на расширение поддержки гуманитарных миссий, развитие программ помощи и установление необходимых партнерств для достижения гуманитарных целей.

Традиционно такую деятельность осуществляют международные гуманитарные организации, включая агентства ООН, Международный комитет Красного Креста (МККК) и крупные НПО, такие как «Врачи без границ» (MSF). Основу современной гуманитарной системы составляют ключевые принципы — гуманность, беспристрастность, нейтралитет и независимость. Именно их соблюдение обеспечивает легитимность гуманитарной деятельности. Однако участие государств в этой сфере вызывает определенные сомнения, поскольку дипломатия, как правило, служит продвижению национальных интересов, тогда как гуманитарные цели не всегда с ними совпадают [\[20\]](#). Гуманитарная помощь, оказываемая с расчетом на геополитические, экономические или политические выгоды, зачастую воспринимается неоднозначно.

С расширением участия в гуманитарной сфере стран, не относящихся к западному сообществу, взгляды на гуманитарную деятельность становятся все более разнообразными. Несмотря на распространенное мнение о том, что гуманитарные принципы универсальны, на практике государства расходятся в понимании того, кто должен оказывать помощь, какие мотивы и методы приемлемы, и какие последствия допустимы [\[21\]](#). И хотя гуманитарная деятельность должна исходить из альтруизма, в действительности за ней часто стоят смешанные мотивы. Также остается дискуссионным вопрос о роли государств в гуманитарной сфере. На Западе, под влиянием основополагающих гуманитарных принципов, предпочтение отдается негосударственным организациям, таким как МККК и MSF, в то время как в АТР государственные структуры и вооруженные силы рассматриваются как главные участники реагирования в чрезвычайных ситуациях [\[22\]](#).

Примеры таких разногласий можно наблюдать в случаях с циклоном «Наргис» в Мьянме в 2008 г. и гражданской войной в Ливии в 2011 году. После разрушительного циклона в Мьянме западные дипломаты и некоторые гуманитарные организации призывали к применению концепции «обязанность защищать» (Responsibility to Protect) для военного вмешательства и обеспечения гуманитарного доступа. Однако этому активно противостояли страны Юго-Восточной Азии и страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР), утверждая, что данный принцип не применим к природным катастрофам [\[23\]](#). В случае с Ливией государства, первоначально поддержавшие или не возражавшие против авиаударов НАТО, такие как Китай, Россия и Южная Африка, впоследствии подняли вопрос: оправдано ли свержение режима под предлогом гуманитарной интервенции, особенно учитывая ее последствия [\[24\]](#). Эти разногласия между странами свидетельствуют о конкуренции за право определять, каким должен быть легитимный подход к решению глобальных гуманитарных проблем. Такое идеологическое противостояние между государствами Коллективного Запада и Коллективного НеЗапада влияет на то, как воспринимается гуманитарная деятельность в конкретных ситуациях.

В китайском языке понятие гуманизма состоит из трех ключевых элементов: «жэнь» (человек), «дао» (естественный порядок или путь) и «чжуйи» (система идей или ценностей). Сам термин «гуманизм» изначально не был частью китайской философской традиции — он пришел в Китай с конца XIX до начала XX века, вместе с концепциями свободы, равенства и прав человека, в период, когда страна испытывала идеологическое и политическое влияние со стороны стран Запада. Тем не менее, гуманистические черты, такие как доброта, сочувствие, преданность и самоотверженность, давно присутствовали в традиционных китайских учениях, особенно в конфуцианстве и даосизме. Конфуцианская философия утверждает, что правитель должен ставить интересы народа выше собственных и заботиться не только о себе и

своей семье, но и об обществе в целом [\[25\]](#). Такое понимание морального долга перекликается с западным гуманизмом, акцентирующим внимание на облегчении страданий других.

Что касается субъектов гуманитарной деятельности, в китайском контексте государство традиционно считается основным актором. Еще в эпоху империй император, носивший титул «Сына Неба» (Тяньцзы), был обязан заботиться о благополучии народа, особенно в периоды природных катастроф. Это мышление продолжает влиять на современные подходы к ликвидации последствий стихийных бедствий в Китае. Несмотря на то, что после землетрясения в Сычуани в 2008 г. в стране начали развиваться неправительственные гуманитарные организации, система реагирования по-прежнему остается в значительной степени централизованной и завязанной на государственные структуры.

Такой государственно-центричный подход прослеживается и в международной гуманитарной политике Китая: основным каналом предоставления помощи остаются межправительственные связи. При этом на формирование китайской гуманитарной дипломатии оказывает влияние и исторический опыт. Китай последовательно позиционирует себя как представитель глобального Юга или страны третьего мира, подчеркивая важность согласия получающей стороны на оказание помощи и представляя себя не как благотворителя, а как равного партнера в деле развития.

Если говорить о реализации гуманитарной помощи как одного из инструментов дипломатии КНР, то стоит отметить, что Китай рассматривает гуманитарную помощь как вспомогательный инструмент внешней политики, использующийся для укрепления отношений с другими странами и международными организациями. Подход Пекина к гуманитарной дипломатии во многом определяется политическими соображениями: термины «гуманизм» и «гуманитарный» трактуются строго и применяются в основном в контексте чрезвычайных ситуаций, чтобы избежать политизации. Особенно настороженно Китай относится к понятию гуманитарной интервенции, исходя из своей принципиальной позиции невмешательства [\[26\]](#).

Гуманитарная помощь в китайских официальных документах долгое время ассоциировалась исключительно с природными катастрофами. Однако в 2014 г. Китай начал упоминать о помощи в условиях вооруженных конфликтов, таких как гражданская война в Сирии. Впоследствии содержание этого понятия расширилось сферой общественного здравоохранения: например, действия китайских медиков во время эпидемии Эболы в Западной Африке стали примером «гуманитарного вклада» страны [\[27\]](#).

Китай по-прежнему предпочитает оказывать помощь через межгосударственные каналы, в отличие от принятых в мире многосторонних моделей с участием ООН и НПО. Он настороженно относится к негосударственным гуманитарным организациям и настаивает на соблюдении ими принципов нейтралитета и неполитизированности гуманитарных проблем. Такая позиция была озвучена, в частности, при обсуждении ситуации с рохинджа, когда заместитель представителя Китая в ООН предупредил, что учреждениям ООН, таким как Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и Программа развития ООН (ПРООН), следует избегать политизации, а международному сообществу следует приложить больше усилий для искоренения нищеты и достижения стабильности и гармонии в пострадавших районах [\[28\]](#). Предпочтение двусторонней помощи может вызывать сомнения в ее беспристрастности. Но с точки зрения автора при

условии соответствия нуждам в пострадавшей стране помощь может способствовать укреплению политических связей и стабильности.

Китайский подход к гуманитарной деятельности в условиях конфликтов после окончания холодной войны основывается на тесной связи между развитием, безопасностью и миром. В таких ситуациях Китай делает упор не только на оказание срочной помощи, но и на поддержку долгосрочного восстановления: аннулирует долги, направляет медицинские команды, способствует восстановлению инфраструктуры и развитию потенциала в постконфликтных регионах. Например, в ответ на кризис в Сирии в 2017 г. Китай выделил по 1 млн долл. США для ВОЗ, Всемирной продовольственной программе (ВПП) и МККК, подписал соглашения на более чем 40 млн долл. США безвозмездной помощи и пообещал продолжить поддержку [\[29\]](#).

Хотя Китай подвергается критике за свою осторожную позицию в гуманитарной сфере, экономические интересы стали важным стимулом для его более активного участия. Увеличение китайских инвестиций за рубежом сделало страну более уязвимой перед внешними угрозами. Так, потери китайских компаний в Ливии в 2011 г. составили около 1,5 млрд долл. США всего за неделю. Эти риски были отражены в Белой книге по обороне КНР 2013 г. как значимый фактор внешней политики [\[30\]](#). Инициатива ОПОП также направлена на укрепление экономических связей и повышение устойчивости стран-партнеров, что, в свою очередь, делает Пекин более заинтересованным в стабилизации регионов и участии в решении гуманитарных кризисов, в том числе через поддержку проектов международных организаций в зонах конфликтов.

В последние годы Китай демонстрирует стремление активнее участвовать в решении гуманитарных проблем, создавая специальные фонды для финансирования гуманитарных и развивающих инициатив. Так, в 2015–2017 гг. Пекин выделил 3 млрд долл. США Фонду содействия сотрудничеству Юг–Юг (SSCAF) и еще 1 млрд долл. США Целевому фонду ООН для мира и развития на 10 лет, часть средств из которых направляется на помощь беженцам. Из-за ограниченного опыта реализации проектов на местах Китай предпочитает работать через структуры ООН, особенно в рамках проектов, финансируемых SSCAF. Например, в 2017 г., по данным Управления ООН по координации гуманитарных вопросов, Китай пожертвовал более 128 млн долл. США — около 1% от общего мирового объема гуманитарной помощи, что стало крупнейшим годовым взносом в его истории [\[10\]](#).

Целесообразно подчеркнуть, что китайская гуманитарная помощь в основном сосредоточена на чрезвычайных ситуациях природного характера — продовольственных кризисах, эпидемиях и стихийных бедствиях — и реже направляется на помощь в зонах вооруженных конфликтов. Это видно по распределению средств между учреждениями ООН: основными получателями выступают ВПП и ВОЗ, которые вместе получили около 90% китайских пожертвований в период с 2000 по 2020 годы [\[10\]](#). В то же время УВКБ получило за почти два десятилетия всего восемь взносов из Китая.

Гуманитарная дипломатия КНР в Юго-Восточной Азии в период пандемии COVID-19

Пандемия COVID-19, официально объявленная ВОЗ 12 марта 2020 г., оказала масштабное влияние на глобальное управление и мировой порядок. К январю 2025 г. было зарегистрировано более 777 млн случаев заболевания и свыше 7 млн летальных исходов [\[31\]](#). Экономические последствия оказались серьезными: по оценкам МВФ, из-за локдауна 2020 г. мировая экономика сократилась на 4,9%, а в развитых странах — в

среднем на 8% [\[32\]](#). Пандемия также обострила существующие социальные проблемы, включая неравенство, безработицу и изоляцию, усилив угрозы социальной нестабильности. В условиях стремительно растущих гуманитарных потребностей ООН запустила Глобальный план гуманитарного реагирования на сумму 10,3 млрд долл. США. На этом фоне активизировалась международная помощь, в том числе со стороны Китая, который направил медикаменты, медицинский персонал и финансовую поддержку более чем в 150 стран и сделал вакцины доступными в качестве глобального общественного блага [\[33\]](#).

В период пандемии COVID-19 Юго-Восточная Азия стала одним из ключевых направлений китайской гуманитарной дипломатии. Китай, обладающий опытом оказания медицинской помощи странам с уязвимыми системами здравоохранения, быстро отреагировал на нужды региона в первые месяцы кризиса — особенно в марте и апреле 2020 года. Помимо поставок медикаментов, Китай направил медицинские бригады в Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму и на Филиппины. Камбоджа стала первой страной региона, принявшей китайских военных медиков, что, по утверждению министра иностранных дел Китая, было актом благодарности за поддержку Пекина со стороны Камбоджи в начале пандемии [\[34\]](#).

В ответ на рост числа заболевших на Филиппинах Китай направил медицинскую команду и несколько партий необходимых препаратов, а также оказал технологическую помощь в создании лаборатории для тестирования. В Индонезии Китай не только предоставил срочную помощь, но и инициировал онлайн-обмены между медицинскими специалистами и содействовал партнерству компаний Bio Farma и Sinovac для производства вакцин. Такое сотрудничество укрепило двусторонние отношения, что подчеркивали представители обеих сторон [\[35\]](#).

Кроме того, взаимодействие в условиях пандемии охватило и военную сферу. В Камбодже, Лаосе и Мьянме медицинские специалисты из состава китайской армии участвовали в оказании помощи, включая строительство лабораторий и обучение местных специалистов. В Мьянме китайскую поддержку называли проявлением братских отношений, а в Индонезии — знаком дружбы и доверия [\[36\]](#). В целом, пандемия стала важным стимулом для расширения гуманитарного и военного сотрудничества Китая с государствами — членами АСЕАН.

Уроки, извлеченные Китаем из эпидемии SARS в 2003 г., способствовали его быстрой реакции на вспышку COVID-19 и активному взаимодействию с соседями в Юго-Восточной Азии. Уже в феврале 2020 г. на Специальной встрече министров иностранных дел АСЕАН и Китая Пекин получил политическую поддержку как страна, первой столкнувшаяся с новым вирусом [\[37\]](#). В дальнейшем сотрудничество продолжилось в рамках Специального саммита АСЕАН и встречи формата «АСЕАН плюс три» в апреле, где обсуждались совместные антикризисные меры, включая создание регионального фонда по борьбе с COVID-19 и использование резерва риса [\[38\]](#). Были подтверждены важность роли ВОЗ и необходимость координации усилий в борьбе с инфекционными заболеваниями. Платформы АСЕАН сыграли ключевую роль в выработке регионального подхода к пандемии, который стал частью более широкого международного диалога.

Пандемия стала возможностью для Китая активизировать гуманитарную деятельность, особенно в условиях, когда традиционные доноры сосредоточились на внутренних проблемах, а глобальная гуманитарная система оказалась перегруженной. Страны Юго-Восточной Азии, как и Китай, выбрали ориентированный на государство подход к борьбе

с вирусом, что облегчило двустороннее взаимодействие. Общий опыт борьбы с SARS сформировал у региона и Китая понимание важности сотрудничества в сфере здравоохранения, что способствовало оперативному налаживанию связей.

Заключение

Гуманитарная помощь становится все более значимым инструментом внешнеполитической стратегии Китая, позволяя Пекину не только продемонстрировать свою готовность участвовать в решении глобальных проблем, но и формировать положительный международный имидж ответственной державы. Несмотря на традиционно осторожное отношение Китая к вопросам гуманитарного вмешательства и акцент на принципе невмешательства, за последние десятилетия наблюдается качественный сдвиг в его подходе — от ограниченного реагирования на природные катастрофы к более активному участию в сложных кризисных ситуациях, включая вооруженные конфликты и эпидемии.

Особенности китайской гуманитарной дипломатии обусловлены историческим и культурным контекстом, в котором государство воспринимается как основной актор помощи, а также стремлением сохранять политический нейтралитет и уважение к суверенитету стран-реципиентов. Китай использует гуманитарные инициативы как средство укрепления двусторонних связей, повышения доверия и продвижения собственных моделей развития, особенно в странах Глобального Юга. При этом заметно, что гуманитарная помощь КНР тесно связана с ее экономическими интересами и инициативой «Один пояс, один путь», что нередко вызывает критику со стороны стран Коллективного Запада.

Опыт гуманитарного реагирования во время пандемии COVID-19 продемонстрировал способность Китая оперативно мобилизовать ресурсы и расширить сферу сотрудничества, включая взаимодействие по линии вооруженных сил в гуманитарных целях и поддержку общественного здравоохранения. В целом, гуманитарная помощь становится для Китая неотъемлемой частью «мягкой силы» и механизмом укрепления своего международного авторитета. Ее эффективность как инструмента формирования позитивного имиджа во многом зависит от способности Пекина сочетать внешнеполитические интересы с искренним стремлением к решению гуманитарных проблем.

Библиография

1. China to continue relief aid to alleviate Syrian people's suffering: Envoy // Xinhua. 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-10/31/c_136716070.htm (дата обращения: 13.07.2025).
2. Chen L. Chinese foundations and NGOs cross border to aid Nepal // The Asia Foundation. 2015. URL: <https://asiafoundation.org/2015/06/10/chinese-foundations-and-ngos-cross-border-to-aid-nepal/> (дата обращения: 13.07.2025).
3. Gong L. Southeast Asia-China cooperation in disaster management in post-Covid era // RSIS Policy Report. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies, 2020. 12 с.
4. Richmond O.P., Tellidis I. Emerging actors in international peacebuilding and statebuilding: Status quo or critical states? // Global Governance. 2014. Vol. 20, no. 4. С. 563-584.
5. Rotmann P., Kurtz G., Brockmeier S. Major powers and the contested evolution of a responsibility to protect // Conflict, Security & Development. 2014. Vol. 14, no. 4. С. 355-377.
6. Thakur R. R2P after Libya and Syria: Engaging emerging powers // The Washington

Quarterly. 2013. Vol. 36, no. 2. С. 61-76.

7. Woods N. Whose aid? Whose influence? China, emerging donors and the silent revolution in development assistance // International Affairs. 2008. Vol. 84, no. 6. С. 1205-1221.

8. Hirono M. Impact of China's decision-making processes on international cooperation: cases of peace keeping and humanitarian assistance/disaster relief // Australian Journal of International Affairs. 2020. Vol. 74, no. 1. С. 54-71.

9. Yeophantong P. China and disaster governance: Assessing the domestic sources of a global responsibility // Journal of Chinese Political Science. 2016. Vol. 21, no. 2. С. 241-255.

10. Gong L. Humanitarian diplomacy as an instrument for China's image-building // Asian Journal of Comparative Politics. 2021. Vol. 6, no. 3. С. 238-252. DOI:

10.1177/20578911211019257 EDN: ILYXDO

11. Калашников Д.Б. Китайская помощь развитию: официальные и истинные цели // Мировое и национальное хозяйство. 2021. № 4. С. 50-57. EDN: EADCLB

12. Сутырин В. Трансформация политики США, ЕС и КНР в области содействия развитию на фоне междержавного соперничества // Международные процессы. 2024. Т. 21. № 4. С. 53-82.

13. Виноградов А.В. Китайский проект для большой Евразии // Международные процессы. 2021. Т. 19, no. 2. С. 6-20. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.2 EDN: PXZFKS

14. Ломанов А.В. Общечеловеческий Китай и абстрактный Запад // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 2 (132). С. 207-226. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-2-207-226 EDN: HWCDDN

15. Шэннань С. Стратегия Китая по борьбе с бедностью и ее глобальное значение // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27. № 7. С. 87-93. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-7-87-93 EDN: AQLNAX

16. IMF survey: IMF board approves far-reaching governance reforms // International Monetary Fund (IMF). 2010. URL:

<https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sonew110510b> (дата обращения: 13.07.2025).

17. Zhou F. Between assertiveness and self-restraint: Understanding China's South China Sea policy // International Affairs. 2016. Vol. 92, no. 4. С. 869-890.

18. Xi Jinping. Build a socialist cultural great power and strive to strengthen national cultural soft power // Xinhua. 2013. URL: http://www.xinhuanet.com//politics/2013-12/31/c_118788013.htm (дата обращения: 13.07.2025).

19. Wang Yi. The joint undertaking of the belt and road initiative (BRI) enters a new phase // Ministry of Foreign Affairs. 11 декабря 2018. URL:

https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1621547 (дата обращения: 13.07.2025).

20. Богатырева О. Гуманитарная дипломатия. Современные концепции и подходы // Международные процессы. 2022. Т. 20, no. 1. С. 166-191. DOI:

10.17994/IT.2022.20.1.68.4 EDN: PKIRFL

21. O'Hagan J., Hirono M. Fragmentation of the international humanitarian order? Understanding "cultures of humanitarianism" in East Asia // Ethics & International Affairs. 2014. Vol. 28, no. 4. С. 409-424.

22. Simm G. Disaster militarism? Military humanitarian assistance and disaster relief // Max Planck Year book of United Nations Law Online. 2019. Vol. 22, no. 1. С. 347-375.

23. Junk J. Testing boundaries: Cyclone Nargis in Myanmar and the scope of R2P // Global Society. 2016. Vol. 30, no. 1. С. 78-93.

24. Зонова Т.В. Дипломатия принуждения. Казус Ливии // Международные процессы. 2017. Т. 15, no. 1. С. 35-48. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.4 EDN: YMGQCV

25. Калашников Д.Б. Китай как донор помощи промышленному развитию стран Юга: значение для постиндустриализации его экономики // Контурь глобальных

- трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 2. С. 195-213. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-11 EDN: OTMQOR
26. Liu T. Chinese strategic culture and the use of force: Moral and political perspectives // Journal of Contemporary China. 2020. Vol. 23, no. 87. С. 556-574.
27. China's foreign aid // State Council of China. 2014. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986592.htm (дата обращения: 13.07.2025).
28. Seah S., Hoang T.H., Martinus M. et al. The state of Southeast Asia: 2021 survey report. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2021. С. 20-57.
29. China to continue relief aid to alleviate Syrian people's suffering: Envoy // Xinhua. 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-10/31/c_136716070.htm (дата обращения: 13.07.2025).
30. 年中华人民共和国国防白皮书 [Белая книга по национальной обороне Китая. 2013 г.] // 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL: <http://www.doczj.com/doc/94cdd33c9b6648d7c1c74670-22.html> (дата обращения: 13.07.2025).
31. COVID-19 – Global Situation // WHO. 28 мая 2025. URL: <https://www.who.int/emergencies/disease-outbreak-news/item/2025-DON572> (дата обращения: 13.07.2025).
32. World economic outlook update, June 2020: A crisis like no other, an uncertain recovery // International Monetary Fund (IMF). 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdateJune2020> (дата обращения: 13.07.2025).
33. Fighting COVID-19: China in action // Government of China. 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-06/07/c_139120424.htm (дата обращения: 13.07.2025).
34. China calls for stronger ties with Cambodia after COVID-19 pandemic: FMI // Xinhua. 2020. URL: http://www.china.org.cn/world/Off_the_Wire/2020-04/28/content_75985886.htm (дата обращения: 13.07.2025).
35. Ambassador Xiao Qian attends the handover ceremony of medical supplies to Indonesia Donated by Chinese Ministry of National Defense // Embassy of China in Indonesia. 2020. URL: <http://id.china-embassy.org/eng/sgdt/t1778976.htm> (дата обращения: 13.07.2025).
36. China's medical expert team arrives in Myanmar // Embassy of China in Myanmar. 2020. URL: <http://mm.china-embassy.org/eng/sgxw/t1767429.htm> (дата обращения: 13.07.2025).
37. Statement of the Special ASEAN-China Foreign Ministers' Meeting on the corona virus disease 2019 (COVID-19) // ASEAN-China. 20 февраля 2020. URL: <https://asean.org/statement-special-asean-china-foreign-ministers-meeting-coronavirus-disease-2019-covid-19/> (дата обращения: 13.07.2025).
38. Joint Statement of the Special ASEAN Plus Three Summit on Coronavirus Disease 2019 (COVID-2019) // ASEAN Plus Three. 14 апреля 2020. URL: <https://asean.org/storage/2020/04/Final-Joint-Statement-of-the-Special-APT-Summit-on-COVID-19.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является эволюция и специфика гуманитарной дипломатии

Китайской Народной Республики (далее – КНР) как инструмента «мягкой силы» и формирования позитивного международного имиджа. Автор прослеживает трансформацию подхода Пекина от сдержанного участия в глобальных гуманитарных вопросах к более активной роли, особенно в контексте инициативы «Один пояс, один путь» и в период пандемии COVID-19. Статья фокусируется на мотивах, особенностях и эффективности этой деятельности.

Методологическая основа статьи носит преимущественно дескриптивный (описательный) и аналитический характер. Автор разбирает конкретные примеры гуманитарных акций Китая: помощь Сирии (2017), ликвидация последствий землетрясения в Непале (2015), наводнения в Лаосе (2018), цунами в Индонезии (2018), реакцию на пандемию COVID-19. К недостаткам следует отнести отсутствие отдельного методологического раздела с указанием конкретных методов.

Актуальность темы аргументирована автором. В условиях растущей геополитической конкуренции и «битвы нарративов» инструменты «мягкой силы», такие как гуманитарная дипломатия, приобретают ключевое значение. Изучение подхода Китая, как восходящей сверхдержавы, бросающей вызов устоявшимся нормам глобального управления, важно для понимания современных международных отношений. Фокус на стратегически важном регионе Юго-Восточной Азии делает исследование своевременным и востребованным.

Научная новизна статьи заключается в комплексном рассмотрении гуманитарной помощи Китая как инструмента формирования имиджа. Автор не просто перечисляет факты помощи, но и увязывает их с эволюцией внешнеполитической доктрины КНР («мирное возвышение», «ответственная держава», «один пояс, один путь»). Особенно ценным представляется анализ противоречивых результатов этой деятельности: несмотря на значительные объемы помощи, Китаю не всегда удается конвертировать ее в рост доверия и улучшение имиджа из-за других аспектов своей политики.

Стиль статьи в целом соответствует общепринятым научным требованиям, однако присутствуют стилистические неточности и повторы. Структура работы логична, содержание насыщено фактическим материалом и ссылками на источники. Однако введение, а также постановка цели исследования, могли бы быть сформулированы более четко и конкретно.

Список литературы обширен и в целом соответствует теме статьи. Автор использует широкий спектр источников: от официальных заявлений китайских властей и документов международных организаций до академических публикаций западных и азиатских авторов. Присутствуют работы на русском языке. Однако можно отметить некоторый перекос в сторону англоязычной литературы и официальных китайских источников. Кроме того, лишь незначительная часть источников относится к периоду 2021-2025 гг., что не дает возможность выявить современное состояние рассматриваемой темы.

Автор косвенно учитывает взгляды потенциальных оппонентов. В тексте признается, что гуманитарная помощь Китая часто подвергается критике за непрозрачность, связь с экономическими и политическими интересами, подходы, противоречащие западным гуманитарным принципам. Тем не менее, следовало бы более системно и четко ответить на ключевые контраргументы.

Выводы статьи логично вытекают из проведенного анализа: гуманитарная помощь стала важным компонентом «мягкой силы» Китая; ее специфика обусловлена историко-культурными факторами и принципом невмешательства; ее эффективность в формировании имиджа носит двойственный и ограниченный характер. Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Конфликтология». Исследование предлагает ценный материал для понимания того, как одна из ведущих мировых держав использует невоенные средства для продвижения своих интересов и формирования благоприятной внешней среды, что является одним из центральных

вопросов современной конфликтологии.

Статья представляет собой актуальное исследование, вносящее вклад в изучение внешней политики Китая и современных инструментов «мягкой силы». После устранения указанных недостатков статья может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Гуманитарная помощь Китая как инструмент формирования позитивного имиджа на международной арене» представляет собой междисциплинарное исследование одного из направлений внешнеполитической активности КНР последних 30 лет, а именно использования инструментария гуманитарной помощи в рамках концепции «мягкой силы». Работа таким образом сочетает обращение к динамике внешнеполитического курса КНР последнего времени (в достаточно широком международном контексте) с исследованием национальной специфики решения гуманитарных вопросов, историей конкретных гуманитарных кейсов, региональных конфликтов, культурно-философской специфики китайского политического дискурса, китайская специфика в реализации подходов "мягкой силы", имиджевые стратегии и т.д. Особое внимание автор обращает на гуманитарную деятельность КНР в период пандемии 2020-2021 гг. (этому периоду посвящен отдельный раздел), также в работе затрагиваются события в Ливии, Сирии, Юго-Восточной Азии и т.д. Автор рассматривает гуманитарную помощь КНР (и цели, достигаемые посредством эти мероприятий) в рамках общей динамики китайской внешней политики, поэтому точкой отсчета здесь является начало XXI века, когда КНР перешла от относительной «сдержанности в международных дел» к более активной и разнообразной по методом стратегии. Следует отметить, что статья в целом представляет именно китайский, т.е. комплиментарный и практически беспроblemный взгляд на заявленную автором сферу внешнеполитической активности КНР. Автор указывает на существующий корпус тестов по теме исследования, но воздерживается от его анализа, в самом же авторском тексте, основанном на правительственных документах и материалах китайских СМИ, акцент делается на успешности, искренности и гармоничности китайских подходов в указанной сфере: «В целом, гуманитарная помощь становится для Китая неотъемлемой частью «мягкой силы» и механизмом укрепления своего международного авторитета. Ее эффективность как инструмента формирования позитивного имиджа во многом зависит от способности Пекина сочетать внешнеполитические интересы с искренним стремлением к решению гуманитарных проблем»; подчеркиваются связи современной гуманитарной деятельности с традиционным китайским пониманием гуманизма, конфуцианской философией и др., приводятся цитаты из выступлений председателя КНР Си Цзиньпина. С одной стороны, подобные оценки очевидно страдают однобокостью и могут служить поводом для дальнейшей дискуссии, с другой стороны рецензируемый текст помогает составить представление о том, как именно китайские власти хотели бы видеть гуманитарную составляющую своей внешнеполитической активности, а соответственно обогащает

понимание сторонним исследователем идейных и практических составляющих гуманитарной деятельности КНР. В такой двойственной роли рецензируемый текст, на наш взгляд, представляет интерес для читательской аудитории и рекомендуется к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ли Н. Значение стратегического партнерства России и Китая в контексте американо-китайской торговой войны // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. С. 15-29. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76167 EDN: LHSUTN
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76167

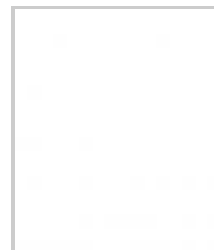
Значение стратегического партнерства России и Китая в контексте американо-китайской торговой войны

Ли Нин

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ li_nin95@yahoo.com

[Статья из рубрики "Конфликты в международных экономических отношениях"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76167

EDN:

LHSUTN

Дата направления статьи в редакцию:

02-10-2025

Дата публикации:

09-10-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию стратегической конкуренции между Соединёнными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой, проявившейся в форме торговой войны, начавшейся в 2018 году. Рассматриваются ключевые этапы эскалации торговых конфликтов, введение тарифных и нетарифных мер, а также санкционные ограничения, направленные на сдерживание технологического развития Китая. Особое внимание уделено влиянию протекционистской политики США на международные торговые отношения, процессы глобализации и формирование новой мировой архитектуры. Анализируется переход от взаимозависимости к концепции «декаплинга» – экономического разрыва между двумя ведущими державами, что отражает тенденцию к формированию новой биполярности. В работе также рассматривается роль России как стратегического партнёра Китая и фактор устойчивости

в условиях нарастающей конфронтации между Вашингтоном и Пекином. В исследовании применяются методы системного, сравнительного и структурно-функционального анализа, а также историко-политический подход, позволяющий рассмотреть динамику торгового противостояния в контексте глобальных трансформаций международной системы. Научная новизна данной работы заключается в комплексном рассмотрении торговой войны США и Китая как составной части более широкой стратегии геэкономического и технологического сдерживания, что позволяет оценить её влияние не только на двусторонние отношения, но и на трансформацию мировой политической и экономической системы. Показано, что торговое противостояние стало важнейшим элементом перехода к новому мировому порядку, основанному на биполярности и соперничестве глобальных центров силы. Выявлена роль России как ключевого партнёра Китая, обеспечивающего баланс интересов и формирующего альтернативные механизмы международного сотрудничества. Доказана значительная роль стратегического партнерства как института минимизации рисков стратегической конкуренции с США. Сделан вывод, что дальнейшее развитие китайско-американской конкуренции будет определять структуру международных отношений и характер глобальной безопасности в XXI веке.

Ключевые слова:

торговая война, стратегическая конкуренция, США, Китай, Россия, декаплинг, многополярность, санкции, экономическая безопасность, мировой порядок

Введение

Современные международные отношения характеризуются нарастанием стратегической конкуренции между ведущими мировыми державами, прежде всего между Соединёнными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой. В экономической сфере это противостояние приобрело форму торговой войны, которая стала не просто спором о тарифах и торговом балансе, а инструментом геополитического сдерживания и технологической изоляции. Усиление санкционного давления, ограничение доступа к передовым технологиям и формирование протекционистских коалиций отражают переход мировой системы от глобализации к новой биполярности и процессу «декаплинга» — разрыва экономических связей между крупнейшими центрами силы.

Проблема исследования заключается в том, что торговая война США и Китая стала проявлением более глубокого и системного процесса — трансформации мировой экономической и политической архитектуры, сопровождающейся перераспределением сфер влияния и формированием новых альянсов. Это противостояние затрагивает не только двусторонние отношения между Вашингтоном и Пекином, но и интересы других государств, включая Россию, которая оказывается значимым фактором в становлении нового мирового порядка.

Целью данной статьи является анализ стратегической конкуренции США и Китая в экономической сфере, выявление ключевых этапов и инструментов торговой войны, а также определение роли России в контексте этого противостояния. Исследование направлено на понимание того, как торговая война отражает глобальные тенденции формирования многополярного мира и какие последствия она имеет для международной стабильности и мировой экономики.

Проявления стратегической конкуренции США и КНР в экономической сфере

Торговое противостояние между США и Китаем включало широкий комплекс мер, направленных на сдерживание технологического и экономического роста КНР. Основными инструментами стали повышение тарифов и ограничение доступа китайских товаров на международные рынки. В этот процесс были вовлечены и союзники США, которые поддерживали протекционистские инициативы, ограничивавшие Китаю доступ к современным технологиям и ключевым мировым рынкам.

Эксперты Института международной экономики Петерсона выделили шесть основных направлений («битв») торговой войны:

1. Солнечные панели и стиральные машины, наносящие ущерб американской промышленности;
2. Импорт стали и алюминия как угроза национальной безопасности США;
3. Недобросовестные методы торговли технологиями и нарушений прав интеллектуальной собственности;
4. Импорт автомобилей как потенциальная угроза безопасности;
5. Проблема незаконной миграции из Мексики;
6. Борьба за лидерство США в сфере производства полупроводников [\[1\]](#).

22 января 2018 года, опираясь на решение Комиссии по международной торговле, президент Д. Трамп утвердил тарифы на импорт солнечных панелей (на сумму 8,5 млрд долл.) и стиральных машин (1,8 млрд долл.), что стало отправной точкой торговой войны между США и КНР. Правовой основой этого шага послужил раздел 201 Закона о торговле 1974 года, который ранее применялся лишь 19 раз [\[2\]](#). В ответ Китай ограничил импорт американской сои, что нанесло удар по аграрному сектору США: в 2018 году на долю Китая приходилось 19% (3,36 млрд долл.) всего экспорта сои, составлявшего 1,14% от общего объема экспорта страны [\[3\]](#). Вскоре Южная Корея и Китай подали жалобы в ВТО, обвиняя США в незаконном введении тарифов на солнечные панели.

После прихода к власти Дж. Байден в 2022 году сначала продлил действие тарифов, но позднее временно их приостановил, разрешив импорт солнечных панелей из стран Юго-Восточной Азии, что фактически открыло путь для параллельных поставок китайской продукции.

1 марта 2018 года, после расследования Министерства торговли, подтвердившего угрозу национальной безопасности из-за импорта стали и алюминия, Трамп объявил о введении 10% тарифов на алюминий и 25% на сталь. Эти меры затронули не только Китай, но и других крупных торговых партнеров США [\[4\]](#). Уже 2 апреля Китай ответил зеркально, введя пошлины на американскую сталь, алюминий, фрукты, орехи, сою и свинину на сумму 2,4 млрд долл. Вслед за этим аналогичные ответные меры приняли страны ЕС и Канада, также пострадавшие от американских тарифов. Впоследствии Китай, Канада, ЕС, Мексика и Турция обратились в ВТО с жалобами, и в 2022 году организация признала действия США необоснованными и противоречащими международным нормам.

Одним из ключевых направлений торгового конфликта стало ограничение доступа Китая к передовым технологиям и объектам интеллектуальной собственности. После проведенного расследования США ввели 25% пошлины на китайские товары общей

стоимостью 50 млрд долл. и обратились в ВТО с иском о нарушении прав интеллектуальной собственности. Параллельно Вашингтон ввёл санкции против крупнейших китайских производителей оборудования для 5G — компаний ZTE и Huawei.

8 марта 2016 года компания ZTE была включена в список ограничений в рамках Положения об экспортном контроле США, куда также попали её материнская структура и дочерние предприятия. Через год американские власти наложили на ZTE штраф в размере 1,19 млрд долларов за нарушение санкционного режима, связанного с передачей технологий Ирану и Северной Корее. В 2018 году, после длительных переговоров на межгосударственном уровне, санкции были сняты, однако сумма штрафа увеличилась до 1,4 млрд долларов [\[5\]](#).

В 2019 году под санкции попала другая китайская корпорация — Huawei, которой ограничили доступ к американским технологиям и рынкам. В течение 2019–2020 годов США расширили ограничения, распространив их на руководство компании и на поставки оборудования Huawei от иностранных компаний, использующих американские компоненты, что придало санкциям глобальный характер.

В ответ Китай ввёл асимметричные тарифы в 25% на импорт американской сельскохозяйственной продукции и автомобилей, реагируя на технологические ограничения. В этот период торговое противостояние достигло пика: стороны обменялись новыми пошлинами — на 10–20%, затронувшими 200 млрд долларов китайского экспорта и 60 млрд долларов американского [\[6\]](#). После нескольких раундов переговоров, продолжавшихся до января 2020 года, США и КНР договорились о поэтапном снижении тарифов и восстановлении торгового баланса, однако пандемия COVID-19 не позволила полностью реализовать эти договорённости.

Заключительным эпизодом торговой войны стали санкции против компании SMIC, крупнейшего производителя полупроводников в Китае. США ограничили её доступ к программному обеспечению и оборудованию, необходимому для производства микрочипов. Одновременно Вашингтон активизировал усилия по развитию собственной полупроводниковой индустрии, в том числе через сотрудничество с тайваньской TSMC, сопровождавшееся усилением политической поддержки Тайваня и визитом Нэнси Пелоси на остров [\[7\]](#).

Бывший министр обороны РФ С.К. Шойгу на IX Московской конференции по международной безопасности (2021 г.) отметил появление новых глобальных коалиций, которые фактически разделяют мир на «своих» и «чужих». Это указывает на формирование новой формы биполярности, напоминающей эпоху «холодной войны», но с иными характеристиками [\[8\]](#). Исследователи Д.А. Дегтерев, М.С. Рамич и А.В. Цвык подчёркивают, что современное соперничество затрагивает политическую, экономическую, технологическую, военную и идеологическую сферы, что приводит к разделению мировых зон влияния. Особое место в этом процессе занимают государства Глобального Юга, ранее называвшиеся странами «Третьего мира» [\[9\]](#).

Термин «декаплинг» (decoupling) — «разрыв экономических связей» — отражает эту тенденцию и символизирует ускоренное разделение мира на два лагеря: «Коллективный Запад» (во главе с США и НАТО) и «Коллективный НеЗапад» (ориентированный на ШОС и БРИКС) [\[10\]](#). Для России этот процесс начался после введения санкций в 2014 году и окончательно закрепился после 2022 года. В Китае активная фаза декаплинга началась в 2019–2020 годах, когда США стали ограничивать двустороннее экономическое

взаимодействие.

Наиболее ярко разрыв проявился в технологической сфере, где Запад запустил программу «Clean Network Initiative», направленную на ограничение сотрудничества с китайскими телекоммуникационными компаниями. Однако эти процессы одновременно открыли новые возможности для Китая и России — в частности, для расширения их рынков после ухода западных транснациональных корпораций [\[11\]](#).

Процесс декаплинга затронул не только экономические отношения, но и международные институты. Согласно анализу, опубликованному в журнале «International Organization», происходит фрагментация глобальных организаций и формирование конкурирующих альянсов — западных, китайских и российских [\[12\]](#).

Глобальные вызовы и угрозы стратегической конкуренции США и КНР

Возникновение нового мирового порядка привело к значительному росту напряженности в международных отношениях и сфере безопасности, что способствует осознанной дестабилизации глобальной системы. Это направлено на ослабление государств и подчинение их институтам силам, извлекающим выгоду из процессов глобализации. Такое развитие событий представляет серьезную угрозу для стран, стремящихся сохранить свою самобытность, независимость и суверенитет. В результате возникают новые вызовы, которые способствуют сближению России и Китая.

Многие из этих вызовов связаны с агрессивной стратегией США по отношению к России и Китаю, носят долгосрочный характер и нацелены на восстановление утраченного военного превосходства. Рост военной мощи Москвы и Пекина, а также их влияние на мировую политику вынудили США объявить их своими главными геополитическими противниками. Вашингтон рассматривает противостояние с ними как приоритет национальной безопасности и оборонной политики, уделяя особое внимание военным аспектам. Американская стратегия направлена на укрепление технологического превосходства, наращивание военного присутствия у границ России и Китая, создание антироссийских и антикитайских союзов в Европе и Азии, а также на активизацию гонки вооружений, включая такие сферы, как космос и киберпространство [\[13\]](#).

Следствием такой политики является рост военной напряженности на границах России с НАТО и Китая с союзниками США в Азии. Альянс НАТО вновь возвращается к политике сдерживания Москвы, расширяя свою инфраструктуру и принимая новых членов. Одним из ключевых изменений в стратегическом ландшафте стало размывание границ между ядерными и высокоточными неядерными вооружениями, что увеличивает риск эскалации конфликтов.

В таких условиях случайное военное столкновение России и НАТО или Китая и США может перерасти в ядерный конфликт. Этот риск усиливается снижением порога применения ядерного оружия США и растущими трудностями контроля над эскалацией.

Кроме того, экономическое противостояние между США и Китаем, выраженное в торговых войнах и санкциях, способствует дестабилизации мировой экономики. Оба государства развивают механизмы экономического давления на другие страны, вынуждая их корректировать свою политику, как это произошло с Южной Кореей в 2016–2017 годах и Австралией в 2020 году.

Наихудший сценарий предполагает разделение мира и Азиатско-Тихоокеанского региона на два противоборствующих лагеря – вокруг США и Китая. В таких условиях Россия

должна защищать свои интересы, используя доступные инструменты и ресурсы. Обострение отношений между Вашингтоном и Пекином, в частности по вопросу Тайваня, может привести к вооруженному конфликту с быстрой эскалацией [\[14\]](#).

США, стремясь противодействовать России и Китаю в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, заключили военный альянс AUKUS с Великобританией и Австралией. По мнению секретаря Совета Безопасности РФ Н.П. Патрушева, этот союз представляет собой военно-политический блок под руководством США, направленный на сдерживание России и Китая [\[15\]](#).

В таких условиях стратегическое партнерство с Россией приобретает для Китая особое значение. Москва играет ключевую роль в китайской внешнеполитической стратегии, что обусловлено рядом факторов, главным из которых является геополитический.

Фактор России в «торговой войне» Китая и США

Благодаря прочным отношениям между Пекином и Москвой Китай обеспечивает стабильность на своей северной границе, а также, косвенно, на рубежах с Монголией и государствами Центральной Азии, поддерживая хорошие отношения с Россией. Москва, в свою очередь, способствует защите ключевых интересов Китая и формированию благоприятной обстановки в сфере безопасности на общем пограничном пространстве. В 1990-х и 2000-х годах обе страны окончательно урегулировали давний пограничный спор, устранив источник напряженности и заложив основу для стратегического партнерства вместо соперничества. Это позволило Пекину сосредоточить дипломатические и военные ресурсы на решении других важных вопросов, касающихся его периферии.

Стратегическое сотрудничество с Россией дает Китаю надежный тыл на севере, что играет решающую роль, учитывая сложные отношения с такими соседями, как Индия и Южная Корея, с которыми существуют территориальные и геополитические разногласия. В случае их обострения эти страны склоняются к союзу с США, включая заключение военных соглашений. В связи с этим наличие стабильного северного направления крайне важно для Китая. Недаром председатель КНР Си Цзиньпин подчеркивает, что «Россия и Китай стоят спина к спине, защищая интересы друг друга» [\[16\]](#).

Еще одним значимым аспектом являются экономические связи между двумя странами. Объем двусторонней торговли оценивается в 250 миллиардов долларов, что, хотя и уступает торговле Китая с США (750 миллиардов), все же остается важным показателем, особенно с учетом того, что население США вдвое больше, а ВВП Китая — в десять раз выше. Однако значение имеет не только объем, но и структура торговли. В случае крупных кризисов или блокировки поставок нефти с Ближнего Востока Китай может рассчитывать на поставки по суше из России и Казахстана, которые можно дополнительно увеличить за счет железнодорожного и автомобильного транспорта. Это дает Китаю возможность выдерживать экономическую блокаду в течение нескольких месяцев, что нанесет серьезный ущерб союзникам США, таким как Япония и Южная Корея, вынуждая их пересмотреть свою политику [\[17\]](#).

Не менее важны и личные отношения лидеров двух стран – В.В. Путина и Си Цзиньпина. Их сотрудничество основано на схожих подходах к внутренней и внешней политике, взаимном уважении и учете ключевых интересов каждой из сторон. Для Китая это включает поддержку его политической системы, признание суверенитета и территориальных притязаний, а также содействие обеспечению стабильности в

приграничных регионах.

С точки зрения Пекина критически важным моментом является признание Россией его территориальных интересов. Во время кризиса в Тайваньском проливе в 1995–1996 гг. Москва возложила ответственность за рост напряженности на Тайвань и США, воздержавшись от критики военных учений и ракетных пусков Китая [\[18\]](#). В подписанном в 2001 году Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве Россия официально поддержала принцип «Одного Китая» и выступила против независимости Тайваня. Эта позиция остается неизменной.

Кроме Тайваня, Москва поддерживает позицию Пекина по вопросам Гонконга, Тибета и Синьцзяна, а также фактически признает претензии Китая на спорные острова Сенкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море, которые также являются объектом территориальных притязаний Японии. Это подтверждается совместными воздушными патрулированиями стратегической авиации, проведенными Россией и Китаем в 2019 и 2020 годах в спорных водах, а также военно-морскими учениями двух стран в 2022 году в этом районе в рамках учений «Морское взаимодействие».

Одним из проявлений стратегического партнерства между Россией и Китаем является их сотрудничество по вопросу Южно-Китайского моря. Хотя их позиции по этому вопросу не полностью совпадают, их взаимодействие значительно усилилось после начала украинского кризиса. В 2016 году, когда Постоянная палата Третейского суда рассматривала территориальный спор в Южно-Китайском море, Китай активно искал международную поддержку. Россия, в свою очередь, не высказывала прямую поддержку территориальным претензиям Китая, предпочитая идею урегулирования спора без внешнего вмешательства [\[19\]](#). Однако после того, как суд вынес решение, неблагоприятное для Китая, Россия выразила поддержку отказу Пекина от этого решения, указав, что Китай не инициировал арбитраж, а его позиция не была услышана.

Китай и Россия также совместно стремятся обеспечивать безопасность и стабильность в Центральной Азии, опасаясь вмешательства Запада. Китай поддерживает сотрудничество с Россией в предотвращении "цветных революций" в соседних странах, которые, по мнению Пекина, могут привести к распространению нестабильности в такие регионы Китая, как Синьцзян и Тибет [\[20\]](#). Россия, обладая тесными связями с бывшими советскими государствами региона, играет важную роль в обеспечении региональной безопасности. Например, в январе 2022 года Россия направила свои войска в Казахстан для подавления протестов, вызванных ростом цен на энергоносители. Также, Китай и Россия заинтересованы в сотрудничестве с движением "Талибан" в Афганистане для снижения угрозы террористической активности в регионе.

Китай и Россия, будучи постоянными членами Совета Безопасности ООН, активно взаимодействуют в рамках этого института. В частности, Пекин стремится к сотрудничеству с Москвой по вопросам, связанным с ядерной проблемой Северной Кореи. Обе страны отклонили предложения США и их союзников о введении дополнительных санкций против Северной Кореи, призвав вместо этого отменить некоторые из существующих санкций. Для реализации эффективной политики в отношении Северной Кореи Китай нуждается в поддержке России или, по крайней мере, в гарантии того, что Москва не будет препятствовать таким инициативам.

Кроме того, Россия играет важную роль в усилении глобальной инициативы Китая. После распада биполярного мирового порядка Китай, отказавшись от участия в G2, стремился сохранить мировой порядок в рамках концепции "гармоничного мира", где он видел себя

как великую державу, готовую ограничивать свои амбиции, но не отказываться от защиты собственных интересов и инициатив.

Отношения между Китаем и США были взаимовыгодными, но с фундаментальными разногласиями, что стало одной из главных проблем многополярности — определения границ мироустроительных функций и суверенитета. Эти разногласия в мировоззрении оказались глубокими и непримиримыми. Для США глобализация была естественным продолжением биполярного противостояния, подтверждающим их превосходство и право на осуществление мироустроительных функций. Они считали, что экономический рост Китая неизбежно приведет к изменению его политической идентичности. В свою очередь, Китай воспринимал экономическую взаимозависимость с США как способ реализации своей мироустроительной роли в многополярном мире, защищая свои национальные интересы.

Китайские ученые Чжоу Байцзи и Ю Цзяжун отмечают, что после завершения «холодной войны» в мировой политической и экономической архитектуре произошли изменения, и страны с развивающимися рынками начали усиливать свое влияние. Особенно после мирового финансового кризиса 2008 года стала очевидной необходимость реформирования мирового порядка, который был построен после Второй мировой войны на базе американоцентричных институтов [\[21\]](#). Китайские эксперты Юй Суй, Чжу Тинчан и Янь Сюетун подчеркивают, что мир в настоящее время требует создания многосторонних механизмов управления. В связи с глубокими изменениями в соотношении международных сил, страны с развивающимися рынками и большая группа развивающихся стран ускоренно прогрессируют. Таким образом, создание международного порядка не может быть делом одной страны, а должно быть результатом сотрудничества и объединения усилий всех государств [\[22\]](#).

Идею многополярности поддерживает и большинство российских экспертов. В начале 2000-х годов в общем российско-китайском понимании многополярности появились новые аспекты. В «Совместной декларации КНР и РФ по основным международным вопросам» (май 2008 года), подписанной Д.А. Медведевым и Ху Цзиньтао, а также в «Совместном Российско-Китайском заявлении об итогах встречи на высшем уровне в Москве» (июнь 2009 года), концепция многополярности была расширена, охватив не только политическую, но и культурно-цивилизационную сферу. В этих документах была выражена поддержка различным многосторонним объединениям, с акцентом на сотрудничество в рамках РИК (Россия — Индия — Китай) и особенно БРИКС (Бразилия — Россия — Индия — Китай — ЮАР).

В международной политике у России и Китая сегодня много общего: оба государства ищут своё место в мире, стремятся преодолеть ложные стереотипы, сложившиеся в восприятии их другими странами, и желают рассказать о себе, своих особенностях и интересах. Эти общие стремления определяют схожесть траекторий их развития, как отметил А. Ломанов, главный научный сотрудник Института Китая и стран Азии РАН [\[23\]](#). Известный китайский ученый-политолог Ли Цзинжи подчеркивает, что «Китай и Россия сыграли важную роль в восстановлении международного порядка после холодной войны, став защитниками мира, стабильности и строителями справедливого нового мирового порядка» [\[24\]](#). Стремление обеих стран активно влиять на создание нового мирового порядка предполагает необходимость долгосрочного и глубокого взаимодействия между ними, пишет китайский специалист Ван Шучунь [\[25\]](#).

В статье «Развитие китайско-российских отношений в новой обстановке» Ван Хэйюнь

отмечает, что после окончания «холодной войны» у России и Китая появились общие интересы, схожие цели и последовательное стремление к мирным и стабильным международным отношениям. Обе стороны готовы строить двусторонние отношения на основе мирного сосуществования. Китай и Россия имеют значительные перспективы экономической взаимодополняемости, что дает дополнительные преимущества в их сотрудничестве [26].

К началу второго десятилетия XXI в. стало очевидно, что России и Китаю не удастся договориться с США и сохранить постбиполярную систему, благоприятную для экономического роста, а также составить конкуренцию США на глобальном уровне. Это привело к приоритету регионального уровня, на котором Россия и Китай значительно укрепили свои позиции, получив право на инициативу и лидерство. Китай объявил о начале строительства «Одного пояса, одного пути» в 2013 году, обозначив новые границы своего региона, а Россия, с другой стороны, взяла на себя инициативу в экономической интеграции на постсоветском пространстве, создав ЕАЭС в 2015 году, и впоследствии предприняла вооруженное вмешательство в Украину с целью предотвратить появление антироссийских режимов возле своих границ. США в это время вышли из Транстихоокеанского партнерства в 2017 году, подписали соглашение с Канадой и Мексикой по созданию USMCA в 2018 году и начали усиливать свое военное и политическое присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе, создавая многоуровневую систему альянсов безопасности в Восточной Азии, а также оказывая политическую и военную помощь Украине для затягивания вооруженного конфликта.

Заключение

Таким образом, торговая война США и Китая представляет собой не локальный экономический конфликт, а отражение глобальной перестройки мировой системы, переходящей от однополярности к многополярности. Перспективы международных отношений будут зависеть от способности ведущих держав преодолеть конфронтационную логику и выработать новые механизмы взаимодействия, основанные на равенстве, взаимном уважении и признании национальных интересов.

В этом контексте сохранение конструктивного диалога между Россией, Китаем и США становится ключевым условием предотвращения дальнейшей дестабилизации мировой политики и поддержания стратегического баланса в XXI веке. Вместо гармоничного мира и международного порядка Китай и Россия стали стремиться к повышению своего статуса в международной иерархии, активируя мироустроительные функции как неотъемлемую часть своей внешней политики. В условиях меняющейся международной обстановки для Китая и России ситуация становится все более напряженной, поскольку усиливается внешнее давление на их политику, экономику, науку и технологии, а также продолжается укрепление национальной обороны. В первую очередь это давление обусловлено обострением стратегического соперничества между Китаем и США. В этой ситуации роль России для дипломатии Китая остается важнейшим элементом в поддержании нового мирового порядка. Развитие стратегического партнерства между Москвой и Пекином, основанного на сотрудничестве, уважении суверенитета и национальных интересов, а также на ответственности великих держав, необходимо для создания многополярного мирового порядка.

Библиография

1. Bown C., Kolb M. Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide // PIIE. 31.12.2023. URL: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/trumps-trade-war->

timeline-date-guide (дата обращения: 20.04.2023).

2. Bown C.P. Donald Trump's Solar and Washer Tariffs May Have Now Opened the Floodgates of Protectionism // PIIE. 23.01.2018. URL:

<https://www.piie.com/commentary/op-eds/donald-trumps-solar-and-washer-tariffs-may-have-now-opened-floodgates> (дата обращения: 20.08.2023).

3. United States (USA) Exports, Imports and Trade Partners // The official website of the Observatory of Economic Complexity. URL: <https://оес.world/en/profile/country/usa-depthSelector1=HS6Depth&yearSelector1=2018> (дата обращения: 20.08.2023).

4. Lynch D.J., Paletta D. Trump announces steel and aluminum tariffs Thursday over objections from advisers and Republicans // Washington Post. 23.10.2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/business/wp/2018/03/01/white-house-planning-major-announcement-thursday-on-steel-and-aluminum-imports> (дата обращения: 10.08.2023).

5. Commerce Department Lifts Ban After ZTE Deposits Final Tranche of \$1.4 Billion Penalty // US Department of Commerce. URL: <https://2017-2021.commerce.gov/news/press-releases/2018/07/commerce-department-lifts-ban-after-zte-deposits-final-tranche-14> (дата обращения: 20.08.2023).

6. Wong D., Chipman Koty A. The US-China Trade War: A Timeline. 25.08.2020. URL: <https://www.china-briefing.com/news/the-us-china-trade-war-a-timeline> (дата обращения: 20.08.2023).

7. Bown C. How the United States marched the semiconductor industry into its trade war with China // PIIE. 2020, December. URL: <https://www.piie.com/publications/working-papers/how-united-states-marched-semiconductor-industry-its-trade-war-china> (дата обращения: 20.08.2023).

8. Шойгу заявил о формировании в мире глобальных коалиций // Известия. 23.06.2021. URL: <https://iz.ru/1182879/2021-06-23/shoigu-zaiavil-o-formirovanii-v-mire-globalnykh-koalitsii> (дата обращения: 15.05.2024).

9. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США – КНР: "властный транзит" и контуры "конфликтной биполярности" // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210-231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231 EDN: PXYZEE.

10. Лукьянов Ф. Диалектика конфронтации // Российская газета, 29.06.2021. URL: https://rg.ru/2021/06/29/professor-niu-administraciia-bajdena-hochet-sistematizirovat-mezhdunarodnuu-anarhiu.html-fbclid=IwAR35k_RPGFEOpXZGETSHHbTg4Wpanzc9yxzjB4r_wB79IdEnMverQ4lWY (дата обращения: 15.05.2024).

11. Witt M., Li P., Välikangas L., Lewin A. De-globalization and Decoupling: Game Changing Consequences? // Management and Organization Review. 2021. № 17:1. P. 6-15. DOI: 10.1017/mor.2021.9 EDN: WXKNAR.

12. Clark R. Pool or Duel? Cooperation and Competition Among International Organizations // International Organization. Online, 28 April, 2021. P. 1-13.

13. Калганов В. А., Рыжов Г. Б., Соловьёв И. В. Стратегическое сдерживание как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Военная мысль. 2022. № 8. С. 6-14. EDN: ZWFPMB.

14. Fesenko M. The Danger of Confrontation between the United States and China in the New Cold War // Problems of World History. 2020. № 11. P. 114-130. DOI: 10.46869/2707-6776-2020-11-7 EDN: GXSIAS.

15. Патрушев заявил о появлении еще одного военного блока против России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/09/2021/614992709a7947e2cd777b37> (дата обращения: 15.05.2024).

16. 中俄“背靠背”战略协作成为维护国际公平正义的中流砥柱 [Стратегическое сотрудничество “спина к спине” между Китаем и Россией стало основой обеспечения международной честности и правосудия] // 海外网 [Зарубежная сеть]. 30.06.2021. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s-id=1703947526626442025&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 12.05.2024).
17. Гончаров С. Большая игра Китая и США: почему Россия имеет значение. Интервью // Россия в глобальной политике. 15.05.2024. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bolshaya-igra-kitaya-i-ssha/-ysclid=1w9j0l8q6b775009568> (дата обращения: 12.05.2024).
18. Tubilewicz, C. The Little Dragon and the Bear: Russian-Taiwanese Relations in the Post-Cold War Period // The Russian Review. 2002. Vol. 61, No. 2. P. 276-297. DOI: 10.1111/0036-0341.00227 EDN: TVGYCW.
19. SCO Supports Peace and Stability in South China Sea // Xinhua. 2016, May 25. URL: https://www.xinhuanet.com/english/2016-05/25/c_135385276.htm (дата обращения: 01.05.2024).
20. China and Russia should work together to combat 'colour revolutions', says Chinese foreign minister // SCMP. 8 Mar 2021. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3124567/china-and-russia-should-work-together-combat-colour> (дата обращения: 01.05.2024).
21. 周柏青, 游巧荣. 世界格局变迁与中国的角色定位 [Чжоу Байцзи, Ю Цяожун. Изменение миропорядка и роль Китая] // 华中农业大学学报 [Весник аграрного университета Хуачжун]. 2009. № 2. С. 50-55.
22. 阎学通. 历史的惯性: 未来十年的中国与世界 [Янь Сюетун. Инерция истории: следующее десятилетие Китая и мира]. 北京: 中信出版社 [Пекин: Издательство Чжоусиня]. 2013. № 7. С. 70-80.
23. Ломанов А.В. Россия и Китай в "Новую эпоху": вызовы и перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. № 25. С. 34-50. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10002 EDN: KEXCOS.
24. 李景治. 国际变局与新型大国关系的构建 [Ли Цзинжи. Строительство отношений между державой нового типа и международного порядка] // 新视野 [Научный журнал нового кругозор]. 2015. № 1. С. 110-121.
25. 王树春. 冷战后的中俄关系 [Ван Шучунь. Китайско-российские отношения после холодной войны]. 北京: 时事出版社 [Пекин: Издательство "Текущие дела"]. 2005. 303 с.
26. 王海运. 新形势下的中俄关系 [Ван Хэйюнь. Развитие китайско-российских отношений в новой обстановке] // 俄罗斯学刊 [Академический журнал исследований России]. 2014. № 5. С. 28-40.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают механизмы и этапы экономического противостояния США и Китая в период 2018–2022 годов (тарифные войны, технологические санкции, формирование протекционистских коалиций) как проявление трансформации глобальной экономической и политической системы, включая ее влияние на формирование многополярного мира и роль России в этом процессе. Научная актуальность работы обусловлена эскалацией стратегической конкуренции между ведущими державами в постпандемийном мире, где торговые войны и санкции

определяют перераспределение глобального влияния и влияют на стабильность международных отношений, включая позиции стран вроде России. Сегодня уже можно говорить о процессе деглобализации, формировании новых геоэкономических блоков и необходимости для России определить свою стратегическую линию в условиях обострения американо-китайского соперничества и нарастающего санкционного давления со стороны коллективного Запада. Практическая значимость состоит в предоставлении аналитической основы для понимания последствий декаплинга и формирования новых альянсов, что может помочь политикам и дипломатам в разработке стратегий для минимизации рисков эскалации конфликтов и укрепления суверенитета в условиях биполярного разделения мира. Результаты работы могут быть также использованы при разработке внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии Российской Федерации в условиях нарастающей биполярной конкуренции, при прогнозировании развития торгово-экономических процессов в Евразийском регионе, а также при оценке перспектив и рисков углубления российско-китайского партнерства в различных сферах (энергетика, технологии, безопасность, многосторонние институты). К сожалению, сам автор не только не аргументирует свой теоретико-методологический выбор, но и вообще ничего не говорит об использованной методологии, что не может не вызывать негативного впечатления об общем научном уровне рецензируемой работы. Но из контекста можно понять, что в процессе исследования применялся событийный (хронологический) метод для детальной реконструкции последовательности событий торговой войны между США и Китаем, фиксировались конкретные даты введения тарифов, размеры пошлин, суммы пострадавшего экспорта и ответные действия сторон, что позволило проследить логику эскалации конфликта. В работе использовался также системный подход, рассматривающий торговое противостояние не изолированно, а как элемент более широкой трансформации мирового порядка, включающей военно-политическое, технологическое, институциональное и идеологическое измерения. Применялся метод сравнительного анализа для сопоставления объемов и структуры торговли Китая с различными партнерами (США, Россия), а также для выявления различий и совпадений в позициях России и Китая по региональным вопросам безопасности (Южно-Китайское море, Центральная Азия, Северная Корея). Автор обращался также к геополитическому анализу для объяснения стратегической логики действий великих держав и их долгосрочных интересов в формирующемся многополярном мире. Использовался анализ официальных документов (двусторонние договоры, совместные декларации, заявления), а также привлекались экспертные оценки российских и китайских исследователей для подтверждения выводов. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, представлено целостное осмысление торговой войны США и Китая как фазы глобального перехода к многополярности, а не как частного экономического конфликта. Автор доказывает, что торговая война США и Китая представляет собой не экономический спор о тарифах и торговом балансе, а системный инструмент сдерживания и технологической изоляции КНР, направленный на предотвращение ее выхода на позицию равного США глобального центра силы, что знаменует окончание постбиполярной эпохи и формирование новой биполярности, отличающейся от холодной войны наличием глубокой экономической взаимозависимости между конкурирующими полюсами и процессом ее принудительного разрыва (декаплинга). Кроме того, исследование выявило многофункциональную роль России для Китая в условиях противостояния с США, которая включает геополитическое измерение (обеспечение безопасности на протяженной северной границе после урегулирования пограничных споров в 1990–2000-х годах), экономическое (альтернативные сухопутные каналы энергопоставок,

способные поддержать экономику КНР при морской блокаде), дипломатическое (поддержка территориальных притязаний Пекина по Тайваню, Южно-Китайскому морю и островам Сенкаку/Дяоюйдао, координация в СБ ООН) и идеологическое (совместное продвижение концепции многополярности как альтернативы западной гегемонии). Наконец, работа продемонстрировала трансформацию российско-китайского взаимодействия от деклараций о многополярности и попыток реформирования глобальных институтов в 2000-х годах (совместные заявления, поддержка ООН, ВТО, РИК) к практическому региональному строительству в 2010-х годах (инициатива «Один пояс, один путь» с 2013 года, создание ЕАЭС в 2015 году, выход США из ТТП в 2017 году), что отражает признание Москвой и Пекином невозможности договориться с Вашингтоном о справедливом глобальном порядке и переход к формированию параллельных региональных систем как альтернативы западнцентричному управлению. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где характеризуется современная международная ситуация через призму нарастающей стратегической конкуренции между США и Китаем, определяется торговая война как инструмент геополитического сдерживания и технологической изоляции в условиях перехода от глобализации к новой биполярности и декаплингу, формулируется цель статьи, но отсутствует теоретико-методологическая рефлексия; - «Проявления стратегической конкуренции США и КНР в экономической сфере», где последовательно описываются шесть направлений торговой войны (тарифы на солнечные панели и стиральные машины с января 2018 года, пошлины на сталь и алюминий с марта 2018 года, санкции за нарушение прав интеллектуальной собственности, технологические ограничения против ZTE и Huawei в 2016-2020 годах, санкции против производителя полупроводников SMIC), раскрывается концепция декаплинга как процесса разрыва экономических связей и формирования противостоящих коалиций «Коллективного Запада» во главе с США и НАТО и «Коллективного НеЗапада», ориентированного на ШОС и БРИКС, с особым акцентом на технологической сфере и программе Clean Network Initiative; - «Глобальные вызовы и угрозы стратегической конкуренции США и КНР», где анализируются военно-политические последствия экономического противостояния, включая рост военной напряженности на границах России с НАТО и Китая с американскими союзниками в Азии, размывание границ между ядерными и высокоточными неядерными вооружениями, повышение рисков случайной эскалации локальных конфликтов до ядерного уровня, создание военного альянса AUKUS (США, Великобритания, Австралия) как инструмента сдерживания России и Китая, а также дестабилизацию мировой экономики через механизмы торгового и санкционного давления на третьи страны; - «Фактор России в "торговой войне" Китая и США», где раскрывается многоаспектное значение российско-китайского стратегического партнерства для Пекина в условиях противостояния с Вашингтоном: обеспечение стабильности на северной границе Китая и в Центральной Азии после окончательного урегулирования пограничных споров в 1990-2000-х годах, возможность сухопутных энергопоставок из России и Казахстана в случае морской блокады (что позволяет КНР выдерживать экономическое давление несколько месяцев), поддержку Москвой территориальных интересов Пекина по Тайваню, Гонконгу, Тибету, Синьцзяну и спорным островам (Сенкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море, Южно-Китайское море), совместные действия по предотвращению "цветных революций" в Центральной Азии и сотрудничество с Талибаном в Афганистане, координацию позиций в СБ ООН (в том числе по северокорейской ядерной проблеме), а также совместное продвижение концепции многополярного мира через БРИКС, РИК, ШОС и практическое региональное строительство (ЕАЭС, "Один пояс, один путь") как альтернативы

западноцентричным институтам; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования и формулируется основной вывод о том, что торговая война США и Китая представляет собой не локальный экономический конфликт, а проявление глобальной перестройки мировой системы от однополярности к многополярности, где российско-китайское стратегическое партнерство, основанное на взаимном уважении суверенитета и национальных интересов, становится необходимым элементом формирования нового мирового порядка, а сохранение конструктивного диалога между тремя державами остается ключевым условием предотвращения дальнейшей дестабилизации и поддержания стратегического баланса в XXI веке. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических и грамматических погрешностей (например, двусмысленности, как в предложении «Еще одним значимым аспектом являются экономические связи между двумя странами. Объем двусторонней торговли оценивается в 250 миллиардов долларов, что, хотя и уступает торговле Китая с США (750 миллиардов), все же остается важным показателем, особенно с учетом того, что население США вдвое больше [«вдвое больше», чем у какой страны? чем у Китая? – весьма сомнительно! Видимо, подразумевалась Россия, но предложение сформулировано так, что понять этого из контекста невозможно – рец.], а ВВП Китая — в десять раз выше»; или весьма искусственные и проблематичные с точки зрения стиля выражения вроде «Современные международные отношения характеризуются нарастанием стратегической конкуренции»; еще пример: «Возникновение нового мирового порядка привело к значительному росту напряженности в международных отношениях и сфере безопасности, что способствует [что именно «способствует»? – возникновение нового мирового порядка? рост напряженности? – неясно; кроме того, почему дестабилизация оказывается «осознанной»? – что это вообще может значить? – рец.] осознанной дестабилизации глобальной системы»; и др.), но в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 26 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует по причине отсутствия теоретико-методологической рефлексии. Автору на будущее следует учесть, что описание и аргументация теоретико-методологического выбора – это атрибут научного исследования, и игнорировать его нельзя. Тем не менее, рецензент не счел данный недостаток критическим и не увидел в нем повода для отклонения статьи. Поскольку в работе имеют несколько достоинств, компенсирующих ее недостатки. Прежде всего, статья отличается высокой степенью эмпирической конкретности и фактографической насыщенности, предоставляя читателю детальную документацию каждого этапа торговой войны с указанием точных дат, сумм, процентных ставок тарифов и объемов пострадавшего экспорта. Автор называет конкретные цифры: 10% тарифы на алюминий и 25% на сталь (1 марта 2018), 8,5 млрд долларов импорта солнечных панелей и 1,8 млрд стиральных машин (22 января 2018), 19% доли Китая в американском экспорте сои на сумму 3,36 млрд долларов, штрафы против ZTE в размере 1,19 млрд, затем 1,4 млрд долларов, 50 млрд долларов китайских товаров под 25% пошлинами, 200 млрд долларов под 10-20% пошлинами, что позволяет не только проследить хронологию эскалации конфликта, но и количественно оценить масштаб экономических потерь обеих сторон, придавая исследованию верифицируемость и аналитическую глубину. Кроме того, работа демонстрирует многоуровневый анализ, органично соединяя экономическое измерение (тарифы, санкции, торговые потоки, объемы экспорта-импорта) с геополитическим (территориальные споры вокруг Тайваня, Южно-Китайского моря, островов Сенкаку/Дяоюйдао), военно-стратегическим (расширение НАТО, создание AUKUS,

совместные военно-морские учения России и Китая, патрулирование стратегической авиации, ядерное сдерживание), технологическим (борьба за лидерство в производстве полупроводников, 5G, санкции против Huawei и SMIC, программа Clean Network Initiative) и институциональным (координация в СБ ООН, ВТО, формирование БРИКС, ШОС, ЕАЭС как альтернативных структур). Например, описывая санкции против китайских технологических компаний, автор связывает их с визитом Нэнси Пелоси на Тайвань в 2022 году, созданием альянса AUKUS, усилением военного присутствия США в Индо-Тихоокеанском регионе и общей стратегией технологической изоляции КНР, что позволяет читателю увидеть торговую войну не как изолированный экономический спор о тарифах, а как комплексную трансформацию всей архитектуры международных отношений.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны исследователям международных отношений, специализирующимся на теориях трансформации мирового порядка, великодержавной конкуренции, процессах глобализации и деглобализации; экспертам-регионоведам (китаеведам, американистам, специалистам по Азиатско-Тихоокеанскому региону), изучающим двусторонние отношения США и КНР и их влияние на третьи страны и региональную безопасность; аналитикам и специалистам по внешней политике и национальной безопасности России, разрабатывающим стратегические прогнозы, сценарии и рекомендации в условиях обострения американо-китайского соперничества; экспертам в области геоэкономики, торговых войн, санкционной политики и технологической конкуренции; преподавателям, аспирантам и студентам-международникам, изучающим современную систему международных отношений, российско-китайское стратегическое партнерство, формирование многополярного мира и региональные интеграционные процессы в Евразии; а также широкому кругу специалистов-международников, дипломатов, журналистов и аналитиков, интересующихся перспективами развития Евразийского региона, ролью незападных держав в мировой политике XXI века и практическими механизмами противодействия западной гегемонии. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Колосов А.А. Спорт как инструмент «мягкой силы» России в условиях международных ограничений //

Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76389 EDN: OBNUXI URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76389

Спорт как инструмент «мягкой силы» России в условиях международных ограничений

Колосов Александр Александрович

независимый исследователь

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ kolosov05alexander@gmail.com

[Статья из рубрики "Дипломатия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76389

EDN:

OBNUXI

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2025

Дата публикации:

24-10-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу спорта как важнейшего инструмента реализации концепции «мягкой силы» Российской Федерации в системе современных международных отношений. В центре внимания находится роль спортивной дипломатии в формировании позитивного имиджа России на мировой арене, а также трансформация её функций в условиях санкционного давления и политизации спорта. Особое внимание уделено анализу крупнейших спортивных проектов – Олимпийских игр в Сочи (2014) и Чемпионата мира по футболу (2018) – как примеров успешного использования спорта для укрепления внешнеполитического престижа страны. Рассматриваются современные вызовы, связанные с введением нейтрального статуса российских спортсменов, ограничением использования национальной символики и ростом числа случаев смены спортивного гражданства, что свидетельствует о глубокой трансформации

международного спортивного пространства и снижении возможностей России реализовывать потенциал «мягкой силы». Исследование основано на системном, институциональном и сравнительно-аналитическом подходах, а также на методе кейс-стади, применяемом при анализе конкретных международных спортивных событий и политико-правовых решений. Научная новизна статьи заключается в комплексной оценке современного состояния спортивной дипломатии России сквозь призму концепции «мягкой силы» в условиях международной изоляции. Показано, что спорт, ранее выступавший эффективным инструментом формирования национального имиджа, оказался под воздействием политических факторов, что привело к институциональному кризису олимпийского движения и пересмотру принципов нейтралитета. В статье обосновано, что введение нейтрального статуса российских спортсменов и ограничения на их участие в соревнованиях превратились в форму политического давления, нарушающую основы спортивного равноправия. Сделан вывод, что, несмотря на внешние барьеры, Россия сохраняет потенциал «мягкой силы» через развитие внутренних спортивных проектов, расширение международных инициатив вне западных институтов (БРИКС, «Игры Будущего») и сохранение культурно-гуманитарного влияния посредством спорта как символа национальной идентичности.

Ключевые слова:

мягкая сила, спортивная дипломатия, международные отношения, имидж государства, нейтральный статус спортсменов, санкционная политика, Олимпийские игры, международный спорт, политизация спорта, внешнеполитическое влияние

Введение

В условиях нарастающей турбулентности международных отношений и переосмысления традиционных инструментов внешнеполитического влияния особую значимость приобретает концепция «мягкой силы» как ресурса несилового воздействия на мировое сообщество. Для Российской Федерации, сталкивающейся с масштабными геополитическими вызовами и ограничительными мерами, поиск эффективных каналов формирования позитивного международного имиджа становится стратегической необходимостью. Одним из таких каналов выступает спорт, обладающий уникальной способностью объединять народы, транслировать культурные ценности и укреплять престиж государства на глобальной арене.

Однако в последние годы российский спорт оказался в эпицентре гибридной войны, которая ведется в отношении России странами Коллективного Запада. Сочетание санкционного давления, допинговых скандалов и ограничений участия в крупнейших соревнованиях поставило под сомнение возможности реализации спортивного потенциала как инструмента «мягкой силы». Установление практики нейтрального статуса российских спортсменов, ограничение использования национальной символики и рост числа случаев смены спортивного гражданства свидетельствуют о формировании новой реальности, в которой спорт утрачивает традиционные дипломатические функции и превращается в поле политического противостояния.

Объектом исследования выступает спорт как элемент системы внешнеполитического позиционирования государства. Предметом исследования являются особенности реализации «мягкой силы» России через спортивную деятельность в условиях международных санкций и нейтрального статуса спортсменов. Цель исследования —

проанализировать трансформацию роли спорта как инструмента «мягкой силы» Российской Федерации в условиях современного международного кризиса и выявить последствия нейтрального статуса для реализации спортивной дипломатии страны.

Теоретико-методологическую основу работы составляют концепции «мягкой силы» Дж. На я [\[1\]](#), теории публичной дипломатии и международного имиджа государства. Методологический инструментарий опирается на системный и институциональный подходы, позволяющие рассматривать спорт как компонент внешнеполитической стратегии государства, а также на элементы сравнительного анализа и кейс-стади, применяемые при рассмотрении конкретных международных спортивных событий.

Спорт как источник «мягкой силы» России

В современных международных отношениях значение «мягкой силы» для внешнеполитического курса России невозможно переоценить. В условиях демократического миропорядка, где применение военной силы не считается легитимным методом влияния, создание позитивного образа страны за рубежом становится одной из ключевых стратегических задач.

Историческое подтверждение использования спорта в качестве инструмента формирования государственного имиджа можно проследить с 1908 года, когда Соединенные Штаты впервые ввели систему неофициального командного зачета на Олимпийских играх, превратив спортивные достижения в механизм национальной саморекламы. Эта практика впоследствии была перенята другими государствами. Российская дореволюционная пресса подчеркивала, что «каждая команда представляет собой воплощение государственной мощи, концентрированное выражение народной силы и яркую характеристику нации» [\[2\]](#).

Профессор МГУ Ольга Леонова в исследовании «Мягкая сила – ресурс внешней политики государства» [\[3\]](#) выделяет три основные причины актуальности этого инструмента для России. Во-первых, отсутствие лидирующих позиций в экономической сфере ограничивает возможности влияния на глобальные процессы. Во-вторых, необходимость морального авторитета среди третьих стран для обеспечения поддержки в условиях противоречий с западными государствами. В-третьих, негативное восприятие России, связанное с ее монопольным положением на рынке энергоресурсов.

В контексте мягкой силы спортивная деятельность выполняет функцию трансформатора национального потенциала в позитивный международный образ. Несмотря на развитую систему подготовки спортсменов, полноценная реализация этого потенциала требует активного участия в глобальных спортивных мероприятиях и конструктивного взаимодействия с ведущими международными организациями.

Современная российская спортивная дипломатия находится в процессе активного развития и обладает значительными перспективами. Победы на престижных соревнованиях, таких как Олимпиады или чемпионаты мира, формируют в общественном сознании образ нации, обладающей силой духа и целеустремленностью. В условиях цифровизации и развития медиапространства аудитория спортивной дипломатии постоянно расширяется, усиливая ее потенциал для формирования международного имиджа страны.

Формирование благоприятного международного образа — это стратегическая задача, результат которой проявляется в долгосрочной перспективе. В связи с этим наиболее продуктивным представляется осуществление последовательной и целостной программы

действий в выбранной сфере, а не реализация разрозненных проектов. Наглядным примером такой стратегии служит позиция России, которая в период с 2011 по 2025 годы занимает лидирующее положение в мире по количеству принятых и реализованных международных спортивных состязаний. В их число вошли: Мировые первенства по биатлону (Ханты-Мансийск, 2011) и фигурному катанию (Москва, 2011); соревнования по боевым искусствам (Санкт-Петербург); Всемирная летняя Универсиада и Чемпионат мира по легкой атлетике (Казань и Москва, 2013); Зимние Олимпийские и Паралимпийские игры (Сочи, 2014); Первенство планеты по водным дисциплинам (Казань, 2015) и по хоккею (Москва, Санкт-Петербург, 2016); футбольный Кубок Конфедераций (2017) и Чемпионат мира (2018); Зимняя Универсиада (Красноярск, 2019); Европейский чемпионат по футболу (Санкт-Петербург, 2020); этапы автогонок Формулы-1 (Сочи); а также мировые чемпионаты по бенди (2022), всестилевому карате (2023) и русским шашкам (2024).

Организация мероприятий такого масштаба требует огромных материальных средств и человеческих ресурсов. Только по официальным данным 214 млрд руб. [\[4\]](#) было потрачено на подготовку и проведение Олимпийских игр в Сочи, при этом по неофициальным данным эта цифра намного выше. Если говорить о подготовке спортсменов, необходимо сказать, что Россия также вкладывает крупные средства в эту сферу. Согласно аналитической справке о ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» в 2014 году, на подготовку спортсменов и создание условий для них было потрачено 69 700 189 тыс. руб. [\[5\]](#), и если для Соединенных Штатов Америки основная нагрузка ложится на спонсоров, то в России эти суммы покрываются в основном из бюджетных средств.

Безусловно, наиболее ценным событием для реализации публичной дипломатии России посредством спорта являются Олимпийские игры 2014 в Сочи, где сочеталось успешное и проведение, и выступление атлетов. Сборная России установила беспрецедентное достижение в Сочи, установив рекорды как по общему количеству завоеванных наград, так и по числу золотых медалей. Были превзойдены показатели советской команды по суммарному числу медалей и повторен рекорд по «золоту». Итоговый результат российской команды составил 33 награды: 13 высшего достоинства, 11 серебряных и 9 бронзовых [\[6\]](#).

Майкл Хадсон, почетный профессор экономики Университета Миссури в Канзас-Сити, и Джефри Соммерс, адъюнкт-профессор политэкономии Университета Висконсина в Милуоки, в своей статье, посвященной обзору результатов Олимпийских игр в Сочи, полагают, что России удалось произвести огромное впечатление на мировое сообщество, масштабная церемония открытия, демонстрирующая мощь и силу российского народа и всей его истории подкреплена успешным выступлением спортсменов, занявших первое место в неофициальном общекомандном зачете. Таким образом, с точки зрения спортивной дипломатии Олимпийские игры, безусловно, были успехом России [\[7\]](#). Личный рейтинг В.В. Путина после проведения Игр-2014 так же серьезно вырос. Он снова возглавил список самых влиятельных людей планеты по версии журнала «Forbes», в том числе благодаря триумфальному проведению Игр [\[8\]](#).

По оценке председателя Координационной комиссии МОК Жан-Клода Килли, сочинские Игры стали эталоном организации за всю историю зимних Олимпиад. Аналогичную высокую оценку прозвучала от президента Международного паралимпийского комитета Филиппа Крэйвена [\[9\]](#).

Чемпионат мира по футболу 2018 года, состоявшийся в России, стал еще одним глобальным спортивным мероприятием, укрепившим международный престиж страны. Этот турнир, впервые проходивший в Восточной Европе и одновременно на двух континентах – в европейской и азиатской частях России, открыл новые перспективы для позиционирования государства на мировой арене.

Организация футбольного первенства, аналогично Олимпийским играм, создала уникальные возможности для демонстрации культурного разнообразия, исторического наследия, а также научно-технического и экономического потенциала страны.

Таким образом, спорт выступает для России значимым инструментом «мягкой силы», компенсируя ограниченное экономическое и политическое влияние и позволяя формировать позитивный международный образ. Демонстрируя готовность к масштабному международному сотрудничеству через организацию престижных соревнований, таких как Олимпиада в Сочи и Чемпионат мира по футболу, и достигая высоких спортивных результатов, Россия трансформирует национальный потенциал в символический капитал, укрепляя свой престиж и моральное влияние в мире, что является стратегической задачей в долгосрочной перспективе.

Однако современная геополитическая динамика, определяемая странами коллективного Запада в отношении Российской Федерации, а также актуальная международная обстановка, претерпели значительные изменения. Ответные меры России, направленные на защиту суверенитета и неприкосновенности своих границ, спровоцировали усиление политического давления через введение масштабных санкционных режимов и ограничительных мер. В качестве одного из инструментов такого давления стало последовательное исключение сначала отдельных команд, а затем и всей национальной сборной России из участия в ключевых международных соревнованиях: чемпионатах Европы, мира и Олимпийских играх.

Опыт участия российских спортсменов в международных соревнованиях в нейтральном статусе

Еще в 2008 г., задолго до насыщенного событиями 2014 г., Соединенные Штаты предпринимали попытки лишить Россию права проведения зимней Олимпиады в Сочи, ссылаясь на участие нашей страны в грузино-югоосетинском конфликте. Сами Игры 2014 г. оказались омрачены многочисленными допинговыми обвинениями в адрес российских спортсменов. Политическая подоплека этих событий проявилась в аннулировании результатов многих атлетов при отсутствии надлежащих доказательств вины. Спустя четыре года Спортивный арбитражный суд в Лозанне признал претензии Всемирного антидопингового агентства необоснованными, окончательно отменив дисквалификацию 28 российских участников сочинской Олимпиады [\[10\]](#). России были возвращены 9 медалей, что позволило сборной восстановить лидерство в неофициальном общекомандном зачете.

Несмотря на юридическую реабилитацию, возникшая медийная кампания создала прецедент особого отношения к российским спортсменам. На летних Играх 2016 г. в Рио-де-Жанейро отечественные команды по легкой и тяжелой атлетике не получили допуска к соревнованиям, а вся паралимпийская сборная была отстранена от участия. Зимняя Олимпиада 2018 г. в Пхенчхане ознаменовалась дальнейшей эскалацией — МОК полностью отстранил Олимпийский комитет России от Игр. При этом российским атлетам разрешили выступить под нейтральной символикой со статусом «Олимпийский спортсмен из России». Специальная комиссия МОК без объяснения причин отказала в допуске

более сотни спортсменов, не замешанных в допинговых нарушениях, включая лидеров мирового спорта.

После завершения Игр в Пхенчхане МОК восстановил членство ОКР и в июле 2019 г. официально пригласил сборную на Олимпиаду-2020 в Токио. Однако вследствие продолжающегося допингового скандала Спортивный арбитражный суд продлил до 16 декабря 2022 г. запрет на использование национальной символики [\[11\]](#). В результате на перенесенных из-за пандемии Играх в Токио в 2021 г. российские спортсмены выступали как «сборная Олимпийского комитета России». Аналогичный статус сохранился и на зимней Олимпиаде 2022 г. в Пекине.

В контексте специальной военной операции на Украине МОК допустил российских атлетов к летним Играм 2024 г. в Париже исключительно в нейтральном статусе. Участие разрешено только индивидуальным спортсменам, прошедшим квалификационный отбор (всего 15 человек), тогда как выступление в командных дисциплинах для российских и белорусских спортсменов полностью запрещено.

Анализ выступления отечественных спортсменов на международной арене в последние годы наглядно демонстрирует, что ограничительные меры в отношении российского спорта превратились в инструмент политического давления. Изначально под запреты попадали атлеты с безупречной репутацией, не замешанные в допинговых скандалах, затем под предлогом боевых действий на территории соседних государств отстранялись уже национальные сборные. Примечательно, что аналогичные действия других стран (в частности, многочисленные военные операции США во второй половине XX века) никогда не влекли за собой ограничений для их спортсменов.

Особые вопросы вызывает запрет на использование государственной символики. Как справедливо отмечают исследователи Е.В. и И.Н. Сальниковы, сложилась парадоксальная ситуация, когда государству-члену Совета Безопасности ООН отказано в праве на выражение суверенитета — причем не только за рубежом (как на Олимпиаде в Токио), но и на собственной территории [\[12\]](#). Ярким примером стало выступление сборной России под нейтральным флагом ОКР на чемпионате мира по пляжному футболу в Москве в августе 2021 года.

В 2022 г., вслед за рекомендациями МОК, российские команды и спортсмены были отстранены от соревнований под эгидой ведущих международных федераций: FIFA и UEFA (футбол), ИИХФ (хоккей), ФИБА (баскетбол), FIVB (волейбол) и IHF (гандбол). В индивидуальных дисциплинах ограничения затронули конькобежный спорт, биатлон, лыжные гонки, стрельбу из лука, санный спорт, тхэквондо, плавание и фехтование. Примечательно, что Международная федерация фехтования приняла решение об отстранении 2 марта 2022 г., лишив российских спортсменов возможности участия в чемпионате мира в Каире.

В то же время некоторые международные спортивные организации (ФИДЕ, АТР, WTA, UCI, Международная федерация самбо) не ввели полного запрета на участие российских спортсменов, сохранив для них возможность выступать в нейтральном статусе.

В течение 2023 г. ряд федераций пересмотрел свои ограничительные меры, допустив российских атлетов к соревнованиям при условии сохранения нейтрального статуса. Среди них — федерации фехтования, настольного тенниса, тхэквондо, Объединенный мир борьбы, а также международные организации по триатлону, дзюдо, гольфу, тяжелой атлетике, гребному спорту, гимнастике и скейтбордингу [\[13\]](#).

Международный олимпийский комитет (МОК) в своем документе от 28 марта 2023 г. сформулировал ряд детальных рекомендаций, касающихся участия спортсменов с российским и белорусским паспортом в международных соревнованиях в нейтральном статусе. Основной принцип заключается в том, что такие спортсмены могут быть допущены исключительно как индивидуальные нейтральные участники, не представляющие Российскую Федерацию, Республику Беларусь, их национальные олимпийские комитеты, федерации или иные организации [\[14\]](#).

МОК особо подчеркнул, что участие возможно только на индивидуальной основе, а спортсмены и сопровождающий персонал не должны иметь договорных или служебных связей с вооруженными силами или органами национальной безопасности России и Беларуси. Участие команд с российскими или белорусскими паспортами исключается.

Одним из ключевых критериев допуска является отсутствие активной поддержки войны на Украине. Спортсмены, публично одобрявшие военные действия или участвовавшие в акциях поддержки войны, не могут быть допущены. Поддержка может выражаться как в публичных заявлениях, участии в демонстрациях, так и в использовании символики, ассоциированной с СВО (например, буквы «Z»). Для единообразного применения этих критериев МОК рекомендовал международным федерациям создать независимую комиссию для оценки фактов и принятия решений о допуске.

МОК также установил строгие требования к антидопинговому контролю. Все нейтральные спортсмены обязаны подчиняться международным антидопинговым правилам и быть включенными в зарегистрированные пулы тестирования соответствующих федераций.

Отдельное внимание уделено внешним атрибутам нейтралитета. В любых официальных местах проведения соревнований запрещено использование государственных флагов, гербов, гимнов, эмблем или иной символики России и Беларуси. Спортсмены должны выступать под обозначением «Индивидуальные нейтральные спортсмены» (AIN), при этом их форма должна быть однотонной, без национальных или политических элементов. Любые предметы, экипировка или одежда не могут содержать упоминаний о России, Беларуси или связанных с ними организациях.

Во время церемоний награждения запрещается исполнение национальных гимнов, а при необходимости используется нейтральный флаг и мелодия соревнований. Медали нейтральных спортсменов не включаются в национальные зачеты.

МОК также предписывает, что нейтральные спортсмены обязаны воздерживаться от любых заявлений, действий или публикаций, способных нарушить принцип нейтралитета, в том числе в социальных сетях или публичных выступлениях. Эти ограничения распространяются как на период соревнований, так и на связанные с ними национальные мероприятия.

Наконец, лица с российским или белорусским гражданством, выполняющие функции международных технических официальных лиц, судей или рефери, также должны воздерживаться от демонстрации национальной принадлежности. Если такие лица связаны с военными структурами или органами безопасности, они не могут быть допущены к работе на соревнованиях.

Таким образом, рекомендации МОК формируют комплексную систему ограничений, направленных на обеспечение строгого нейтралитета спортсменов с российским и белорусским гражданством. Условия охватывают как их правовой статус и формы участия, так и символическое, этическое и визуальное выражение нейтралитета, делая

невозможным любое ассоциирование их выступлений с государственными интересами или официальными структурами России и Беларуси.

Введенные ограничения спровоцировали серьезную проблему массовой смены спортивного гражданства. Согласно данным за 2023 год, более 200 российских атлетов приняли решение сменить национальную принадлежность для получения доступа к международным стартам. По оценкам издания «Холод», реальное количество таких спортсменов может быть существенно выше. Важно отметить, что процесс перехода в другие сборные существовал и до введения санкций - преимущественно из-за высокой конкуренции внутри страны [\[15\]](#). Однако сейчас эта тенденция приобрела массовый характер, несмотря на предпринятые Россией меры поддержки. В их числе - проведение Спартакиады сильнейших по летним видам спорта (2022 год) и зимним дисциплинам (2024 год), игры БРИКС и "Игры Будущего" [\[16\]](#). Для паралимпийцев в 2022 г. были организованы соревнования "Мы вместе. Спорт" с участием команд из Беларуси, Армении, Казахстана, Таджикистана и Германии.

Министр спорта РФ Михаил Дегтярев подверг критике решение спортсменов о смене гражданства, заявив о неприятии подобной позиции и наличии вопросов к их действиям [\[17\]](#).

Яркой иллюстрацией сложившейся ситуации стал инцидент на чемпионате Европы по вольной борьбе в Братиславе (9 апреля 2025 года). Президент Федерации спортивной борьбы России Михаил Мамияшвили оказался в центре конфликта во время награждения Чермена Валиева - бывшего члена российской сборной, выступающего за Албанию, который в финале победил олимпийского чемпиона Заурбека Сидакова. Мамияшвили демонстративно выразил недовольство решением Валиева сменить спортивное гражданство, грубо надев на него медаль [\[18\]](#).

После отстранения России от международных соревнований и особенно после начала СВО многие спортсмены избрали путь продолжения карьеры под другими флагами. Значительное число таких атлетов добилось серьезных успехов: Чермен Валиев завоевал бронзу Олимпиады-2024, борцы Магомед Рамазанов, Ахмед Тажудинов и Разамбек Жамалов принесли золотые медали Болгарии, Бахрейну и Узбекистану. Дарья Варфоломеева завоевала олимпийское золото для Германии в художественной гимнастике, а дзюдоист Зелим Коцоев - для Азербайджана.

Другая группа российских спортсменов продолжает выступления в нейтральном статусе. На Олимпиаде в Париже-2024 участвовали 15 таких атлетов в 5 видах спорта, которым было запрещено использование российской символики, флага и гимна во время соревнований. Единственными российскими медалистами прошедших Игр стали теннисистки Мирра Андреева и Диана Шнайдер, получившие серебро в парном разряде. Стоит отметить, что допуск к участию в спортивных мероприятиях даже в таких унижительных условиях преподносится МОК и аффилированным с ним международными федерациями как акт гуманности, поскольку подавляющее большинство российских спортсменов вообще лишены права участвовать в соревнованиях. Процедура отбора тех или иных спортсменов остается непрозрачной для российских спортивных организаций и ОКР.

Подготовка российских спортсменов к зимней Олимпиаде 2026 года также идет в условиях серьезных ограничений. Согласно материалу РИА Новости от 16 сентября 2025 г., большая часть международных спортивных федераций так и не допустила россиян до участия в Играх, даже под нейтральным флагом. При этом в нескольких индивидуальных

дисциплинах у российских атлетов все же остаются шансы выйти на олимпийский лед или трассу [\[19\]](#).

В ряде ключевых зимних видов спорта доступ для России фактически закрыт. Международный союз биатлонистов отказался допускать даже нейтральных спортсменов, поэтому биатлон полностью исключен из возможных направлений участия. Похожая ситуация сложилась и в хоккее: Международная федерация хоккея подтвердила, что российские команды не примут участия в Играх, а их место займет сборная Франции. В бобслее и скелетоне конгресс международной федерации проголосовал против допуска российских спортсменов даже в нейтральном статусе. Федерация санного спорта также приняла решение о недопуске. Керлингисты не смогут участвовать, поскольку не имели возможности выступать на международных соревнованиях последние два года и, соответственно, не имеют рейтингов, необходимых для олимпийской квалификации. В лыжных дисциплинах — от гонок до прыжков с трамплина и фристайла — ситуация схожая: Международная федерация лыжного спорта не рассматривает возвращение россиян до окончания конфликта на Украине, а значит, они не могут проходить отбор на Игры.

Тем не менее, в некоторых видах спорта остаются небольшие «окна возможностей». В фигурном катании российские одиночники получили возможность выступать под нейтральным статусом. На данный момент Россию могут представить П. Гуменник и А. Петросян, а в резерве числятся В. Дикиджи и А. Горбачева. Парное катание и танцы на льду остаются закрытыми для россиян. При этом ограничения касаются не только спортсменов, но и их тренеров: например, хореограф Д. Глейхенгауз не получил допуск к международным соревнованиям как представитель вспомогательного персонала.

В конькобежном спорте у россиян тоже сохраняется шанс попасть на Олимпиаду. Международный союз конькобежцев допускает участие отдельных спортсменов при условии выполнения нормативов. Среди тех, кто может претендовать на поездку, называются И. Фруктов, И. Найденышев, А. Григорьева, А. Беккер, А. Семенова, А. Салютина, И. Салтыкова и К. Коржова. Однако отбор будет зависеть от их результатов на этапах Кубка мира этой зимой.

Похожая ситуация в шорт-треке. Российские спортсмены допущены к международным соревнованиям и имеют возможность квалифицироваться на Игры. Среди них — П. Котмаков, Д. Николаев, И. Саболдашев, И. Посошков, А. Жеганова, А. Крылова, А. Матвеева, А. Овчинникова, А. Уразова и Е. Серегина. Все они смогут побороться за индивидуальные квоты, но о командных выступлениях речи не идет.

Отдельное внимание привлекает ски-альпинизм, который дебютирует в олимпийской программе 2026 года. Россиянин Н. Филиппов уже практически гарантировал себе участие, набрав необходимое количество очков на этапах Кубка мира. Это один из немногих случаев, когда российский спортсмен имеет твердую квоту и фактическое право выступить в Милане и Кортина-д'Ампеццо.

Все российские спортсмены, допущенные к участию, смогут поехать только в нейтральном статусе — без флага, гимна и национальной символики. В командных видах спорта этот статус вообще не применяется, поэтому хоккей, керлинг, биатлон и бобслей полностью исключены. Даже в индивидуальных дисциплинах допускаются лишь те, кто прошел дополнительную проверку и не связан с тренерами или федерациями, находящимися под санкциями.

Таким образом, к осени 2025 г. положение России в олимпийском движении остается ограниченным. Вероятнее всего, на Играх 2026 г. страну смогут представить лишь несколько нейтральных спортсменов — фигуристы-одиночники, конькобежцы, шорт-трекисты и, возможно, один представитель ски-альпинизма. Большинство традиционно сильных зимних направлений, включая лыжные гонки, биатлон и хоккей, останутся без российских участников.

Заключение

Проведённый анализ позволил установить, что спорт на протяжении последних десятилетий выступал одним из наиболее эффективных инструментов реализации концепции «мягкой силы» России, способствуя формированию позитивного международного имиджа страны и укреплению её символического капитала. Проведение масштабных соревнований — таких как Олимпийские игры в Сочи (2014) и Чемпионат мира по футболу (2018) — продемонстрировало способность России выступать в роли организатора глобальных событий и транслировать культурно-цивилизационные ценности посредством спортивной дипломатии.

Вместе с тем политизация международного спорта, усиленная санкционной политикой западных государств, радикально изменила условия функционирования спортивной сферы. Последовательное ограничение участия российских спортсменов в международных соревнованиях, введение нейтрального статуса, а также запрет на использование государственной символики фактически сузили пространство для реализации спортивного потенциала как ресурса внешнеполитического влияния.

Таким образом, современная спортивная дипломатия России претерпела глубокую трансформацию — от активного актора глобальных коммуникаций к участнику, вынужденному действовать в условиях политической и символической изоляции. Несмотря на это, спорт продолжает выполнять важную функцию поддержания национальной идентичности, культурного единства и международной субъектности страны. Перспективы дальнейшего использования спорта как инструмента «мягкой силы» напрямую зависят от восстановления доверия в международных структурах и формирования новых институтов спортивного сотрудничества, основанных на принципах равноправия и деполитизации. Россия, обладая мощным кадровым и инфраструктурным потенциалом, способна сохранить и развить этот ресурс, переориентировав его на укрепление партнерских связей в рамках альтернативных международных объединений и продвижение собственных гуманистических и спортивных ценностей.

Библиография

1. Nye J., Jr. Soft Power // Foreign Policy, № 80, Autumn 1990, P. 159-170.
2. Алексеева Д.А. Проблемы и перспективы участия России в Международном Олимпийском движении (политологический анализ). Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата политических наук. М. 2012. 28 с.
3. Леонова О. «Мягкая сила – ресурс внешней политики государства» // Информационно-аналитический журнал «Обозреватель». 2013. № 4. С. 24-37.
4. Подготовка к зимним Олимпийским играм 2014 года в Сочи. Досье // ТАСС. 05.02.2014. URL: <https://tass.ru/info/940404> (дата обращения: 06.10.2025).
5. Аналитическая справка о ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» в 2014 году // Официальный сайт Министерства спорта РФ. URL: <http://www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26377> (дата обращения: 06.10.2025).
6. Олимпийские игры 2014 в Сочи — основная информация: как прошли и кто выиграл,

- что было построено и стало с объектами // Спорт-Экспресс Интернет. 05.02.2024. URL: <https://www.sport-express.ru/olympics/reviews/olimpiyskie-igry-v-sochi-kogda-proshli-i-kto-vyigral-medalnuy-zachet-i-vse-obekty-olimpiady-2014-2175539/?ysclid=mgsfv81mrj626807654> (дата обращения: 06.10.2025).
7. Hudson M., Sommers J. Russia after Sochi // CounterPunch. 2014. URL: <https://www.counterpunch.org/2014/02/24/russia-after-sochi/> (дата обращения: 06.10.2025).
8. Ranking Of The World's Most Powerful People // Forbes. 2014, November 5. URL: <https://www.forbes.com/sites/forbespr/2014/11/05/2014-ranking-of-the-worlds-most-powerful-people/> (дата обращения: 06.10.2025).
9. Зимние Игры в Сочи: лучшие в истории, самые успешные для России // РИА Новости. 15.12.2014. URL: <https://ria.ru/20141215/1038068904.html?ysclid=mgsfynoyju401204349> (дата обращения: 06.10.2025).
10. Российские олимпийцы оправданы, но борьба за Игры-2018 еще впереди // ТАСС. 01 февраля 2018. URL: <https://tass.ru/sport/4922264> (дата обращения: 28.02.2025).
11. Principles relating to the implementation of the CAS award WADA vs RUSADA. URL: <https://stillmedab.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/News/2021/02/Principles-implementation-CAS-WADA-Rusada.pdf> (дата обращения: 28.02.2025).
12. Сальников Е.В., Сальникова И.Н. Особенности процесса политизации спорта высших достижений: историко-политологический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16, № 5. С. 105-116.
13. Как российских спортсменов возвращали к участию в международных соревнованиях // ТАСС. 08 декабря 2023. URL: <https://tass.ru/info/19494411> (дата обращения: 06.10.2025).
14. Рекомендуемые условия участия индивидуальных нейтральных спортсменов и вспомогательного персонала с российским или белорусским паспортом в международных спортивных соревнованиях, которые проводятся международными федерациями и организаторами международных спортивных соревнований // МОК. 28.03.2023. URL: https://www.olympics.com/athlete365/app/uploads/2023/04/Recommended-Conditions-of-Participation-for-Individual-Neutral-Athletes-and-Support-Personnel-with-a-Russian-or-Belarusian-Passport_eng_Russian.pdf?ysclid=mgz99x1kw168984650 (дата обращения: 06.10.2025).
15. СМИ подсчитали, что за год более 200 российских спортсменов сменили гражданство // Forbes. 2023. URL: <https://www.forbes.ru/sport/492794-smi-podscitali-cto-za-god-bolee-200-rossijskih-sportsmenov-smenili-grazdanstvo> (дата обращения 20.05.2025).
16. Бекарева К.Ю. Игры БРИКС – новый формат спортивного содружества // Вестник СибГУФК. 2023. № 4 (9). С. 41-45.
17. «Их поступок вызывает вопросы». Российский министр раскритиковал сменивших гражданство спортсменов // Lenta.ru. 2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/09/04/ih-postupok-vyzyvaet-voprosy-rossiyskiy-ministr-raskritikoval-smenivshih-grazhdanstvo-sportsmenov/> (дата обращения: 20.05.2025).
18. Мамияшвили попал в скандал на чемпионате Европы по борьбе // РБК. 2025. URL: <https://www.rbc.ru/sport/10/04/2025/67f74d599a79475aab054f4c> (дата обращения 21.05.2025).
19. Олимпиада-2026 без России уже в шести видах спорта. Кто остановит беспредел // РИА Новости. 16.09.2025. URL: <https://rsport.ria.ru/20250916/olimpiada-2042260597.html?ysclid=mh09bha0rk397967655> (дата обращения: 06.10.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает трансформация роли спорта как инструмента «мягкой силы» России в условиях санкционного давления, допинговых скандалов и введения практики нейтрального статуса спортсменов с 2014 года по настоящее время. Научная актуальность работы обусловлена нарастающей геополитической турбулентностью, где спорт превращается из объединяющего фактора в инструмент гибридной войны и санкций против России, что делает необходимым переосмысление механизмов внешнеполитического позиционирования государства через альтернативные каналы «мягкой силы» в условиях частичной изоляции от традиционных международных спортивных институтов. Практическая значимость исследования заключается в предоставлении рекомендаций для разработки альтернативных стратегий спортивной дипломатии, таких как организация внутренних и региональных соревнований (например, Игры БРИКС), что может помочь России сохранить спортивный потенциал и укрепить партнерства в рамках многосторонних объединений вроде БРИКС, минимизируя потери от международной изоляции. Результаты исследования могут быть также использованы при разработке стратегических документов в области спортивной дипломатии, корректировке государственной политики финансирования международных спортивных проектов и формировании подходов к взаимодействию с альтернативными международными спортивными объединениями вне западноцентричной системы. В методологическом плане автор декларирует использование системного и институционального подходов. Но фактически в работе применяется описательно-аналитический метод, основанный на изучении конкретных кейсов международных спортивных событий с участием России (Олимпиады в Сочи 2014 года, Чемпионата мира по футболу 2018 года, Олимпиады в Париже 2024 года). Автор использует элементы контент-анализа публичных высказываний зарубежных экспертов и политиков, а также статистический анализ данных об участии российских спортсменов в международных соревнованиях и финансовых затратах на спортивную инфраструктуру. Теоретической рамкой послужила весьма популярная в последнее время концепция «мягкой силы» Джозефа Ная, однако эта концепция скорее обозначена как отправная точка, нежели применена как аналитический инструмент для интерпретации эмпирического материала. Сравнительный анализ затрагивает различия в финансировании спорта между Россией и США, однако не получает систематического развития. Тем не менее, несмотря на некоторые недостатки дизайна исследования, автору удалось получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, в процессе работы установлено, что в период с 2014 по 2024 год произошла радикальная смена парадигмы функционирования российского спорта на международной арене – от стратегии активного организатора глобальных мегасобытий к вынужденной модели фрагментарного участия через механизм нейтрального статуса, что фактически нивелирует возможности трансляции государственной символики и культурных ценностей. Кроме того, выявлена тенденция массового перехода российских спортсменов под флаги других государств (Албании, Болгарии, Бахрейна, Узбекистана, Германии, Азербайджана) после 2022 года, что свидетельствует не просто об индивидуальных карьерных решениях, но о системном кризисе национальной модели спортивной дипломатии и утрате государством контроля над использованием человеческого капитала в сфере элитного спорта. Наконец, по

результатам исследования показано, что к 2025–2026 годам сложилась ситуация асимметричного допуска российских спортсменов к международным соревнованиям, при которой доступ сохраняется преимущественно в индивидуальных технических дисциплинах (фигурное катание, конькобежный спорт, шорт-трек, ски-альпинизм), в то время как командные виды спорта и дисциплины с высокой медийной видимостью (биатлон, хоккей, лыжные гонки) оказались полностью закрыты, что лишает Россию возможности демонстрировать коллективные достижения и национальное единство. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. Хотя рубрикация текста небезупречна: автор почему-то выделил всего два больших содержательных раздела, хотя по смыслу их можно было бы выделить больше. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где автор обосновывает значимость концепции «мягкой силы» для российской внешней политики в условиях геополитической турбулентности, формулирует объект и предмет исследования (спорт как элемент внешнеполитического позиционирования и особенности его реализации в условиях санкций), определяет цель работы и описывает теоретико-методологическую базу, опирающуюся на концепцию Джозефа Ная и методы системного, институционального и сравнительного анализа; - «Спорт как источник "мягкой силы" России», где рассматривается историческая эволюция использования спорта как инструмента национальной саморекламы с начала XX века, анализируются причины актуальности «мягкой силы» для России (отсутствие экономического лидерства, потребность в моральном авторитете, негативное восприятие со стороны Запада), приводится детальный перечень крупнейших международных спортивных мероприятий, организованных Россией в период 2011–2024 годов, и оценивается успех Олимпиады в Сочи 2014 года как наиболее яркого примера эффективной спортивной дипломатии; - «Опыт участия российских спортсменов в международных соревнованиях в нейтральном статусе», где анализируются последствия допинговых скандалов после доклада Макларена 2016 года, описывается отстранение России от Олимпиад в Пхенчхане и Токио, рассматривается феномен массовой смены спортивного гражданства российскими атлетами после 2022 года (с конкретными примерами Валиева, Варфоломеевой, Коцоева и других) и детально описываются крайне ограниченные перспективы допуска к зимней Олимпиаде 2026 года, где доступ сохраняется лишь в отдельных индивидуальных дисциплинах при полном закрытии командных видов спорта, а также демонстрируется, как допинговые скандалы стали инструментом политического давления, подрывающим позиции России в международном спортивном сообществе; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, делаются выводы о том, что спорт являлся эффективным инструментом «мягкой силы» России до середины 2010-х годов, однако политизация международного спорта и санкционная политика радикально сузили пространство для реализации спортивного потенциала в качестве ресурса внешнеполитического влияния; при этом сохраняется потенциал использования спорта для поддержания национальной идентичности и развития партнерских связей в рамках альтернативных международных объединений. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, попадаются оценочные суждения и разговорные выражения «унизительные условия», «грубо надев на него медаль»; и др.) и грамматических (например, журнализм (не научное понятие!) «страны коллективного Запада» почему-то написан с заглавных букв: «страны Коллективного Запада»; или опечатки, как в предложении «... Джеффри Соммерс, адъюнкт-профессор политэкономии Университета Висконсина в Милуоки, в своей статье, посвященной...»; встречаются и несогласованные предложения «Только по официальным данным 214 млрд руб. было потрачено на подготовку и

проведение Олимпийский игр в Сочи...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 19 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части статьи. В числе безусловных достоинств рецензируемой работы, перевешивающих ее недостатки, можно отметить следующие. Исследование отличается обширной эмпирической базой, включающей конкретные данные о финансировании спортивных мероприятий (214 млрд рублей на Олимпиаду в Сочи, 69,7 млрд рублей на подготовку спортсменов в 2014 году), детальный перечень международных соревнований с указанием городов и годов проведения, а также фактологию по конкретным спортсменам, сменившим гражданство, что придает работе убедительность и позволяет проследить масштаб трансформации российской спортивной дипломатии. Автор демонстрирует способность к критическому анализу официальной риторики, не ограничиваясь пересказом позиции российских властей или международных организаций, а выявляя противоречия и парадоксы в функционировании системы допуска российских спортсменов к соревнованиям (например, непрозрачность процедуры отбора «нейтральных» атлетов, асимметричные ограничения по различным дисциплинам), что свидетельствует о вдумчивом подходе к изучаемой проблеме.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны исследователям в области международных отношений и политической науки, изучающим инструменты "мягкой силы" и публичной дипломатии; специалистам по спортивному менеджменту и спортивной политике, анализирующим влияние геополитических факторов на функционирование национальных спортивных систем; аналитикам государственных структур, занимающимся разработкой стратегий внешнеполитического позиционирования России; а также преподавателям и студентам профильных направлений подготовки, интересующимся взаимосвязью спорта и политики в современном мире. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Яник А.А., Попова С.М. Подходы к управлению демографическим развитием в контексте достижения ЦУР: международный опыт // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76422 EDN: HFMWTX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76422

Подходы к управлению демографическим развитием в контексте достижения ЦУР: международный опыт

Яник Андрей Александрович

ORCID: 0000-0002-1599-6280

кандидат технических наук

ведущий научный сотрудник; Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, оф. 1

✉ aa.yanick@yandex.ru

Попова Светлана Михайловна

ORCID: 0000-0002-1348-4492

кандидат политических наук

ведущий научный сотрудник; Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН

119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, оф. 1

✉ sv-2002-1@yandex.ru

[Статья из рубрики "Глобальные проблемы развития мировой цивилизации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76422

EDN:

HFMWTX

Дата направления статьи в редакцию:

21-10-2025

Дата публикации:

28-10-2025

Аннотация: В статье представлены результаты анализа современного международного опыта, проведённого с целью выявления наиболее распространенных подходов к

управлению демографическим развитием в контексте достижения Целей устойчивого развития. Тематика управления национальным демографическим развитием в контексте достижения ЦУР является актуальным исследовательским направлением, поскольку для принятия научно обоснованных управленческих решений требуется глубокое понимание динамики глобальных и национальных демографических перемен, их взаимодействия с другими мировыми трендами, такими, как климатические изменения, цифровая трансформация, рост общей напряженности в мире. Опыт управления демографическим развитием в контексте достижения ЦУР может быть полезен для России, поскольку с управленческой точки зрения, задачи, которые наша страна и международное сообщество решают в области продвижения к модели устойчивого развития в условиях глобальных демографических сдвигов, являются схожими. Источниковую базу исследования составили официальные документы, отчеты, прогнозы, экспертные публикации международных организаций (ООН, ОЭСР, МВФ, Европейская комиссия) и государств различных регионов мира, данные международной статистики и релевантная научная литература. В работе использовались общенаучные подходы, семантический анализ, сравнительные методы. Определены группы факторов, которые влияют на международные подходы к управлению демографическим развитием в контексте достижения ЦУР. Показан амбивалентный характер влияния глобальных демографических сдвигов на перспективы достижения различных ЦУР. Сделан вывод о том, что в современных условиях происходит взаимная корректировка политики управления демографическим развитием в контексте достижения ЦУР и, соответственно, корректировка политики по достижению ЦУР в контексте влияния глобальных демографических сдвигов. Приоритетным подходом становится использование методов адаптивного управления. При этом адаптация не означает, что политика ограничивается реакцией на вызовы внешней среды. Напротив, эффективное адаптивное управление должно носить проактивный характер с тем, чтобы целенаправленно управлять демографическими изменениями с учетом новых реалий. Одно из перспективных направлений демографической политики – содействие увеличению в структуре населения доли граждан трудоспособного возраста и создание возможностей, позволяющих более эффективно использовать возникающий «демографический дивиденд» для роста экономики.

Ключевые слова:

Демография, Демографическое развитие, Демографическая устойчивость, Устойчивое развитие, Цели устойчивого развития, Глобальные демографические сдвиги, Рост населения, Старение населения, Урбанизация, Миграция

Введение

Демографические изменения – мощный фактор, который на всех уровнях (глобальный, национальный, локальный) воздействует на условия и результаты деятельности по достижению Целей устойчивого развития (ЦУР)^[1] и требует специального внимания государств. Тематика управления национальным демографическим развитием в контексте достижения ЦУР является актуальным исследовательским направлением, поскольку для принятия научно обоснованных управленческих решений требуется глубокое понимание динамики глобальных и национальных демографических перемен, их взаимодействия с другими мировыми трендами, такими, как климатические изменения, цифровая трансформация, рост общей напряженности в мире [см., например: 2-5].

В настоящей работе представлены результаты мониторинга современного международного опыта, проведённого для выявления наиболее распространенных подходов к управлению демографическим развитием в контексте достижения Целей устойчивого развития. Источниковую базу исследования составили официальные документы, отчеты, прогнозы, экспертные публикации международных организаций (ООН, ОЭСР, МВФ, Европейская комиссия) и государств различных регионов мира, данные международной статистики и релевантная научная литература. В работе использовались общенаучные подходы, семантический анализ, сравнительные методы.

1. Демографические изменения и достижение ЦУР: взаимосвязь и проблемы

Процессы управления демографическим развитием и достижением ЦУР тесно связаны. Расширение понимания взаимозависимости динамики народонаселения и устойчивого развития, управление изменениями в демографической сфере - традиционные задачи Организации Объединенных Наций. Задолго до принятия ЦУР (Отдел народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам функционирует с 1946 г.) на уровне ООН формулируются согласованные принципы и рамочные подходы к управлению демографическими изменениями, которые суверенные государства реализуют в своих политиках, а также действуют различные программы для государств-членов. Основное внимание фокусируется на таких областях, как глобальное увеличение численности населения, старение, миграция и устойчивое развитие [\[6\]](#).

При этом ООН исходит из принципиальной позиции, согласно которой государства, реализуя свою демографическую политику, обязаны обеспечивать права и репродуктивные свободы граждан. В частности, в 1994 г. на базе междисциплинарной платформы ООН «Международная конференция по народонаселению и развитию (ICPD)» была принята Программа действий Фонда ООН в области народонаселения для защиты прав и репродуктивных свобод граждан Земли (далее – Программа действий Фонда ООН) [\[7\]](#).

На международном уровне достигнуто понимание, что демографические проблемы являются фундаментальным фактором, влияющим на прогресс в достижении Целей устойчивого развития, выступая одновременно движущей силой и препятствием на пути их достижения. Управление переходом к устойчивому развитию в глобальном масштабе осложняется необходимостью добиться согласованного продвижения к ЦУР государств – членов ООН при крайне разнообразных стартовых и текущих условиях в динамично меняющемся демографическом контексте.

Соответственно, при наличии некоего набора универсальных рекомендаций по разработке национальных политик, способствующих решению проблем народонаселения (например, предложения увеличивать инвестиции в образование, проводить политику поощрения инноваций и предпринимательских инициатив, совершенствовать систему социальной защиты и пр.), опыт каждой страны является уникальным, а эффективность решений по управлению демографическим развитием в контексте достижения ЦУР крайне чувствительна к индивидуальным особенностям государств даже в рамках больших региональных сообществ, вроде Европейского Союза.

Демографические факторы, влияющие на достижение ЦУР

В 2024 г. к 30-летию ICPD на основе мониторинга и обзора реализации Программы действий Фонда ООН в режиме форсайт-сессии были определены ключевые тренды демографических изменений на период после 2030 г.

Согласно выводам экспертов ООН, сто семь из 169 задач ЦУР (или более 63%) сегодня прямо связаны с демографическими аспектами, а «их оценка и показатели прогресса напрямую зависят от того, растёт ли население, сокращается ли оно или перемещается» [8, с.20]. При этом глобальные демографические тенденции, такие как быстрый рост населения, его старение, урбанизация и миграция, по-разному влияют на различные ЦУР, от бедности и голода до действий в области изменения климата и равенства.

Международные подходы к управлению демографическим развитием в контексте достижения ЦУР исходят из необходимости учитывать влияние множества факторов, которые формально можно разделить на две большие группы.

Первая группа факторов — это демографическое разнообразие *стран*, под которым понимаются объективные различия государств в показателях их демографического состояния (темпы роста/снижения численности населения, гендерно-возрастная и социальная структура, уровень развития человеческого капитала и пр.). Очевидно, что разнообразие количественных и качественных характеристик народонаселения стран и регионов мира делает нетривиальной задачу общего, согласованного, единовременного достижения ЦУР в глобальном масштабе.

Вторая группа факторов – это *глобальные демографические сдвиги* (в первую очередь, изменение возрастной структуры населения, процессы урбанизации, миграции), которые, по определению ООН, отражают «совокупный опыт стран, находящихся на различных этапах демографического перехода к увеличению продолжительности жизни и уменьшению размера семей» [9]. Глобальные демографические сдвиги по-разному проявляют себя в различных странах, но при этом непосредственно влияют на траекторию устойчивого развития и, соответственно, достижение его целей.

В Таблице 1 приведены некоторые примеры возможного влияния глобальных демографических трендов на перспективы достижения некоторых ЦУР.

Таблица 1. Примеры возможного влияния глобальных демографических трендов на достижение ряда Целей устойчивого развития

ЦУР	Рост численности населения	Старение населения	Урбанизация	Мигр
ЦУР 1: Искоренение бедности	Рост численности населения, особенно в странах с низким уровнем дохода, может вести к росту уровня бедности, создаёт нагрузку на ресурсы, продовольственную безопасность и производительность сельского хозяйства.	После выхода на пенсию с увеличением возраста и ухудшением здоровья значительная часть пожилых людей объективно становится беднее.	Урбанизация обеспечивает доступ к более широкому спектру возможностей трудоустройства, что может помочь людям выбраться из нищеты. Инвестиции в государственные услуги, такие как образование и социальная защита, также чаще концентрируются	Денежные переводы мигрантов семьям снижать бедности доноре.

			в городских районах.	
ЦУР 2: Нулевой голод	Может увеличить спрос на продовольствие, что негативно скажется на продовольственной безопасности и доступу к питанию.	Более высокие показатели уровня бедности среди лиц старшего возраста, выход из трудоспособного возраста и трудовая дискриминация, ухудшение здоровья, отсутствие сбережений увеличивают риск голода среди пожилых.	Рост городского населения стимулирует развитие производства продуктов питания, агротехнологий, логистической инфраструктуры, укрепляет связь городов с сельскими районами. Урбанизация может вести к снижению ресурсных возможностей для производства продуктов, включая земли и рабочую силу.	Нерегулированная миграция негативно на продовольственную безопасность принимающих стран. Денежные переводы мигрантов вносят вклад в ликвидацию голода.
ЦУР 3: Крепкое здоровье и благополучие	Негативно влияет на недофинансируемые системы здравоохранения. Высокие показатели фертильности, являющиеся движущей силой быстрого роста, часто коррелируют с отсутствием доступа к услугам в области репродуктивного здоровья, способствуя предотвратимой материнской и младенческой смертности.	Ухудшение здоровья, рост неинфекционных заболеваний увеличивает спрос на медицинские услуги при снижении возможностей доступа.	Города могут обеспечить лучший доступ к медицинским учреждениям и программам общественного здравоохранения. Городское планирование может улучшить доступ к чистой воде и санитарии, что имеет решающее значение для общественного здравоохранения. Эффективный общественный транспорт может снизить загрязнение	Массовая нерегулированная миграция негативно на эпидемиологическую обстановку системы здравоохранения суммарного здоровья благополучия принимающих стран. Денежные переводы мигрантов повышают уровень здоровья в странах-донорах

			окружающей среды и улучшить физическое здоровье.	
ЦУР 4: Качественное образование	Обеспечение качественного образования для быстро растущего числа молодых людей требует значительных инвестиций в школы, учителей и ресурсы, что может стать проблемой для развивающихся стран.	Спрос на образование для лиц старшего возраста требует увеличения инвестиций в образовательные системы и их адаптации под специфические нужды и возможности этой категории населения.	Городская среда способствует более быстрому развитию образовательной инфраструктуры, её доступности для граждан.	Денежные переводы мигрантов вклад в достижение цели в донорах. Миграция прогресс достижения цели принимающих странах, обеспечить доступ к качественному образованию всех уровней.
ЦУР 8: Достойный труд и экономический рост	Может усугубить безработицу, сохранение низкой оплаты труда, повышение нагрузки на население трудоспособного возраста.	Может вести к сокращению численности рабочей силы и потенциальному снижению производительности экономики. Это может создать нагрузку на системы социального обеспечения и пенсионного обеспечения, которые рассчитаны на значительную часть населения трудоспособного возраста.	Урбанизация способствует развитию инноваций, созданию новых рабочих мест, обеспечению достойной работы для всех, росту производительности труда.	Миграция принимающих экономик дополняет трудовые стимулы, создание мест, позитивное влияние на перенос инноваций в экономику. Миграция негативно влияет на страны из-за «утраты мозгов». Неурегулированная миграция истощает принимающие страны, экономические потери.
ЦУР 10: Сокращение	Может усугубить существующее	Может усугублять возрастную	Может влиять на рост неравенства	Хотя может быть

неравенства	неравенство, особенно между различными возрастными группами или географическими регионами.	дискриминацию в сфере здравоохранения. Падение доходов с возрастом, более высокие показатели бедности среди пожилых (особенно женщин) снижают возможности равного доступа к качественной медицине, .	как между жителями городов и сельской местности, так и внутри мегаполисов.	движущей развития, исключая миграции политика негативно общество восприняли усугубить неравенств Хорошо управляет миграция уменьшить социальные экономическое неравенств стать и инновации принимаю стран.
ЦУР 11: Устойчивые города и сообщества	Может вести к неконтролируемому росту городов, к перегруженности городских систем и инфраструктур, увеличивает финансовые расходы, способствует увеличению числа обитателей трущоб, что снижает устойчивость.	Может вести к нагрузке на городские ресурсы, инфраструктуру, финансы. Требуется адаптации городских систем к потребностям людей старшего возраста.	Быстрая урбанизация может оказывать огромное давление на городскую инфраструктуру, приводя к заторам на дорогах, нагрузкам на санитарии и жилье, а также росту трущоб.	В городах не г мигрантов большей вероятност наблюдати изолирован районов недостаточном уровне обслуживания.
ЦУР 12: Ответственное потребление и производство.	Может увеличить спрос на ресурсы и способствовать ухудшению состояния окружающей среды.		Увеличивает потребление природных ресурсов, производство различных отходов, что ведет к ухудшению экологической обстановки.	Может спрос на способств ухудшению состояния окружающей среды.
ЦУР 13: Борьба с изменением климата	Может способствовать росту выбросов парниковых газов, загрязнению и		Способствует загрязнению воздуха, воды и почвы, ведет к росту выбросов	Может способств загрязнен деградаци окружающ

ЦУР 14: Жизнь под водой	деградации окружающей среды, изменению климата, снижению биоразнообразия, чрезмерному расходованию природных ресурсов.		парниковых газов, изменению климата, загрязнению и деградации окружающей среды, уменьшению поверхности воды (экспансия суши для строительства городов), снижению биоразнообразия	среды, чрезмерные расходы природных ресурсов.

Амбивалентный характер демографических сдвигов

Влияние демографических сдвигов имеет амбивалентный характер, что усложняет выбор стратегии и тактики демографического развития каждого государства в контексте достижения ЦУР, но при этом делает подобную задачу более творческой и наукоёмкой.

Например, рост глобального народонаселения, с одной стороны, может осложнять достижение ЦУР, связанных с борьбой с бедностью, голодом, неравенством, поскольку происходит, в основном, в странах с низким и ниже среднего уровнем дохода. С другой стороны, демографический рост может быть следствием увеличения продолжительности жизни, которая является показателем успехов социально-экономического развития (в частности, улучшения системы общественного здравоохранения и социального обеспечения, повышения уровня благосостояния граждан, распространения привычек к здоровому образу жизни и пр.).

Кроме того, страны, испытывающие проблемы в связи с повышением нагрузки на трудовое население, системы здравоохранения и социальной защиты из-за высокой рождаемости, в перспективе могут получить новые экономические возможности, благодаря вхождению молодых поколений в трудоспособный возраст и эффективному использованию инвестиций в образование и инновации, которые способствуют улучшению качества рабочей силы.

Старение населения, особенно заметное в странах Европы (по состоянию на 2024 г. граждане в возрасте 65+ составляют, в среднем, более 20% населения), в Японии (29,5%), традиционно считается источником проблем, поскольку объективно увеличивает нагрузку на национальный бюджет, работающее население, системы социального обеспечения и здравоохранения (рейтинг «старейших» стран мира представлен в Таблице 2).

Таблица 2. Страны мира с самой высокой долей населения в возрасте 65+

2025 г.		2050 г.	
Страна	Доля 65+, %	Страна	Доля 65+, %
Монако	36,8	Южная Корея	39,4
Япония	30,0	Япония	37,5
Италия	25,1	Италия	37,1
Португалия	24,9	Испания	36,6

Греция	24,4	Греция	34,5
Финляндия	24,2	Португалия	34,3

Источник: составлено авторами по материалам: The 2024 Revision of World Population Prospects; Statista, 2025

Однако при инновативных подходах к феномену старения населения лица 65+, сохраняя возможности профессиональной, творческой, общественной активности, становятся одним из ресурсов экономического развития, обеспечения связи поколений, передачи знаний, культуры и традиций. Как следствие, этот фактор может стать одним из источников развития в странах, способных вкладывать ресурсы в проведение политики, стимулирующей активное старение. Согласно прогнозам Международного валютного фонда, *здоровое старение* может увеличить рост валового внутреннего продукта (ВВП) в среднем на 0,4 % в период с 2025 по 2050 год [\[10\]](#).

Урбанизация (рост доли городских жителей в структуре населения) может, с одной стороны, стимулировать экономический рост и инновации. С другой стороны, она ведет к территориальным дисбалансам, снижению качества жизни городского населения из-за перенаселенности, роста нагрузки на инфраструктуру, недостатка жилья, загрязнения окружающей среды, повышенных эпидемиологических рисков, проблем с общественной безопасностью. Чтобы фактор урбанизации оказывал позитивное влияние на развитие, требуется повышение *эффективности городского планирования* и развития городов; увеличение инвестиций в инфраструктуру; развитие жилищного строительства с обеспечением доступа граждан к комфортному, но недорогому жилью; творческое развитие городских пространств, способствующих здоровому образу жизни, включая психологическое и ментальное здоровье.

Примером успешной стратегии по целенаправленному использованию эффектов урбанизации для достижения устойчивого развития может служить политика города Москвы [\[11\]](#), занимающей сегодня 25 место среди городов мира с самой большой численностью населения.

Миграция – глобальный тренд, который является вызовом для национальных политик устойчивого развития многих государств. С одной стороны, мигранты могут восполнять недостаток в рабочей силе принимающих стран (в том числе, в высококвалифицированных специалистах), способствовать экономическому росту и обогащать культурное разнообразие. Денежные переводы мигрантов из стран с низким и средним уровнем дохода своим семьям и инвестиции в диаспоры «снижают уровень бедности (ЦУР 1) и голод (ЦУР 2), содействуют доступу к здравоохранению (ЦУР 3) и образованию (ЦУР 4), а также к расширению прав и возможностей женщин (ЦУР 5)» [\[12\]](#).

С другой стороны, плохо регулируемая миграция может стать угрозой для национальной безопасности, создает риски для общественно-политической стабильности, увеличивает нагрузку на социальные системы. При этом сами мигранты сталкиваются с проблемами дискриминации, социальной незащищенности, бедности, отсутствием равного доступа к услугам, что имеет негативное влияние на достижение ЦУР.

2. Адаптивные подходы к управлению демографическим развитием

Типы демографической политики

Национальная демографическая политика - это всегда набор действий и программ

органов публичной власти, направленных на то, чтобы влиять на такие демографические тенденции, как численность, половозрастная структура, состояние здоровья и географическое распределение населения внутри страны. Мотивы демографической политики охватывают тематику экономических, экологических и социальных проблем. При разработке такой политики учитываются потребности в рабочей силе, дефицит ресурсов и культурные факторы. В многонациональных (многоконфессиональных) обществах также могут возникать этические проблемы в связи с репродуктивными правами, равенством и международным влиянием в усилиях по контролю за рождаемостью.

Демографическую политику формально принято делить на четыре основных типа, каждый из которых имеет свои уникальные цели и стратегии [\[13\]](#):

- Экспансионистская политика: (Pro-natalist policies) способствует увеличению численности населения и темпов его роста;
- Ограничительная политика: (Anti-natalist policies) ограничивает рост населения и его численность;
- Качественная политика: (Qualitative policies) фокусируется на повышении общего благосостояния населения;
- Иммиграционная политика: Направлена на регулирование роста и состава населения посредством миграции.

Очевидно, что подобная типизация является аналитической абстракцией, тогда как на практике всегда реализуется некая «гибридная» политика, использующая методы, относящиеся к разным концептуальным подходам.

Наиболее распространенные методы, используемые в разных типах демографической политики, приведены в Таблице 3.

Таблица 3. Типизация демографической политики

Тип политики	Цели	Методы
Экспансионистская	Увеличение численности рабочей силы, борьба со старением населения и стимулирование экономического роста	Финансовые стимулы (например, налоговые льготы для семей), субсидии на уход за детьми и политика, поощряющая иммиграцию
Ограничительная	Контроль рост населения, чтобы предотвратить истощение ресурсов или управлять быстрым ростом	Содействие планированию семьи, обеспечение доступа к средствам контрацепции и образованию, а в некоторых случаях и применение более жестких мер ограничения рождаемости (политика

		КНР «одного ребенка»)
Качественная	Укрепление общественного здравоохранения, повышение уровня образования и улучшение качества жизни	Инвестирование в инициативы в области здравоохранения для снижения уровня смертности, разработка образовательных программ для повышения грамотности и улучшение доступа к социальным услугам
Иммиграционная	Увеличение численности населения, восполнение нехватки рабочей силы или влияние на состав народонаселения	Создание стимулов для расселения квалифицированных работников или беженцев, введение квот и ограничений, контроль нелегальной миграции

Адаптивные подходы к управлению демографическим развитием

Вывод об объективной невозможности разработки универсальной политики управления демографическим развитием стал общепризнанным [\[14\]](#). Каждое государство выбирает собственные приоритеты развития в зависимости от складывающейся социально-экономической ситуации и трендов демографических изменений. При этом, как отмечают эксперты ООН, демографические проблемы будущего могут не иметь собственно демографических решений. Речь скорее идёт о важности повышения адаптационного потенциала самих обществ, прежде всего, о необходимости адаптации институтов государственного управления (особенно, в таких областях, как здравоохранение, образование и занятость) к последствиям демографических изменений [\[15\]](#).

Приоритетным направлением действий государств по пути прогресса становится взаимная *корректировка* политики управления демографическим развитием в контексте достижения ЦУР и, соответственно, корректировка политики по достижению ЦУР в контексте влияния демографических сдвигов для обеспечения благосостояния, экономической стабильности и устойчивого развития обществ. На практике речь, прежде всего, идет об углублении межсекторального сотрудничества государственных, частных и некоммерческих организаций, интеграции анализа демографических данных в разработку политики развития (Data-driven policy) и внедрении многоуровневого комплекса разнообразных, адресных, конкретных стратегий [\[16\]](#).

Ключевые стратегии адаптации включают в себя использование местных (локальных) ресурсов и человеческого капитала, продвижение социальных и технологических инноваций, прежде всего, в области повышения квалификации, цифровизации и поддержки малого и среднего бизнеса.

Особую роль играет переосмысление системы предоставления услуг, особенно в области образования, здравоохранения и ухода за больными. Адаптация также направлена на разработку индивидуальных стратегий демографического развития для поддержки регионов, сталкивающихся с сокращением численности населения [\[17\]](#).

В опыте ЕС по адаптации стратегий управления демографическим развитием к вызовам современности отдельно выделяются усилия по учету динамики рынка труда, поддержке сельских и стареющих сообществ, обеспечение социальной интеграции и снижения уровня бедности, а также специальная политика землепользования, направленная на решение таких проблем, как заброшенная недвижимость и неэффективное землепользование в сокращающихся районах, для сохранения застроенной среды и решения экологических проблем [\[18\]](#).

Фактически, при адаптации процессов управления демографическим развитием, речь идет о поэтапном итеративном процессе *обучения и настройки*, в ходе которого осуществляются вмешательства, отслеживаются и оцениваются их последствия, а следующее вмешательство адаптируется в соответствии с полученными знаниями [\[19\]](#).

Однако на практике подходы адаптивного управления демографическим развитием сталкиваются со многими препятствиями на пути его эффективного внедрения. Во-первых, трудно напрямую влиять на сами демографические изменения, поскольку они представляют собой медленные, долгосрочные процессы, связанные с историей культурных, социальных и экономических факторов развития. Во-вторых, чрезвычайно сложны процессы быстрой адаптации структур государственного управления для обеспечения необходимой гибкости, вопросы сохранения финансирования и институциональной поддержки мониторинга перемен. В-третьих, необходимы специальные меры преодоления ограниченного понимания сложных демографических процессов в обществе и укрепления доверия и сотрудничества между различными заинтересованными сторонами. Более детально, перечень возможных проблем и вызовов адаптационного управления демографическим развитием приведен в Таблице 4.

Таблица 4. Проблемы, затрудняющие эффективную адаптацию управления демографическим развитием к вызовам современности

Основные направления перемен	Проблемы, осложняющие адаптацию
Жесткость правовых рамок	Системы нормативно-правовых актов и руководящих принципов часто трудно изменить или адаптировать, обычно из-за устоявшихся традиций, принципов властвования или нежелания принимать новые идеи. Законы могут быть недостаточно гибкими, чтобы успевать за быстро меняющейся демографической ситуацией, например, неожиданные изменения в миграции
Недостатки взаимных обязательств (партнерства) власти и общества	Для адаптивного управления имеет решающее значение долговременность финансирования и институциональной поддержке усилий по мониторингу, обучению и адаптации. Сюда же относятся недостаточные возможности мониторинга, неопределенность, слабое понимание сути управляемых процессов и сопротивление переменам

Устойчивость бюджетно-налоговой политики	Дисбалансы в результате давления на рынок труда, бюджет и инфраструктуру из-за роста демографической нагрузки пожилых людей и/или коэффициента зависимости молодежи (YDR) на фоне сокращения численности населения трудоспособного возраста
Региональные диспропорции и различия	Демографические тренды в разных регионах часто ассиметричны, в частности, из-за различия в экономическом развитии, культурных нормах, истощения ресурсов и/или дефицита услуг
Дефицит рабочей силы	Общее сокращение численности населения трудоспособного возраста может привести к нехватке квалифицированных кадров и рабочей силы в экономических секторах обеспечения товарами первой необходимости и первоочередными услугами
Предоставление социальных услуг	Дополнительные организационные и финансовые затраты на перестройку системы услуг к потребностям все увеличивающегося стареющего населения, особенно в области здравоохранения и долгосрочного ухода
Источник: составлено авторами по материалам UNDESA World Population Prospects, 2024	

3. Примеры адаптации политики по управлению демографическими изменениями в странах мира

Страны реализуют индивидуальные стратегии для решения своих уникальных демографических проблем в контексте достижения ЦУР. Эти подходы определяются тем, сталкивается ли страна с быстрым ростом населения, старением населения или высоким уровнем миграции и урбанизации.

Страны Юго-Восточной Азии

Поскольку во многих государствах региона уровень рождаемости снижается, а ожидаемая продолжительность жизни возрастает, страны адаптируют свою политику к вызовам старения населения и поддержанию достаточного объема трудовых ресурсов для развития экономики.

Повсеместно политика в отношении лиц преклонного возраста представляет собой межсекторную задачу, так как она затрагивает многочисленные сферы – финансовую и экономическую политику, здравоохранение и образование, а также политику в отношении семьи [\[20\]](#). Ключевой подход здесь – создавать условия, позволяющие лицам пожилого возраста быть самостоятельными, активными, полезными для общества, но при этом иметь надежные гарантии социальной поддержки и защиты. Основные принципы для разработки национальных политик в отношении людей старшего возраста [\[21\]](#) были

приняты Генеральной Ассамблеей ООН еще в 1991 г. и основаны, в свою очередь, на Международном плане действий по проблемам старения 1982 г. (см. Доклад Всемирной ассамблеи по проблемам старения, Вена, 26 июля – 6 августа 1982 года).

Среди типичных мер адаптации национальных политик к вызовам стареющего общества:

- повышение возраста выхода на пенсию;
- создание возможностей для обучения и профессиональной переподготовки на протяжении всей жизни;
- увеличение расходов на здравоохранение;
- развитие цифровизации и цифровой грамотности;
- создание инфраструктуры, учитывающей особенности разных возрастов.

Главные направления адаптации демографической политики *Китайской Народной Республики* связаны с созданием современных систем здравоохранения и социального страхования для поддержки большего числа пожилых людей. После десятилетий «политики одного ребенка» КНР отменила ограничения на размер семьи (в 2016 г. была введена политика двух детей, в 2021 г. - политика трех детей), и в конечном итоге все ограничения на размер семьи были сняты. Это стало прямой реакцией на сокращение рабочей силы и быстрое старение населения.

Япония, одна из самых «старых» стран мира, активно проводит политику, нацеленную на комплексную поддержку пожилых людей и вовлечение их в трудовую деятельность. Еще в 1983 г. был принят Закон о службах здравоохранения для пожилых людей, который, помимо адаптации системы здравоохранения к нуждам людей старшего возраста, «предусматривал справедливое распределение затрат на медицину для этой категории граждан между всеми жителями страны» [\[22\]](#). Правительство также поощряет активное старение и обучение на протяжении всей жизни.

Южная Корея адаптирует свою политику для борьбы с демографическими сдвигами, включая стратегии управления сокращением численности населения в некоторых районах. Один из ключевых подходов - рост инвестиций в технологии и инновации, чтобы компенсировать сокращение рабочей силы.

Вьетнам, не обладая достаточными ресурсами для «инвестиций в стареющее население», развивает политику инклюзивности, опираясь на поддержку общественности. Например, создаются «Клубы самопомощи между поколениями», нацеленные на интеграцию пожилых людей в жизнь общества, повышение их благополучия.

В *Индии* – самой густонаселенной стране мира, где численность жителей продолжает расти очень быстрыми темпами, стратегия адаптации к демографическим вызовам первоначально была направлена на жёсткое ограничение рождаемости (включая даже практику принудительной стерилизации). После 1994 г. акцент был перенесен на политику укрепления «благополучия семьи», где особое внимание уделяется добровольному планированию семьи, репродуктивному здоровью, а также охране здоровья матери и ребенка [\[23\]](#). Сталкиваясь с огромными проблемами в обеспечении своего населения и управлением демографическим развитием в контексте достижения ЦУР, индийское правительство в настоящее время уделяет особое внимание стратегиям, направленным на инвестиции в человеческий капитал, таким как улучшение здравоохранения, образования и питания, для повышения экономической

производительности и сокращения неравенства.

Страны Африки

Учитывая прогнозируемый быстрый рост населения в странах Африки, особенно к югу от Сахары (в Нигерии и Анголе в 2015-2030 гг. рост составил больше 40%), страны разрабатывают политику по управлению этим фактором, которая включает программы, нацеленные на репродуктивное здоровье, планирование семьи и повышение качества человеческого капитала. Задача – гармонизировать рост народонаселения с ресурсными возможностями государств и обеспечить получение в ближайшем будущем новых возможностей для экономического развития за счет вхождения молодёжи в трудоспособный возраст.

В частности, *Нигерия* реализует несколько стратегий по управлению показателями рождаемости и инвестированию в человеческий капитал, направленных на получение демографического дивиденда. Основой является пересмотренная Национальная политика в области народонаселения в интересах устойчивого развития, которая была принята в 2022 г. Эта политика расширяет доступ к современным методам планирования семьи, консультированию и услугам по охране репродуктивного здоровья. Она предусматривает бесплатное, обязательное и качественное среднее образование для устранения причин ранних браков и подростковой беременности. Чтобы решить проблему занятости безработных выпускников и не имеющей высшего образования молодежи, в рамках Национальной программы социальных инвестиций запущены программы школьного питания и создания рабочих мест [\[24\]](#).

Гана интегрировала ЦУР в свою национальную систему развития и использует «бюджетирование на основе ЦУР» для мониторинга продвижения к поставленным целям и оценки эффективности действий правительства. Одна из важных инициатив – национальная программа школьного питания, которая направлена на борьбу с бедностью и годом и одновременно даёт детям возможности для получения образования.

Европейский Союз

Европейские страны адаптируют свою демографическую политику с помощью различных мер, прежде всего таких как финансовые стимулы (бонусы за оплачиваемый родительский отпуск, жилищные пособия и налоговые льготы, для стимулирования роста рождаемости) для семей, например, в Швеции и Венгрии, повышение пенсионного возраста и стратегии, позволяющие пожилым людям оставаться активными на рынке труда и в обществе в Германии, общий акцент на миграцию квалифицированных кадров, а также введение Европейским союзом новых директив, учитывающих интересы семьи [\[25\]](#).

Активную политику управления демографическими изменениями проводит *Франция*. Она включает широкий спектр мер прямого и косвенного стимулирования рождаемости, многодетности, создания семей, в том числе:

- стимулирование рождаемости за счёт финансовой помощи семьям, в том числе посредством предоставления налоговых льгот;
- поощрение рождения третьего и четвёртого ребёнка (единоразовые выплаты на каждого рождённого ребёнка, размер которых определяется в процентах от заработной платы);

- поддержка малообеспеченных семей (помимо единовременного пособия по рождению ребёнка и базовых выплат на ребёнка до 3 лет, направляются целевые средства на приобретение школьных принадлежностей до достижения ребёнком совершеннолетия; содействие в покупке жилья; пособия на оплату жилья и коммунальных услуг; компенсация расходов на летний отдых детей и др. меры);
- льготы при назначении пенсии матерям, воспитавшим трёх и более детей;
- помощь в совмещении родительских и трудовых обязанностей [\[26-27\]](#).

Особый интерес представляет опыт европейских стран по адаптации своих политик к вызовам старения населения [\[28-32\]](#).

Европа реализует многосторонний подход, ориентированный на экономическую устойчивость, активное старение, инновации в области здравоохранения и социальную интеграцию. Стратегия реализуется посредством сочетания инициатив на уровне Европейского Союза [\[33\]](#) и политики, разработанной отдельными государствами-членами.

Пенсионные реформы призваны обеспечить устойчивость государственных пенсионных систем. Меры включают повышение установленного законом пенсионного возраста, индексацию пособий в соответствии с ожидаемой продолжительностью жизни и противодействие досрочному выходу на пенсию. Это помогает снизить нагрузку на государственные финансы со стороны растущего числа пенсионеров.

Политика поощрения пожилых работников способствует продолжению занятости пожилых работников посредством целевых инициатив. К ним относятся программы переподготовки, гибкий график работы и усилия по борьбе с эйджизмом на рабочем месте.

Содействие управляемой законной иммиграции все чаще рассматривается как способ решения проблемы нехватки рабочей силы и частичной компенсации демографического сдвига.

Стратегия создания благоприятной среды для пожилых людей включает проектирование городов, удобных для проживания пожилых людей, и улучшение инфраструктуры, такой как доступный транспорт и жилье, для расширения возможностей независимой жизни.

Европейская стратегия *медицинского обслуживания* для пожилых людей направлена на повышение качества, ценовой доступности услуг долгосрочного ухода по всему ЕС. Это предполагает расширение ухода на дому и по месту жительства, повышение профессионализма персонала, осуществляющего уход, и увеличение финансовых ресурсов, развитие цифровых решений в области здравоохранения (телемедицина, создание Европейского пространства данных о здравоохранении и др.).

Особое внимание уделяется программам социальной интеграции, направленных на борьбу с одиночеством пожилых людей, с их социальной изоляцией и дискриминацией по возрасту, а также способствующих вовлечению людей старшего возраста в жизнь их сообществ. В частности развиваются инициативы по повышению цифровой грамотности пожилых людей, обеспечению солидарности между поколениями.

Одно из важных направлений – политика, направленная на снижение риска обнищания, обеспечение адекватных пенсий, борьбу с гендерным пенсионным разрывом.

Выводы

1. Анализ показал, что в настоящее время, в отличие от момента принятия Генеральной Ассамблеей ООН Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (сентябрь 2015 г.) в соответствующем международном дискурсе чётко артикулируется сюжет о необходимости целенаправленной *адаптации* национальных политик в области достижения ЦУР к глобальным демографическим изменениям, а также их *гармонизации* с государственными политиками в области демографического развития.

Эффективное управление изменениями в демографической сфере понимается не как самоцель, а как один из элементов комплексной, многоуровневой стратегии перехода к устойчивому развитию, как механизм достижения ЦУР и создания новых возможностей для социально-экономического роста.

2. На международном уровне всё чаще звучит мысль о настоятельной необходимости *перехода от реактивной к проактивной стратегии* демографического развития: политика в области народонаселения должна не просто реагировать на демографические изменения, но управлять ими. В частности, по мнению, директора Отдела по программам Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА), Дж. Бунтинг, государства должны задумываться о *планировании* демографических перемен, поскольку именно такой подход позволит обеспечить возможности «для достижения прогресса в таких областях, как образование, здравоохранение, устойчивое развитие и репродуктивные права, и построить более справедливое будущее для всех» [\[34\]](#).

3. Международные подходы исходят из понимания, что демографическое развитие не связано исключительно с ростом количественных показателей народонаселения. Между увеличением суммарного коэффициента рождаемости или ростом численности населения не всегда есть прямая связь с экономическим прогрессом.

Как показывает практика разных стран, возможны варианты, когда благоприятные условия для ускоренного экономического роста создает, напротив, снижение рождаемости или старение населения. Речь идёт о возникновении положительного, хотя и временного экономического воздействия от благоприятного возрастного распределения (т.н. «демографический дивиденд»), обусловленного устойчивым снижением рождаемости. Усилить эффект от увеличения в структуре населения доли лиц трудоспособного возраста могут такие направления стратегий национального развития, как инвестиции в непрерывное образование, качественное здравоохранение, содействие обеспечению полной и производительной занятости для всех, в том числе для женщин, увеличение трудоспособного возраста, цифровая трансформация экономики [\[35\]](#).

Те же меры способны обеспечить возможности экономического роста и для государств с высокой рождаемостью, но с низким и средним уровнем дохода. По прогнозам ООН, именно в этих странах в 2030-х годах будет проживать около 90% из прогнозируемых 1,4 миллиарда человек в возрасте от 15 до 24 лет [\[34\]](#). Это самое многочисленное в истории молодое население сможет (в случае успеха соответствующей политики развития), «стимулировать инновации, укреплять экономику, использовать цифровые технологии, помогать строить мир и бороться с климатическим кризисом» [\[34\]](#).

4. В настоящее время глобальные демографические сдвиги всё чаще рассматриваются не как проблемы или трудности, которым нужно противостоять, а как вызовы, стимулирующие государства адаптировать свои стратегии к новым реалиям для того, чтобы получить дополнительные возможности для устойчивого развития, роста

экономики и благополучия граждан [\[36-38\]](#).

Как следствие происходит повсеместный переход от упрощенных подходов, нацеленных на «ручное управление демографической динамикой» (например, реализация монополитик, сосредоточенных лишь на повышении или снижении суммарного коэффициента рождаемости, либо на жёстком ограничении миграции) [\[39, с.18\]](#) к комплексным долгосрочным стратегиям демографического развития, способным не только справляться с существующими демографическими переменами, но и планировать их. Одно из перспективных направлений – содействие увеличению в структуре населения доли граждан трудоспособного возраста и создание возможностей, позволяющих более эффективно использовать возникающий «демографический дивиденд» для роста экономики.

5. Анализ международного опыта управления демографическим развитием в контексте достижения ЦУР может быть инструментально полезен для Российской Федерации, поскольку наша страна реализует стратегию достижения национальных целей развития в условиях, когда составляющие её регионы отличаются большим демографическим и социально-экономическим разнообразием. С управленческой точки зрения, задачи, которые Россия и международное сообщество решают в области стратегического планирования в рамках продвижения к модели устойчивого развития, являются схожими. В частности, речь идёт о необходимости взаимной увязки, эффективной дезагрегации и согласованной реализации многоуровневых комплексных стратегий и координации действий органов публичной власти всех уровней для достижения национальных целей развития с учетом особенностей демографической ситуации и различных ресурсных возможностей регионов.

В практике стратегического планирования и государственного аудита в нашей стране внимание к ЦУР и их показателям стало уделяться с 2019-2020 гг., в немалой степени, благодаря активности Счетной палаты Российской Федерации [\[40\]](#), поскольку внедрение мониторинга достижения показателей ЦУР (с соответствующей методологией) «позволяет выявлять риски недостижения целей развития, установленных на федеральном и региональном уровне» [\[41\]](#). Анализ планов и результатов деятельности органов публичной власти в «разрезе показателей ЦУР» помогает количественно и качественно оценить динамику достижения целей развития не только на уровне Российской Федерации, но и в международном сравнении.

6. Необходимо отметить, что подходы российской науки также обогащают теорию и практику совместных действий мирового сообщества по достижению ЦУР, в частности, углублением понимания места демографических аспектов в концепции устойчивого развития. Принципиальным в этом плане представляется вывод о том, что глобальные и национальные стратегии перехода к устойчивому будущему, помимо действий, направленных на достижение экономической, социальной и экологической устойчивости, должны сосредотачивать особое внимание на обеспечении устойчивости демографической, поскольку именно этот вид устойчивости составляет сущностную основу развития [\[42-43\]](#).

Глубокое понимание новых демографических реалий и научно обоснованная адаптация национальных стратегий развития к глобальным демографическим вызовам в перспективе способны дать синергетический эффект для глобального перехода к устойчивому будущему.

Библиография

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 25 сентября 2015 г. № A/RES/70/1.
2. The World in 2050. Transformations to Achieve the Sustainable Development Goals. Report prepared by The World in 2050 initiative. Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis, 2018. – 157 p. URL: https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/15347/1/TWI2050_Report081118-web-new.pdf (дата обращения: 20.10.2025).
3. Foroudi, P., Marvi, R., Cuomo, M. T., & D'Amato, A. Sustainable Development Goals in a regional context: conceptualising, measuring and managing residents' perceptions. *Regional Studies*. 2024. Vol. 1-16. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2373871>.
4. Чернышев К.А. Демографическое развитие регионов России: движение к достижению национальных целей // Уровень жизни населения регионов России. 2025. № 21 (2). С. 212-222. DOI: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_3_212_222. EDN: DWABLU.
5. Суханова, Т. В., Щербаков, Е. М., Присэкарь, И. Р. Демографический потенциал национальной модели экономического роста // Креативная экономика. 2025. Т. 19. № 2. С. 191-202. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.19.2.122668>. EDN: ISPBQM.
6. Global Population Growth and Sustainable Development. UN DESA/POP/2021/TR/NO. 2. New York: United Nation, 2021. – 124 p. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/global-population-growth> (дата обращения: 20.10.2025).
7. Population and Development Programme of Action adopted at the International Conference on Population and Development, Cairo, 5-13 September 1994 // United Nation, ST/ESA/SER.A/149.
8. Navigating Megatrends: The ICPD Programme of Action for a Sustainable Future ICPD30 Think Piece: Demographic Change and Sustainability. United Nations Population Fund, 2024. – 32 p.
9. World demographic trends: Report of the Secretary-General. E/CN.9/2025/5. New York, NY: United Nation, 2025. – 18 p.
10. Грусс Б., Нурелдин Б. Поддержание роста в стареющем мире // МВФ. 2025. Июнь. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2025/06/sustaining-growth-in-an-aging-world-bertrand-gruss> (дата обращения: 20.10.2025).
11. Отчет об устойчивом развитии Москвы по итогам 2024 года. М.: Департамент экономической политики и развития города Москвы, 2024. – 20 с.
12. В центре внимания роль денежных переводов мигрантов в достижении целей устойчивого развития // ООН. Департамент по экономическим и социальным вопросам. URL: <https://www.un.org/ru/desa/gfrid-2017> (дата обращения: 20.10.2025).
13. Types and objectives of population policies – Population and Society // Fiveable. 2024 July 31. URL: <https://fiveable.me/population-and-society/unit-12/types-objectives-population-policies/study-guide/cRMbCt1NwR5qSzcG> (дата обращения: 20.10.2025).
14. Gietel-Basten S. Contemporary demographic challenges and population policies // *Bull World Health Organ*. 2024. Vol. 102. No. 4. P. 227-227. DOI: <https://doi.org/10.2471/BLT.24.291641>. EDN: HOSIML.
15. Icardy R., Gailey N., Goujon A., Natale F., Ueffing P. Global Demography Expert Survey on the Drivers and Consequences of Demographic Change. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2023. – 84 p. DOI: <https://doi.org/10.2760/139588>.
16. Shrinking Smartly and Sustainably: Strategies for Action. Paris: OECD Publishing, 2025. – 94 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/f91693e3-en>.
17. Syssner J. Pathways to Demographic Adaptation. Cham: Springer International

- Publishing, 2020. – 171 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-34046-9>.
18. Demographic change in Europe: a toolbox for action // Brussels: European Commission. COM/2023/577 final.
19. Månsson J., Eriksson L., Hodgson I., Elmberg J., Bunnefeld N., Hessel R., Johansson M., Liljebäck N., Nilsson L., Olsson C., Pärt T., Sandström C., Tombre I., Redpath S.M. Understanding and overcoming obstacles in adaptive management // Trends in Ecology & Evolution. 2023. Vol. 38. Issue 1. P. 55-71. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tree.2022.08.009>. EDN: VJBKSY.
20. Крузе А., Польманн Ш., Шмитт Э., Больк М., Хиннер Й. Политика в отношении лиц преклонного возраста: комплексный подход. Германская и международная перспективы // В памяти и добром здравии. Старшее поколение, общество и политика. Спецвыпуск / Под общей редакцией Ф. Вайксея, М. Заппера, А. Клоковой. – М.: Весь мир, 2011. С. 81-102.
21. Принципы Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей "Сделать полноправной жизнь лиц преклонного возраста". Приняты резолюцией 46/91 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1991 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml (дата обращения: 20.10.2025).
22. Григорьева Н.С. Государственная политика по охране здоровья пожилых людей и снижение смертности: опыт Японии // Экономическая наука современной России. 2007. № 51. С. 61-69. EDN: IJTYTP.
23. India Overtakes China as the World's Most Populous Country // UN DESA Policy Brief No. 153. 2023. April 24.
24. Amiesimaka OI, Payam S. Family planning policy and gender in Nigeria: A thematic analysis of the government's health policy perspective // Sociology of Health & Illness. 2025. Vol. 47. No. 2. (online) ID: e13853. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9566.13853>. EDN: XHBRZW.
25. Demographic change in Europe: A toolbox for action / Pape M., Szechy B., Grbesa M. PE 762.302. Brussels: European Union, 2024. – 12 p.
26. Ефанова Л. Д., Федорова К. А. Демографическая политика Франции // Вестник ГУУ. 2019. № 12. С. 189-192. URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/1949/1014> (дата обращения: 18.09.2025). DOI: 10.26425/1816-4277-2019-12-189-192 EDN: SNUPNJ.
27. Шпакова, Р. Н., Щербакова, М. И. Демографическая политика Франции: история и современность // Вестник Евразийской науки. 2022. Т 14. № 6. URL: <https://esj.today/PDF/70ECVN622.pdf> (дата обращения: 20.10.2025). EDN: UANKBJ.
28. Government policies to address population ageing // UNDESA. Population Facts. October 2020, No. 2020/1. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2020_pf_government_policies_population_ageing.pdf (дата обращения: 20.10.2025).
29. Васильева Е.В. Российский и европейский опыт реализации концепции активного долголетия // Успехи геронтологии. 2024. Т. 37. № 5. С. 481-490. DOI: <https://doi.org/10.34922/AE.2024.37.5.001>. EDN: UTJVL.
30. Ананченкова П.И. Будущее мировой политики в условиях старения населения // Власть. 2025. № 33 (4). С. 287-293. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-4-287-293>. EDN: QFSSFP.
31. Вишневская Н.Т. Поддержание занятости работников старших возрастов в странах ОЭСР: перенастройка механизма // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 3. С. 135-154. EDN: LNHBSB.
32. Галкин К.А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах

- всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. №15 (2). С. 239-252. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.15 EDN: UQVRAL.
33. Влияние демографических изменений // Сайт Европейской комиссии URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/new-push-european-democracy/impact-demographic-change-europe_en#:~:text=The%20European%20Commission%20published%20the,resilience%20in%20an%20ageing%20Europe (дата обращения: 20.10.2025).
34. Bunting J. Why demography drives global development: a hidden force behind the SDGs. July 09, 2025 // SDG Action. URL: <https://sdg-action.org/why-demography-drives-global-development-a-hidden-force-behind-the-sdgs/> (дата обращения: 20.10.2025).
35. Global Population Growth and Sustainable Development. UN DESA/POP/2021/TR/NO. 2. New York: United Nation, 2021. – 124 p.
36. Калабихина И. Е., Казбекова З. Г. Влияние первого демографического дивиденда на экономический рост с учетом человеческого капитала // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 81-100. DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-5>. EDN: HUXEGP.
37. Казбекова З.Г., Лю Ю., Калабихина И.Е. "Старые" и "молодые" провинции Китая: возрастная структура и экономический рост // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2024. Т. 59. № 1. С. 96-121. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-1-5>. EDN: PMFYLB.
38. Казбекова З.Г., Калабихина И.Е. Прогноз динамики демографического дивиденда в России с учетом пенсионной реформы и пандемии // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. 2023. Т. 15. № 3. С. 68-82. DOI: <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2023-15-3-68-82>. EDN: MACIXE.
39. Scheijgrond J-W., Donovan P. Demographic shifts: How to steer towards economic growth // World Economic Forum. 2024. Oktober 15. (С. 18).
40. Журавлев Н., Сенин В., Текслер А., Шаройкина Е., Прокофьев С., Климанов В., Бобылев С., Ведяхин А., Байда А., Бахтина И., Долгих Е., Грозная Е., Константиныди Х., Миронова Т. Устойчивое развитие регионов. Мнения // Бюллетень Счетной палаты РФ: электрон. журн. 2023. № 9. С. 65 – 96.
41. Зайцев Д. Отчет о результатах параллельного экспертно-аналитического мероприятия "Анализ достижения субъектами Российской Федерации показателей целей устойчивого развития при реализации документов стратегического планирования в период с 2020 года по истекший период 2022 года" (со Счетной палатой Республики Татарстан, Счетной палатой Владимирской области, контрольно-счетной палатой Волгоградской области, контрольно-счетной палатой Воронежской области, контрольно-счетной палатой Липецкой области, контрольно-счетной палатой Нижегородской области, Счетной палатой Самарской области, контрольно-счетной палатой Тверской области, контрольно-счетной палатой Челябинской области, контрольно-счетной палатой Москвы и контрольно-счетной палатой города Севастополя) // Бюллетень Счетной палаты РФ: электрон. журн. 2023. № 9. С. 5 – 60.
42. Урсул А.Д. Демографическая проблема в контексте достижения глобальной устойчивости // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018. № 2. С. 5-24. EDN: XPBSSD.
43. Рыковская О.О. Демографическая устойчивость: концептуальное содержание и особенности проявления // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 4А. С. 217-225. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-economy-2024-4/b16-rykovskaya.pdf> (дата обращения: 20.10.2025). EDN: HKDLTW. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает международный опыт адаптации национальных политик управления демографическим развитием к глобальным демографическим трендам, таким как рост населения, старение, урбанизация и миграция, в целях обеспечения прогресса по Целям устойчивого развития (далее «ЦУР») ООН. Научная актуальность работы обусловлена необходимостью учета демографических сдвигов в глобальных стратегиях устойчивого развития, поскольку они одновременно выступают как факторами прогресса, так и препятствиями для достижения ЦУР в условиях климатических изменений, цифровизации и геополитической напряженности. Более 63% задач ЦУР напрямую зависят от демографических показателей, а глобальные демографические сдвиги требуют от государств перехода от реактивной к проактивной стратегии управления народонаселением. Практическая значимость исследования заключается в предоставлении рекомендаций для гармонизации демографических и развивающих политик, что может быть использовано государствами, включая Россию, для оптимизации стратегического планирования, мониторинга и аудита достижений ЦУР с учетом региональных различий. Результаты исследования могут быть использованы при разработке и корректировке стратегий демографического развития Российской Федерации, поскольку позволяют учесть международный опыт координации многоуровневых стратегий в условиях регионального демографического и социально-экономического разнообразия. К сожалению, сами авторы вместо подробного описания (и аргументации!) собственного теоретико-методологического выбора отделались слишком лаконичным (и таким же пустым!) упоминанием: «В работе использовались общенаучные подходы, семантический анализ, сравнительные методы». Но из контекста можно понять, что в процессе исследования применялся мониторинг официальных документов, отчетов и экспертных публикаций международных организаций (ООН, ОЭСР, МВФ, Европейская комиссия), а также государственных стратегий различных стран. Авторы использовали семантический концептуальный, а также институциональный виды анализа для выявления ключевых подходов в международном дискурсе о связи демографии и устойчивого развития, а также сравнительные методы для сопоставления национальных политик разных государств и регионов. Исследование опиралось также на данные международной статистики, что позволило количественно подтвердить выявленные тенденции и обосновать влияние демографических факторов на достижение конкретных ЦУР. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило авторам получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, в процессе исследования систематизирован международный опыт адаптивного управления демографическим развитием в прямой связи с реализацией Целей устойчивого развития, что позволило выявить общие закономерности и модели взаимного влияния демографических процессов и устойчивого роста. Выявлена эволюция международного дискурса от фрагментарного рассмотрения демографических факторов к системной артикуляции необходимости целенаправленной адаптации национальных политик достижения ЦУР к глобальным демографическим изменениям и их гармонизации с государственными демографическими стратегиями. Кроме того, установлено, что

современные международные подходы основаны на переосмыслении демографических сдвигов не как проблем, требующих противодействия, а как вызовов, создающих возможности для использования «демографического дивиденда» при условии проактивного планирования возрастной структуры населения и инвестиций в человеческий капитал. Наконец, обоснована применимость концепции демографической устойчивости как самостоятельного, сущностного компонента устойчивого развития наряду с экономической, социальной и экологической устойчивостью, что расширяет теоретическое понимание модели перехода к устойчивому будущему. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность управления демографическим развитием в контексте достижения ЦУР, формулируется цель мониторинга международного опыта, описывается источниковая база (официальные документы международных организаций, государственные стратегии, международная статистика) и применяемые методы исследования; - «1. Демографические изменения и достижение ЦУР: взаимосвязь и проблемы», где характеризуется история формирования согласованных подходов ООН к управлению демографическими процессами начиная с 1946 года, анализируется принципиальная позиция о необходимости соблюдения репродуктивных прав граждан, выделяются ключевые демографические тренды периода после 2030 года и систематизируются две группы факторов (демографическое разнообразие стран и глобальные демографические сдвиги), влияющих на достижение более 63% задач ЦУР; - «2. Адаптивные подходы к управлению демографическим развитием», где раскрывается концепция «демографического дивиденда» как временного экономического эффекта от благоприятного возрастного распределения населения, описывается успешный опыт стран Восточной Азии по использованию этого эффекта через инвестиции в образование и здравоохранение, а также обосновывается переход от реактивных к проактивным стратегиям демографического планирования; - «3. Примеры адаптации политики по управлению демографическими изменениями в странах мира», где систематизируются конкретные национальные практики, включая японские и южнокорейские меры поддержки рождаемости (финансовые стимулы, развитие инфраструктуры детских учреждений, пенсионные льготы для многодетных матерей) и европейские многосторонние подходы к адаптации к старению населения (пенсионные реформы, поощрение занятости пожилых работников, управляемая иммиграция, создание благоприятной городской среды, цифровизация здравоохранения); - «Выводы», где формулируются шесть основных результатов исследования: во-первых, показано, что в международном дискурсе теперь четко признается необходимость адаптировать национальные стратегии достижения ЦУР к глобальным демографическим изменениям и согласовывать их с демографическими политиками государств; во-вторых, обоснован переход от реагирования на демографические изменения к их активному планированию; в-третьих, доказано, что рост рождаемости не всегда ведет к экономическому прогрессу, а снижение рождаемости и старение могут создавать благоприятные условия для развития; в-четвертых, показано, что демографические сдвиги все чаще рассматриваются не как проблемы, а как вызовы, открывающие новые возможности; в-пятых, аргументирована применимость международного опыта для России с учетом регионального разнообразия страны; в-шестых, обоснована необходимость признать демографическую устойчивость самостоятельным компонентом концепции устойчивого развития наряду с экономической, социальной и экологической устойчивостью. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, странное смешение средств выражения чисел в

предложении «Согласно выводам экспертов ООН, сто семь из 169 задач ЦУР...»; или плеоназмы «в настоящее время, в отличие от момента принятия»; употребление в заголовке статьи аббревиатуры «ЦУР» также нельзя считать стилистически оправданным решением; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «Контроль рост населения, чтобы предотвратить истощение ресурсов или управлять быстрым ростом»; или опечатки, пропущенные пробелы и целые слова в предложениях «Стратегия создания благоприятной среды для пожилых людей включает...», «...Развитие цифровых решений в области здравоохранения(телемедицина...», «...Политика, направленная снижение риска обнищания...», «...Национальная программа школьного питания, которая направлена на борьбу с бедностью и голодом и одновременно дает...», «... В рамках Национальной программы социальных инвестиций запущены программы...»; есть и прямые грамматические ошибки, например, неверно написанное слово «асимметричны»; и др.) погрешностей, но в целом он написан более или менее грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 43 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части работы. В рецензируемой статье имеется несколько достоинств, перевешивающих ее недостатки. Прежде всего, авторы демонстрируют достаточно высокий уровень владения источниковой базой, используя не только программные документы международных организаций, но и конкретные примеры национальных стратегий (стратегии Восточной Азии по использованию демографического дивиденда, японские и южнокорейские политики поддержки рождаемости, европейские инициативы по активному старению), что позволило представить панораму современных подходов и избежать абстрактных обобщений. Табличное представление влияния демографических трендов на конкретные ЦУР сделало материал наглядным и убедительным. Кроме того, в работе прослеживается четкая исследовательская логика перехода от описания глобального контекста к конкретным национальным практикам и последующему извлечению методологических и прикладных выводов для России. Авторы не ограничиваются констатацией проблем, а показывают эволюцию международного дискурса от реактивных к проактивным стратегиям, от восприятия демографических изменений как угроз к их трактовке как возможностей, что придает исследованию концептуальную глубину и перспективный характер.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные авторами результаты будут интересны специалистам в области демографической политики и стратегического планирования в органах государственной власти федерального и регионального уровня, особенно тем, кто занимается разработкой и мониторингом стратегий устойчивого развития. Работа представляет ценность для исследователей, изучающих взаимосвязь демографических процессов и социально-экономического развития, а также для экспертов международных организаций, работающих над координацией национальных усилий по достижению ЦУР. Материал может быть полезен преподавателям и студентам, специализирующимся в области демографии, государственного управления и устойчивого развития. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации при условии устранения отмеченных недостатков.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ачонва Е. Вызовы миграционной политики в странах Западной Африки: противоречия между региональной интеграцией и национальными интересами (на примере Нигерии и Ганы) // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76482 EDN: IOARUY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76482

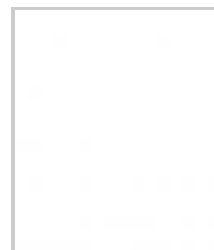
Вызовы миграционной политики в странах Западной Африки: противоречия между региональной интеграцией и национальными интересами (на примере Нигерии и Ганы)

Ачонва Етель Чинва

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ curve66549@mriscan.live

[Статья из рубрики "Региональные конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76482

EDN:

IOARUY

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2025

Дата публикации:

31-10-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу противоречий между региональной интеграцией и национальными интересами в рамках миграционной политики стран Западной Африки. Основное внимание уделяется рассмотрению роли Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) в регулировании миграционных процессов и обеспечении свободы передвижения граждан. На примере Нигерии и Ганы исследуются причины и формы расхождения между обязательствами, вытекающими из Протокола ЭКОВАС о свободном передвижении лиц, и внутренними приоритетами государств-членов Сообщества. В работе освещаются исторические, экономические и правовые предпосылки миграционной политики, а также выявляются ключевые социально-

экономические факторы, влияющие на степень ее реализации. Особое внимание уделено влиянию национальных протекционистских мер на эффективность интеграционного процесса в регионе Западной Африки. Теоретико-методологическая база исследования опирается на принципы регионализма и неофункционализма, которые позволяют рассматривать интеграционные процессы как результат взаимодействия национальных интересов и наднациональных институтов. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении миграционной политики ЭКОВАС через призму национальных интересов ключевых стран региона и в выявлении механизмов, препятствующих полноценной имплементации принципа свободы передвижения. В статье показано, что, несмотря на существование развитой нормативной базы и институциональных механизмов ЭКОВАС, государства-члены, прежде всего Нигерия и Гана, применяют её положения выборочно, исходя из внутренних социально-экономических и политических соображений. Автор приходит к выводу, что данные противоречия ограничивают потенциал региональной интеграции, усиливают неравномерность миграционных потоков и сохраняют зависимость стран региона от национальных регуляторов. Подчеркивается необходимость гармонизации национального законодательства с нормами ЭКОВАС и усиления роли наднациональных институтов для формирования эффективного миграционного пространства Западной Африки.

Ключевые слова:

ЭКОВАС, региональная интеграция, миграционная политика, Нигерия, Гана, свобода передвижения, национальные интересы, трудовая миграция, трансграничное сотрудничество, регион Западной Африки

Введение

Современные миграционные процессы в странах Западной Африки приобретают особое значение в контексте реализации стратегии региональной интеграции, проводимой Экономическим сообществом западноафриканских государств (ЭКОВАС). Несмотря на формальное закрепление принципов свободы передвижения лиц, права на проживание и учреждение бизнеса, их практическая реализация сталкивается с серьезными трудностями. Противоречие между наднациональными целями ЭКОВАС и приоритетом национальных интересов отдельных государств остается одной из ключевых проблем развития региона. Наиболее показательно это проявляется в миграционной политике Нигерии и Ганы — двух стран, играющих ведущие роли в западноафриканском интеграционном процессе.

Проблема исследования заключается в выявлении и анализе противоречий между региональными обязательствами, вытекающими из Протокола ЭКОВАС о свободном передвижении, и внутренними политико-экономическими интересами государств-членов. Эти противоречия препятствуют формированию единого миграционного пространства, создают риски для экономической интеграции и усиливают тенденцию к избирательной имплементации норм сообщества.

Цель статьи — определить специфику реализации миграционной политики ЭКОВАС на примере Нигерии и Ганы, выявить ключевые вызовы и противоречия между региональной интеграцией и национальным регулированием миграционных процессов, а также оценить влияние этих факторов на перспективы углубления сотрудничества в

Западной Африке.

Теоретико-методологическая база исследования опирается на принципы регионализма и неофункционализма, которые позволяют рассматривать интеграционные процессы как результат взаимодействия национальных интересов и наднациональных институтов. В качестве методологических подходов использованы сравнительный и институциональный анализ, а также элементы системного подхода, что позволило комплексно рассмотреть нормативную базу, практику имплементации протоколов ЭКОВАС и особенности национальных миграционных режимов Нигерии и Ганы. Эмпирическую основу составили официальные документы ЭКОВАС, национальные правовые акты, данные международных организаций (ООН, МОМ), а также актуальные аналитические и научные публикации по тематике миграции и региональной интеграции в Африке.

Значение ЭКОВАС в регулировании миграционных потоков в Западной Африке

Согласно данным Департамента Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН), в 2023 г. численность международных мигрантов в мире достигла приблизительно 300 миллионов человек ^[1]. Имеющаяся статистика за 2020 г. показывает, что на страны Африки к югу от Сахары приходился второй по величине показатель внутрирегиональной миграции, который составил 63%. Согласно информации Международной организации по миграции, большинство перемещений в Западной и Северной Африке, а также через Средиземное море, имели внутрирегиональный характер: из 39,4 млн мигрантов, родившихся в Африке, более 21 млн (или 53,2%) проживают на континенте. В период с 2000 по 2019 год численность международных мигрантов в Африке возросла с 15,1 до 26,6 млн человек, при этом, по имеющимся оценкам, 28% из них проживали в Западной Африке ^[2]. Таким образом, население Западной Африки относится к числу наиболее мобильных в мире.

Исторические данные о миграции свидетельствуют о том, что задолго до создания ЭКОВАС и последующего формирования механизмов свободного передвижения более 84% африканцев, проживающих в Западной Африке, мигрировали между государствами-членами и внутри них. Данные миграционные потоки в основном были обусловлены трудовыми и экономическими причинами и носили преимущественно сезонный характер. Как отмечает Аниша, искусственные границы, возникшие в колониальный период, и их непроницаемость не стали непреодолимым препятствием для перемещения населения, имевшего семейные и экономические связи в других странах Западной Африки после обретения независимости ^[3]. В этой связи возникла необходимость в разработке эффективной системы, способной документировать и регулировать миграционные процессы.

Миграционная политика в рамках Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) формировалась как ключевой элемент стратегии региональной интеграции. С момента основания организации в 1975 г. одной из ее главных задач стало обеспечение свободного передвижения людей, товаров и услуг между странами-членами. Принятый в 1979 г. Протокол о свободном передвижении лиц, праве проживания и праве учреждения заложил основу для создания единого миграционного пространства и стал важнейшим инструментом реализации концепции «ЭКОВАС народов».

Правовая база миграционной политики ЭКОВАС достаточно обширна. Первый протокол 1979 г. предусматривал поэтапную реализацию свободного передвижения: безвизовый въезд сроком до 90 дней, право проживания на территории другого государства и право

учреждения бизнеса. В последующие годы эти положения развивались и уточнялись в дополнительных протоколах 1985, 1986 и 1992 гг., которые закрепили гуманное обращение с мигрантами, защиту их собственности, правила депортации и недискриминации, а также унификацию миграционных документов. Пересмотренный Договор ЭКОВАС 1993 г. окончательно подтвердил обязательность реализации этих принципов. Особое значение имел Протокол 2018 г., который обновил подход к регулированию миграции в контексте Африканского экономического сообщества и Африканского союза. Он закрепил принципы недискриминации, уважения к национальному суверенитету и безопасности, ввел положения о выдаче африканского паспорта, взаимном признании квалификаций, защите уязвимых групп и разрешении споров через Арбитражную панель или Африканский суд по правам человека и народов [4].

Институциональная структура, обеспечивающая реализацию миграционной политики, включает Комиссию ЭКОВАС, которая координирует исполнение протоколов, национальные органы по миграции, а также специализированные платформы для диалога, такие как «Migration Dialogue for West Africa» (MIDWA), созданная в 2001 году [5]. Эти структуры обеспечивают сотрудничество между странами-членами в вопросах, выходящих за пределы национальной юрисдикции, и способствуют гармонизации миграционного законодательства.

Однако практика реализации протоколов оказалась неравномерной. Если безвизовый режим на срок до 90 дней соблюдается во всех странах региона, то права на проживание и учреждение бизнеса применяются далеко не везде. Различия в национальных иммиграционных системах, бюрократические барьеры и слабая координация мешают созданию по-настоящему единого миграционного пространства. Более того, свободное передвижение граждан нередко сопровождалось ростом транснациональной преступности, контрабанды, торговли людьми и нелегального оборота оружия, что привело к тому, что некоторые государства начали воспринимать протокол как угрозу своей внутренней безопасности [6].

Несмотря на эти трудности, миграционная политика ЭКОВАС принесла значительные социально-экономические результаты. Свободное перемещение людей способствовало росту региональной торговли, развитию неформального сектора и увеличению трудовой миграции. Большинство мигрантов из стран, таких как Мали, Буркина-Фасо, Нигер и Сьерра-Леоне, находят работу в соседних государствах, в том числе в Кот-д'Ивуаре, Гане и Сенегале. Рост объема денежных переводов свидетельствует о важной роли миграции в снижении бедности и поддержании экономической стабильности: например, в Сьерра-Леоне их объем увеличился с 47 млн долларов в 2016 г. до 293 млн долларов в 2023 году. Миграция также способствует культурным и образовательным связям, что укрепляет региональную идентичность [7].

В последние годы ЭКОВАС предпринимает шаги по совершенствованию своей миграционной политики. В 2014 г. была принята инициатива по введению биометрической идентификационной карты граждан ЭКОВАС, что должно упростить передвижение и устранить необходимость в визах и разрешениях на проживание. Разрабатывается Конвенция о социальной защите трудящихся мигрантов, направленная на гармонизацию трудовых стандартов и социальных гарантий в странах региона. В политике все больше внимания уделяется вопросам безопасности и защите уязвимых групп — беженцев, жертв торговли людьми, коренных народов. При этом практическая реализация свободного передвижения граждан стран-членов ЭКОВАС на пространстве

данного объединения сталкивается с рядом трудностей, которые автор рассмотрит на примере двух стран: Нигерии и Ганы.

Проблемы с адаптацией правовых норм ЭКОВАС в миграционное законодательство Нигерии

Нигерия признана государством-членом ЭКОВАС с наиболее развитой экономикой, крупнейшим вкладом в региональный ВВП и, как следствие, наибольшим влиянием. Портер указывает, что существование и признание регионального лидера (гегемона) является неотъемлемой чертой регионализма, и данную позицию, по-видимому, занимает именно Нигерия. Это единственная страна, входящая в число 15 крупнейших экономик Африки, что обуславливает приток большей части иностранных инвестиций именно в нее, тогда как на долю других государств региона приходятся незначительные объемы финансирования. Этот дисбаланс обусловлен значительным превосходством Нигерии по размерам, экономической мощи и политическому влиянию в сравнении с другими странами ЭКОВАС, которые относятся к категории государств с низким и средним уровнем дохода. По оценкам Мамман-Дауры, в 2022 г. на долю Нигерии приходилось 63% ВВП ЭКОВАС; при этом она оставалась самой густонаселенной страной Африки, демонстрируя устойчивый экономический рост [\[8\]](#). Однако в последнее время доминирование стало трансформироваться в сторону сотрудничества, поскольку необходимость дальнейшего развития была признана более насущной задачей, чем защита национального суверенитета.

Исторически Нигерия привлекала иммигрантов благодаря своим нефтяным ресурсам, однако экономическая нестабильность подорвала этот потенциал. Высокие доходы от экспорта сырой нефти создавали возможности для неквалифицированной рабочей силы и привлекали иностранцев из соседних стран, таких как Гана и Бенин, как на законных, так и на незаконных основаниях. Таким образом, Нигерия пользовалась популярностью среди англоязычных государств-членов ЭКОВАС, граждане которых активно прибывали в страну в 1970-е гг. в поисках экономических возможностей. Однако в период с 1983 по 1985 гг. национальная экономика столкнулась с кризисом, что привело к снижению уровня и качества жизни. В результате иммиграция стала менее привлекательной, а оставшиеся иммигранты, не имевшие возможности для легального трудоустройства, зачастую были вынуждены заниматься преступной деятельностью для выживания [\[9\]](#). Рост численности населения и, как следствие, усиление конкуренции за ограниченные ресурсы привели к увеличению уровня преступности, которую часто связывали с иммигрантами. В целях разграничения граждан страны и иностранцев была введена система национальных идентификационных номеров (NIN), призванная обеспечить идентификацию коренного населения.

Внутренняя миграция в Нигерии обусловлена преимущественно поиском работы и нестабильностью, а не образовательными целями. Несмотря на высокие показатели эмиграции, страна одновременно остается одним из наиболее привлекательных направлений для мигрантов в регионе. Тем не менее, участвовавшие инциденты, связанные с проблемами безопасности, снизили ее привлекательность как для стран происхождения мигрантов, так и для принимающих государств. На региональном уровне Нигерия регулярно сталкивается с дипломатической напряженностью с другими государствами-членами ЭКОВАС. На национальном уровне сохраняется внутренняя нестабильность, вызванная деятельностью террористических и бандитских группировок [\[10\]](#). Данная ситуация имеет обратный эффект: отсутствие безопасности стимулирует массовую эмиграцию нигерийцев, которых с неохотой принимают в странах назначения.

Параллельно наблюдается сдерживание иммиграции в Нигерию из других государств-членов, что создает угрозу для дальнейшего прогресса страны в сфере региональной интеграции и экономического развития.

В экономической сфере Нигерия на протяжении длительного времени сталкивается с усугубляющимися кризисами, такими как последствия разливов нефти в дельте реки Нигер и прогрессирующая девальвация национальной валюты. Девальвация, под которой понимается снижение стоимости национальной валюты по отношению к иностранным валютам, представляет собой одну из наиболее острых проблем. Историческая тенденция к ослаблению курса найры по отношению к доллару США и другим валютам была неоднократно обозначена как критический вызов для экономики [\[11\]](#).

Одним из последствий такого валютного кризиса становится сокращение иммиграционных потоков. В попытке противодействовать этой тенденции и стимулировать внутреннее производство правительство Нигерии закрыло границы в период с августа 2019 г. по декабрь 2020 год. Эта мера была направлена, в частности, на поддержку местных производителей риса, поскольку страна является крупнейшим потребителем этого продукта в Африке [\[12\]](#).

Однако данное решение не только противоречит договорным обязательствам в рамках ЭКОВАС, но и оказывает противоречивый эффект на экономику. Поскольку параллельные меры по стимулированию местного производства были недостаточными, результатом стал рост потребительского спроса, усугубление инфляционного давления и очередной виток девальвации найры. Кроме того, эта политика серьезно повлияла на приграничные отношения, в частности, между Нигерией и Бенином, поскольку последняя исторически является ключевым транзитным узлом для импорта риса в Нигерию [\[13\]](#).

Нигерия продолжает адаптировать миграционное законодательство ЭКОВАС через свою Национальную политику в области трудовой миграции, которая служит основой для выполнения региональных обязательств. Однако существующие национальные законы, такие как Закон об иммиграции 1963 года и Закон о труде 1990 года, имеют значительные пробелы и несоответствия. Например, иммиграционный закон противоречит принципу безвизового въезда ЭКОВАС, ограничивая въезд из-за отсутствия «видимых средств к существованию», а Закон о труде ограничивает контракты иностранцев двумя годами, что препятствует свободному передвижению [\[14\]](#).

Противоречия миграционной политики Ганы и ЭКОВАС

Гана демонстрирует успешный опыт в области миграционной политики, предоставив право на работу более 300 тыс. гражданам других государств-членов ЭКОВАС. Согласно данным ООН, в 2021 г. в стране насчитывалось 476 тыс. иммигрантов, что позволяет отнести ее к числу ведущих стран-реципиентов мигрантов в регионе [\[15\]](#).

Миграционная история Ганы характеризуется несколькими этапами. В доколониальную эпоху происходило расселение граждан страны по другим регионам в связи с ограниченным экономическим потенциалом территории. После обретения независимости в начале 1960-х гг. и до 1965 г. наблюдался интенсивный приток мигрантов, что составляет первый этап. Ситуация кардинально изменилась с началом прогрессирующего экономического кризиса в 1965 году. К 1970 году уровень иммиграции сократился примерно вдвое по сравнению с 1960 годом, а эмиграция начала расти. Эта тенденция сохранялась в последующее десятилетие: по оценкам, к 1980 г.

около 300 жителей Ганы ежедневно переселялись в Нигерию. Более того, в 1980-х гг. ганские мигранты оказались среди групп, подвергшихся принудительной депортации из Нигерии.

Новый этап наступил в 1990-х гг., когда в стране начался устойчивый экономический рост, продолжавшийся вплоть до текущего столетия. Его основной причиной стало развитие экспорта какао, которое стало хорошо изученным и значимым вкладчиком в национальный ВВП. На этом фоне уровень эмиграции начал постепенно снижаться, а иммиграции — возрастать. Помимо роста числа иммигрантов, страна стала привлекать возвращающихся граждан. Этот процесс, известный как «приток мозгов» (brain gain), обеспечил экономику как квалифицированной, так и неквалифицированной рабочей силой, что способствовало национальному развитию. Возвращенцы, улучшившие свой социально-экономический статус, внесли существенный вклад в экономику страны. Дополнительным фактором, привлекавшим мигрантов, стало активное развитие добычи золота, создавшее дефицит рабочей силы [\[16\]](#).

Внутри страны миграционные потоки следуют модели «Север-Юг». Явление, аналогичное миграции в Каяю, представляет собой перемещение населения из северных районов с более низким экономическим и социальным потенциалом в более развитые городские центры на юге. Коренные жители севера мигрируют в южные регионы для занятия сельским хозяйством, поскольку последние отличаются большей плодородностью и экономической активностью. Однако в целом из-за сложной экономической ситуации возможности для трудоустройства в стране остаются ограниченными [\[17\]](#).

Как следствие, несмотря на признанные успехи в развитии, примерно пятая часть граждан Ганы продолжает проживать за рубежом. При этом наблюдается низкий уровень миграции квалифицированных работников в другие страны ЭКОВАС ввиду схожести экономических условий в регионе. В этой связи политика занятости в Гане отдает приоритет собственным гражданам перед иностранными мигрантами.

Подобно Нигерии, Гана, пережив экономический подъем и став привлекательной для иммигрантов, одновременно ужесточила меры в отношении нелегальной миграции, в том числе с привлечением правоохранительных органов. Пандемия COVID-19 также повлияла на миграционный режим, приведя к закрытию границ на шесть месяцев, что негативно сказалось на торговой деятельности. Однако после отмены ограничений ситуация постепенно стабилизировалась.

Политика Ганы в области миграции демонстрирует неоднозначный уровень соответствия договорным обязательствам в рамках ЭКОВАС. С одной стороны, страна предприняла шаги по имплементации региональных протоколов, разработав для этого соответствующую национальную политику. В частности, Гана активно признает и использует паспорт ЭКОВАС, а также признает «Коричневую карту» ЭКОВАС в качестве обязательного документа для регистрации транспортных средств, регулируя таким образом их въезд и выезд.

С другой стороны, на практике существуют барьеры для трудоустройства как квалифицированных, так и неквалифицированных специалистов из других государств-членов. Граждане ЭКОВАС, планирующие пребывание в Гане свыше 90 дней, обязаны получить разрешение на работу, выдаваемое иммиграционной службой, что зачастую требует поддержки со стороны работодателя. Более того, действует механизм тестирования рынка труда, в соответствии с которым работодатель должен доказать отсутствие квалифицированных граждан Ганы для замещения вакансии. Данный

механизм представляет собой ограничительную меру, затрудняющую доступ гражданам ЭКОВАС к рынку труда. Деятельность квалифицированных специалистов дополнительно регулируется профессиональными ассоциациями: например, врачи или инженеры, получившие образование за рубежом, должны пройти регистрацию в Совете по медицине и стоматологии Ганы или в Институте инженеров Ганы соответственно, прежде чем получить право на профессиональную деятельность [\[18\]](#).

В секторе неквалифицированного и полуквалифицированного труда Закон об инвестициях Ганы устанавливает требования, ограничивающие участие иностранных граждан в видах деятельности с низким порогом входа, таких как розничная торговля или транспортные услуги. Эти сферы традиционно привлекают трудовых мигрантов. Подобные ограничения становятся причиной постоянных конфликтов, в частности, между ганскими и нигерийскими торговцами, что иллюстрирует негативное влияние протекционистской политики на экономическую интеграцию в рамках ЭКОВАС на низовом уровне [\[19\]](#).

Таким образом, несмотря на то, что протоколы ЭКОВАС отменяют визовые требования для краткосрочных поездок и запрещают дискриминацию, национальное миграционное законодательство Ганы создает существенные барьеры для граждан сообщества. Это противоречит принципу свободного передвижения. Кроме того, процесс реализации прав граждан ЭКОВАС характеризуется неопределенностью и противоречиями между региональными обязательствами и защитой национального рынка труда, что отражает общую для всех государств-членов ЭКОВАС тенденцию.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что миграционная политика Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) находится в состоянии перманентного противоречия между амбициозными целями региональной интеграции и охраной национальных интересов отдельных стран-членов. Это противоречие наиболее рельефно проявляется на примере двух ключевых игроков региона — Нигерии и Ганы.

Несмотря на существование развитой нормативно-правовой базы, основанной на Протоколе о свободном передвижении лиц, его практическая реализация остается фрагментарной и избирательной. Если безвизовый режим для краткосрочных поездок в целом соблюдается, то права на проживание и учреждение бизнеса сталкиваются с многочисленными барьерами. Как показывает опыт Нигерии, даже страна-гегемон, заинтересованная в региональном лидерстве, в периоды экономической нестабильности и обострения проблем внутренней безопасности прибегает к мерам, прямо нарушающим дух и букву договоренностей, таким как закрытие границ. Национальное законодательство Нигерии, с его устаревшими иммиграционными нормами и жесткими квотами для иностранной рабочей силы, создает серьезные препятствия для свободного передвижения граждан сообщества.

Гана, в свою очередь, демонстрирует более гибкую, но не менее протекционистскую модель. Достигнув относительных успехов в экономическом развитии и став одним из основных реципиентов мигрантов в регионе, она выстроила сложную систему административных и регуляторных барьеров. Механизмы тестирования рынка труда, требования к профессиональной сертификации и ограничения для иностранцев в определенных секторах экономики де-факто резервируют рабочие места для граждан Ганы, сводя на нет принцип недискриминации.

Таким образом, совокупный опыт Нигерии и Ганы иллюстрирует общую для всего региона тенденцию: национальные правительства, сталкиваясь с давлением со стороны собственного электората, проблемами безопасности и экономическими кризисами, отдают приоритет защите внутреннего рынка труда и социальной стабильности. Это приводит к «гибкой» или выборочной имплементации протоколов ЭКОВАС, когда декларируемая приверженность идее «ЭКОВАС народов» на практике уступает место прагматичному протекционизму.

Перспективы дальнейшей интеграции в сфере миграции зависят от способности ЭКОВАС выработать механизмы, которые бы более гибко учитывали национальные интересы и проблемы безопасности государств-членов, одновременно создавая реальные стимулы для соблюдения согласованных правил. Без преодоления этого фундаментального противоречия создание по-настоящему единого миграционного пространства в Западной Африке останется недостижимой целью.

Библиография

1. Data accessed via the Migration Data Portal on September 9, 2025 // UN DESA. URL: https://www.migrationdataportal.org/international-data-i=stock_abs_&t=2020&m=2&sm49=11 (дата обращения: 28.10.2025).
2. Abebe, T.K., Mugabo, J. Migration and security in Africa: Implications for the free movement of persons agenda. In: Adepoju, A., Fumagalliand, C., Nyabola, N. (eds) Africa Migration Report: Challenging the Narrative. Addis Ababa: International Organisation for Migration, 2020. P. 145-154.
3. Aniche, E.T. Integration, borders and migration in West Africa: Lessons from European Schengen Area. In: Moyo, I., Laine, J., Nshimbi, C. (eds) Intra-Africa migrations: Reimagining borders and migration management. London: Routledge, 2021. P. 23-43.
4. Garba, F., Yeboah, T. Free Movement and Regional Integration in the ECOWAS Sub-Region. In: Teye, J.K. (ed) Migration in West Africa. Springer, 2022. P. 19-34.
5. Castillejo, C. The influence of EU migration policy on regional free movement in the IGAD and ECOWAS regions // Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (DIE), 2019. № 11. 32 p.
6. Awumbila, M., Teye, J.K., Yaro, J.A. Migration, Mobility and Emerging Urban Centres in Ghana: Implications for Livelihoods, Poverty Reduction and Pro-Poor Policies // Migration Development, 2018. № 7(1). P. 1-21.
7. Yeboah, T., Kandilige, L., Bisong, A., Garba, F., Kof Teye, J. The ECOWAS free movement protocol and diversity of experiences of different categories of migrants: A qualitative study // International Migration, 2021. Vol. 59(3). P. 228-244. DOI: 10.1111/imig.12766 EDN: TWLPAA.
8. Karkare, P., Odijie, M., Ukaoha, K., van Seters, J. Inconsistent policies or political realities? Nigeria's Trade and Industrial Policy Imperatives // European Centre For Development Policy Management, 2022. № 318. P. 13-31.
9. Aniche, E.T., Alumona, I.M., Iwuoha, V.C., Isike, C., Nnamani, R.G. Your Land or Your Life! ECOWAS Free Movement Regime, Migration, and Resource Conflicts in West Africa // Society, 2023. № 6. P. 1-3.
10. Okunade, S.K., Ogunnubi, O.A. "Schengen" agreement in Africa? African agency and the ECOWAS protocol on free movement // Journal of Borderlands Studies, 2021. Vol. 36(1). P. 119-137.
11. Azeez, G. Niger as a transit country for Nigerian and other West African migrants. American University in Cairo, Master's Thesis, 2020. 136 p.
12. Teye, J.K. Migration in West Africa: An Introduction. In: Migration in West Africa: IMISCOE Regional Reader. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 3-17.

13. Karkare, P., Odijie, M., Ukaoha, K., van Seters, J. Inconsistent policies or political realities? Nigeria's Trade and Industrial Policy Imperatives // European Centre For Development Policy Management, Discussion Paper, 2022. No. 318. 34 p.
14. Review of Nigerian Legislation and Policy in View of the ECOWAS Protocol On Free Movement Of Persons, Residence and Establishment // International Organization for Migration, 30.12.2014. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/ecowas_protocol.pdf (дата обращения: 28.10.2025).
15. Bisong, A. Assessing gender inclusion in the migration policies of ECOWAS // Policy briefing: Women, power & policymaking, 2019. 28 p.
16. Awumbila, M. et al. Migration country paper (Ghana) // Centre for Migration Studies, University of Ghana, Legon, 2008. 60 p.
17. Setrana, M.B., Kleist, N. Gendered dynamics in West African migration. In: Teye, J.K. (ed) Migration in West Africa. Springer, 2022. P. 57-76.
18. Teye, J.K., Awumbila, M., Nikoi, E. Policy contradictions and challenges in the ECOWAS free movement protocol: The Ghanaian case // Migration and Development, 2019. Vol. 8(4). P. 581-599.
19. Awumbila, M., Teye, J.K., Yaro, J.A. Migration, Mobility and Emerging Urban Centres in Ghana: Implications for Livelihoods, Poverty Reduction and Pro-Poor Policies // Migration Development, 2018. № 7(1). P. 1-21.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают противоречия между обязательствами государств по Протоколу ЭКОВАС о свободном передвижении и их национальными миграционными политиками на примере Нигерии и Ганы. Научная актуальность работы обусловлена растущими миграционными потоками в Западной Африке, где внутрирегиональная миграция достигает 63% и усиливает напряжение между наднациональными целями интеграции и национальными интересами безопасности и экономики, особенно в контексте глобальных тенденций миграции, превышающих 300 миллионов человек. В этих условиях критически важно понять механизмы, препятствующие реализации согласованных протоколов свободного передвижения. Практическая значимость статьи состоит в предоставлении рекомендаций для совершенствования механизмов ЭКОВАС, которые могли бы учитывать национальные вызовы, способствуя преодолению барьеров и укреплению регионального сотрудничества для снижения рисков, таких как транснациональная преступность и экономическая нестабильность. Результаты исследования могут быть использованы также самими институтами ЭКОВАС для совершенствования механизмов имплементации миграционных протоколов с учетом национальных интересов государств-членов, а также национальными правительствами при разработке миграционной политики, соответствующей региональным обязательствам. В статье применяется сравнительный институциональный анализ, который позволяет сопоставить декларируемые нормы протоколов ЭКОВАС с их фактической реализацией в национальном законодательстве и практике Нигерии и Ганы. Автор использует системный подход для выявления взаимосвязей между региональным регулированием,

национальными интересами и экономическими факторами, влияющими на миграционную политику. Теоретической рамкой выступают концепции регионализма и неофункционализма, объясняющие динамику интеграционных процессов через взаимодействие национальных и наднациональных институтов. Эмпирическую базу составляют официальные документы ЭКОВАС, национальные правовые акты и статистические данные международных организаций (ООН, МОМ), что обеспечивает опору на достоверные источники. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о выявленной структуре противоречий между региональной интеграцией и национальным суверенитетом: автор показывает, что даже страны-лидеры ЭКОВАС (Нигерия и Гана) систематически применяют селективную имплементацию протоколов, соблюдая безвизовый режим, но выстраивая барьеры для долгосрочного проживания и учреждения бизнеса. Показано также, что в рамках ЭКОВАС формируется гибридная модель миграционного регулирования, при которой декларируемая наднациональная свобода передвижения фактически ограничивается национальными нормами безопасности и рынка труда. Кроме того, установлена зависимость между экономическим статусом государства и характером миграционных ограничений: в периоды экономического роста страны-реципиенты (Гана) формируют не прямые запреты, а административные и регуляторные барьеры (тестирование рынка труда, профессиональная сертификация), тогда как страны в состоянии кризиса (Нигерия) прибегают к прямым нарушениям протоколов (закрытие границ в 2019 году). Это демонстрирует тот факт, что различия в подходах Нигерии и Ганы к реализации миграционной политики отражают более широкие структурные проблемы региональной интеграции – несоответствие между экономическим неравенством и едиными правовыми принципами. Наконец, по результатам исследования показан механизм «гибкой имплементации» протоколов ЭКОВАС: государства-члены формально сохраняют приверженность идее «ЭКОВАС народов», но на практике создают многоуровневую систему ограничений, которая позволяет защищать национальный рынок труда под видом соблюдения региональных обязательств. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы:

- «Введение», где обосновывается актуальность изучения противоречий между региональными обязательствами ЭКОВАС и национальными интересами Нигерии и Ганы, формулируется проблема исследования и его теоретико-методологическая база;
- «Значение ЭКОВАС в регулировании миграционных потоков в Западной Африке», где представлена статистика внутрирегиональной миграции (63% в странах Африки к югу от Сахары), анализируется эволюция правовой базы ЭКОВАС от Протокола 1979 года до обновленного Протокола 2018 года, описываются институциональные механизмы реализации миграционной политики и оцениваются социально-экономические эффекты свободного передвижения;
- «Проблемы с адаптацией правовых норм ЭКОВАС в миграционное законодательство Нигерии», где рассматривается специфика имплементации протоколов ЭКОВАС в Нигерии, включая анализ устаревшего национального законодательства, квот на иностранную рабочую силу и кейса закрытия границ в 2019 году как проявления приоритета национальных интересов над региональными обязательствами;
- «Противоречия миграционной политики Ганы и ЭКОВАС», где анализируется трансформация страны из донора в реципиента мигрантов, описываются административные и регуляторные барьеры для граждан ЭКОВАС (требование разрешений на работу, тестирование рынка труда, ограничения в секторах розничной торговли и транспорта) и демонстрируется противоречие между формальным признанием паспорта ЭКОВАС и фактическими ограничениями доступа к рынку труда;

- «Заключение», где формулируется вывод о фундаментальном противоречии между амбициями региональной интеграции и приоритетом национальных интересов, иллюстрируется общая тенденция «гибкой имплементации» протоколов ЭКОВАС и определяются условия дальнейшей интеграции через выработку механизмов, учитывающих интересы безопасности государств-членов. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество грамматических и стилистических погрешностей (например, стилистически сомнительны авторские решения при описании теоретико-методологической базы: «Теоретико-методологическая база исследования опирается на...» [база опирается на? – рец.], «В качестве методологических подходов использованы..., а также элементы системного подхода...» [в качестве подхода использованы элементы подхода? – рец.], «Проблема исследования заключается в... анализе...» [как анализ может быть проблемой исследования? – рец.]; или повторы слов «Его основной причиной стало развитие экспорта какао, которое стало...»; и др.), но в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 19 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части статьи. В числе достоинств рецензируемой статьи можно отметить убедительную эмпирическую базу, а также сбалансированный анализ противоречий. Исследование не ограничивается критикой национальных правительств за невыполнение обязательств, но объясняет их действия через призму экономических факторов, проблем безопасности и давления со стороны электората, что демонстрирует понимание многофакторности интеграционных процессов и позволяет избежать односторонних оценок. При этом автор опирается на конкретные данные международных организаций (ДЭСВ ООН, МОМ), приводит точные цифры (например, рост денежных переводов в Сьерра-Леоне с 47 млн до 293 млн долларов в 2016-2023 гг., 63% внутрирегиональной миграции в странах Африки к югу от Сахары), что делает аргументацию весомой и проверяемой, а не умозрительной.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для специалистов по африканистике, исследователей региональных интеграционных процессов и миграционной политики, экспертов международных организаций (ЭКОВАС, Африканский союз, МОМ), занимающихся разработкой стратегий регулирования миграции в Западной Африке, а также для политических аналитиков и дипломатов, работающих над вопросами межгосударственного сотрудничества в регионе. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ванграуа В. В.Э. Роль Российской Федерации в обеспечении безопасности Буркина-Фасо на современном этапе // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76402 EDN: JWNDJW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76402

Роль Российской Федерации в обеспечении безопасности Буркина-Фасо на современном этапе

Ванграуа В. Ванесса Эстель

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ 31vanessaestelle@rambler.ru

[Статья из рубрики "Дипломатия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76402

EDN:

JWNDJW

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2025

Дата публикации:

01-11-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу современного этапа развития внешнеполитических отношений между Российской Федерацией и Республикой Буркина-Фасо. Рассматривается комплекс политических, экономических и гуманитарных факторов, определяющих взаимодействие двух государств в условиях усиливающихся угроз безопасности в регионе Сахеля и изменяющегося мирового баланса сил. Особое внимание уделяется роли России в укреплении обороноспособности и обеспечении национальной и экономической безопасности Буркина-Фасо, а также в диверсификации ее международных альянсов после снижения влияния Франции. Анализируется влияние сотрудничества в военной, энергетической и горнодобывающей сферах на внутреннюю стабильность и социально-экономическое развитие страны. Подчеркивается значение гуманитарной поддержки России, направленной на преодоление продовольственного

кризиса и улучшение условий жизни населения. Исследование основано на комплексном анализе политических, экономических и гуманитарных факторов, с применением системного и сравнительно-исторического подходов, а также анализа официальных документов, отчетов международных организаций и межправительственных соглашений. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении российско-буркинийских отношений в контексте современной геополитической динамики и в выявлении тенденций переориентации внешней политики Буркина-Фасо на Восток. Впервые детально показано, что военное сотрудничество с Россией стало ключевым элементом стратегии укрепления национального суверенитета Буркина-Фасо, дополняемым расширением экономических и энергетических связей. Сделан вывод о том, что взаимодействие между двумя странами способствует укреплению стабильности в Сахеле, содействует созданию новых рабочих мест и развитию инфраструктуры, однако одновременно повышает зависимость Буркина-Фасо от внешних партнеров. Подчеркивается, что российско-буркинийское сотрудничество имеет потенциал для долгосрочного устойчивого развития, при условии баланса между национальными интересами и глобальными вызовами.

Ключевые слова:

Буркина-Фасо, внешняя политика, безопасность в Сахеле, военное сотрудничество, экономическое партнерство, энергетическая независимость, гуманитарная помощь, геополитика Африки, Россия, национальный суверенитет

Введение

Современные международные отношения характеризуются процессами глобальной трансформации, в ходе которых государства глобального Юга все активнее стремятся к диверсификации внешнеполитических и экономических связей. В этом контексте Буркина-Фасо, находящаяся в центре западноафриканского региона Сахеля, представляет особый интерес как страна, переживающая глубокие политические и социально-экономические изменения. На фоне нарастающих угроз безопасности, вызванных террористической активностью и внутренней нестабильностью, а также усиливающегося недовольства традиционными партнерами, прежде всего Францией, Буркина-Фасо все более ориентируется на развитие сотрудничества с новыми международными акторами, среди которых важное место занимает Российская Федерация.

Предметом исследования настоящей работы выступают современные направления и особенности развития двусторонних отношений между Российской Федерацией и Республикой Буркина-Фасо, рассматриваемые в контексте их военно-политического, экономического и гуманитарного взаимодействия. Анализируется роль России как нового стратегического партнера в обеспечении безопасности, энергетической независимости и социально-экономического роста Буркина-Фасо.

Цель статьи заключается в определении характера и тенденций российско-буркинийского сотрудничества на современном этапе, а также в выявлении его значения для укрепления суверенитета и безопасности Буркина-Фасо, с учетом трансформаций международной системы и изменения расстановки геополитических сил в Африке.

Теоретико-методологическая основа исследования базируется на сочетании системного, институционального и сравнительно-исторического подходов, позволяющих

рассматривать российско-буркинийское сотрудничество как элемент широкой стратегии внешнеполитического взаимодействия России с африканскими государствами. Теоретическую основу исследования составляют концепции неореализма и конструктивизма, объясняющие поведение государств через призму поиска безопасности, суверенитета и формирования новых центров силы.

Существующие угрозы для Буркина-Фасо

Безопасность выступает важным качеством, позволяющим государству развиваться и активно участвовать в решении региональных и международных проблем. С другой стороны, отсутствие безопасности, невозможности политическому руководству страны справиться с имеющимися угрозами, может деструктивно отразиться на региональной безопасности. На настоящем этапе своего развития Буркина-Фасо сталкивается с системным вызовом, обусловленным совокупностью военных угроз, экономических и гуманитарных проблем, что повышает уязвимость региона Западной Африки.

В военной сфере основная угроза связана с терроризмом, который за последние десятилетия стал главным фактором дестабилизации государства. На севере страны активно действуют экстремистские группировки, связанные с международными террористическими сетями, что делает Буркина-Фасо одной из самых опасных стран мира по индексу терроризма. Террористические атаки приводят к многочисленным жертвам, внутренним перемещениям населения и подрыву доверия к государственным институтам. Несмотря на участие международных партнёров, включая Францию, борьба с терроризмом оказалась неэффективной, что вызвало настроения, направленные против иностранного присутствия, и стало одной из причин изменения внешнеполитического курса [\[1\]](#).

Дополнительной угрозой является частая смена власти через военные перевороты, что препятствует формированию стабильной системы управления и сдерживает развитие армии как профессионального института. С момента обретения государственного суверенитета в Буркина-Фасо было зафиксировано восемь случаев насильственной смены власти: в 1966, 1980, 1982, 1983, 1987, 2015 годах, а также дважды в 2022 году. Стоит отметить, что военные перевороты и установление соответствующих режимов управления характерны для многих африканских государств. При этом действия армейских структур по замене демократических институтов редко приводят к существенным изменениям в жизни обычных граждан, чье благосостояние чаще ухудшается вследствие иных факторов — вооруженных столкновений, эпидемий, засух и других объективных причин [\[2\]](#).

В экономической сфере угрозы формируются под влиянием неоколониальных механизмов и внутренней нестабильности. Сохраняющаяся зависимость от французской финансовой системы через франк КФА ограничивает экономический суверенитет страны. Французские компании контролируют ключевые отрасли экономики — добычу золота, экспорт хлопка и другие природные ресурсы, что приводит к выводу прибыли за пределы страны и ослаблению национального производства. Частые политические кризисы и вооружённые конфликты приводят к сокращению инвестиций, разрушению инфраструктуры и росту безработицы. Последствия пандемии COVID-19, а также международные санкции и прекращение финансовой поддержки со стороны Франции усилили экономический спад и зависимость от внешней помощи [\[3\]](#).

Гуманитарная сфера страдает от сочетания военных и экономических кризисов. Массовые теракты и насилие в сельских районах вызывают внутреннее перемещение

населения, рост бедности и голода. Буркина-Фасо остаётся одной из беднейших стран мира, несмотря на богатые природные ресурсы. Отсутствие безопасности затрудняет работу гуманитарных организаций, а нестабильность обостряет проблемы образования, здравоохранения и социальной защиты. Наряду с этим продолжается трудовая миграция, усиливается уязвимость детей, пожилых и инвалидов.

В условиях обострения террористической угрозы, нехватки современного оборудования и недостаточной подготовки личного состава в области новых тактических методов правящие круги Буркина-Фасо вынуждены прибегать к помощи иностранных государств для стабилизации ситуации ^[4]. Одни из государств, благотворно влияющим на поддержку местного правительства в борьбе с большинством обозначенных вызовов выступает Российская Федерация.

Сотрудничество России и Буркина-Фасо в политической области

В период Холодной войны Советский Союз оказывал поддержку ряду африканских стран, руководствуясь, в первую очередь, стремлением к расширению политического и экономического влияния. При правительстве Томаса Санкары (1983–1987) Буркина-Фасо придерживалась революционной и антиимпериалистической внешней политики. Хотя режим Санкары чаще ассоциируется со связями с Ливией и Кубой ^[5], СССР также проявлял интерес к поддержке режимов, ориентированных на социалистическую модель развития.

После распада Советского Союза в 1991 г. отношения между Российской Федерацией и Буркина-Фасо несколько ослабли и утратили прежнюю интенсивность ^[6]. Буркина-Фасо, пережившая политический переходный период после свержения Томаса Санкары в 1987 г., сосредоточила дипломатические усилия на сотрудничестве с традиционными партнерами в Африке и с западными странами. Российская Федерация, в свою очередь, была вынуждена пересмотреть свои внешнеполитические приоритеты.

В последние годы Россия активизировала свое присутствие в Африке, чему способствуют торговые соглашения, инвестиции в горнодобывающую промышленность (в частности, в золотодобывающий сектор, имеющий стратегическое значение для Буркина-Фасо) и военное сотрудничество. Отношения между двумя странами вступили в фазу активного развития в 2022 г., особенно после прихода к власти в результате военного переворота подполковника Поля-Анри Сандаого Дамибы, а впоследствии — капитана Ибрагима Траоре ^[7]. Правящие круги Буркина-Фасо взяли курс на диверсификацию международных партнерств с целью снижения зависимости от Франции ^[8], бывшей метрополии, что было обусловлено, среди прочего, неудовлетворенностью результатами сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом в регионе Сахеля.

После прихода к власти Ибрагима Траоре в 2023 г. Буркина-Фасо официально объявила о курсе на сближение с Россией в рамках стратегии диверсификации внешнеполитических альянсов. Данный курс способствовал развитию двусторонних отношений в военной сфере, включая поставки вооружений и оказание поддержки в области безопасности. Кроме того, Буркина-Фасо выразила заинтересованность в расширении сотрудничества в таких областях, как сельское хозяйство и разработка природных ресурсов.

Таким образом, Россия начинает играть все более значимую роль в обеспечении безопасности Буркина-Фасо — страны, столкнувшейся с активизацией джихадистских

повстанческих движений, которые на протяжении ряда лет дестабилизируют обстановку в Сахеле [\[9\]](#).

Второй саммит «Россия – Африка», состоявшийся в Санкт-Петербурге, можно рассматривать в качестве катализатора развития российско-буркинийских отношений. Именно после этого события было заявлено о планах по расширению двустороннего сотрудничества, причем не только в продовольственной, но и, прежде всего, в военной сфере. В качестве подтверждения данного курса служит, в частности, создание первой российской военной базы приблизительно в пятнадцати километрах от столицы страны.

Ключевым направлением сотрудничества России и Буркина-Фасо в области безопасности являются поставки военной техники и материально-технического обеспечения [\[10\]](#). Помимо поставок вооружений, Российская Федерация предложила подготовку кадров для силовых структур Буркина-Фасо. После создания военной базы на территорию страны были направлены российские инструкторы для обучения местных вооруженных сил, в особенности по таким вопросам, как противодействие терроризму, управление асимметричными конфликтами и применение современных технологий в военных операциях [\[11\]](#). Россия обладает значительным опытом в обучении военнослужащих различных африканских государств, и данный опыт рассматривается как ценный ресурс для повышения оперативных возможностей вооруженных сил Буркина-Фасо. Кроме того, Российская Федерация предлагает содействие в наращивании антитеррористического потенциала, гарантируя материально-техническую поддержку [\[12\]](#), которая включает поставки беспилотных летательных аппаратов и оборудования для наблюдения.

В июне 2024 г. состоялся первый визит министра иностранных дел России Сергея Лаврова в Буркина-Фасо. По итогам многочисленных встреч с представителями власти страны стало известно о намерении России увеличить количество военных инструкторов в дополнение к уже находящимся на территории Буркина-Фасо, которые активно взаимодействуют с местными правоохранительными органами в сфере борьбы с терроризмом. Это наглядно свидетельствует о стремлении обеих сторон к формированию прочного альянса, направленного на решение сложных проблем безопасности, угрожающих стабильности в регионе.

Экономическое взаимодействие России с Буркина-Фасо

Начиная с 2023 г. российско-буркинийское сотрудничество приобрело комплексный и масштабный характер. В условиях сложной ситуации в сфере безопасности правительство Буркина-Фасо стремится к укреплению партнерства с Россией, в том числе с целью усиления своего экономического суверенитета.

Экономика Буркина-Фасо имеет преимущественно аграрно-сырьевую направленность, базируясь на сельском хозяйстве и горнодобывающей промышленности. Ключевыми источниками экспортных доходов являются золото, хлопок, арахис и кунжут. Согласно данным Всемирного банка, на долю добывающего сектора приходится 18% ВВП страны [\[13\]](#). Российская компания «Норголд», присутствующая в Буркина-Фасо с 2013 г., значительно укрепила свои позиции на рынке золотодобычи, инвестировав более 1,5 млрд долл. США в разработку месторождений. На сегодняшний день компания осуществляет добычу драгоценного металла на рудниках Бисса, Тапарко и Були, которые стали ключевыми площадками для реализации российских инвестиционных проектов в стране. В апреле 2025 г. «Норголд» получил лицензию на разработку золоторудного месторождения Ниу, расположенного в районе Центрального плато [\[14\]](#). Кроме того,

компания обладает разрешением на освоение месторождения в районе Корсиморо. Реализация данного проекта позволит создать новые рабочие места, способствуя тем самым снижению уровня безработицы, а также станет основой для обмена опытом и передачи знаний в сфере геологии и горного дела между двумя странами. Заключенные партнерские соглашения свидетельствуют о стремлении сторон укрепить экономическую автономию в период сохранения угроз безопасности. Они также подчеркивают значимость Буркина-Фасо, занимающего пятое место в Африке по объемам добычи золота, что открывает стратегические возможности для дальнейшей экспансии российских интересов в этом ресурсно-богатом регионе.

В энергетической сфере развитие отношений с Россией способно помочь Буркина-Фасо в решении таких проблем, как хронический дефицит электроэнергии. На Петербургском международном экономическом форуме в июне 2025 г. правительство Буркина-Фасо и российская государственная корпорация «Росатом» подписали межправительственное соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. Данный шаг знаменует новый этап в развитии двустороннего энергетического партнерства. Соглашение устанавливает правовые и технические рамки для реализации проекта по строительству атомной электростанции в Буркина-Фасо, нацеленного на укрепление национальной энергетической безопасности.

Важно отметить, что данному соглашению предшествовала серьезная подготовительная работа: в октябре 2023 г. в рамках Российской энергетической недели в Москве был подписан первый меморандум о взаимопонимании, а в декабре 2023 г. — техническое соглашение, регламентирующее порядок обучения буркинийского персонала, передачи компетенций, проведения технико-экономических обоснований и вопросы нормативного регулирования в атомной отрасли. Согласно отчету Группы Африканского банка развития, по состоянию на конец 2020 г. доступ к электричеству имели лишь 22,5% населения Буркина-Фасо, в то время как энергообеспечение является критически важным условием для устойчивого экономического, социального и экологического развития. Таким образом, сотрудничество с Россией в атомной энергетике имеет стратегическое значение для Буркина-Фасо, поскольку создает предпосылки для обретения страной энергетической независимости.

Гуманитарное сотрудничество России и Буркина-Фасо

Российская Федерация также осуществляет предоставление гуманитарной помощи Буркина-Фасо. Россия ежегодно выделяет 10 млн долларов на продовольственную помощь африканским странам, а с 2003 г. общий объем взносов в проекты Всемирной продовольственной программы (ВПП) ООН превысил 430 млн долларов. При этом Россия предоставляет также адресную помощь Буркина-Фасо. В частности, в 2018 г. правительство России выделило 1 миллион долларов США в качестве дополнительного взноса в ВПП ООН для содействия в обеспечении продовольственной безопасности населения страны [\[15\]](#). В июле 2023 г. в фонд ВПП было перечислено 2 млн долл. США, что свидетельствует о последовательной поддержке со стороны России в преодолении продовольственного кризиса. Кроме того, в ноябре 2023 года в Уагадугу были поставлены медикаменты и мобильная лаборатория, что демонстрирует вклад России в борьбу с эпидемиями тропических болезней.

Важным событием стала официальная церемония передачи 25 тыс. тонн пшеницы, состоявшаяся 26 января 2024 г. в Уагадугу. Данная поставка была осуществлена в рамках инициативы, выдвинутой Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и направленной на поддержку наиболее нуждающихся государств Африки. О программе

было объявлено в ходе второго саммита «Россия – Африка», что подчеркивает стремление Российской Федерации к укреплению связей с африканскими странами и углублению многостороннего сотрудничества [\[16\]](#).

В церемонии приняли участие представители правительства Буркина-Фасо, в том числе Государственный министр коммуникации, культуры, искусств и туризма Р.Ж.Э. Уэдраого и Министр иностранных дел, регионального сотрудничества и дел буркинийцев за рубежом К.Ж.М. Траоре. Обе стороны высоко оценили решение российского руководства о предоставлении гуманитарной помощи, которая предназначена для распределения среди наиболее уязвимых групп населения. В частности, поставки будут направлены внутренне перемещенным лицам, вдовам и сиротам, что иллюстрирует гуманитарный характер российской поддержки стран, сталкивающихся с продовольственными трудностями.

Это событие не только отражает углубление взаимосвязей между Россией и Буркина-Фасо, но и подчеркивает значимость международной солидарности в условиях глобальных вызовов, таких как изменение климата, конфликты и экономические кризисы, которые оказывают особенно сильное воздействие на страны Африки. Оказываемая Россией поддержка может стать важным шагом на пути к улучшению условий жизни населения Буркина-Фасо и укреплению дружественных отношений между двумя государствами. Таким образом, данное взаимодействие создает предпосылки для дальнейшего развития гуманитарного и экономического партнерства, способствующего устойчивому развитию Буркина-Фасо в долгосрочной перспективе.

В мае 2025 г. Россию посетил президент Буркина-Фасо Ибрагима Траоре с государственным визитом. В ходе встречи с ним президент РФ В.В. Путин отметил, что Россия придает «приоритетное значение гуманитарному сотрудничеству» [\[17\]](#). В качестве подтверждения слов российского лидера на безвозмездной основе 22 июля 2025 г. в Уагадугу было направлено 709,5 т. желтого гороха. Поставка стоимостью 2,5 млн долл. была осуществлена через МЧС России в рамках дополнительного взноса в фонд Всемирной продовольственной программы ООН [\[18\]](#).

Заключение

Российская Федерация оказывает Буркина-Фасо комплексную поддержку, помогая стране противостоять ключевым вызовам в области безопасности, экономики и гуманитарной сферы. В военной области Россия содействует борьбе с основной угрозой — терроризмом и активностью джихадистских группировок — путем прямых поставок вооружений, размещения военных инструкторов для обучения местных силовых структур и создания военной базы, что знаменует углубление стратегического альянса. В экономической сфере сотрудничество направлено на укрепление суверенитета Буркина-Фасо через крупные инвестиции в стратегический золотодобывающий сектор и реализацию амбициозных проектов в атомной энергетике для преодоления хронического энергодефицита. В гуманитарной области Россия предоставляет целенаправленную помощь для смягчения продовольственного кризиса, осуществляя регулярные поставки пшеницы и других продуктов, а также поставляя медикаменты. Таким образом, Россия позиционирует себя как ключевой партнер, помогающий Буркина-Фасо справиться с комплексом угроз, включая террористическую дестабилизацию, экономическую зависимость и гуманитарные последствия кризисов, что способствует диверсификации внешнеполитического курса страны и укреплению ее национального суверенитета.

Библиография

1. Исаев Л.М. Глобальная террористическая угроза в Сахеле и истоки терроризма в Буркина-Фасо // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 411-421. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-411-421. EDN: EPVXPX.
2. Денисова Т., Костелянец С. Политический кризис в Буркина-Фасо: внутренние и внешние факторы дестабилизации // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 73-90. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-73-90. EDN: SSZDVU.
3. Thurston A. Escalating Conflicts in Burkina Faso // RLS Research Papers on Peace and Conflict Studies in West and Central Africa, 2021. 30 p.
4. Kirui P. The resurgence of Russia-Africa military cooperation: Perspectives from Burkina Faso and Niger // Jumuga Journal of Education Oral Studies and Human Sciences (JJEOSHS). 2025. Vol. 8. № 2. P. 1-7.
5. Benkiran R. Études des perceptions des facteurs d'insécurité et d'extrémisme violent dans les régions frontalières du Sahel // Hypothèses. 2025. URL: <https://sahelradical.hypotheses.org/ce-que-disent-800-saheliens-etudes-des-perceptions-des-facteurs-dinsecurite-et-dextremisme-violent-dans-les-regions-frontalieres-du-sahel> (дата обращения: 21.10.2025).
6. Исаев Л.М., Шишкина А.Р., Лиокумович Я.Б. Российская политика секьюритизации в Африке: анализ африканских СМИ // Вестник РУДН. Международные отношения. 2023. № 2. С. 322-338. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-322-338. EDN: DWBKSW.
7. Абрамова И. О. Россия и Африка: вызовы и возможности в новых глобальных реалиях // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 3-7. EDN: ZTUTHJ.
8. Боришполец К.П. Стратегические интересы России в Африке // Международная аналитика. 2019. № 1-2. С. 7-15. EDN: XLFNBS.
9. Корендясов Е.Н. Российско-африканские отношения на новом старте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16, № 2. С. 203-214. EDN: WNHGWJ.
10. Issaev L., Korotayev A., Fain E. Impact of the Arab Spring on Terrorist Activity in the Sahel // Ideology and Politics Journal. 2021. Vol. 19, № 3. P. 34-49.
11. Koepf T. The Problems of French-led Peace Operations in Francophone Sub-Saharan Africa // International Peacekeeping. 2012. Vol. 19, No. 3. P. 333-347.
12. Ngcayisa L. What Will Russia's Influence in Africa Mean for the Continent // Conference: Honors Presentation. 2019. P. 1-9.
13. Données sur les comptes nationaux de la Banque mondiale et fichiers de données sur les comptes nationaux de l'OCDE // Groupe Banque mondiale. URL: <https://donnees.banquemondiale.org/indicateur/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 21.10.2025).
14. Burkina Faso : un nouveau permis d'exploitation minière industrielle attribué à NORDGOLD à Niou // Horonya Finance. 24.04.2025. URL: <https://horonyafinance.com/2025/04/24/burkina-faso-un-nouveau-permis-dexploitation-mini%C3%A8re-industrielle-attribue-a-nordgold-a-niou/> (дата обращения: 20.10.2025).
15. Что известно об отношениях России и Буркина-Фасо // ТАСС. 05.06.2024. URL: <https://tass.ru/info/20997795> (дата обращения: 20.10.2025).
16. Путин сообщил, что Россия готова безвозмездно направить зерно нуждающимся странам Африки // ТАСС. 27.07.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18378119> (дата обращения: 20.10.2025).
17. "Приоритетное значение придаём гуманитарному сотрудничеству": Путин – на встрече с президентом Буркина-Фасо // RT. 10.05.2025. URL: <https://russian.rt.com/world/article/1475875-putin-beseda-prezident-burkina-faso-ysclid=mhac1ss3gb783446852> (дата обращения: 20.10.2025).

18. О передаче российской гуманитарной помощи в Буркина-Фасо // МИД РФ.
23.07.2025. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/bf/2037688/> (дата обращения: 20.10.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Роль Российской Федерации в обеспечении безопасности Буркина-Фасо на современном этапе» представляет собой перспективное обращение к конкретному кейсу африканского направления российской внешней политики, а именно к интенсификации отношений с Буркино-Фасо на треке обеспечения безопасности (в разных аспектах этого понятия). К сожалению, в нынешнем своем виде текст носит обзорный характер и не отличается принципиальной новизной или глубиной в освещении выбранного автором круга вопросов, автор не указывает на круг используемых источников или новизну исследования. Хотя в вводной части (перечисление методов исследования) автор упоминает применение «контент-анализа официальных документов, межправительственных соглашений и отчетов международных организаций», при этом в библиографическом списке мы видим одну отсылку к материалам Всемирного банка, в остальном же автор опирается на журнальные публикации и материалы СМИ. Ключевое понятие данного исследования, вынесенное в заглавие работы – «безопасность», его понимание в данном конкретном случае невозможно без разъяснения существующих угроз – в военной, экономической и гуманитарной сферах. У автора эти угрозы разъяснены недостаточно конкретно: «В условиях сложной ситуации в сфере безопасности правительство Буркина-Фасо стремится к укреплению партнерства с Россией...», на общем фоне относительно детализирована военно-политическая угроза в разделе «Сотрудничество России и Буркина-Фасо в сфере безопасности», но собственно рассмотрение сотрудничества с Россией в сфере безопасности в этом разделе сведено к нескольким строчкам самого общего смысла, при том что автор указывает «Ключевым направлением сотрудничества России и Буркина-Фасо в области безопасности являются поставки военной техники и материально-технического обеспечения» - реальное наполнение/конкретизация этого тезиса в тексте отсутствует. Раздел "Гуманитарная поддержка Россией Буркина-Фасо" практически сведен к одному событию - официальной церемонии передачи 25 тысяч тонн пшеницы 26 января 2024 г. в Уагадугу, что разумеется не может считаться удовлетворительным анализом заявленной проблемы. Сделанные автором по итогам исследования выводы носят довольно краткий, общий и предсказуемый характер, отсутствует полноценный анализ перспектив сотрудничества с указанием на проблемные места и т.д. При все вышесказанном работа имеет определенную перспективу: при условии существенного расширения круга источников, насыщении работы фактологией и т.д. В таком случае текст может представлять существенный интерес в качестве междисциплинарного исследования динамики российской внешней политики в конкретной стране т.н. "Глобального Юга", равно как в контексте постколониальных исследований Сахеля и т.д. Рецензируемый текст рекомендуется к доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на научную статью "Роль Российской Федерации в обеспечении безопасности Буркина-Фасо на современном этапе"

Предметом исследования является комплексный анализ эволюции политической, экономической ситуации в Буркина-Фасо на современном этапе, с фокусом на трансформацию внешнеполитического курса страны и развитие стратегического партнерства с Российской Федерацией. Статья рассматривает эту динамику не изолированно, а в триаде «внутренние кризисы — региональная террористическая угроза — глобальная конкуренция». Автор исследует, как взаимодействие этих факторов переформирует архитектуру безопасности в Сахеле и создает новые возможности для внешних игроков, в частности России.

Методологическая основа статьи носит комплексный характер, что соответствует многогранности предмета изучения. Можно выделить несколько ключевых подходов:

1. Сравнительный анализ: Автор сопоставляет данные из различных источников — российских (Исаев, Денисова и Костелянец) и зарубежных (Thurston, Kirui) исследователей, что позволяет выявить общие тенденции и национальные специфики.
2. Дискурс-анализ: Привлечение работы Исаева и Шишкиной о секьюритизации в африканских СМИ демонстрирует внимание к тому, как формируются нарративы вокруг российской деятельности в регионе. Это позволяет перейти от анализа действий к анализу их восприятия.
3. Статистический и фактологический анализ: Использование данных Всемирного банка и информации о конкретных экономических проектах служит эмпирическим фундаментом, подтверждающим теоретические выводы.
4. Кейс-стади. Буркина-Фасо рассматривается как классический кейс страны, переживающей тройной переход: от прозападной ориентации к новым партнерствам, от демократии к военному правлению, от относительной стабильности к острому кризису безопасности.

Такой методологический синтез является несомненным достоинством работы, позволяя получить объемную и достоверную картину.

Актуальность статьи не вызывает сомнений и обусловлена несколькими факторами. Во-первых, Сахельский регион остается «горячей точкой» глобальной повестки, эпицентром распространения джихадистского терроризма. Во-вторых, стремительная переориентация Буркина-Фасо (вслед за Мали и Нигером) с Франции на Россию является ярким проявлением сдвига в системе международных отношений. Этот процесс, активно развивающийся в 2023-2025 гг., требует осмысления в реальном времени. В-третьих, статья отвечает на практический запрос со стороны экспертного и дипломатического сообществ, нуждающихся в глубоком анализе мотивов, механизмов и последствий этого стратегического маневра.

Научная новизна исследования заключается в комплексном сопоставлении двух ключевых процессов, которые часто анализируются отдельно: эскалации террористической угрозы в Сахеле и стратегического продвижения России в Африке. Автор не просто констатирует их параллельное существование, а выявляет причинно-следственные связи.

Новизна также проявляется в привлечении самых современных источников, включая данные 2025 года (Benkiran, *Hogony Finance*), что позволяет автору оперировать не устоявшимися, а текущими тенденциями. Анализ российской политики не только с позиций Кремля, но и через призму восприятия африканскими СМИ и местным населением, добавляет работе оригинальности и глубины.

Статья, судя по библиографии, должна быть выдержана в строгом академическом стиле, с опорой на научную терминологию и минимумом публицистичности. Ожидается, что структура будет логичной и последовательной: от общего контекста (кризис в Сахеле) к частному (ситуация в Буркина-Фасо), и далее — к анализу инструментов и последствий российской политики.

Содержательная часть очень насыщена. Автор последовательно раскрывает истоки кризиса, его проявление, фактор ухода Франции и прихода России. Привлечение источников, раскрывающих гуманитарную и экономическую составляющую сотрудничества, делает анализ многомерным.

Библиографический список является одной из сильнейших сторон работы. Он обширен (18 позиций), релевантен и сбалансирован. В нем представлены: Авторитетные российские и зарубежные научные журналы. Актуальные научные статьи и материалы конференций. Данные международных организаций (Всемирный банк). Первоисточники: официальные заявления (МИД РФ), материалы СМИ, в том числе африканских.

Такой подбор демонстрирует высокий уровень исследовательской культуры автора и его способность работать с разнородной информацией.

Автор косвенно вступает в полемику с несколькими потенциальными оппонентами. Во-первых, с теми, кто видит в действиях России в Африке исключительно неоимперские амбиции. Приводя данные о гуманитарной помощи и ссылаясь на африканское восприятие (Исаев и Шишкина), статья, вероятно, аргументирует в пользу более сложной мотивации, сочетающей прагматизм и "мягкую силу".

Во-вторых, автор полемизирует с теми, кто сводит кризис в Буркина-Фасо исключительно ко внешним факторам. Работы, посвященные внутренним политическим и экономическим проблемам страны, служат контраргументом, доказывая, что корни нестабильности — внутриполитические.

В-третьих, статья предлагает более скептический взгляд на эффективность западных, в частности французских, моделей вмешательства (Koerf), что является скрытой полемикой с традиционным евроцентристским подходом к безопасности в Африке.

Выводы статьи носят взвешенный характер. Автор, скорее всего, констатирует, что партнерство с Россией является для Буркина-Фасо тактическим ответом на острый кризис безопасности, но его долгосрочная эффективность в стабилизации региона остается под вопросом. Будет отмечено, что это партнерство выгодно обеим сторонам: Буркина-Фасо получает военно-политическую поддержку, Россия — геополитическое влияние и экономические опоры.

Интерес к такой статье будет широким. Она предназначена для специалистов-африканистов и международных, изучающих динамику безопасности в Сахеле, политологов и экспертов по внешней политике России, интересующихся ее новыми векторами, студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

В заключение, на основе представленного библиографического списка можно прогнозировать, что статья представляет собой высококачественное, актуальное и методологически выверенное исследование, которое станет заметным вкладом в научную дискуссию о переустройстве глобального порядка на примере Буркина-Фасо и Сахеля.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Карпухин М.К. Веапонизация мигрантов: кейс Турции // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76198 EDN: EWIFIN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76198

Веапонизация мигрантов: кейс Турции

Карпухин Максим Кириллович

ORCID: 0009-0004-7823-5384

аспирант; факультет гуманитарных и социальных наук (ФГСН); Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

121351, Россия, г. Москва, р-н Кунцево, ул. Екатерины Будановой, д. 8 к. 2

✉ svoboda1999@gmail.com

[Статья из рубрики "Международные конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76198

EDN:

EWIFIN

Дата направления статьи в редакцию:

09-10-2025

Дата публикации:

06-11-2025

Аннотация: Предметом исследования является феномен веапонизации миграции, проявившийся в политике Турецкой Республики по отношению к Европейскому союзу в 2015–2020 годах. Объектом исследования – международные отношения между ЕС и Турцией, где миграционные потоки используются как инструмент политического давления. Автор подробно рассматривает институциональные и гуманитарные механизмы управления миграцией, а также роль информационных кампаний и медиадискурсов в формировании общественного восприятия кризиса. Особое внимание уделяется соглашению ЕС—Турция 2016 года, кризису на греко-турецкой границе в 2020 году и их влиянию на решения Европейской комиссии и Европейского совета в сфере распределения квот и охраны внешних границ. В сравнительном контексте упоминаются аналогичные практики миграционного давления, реализованные Беларусью в 2021 году и Марокко в отношении Испании, что подчёркивает системный характер данного явления. В исследовании применяются системный, сравнительный и кейс-

ориентированный подходы, а также методы контент- и событийного анализа. Эмпирическая база включает статистику Eurostat, UNHCR, Frontex, официальные заявления, парламентские отчёты, а также материалы международных СМИ. Анализ проводится поэтапно: сбор данных, тематическое кодирование, интерпретация и сопоставление политических реакций ЕС. Научная новизна работы заключается в выявлении механизма влияния миграционных потоков на процесс политического принятия решений в ЕС. Показано, что угрозы Анкары об открытии границ прямо коррелировали с ускорением переговоров о финансовой поддержке Турции и усилением мандата Frontex. В отличие от существующих исследований (А. Geddes, S. Carrera, А. Ю. Громыко), акцентирующих внимание на гуманитарной составляющей кризиса, автор рассматривает миграцию как управляемый инструмент гибридного давления. Приведены конкретные данные: после соглашения 2016 года поток мигрантов снизился на 72 %, но в 2020 году вырос втрое. Сопоставление с кейсами Беларуси и Марокко подтверждает повторяемость модели. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций для европейских и международных институтов: укрепление самостоятельных механизмов миграционного реагирования, снижение зависимости от третьих стран и развитие стратегической коммуникации в кризисных ситуациях.

Ключевые слова:

Веапонизация, Миграция, Турция, Европейский Союз, Политическое давление, Пограничный кризис, Международные отношения, Гибридное давление, Стратегическая коммуникация, Управление миграцией

Введение

Усиление миграционного давления на Европейский союз в 2015–2025 годах совпало с гибридизацией конфликтов и ростом роли немилитарных (невоенных) инструментов влияния. Турция из транзитного узла превратилась в активного актора управления потоками, используя контроль над миграцией как средство внешнеполитического влияния.

Цель исследования — определить, каким образом миграция используется как инструмент политического воздействия (веапонизации) и каковы последствия подобной политики для Европейского союза.

Задачи исследования: 1) проследить эволюцию миграционной политики Турции и рамки Соглашения 2016 года; 2) выявить основные инструменты и механизмы миграционного давления; 3) сопоставить динамику потоков с ключевыми политическими событиями; 4) оценить реакцию ЕС и последствия для его безопасности и устойчивости.

Объект исследования — отношения Европейского союза и Турции.

Предмет исследования — миграция как инструмент внешнеполитического влияния и давления.

Научная новизна работы заключается в интеграции теорий секьюритизации (B. Buzan, O. Wæver) и гибридных угроз (А. Громыко, К. Kirişci) для анализа феномена веапонизации миграции. Такой подход позволяет выявить, как немилитарные формы давления становятся элементом гибридных стратегий в современном международном взаимодействии.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при анализе гибридных угроз, а также в разработке антикризисных механизмов и мер устойчивости в миграционной политике ЕС и сопредельных государств.

Краткий обзор литературы показывает, что проблема политизации миграции активно исследуется в трудах К. Greenhill [\[1\]](#), S. Carrera [\[3\]](#), A. Gromyko [\[4\]](#), K. Kirişci [\[6\]](#), однако турецкий кейс до сих пор не получил комплексного анализа в рамках концепции веапонизации миграции в российской научной среде.

1. Теоретико-методологические основы исследования

1.1. Понятие веапонизации миграции

Термин «веапонизация миграции» (*weaponization of migration*) был введён американской исследовательницей Келли Гринхилл (K. Greenhill) в 2010 году [\[1\]](#). Он обозначает сознательное использование миграционных потоков как инструмента политического или дипломатического давления на другие государства. В отличие от естественных процессов переселения, вызванных экономическими или гуманитарными причинами, веапонизация предполагает целенаправленное управление потоками людей в интересах внешней политики.

Гринхилл указывает, что подобная стратегия особенно эффективна в демократических обществах, где гуманитарная повестка и права человека имеют высокий политический вес [\[1, с. 64\]](#). Контроль над миграционными маршрутами позволяет оказывать влияние на решения правительств стран-реципиентов, создавая моральные и управленческие дилеммы.

Важно различать понятия инструментализация и веапонизация миграции. Инструментализация — более широкая категория, охватывающая как нейтральные, так и позитивные формы политического использования миграции. Веапонизация же является её агрессивной разновидностью, направленной на причинение ущерба интересам другой стороны [\[3\]](#).

Примеры подобных практик встречались неоднократно. Так, Беларусь в 2021 г. использовала миграционный фактор в отношениях с Польшей и Литвой [\[22\]](#); Марокко в том же году — для оказания давления на Испанию [\[17\]](#); Турция же применяет контроль над миграцией как рычаг влияния на Европейский союз [\[6; 15\]](#). Все эти случаи подтверждают, что управление потоками перемещённых лиц становится частью гибридных стратегий, включающих информационные, дипломатические и немилитарные инструменты воздействия [\[13\]](#).

1.2. Теории секьюритизации и гибридных угроз

Методологической основой исследования выступает теория секьюритизации, разработанная представителями Копенгагенской школы — Б. Бузаном, О. Вэвером и Я. де Вильде [\[2\]](#). Согласно их подходу, различные социальные явления могут переводиться в сферу безопасности посредством политических и медийных действий, формирующих восприятие угрозы.

Применительно к миграции это означает, что массовые перемещения населения могут рассматриваться не как гуманитарная, а как политическая проблема, требующая защитных мер государства [\[20\]](#). В результате миграция становится фактором внутренней и внешней безопасности, а её регулирование — предметом политического торга.

Концепция гибридных угроз дополняет теорию секьюритизации, объединяя военные и немилитарные способы давления [\[4; 7\]](#). Исследователи А. Громыко [\[4\]](#), М. Калдор [\[7\]](#) и К. Киришчи [\[6\]](#) подчёркивают, что современная международная политика опирается на сочетание мягкой силы, пропаганды, экономических инструментов и управляемых кризисов. В таком контексте миграция становится элементом гибридной стратегии, где гуманитарная риторика используется для достижения геополитических целей [\[19\]](#).

1.3. Методология исследования

В исследовании применяются системный и сравнительный подходы, метод кейс-стади и контент-анализ.

Системный подход позволяет рассматривать миграционную политику Турции как элемент более широкой структуры международных отношений, где миграция выступает частью внешнеполитического инструментария [\[14\]](#).

Сравнительный подход используется для сопоставления турецкого кейса с аналогичными примерами (Беларусь и Марокко), что даёт возможность выявить общие закономерности политизации миграции [\[17; 22\]](#).

Метод кейс-стади обеспечивает детальное изучение конкретного периода — 2015–2020 годов, когда Турция активно использовала миграционные потоки в качестве рычага переговорного влияния на ЕС [\[15; 19\]](#).

Контент-анализ применяется при исследовании официальных заявлений турецкого руководства, публикаций СМИ, а также статистических данных Eurostat [\[8\]](#), UNHCR [\[9\]](#) и Frontex [\[11\]](#).

Комплексное использование указанных методов позволяет выявить формы и механизмы веапонизации миграции, оценить её последствия для устойчивости Европейского союза и международной безопасности в целом [\[21\]](#).

2. Эволюция миграционной политики Турции и её отношения с ЕС

2.1. Исторический контекст

Миграционная политика Турции формировалась на протяжении более чем полувека, начиная с Анкарского соглашения 1963 года, создавшего юридическую основу для ассоциированных отношений между Турцией и Европейским экономическим сообществом [\[10\]](#). С тех пор страна постепенно превратилась из экспортёра рабочей силы в транзитный и принимающий центр для миллионов мигрантов, перемещающихся из Сирии, Ирака, Афганистана и стран Африки.

Реформирование законодательства, включая Закон «Об иностранцах и международной защите» (2013), заложило правовую базу для управления потоками [\[6\]](#). Турция стала

играть двойственную роль — одновременно «ворот» в Европу и барьера, сдерживающего неконтролируемое продвижение мигрантов. Эта трансформация во многом предопределила будущий характер отношений с ЕС, где миграция превратилась из внутреннего вызова в геополитический инструмент [\[19\]](#).

2.2. Соглашение 2016 года: компромисс или зависимость

Мартовское Соглашение ЕС – Турция 2016 года стало переломным моментом в европейской миграционной политике [\[10\]](#). Согласно принципу «один за одного», каждая нелегально прибывшая в Грецию личность должна была возвращаться в Турцию в обмен на размещение сирийского беженца, находящегося на турецкой территории. Взамен ЕС обязался выделить Анкаре 6 млрд евро для финансирования гуманитарных программ и повышения эффективности пограничного контроля [\[15\]](#).

Формально соглашение позиционировалось как партнёрство, однако на практике оно закрепило зависимость ЕС от турецкого контроля над внешними границами [\[5\]](#). Европейская сторона де-факто делегировала функции охраны границ третьему государству, что создало новые уязвимости в системе безопасности [\[11\]](#). При этом Турция получила рычаг политического давления — возможность использовать угрозу «открытия границ» для торга по другим вопросам, включая визовую либерализацию и финансовую помощь [\[6, 15\]](#).

2.3. Миграция как дипломатический ресурс

После 2019 года турецкая стратегия всё больше приобретала характер внешнеполитического инструмента влияния, что проявилось в риторике руководства страны и практических действиях на границе с Грецией [\[19\]](#). В феврале 2020 года Анкара временно открыла пограничные переходы, что привело к массовому скоплению мигрантов у Эдирне и кризису на греко-турецкой границе. Этот шаг продемонстрировал готовность Турции использовать миграцию как средство давления для получения уступок со стороны ЕС в контексте военной операции в Сирии [\[6; 19\]](#).

В результате миграция окончательно закрепилась в качестве элемента дипломатического капитала, превращая Турцию в необходимого партнёра, без которого функционирование европейской миграционной политики становится затруднительным [\[3; 5\]](#). Такое положение усиливает зависимость ЕС от турецких решений, формируя асимметричную структуру взаимозависимости [\[20\]](#).

3. Механизмы веапонизации миграции

3.1. Инструменты давления Анкары

Миграция постепенно превратилась для Турции в многоуровневый инструмент политического давления, позволяющий оказывать влияние на Европейский союз и его политику в соседних регионах [\[6\]](#). Одним из главных рычагов Анкары стала угроза «открытия границ», впервые открыто озвученная президентом Р. Т. Эрдоганом в 2016 году. Эта риторика использовалась как элемент внешнеполитического торга, особенно в

моменты обострения отношений между Турцией и ЕС по вопросам Сирии, энергетики и прав человека [\[15; 19\]](#).

Другим инструментом стало информационное воздействие, направленное на формирование у европейского общества представления о гуманитарной ответственности и моральном долге перед беженцами [\[12\]](#). Турецкие официальные лица и государственные СМИ активно подчёркивали роль Анкары как «единственного защитника сирийцев», апеллируя к европейским ценностям и обвиняя ЕС в бездействии [\[5\]](#).

Кроме того, внутривластный аспект также имеет значение: демонстрация решимости в миграционном вопросе способствует консолидации турецкого общества вокруг правительства, укрепляя образ государства как независимого актора, способного диктовать условия Брюсселю [\[19\]](#). Таким образом, миграционная политика становится частью гибридного инструментария Турции, где гуманитарная и политическая риторика взаимно подкрепляют друг друга [\[13\]](#).

3.2. Эмпирические данные и динамика потоков

Эмпирические данные подтверждают связь между политическими кризисами и колебаниями миграционных потоков. По данным Eurostat и UNHCR, наибольший рост числа пересечений границы был зафиксирован в 2015 году (более 1 млн человек), что совпало с активной фазой конфликта в Сирии [\[8; 9\]](#). После заключения Соглашения ЕС–Турция в 2016 году количество нелегальных пересечений резко снизилось, однако к 2019–2020 годам вновь наблюдался рост — в контексте осложнения отношений между сторонами [\[10; 15\]](#).

В 2021–2024 годах динамика сохранялась неравномерной: периоды дипломатической напряжённости сопровождались увеличением числа мигрантов на маршрутах Эгейского моря и восточного Средиземноморья [\[9; 11\]](#). Эти колебания демонстрируют, что контроль над миграционными потоками используется как форма сигнализирования — инструмент политической коммуникации между Анкарой и Брюсселем [\[3; 20\]](#).

Анализ статистики и политических событий позволяет утверждать, что рост потоков часто совпадал с моментами давления на ЕС по несвязанным вопросам — например, при обсуждении поставок вооружений, энергетических проектов и военной операции «Источник мира» в Сирии [\[6; 19\]](#). Таким образом, миграция выступает не как побочный эффект кризисов, а как управляемая переменная внешней политики.

3.3. Роль медиа и цифровых платформ

Современная миграционная динамика во многом определяется медиафакторами. Цифровые платформы, такие как Telegram, Facebook (принадлежит компании Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией и запрещённой на территории Российской Федерации) и YouTube, активно используются как самими мигрантами, так и политическими акторами для распространения информации, организации маршрутов и формирования настроений [\[12\]](#).

Исследования показывают, что в периоды обострения конфликтов официальные и неофициальные каналы становятся средством координации и дезинформации:

распространяются слухи об «открытии границ» или «возможности попасть в ЕС», что приводит к мгновенному росту миграционной активности [\[9; 11\]](#).

Турецкие и ближневосточные медиа также играют роль в создании эмоционального фона — демонстрируя страдания беженцев, они усиливают давление на европейское общественное мнение, апеллируя к моральной ответственности Запада [\[5; 12\]](#). Одновременно цифровые кампании внутри Турции формируют образ страны как гуманитарной державы, что повышает внутреннюю легитимность власти [\[19\]](#).

Таким образом, информационное пространство становится частью гибридного конфликта, где миграция выступает не только как физическое движение людей, но и как символическое оружие, воздействующее на восприятие и решения в странах Европейского союза [\[13; 21\]](#).

4. Реакция Европейского союза и последствия веопонизации миграции

4.1. Институциональные и политические ответы ЕС

Реакция Европейского союза на турецкую политику в миграционной сфере сочетала элементы адаптации и сдерживания. С одной стороны, Брюссель укрепил сотрудничество с Анкарой, рассматривая Турцию как ключевого партнёра в контроле над внешними границами [\[10; 15\]](#). С другой — ЕС стремился снизить зависимость от внешних акторов, реформируя собственную миграционную архитектуру.

В 2023 году была одобрена реформа Пакта о миграции и убежище, предусматривающая перераспределение ответственности между странами-членами и расширение полномочий агентства Frontex [\[11\]](#). Одновременно активизировалась деятельность Европейского агентства по вопросам убежища, отвечающего за стандартизацию процедур предоставления защиты и ускоренное рассмотрение заявлений [\[5\]](#).

Однако стратегический фокус остался на внешнем сдерживании — то есть делегировании контроля странам транзита, включая Турцию, Ливию и Тунис [\[3; 19\]](#). Такая модель повышает краткосрочную устойчивость, но усиливает долгосрочную зависимость ЕС от внешних партнёров. В результате Европейский союз оказался в положении, когда поддержание стабильности на границах стало возможным лишь ценой политических уступок и компромиссов [\[4; 20\]](#).

4.2. Внутренние разногласия и секьюритизация миграции

Несмотря на декларации единства, внутри ЕС сохраняются глубокие разногласия относительно подходов к миграционной политике [\[5\]](#). Германия и Греция, наиболее вовлечённые в реализацию соглашения 2016 года, выступают за сохранение договорённостей с Турцией, рассматривая их как инструмент стабилизации [\[10; 15\]](#). В то же время страны Центральной и Восточной Европы (Польша, Венгрия, Чехия) критикуют подобные компромиссы, считая их проявлением зависимости от внешних акторов [\[20\]](#).

Эти противоречия способствуют секьюритизации миграции — превращению её из гуманитарного вопроса в проблему национальной безопасности [\[2; 12\]](#). В политическом

дискурсе усиливаются образы угрозы и контроля, что приводит к росту популярности правопопулистских партий и падению доверия к общеевропейским институтам [\[12; 18\]](#).

Такой процесс трансформирует не только восприятие миграции, но и саму идентичность ЕС, заставляя его рассматривать собственные ценности — открытость, солидарность, гуманизм — сквозь призму безопасности. В итоге формируется парадокс: чем сильнее Союз стремится к безопасности, тем больше он теряет в идеологическом единстве [\[4; 12\]](#).

4.3. Сравнительный контекст и уроки для ЕС

Сравнение турецкого кейса с другими примерами веапонизации миграции позволяет выявить общие черты и закономерности.

В 2021 году действия белорусских властей по созданию условий для перемещения мигрантов к границам Польши и Литвы стали фактором, спровоцировавшим новый виток миграционного кризиса на восточных рубежах ЕС [\[22\]](#). Аналогично Марокко использовало поток нелегальных мигрантов для давления на Испанию во время кризиса в Сеуте и Мелилье [\[17\]](#). Оба случая демонстрируют, что контроль над миграцией превращается в элемент гибридной дипломатии, где слабые государства используют гуманитарные инструменты для усиления своих переговорных позиций [\[4; 7\]](#).

При этом Турция отличается от других акторов масштабом и институционализацией своей политики: она не только контролирует маршруты, но и интегрировала миграционное управление в систему внешнеполитических отношений с ЕС [\[6; 15\]](#). Если действия Беларуси носили эпизодический и провокационный характер, то Анкара выстроила долгосрочную стратегию зависимостей, в которой миграция стала формой устойчивого влияния.

Для Европейского союза этот опыт выявил ключевую проблему — преимущественно реактивный характер политических решений. Брюссель действует, как правило, в ответ на кризисы, а не на основе упреждающего анализа. Это делает систему управления миграцией уязвимой к внешнему шантажу и внутренним политическим разломам [\[5; 18\]](#).

Следовательно, урок турецкого кейса заключается в необходимости перехода от управления последствиями к упреждению рисков, что требует стратегического прогнозирования и создания механизмов устойчивости [\[3; 21\]](#).

5. Уроки для Европейского союза: анализ гибридных стратегий соседей

Современные миграционные кризисы показывают, что Европейский союз оказался в окружении государств, активно использующих гибридные инструменты влияния. Турция, Беларусь и Марокко применяют миграцию не только как следствие нестабильности, но и как средство давления на Брюссель [\[4; 7; 13; 17; 22\]](#). Анализ их стратегий позволяет выявить ключевые закономерности и определить направления адаптации европейской политики.

5.1. Общие черты гибридных стратегий соседей ЕС

Несмотря на различие политических режимов и внешнеполитических интересов, для Турции, Беларуси и Марокко характерны схожие механизмы немилитарного давления. Во-первых, все три государства используют контроль над миграционными потоками как форму переговорного ресурса, стремясь получить уступки в других сферах — экономике, санкционной политике, визовом режиме [\[5; 15; 19\]](#).

Во-вторых, миграция служит инструментом внутренней легитимации. Демонстрация способности «защищать границы» или «сдерживать хаос» усиливает позиции правительств на внутренней арене, особенно в периоды кризисов [\[12; 19\]](#).

В-третьих, важнейшую роль играет информационный компонент. Управление восприятием миграции — через заявления, СМИ, цифровые платформы — позволяет соседним странам воздействовать на общественное мнение в Европе и тем самым на поведение институтов ЕС [\[9; 11; 13\]](#).

Эти элементы образуют целостную систему гибридных практик, где гуманитарная и политическая логика взаимосвязаны. Миграция становится не просто вызовом, а многофункциональным инструментом влияния, применяемым в зависимости от контекста и целей конкретного актора.

5.2. Уязвимости Европейского союза

Главная слабость Европейского союза заключается в постфактумном характере его миграционной политики. Брюссель, как правило, отвечает на кризисы постфактум, что создаёт благоприятные условия для внешнего шантажа [\[5; 18\]](#). Институциональная раздробленность — наличие разных позиций у стран-членов, различия в подходах к приёму беженцев и распределению ответственности — усиливает эту уязвимость [\[20\]](#).

Дополнительной проблемой стала внешняя зависимость. Делегирование контроля над границами Турции, Ливии или Тунису позволило ЕС снизить миграционное давление в краткосрочной перспективе, но сделало Союз зависимым от политических решений третьих стран [\[3; 4; 19\]](#).

Также отмечается кризис стратегической коммуникации. Отсутствие единой гуманитарной линии и консенсуса внутри ЕС способствует росту евроскептицизма и популизма, что подрывает внутреннюю устойчивость Союза [\[12; 18\]](#). В результате внешние акторы получают возможность воздействовать не только на политику Брюсселя, но и на общественное мнение внутри стран-членов, усиливая поляризацию.

5.3. Рекомендации и стратегические выводы

Для укрепления устойчивости Европейскому союзу необходимо перейти от управления последствиями к управлению рисками. Это требует создания системы стратегического прогнозирования и постоянного мониторинга внешних факторов, способных спровоцировать миграционные всплески [\[21\]](#).

Ключевыми направлениями должны стать: 1) диверсификация партнёрств — снижение зависимости от отдельных транзитных стран; 2) укрепление институциональной автономии в сфере пограничного и гуманитарного управления; 3) интеграция гуманитарной и внешнеполитической повестки для минимизации противоречий между

безопасностью и правами человека; 4) развитие европейской "гуманитарной дипломатии", способной работать с соседями на равных, а не в режиме реактивного кризисного взаимодействия [\[3; 5; 20; 21\]](#).

Тем самым миграция должна рассматриваться не только как вызов, но и как катализатор для обновления европейской политической системы. Усиление стратегической автономии, развитие аналитических инструментов и укрепление коммуникационных механизмов позволят ЕС превратить уязвимость в источник устойчивости.

Заключение

Проведённый анализ показал, что веапонизация миграции является одним из наиболее значимых проявлений гибридных угроз в современной международной политике. На примере Турции видно, как управление миграционными потоками превращается из гуманитарной задачи в инструмент внешнеполитического влияния и политического давления на Европейский союз.

В результате Турция заняла уникальное положение — она не просто выполняет роль транзитного государства, но и использует контроль над миграцией как ресурс дипломатического торга, сочетая его с экономическими и информационными инструментами воздействия. Европейский союз, в свою очередь, оказался в ситуации институциональной зависимости, когда безопасность его внешних границ частично определяется решениями третьих стран.

Сравнение турецкого кейса с примерами Беларуси и Марокко позволяет утверждать, что гибридизация миграционных процессов стала устойчивым явлением. Различаясь по масштабам и мотивации, эти случаи объединяет общий принцип: использование гуманитарных механизмов для достижения политических целей. В каждом из них миграция выполняет роль немилитарного инструмента давления, формируя новую структуру взаимодействия между ЕС и его соседями.

Для Европейского союза основным вызовом остаётся преимущественно ответная модель миграционной политики, сочетающаяся с недостаточной способностью к прогнозированию. Осознание этого факта требует перехода от ситуативного реагирования к стратегическому планированию и формированию механизмов устойчивости. ЕС нуждается в укреплении собственной аналитической и гуманитарной инфраструктуры, развитии партнёрских механизмов без зависимости от внешних акторов, а также в более активной гуманитарной дипломатии [\[3; 21\]](#).

С теоретической точки зрения, исследование подтвердило перспективность интеграции теорий секьюритизации и гибридных конфликтов для анализа миграционных процессов. Веапонизация миграции демонстрирует, что граница между военными и невоенными формами давления становится всё более условной, а гуманитарная сфера превращается в арену политического соперничества.

Для российской науки представленные выводы важны с точки зрения развития отечественного подхода к изучению немилитарных форм международного давления. Рассмотрение турецкого опыта в контексте взаимодействия с ЕС способствует более глубокому пониманию того, как инструменты гуманитарного и политического характера переплетаются в современных международных отношениях и формируют новые контуры глобальной безопасности. Прикладное значение работы состоит в том, что полученные

выводы могут быть использованы при разработке национальных и региональных программ по управлению миграционными рисками, а также при выработке предложений для евразийских структур сотрудничества (ШОС, ЕАЭС).

Библиография

1. Greenhill K. *Weapons of Mass Migration: Forced Displacement, Coercion, and Foreign Policy*. Ithaca: Cornell University Press, 2010.
2. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998.
3. Carrera S., Lannoo K. *EU External Migration Policy and the Neighbourhood*. CEPS Essays, 2021.
4. Громыко А. А. Гибридные вызовы и безопасность в современном мире // *Контурь глобальных трансформаций*. 2020. Т. 13. № 1. С. 32-49.
5. Войников В. В. Противодействие инструментализации миграции в ЕС: правовые и политические тенденции // *Современная Европа*. 2024. № 3. С. 45-64.
6. Kirişçi K. *Turkey and the Refugee Issue: Domestic and International Dimensions*. Washington: Brookings Institution, 2018.
7. Kaldor M. *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Stanford: Stanford University Press, 2012.
8. Eurostat. *Migration Statistics*. Luxembourg: European Union, 2024.
9. UNHCR. *Global Trends: Forced Displacement in 2024*. Geneva: United Nations, 2025.
10. European Commission. *EU-Turkey Statement*, 18 March 2016. Brussels: European Union, 2016.
11. Frontex. *Risk Analysis for 2023*. Warsaw: European Border and Coast Guard Agency, 2023.
12. Wodak R. *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean*. London: Sage, 2021.
13. Громов В. Гибридизация конфликтов и немилитарные инструменты влияния // *Современная Европа*. 2022. № 6. С. 48-59.
14. Liotta P., Shearer A. *Security and Environment in the Mediterranean: Conceptualising Security and Environmental Conflicts*. Berlin: Springer, 2020.
15. Akgün M., Gündoğar S. *The EU-Turkey Deal: Success or Failure?* Istanbul: Istanbul Policy Center, 2021.
16. Davutoğlu A. *Strategic Depth: Turkey's International Position*. Istanbul: Küre Yayınları, 2010.
17. Chavarría A. *Migration as a Geopolitical Tool: Comparative Perspectives*. Madrid: Real Instituto Elcano, 2023.
18. Громова Н. Миграционное давление и европейская безопасность // *Вестник МГИМО-Университета*. 2023. № 5 (80). С. 71-83.
19. Balci A. *Turkey's Foreign Policy in an Age of Uncertainty*. Istanbul: SETA Publications, 2022.
20. Karabulut A. *Securitization of Migration in EU-Turkey Relations* // *Journal of International Studies*. 2021. Vol. 8. No. 2. Pp. 45-60.
21. Korneev O. *Russia and the Global Migration Governance Regime* // *World Economy and International Relations*. 2022. Vol. 66. No. 2. Pp. 73-85.
22. Карпухин М. К. Веапонизация мигрантов: кейс Беларуси // *Альманах казачества*. 2025. № 83. С. 123-128. EDN: TNJXBY

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают механизмы использования Турцией миграционных потоков в качестве инструмента политического давления на Европейский союз в период с 2015 по 2020 год, включая механизмы веапонизации миграции и институциональные последствия для европейской миграционной политики. Научная актуальность работы обусловлена растущей ролью миграции в современных гибридных конфликтах, где она превращается из гуманитарной проблемы в инструмент геополитического влияния, особенно в контексте усиления миграционного давления на ЕС от транзитных стран вроде Турции, что требует переосмысления подходов к региональной безопасности и миграционной политике Европейского союза. Практическая значимость статьи проявляется в возможности применения выводов для снижения зависимости ЕС от внешних акторов, а также для российских структур в контексте евразийского сотрудничества по управлению миграционными рисками. Результаты исследования могут быть использованы при разработке антикризисных механизмов миграционного управления в рамках Европейского союза и евразийских структур сотрудничества, а также при формировании национальных стратегий противодействия гибридным угрозам. Исследование опирается на системный подход, позволяющий рассматривать миграционную политику Турции как элемент более широкой системы внешнеполитических отношений с ЕС. Применяется сравнительный метод для сопоставления турецкого кейса с аналогичными случаями использования миграции в качестве инструмента давления (Белоруссия, Марокко). Эмпирическую базу исследования составляют официальные заявления турецких и европейских политических лидеров за период 2015–2020 годов, публикации в СМИ (Anadolu Agency, Deutsche Welle, Politico), а также статистические данные международных организаций (Eurostat, UNHCR, Frontex). Для обработки этих данных используется контент-анализ, направленный на выявление риторики угроз, давления и апелляции к гуманитарным ценностям, что позволяет установить связь между политическими событиями и динамикой миграционных потоков. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Эти результаты связаны с тремя уровнями исследования: теоретической интеграцией концепции секьюритизации с теорией гибридных угроз, эмпирическим обоснованием веапонизации миграции, а также прогнозом институциональных последствий для ЕС. В рецензируемой работе продуктивно применена интегративная теоретическая рамка, объединяющая концепцию секьюритизации Копенгагенской школы с теорией гибридных угроз, что позволяет рассматривать миграцию не только как социально-экономический процесс, но и как элемент формирования региональных балансов силы и инструмент немилитаристического принуждения. Кроме того, в процессе исследования выявлены конкретные механизмы и инструменты, которыми Турция осуществляла веапонизацию миграции в отношении ЕС в период 2015–2020 годов, включая временное открытие границ, манипулирование гуманитарным дискурсом и использование миграционного контроля как дипломатической валюты в многоуровневых переговорах. Наконец, показано, что миграционная политика ЕС претерпела трансформацию от гуманитарной модели к модели «аутсорсинга безопасности», что привело к структурной зависимости Союза от третьих стран и усилению внутренних разногласий между государствами-членами по вопросам

распределения ответственности и солидарности. Обосновано, что гуманитарный дискурс становится легитимирующим инструментом гибридного давления, превращая моральную риторику в механизм политического шантажа. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: несмотря на некоторое излишество в дроблении статьи на подразделы, логика изложения в целом последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. Однако в тексте есть повторы, которые нужно устранить ДО ПУБЛИКАЦИИ статьи! Так, имеется структурный повтор: научная новизна и практическая значимость описывается ДВАЖДЫ (во введении и в заключении к работе). В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность исследования, формулируются цель, задачи, объект и предмет исследования, а также определяется научная новизна и практическая значимость работы; - «Теоретико-методологические основы исследования», где раскрывается понятие веапонизации миграции как агрессивной формы инструментализации, направленной на создание кризисных условий, представлена теоретическая рамка, объединяющая концепции секьюритизации Бьюзана и Вэвера с теорией гибридных угроз, объясняется сдвиг миграции в сферу проблем национальной безопасности, а также описывается методология исследования; - «Эволюция миграционной политики Турции и ее отношения с ЕС», где прослеживается историческая трансформация Турции от страны-донора трудовой миграции в ключевой транзитный узел к 2015 году, анализируется Соглашение 2016 года как поворотный момент превращения миграции в дипломатическую валюту и создание структурной зависимости ЕС от Турции, демонстрируется использование миграционного вопроса Анкарой в качестве стратегического инструмента внешней политики после 2019 года в связке с энергетическими, военными и экономическими досье; - «Механизмы веапонизации миграции», где детально описывается система гибридных инструментов давления Анкары, включая угрозу открытия границ, манипулирование гуманитарным дискурсом и позиционирование Турции как «оплота гуманности», а также раскрывается роль информационного воздействия и медиа в создании образа миграционной угрозы и влияния риторики турецких лидеров на европейское общественное мнение; - «Реакция Европейского союза и ее последствия», где анализируется фрагментированность и реактивность европейской политики, формирование системы «аутсорсинга безопасности», усиливающей зависимость от Турции, исследуются внутренние разногласия между государствами ЕС и процесс секьюритизации миграции, приведший к трансформации дискурса от солидарности к самосохранению, проводится сравнительный анализ кейсов Турции, Белоруссии и Марокко, выявляются общие закономерности использования миграции как инструмента давления и неспособность ЕС к упреждающему реагированию; - «Уроки для Европейского союза», где обобщаются выводы сравнительного анализа трех кейсов, показываются различия в институциональном уровне реализации стратегий (формальные соглашения Турции, демонстрация уязвимостей Белоруссией, временные акции Марокко) и обосновывается необходимость перехода ЕС от краткосрочных соглашений и внешнего сдерживания к системной модели управления миграцией с формированием общеевропейского центра прогнозирования гибридных угроз; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, характеризуется турецкая модель как переход к системному управлению кризисами, ПОВТОРНО формулируются научная новизна и практическая значимость, рекомендуется создание механизмов антикризисного реагирования и снижение зависимости ЕС от третьих стран. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, повторы одни и тех же слов (так, производные от слова «давление» употребляются в тексте почти 30 раз!; дериваты слова «миграция» – почти 70 раз!); и

др.) и грамматических (например, неверное написание предлога «о» с существительным, начинающимся с гласной буквы: «Закон "О иностранцах и международной защите" (2013)»; кроме того, отсутствует единообразие в написании названия страны Белоруссии (в тексте 4 раза используется название «Беларусь» и 5 раз – название «Белоруссия», причем логики в этом различии не видно; или раздельное написание «не» с прилагательными, в частности, с прилагательным «милитаристический»; но самая главная ошибка, побудившая рецензента рекомендовать статью к доработке, это прямой повтор одного предложения в заключительной части статьи: «Осознание этого факта требует от государств перехода от политики ответных шагов к стратегическому прогнозированию и формированию механизмов устойчивости. [...] Осознание этого факта требует от государств перехода от реагирования на вызовы к стратегическому прогнозированию и формированию механизмов устойчивости»; разумеется, с такими повторами публиковать работу нельзя). В целом текст написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Но повторы в тексте не позволяют рекомендовать его к публикации. Библиография насчитывает 22 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при теоретико-методологической рефлексии. В числе положительных качеств рецензируемой статьи следует отметить достаточно интересную теоретическую рамку, выбранную для анализа, а также системность и глубину сделанных выводов. Автор убедительно интегрирует теорию секьюритизации Копенгагенской школы с концепцией гибридных угроз, что позволяет рассматривать миграцию одновременно как социальный процесс и как инструмент геополитического влияния. Обращение к работам Гринхилл, Бьюзана, Вэвера создает солидную теоретическую основу для эмпирического анализа, а сопоставление инструментализации и веапонизации миграции вносит концептуальную ясность в понимание различных форм использования миграционных потоков в политических целях. Исследование отличается методологической строгостью и обширной эмпирической базой, включающей контент-анализ официальных заявлений, статистику международных организаций и сравнительный анализ трех кейсов (Турция, Белоруссия, Марокко). Автор последовательно прослеживает эволюцию турецкой миграционной политики от исторических предпосылок до современных механизмов давления, демонстрируя связь между конкретными политическими событиями и динамикой миграционных потоков, что придает выводам убедительность и верифицируемость. Однако повтор нескольких структурных элементов (дублирование в описании научной новизны и практической значимости), а также прямой повтор одного и того же предложения не позволяют рекомендовать текст к публикации в актуальном виде.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, практически полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны исследователям международных отношений, специализирующимся на вопросах миграции, европейской политики и гибридных угроз. Материал представляет ценность для аналитиков, занимающихся проблемами региональной безопасности в Европе и Средиземноморье, а также для специалистов в области миграционного права и политологии. Кроме того, исследование может быть полезно сотрудникам государственных структур, ответственных за разработку миграционной политики и антикризисного реагирования, а также экспертам евразийских организаций (ШОС, ЕАЭС), занимающимся вопросами трансграничного сотрудничества и управления миграционными рисками. Представленный материал соответствует тематике журнала

«Конфликтология / nota bene» и после доработки может быть рекомендован к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают механизмы использования Турцией миграционных потоков в качестве инструмента политического давления на Европейский союз в период с 2015 по 2020 год, включая механизмы веапонизации миграции и институциональные последствия для европейской миграционной политики. Научная актуальность работы определяется нарастающей ролью гибридных угроз в международных отношениях, где миграционные потоки все чаще используются как инструмент немилитарного воздействия. Особенно заметно это проявилось после 2015 года, когда усилилось миграционное давление на Европейский союз, и аналогичные процессы затронули другие государства. Анализ подобных явлений необходим для адекватного понимания современной геополитической динамики. Работа призвана раскрыть процесс превращения миграции из преимущественно гуманитарного явления в элемент гибридных стратегий, что имеет ключевое значение в условиях распространения немилитарных форм международного соперничества и выработки мер устойчивости ЕС. Практическая значимость исследования состоит в формировании теоретико-аналитической базы для выработки антикризисных подходов в миграционной политике Европейского союза, включая инструменты повышения устойчивости к внешнему давлению и шантажу. Полученные результаты могут быть использованы для оценки и предотвращения гибридных угроз в сопредельных регионах, а также в рамках евразийских интеграционных объединений – ШОС и ЕАЭС. Кроме того, выводы работы представляют ценность для разработки программ управления миграционными рисками, стратегий упреждающего прогнозирования и механизмов дипломатического реагирования на кризисные ситуации. В теоретико-методологическом плане исследование опирается на междисциплинарную методологическую рамку, сочетающую несколько подходов. Основой служит теория секьюритизации Копенгагенской школы (Б. Бузан, О. Уэвер), позволяющая проследить процесс превращения миграции в вопрос безопасности через политический дискурс и медийные репрезентации. Эта теоретическая линза дополняется концепцией гибридных угроз, раскрывающей переплетение военных и невоенных инструментов влияния в современных конфликтах. В работе применяется системный подход, позволяющий рассматривать миграционную политику Турции как элемент более широкой системы внешнеполитических отношений с ЕС, а также метод case study, фокусирующий на турецком опыте 2015–2020 годов, в сочетании со сравнительным анализом аналогичных практик Беларуси и Марокко. Эти результаты связаны с тремя уровнями исследования: теоретической интеграцией концепции секьюритизации с теорией гибридных угроз, эмпирическим обоснованием веапонизации миграции, а также прогнозом институциональных последствий для ЕС. Эмпирическую базу исследования составляют официальные заявления турецких и европейских политических лидеров за период 2015–2020 годов, публикации в СМИ

(Anadolu Agency, Deutsche Welle, Politico), а также статистические данные международных организаций (Eurostat, UNHCR, Frontex). Для обработки этих данных используется контент-анализ, направленный на выявление риторики угроз, давления и апелляции к гуманитарным ценностям, что позволяет установить связь между политическими событиями и динамикой миграционных потоков. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, в процессе работы выявлена специфическая модель долгосрочной институционализации миграционного контроля как внешнеполитического ресурса в турецко-европейских отношениях, отличающаяся от эпизодических провокационных практик других транзитных государств (Беларусь, Марокко) устойчивостью механизмов зависимости и интеграцией в систему дипломатического торга. Выявлено, что контроль над миграционными потоками функционирует как форма политического сигнализирования и дипломатического давления, а не только как реакция на гуманитарные кризисы. Кроме того, в статье продемонстрировано, что веапонизация миграции в турецком случае трансформирует не только внешнеполитические отношения, но и внутреннюю идентичность ЕС, создавая парадокс между декларируемыми ценностями (открытость, солидарность, гуманизм) и требованиями обеспечения безопасности, что усиливает евроскептицизм и институциональную поляризацию внутри Союза. Наконец, по результатам исследования обоснована необходимость перехода от реактивной модели миграционной политики ЕС к проактивной стратегии, включающей диверсификацию партнерств, развитие собственной аналитической инфраструктуры и формирование гуманитарной дипломатии, что может служить основой для разработки национальных и региональных программ управления миграционными рисками. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: несмотря на некоторое излишество в дроблении статьи на подразделы, логика изложения в целом последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где формулируются цель и задачи исследования, определяются объект и предмет изучения, описывается научная новизна и практическая значимость работы, а также содержится краткий обзор литературы, выявляющий недостаточную разработанность турецкого кейса в российской научной среде; - «1. Теоретико-методологические основы исследования», где раскрывается понятие веапонизации миграции, обосновывается теоретическая база работы, а также описываются конкретные методы исследования; - «2. Эволюция миграционной политики Турции и ее отношения с ЕС», где прослеживается исторический контекст трансформации Турции от экспортера рабочей силы до транзитного центра и геополитического актора, а также анализируется Соглашение ЕС - Турция по беженцам 2016 года как основа институциональной зависимости Евросоюза от турецкого контроля над миграционными маршрутами; - «3. Механизмы веапонизации миграции», где анализируются конкретные инструменты и тактики, применяемые Турцией для использования миграционных потоков в качестве средства политического давления на Европейский союз; - «4. Реакция Европейского союза и последствия веапонизации миграции», где исследуются ответные меры ЕС, последствия миграционного давления для внутренней устойчивости и безопасности Союза, а также проводится сравнительный анализ с кейсами Беларуси и Марокко и выявляются общие закономерности гибридной дипломатии; - «5. Уроки для Европейского союза: анализ гибридных стратегий соседей», где обобщаются общие черты гибридных стратегий соседних государств, описываются системные уязвимости Евросоюза и предлагаются стратегические рекомендации по укреплению устойчивости через диверсификацию партнерств и развитие гуманитарной дипломатии; - «Заключение», где подводятся итоги исследования, резюмируется вывод о том, что

веапонизация миграции стала устойчивым проявлением гибридных угроз, подчеркивается необходимость перехода от реактивной к стратегической модели управления миграционными рисками, а также отмечается значимость результатов для российской науки и евразийских структур сотрудничества. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических (например, повторы одни и тех же слов (так, производные от слова «давление» употребляются в тексте более 20 раз; от слова «инструмент» – почти 30 раз; дериваты слова «миграция» – почти 70 раз)) и грамматических (например, отсутствует единообразие в написании названия страны Белоруссии (в тексте 7 раз используется название «Беларусь» и 1 раз – прилагательное «белорусский»)) погрешностей, но в целом текст написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 22 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при теоретико-методологической рефлексии. В числе положительных качеств рецензируемой статьи, позволяющих рекомендовать ее к публикации, следует отметить достаточно интересную теоретическую рамку, выбранную для анализа, а также системность и глубину сделанных выводов. Автор демонстрирует основательное владение материалом и убедительно синтезирует теоретические концепции секьюритизации и гибридных угроз с эмпирическим анализом конкретных политических событий, что позволяет не просто описать турецкую миграционную политику, а раскрыть ее глубинные механизмы и стратегическую логику. Особенно удачным является объяснение парадокса, при котором стремление ЕС к безопасности подрывает его идеологическое единство, что свидетельствует о способности автора видеть диалектику процессов и формулировать нетривиальные выводы. Работа отличается строгой структурой и последовательностью изложения, где каждый раздел логически вытекает из предыдущего и готовит почву для последующего анализа. Сравнительный контекст (Беларусь, Марокко) не является формальным дополнением, а органично встроен в аргументацию, позволяя выявить как общие закономерности веапонизации миграции, так и специфику турецкой модели. Это придает исследованию необходимую глубину и делает выводы более обоснованными.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для исследователей в области международных отношений, миграционных исследований и безопасности, специализирующихся на изучении гибридных угроз и немилитарных форм давления. Материал будет полезен аналитикам государственных структур, занимающимся выработкой миграционной политики и оценкой внешнеполитических рисков для стран ЕС и евразийского региона. Кроме того, работа может быть востребована преподавателями, студентами и аспирантами профильных программ по европейским исследованиям, конфликтологии и политической географии, поскольку предлагает актуальный кейс для изучения трансформации миграции в инструмент геополитики. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Камара С. Постколониальный этнополитический сепаратизм: концептуально-дискурсивный анализ //

Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. С. 110-122. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76593 EDN: EZEFD URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76593

Постколониальный этнополитический сепаратизм: концептуально-дискурсивный анализ

Камара Сиди

ORCID: 0009-0004-4338-4363

соискатель; институт философии и социально-политических наук; Южный федеральный университет

344006, Ростовская область, г Ростов-на-дону, ул Большая Садовая, 105/42

✉ sidicamara1980@yahoo.fr

[Статья из рубрики "Место и роль конфликтов в концепциях нового мирового порядка"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76593

EDN:

EZEFD

Дата направления статьи в редакцию:

30-10-2025

Дата публикации:

06-11-2025

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме роста сепаратистских движений в мире, сопровождающегося повышением уровня конфликтности в отношениях между этническими группами в разных странах. В фокусе исследования находятся теоретические и методологические проблемы изучения сепаратизма в политической науке. Предпринята попытка предложить новый теоретический подход к изучению одного из видов современного этнополитического сепаратизма, свойственного для стран, освободившихся от колониальной зависимости. Объектом исследования является сепаратизм, предметом исследования – постколониальный этнополитический сепаратизм в разделенных обществах. Цель заключается в разработке концепта постколониального этнополитического сепаратизма. Показана значимость концептуализации постколониального этнополитического сепаратизма как отдельного вида сепаратизма.

Проанализировано понятие «постколониальный» как дефиниция теории постколониальных исследований, критикующих колониализм и предлагающих способы борьбы с ним. Теоретико-методологическую рамку исследования составили теории постколониального дискурса Э. Саида и Х. Баба и теории разделенных обществ С. Роккана – М. Липсета, А. Лейпхарта, позволившие обосновать свойства «постколониальный» и «этнополитический», определяющие уникальность данного вида сепаратизма в разделенных обществах. Методом исследования выступает концептуально-дискурсивный анализ (Ф. Оппенгейм, У. Коннолли). Результатом исследования, определяющим его новизну, является предложенный автором постколониальный концепт этнополитического сепаратизма. Описана концептная структура и основные признаки постколониального этнополитического сепаратизма, произведена экспликация смысла понятия «постколониальный» в семантическом поле глубоко разделенных обществ, описаны дискурсивные формы проявления. Предложена методология применения концепта к анализу политических практик сепаратистских движений в странах пост-колониального исторического периода. Разработанная концептуальная модель позволяет сформулировать некоторые принципы управления сепаратистскими конфликтами в разделенных обществах. Сделаны выводы об особой роли этнополитического сепаратизма в формировании национальных государств в странах, освободившихся от колониальной зависимости. Уточнены методы применения постколониального концепта этнополитического сепаратизма для изучения возможностей конструирования интеграции в глубоко разделенных обществах и преодоления сопутствующих конфликтов.

Ключевые слова:

сепаратизм, этнополитический сепаратизм, постколониальный этнополитический сепаратизм, теория постколониального дискурса, теория социальных расколов, пост-колониальный период, концептуально-дискурсивный анализ, этнополитические конфликты, постколониальный концепт, неоколониализм

Введение

Сепаратизм чаще всего рассматривают как деструктивную практику «покушения» на суверенитет государства и на его территориальную целостность. Целями сепаратистов может быть разный уровень территориальных претензий – автономия, сецессия или ирредентизм. «Со времен Второй мировой войны сепаратистские движения в Европе, Азии и Африке почти вчетверо увеличили число независимых государств в международной системе и увеличили число членов Организации Объединенных Наций с 51 при ее основании до 193 членов сегодня. По некоторым подсчетам, в настоящее время в мире существует более 70 сепаратистских движений» [\[1\]](#). Начиная с 70-х годов XX века по мере роста сепаратистских движений африканские лидеры стали активно отстаивать суверенитет и территориальную целостность своих государств. Этнополитический сепаратизм пост-колониального периода развития африканских стран как политическое явление представляет сложный в теоретическом значении предмет исследования.

Цель исследования – разработать постколониальный концепт этнополитического сепаратизма. Для этого предполагается решить следующие задачи: сравнив разные подходы к исследованию понятия сепаратизма, существующие в академическом

дискурсе, показать значимость концептуализации его отдельного типа – «постколониального этнополитического сепаратизма». Раскрыть преимущества применения концептуально-дискурсивного анализа для теоретико-методологического обоснования концепта (Ф. Оппенгейм [\[2\]](#), У. Коннолли [\[3\]](#)). Предложить концепт «постколониального этнополитического сепаратизма», дав описание предикатов «постколониальный» и «этнополитический» как основных признаков данного вида сепаратизма и элементов концептной структуры. Учитывая содержательную многозначность понятия, сузить его сематическое поле (смыслы) до заданных рамок «разделенных обществ», и дать рекомендации по методологии применения концепта к анализу политических практик.

Понятие сепаратизма: достигнутый консенсус и направления дискуссии

Понятие сепаратизма можно охарактеризовать как «зонтичное» для целой группы понятий, имеющих определенные отличительные признаки. Наиболее широкое определение, по которому достигнут консенсус среди исследователей, сформулировано следующим образом: «Сепаратизм (от латинского *separatus* – отдельный), идеология и основанные на ней политические движения, направленные на отделение части территории от существующего государства и ликвидацию его суверенитета над ней» [\[4\]](#). В настоящее время споры в научном сообществе в основном ведутся вокруг содержательного описания различных видов сепаратизма. Специальных исследований по определению понятия «постколониальный» сепаратизм пока нет, большинство публикаций посвящены различным аспектам сепаратистских политических практик. В контексте проблем данного исследования интерес представляют дискуссии по описанию политических аспектов этнополитического вида сепаратизма. Преимущественно этнополитический сепаратизм рассматривается как разновидность этнического сепаратизма, в основе которого лежит не только этнический состав субъектов, но и политические признаки их деятельности.

Политические формы проявлений этнического сепаратизма находят выражение в стремлении этнических групп к получению власти на определенной территории, достижению политического суверенитета и формированию сепаратистских движений. Д. Горюхи называет сепаратизмом «обособление группы населения, главным образом на этнической или религиозной основе, выход этой группы и ее территории из-под юрисдикции более крупного государства, частью которого она является, с последующим образованием нового государства» [\[5, с. 147\]](#). В.А. Тишков в своем определении ключевым свойством сепаратизма называет суверенитет. «Сепаратизм – это требование суверенитета и независимости для этнически обозначенной территории, и это требование направлено против государственной власти страны проживания» [\[6\]](#). По мнению В.А. Тишкова и Ю.П. Шабая «идеологической основой этнического сепаратизма служит концепт нации-этноса» [\[7, с. 412\]](#). А. В. Баранов определяет сепаратизм как «территориальное политическое движение, цель которого – отделить от государства часть его пространства и создать своё независимое государство» [\[8, с. 107\]](#).

Следует согласиться с мнением Р. М. Нуруллина, исследовавшего политические аспекты проблем сепаратизма и сепарации [\[9\]](#), что «в настоящее время этнополитический сепаратизм представляет собой наименее изученный феномен в современной политической науке. Сложность трактовки этого явления вызвана не только многофакторностью самого сепаратизма, но и отсутствием установленных теоретико-методологических подходов к изучению сепаратистских тенденций политической жизни»

[\[10, с. 154\]](#). При наличии обширной литературы по различным проявлениям сепаратизма в политических практиках существует мало работ монографического уровня по его концептуальному анализу, нет публикаций по дискурсивному анализу данного феномена. Следует отметить как очень перспективные, предпринимаемые попытки разработать «теорию сепаратизма» для определения наличия общих черт в объяснении причин возникновения сепаратистских движений и их истоков [\[11\]](#).

Данное исследование проведено с учетом двух теоретических подходов, предложенных Д. Горовицем. «Один из них заключается в том, чтобы выяснить, какие силы ответственны за общий подъём сепаратистских движений... Другой подход заключается в том, чтобы выяснить, что побуждает определённые территориально обособленные этнические группы попытаться покинуть государства... Первый вопрос требует общего объяснения совокупных тенденций; он направлен на сравнение настоящего с определённым периодом в прошлом. Второй требует объяснения, позволяющего различать различные категории случаев; он предполагает сравнение не во времени, а в пространстве» [\[12, с. 165\]](#). Постколониальность в темпоральном значении рассматривается в данной работе и как исторический период (пост-колониальный), пришедший на смену колониальному, и как «постколония», особый случай обществ, освободившихся от колониализма.

Самым распространенным теоретическим подходом к конструированию понятия сепаратизма и этнополитического сепаратизма является конфликтологическая парадигма (Р. Дарендорф, Г. Зиммель, Э. Гидденс, С. Хантингтон). Концептуальный анализ сепаратизма в разделенных обществах в рамках этого подхода позволяют провести работы, написанные с использованием метода «доминантного размежевания», разработанного К. Марксом, позволяющего выявить новые кливажи, такие как противоречие между «космополитами» и «коммунитаристами» [\[13, с. 14\]](#). Менее востребованным для определения дефиниции сепаратизма является системный подход [\[14\]](#), дающий возможность, однако, проанализировать сепаратизм с точки зрения «часть – целое», «центр – периферия». Особо следует выделить достаточно распространенное направление, использующее «синтетические» подходы, сочетающие возможности различных теорий.

И. Л. Прохоренко, анализируя основные методологические подходы к определению сепаратизма как сецессии, автономии, политической программы или как насильственного действия, выделила уникальное направление, сложившееся в политической науке. Сепаратизм в рамках изучения проблем развития «означает не только «отделение», но и «обособление», иными словами – культурную, языковую, экономическую, административно-политическую и иную дивергенцию в пространстве единого государства» [\[15, с. 11\]](#). По мнению И. Л. Прохоренко в современных исследованиях сепаратизма формируется направление, изучающее понятие сепаратизма «с прилагательными», например, этнический, религиозный, региональный. Конструирование семантического поля понятия сепаратизма, поиск его разных смыслов позволяет избежать неопределенности при употреблении данного понятия.

Теоретико-методологические рамки исследования «постколониального»

Понятие «постколониальный» в данной работе рассматривается прежде всего как дефиниция постколониальных исследований [\[16\]](#), а не как особый исторический период, следующий за колониализмом, именуемый также эпохой деколонизации. Понятие «постколониальный» является базовым в научном направлении постколониальных

исследований – давно известном течении академической мысли на Западе. Релевантной для изучения выбранной темы является дефиниция «постколониального», используемая в теории постколониального дискурса – коммуникативной дискурсивной концепции в рамках направления постколониальных исследований.

Создателем постколониальной теории и теории постколониального дискурса является Эдвард Саид, а начало научному направлению положила его книга «Ориентализм». В значении дискурсивной практики «"ориентализм" чаще всего воспринимали как своего рода голос порабощенных (обездоленные всего мира вдруг заговорили), нежели как мультикультуралистский и одновременно критический анализ власти, использующей знание для расширения своего влияния» [\[17, с. 519\]](#). Э. Саид рассматривал ориентализм одновременно и как институт, и как форму дискурса: «ориентализм можно считать корпоративным институтом, направленным на общение с Востоком — общение при помощи высказываемых о нем суждениях, определенных санкционируемых взглядах, его описания, освоения и управления им, — короче говоря, ориентализм — это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком» [\[17, с. 101\]](#).

Ориентализм как методология, позволяющая проводить исследование процессов, посредством которых «Запад» конструировал «Восток», находит широкое применение при изучении целого ряда современных проблем неоколониальной зависимости. Уникальность методологии заключается выходе за рамки бинарной оппозиции «господин – раб». Э. Саид пишет: «В «Ориентализме» я призывал по-новому взглянуть на разделения и конфликты, из поколения в поколение порождавшие враждебность, войны и имперский контроль» [\[17, с. 541\]](#). Понятие «постколониальный дискурс», определившее название теории, сложилось в результате влияния на ее зарождение французского постструктурализма: концепции власти-знания Мишеля Фуко и теорий дискурс-анализа (Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида).

Другими выдающимися теоретиками постколониального дискурса всеми признаются Гаяти Спивак, развивавшая идеи «деконструкции» Ж. Деррида, и Хоми Баба, предложивший концепцию гибридности и амбивалентности в отношениях между колонизаторами и колонизируемыми народами [\[18, р. 37\]](#). Понятие постколониального дискурса в настоящее время имеет несколько значений. Постколониальный дискурс в глобальном контексте рассматривается во взаимосвязи с историей сообществ Африки и африканской диаспоры пост-колониального периода.

Как методология постколониальный дискурс – это «дискурс-анализ трудов основоположников постколониальной теории и вклада в ее развитие ученых индийского и африканского происхождения» [\[19, с. 9\]](#). Применение теорий постколониальных исследований потребовало учитывать методологические ограничения данного направления, такие как отсутствие общей парадигмы исследования постколониального, множественность трактовок постколониального дискурса [\[20, с. 37\]](#), а также дефицит теоретических исследований этнополитического сепаратизма в контексте дискурсивного переосмысления постколониальности [\[21\]](#).

Другой базовой теорией исследования, является теория «разделенных обществ» (divided societies) С. Роккана, М. Липсета [\[22\]](#), А. Лейпхарта [\[23\]](#), которая позволяет описать свойство «этнополитический» в более узком семантическом поле «глубоко разделенных обществ». Для данного исследования наибольший интерес представляет направление,

анализирующее закономерности этнических кливжей (расколов), одним из проявлений которых является этнополитический сепартизм». В рамках концепции разделенных обществ в российской политической науке постепенно сложилось несколько направлений исследования дискурсов [24], наиболее заметными из них являются следующие.

Дискурс рассматривается и как форма диалога в многосоставных сообществах, и как ресурс межгруппового доверия в институциональной модели представительства интересов конфликтующих этнокультурных групп. Дискурсы играют важную роль в формировании постколониальных наций, поскольку механизмы «сборки наций» опираются на коммуникативные (дискурсивные и нарративные) практики, вне которых трудно было бы представить формирование современных наций [25, с. 30]. Дискурсы описываются как ресурс постконфликтного урегулирования в многосоставных обществах, в частности, в практиках управления конфликтами в консоциативной демократии они используются как ресурс социальной реабилитации участников конфликта. Дискурсы также выполняют функцию коммуникации между конфликтующими сторонами, выполняя роль неформального политического института.

Концептуализация основных признаков постколониального этнополитического сепартизма

Концептуально-дискурсивный анализ, предлагаемый в качестве метода обоснования концепта, сочетает два теоретических подхода, дополняющих друг друга. Концептуальный анализ предполагает раскрытие содержания понятия и его видов, описание его смысла, определение объяснительных возможностей использования [2]. Поскольку это понятие широко используется в социально-политических и дискурсивных практиках, размывающих его содержание, то при определении возникает проблема, известная как «сущностная оспариваемость политических концептов» (essential contestability of political concepts). У. Коннолли в работе «Термины политического дискурса», в частности, называет оспариваемой концепцию деконструкции, выдвинутую французским философом Ж. Деррида и используемую в теориях постколониального дискурса [3]. Рассмотрим два основных отличительных признака постколониального этнополитического сепартизма, отражающие содержание данного вида.

Понятие «постколониальный» и «этнополитический» в исследовании трактуются в философском значении как «предикат», то есть определенное свойство сепартизма. Методологическим ориентиром для его разработки стало понятие «постколониальный» как дефиниция теорий постколониального дискурса, что позволило при формировании концепта выйти за хронологические рамки исторического этапа, понимаемого как «эпоха, следующая за колониализмом». Темпоральной особенностью понятия «постколониальный» в теориях постколониального дискурса является единое время и единое пространство, объединяющее эпохи колониализма и пост-колониализма. В постколониальной теории этот феномен описывается понятиями «амбивалентность», «гибридность», «третье пространство».

Хоми Баба обосновал понятие гибридного «третьего пространства», где «всё происходит вместе» во «всеобъемлющей одновременности», где колонизаторы и народы, находящиеся в колониальной зависимости от них, взаимодействуют в диалоге и демонстрируют некий гибрид культуры и идентичности. Х. Баба предложил также концепцию амбивалентности как инструмент исследования отношений между колонизаторами и колонизируемыми народами. Понятие амбивалентности используется в

постколониальной теории для выражения неоднозначности, двойственности явлений или процессов. К примеру, отношения колонизаторов и поработанных ими народов он определяет как «сложную смесь притяжения и отталкивания». Другим проявлением амбивалентности является темпоральная двойственность опоры и на современность, и на историческое прошлое.

Понятие гибридность чаще применяется в исследовании политических практик для описания сочетания в социальной и политической реальности элементов колониализма и неоколониализма, колонизации и деколонизации, современности и традиции, ценностей восточной и западной цивилизации, официальных и народных дискурсов [26]. Хоми Баба рассматривал в качестве производителей гибридности колониальные научные и политические дискурсы. Он утверждал, что универсальный колониальный дискурс порождает противоречия, которые «открывают путь переопределению коллективной принадлежности», «таким образом, постколониальное состояние характеризуется преодолением любой фиксированной и эссенциалистской идентичности» [27].

А. Мбембе указывает на сосуществование в постколонии универсальности и универсализма, коммунализма и сепаратизма, и утверждает: «Постколониальные течения говорят в пользу космополитического и гибридного мира... Их объединяет интерес к историческому событию, которое было встречей разнородных миров – встречей, которая произошла в ходе работоторговли, колонизации, торговли, миграции и перемещений населения (включая принудительные), евангелизации, циркуляции форм и идей. Постколониальные течения подвергли сомнению то, что эта встреча, в ее многочисленных модальностях, произвела – долю переосмысления, корректировок и перекомпозиций, которые она потребовала от всех главных действующих лиц, игру амбивалентностей, миметизм и сопротивление, которые она сделала возможными» [28].

А. Мбембе отмечает пространственную особенность и временную «запутанность» постколонии: «постколония создана не из одного «общественного пространства», а из нескольких, каждое из которых имеет свою логику» [29, с. 104]. «Постколония охватывает множественные периоды, состоящие из разрывов, разворотов, инерций, колебаний, которые накладываются друг на друга, взаимопроникают друг в друга, охватывают друг друга» (29, с. 14). П.-Ф. Фретюр в книге «Прошедшее несовершенное время: время и африканская деколонизация 1945-1960 годов» (Past Imperfect), опираясь на постколониальную методологию и концепцию темпоральности *Neuzeit* (нового времени) Рейнхарта Козеллека, доказывает, что колониальные эксперты (путешественники, миссионеры, этнографы и др.) в принципе отрицали современность африканского времени, а собственную историчность рассматривали как прогрессивную, что привело колонистов к низведению африканцев до состояния безвременья [30].

Предикат «этнополитический» – другое верифицируемое свойство постколониальной формы сепаратизма, характеризующее его структуру и институциональные функции. Политизация этнических расколов находит выражение как в процессе институционального закрепления этнических расколов, так и в реализации дискурсивных стратегий в политических практиках [31]. Политизация как процесс, подтверждая принцип амбивалентности, демонстрирует одновременно две возможности: одну к углублению расколов, другую к стабилизации конфликтной ситуации посредством их институционализации. В общественном сознании этот методологический принцип выражается в отражении бинарности идентичности (этническая и гражданская), признании сохранения колониальных стереотипов, понимании закономерностей

стратегий формирования и продвижения «западных» неоколониальных идеологических концептов. В общественно-политических практиках гибридность воспроизводится посредством научных, публицистических и политических дискурсов, направленных на деконструкцию колониальных стереотипов и деколонизацию сознания.

Основным фактором, определяющим степень радикализма сепаратистских движений и глубину этнических расколов, является процесс их политизации. Инструментами политизации этнических расколов являются политизация этнокультурного многообразия, политизация идентичности, институциональное закрепление расколов, политическое вмешательство других стран. В политических практиках этнополитический сепаратизм институализируется в виде сецессий, автономизации, ирредентизма. На 90-е годы приходится постепенный рост этнополитических конфликтов на Африканском континенте, что совпадает с активным внедрением западных моделей демократии в политическую жизнь традиционного африканского общества в пост-колониальный период. Примером служат активные сепаратистские движения в Мали, Нигере, где насчитывается 300-500 народов (этносов) [\[32\]](#).

Заключение

На основе обобщения вышеизложенных теоретических подходов и методологических принципов можно сформулировать основные положения постколониального концепта этнополитического сепаратизма в разделенных обществах. Постколониальный этнополитический сепаратизм является одним из видов сепаратизма, свойственным для стран, освободившихся от колониальной зависимости с глубоко разделенными обществами. Понятие «постколониальный» относится к категории «сущностно оспариваемых» (У. Коннолли). С одной стороны, сепаратизм в научном и общественном дискурсе оценивается как деструктивный феномен, с другой стороны, постколониальный этнополитический сепаратизм является неотъемлемой частью процесса формирования национальных государств и становления демократических режимов.

Понятийная структура постколониального концепта этнополитического сепаратизма может быть представлена следующим образом. Понятие «постколониальный» является главным свойством, характеризующим данную форму сепаратизма. Содержание понятия «постколониальный» характеризуется двумя свойствами, отражающими его сущность и концептную структуру: «амбивалентности» и «гибридности». Темпоральной особенностью понятия «постколониальный» является единое время, а пространственной особенностью – единое «третье пространство», объединяющее исторические эпохи колониализма и пост-колониализма. Предикат «этнополитический» позволяет включить «постколониальность» в более широкий понятийный контекст уже хорошо изученного вида сепаратизма.

В политических практиках сепаратизма «амбивалентность» проявляется в легитимации действий сепаратистов на разных основаниях: как с помощью идеологии модернизма, так и с помощью идей нативизма, эссенциализма, родства. Поддержка сепаратистских движений обеспечивается как этнической, так и гражданской идентичностью. Сепаратизм может являться как результатом колониальных и неоколониальных проектов бывших метрополий, так и вдохновляться мифами доколониального периода истории стран, освободившихся от их зависимости. Отличительными особенностями постколониального этнополитического сепаратизма являются его встроенность в процесс формирования национальных государств и становления демократических режимов в странах пост-колониального периода. Дискурсивными элементами постколониального этнополитического сепаратизма, формирующими его идеологию, выступает

репрезентация представлений о собственной (а не колониальной) истории, целях развития, ценностях, национальной культуре, стратегиях легитимации.

Методология применения концепта к анализу сепаратистских движений предполагает выявление парных характеристик колониального / постколониального во всех их характеристиках на примере разных кейсов сепаратистских конфликтов. Постколониальный концепт этнополитического сепаратизма можно использовать и как инструмент анализа перспектив развития политических процессов в глубоко разделенных обществах пост-колониального исторического периода африканских стран. Функционально признак политизации этнических расколов может быть рассмотрен как предиктор (прогнозный элемент), позволяющий строить проекцию в будущее и «предсказывать» развитие сепаратистских движений.

Выявление сущностных черт и закономерностей развития постколониального общества при помощи предложенной концептуальной модели позволяет сформулировать некоторые принципы конструирования интеграции глубоко разделенных обществ. В основе метода лежит технология политической институционализации этнополитических расколов с целью предотвращения открытых конфликтов. В случае если глубина противоречий и острота этнополитического конфликта не позволяет перейти на институциональный уровень его разрешения, достичь временной стабилизации можно через институционализацию самого этнополитического раскола, обеспечив площадки для свободного диалога конфликтующих сторон. Снять остроту противоречий в переходный период поможет институционализация неформальных дискурсивных практик (например, создание постоянно действующих площадок) открытого диалога этнических сообществ.

Библиография

1. Gupta D. Separatist movements. The Wiley|Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements. 27 September 2022. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9780470674871.wbespm388.pub2> (дата обращения: 27.10.2025).
2. Oppenheim F. Political Concepts. A Reconstruction. Oxford: Basil Blackwell, 1981. 227 p.
3. Connolly W. The terms of political discourse. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993. 257 p.
4. Большая российская энциклопедия 2004–2017. Сепаратизм. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3656853-ysclid=mgxn60gmvb184550513 (дата обращения: 27.10.2025).
5. Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации: Материалы международной научно-практической конференции (Липки, сентябрь 1992 г.). М.: Наука, 1993. С. 145-164.
6. Тишков В.А. Моральность сепаратизма // Блог В.А. Тишкова. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekci2/lekci/n61_moralno.html# (дата обращения: 27.10.2025).
7. Этнополитология: Политические функции этничности. Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. / В.А. Тишков, Ю.П. Шабаев. М.: Издательство Московского университета, 2019. 416 с.
8. Баранов А. В. Сепаратизм в современном мире: политико-территориальный аспект // Южно-российский журнал социальных наук. 2005. № 3. С. 107-23. EDN: QASSKH.
9. Нуруллин Р.М. Понятие сецессии в политической науке. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 1. С. 212-21. EDN: LDFTID.
10. Нуруллин Р. М. Парадигма конфликта как методологическая основа анализа

- этнополитического сепаратизма. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 1. С. 154-60. EDN: JXOFFD.
11. Kingsbury D. Separatism and the State. London: Routledge, 2021. 260 p. DOI: 10.4324/9780429297113. EDN: SQYRVL.
12. Horowitz D. Patterns of Ethnic Separatism // Comparative Studies in Society and History. 1981. № 23. P. 165-195. DOI: 10.1017/s0010417500013268.
13. Глухова А.В. Политические конфликты в глобальную эпоху (К проблеме теоретической идентификации) // Политическая наука. 2020. № 3. С. 13-33. DOI: 10.31249/poln/2020.03.01. EDN: GPHXPW.
14. Сталенная Л. С. Сепаратизм с точки зрения теории систем // Восточно-европейский научный журнал. 2016. № 5. С. 73-78. EDN: XQWXTL.
15. Прохоренко И.Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 93 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0521-5. ISBN: 978-5-9535-0521-5. EDN: XWPCEP.
16. Африка: постколониальный дискурс: тезисы докладов участников Всероссийской конференции 25–26 июня 2020 г. / отв. ред. Т. М. Гавристова [ЯрГУ им. П.Г. Демидова]; Н. Е. Хохолькова [ИАФр РАН]. Ярославль: Филигрань, 2020. 149 с.
17. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Эдвард В. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. Санкт-Петербург: Русский мир, 2006. 636 с. ISBN: 5-9900557-1-4. EDN: VWMXID.
18. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. Post-colonial studies: The key concepts. London: Routledge, 2013. 368 p. DOI: 10.4324/9780203449974.
19. Африка: постколониальный дискурс. Колл. монография. / отв. ред. Т.М. Гавристова, Н.Е. Хохолькова. М.: Институт Африки РАН, 2020. 248 с.
20. Мильто А.В. Постколониальный дискурс: термины, образы, сюжеты // Африка: постколониальный дискурс. М.: ИАФр. РАН, 2020. 149 с.
21. Балезин А.С. Некоторые соображения о болевых точках современной отечественной исторической африканистики (приглашение к дискуссии) // Уральское востоковедение. Вып. 13. 2023. № 13. С. 6-11. DOI: 10.15826/usos.2023.13.1. EDN: BACKSO.
22. Lipset S.-M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction. Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective / Lipset S.-M., Rokkan S. (eds.). New York: Free Press, 1967. P. 1-64.
23. Lijphart A. Consociational democracy // World politics. 1969. Vol. 21. № 2. P. 207-225.
24. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 56-77. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.07. EDN: DTBRYE.
25. Бондаренко Д.М. Формирование постколониальных наций: теория и современные реалии // Африка: постколониальный дискурс. 2020. С. 29-31. EDN: JJEUXL.
26. Amabiamina F., Njoh Kome F. Les métamorphoses africaines et leurs langages: Une analyse de discours politiques, médiatiques et littéraires contemporains. 2021. 272 p.
27. Amine B. M., Idir M. Études postcoloniales et sciences sociales: pistes d'analyse pour un croisement théorique et épistémologique // Revue Interventions économiques. Papers in Political Economy. 2020. № 64. URL: <https://journals.openedition.org/interventionseconomiques/11042>. DOI: 10.4000/interventionseconomiques.11042 (дата обращения: 20.10.2025).
28. Confavreux J. Decolonial anxieties in a postcolonial world: an interview with Achille Mbembe // Postcolonial Studies. 2022. Vol. 25. № 1. P. 128-135. DOI: 10.1080/13688790.2022.2050587. EDN: QEVQKP.
29. Mbembe A. On the Postcolony. University of California Press, 2001. 274 p.

30. Fraiture P.-P. Past Imperfect: Time and African Decolonization 1945–1960. Liverpool: Liverpool University Press, 2021. 320 p.
31. O'Flynn I. Democratic Theory and Practice in Deeply Divided Societies // Representation. 2010. Vol. 46. № 3. P. 281-293. URL: <https://doi.org/10.1080/00344893.2010.499696>.
32. Медведев Н.П., Камара С. Проблема сепаратистских тенденций в Африке: Национально-Освободительное Движение АЗАВАДА (МНЛА) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 1 (23). С. 17-24. EDN: XOSOIX.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают содержательные характеристики постколониального этнополитического сепаратизма как особого типа политического феномена в африканских государствах, освободившихся от колониальной зависимости и имеющих глубоко разделенные общества. Научная актуальность работы обусловлена ростом числа сепаратистских движений в африканских странах в постколониальный период (с 1970-х годов) и отсутствием специальных концептуальных исследований данного феномена, что делает необходимым теоретическое осмысление связи между постколониальностью и этнополитическими расколами. Практическая значимость исследования заключается в предоставленных автором рекомендациях по применению концепта постколониального этнополитического сепаратизма для анализа сепаратистских конфликтов, включая принципы институционализации этнических расколов и создание диалоговых площадок для стабилизации глубоко разделенных обществ, что может способствовать предотвращению открытых конфликтов и постконфликтному урегулированию в африканских странах. Кроме того, разработанный концепт может служить в качестве инструмента прогнозирования развития сепаратистских движений в глубоко разделенных обществах постколониального периода, а также основой для конструирования стратегий интеграции через институционализацию этнополитических расколов и дискурсивных практик. Теоретико-методологическая база исследования: автор применил концептуально-дискурсивный анализ, объединяющий концептуальный анализ политических понятий (Ф. Оппенгейм, У. Коннолли) с методологией постколониального дискурс-анализа (Э. Саид, Х. Баба, А. Мбембе). В работе использовался сравнительный анализ теоретических подходов к сепаратизму – конфликтологической парадигмы, системного подхода и синтетических концепций. В концептуальном плане исследование опиралось на теорию разделенных обществ (С. Роккан, М. Липсет, А. Лейпхарт), позволяющую анализировать этнические кливажи. Методологической основой послужил темпорально-пространственный подход Д. Горовица, предполагающий выявление как общих причин роста сепаратистских движений, так и специфических факторов, действующих в отдельных обществах. В процессе исследования также применялся метод деконструкции для выявления колониальных стереотипов и анализа амбивалентности постколониальных дискурсов. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о концептуализации специфического типа постколониального этнополитического сепаратизма, характеризующегося встроенностью в процесс формирования национальных государств и становления демократических режимов в странах

постколониального периода, что отличает его от других видов сепаратизма деструктивно-конструктивной амбивалентностью. Показано, что постколониальный этнополитический сепаратизм выполняет двойственную функцию: он не только подрывает государственную целостность, но и способствует формированию новых наций и демократических институтов. Кроме того, автором выявлена концептная структура постколониального этнополитического сепаратизма через два основных предиката – «постколониальный» (с темпоральной особенностью единого времени, объединяющего колониальную и постколониальную эпохи, и пространственной характеристикой «третьего пространства») и «этнополитический» (раскрывающий механизмы институционального закрепления этнических расколов через политизацию). Наконец, по результатам исследования обоснована методология применения концепта к анализу сепаратистских движений через выявление парных характеристик колониального/постколониального во всех их проявлениях, что позволяет использовать признак политизации этнических расколов как предиктор развития сепаратистских процессов в глубоко разделенных обществах африканских стран. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность темы, формулируется цель разработки постколониального концепта этнополитического сепаратизма и перечисляются исследовательские задачи, включая концептуализацию, раскрытие методологических преимуществ и описание предикатов концепта; - «Понятие сепаратизма: достигнутый консенсус и направления дискуссии», где анализируется состояние академического дискурса по проблематике сепаратизма, представлено консенсусное определение данного понятия и обзор подходов различных исследователей (Д. Горовица, В.А. Тишкова, А.В. Баранова, Р.М. Нуруллина) к его интерпретации, подчеркивается недостаточная изученность феномена этнополитического сепаратизма и формулируется темпорально-пространственный подход Д. Горовица в качестве концептуальной основы исследования; - «Теоретико-методологические рамки исследования "постколониального"», где раскрывается содержание понятия «постколониальный» через анализ работ Э. Саида (концепция ориентализма), Х. Бабы (гибридность, амбивалентность, «третье пространство») и А. Мбембе (множественность пространств и времен постколонии), а также рассматривается теория разделенных обществ и роль дискурсов в постколониальных практиках; - «Концептуализация основных признаков постколониального этнополитического сепаратизма», где представлен анализ двух базовых предикатов концепта – «постколониальный» (с темпоральной характеристикой единства колониального и постколониального времени и пространственной особенностью «третьего пространства») и «этнополитический» (описывающий политизацию этнических расколов через институционализацию и дискурсивные стратегии), – а также иллюстрируются проявления гибридности и амбивалентности данного феномена в политических практиках; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, формулируется авторское определение постколониального этнополитического сепаратизма, раскрывается его понятийная структура через предикаты «постколониальный» и «этнополитический», описываются проявления амбивалентности в легитимации сепаратистских действий и предлагается методология применения концепта к анализу конкретных кейсов для конструирования интеграции разделенных обществ. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических и грамматических погрешностей (например, опечатки в выражениях «сематическое поле», «взаимодействуют в диалоге», «этнополитический сепартизм» и др.; в этом же выражении («этнополитический

сепартизм») отсутствует открывающая кавычка; и др.), но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 32 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место в разделе «Понятие сепаратизма: достигнутый консенсус и направления дискуссии». В числе достоинств рецензируемой статьи, позволяющих рекомендовать ее к публикации, можно отметить оригинальность концептуальной рамки исследования, а также его практическую направленность и прогностический потенциал. Автор демонстрирует глубокое знание научной литературы из различных дисциплин, органично сочетая классические концепции политической науки (теорию разделенных обществ, конфликтологические подходы) с современными постколониальными исследованиями, что позволило выстроить оригинальную теоретическую рамку. Особенно удачным представляется введение в российский научный дискурс малоизвестных концепций Х. Бабы («третье пространство», амбивалентность) и их применение к анализу африканского сепаратизма. Кроме того, исследование обладает выраженной практической ориентированностью – автор не ограничивается теоретическими построениями, но предлагает конкретную методологию применения разработанного концепта к анализу политических практик, включая прогностический инструментарий через выявление парных характеристик колониального/постколониального и использование политизации этнических расколов как предиктора, что делает работу ценной для практических исследований африканских конфликтов.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны исследователям в области политической науки, занимающимся проблемами сепаратизма, этнополитических конфликтов и постколониальных трансформаций. Материал представляет ценность для африканистов, изучающих политические процессы в странах Африки, а также для специалистов по конфликтологии и теории демократии в разделенных обществах. Работа может быть полезна для аналитиков, работающих над прогнозированием политических кризисов в постколониальных государствах, для преподавателей, читающих курсы по сравнительной политологии и политической регионалистике, а также для студентов, обучающихся по перечисленным образовательным направлениям. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Чжан Ч. Международное сотрудничество стран БРИКС в области климатической адаптации сельского хозяйства // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.75884 EDN: FRMTPN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75884

Международное сотрудничество стран БРИКС в области климатической адаптации сельского хозяйства

Чжан Чжань

магистр; факультет международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет

191124, Россия, г. Санкт-Петербург, Центральный р-н, Смольный пр-кт, д. 3

✉ 1213622412@qq.com

[Статья из рубрики "Конфликты в международных экономических отношениях"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.75884

EDN:

FRMTPN

Дата направления статьи в редакцию:

14-09-2025

Дата публикации:

10-11-2025

Аннотация: Изменение климата оказывает глубокое воздействие на сельскохозяйственные системы, создавая новые проблемы для продовольственной безопасности и средств к существованию фермеров. Как представители развивающихся экономик, страны БРИКС играют важную роль в климатической адаптации сельского хозяйства и в международном сотрудничестве. В данной статье сначала анализируются многочисленные последствия изменения климата для сельскохозяйственного производства, включая повышение температуры, неравномерное выпадение осадков, экстремальные погодные условия и социально-экономические риски, а также указывается на уязвимость пяти стран с точки зрения водных ресурсов, зависимости от муссонов, деградации вечной мерзлоты, деградации лесов и засухи. Впоследствии практика и пути адаптации к агроклимату были обобщены на основе трех аспектов:

внедрение адаптивных технологий фермерами, низкоуглеродная трансформация сельского хозяйства и климатически-умное сельское хозяйство (КУСХ). Основываясь на анализе литературы, сравнительном анализе, анализе конкретных случаев и анализе политики, проводится систематическое обобщение и оценка современного состояния, вызовов и перспектив международного сотрудничества стран БРИКС в области адаптации сельского хозяйства к изменению климата. Исследования показали, что внедрение адаптивных технологий фермерами может значительно увеличить их доходы, особенно для групп с низким уровнем дохода, в то время как низкоуглеродные стратегии и КУСХ обеспечивают направление для трансформации системы. Далее в статье обсуждаются развитие и проблемы механизма сельскохозяйственного сотрудничества БРИКС и подчеркивается важность координации торговли и сотрудничества Юг-Юг. Наконец, в статье анализируется роль стран БРИКС в международном сотрудничестве, включая политические обязательства, обмен технологиями, финансовую поддержку и управление продовольственной безопасностью. Исследование показало, что благодаря созданию транснациональных платформ знаний и механизмов распределения рисков страны БРИКС могут играть более важную роль в глобальной адаптации к агроклимату. И в то же время в управлении глобальной продовольственной безопасностью страны БРИКС должны продолжать играть роль основных стран-экспортеров и продвигать более стабильный и справедливый международный порядок торговли продовольствием. В целом, ожидается, что благодаря углублению сотрудничества и инновационных механизмов страны БРИКС будут оказывать большее влияние на адаптацию к агроклимату и глобальное управление.

Ключевые слова:

страны БРИКС, изменение климата, адаптация сельского хозяйства, международное сотрудничество, климатически-умное сельское хозяйство, низкоуглеродное развитие, сотрудничество Юг-Юг, продовольственная безопасность, внедрение технологий, поведение фермеров

Введение

Воздействие изменения климата на сельскохозяйственные системы стало фокусом глобального управления. Повышение температуры, колебания в характере осадков и частые экстремальные погодные явления значительно увеличили неопределенность в сельскохозяйственном производстве ([1], с.1157). Являясь самой густонаселенной и быстрорастущей экономикой с формирующимся рынком в мире, страны БРИКС являются не только крупными источниками выбросов парниковых газов, но также важными игроками в производстве и потреблении продуктов питания, играя ключевую роль в глобальном управлении климатической адаптацией сельского хозяйства.

В рамках «Повестки дня Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития на период до 2030 года» страны БРИКС возлагают большие надежды на содействие низкоуглеродным преобразованиям и устойчивому сельскому хозяйству ([2], с.17). В последние годы пять стран постепенно сформировали более системный механизм сотрудничества посредством встречи министров сельского хозяйства и Соглашения о научно-техническом сотрудничестве, а также платформы сотрудничества Юг-Юг ([3], с.2). Однако, поскольку страны сильно различаются по этапам развития, политическим приоритетам и состоянию ресурсов, вопрос о том, как найти точки

соприкосновения в этих различиях и использовать международное сотрудничество для повышения способности сельского хозяйства реагировать на изменение климата, стал вопросом, требующим углубленного изучения.

1. Влияние изменения климата на сельскохозяйственные системы

Воздействие изменения климата на сельскохозяйственные системы характеризуется многоуровневостью и многомерностью. В целом, основные способы включают изменения среднего состояния климата, увеличение экстремальных погодных явлений, возникающие в результате экологических последствий и цепных реакций на социально-экономическом уровне ([1], с.1158). Постоянное повышение температуры и частые засухи напрямую влияют на период плодородия и качество урожая сельскохозяйственных культур; неравномерное пространственное распределение осадков усугубляет противоречия в сельскохозяйственном водопользовании и ослабляет стабильность ирригационных систем; увеличение частоты экстремальных погодных явлений, таких как наводнения, аномальная жара и сильные штормы, представляет прямую угрозу сохранности сельскохозяйственных культур. Эти природные потрясения в конечном итоге отражаются на социально-экономическом уровне, что приводит к усилению колебаний доходов фермеров и значительному увеличению рисков для продовольственной безопасности.

В глобальной системе управления страны БРИКС являются как жертвами изменения климата, так и ответственными сторонами. Данные показывают, что Китай, Индия, Россия и Бразилия входят в пятерку крупнейших мировых источников выбросов парниковых газов, в то время как Южная Африка является страной с наибольшими выбросами в Африке ([4], с.5). Эти факторы определяют, что страны БРИКС придерживаются двойственных взглядов на изменение климата и адаптацию сельского хозяйства: с одной стороны, они должны иметь дело с прямым ущербом от климатических потрясений, с другой стороны, они также несут международную ответственность за содействие сокращению выбросов и адаптации. С точки зрения конкретных показателей сельскохозяйственные системы различных стран особенно хрупки. Производство продуктов питания в Китае находится под двойным давлением нехватки воды и частых региональных стихийных бедствий; сельское хозяйство Индии сильно зависит от муссонов, и любые аномалии осадков напрямую влияют на урожай зерновых; хотя в России есть условия для расширения пахотных земель на север, риск деградации вечной мерзлоты и засухи всегда существует; в то время как Бразилия быстро развивает производство сои и животноводство, она также сталкивается с серьезными противоречиями, вызванными деградацией лесов Амазонки; в Южной Африке из-за частых засух и нехватки водных ресурсов хрупкость сельскохозяйственного производства особенно очевидна. Таким образом, влияние изменения климата на сельскохозяйственные системы стран БРИКС проявляется не только в производственных рисках и экологической уязвимости, но и глубоко затрагивает их социальную стабильность и международную ответственность.

2. Технология и практика климатической адаптации сельского хозяйства

Исследования показали, что поведенческий выбор фермеров в условиях изменения климата тесно связан с их неприятием риска. Из данных опроса в Синьцзяне, Китай, видно, что неприятие риска значительно снижает готовность фермеров внедрять адаптивные технологии. Анализ ситуации показывает, что фермеры, сталкиваясь с

экономической неопределенностью, как правило, более консервативны, тем самым ослабляют способность справляться с климатическими потрясениями ([5],с.128). Однако, как только эти адаптивные технологии популяризируются и принимаются, их влияние на повышение доходов фермеров становится очень значительным, особенно среди групп с низким доходом. Такие технологии не только увеличивают объем сельскохозяйственного производства, но и в определенной степени сокращают разрыв в доходах ([6],с.198). Следовательно, содействие популяризации адаптивных технологий требует одновременного учета психологических факторов и политических стимулов фермеров для смягчения ограничений, вызванных неприятием риска.

В процессе низкоуглеродной трансформации сельского хозяйства важным ориентиром является опыт развития различных стран. Сравнительные данные показывают, что, хотя общие выбросы парниковых газов в сельском хозяйстве Китая выше, чем в некоторых развитых странах, интенсивность выбросов в расчете на единицу ВВП значительно ниже, чем в Индии, что указывает на то, что Китай имеет определенное преимущество в эффективности сокращения выбросов ([7],с.187). Практический опыт Соединенных Штатов, Европейского союза и Японии показывает, что совершенствование законов и нормативных актов, финансовые субсидии и налоговые льготы, а также продвижение экологически чистой энергии и новых технологий являются ключевыми путями содействия низкоуглеродному развитию сельского хозяйства. Это служит полезным ориентиром для стран БРИКС при разработке своих собственных низкоуглеродных стратегий посредством двустороннего подхода к институциональному проектированию и научно-техническим инновациям для достижения баланса между сокращением выбросов и развитием.

В этом контексте климатически-умное сельское хозяйство (КУСХ) рассматривается как важное направление будущей трансформации сельскохозяйственных систем. КУСХ стремится установить баланс между тремя основными целями: продовольственная безопасность, адаптация и смягчение последствий; оно подчеркивает не только увеличение производства и обеспечение поставок, но и уделяет внимание повышению устойчивости сельскохозяйственных систем к климатическим изменениям, одновременно сокращая выбросы парниковых газов ([8], с.2020). В контексте стран БРИКС популяризация КУСХ особенно важна, поскольку оно может помочь мелким фермерам достичь устойчивого производства в условиях ограниченных ресурсов, а через распространение технологий и институциональную поддержку продвигать все сельскохозяйственные системы к большей устойчивости. Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что поведение фермеров, национальные стратегии сокращения выбросов и климатически-умное сельское хозяйство совместно формируют ключевые пути адаптации сельского хозяйства стран БРИКС к изменению климата. Характеристики сельского хозяйства и климатической адаптации стран БРИКС представлены ниже.

Страна:Бразилия

Особенности сельского хозяйства: Является крупнейшим в мире экспортером сои, сахарного тростника и говядины, значительный вклад сельского хозяйства в экономику.

Климатические риски и уязвимость: Деградация лесов Амазонки, усиление засух и пожаров из-за изменения климата.

Основные меры адаптации и приоритеты сотрудничества: Внедрение обязательств по нулевому вырубанию лесов, развитие климатически устойчивых сельскохозяйственных технологий, акцент на экспорт технологий и опыта борьбы с бедностью в рамках сотрудничества Юг-Юг.

Страна:Россия

Особенности сельского хозяйства: Крупная зерновая держава, ведущий мировой экспортер пшеницы, сельскохозяйственный потенциал подкреплён расширением пашни на север.

Климатические риски и уязвимость: Деградация вечной мерзлоты, усиление засух, экстремальные климатические воздействия на стабильность урожаев.

Основные меры адаптации и приоритеты сотрудничества: Акцент на стратегию продовольственной безопасности, развитие исследований в области инновационного сельского хозяйства, внимание к сельхозиспользованию Арктики и северных регионов.

Страна:Индия

Особенности сельского хозяйства: Высокая доля сельского населения, сильная зависимость сельского хозяйства от муссонов, основные культуры — рис и пшеница.

Климатические риски и уязвимость: Нестабильность муссонов, сочетание засух и наводнений, высокая уязвимость сельского хозяйства.

Основные меры адаптации и приоритеты сотрудничества: Продвижение климатически адаптивных технологий (засухоустойчивые сорта, водосберегающее орошение), содействие сотрудничеству Юг-Юг и инвестициям в сельское хозяйство.

Страна:Китай

Особенности сельского хозяйства: Крупнейший в мире производитель зерна, продовольственная безопасность — ключевой национальный стратегический приоритет.

Климатические риски и уязвимость: Нехватка водных ресурсов, частые региональные стихийные бедствия, высокий общий объем выбросов от сельского хозяйства.

Основные меры адаптации и приоритеты сотрудничества: Реализация стратегии инновационной трансформации сельского хозяйства, внедрение цифрового сельского хозяйства и КУСХ, активное участие в глобальном климатическом управлении.

Страна:ЮАР

Особенности сельского хозяйства: Небольшая доля сельского хозяйства в экономике, но критическая важность для занятости и развития сельских районов.

Климатические риски и уязвимость: Частые засухи, серьезная нехватка водных ресурсов, высокая уязвимость продовольственной системы.

Основные меры адаптации и приоритеты сотрудничества: Продвижение водосберегающего сельского хозяйства, выращивание засухоустойчивых культур, укрепление сотрудничества с БРИКС и другими странами Африки.

3. Механизм и практика сельскохозяйственного сотрудничества стран БРИКС

С момента проведения первой министерской конференции в 2010 году механизм сельскохозяйственного сотрудничества стран БРИКС постепенно превратился в важную многоуровневую платформу, охватывающую торговлю, научные исследования и координацию политики. За последние десять лет этот механизм способствовал постоянному росту объема торговли сельскохозяйственной продукцией между государствами-членами, расширил общее право голоса на мировом сельскохозяйственном рынке, а также расширил возможности использования иностранного капитала и международного сотрудничества ([3], с.3). Однако в процессе развития сотрудничества государства-члены также сталкиваются с реальными проблемами, такими как геополитические риски, недостаточные каналы для научно-технического обмена и медленная реализация результатов сотрудничества. Эти проблемы в определенной степени ограничивают глубину и эффективность сотрудничества.

С точки зрения международной торговли и продовольственной безопасности страны БРИКС играют важную роль в структуре мировой торговли сельскохозяйственной продукцией. Исследования показали, что за последние десять лет на страны БРИКС приходилось около седьмой части мирового экспорта сельскохозяйственной продукции, и они сыграли важную роль в обеспечении продовольственными запасами стран глобального юга ([9],с.162). Однако в последние годы торговля сельскохозяйственной продукцией также столкнулась с некоторыми неопределенными факторами, такими как усиление мер по защите рынка, изменения в торговой среде и тенденции к принятию рисков, которые могут оказать влияние на долгосрочное стабильное развитие. В таких обстоятельствах важно продвигать более институционализированный механизм координации торговли и управления рисками, который не только поможет поддерживать непрерывность сотрудничества, но и повысит роль стран БРИКС в глобальном сотрудничестве в области продовольственной безопасности. В то же время сотрудничество Юг-Юг открыло новые перспективы и практические примеры для сельскохозяйственного сотрудничества в странах БРИКС. Модели сельскохозяйственного сотрудничества Индии и Бразилии в Африке демонстрируют разительные различия: Индия в основном полагается на частные предприятия для поощрения инвестиций, уделяя особое внимание приобретению ресурсов и расширению рынка; в то время как Бразилия больше полагается на власть правительства и государственных предприятий, уделяя особое внимание технической помощи и опыту сокращения бедности ([10],с.46). Эта дифференцированная модель не только отражает различия в ресурсных условиях и идеях развития различных стран, но и служит ориентиром для Китая и других членов БРИКС при осуществлении зарубежного сотрудничества. Сочетая гибкость предприятий с институциональной поддержкой правительства, будущее сотрудничество может постепенно сформировать всеобъемлющую модель помощи, инвестиций и торгового сотрудничества, которая не только будет способствовать развитию отечественного сельского хозяйства, но и поможет усилить общее влияние стран БРИКС на глобальное управление сельским хозяйством.

4. Международное сотрудничество стран БРИКС в области климатической адаптации сельского хозяйства В глобальной системе управления климатом страны БРИКС постепенно сформировали более четкие политические рамки. Согласно отчету о мониторинге климатических амбиций, все пять стран представили или обновили свои национальные цели автономного вклада и предприняли соответствующие действия в политике смягчения последствий и адаптации. Это не только отражает ответственность стран за реагирование на изменение климата, но также отражает их общие интересы по вопросу «климатической справедливости», а именно гарантии своего права на развитие при одновременном содействии низкоуглеродному переходу ([4],с.11). В этом контексте рамкам сотрудничества придается большее стратегическое значение. Это не только платформа для принятия внешних обязательств, но и важная основа для скоординированных действий и совместного использования ресурсов между государствами-членами.

С точки зрения обмена технологиями и знаниями страны БРИКС сталкиваются с общими потребностями и возможностями. Сельское хозяйство, ориентированное на изменение климата, цифровое сельское хозяйство и трансграничная передача низкоуглеродных сельскохозяйственных технологий являются основными способами повышения адаптации сельского хозяйства к изменению климата ([7],с.190). Благодаря созданию совместной исследовательской платформы страны могут обмениваться климатическими данными, методами ведения сельского хозяйства и инновационными достижениями, тем самым

избегая высоких затрат и неэффективности отдельных стран в области научных исследований и продвижения технологий. В то же время трансграничное сотрудничество может также способствовать проверке применимости технологий в различных климатических и экономических условиях и обеспечивать более надежные планы адаптации сельскохозяйственных систем в различных странах.

С точки зрения финансирования и распределения рисков, сельскохозяйственное страхование и экологичное финансирование считаются ключевыми факторами. Неопределенность, связанная с изменением климата, привела к резкому увеличению риска для сельскохозяйственного производства, который фермерам трудно нести в одиночку. Эмпирические исследования показали, что такие меры, как кредитование и обучение, могут эффективно ослаблять сдерживающее влияние неприятия риска на внедрение технологий, тем самым повышая способность фермеров справляться с климатическими рисками ([\[5\]](#), с.132). На данном этапе страны БРИКС могут в полной мере изучить возможность создания транснационального фонда сельскохозяйственного страхования или механизма зеленого финансового сотрудничества для содействия продвижению и популяризации адаптивных технологий посредством распределения рисков и финансового руководства.

Кроме того, в управлении глобальной продовольственной безопасностью также важна роль стран БРИКС. Являясь основными экспортерами сельскохозяйственной продукции, эти пять стран не только должны удовлетворять свои собственные потребности в области продовольственной безопасности, но и нести ответственность за поставки в страны глобального Юга. Исследования показали, что торговые обмены сельскохозяйственной продукцией между странами БРИКС и развитыми странами происходят очень часто, но в случае постоянных изменений в глобальной рыночной среде торговые отношения также сталкиваются с определенными трудностями. Эти изменяющиеся факторы могут повлиять на стабильность сотрудничества ([\[9\]](#), с.165). Следовательно, участвуя в глобальном управлении в рамках ФАО ООН и Парижского соглашения, страны БРИКС должны стремиться к продвижению более справедливого и разумного международного порядка торговли продовольствием, обеспечивая при этом удовлетворение потребностей Глобального Юга и повышая свое институциональное влияние в международном управлении продовольствием.

5. Заключение

В данной статье рассматриваются основы и направления развития сотрудничества стран БРИКС в области агроклиматической адаптации. Исследования показали, что изменение климата усугубило неопределенность сельскохозяйственных систем. Хотя страны сталкиваются с различной уязвимостью, они накопили полезный опыт в продвижении адаптивных технологий, низкоуглеродных преобразований и практики КУСХ. Механизм БРИКС добился прогресса в продвижении торговли сельскохозяйственной продукцией, обмена информацией и научно-исследовательского сотрудничества, но он по-прежнему ограничен рыночными колебаниями и неравномерным сотрудничеством. В будущем пяти странам также необходимо больше институционализировать сотрудничество, усилить координацию торговли и улучшить управление рисками. Например, система страхования способна существенно смягчить негативные финансовые последствия неблагоприятных климатических изменений для сельхозпроизводителей ([\[11\]](#), с.132).

С точки зрения политики и научных исследований, создание совместной

исследовательской платформы и механизма обмена данными помогут способствовать продвижению и тестированию применимости технологий в трансграничном масштабе. На финансовом уровне можно изучить сотрудничество между фондами сельскохозяйственного страхования и «зеленым финансированием» для снижения нагрузки на фермеров в условиях неопределенности климата. В то же время в управлении глобальной продовольственной безопасностью страны БРИКС должны продолжать играть роль основных стран-экспортеров и продвигать более стабильный и справедливый международный порядок торговли продовольствием. В целом, ожидается, что благодаря углублению сотрудничества и инновационных механизмов страны БРИКС будут оказывать большее влияние на адаптацию к агроклимату и глобальное управление.

Библиография

1. Сюй И., Чжао М., Ли К., Чжао Ю., Ван Ч. Обзор и перспективы прогресса в исследованиях адаптации сельского хозяйства к изменению климата [J]. Китайский журнал экологического сельского хозяйства (китайский и английский языки), 2023, т. 31, № 8, с. 1155-1170.
2. Тянь Х. Приоритетные области и варианты политики сотрудничества в области устойчивого развития между странами БРИКС [J]. Международное экономическое сотрудничество, 2017, № 8, с. 17-25.
3. Рен Ю., Тун Ю., Дон Б., Ли Ч. Прогресс и перспективы механизма сельскохозяйственного сотрудничества стран БРИКС [J]. Вестник сельскохозяйственной науки и технологий Китая, 2021, т. 23, № 10, с. 1-9.
4. Сандрин П., Амиго С., Оливейра А. Б. и др. Климатические амбиции стран БРИКС [R]. Политический центр БРИКС, 2024, с. 1-40.
5. Мао Х., Фу Ю., Пэн П., Ю Ч. Ц. Поведение фермеров по внедрению технологий неприятия риска и адаптации к изменению климата: эмпирический анализ, основанный на данных фермеров, выращивающих хлопок в Синьцзяне [J]. Китайская сельская стража, 2022, № 1, с. 126-137.
6. Ли С., Хань С., Лян Х. Влияние внедрения технологии адаптации к изменению климата на сельскохозяйственный доход фермеров [J]. Прогресс в исследованиях в области изменения климата, 2024, т. 20, № 2, с. 193-204.
7. Чжэн Ю., Юй Ф. Низкоуглеродное развитие сельского хозяйства в контексте изменения климата: международный опыт и китайская стратегия [J]. Китайский журнал экологического сельского хозяйства (китайский и английский языки), 2024, т. 32, № 2, с. 183-195.
8. Сюй Ю., Чэнь С., Лу С., Пан Ю., Хуан С. Рациональное с точки зрения климата сельское хозяйство в рамках Целей устойчивого развития: концептуальный анализ, основные проблемы и практические последствия для Китая [J]. Географические исследования, 2023, т. 42, № 8, с. 2018-2035.
9. Glauben T., Duric I. БРИКС: мировой тяжеловес в торговле сельскохозяйственной продукцией [J]. Межэкономические связи, 2024, т. 59, № 3, с. 160-166.
10. Сюй Ч., Гао Р. Сравнение моделей сельскохозяйственного сотрудничества между Индией, Бразилией и Африкой и его последствия для Китая [J]. Мировое сельское хозяйство, 2023, № 11, с. 45-52.
11. Ползиков Д.А. Основные направления политик адаптации сельского хозяйства России к климатическим изменениям. Проблемы прогнозирования, 2023, № 6, с. 119-137. DOI: 10.47711/0868-6351-201-119-137. EDN: BIZBHC.
12. Яковлева Е.Н., Крюкова И.В. Климатическая безопасность аграрного сектора: угрозы

и проблемы адаптации. Вестник Томского государственного университета. Экономика, 2022, № 60, с. 22-35. DOI: 10.17223/19988648/60/2. EDN: JCXXUT.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают механизмы международного сотрудничества стран БРИКС в сфере адаптации сельского хозяйства к климатическим изменениям на основе анализа существующих практик и институциональных форм взаимодействия. Научная актуальность работы обусловлена растущей глобальной неопределенностью в сельскохозяйственном производстве из-за повышения температуры, колебаний осадков и экстремальных погодных явлений, особенно в контексте роли стран БРИКС как крупных источников парниковых газов и ключевых игроков в глобальной продовольственной безопасности. Возрастающее воздействие климатических изменений на сельскохозяйственное производство в странах БРИКС требует координации усилий этих государств как крупнейших производителей и потребителей продовольствия для обеспечения глобальной продовольственной безопасности. Практическая значимость заключается в предложенных автором рекомендациях по усилению институционализированного сотрудничества, включая создание совместных платформ для обмена технологиями, фондов страхования и координации торговли, что может помочь странам БРИКС повысить устойчивость их сельскохозяйственных систем и внести вклад в глобальное управление климатической адаптацией. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования механизмов сельскохозяйственного сотрудничества между странами БРИКС и разработки скоординированных стратегий климатической адаптации аграрного сектора. К сожалению, сам автор ничего не говорит об использованной в процессе исследования методологии. Но из контекста можно понять, что в работе применялся сравнительный анализ национальных практик климатической адаптации сельского хозяйства в пяти странах БРИКС с использованием статистических данных о выбросах парниковых газов и сельскохозяйственном производстве. Использовался также метод контент-анализа международных соглашений и документов о сотрудничестве стран БРИКС для выявления существующих механизмов взаимодействия. Дополнительно применялся анализ кейсов (case study) сотрудничества отдельных стран БРИКС с третьими странами в рамках программ «Юг-Юг» для определения различных моделей международной аграрной кооперации. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о выявленных автором специфических характеристиках воздействия климатических изменений на сельскохозяйственные системы каждой из стран БРИКС – от зависимости Индии от муссонных осадков до рисков деградации вечной мерзлоты в России. Это приводит к новому пониманию их вклада в глобальную продовольственную безопасность через баланс между сокращением выбросов и правом на развитие. Кроме того, показано, что внедрение климатически-умного сельского хозяйства и адаптивных технологий не только повышает устойчивость производства, но и сокращает социальное неравенство, что ранее не рассматривалось в таком контексте. Установлено, что неприятие риска фермерами значительно замедляет внедрение адаптивных технологий, но при их успешной популяризации эффект повышения доходов наиболее выражен

среди низкодоходных групп сельхозпроизводителей. Наконец, определены различия в моделях сельскохозяйственного сотрудничества стран БРИКС с третьими странами: Индия опирается на частные предприятия для расширения рынков, тогда как Бразилия использует государственные механизмы для технической помощи и борьбы с бедностью. По результатам исследования обосновано, что институциональные механизмы БРИКС способны выступать не только как инструменты торговли и обмена, но и как платформа для продвижения «климатической справедливости» и формирования более справедливого международного продовольственного порядка. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается значимость проблемы климатической адаптации сельского хозяйства для стран БРИКС как крупнейших источников парниковых газов и производителей продовольствия, однако отсутствует описание и аргументация теоретико-методологической базы исследования; - «1. Влияние изменения климата на сельскохозяйственные системы», где характеризуется специфика климатических вызовов для каждой из пяти стран и анализируется их двойственная роль как жертв и ответственных субъектов климатических изменений; - «2. Технология и практика климатической адаптации сельского хозяйства», где рассматриваются поведенческие факторы внедрения адаптивных технологий фермерами и сравнивается опыт низкоуглеродных преобразований различных стран; - 3. Механизм и практика сельскохозяйственного сотрудничества стран БРИКС», где описывается эволюция институциональных форм кооперации с 2010 года и анализируются различные модели сотрудничества в рамках программ «Юг-Юг»; - «4. Международное сотрудничество стран БРИКС в области климатической адаптации сельского хозяйства», где исследуются политические рамки, технологический обмен и финансовые механизмы совместных действий пяти стран; - «Заключение», где обобщаются достигнутые в процессе исследования результаты и предлагаются направления дальнейшей институционализации сотрудничества внутри блока БРИКС. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, повторы одних и тех же или однокоренных слов в одном предложении «Являясь самой густонаселенной..., страны БРИКС являются..., но также важными игроками..., играя ключевую роль в...»; или сильно перетяжеленные множеством придаточных, причастных и деепричастных оборотов неуклюжие предложения вроде «Сравнительные данные показывают, что, хотя общие выбросы парниковых газов в сельском хозяйстве Китая выше, чем в некоторых развитых странах, интенсивность выбросов в расчете на единицу ВВП значительно ниже, чем в Индии, что указывает на то, что Китай имеет определенное преимущество в эффективности сокращения выбросов»; встречаются и просто неудачные стилистические решения, например, «механизм сотрудничества посредством встречи министров сельского хозяйства и Соглашения о... сотрудничестве»; некоторые предложения сформулированы настолько плохо, что их смысл ускользает от читателя: «...Все пять стран представили или обновили свои национальные цели автономного вклада [цели вклада? – рец.] и предприняли соответствующие действия в политике смягчения последствий и адаптации [адаптации к чему? – рец.]; и др.) и грамматических (например, неверная расстановка знаков препинания в предложении «Исследования показали, что... сельскохозяйственных систем. хотя страны сталкиваются с различной уязвимостью, они накопили...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан более или менее грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 12 наименований, в том числе источники на иностранных языках (которые почему-то приведены в переводе на русский язык), и в

должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Однако библиографический список необходимо привести в соответствие с академическими нормами ДО публикации статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу отсутствия теоретико-методологической рефлексии. Тем не менее, рецензируемая статья имеет несколько безусловных достоинств, перевешивающих ее недостатки. Прежде всего, работа содержит детальную характеристику специфических климатических вызовов для каждой страны БРИКС, например, подробно описывается зависимость Индии от муссонов, проблемы деградации вечной мерзлоты в России или противоречия между развитием агросектора и сохранением лесов Амазонки в Бразилии. Кроме того, автор демонстрирует хорошее владение эмпирическим материалом, включая конкретные данные о том, что страны БРИКС обеспечивают около седьмой части мирового экспорта сельхозпродукции и статистику о более низкой интенсивности выбросов Китая по сравнению с Индией в расчете на единицу ВВП.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, практически полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, конфликтологов, для исследователей международных отношений, специализирующихся на многостороннем сотрудничестве развивающихся стран, для экспертов в области аграрной политики и климатической адаптации, для практикующих специалистов международных организаций, работающих с вопросами продовольственной безопасности и устойчивого развития сельского хозяйства, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации при условии устранения отмеченных недостатков.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Чжао В. Южно-Китайское море и американо-китайское соперничество как взаимосвязанные факторы китайской дипломатии в отношении АСЕАН // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76691 EDN: FPQIBA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76691

Южно-Китайское море и американо-китайское соперничество как взаимосвязанные факторы китайской дипломатии в отношении АСЕАН

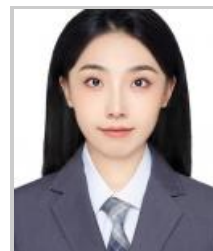
Чжао Веньюй

кандидат политических наук

аспирант, кафедра сравнительной политологии; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Москва, улица Богданова, 48к1, подъезд 2, квартира 74

✉ 1042235160@pfur.ru

[Статья из рубрики "Региональные конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76691

EDN:

FPQIBA

Дата направления статьи в редакцию:

05-11-2025

Дата публикации:

12-11-2025

Аннотация: Предметом исследования является анализ дипломатической стратегии Китая в отношении стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в условиях действия двух взаимосвязанных внешнеполитических факторов: территориального спора в Южно-Китайском море и стратегического соперничества между КНР и Соединёнными Штатами Америки. Особое внимание уделяется тому, как указанные факторы не просто влияют на внешнюю политику Китая, но и формируют её содержательные и тактические особенности. Исследование охватывает вопросы безопасности, региональной интеграции, политического давления и дипломатических инициатив Китая в регионе, а также анализирует реакцию стран АСЕАН на китайскую стратегию. Актуальность темы обусловлена тем, что Юго-Восточная Азия становится

ареной масштабных геополитических преобразований, а дипломатические подходы Китая к взаимодействию с АСЕАН приобретают важное значение для будущего всей Азиатско-Тихоокеанской архитектуры безопасности. Таким образом, работа направлена на выявление механизмов политического влияния, конфигурации партнёрства и дипломатических балансов в условиях возрастающей турбулентности. Исследование основано на применении системного подхода и метода сравнительного анализа, включающего изучение официальных документов, научных публикаций и аналитических докладов на русском, английском и китайском языках. Научная новизна статьи заключается в комплексном подходе к анализу дипломатической стратегии Китая, рассматриваемой через призму одновременного действия двух ключевых факторов – территориального конфликта в Южно-Китайском море и стратегического соперничества с США. В отличие от ряда существующих исследований, в данной работе сделан акцент на взаимное усиление этих факторов и их совокупное влияние на формирование двойственной дипломатии КНР – сочетания жёсткого отстаивания национального суверенитета и стремления поддерживать устойчивые отношения с АСЕАН. Дополнительную значимость придаёт актуальность тематики, поскольку вопросы стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе являются приоритетными в международной повестке. Среди основных выводов подчёркивается, что Китай реализует адаптивную стратегию, одновременно укрепляя военное и политическое присутствие в регионе, иницируя меры доверия и сотрудничества с АСЕАН. В работе подчёркнута необходимость баланса между национальными интересами и построением прочных партнёрских отношений, что позволяет снизить риски изоляции и международной конфронтации.

Ключевые слова:

Китай, АСЕАН, Южно-Китайское море, внешний фактор, дипломатическая стратегия, территориальный спор, международные отношения, региональная безопасность, национальные интересы, двусторонние отношения

Введение

С конца 1970-х годов, после начала политики реформ и открытости, отношения Китая и АСЕАН постепенно вышли из конфронтационной логики холодной войны. В 1991 году Пекин впервые принял участие во встрече министров иностранных дел АСЕАН, в 1996 получил статус партнёра по диалогу, а в 2003 году стороны объявили о стратегическом партнёрстве. Экономическое сотрудничество стало важнейшим стимулом сближения: в 2010 году заработала Зона свободной торговли Китай–АСЕАН, а в 2020 году подписание RCEP включило обе стороны в крупнейшую мировую зону свободной торговли.

Современная политика Китая в отношении АСЕАН формируется не только позитивной динамикой интеграции, но и серьёзными вызовами внешней среды. Ключевыми из них выступают территориальный спор в Южно-Китайском море и стратегическое соперничество с США, которые взаимно усиливают друг друга и определяют конфигурацию региональной безопасности. Именно их переплетение задаёт двойственный характер китайской дипломатии — сочетание жёсткой защиты национальных интересов с необходимостью поддерживать устойчивые связи с соседями. Цель статьи — проанализировать, как совокупность этих факторов влияет на формирование дипломатической стратегии КНР в отношении АСЕАН.

Геополитика и проблема Южно-Китайского моря

Южно-Китайское море (ЮКМ) выступает одним из ключевых геополитических факторов, формирующих внешнюю политику Китая в Юго-Восточной Азии. Территориальные споры в этом регионе охватывают Китай и ряд стран АСЕАН (Вьетнам, Филиппины, Малайзию, Бруней, а косвенно – и Индонезию в районе Натунских островов), и сами по себе являются серьезным вызовом региональной стабильности. Этот многолетний спор превратил ЮКМ в зону интенсивного геополитического противостояния. Активизация политики США в Индо-Тихоокеанском регионе и их поддержка некоторых прибрежных государств обострили ситуацию: так, сближение Филиппин с Вашингтоном при новой администрации привело к резкому росту напряжённости в отношениях Пекина и Манилы, фактически интернационализовав спор [Виноградов, 2025: 229]. Внешнее вмешательство международных акторов заметно усложнило динамику южнокитайского кризиса [Triki, 2025: 2]. Многие эксперты в своих статьях выразили актуальность и нестабильность этого вопроса, например: хотя ситуация с безопасностью в Южно-Китайском море в целом остается стабильной, она также демонстрирует значительную нестабильность [Гэ Хунлянь, 2016: 78]. Текущая ситуация в ЮКМ характеризуется высокой степенью нестабильности и потому — взрывоопасностью, что создает серьезные риски для безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Указанные обстоятельства напрямую воздействуют на дипломатическую стратегию КНР в отношении АСЕАН. Пекин вынужден балансировать между жёстким отстаиванием своих интересов и необходимостью сохранять приемлемые отношения с юго-восточными соседями. Ключевым элементом стратегии Китая – настаивание на двустороннем формате разрешения территориальных разногласий. Официальный Пекин убежден, что дискуссия о суверенитете над островами – дело исключительно заинтересованных сторон, без посредничества третьих стран или коллективного давления со стороны АСЕАН. Такой подход позволяет КНР использовать вес своих экономических и военных ресурсов в диалоге с каждым отдельным претендентом. В то же время опыт взаимодействия показывает, что АСЕАН успешно способствовала вовлечению Китая в региональные механизмы и смягчила внешнеполитическое поведение Китая по спорным вопросам, применяя многосторонний подход к их разрешению. Например, в 2018 г. Китай и Филиппины подписали меморандум о совместном освоении нефтегазовых ресурсов в спорных акваториях, продемонстрировав готовность Пекина искать компромиссные двусторонние решения без отказа от своих территориальных притязаний. Развитие эффективных механизмов кризисного взаимодействия Китая и стран АСЕАН в Южно-Китайском море рассматривается многими экспертами как ключ к предотвращению эскалации конфликтов [Лю Линь, 2025: 65].

Китайско-асеановские переговоры по разработке Кодекса поведения в Южно-Китайском море (КОП) являются одним из ключевых элементов дипломатического процесса по вопросам ЮКМ. Переговоры по Кодексу поведения в ЮКМ (СОС), начатые в 2017 г., стали ключевым элементом дипломатического процесса. Документ должен заменить Декларацию 2002 г. [\[11\]](#), носившую лишь политический характер и не имела юридически обязывающей силы [Локшин, 2024: 271]. В последние годы стороны неоднократно подтверждали намерение довести переговоры до завершения к 2025 г., что демонстрирует результативность конструктивной дипломатии КНР. Вместе с тем публикация Пекином обновлённой карты в 2023 г., закрепляющей «девятипунктирную линию», вызвала протесты со стороны ряда государств АСЕАН.

Стремясь компенсировать негативное влияние территориальных споров на свой имидж,

Китай дополняет силовые методы тонкими инструментами «мягкой силы». Внешнеполитическая стратегия КНР включает активное экономическое и культурное вовлечение стран АСЕАН, рассчитанное на укрепление лояльности соседей. Таким образом, дипломатическая стратегия Китая в отношении ЮКМ строится на сочетании жёсткости и гибкости: с одной стороны, твёрдое отстаивание суверенитета, с другой — стремление к диалогу и интеграции. Это подчёркивает тесную связь морских споров с другими аспектами отношений КНР и АСЕАН, которые оказываются гораздо более взаимозависимыми, чем прежде. В то же время Китай воспринимает попытки США создать в регионе «азиатское НАТО» (через альянсы AUKUS и QUAD) как дополнительный вызов своей безопасности [Ayesh, Askari, 2025].

Соперничество Китая и США в Юго-Восточной Азии

Одним из ключевых внешних факторов, определяющих стратегию Китая в Юго-Восточной Азии, является обострившаяся геостратегическая конкуренция с Соединёнными Штатами. В последние годы Юго-Восточная Азия превратилась в одну из ключевых арен соперничества между США и Китаем, что существенно влияет на внешнюю политику КНР в отношении АСЕАН. Как отмечает А. Донцов, внешняя политика США в регионе направлена на целенаправленное ослабление интеграционного потенциала КНР и формирование альтернативных альянсов вокруг АСЕАН [Донцов, 2023]. Стремительное обострение американо-китайского противостояния в регионе обусловлено как военно-стратегическими факторами (споры в Южно-Китайском море, Тайвань), так и экономико-технологической конкуренцией. После окончания холодной войны соперничество США и КНР в регионе не только не идёт на спад, но и приобретает новые формы [Королёв, Апасова, 2020: 13]. Это противостояние проявляется как в области безопасности (спор за влияние в Южно-Китайском море), так и в идеологически-стратегическом плане (продвижение концепций «Индо-Тихоокеанского региона» против китайской инициативы «Пояса и пути») и в экономической сфере (торгово-технологическая «война»). В данной ситуации США и Китай оказывают постоянное давление на страны АСЕАН с целью привлечь их на свою сторону [Локшин, 2020: 142]. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, со своей стороны, вынуждена искать пути минимизации негативных последствий этого конфликта при сохранении собственного контроля над региональными процессами. Таким образом, соперничество двух великих держав создает для Китая двойной вызов: с одной стороны, необходимо ослаблять влияние США в АСЕАН, а с другой – избегать прямой конфронтации, способной подтолкнуть страны региона к антикитайскому блоку.

Для сдерживания Китая в Индо-Тихоокеанском регионе США усиливают военно-политическое взаимодействие с союзниками и партнёрами в Юго-Восточной Азии. Особенно показателен поворот Филиппин к тесному союзу с США после прихода к власти президента Фердинанда Маркоса-младшего в 2022 г. По оценке Д. В. Мосякова, Филиппины при Маркосе-младшем стали «крупным союзником США» в регионе: Манила вышла из диалога с Пекином по Южно-Китайскому морю и согласилась на расширение военного присутствия США, создавая по сути проамериканский блок против КНР совместно с Вашингтоном и его партнёрами [Мосяков, 2024]. Практическим выражением этого стало расширение Соглашения о расширенном оборонном сотрудничестве (EDCA): в 2023 г. США получили доступ ещё к четырём военным объектам на территории Филиппин вдобавок к пяти ранее оговоренным базам^[2], что усилит проекцию силы США вблизи Тайваня и спорных акваторий Южно-Китайского моря. Укрепление военных связей США с отдельными членами АСЕАН вынуждает Пекин корректировать свою политику в отношении этих стран. В то же время ряд государств АСЕАН следует стратегии

балансирования в отношении Китая, сочетая военно-политический союз с Вашингтоном с сохранением тесных экономических связей с Пекином [Ван Чэнь, Чэнь Ипин, 2025: 145]. Китай активизирует двусторонний диалог, стремясь «разрядить» напряжённость и предложить альтернативные меры доверия. Например, сразу после расширения EDCA Пекин направил на Филиппины высокого представителя МИД (Сунь Вэйдуна) для консультаций – обсуждались пути снижения морских инцидентов и продвижения совместных экономических проектов. Во-вторых, Пекин прибегает к публичному осуждению. Китайские дипломаты обвиняют Вашингтон в «менталитете игры с нулевой суммой» и предупреждают, что страны региона должны сохранять бдительность и не поддаваться на принуждение или использование со стороны США» ^[3] (МИД КНР, 2023). Тем самым Пекин стремится сформировать в АСЕАН мнение, что курс на военно-силовое сдерживание Китая опасен для самой ЮВА. В-третьих, Китай усиливает военно-техническое сотрудничество с дружественными режимами в регионе (прежде всего с Камбоджей, Лаосом, Мьянмой), компенсируя разрыв баланса: предоставляются льготные кредиты на вооружения, проводятся совместные учения (например, китайско-камбоджийские манёвры «Золотой дракон» ^[4]), расширяются объёмы военной помощи. В-четвёртых, Китай выдвинул новые дипломатические инициативы в сфере безопасности, чтобы заручиться поддержкой АСЕАН на многосторонних площадках. В 2022 г. председатель КНР Си Цзиньпин предложил «Инициативу глобальной безопасности» ^[5] (Global Security Initiative, GSI), призывающую к неделимой безопасности и отказу от блокового мышления. Китайские дипломаты продвигают GSI в АСЕАН как альтернативу американско-центристской архитектуре: подчёркивается, что безопасность региона должна обеспечиваться «самими азиатскими странами без вмешательства внешних сил».

Противоборство между Вашингтоном и Пекином также находило выражение в конкуренции двух моделей региональной интеграции. Пекин использовал непоследовательную политику администрации Д. Трампа в АТР и уход Вашингтона из региональных объединений для укрепления собственных позиций. Эта стратегия реализовывалась не только через активное участие в формировании ВРЭП, но и посредством интенсивного продвижения инициативы «Пояс и путь», которая при ведущей роли Китая объединяет многочисленные страны Азии в единую экономическую сеть. И. Н. Кикоть подчёркивает, что проекты китайской инициативы способствуют экономической зависимости стран АСЕАН от КНР, формируя параллельную архитектуру регионального развития [Кикоть, 2024: 231].

В мае 2022 г. администрация Дж. Байдена анонсировала Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру для процветания (IPEF) – рамочную инициативу, призванную усилить присутствие США в региональной экономике. IPEF отражает стремление Вашингтона сформировать альтернативное экономическое пространство, где действуют стандарты, выгодные США и их союзникам, и где снижена зависимость от Китая.

Регион Юго-Восточной Азии всегда был приоритетным в китайской стратегии, и в настоящее время несмотря на тяготение к глобализму, по соображениям военной безопасности и стабильного экономического роста, Китай традиционно включает его в свои планы возрождения былой мощи и возвращения независимой роли на международной арене [Петрасьяк, 2014: 37]. Помимо торгово-инвестиционных соглашений, конкуренция Китая и США в АСЕАН проявляется через соперничество инфраструктурных проектов и технологических стандартов. Ключевым направлением китайской политики в отношении АСЕАН является создание экономических и политических связей, способствующих взаимозависимости. Центральной частью данной стратегии становится инициатива «Один пояс — один путь», через которую Китай

вкладывает значительные средства в инфраструктурные проекты региона, формируя новый экономический порядок на основе взаимовыгодного сотрудничества [Кикоть, 2024: 231]. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» уже воплощается в ряде крупных проектов в ЮВА: высокоскоростная железная дорога Джакарта–Бандунг (Индонезия) при китайском финансировании, модернизация портов в Малайзии и Мьянме, гидроэнергетические объекты в Лаосе и т. д. В цифровой сфере Китай продвигает свои решения — например, Huawei стала ключевым поставщиком оборудования 5G для Таиланда, дочерние компании Alibaba создают «умные города» в Малайзии и Филиппинах. Эти проекты не только приносят экономические дивиденды странам региона, но и повышают их технологическую зависимость от КНР [Кикоть, 2024: 231].

Стратегическое соперничество Китая и США в Юго-Восточной Азии выступает главным внешним фактором, определяющим эволюцию китайской дипломатии в отношении АСЕАН в последние 3–5 лет. Усиление американского военно-политического присутствия (новые базы на Филиппинах, военные альянсы, учения) поставило перед Пекином задачу предотвратить формирование антикитайской коалиции на «ближнем окружении». Ответом Китая стали как дипломатические усилия (активный диалог, экономические преференции, поддержка центральной роли АСЕАН), так и силовые демонстрации (наращивание собственного военного потенциала в регионе, жёсткие предупреждения).

Заключение

Проведённый анализ показал, что дипломатическая стратегия Китая в отношении АСЕАН формируется под воздействием сразу двух взаимосвязанных факторов — территориального спора в Южно-Китайском море и стратегического соперничества с США. Как отмечают зарубежные исследователи, именно одновременное воздействие территориального спора и влияния внешних акторов (в первую очередь США) осложняет разрешение южнокитайских разногласий и усиливает внутреннюю фрагментацию в АСЕАН [Ayesh, Askari, 2025: 153]. Каждый из них по отдельности создаёт серьёзные вызовы для Пекина, но именно их переплетение превращает регион в пространство повышенной нестабильности и одновременно в ключевой узел мировой политики.

КНР вынуждена действовать в условиях «двойного давления»: с одной стороны, она твёрдо отстаивает свои суверенные притязания в ЮКМ, рассматривая их как неотъемлемую часть национальной безопасности и стратегической глубины; с другой стороны, нарастающее присутствие США и их сотрудничество с рядом государств АСЕАН вынуждают Пекин искать новые формы дипломатического и экономического вовлечения, чтобы не допустить консолидации блока на антикитайской основе. Подобное развитие событий подчёркивает влияние внешней политики США на характер сотрудничества Китая и АСЕАН.

В ответ на эти вызовы Китай использует комплексную стратегию, сочетающую элементы жёсткости и гибкости. На военном и политическом уровне Пекин демонстрирует решимость защищать свои позиции в спорных акваториях, последовательно отвергает интернационализацию конфликта и выступает против вовлечения внешних сил. Одновременно он активно задействует экономические и интеграционные механизмы — прежде всего RCEP и инициативу «Пояс и путь» — для укрепления взаимозависимости с государствами Юго-Восточной Азии. Наконец, Китай продвигает новые концепции региональной безопасности, подчёркивая центральную роль АСЕАН и предлагая альтернативу блоковой политике США.

Таким образом, дипломатическая стратегия Китая в отношении АСЕАН приобретает адаптивный и двойственный характер. Её успех будет зависеть от того, сумеет ли Пекин сохранить баланс между защитой национальных интересов и необходимостью поддерживать устойчивые отношения с соседями. В долгосрочной перспективе именно этот баланс определит, сможет ли Китай позиционировать себя не только как державу, жёстко отстаивающую свои суверенные права, но и как ответственную силу, способную обеспечить региональное развитие и стабильность в условиях усиливающегося соперничества с США.

[1] [\[1\]南海各方行为宣言.](https://www.mfa.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/200303/t20030304_8523439.htm) 2002. URL: https://www.mfa.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/200303/t20030304_8523439.htm (дата обращения: 01.10.2025).

[2] [\[2\] США удалось перетянуть Филиппины на свою сторону.](https://www.ng.ru/world/2024-03-19/6_8973_usa.html) 19.03.2024. URL: https://www.ng.ru/world/2024-03-19/6_8973_usa.html (дата обращения: 05.09.2025).

[3] [\[3\] 2023年3月22日外交部发言人汪文斌主持例行记者会.](https://et.china-embassy.gov.cn/fyrth/202303/t20230322_11047173.htm) URL: https://et.china-embassy.gov.cn/fyrth/202303/t20230322_11047173.htm (дата обращения: 01.10.2025).

[4] [\[4\] Камбоджа и Китай проводят учения «Золотой дракон-2025».](https://www.vietnam.vn/ru/campuchia-trung-quoc-trien-khai-tap-tran-rong-vang-2025) URL: <https://www.vietnam.vn/ru/campuchia-trung-quoc-trien-khai-tap-tran-rong-vang-2025> (дата обращения: 01.10.2025).

[5] [\[5\] 全球安全倡议概念文件.](https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm) URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm (дата обращения: 01.10.2025).

Библиография

1. Виноградов И. С. Стратегия Китая в Южно-Китайском море: милитаризация и отстаивание исторических прав // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. № 30. С. 226-244. DOI: <https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.33.72.015> EDN: BBPQGT.
2. Triki, Abdussalam G. A. Understanding the South China Sea Crisis: State Claims, International Interventions, and Implications. *Asia & the Pacific Policy Studies*, Nov 2025.
3. Ge Hongliang. Nanhai anquan quyue jian zhili moshi tanxi [Analysis of Regional Governance Models of Security in the South China Sea] // *Guoji Anquan Yanjiu (Journal of International Security Studies)*. 2016. No. 2: 26. DOI: 10.14093/j.cnki.cn10-1132/d.2016.02.004.
4. Лю Линь. [中国与东盟国家南海危机管控探析](#) [Китайская стратегия управления морскими инцидентами в ЮКМ] // Южноазиатский регион и глобальная безопасность. 2025. № 2. С. 63-72.
5. Локшин Г. М. Южно-Китайское море: поиск согласия продолжается: избранные труды. М.: ИККА РАН, 2024. 271 с. EDN: WFGLHE.
6. Ayesha S., Askari M. U. China-ASEAN Approaches towards the South China Sea Disputes // *Journal of Social Sciences Review*. 2025. Vol. 5. No. 1. P. 150-162. DOI: [10.62843/jssr.v5i1.481](https://doi.org/10.62843/jssr.v5i1.481) EDN: PLRNOL.
7. Донцов А. С. Влияние внешней политики США на сотрудничество между КНР и АСЕАН // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 7. DOI: [10.24412/0869-8120-2023-7-135-137](https://doi.org/10.24412/0869-8120-2023-7-135-137) EDN: VQKLBA.
8. Королёв А. С., Апасова А. М. АСЕАН как зона столкновения интересов США и Китая // Азия и Африка сегодня. 2020. № 8. С. 13-19. DOI: [10.31857/S032150750010445-1](https://doi.org/10.31857/S032150750010445-1) EDN: WNBJDU.

9. Локшин Г. М. Сотрудничество АСЕАН-Китай: ключ к миру в ЮВА // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 6. С. 142-150. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-142-150 EDN: JYILCE.
10. Мосяков Д. В. Разворот политики Филиппин в 2023 г.: от поиска компромиссов с Китаем до эскалации напряжённости и военного противостояния в Индо-Тихоокеанском регионе // *Восточная аналитика*. 2024. Т. 15. № 1. С. 208-233. DOI: 10.31696/2227-5568-2024-01-208-233. EDN: AJBNEW.
11. Ван Чэнь, Чэнь Ипин. 中美战略竞争下东盟国家对华对冲战略的策略选择 [Политика балансирования стран АСЕАН в условиях американско-китайского соперничества] // *东南亚研究*. 2025. № 3. С. 141-150.
12. Кикоть И. Н. Влияние Китая на страны АСЕАН: экономические и политические аспекты взаимодействия // *Молодой учёный*. 2024. № 44(543). С. 230-233. URL: <https://moluch.ru/archive/543/118759/> EDN: DGCAGL.
13. Петрасяк М. Интересы Китая и стратегия внешней политики в отношениях с АСЕАН // *Проблемы Дальнего Востока*. 2014. № 1. С. 37-49. EDN: RZJQYX.
14. Кикоть И. Н. Влияние Китая на страны АСЕАН: экономические и политические аспекты взаимодействия // *Молодой учёный*. 2024. № 44(543). С. 230-233. URL: <https://moluch.ru/archive/543/118759/> EDN: DGCAGL.
15. Кикоть И. Н. Влияние Китая на страны АСЕАН: экономические и политические аспекты взаимодействия // *Молодой учёный*. 2024. № 44(543). С. 230-233. EDN: DGCAGL.
16. Ayes S., Askari M. U. China-ASEAN Approaches towards the South China Sea Disputes // *Journal of Social Sciences Review*. 2025. Vol. 5. No. 1. P. 150-162. DOI: 10.62843/jssr.v5i1.481 EDN: PLRNOL.
17. Шелудяков И.Ф. Геостратегия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 12-1. URL: 10.24411/2500-1000-2020-11601 DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11601 EDN: BPLLRW.
18. Шугуров М. В. ЕАЭС и АСЕАН: вопросы формирования международно-правового механизма сотрудничества в сфере науки и технологий // *Вестник СГЮА*. 2023. № 4 (153). URL: 10.24412/2227-7315-2023-4-59-69.
19. Щепетнова А.П., Тарасова А.Г. Роль АСЕАН в условиях многополярного мира // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. № 10-4 (85).
20. Цыганков П.А. Внешняя политика государства: особенности, процесс и факторы, влияющие на принятие решений // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2022. № 2. С. 7-30. EDN: RHPXPI. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья представляет собой комплексное исследование, предметом которого является анализ формирования дипломатической стратегии Китайской Народной Республики в отношении Ассоциации государств Юго-Восточной Азии под одновременным воздействием двух ключевых факторов: территориального спора в Южно-Китайском море и стратегического соперничества с Соединенными Штатами Америки. В статье продемонстрировано, как эти два контура напряженности не просто сосуществуют, а взаимно усиливают друг друга, создавая для Пекина сложную дилемму, требующую сочетания жесткости и гибкости.

Методологическая основа исследования предполагает системный анализ, опирающийся на историко-описательный и проблемно-хронологический подходы. Автор прослеживает эволюцию отношений Китая и АСЕАН, начиная с конца 1970-х годов, и детально анализирует современную фазу, используя широкий корпус источников, включая официальные документы, заявления дипломатов и научные публикации. Сильной стороной методологии является попытка показать причинно-следственные связи между действиями США, реакцией Китая и позицией стран АСЕАН, что позволяет говорить о применении элементов анализа политики балансирования. Вместе с тем, аналитическую составляющую исследования могли бы усилить концепция комплексной взаимозависимости или теория игр для моделирования стратегий международных акторов.

Актуальность темы не вызывает сомнений. Южно-Китайское море остается одним из наиболее потенциально взрывоопасных регионов планеты, а американо-китайское соперничество определяет контуры глобальной политики. Статья отвечает на насущную потребность в понимании того, как глобальное противостояние великих держав проецируется на региональный уровень и как региональный актор — АСЕАН — пытается лавировать в этих условиях. Рассмотрение таких свежих событий, как расширение EDCA в 2023-2024 годах и дипломатическая активность вокруг Филиппин, делает исследование чрезвычайно своевременным и ценным для научного и экспертного сообщества.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении двух взаимосвязанных факторов давления на китайскую дипломатию. В то время как многие исследования фокусируются либо на Южно-Китайском море, либо на соперничестве с США, данная статья убедительно демонстрирует их синергетический эффект. Автор на конкретных примерах, таких как поворот Филиппин или переговоры по Кодексу поведения, показывает, как усиление одного фактора немедленно отражается на другом, вынуждая Китай проводить многовекторную и адаптивную политику. В этом заключается основной вклад работы в существующее поле исследований.

Работа написана в научном стиле. Структура работы логична и последовательна: введение ставит проблему, два основных раздела детально раскрывают каждый из факторов-вызовов, а заключение подводит итоги и формулирует выводы. Внутри разделов присутствует четкая аргументация, подкрепленная ссылками на источники. К содержательным замечаниям можно отнести некоторую описательность в отдельных частях, где констатация фактов преобладает над их глубоким анализом. В тексте присутствуют повторы (например, несколько раз подчеркивается одна и та же мысль о сочетании жесткости и гибкости), которые можно было бы устранить при редактировании.

Список литературы включает как российские, так и зарубежные публикации, а также китайские источники, что говорит о хорошей проработанности темы. Наличие трех повторяющихся записей одной и той же статьи И.Н. Кикоть необходимо исправить.

С точки зрения апелляции к оппонентам, статья выглядит убедительной, так как автор не игнорирует альтернативные точки зрения, а косвенно полемизирует с теми, кто рассматривает китайскую политику как исключительно силовую или, наоборот, исключительно экономически ориентированную. Демонстрируя комплексный характер стратегии Пекина, работа предлагает более сбалансированный и, следовательно, более

релевантный аналитический взгляд.

В целом, выводы статьи являются обоснованными и вытекают из проведенного анализа. Автор приходит к заключению, что успех китайской дипломатии будет зависеть от способности Пекина поддерживать сложный баланс между защитой суверенитета и поддержанием конструктивных отношений с соседями. Представленная работа, несомненно, вызовет интерес у широкой читательской аудитории журнала «Конфликтология», включая специалистов-международников, политологов, востоковедов, а также студентов и всех, кто интересуется проблемами безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и динамикой современных международных отношений. Несмотря на отмеченные частные замечания, статья представляет собой законченное и добротное научное исследование, которое рекомендуется к публикации после устранения технических недочетов в списке литературы.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Сюе В. Политико-практические аспекты международного сотрудничества Китая и стран Южного Кавказа в сфере возобновляемых источников энергии (2012–2025 гг.) // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76670 EDN: GOOQDX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76670

Политико-практические аспекты международного сотрудничества Китая и стран Южного Кавказа в сфере возобновляемых источников энергии (2012–2025 гг.)

Сюе Вэньцин

ORCID: 0009-0009-8691-9416

аспирант, кафедра Теория и история международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, Дом 6, оф. нет

✉ xwjvera@163.com

[Статья из рубрики "Актуальные проблемы и направления развития современной конфликтологии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76670

EDN:

GOOQDX

Дата направления статьи в редакцию:

08-11-2025

Дата публикации:

25-11-2025

Аннотация: В данной работе рассматриваются политико-правовые основы и практики взаимодействия Китая и государств Южного Кавказа (Армения, Азербайджан и Грузия) в сфере возобновляемых источников энергии (ВИЭ) за период 2012–2025 гг. Глобальное изменение климата представляет собой серьезный вызов для всех стран мира, и продвижение перехода от традиционных источников энергии к использованию возобновляемых источников энергии является одним из жизнеспособных путей решения этой проблемы. В рамках «Пояс и путь» Китай активно развивает международное сотрудничество, укрепляя связи со странами Южного Кавказа – Арменией, Азербайджаном и Грузией. Эти страны также сталкиваются с аналогичными вызовами в энергетической сфере, что требует перехода к энергопотреблению на основе

расширения использования ВИЭ. Исследование опиралось на метод институционального анализа, позволяющий выявить механизмы формирования политико-правовых рамок энергетического сотрудничества. Эмпирическую основу работы составило изучение конкретных инфраструктурных проектов и двусторонних соглашений, подписанных в период с 2014 по 2025 год. Использовался также дескриптивный подход для систематизации информации о национальных энергетических стратегиях и хронологии двусторонних отношений. Систематизируя документы Китая в сфере ВИЭ, автор делает вывод: в рамках политики развития ВИЭ правовые основы постепенно совершенствовались в соответствии с национальными стратегическими ориентирами, что привело к формированию политической структуры «1+N». На базе этой структуры последовательно внедрялись планы действий, нацеленных на обеспечение реализации политики. В рамках инициативы «Пояс и путь» двусторонние отношения Китая со странами Южного Кавказа укрепляются, и в их сотрудничестве в сфере ВИЭ демонстрирует дифференцированный подход, обусловленный национальными спецификами страны. Сотрудничество Китая и Армении направлено на реализацию репрезентативных проектов с технологическим демонстрационным эффектом, при котором успех отдельного проекта становится стимулом для дальнейшего сотрудничества. Сотрудничество Китая и Азербайджана в сфере ВИЭ характеризуется наибольшей системностью, опираясь на реализацию крупномасштабных ветроэнергетических и солнечных проектов, а также на локализацию производства электротранспорта. Грузия и Китай сосредоточены на гидроэнергетических проектах, при этом Грузия, используя своё географическое положение в транскаспийском международном транспортном коридоре, усиливает сотрудничество в сфере ВИЭ.

Ключевые слова:

возобновляемые источники энергии, Китай, Армения, Азербайджан, Грузия, политико-правовые основания, энергетическая стратегия, Пояс и путь, Международное сотрудничество, дифференцированный подход

Введение

Глобальное изменение климата представляет собой серьёзный вызов для всех стран мира, и одним из жизнеспособных путей решения этой проблемы является продвижение перехода от традиционных источников энергии к чистым и возобновляемым (далее — ВИЭ). Китай добился значительных успехов в развитии ВИЭ: установленная мощность ветровой и солнечной фотоэлектрической энергетики на протяжении нескольких лет подряд занимает лидирующее положение в мире. По данным на конец июля 2025 года общая установленная мощность ВИЭ в Китае достигла 2,17 млрд кВт, в том числе 570 млн кВт — ветровой энергии и более 1,1 млрд кВт — солнечной энергии [\[1\]](#), что обеспечивает стране стабильное мировое лидерство в данном секторе. Кроме того, Южный Кавказ выступает важнейшим транспортным узлом, связывающим Европу и Азию, и выполняет ключевую функцию в реализации инициативы «Пояс и путь». С момента выдвижения инициативы в 2013 году двусторонние отношения Китая с тремя странами Южного Кавказа (Азербайджаном, Арменией и Грузией) демонстрируют растущую интенсивность, а в сфере ВИЭ сотрудничество активно развивается.

Предметом исследования являются институциональные и правовые основы двустороннего сотрудничества Китая с Арменией, Азербайджаном и Грузией в сфере возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в контексте инициативы «Пояс и путь» за

период 2013–2025 годов. Научная актуальность работы обусловлена растущими геополитическими вызовами на Южном Кавказе, глобальными климатическими изменениями и необходимостью перехода к чистым источникам энергии, что усиливает роль международного сотрудничества в энергетической безопасности и устойчивом развитии. Кроме того, в условиях глобальной трансформации энергетических систем и климатических изменений исследование механизмов международного сотрудничества в сфере ВИЭ способствует выявлению эффективных моделей технологического трансфера и институционального взаимодействия между странами с различным уровнем экономического развития. Практическая значимость исследования заключается в предоставлении рекомендаций для углубления дифференцированного сотрудничества между Китаем и странами Южного Кавказа, способствуя реализации совместных проектов в ВИЭ, оптимизации энергетических структур и укреплению экономической диверсификации в регионе. При проведении исследования применялся сравнительно-правовой метод для анализа национального законодательства и стратегических документов в области возобновляемой энергетики четырех государств. И исследование опиралось на метод институционального анализа, позволяющий выявить механизмы формирования политико-правовых рамок энергетического сотрудничества. Эмпирическую основу работы составило изучение конкретных инфраструктурных проектов и двусторонних соглашений, подписанных в период с 2014 по 2025 год. Использовался также дескриптивный подход для систематизации информации о национальных энергетических стратегиях и хронологии двусторонних отношений. Целью исследования является анализ эволюции институциональных и правовых оснований двустороннего сотрудничества Китая с Арменией, Азербайджаном и Грузией в сфере ВИЭ, выявление практических форм взаимодействия и изучение дифференцированных моделей сотрудничества между Китаем и другими странами в данном секторе.

Эволюция политических основ Китая и трёх стран Южного Кавказа в секторе ВИЭ

С момента 18-го Национального съезда Коммунистической партии Китая (2012) структура энергетической политики страны непрерывно совершенствуется, а её реализация осуществляется систематически. Это обеспечивает надёжную поддержку для ускорения развития сектора возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в сфере энергетики, продвижения новой стратегии энергетической безопасности «четыре революции и одно сотрудничество» (四个革命, 一个合作), а также достижения целей по пику выбросов углерода и углеродной нейтральности.

Национальные стратегии. 13 июня 2014 года Генеральный секретарь Си Цзиньпин на шестом заседании Центральной руководящей группы по финансово-экономическим вопросам чётко сформулировал новую стратегию энергетической безопасности — «четыре революции и одно сотрудничество». Стратегия подразумевает продвижение революции в сфере энергопотребления, энергоснабжения, энергетических технологий и энергетической системы, а также всестороннее укрепление международного сотрудничества в энергетическом секторе. Эта стратегия определяет стратегические ориентиры, основные принципы и руководящие принципы действий для продвижения развития ВИЭ.

19 ноября 2014 года Генеральный офис Государственного совета Китая опубликовал «План действий по стратегии развития энергетики (2014–2020)», в котором предусматривается существенное увеличение доли возобновляемых источников энергии (ветровой, солнечной, геотермальной), а также атомной энергии в энергопотреблении. К 2020 году доля неископаемых источников энергии должна достичь 15% от первичного

потребления энергии.

29 декабря 2016 года Национальная комиссия по развитию и реформам Китая и Национальное энергетическое управление выпустили «Стратегию революционных изменений в производстве и потреблении энергии (2016–2030)». В ней были обозначены цели развития потребления энергии из неископаемых источников: достичь примерно 15 % от общего потребления энергии к 2020 году, увеличить до примерно 20 % в период с 2021 по 2030 год и превысить 50 % к 2050 году.

22 сентября 2020 года в ходе общей дискуссии на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин торжественно объявил миру, что Китай будет стремиться достичь пика выбросов углекислого газа к 2030 году и углеродной нейтральности к 2060 году [\[2\]](#). Впоследствии были приняты документы «Руководство по достижению пиковых показателей по выбросам углекислого газа и достижению углеродной нейтральности в рамках полной, точной и всесторонней реализации концепции нового развития» (2021), «План действий по достижению пика выбросов углерода до 2030 года» (2021), «Мнение об улучшении институциональных механизмов и политических мер для перехода к зелёной и низкоуглеродной энергетике» (2022), а также «План реализации научно-технической поддержки достижения пика выбросов углерода и углеродной нейтральности (2022–2030 гг.)» (2022). Эти ключевые политические документы были последовательно опубликованы, постепенно сформировав политическую структуру «1+N» для достижения пика выбросов углерода и углеродной нейтральности. «1» подразумевает документ «Руководство по достижению пиковых показателей по выбросам углекислого газа и достижению углеродной нейтральности в рамках полной, точной и всесторонней реализации концепции нового развития» является руководящим документом самого высокого уровня, разъясняя общие принципы, цели и пути, а также исправляя интерпретации на местном уровне; «N» включает в себя «План действий по достижению пика выбросов углерода до 2030 года» (2021) и соответствующие меры для конкретных секторов, такие как планы реализации для энергетического, промышленного и транспортного секторов, наряду с содействующими программами, охватывающими науку и технологии, финансы и рынок углерода, тем самым формируя конкретные руководящие принципы действий.

14 мая 2022 года Генеральный офис Госсовета выпустил «План реализации мер по содействию высококачественному развитию новой энергетики в новую эпоху». В этом документе изложены 21 конкретная политическая мера в семи ключевых областях: инновационные модели развития и использования ВИЭ; ускорение строительства системы ВИЭ, адаптированной к постепенному увеличению доли ВИЭ; углубление реформ в секторе ВИЭ с целью оптимизации административного управления, улучшения услуг и так далее.

29 февраля 2024 года на двенадцатом коллективном заседании Политического бюро ЦК КПК генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул необходимость углубления международного сотрудничества в области научных и технологических инноваций в сфере ВИЭ. Он призвал к упорядоченному продвижению сотрудничества по всей цепочке производства ВИЭ и с целью создания новой модели сотрудничества для перехода к экологически чистой и низкоуглеродной энергетике. Он также отметил, что Китай будет активно участвовать в преобразовании международного энергетического управления, содействуя созданию справедливой, равноправной, сбалансированной и инклюзивной глобальной системы энергетического управления [\[3\]](#), что заложило основу для развития международной связи КНР с другими странами в секторе ВИЭ.

Национальное законодательство в сфере ВИЭ Китая также развивается по направлению эволюции национальных стратегий. «Закон Китайской Народной Республики о возобновляемых источниках энергии» был принят 28 февраля 2005 года и вступил в силу 1 января 2006 года. Потом в 2009 году он был пересмотрен, и 1 апреля 2010 года вступил в силу исправленный Закон Китайской Народной Республики о возобновляемых источниках энергии. На фоне изменений в секторе возобновляемых источников энергии, 10 апреля 2020 года Национальное энергетическое управление Китая опубликовало проект «Закона Китайской Народной Республики об энергетике (для общественного обсуждения)». 8 ноября 2024 года на двенадцатой сессии Постоянного комитета Четырнадцатого Всекитайского собрания народных представителей был принят «Закон об энергетике Китайской Народной Республики», обеспечивающий правовые гарантии устойчивого развития энергетического сектора Китая, стимулирование высококачественного развития в области энергии и сохранения национальной безопасности Китая.

Пятилетние планы развития источников энергии КНР, а также среднесрочные и долгосрочные планы развития источников энергии (2015–2025), как практические документы, направленные на внедрение в жизнь национальных стратегий, являются важным звеном политической структуры Китая в секторе ВИЭ.

Таблица 1.

Период	Пятилетние планы развития источников энергии	Среднесрочные и долгосрочные планы развития источников энергии
13-й пятилетний (2016–2020)	1. «13-й пятилетний план развития энергетики»	1. «План по безопасности атомной энергетики (2011–2020)»
	2. «13-й пятилетний план развития возобновляемых источников энергии»	2. «Среднесрочный и долгосрочный план развития атомной энергетики (2011–2020)»
	3. «13-й пятилетний план развития электроэнергетики»	3. «План развития энергоэффективной и новой энергетической автомобильной промышленности (2012–2020)»
	4. «13-й пятилетний план развития атомной промышленности»	4. «Руководящие заключения Главного управления Государственного совета по ускорению продвижения и применения транспортных средств на новой энергии» (2014)
	5. «13-й пятилетний план развития ветровой энергетики»	5. «Среднесрочный и долгосрочный план развития автомобильной промышленности» (2017)
	6. «13-й пятилетний план развития солнечной энергетики»	
	7. «13-й пятилетний план развития энергетики на основе биомассы»	
	8. «13-й пятилетний план развития национальных стратегических новых отраслей промышленности»	
	9. «13-й пятилетний план инноваций в области энергетических технологий»	
	1. «14-й пятилетний план по	1. «План развития индустрии

14-й пятилетний (2021–2025)	созданию современной энергетической системы»	транспортных средств ВИЭ (2021–2035 гг.)»
	2. «14-й пятилетний план по развитию возобновляемых источников энергии»	2. «Среднесрочный и долгосрочный план развития гидроэлектростанций с насосным накоплением энергии (2021–2035 гг.)»
	3. «14-й пятилетний план реализации новых технологий хранения энергии»	3. «Среднесрочный и долгосрочный план развития водородной энергетики (2021–2035 гг.)»
	4. «14-й пятилетний план научно-технических инноваций в энергетическом секторе»	4. «Уведомление о выпуске плана действий по ускорению комплексного развития разведки и добычи нефти и газа с использованием новых источников энергии (2023–2025 гг.)»
	5. «14-й пятилетний план развития морской экономики»	5. «План реализации проекта по стандартизации новых отраслей (2023–2035 гг.)»

Источник: портал Центрального народного правительства Китайской Народной Республики.

В таблице, отражающей документы плана действий для энергетического сектора на 2015–2025 годы, показано, что, во-первых, Китай одновременно развивает как традиционные, так и возобновляемые источники энергии. Он активно продвигает развитие различных возобновляемых источников энергии и связанных с ними научных технологий, а также их практическое применение. Это включает расширение использования не только обычных возобновляемых источников энергии (ВИЭ), таких как ветровая и солнечная энергия, но и новых, например атомной, водородной и морской энергии. Кроме того, среднесрочный и долгосрочный планы действий активно способствуют развитию и внедрению транспортных средств, работающих на возобновляемых источниках энергии, а также поддерживают комплексное развитие традиционных источников и ВИЭ; во-вторых, на примере планов действий Китая можно продемонстрировать чёткую политическую последовательность инициатив в энергетическом секторе за период 2015–2025 годов; в-третьих, стоит отметить, что энергетические планы Китая отличаются объективностью и прагматизмом. Сравнивая пятилетние планы со среднесрочными и долгосрочными, можно заметить, что КНР учитывает необходимость постепенного преодоления технологических барьеров или совершенствования рыночных условий при разработке и внедрении отдельных новых возобновляемых источников энергии. Таким образом, выбор сроков для среднесрочных и долгосрочных планов действий (от 8 до 15 лет) свидетельствует как об объективности, так и о реалистичности этих документов.

В рамках политики развития ВИЭ в Китае постепенно совершенствовались законодательные и политические основы в соответствии с национальными стратегическими ориентирами, в результате чего сформировалась политическая структура «1+N». На основе этой системы последовательно вводились планы действий для конкретных секторов, направленные на обеспечение реализации политики. В

контексте этого правового и политического фрейма технологий возобновляемых источников энергии (ВИЭ) продолжается развитие как в области разработки, так и в области применения. Одновременно активно ведётся международное сотрудничество в этой сфере в рамках инициативы «Пояс и путь», которое направлено на содействие сотрудничеству с другими странами в области развития возобновляемых источников энергии.

Армения обладает значительным природным потенциалом для развития возобновляемых источников энергии. По расчетам Министерства энергетики и природных ресурсов Армении, среднегодовая солнечная радиация в стране составляет 1720 киловатт-часов на квадратный метр, что превышает средний показатель по Европе, равный 1000 киловатт-часов на квадратный метр. Это делает солнечные ресурсы Армении превосходящими по своим показателям ресурсы большинства европейских стран. Гидроэнергетический потенциал страны оценивается в 21,8 миллиарда киловатт-часов в год, а ветровая энергия может генерировать около 1,26 миллиарда киловатт-часов в год [\[4\]](#).

Армения является единственным экспортёром электроэнергии на Южном Кавказе, рассматривая электроэнергетику как одну из ключевых отраслей промышленности. Правительство страны уделяет приоритетное внимание развитию энергетического сектора, оказывая ему целенаправленную поддержку и увеличивая инвестиции в энергетическую инфраструктуру. В настоящее время реализуются и планируются ряд новых проектов в области энергетики, включая атомную энергетику и модернизацию электросетей. Китайские энергетические компании обладают значительным потенциалом для участия в инвестировании, строительстве и эксплуатации проектов атомной энергетики и электросетей [\[5\]](#). Для повышения надёжности внутреннего электроснабжения и расширения экспортного потенциала Армения принимает комплексные меры по увеличению производства электроэнергии на основе атомных реакторов и возобновляемых источников энергии.

С момента принятия Закона Республики Армения «Об энергетике» в 2001 году Армения уделяет приоритетное внимание развитию гидроэнергетической отрасли. Гидроэнергетика является ключевым сектором, получающим существенную государственную поддержку [\[6\]](#). Закон Республики Армения от 4 декабря 2004 года №3Р-122 «Об энергосбережении и возобновляемой энергетике» определял принципы государственной политики по развитию ВИЭ и механизмы их осуществления [\[7\]](#). В июне 2005 года правительство Армении одобрило «Стратегию развития энергетики в контексте развития экономики Армении» на период 2005–2025 годов. Политика включает законодательные меры, государственные программы и стимулы для инвестиций в сектор ВИЭ. В 2007 году правительство Армении приняло «Национальную программу энергосбережения и возобновляемой энергетики Республики Армения». В программе предусматривалось расширение использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ): гидроэнергии, биомассы, энергии солнца, ветра и других [\[8\]](#). В 2020 году был принят документ «Развитие энергетического сектора Республики Армения. Стратегическая программа до 2040 года», который учитывает имеющиеся внутренние ресурсы и тенденции развития этой технологии во всём мире, строительство солнечных электростанций будет преобладать над остальными типами, учитывая ограничения показателей надёжности и безопасности системы [\[9\]](#). Изменения в Законе об Энергетике Республики Армения, действующие с 1 мая 2022 года: автономные производители и другие ВИЭ-станции получили возможность производить электроэнергию в одной точке и

потреблять её в одной или многих точках, отличных от точки производства.

Правительство Армении приняло комплекс мер по поддержке развития сектора ВИЭ, в том числе: создание стимулирующих механизмов, учреждение специализированных агентств по регулированию и развитию ВИЭ, а также поддержка частного сектора в строительстве электростанций на возобновляемых источниках; разработка инновационных регулирующих актов для стимулирования роста отрасли, которые позволяют инвесторам осуществлять прямые инвестиции через энергетическую сеть; упрощение лицензионных процедур и поэтапное смягчение регуляторных требований с учётом текущей мощности солнечных энергетических систем для расширения использования ВИЭ.

Азербайджан, являясь «сердцем» Евразийского континента и перекрёстком транспортных коридоров, выступает важным связующим звеном между Азией и Европой. В контексте инициативы «Пояс и путь» он представляет собой ключевой транспортный узел на Евразийском континенте. С тех пор развитие экономики Азербайджана в значительной степени зависит от экспорта энергоносителей, особенно нефти и газа, при чём национальная экономика поддерживается углеводородной отраслью. В докладе Международного энергетического агентства (МЭА) от 2021 года отмечалось, что, если нефть и газ останутся основным столпом экономики Азербайджана, страна рискует столкнуться в будущем с серьёзными экономическими потрясениями [\[10\]](#). С целью укрепления национальной экономической безопасности Азербайджан стремится диверсифицировать свою экономическую структуру. Следовательно правительство разработало среднесрочную и долгосрочную стратегию экономического развития, центральным направлением которой является развитие неуглеводородных отраслей и снижение чрезмерной зависимости от углеводородов.

В 2019 году было утверждено «Распоряжение Президента Азербайджанской Республики о мерах по реализации пилотных проектов в области использования возобновляемых источников энергии». Оно направлено на осуществление в стране пилотных инициатив, связанных со строительством ветровых и солнечных электростанций. Стратегической основой политики сохранения экологического баланса и развития возобновляемой энергетики является документ «Национальные приоритеты социально-экономического развития: Азербайджан 2030», утверждённый Распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 2 февраля 2021 года. В документе в качестве одного из пяти Национальных приоритетов поставлена важная задача — превращение Азербайджана в страну с чистой окружающей средой и зелёным ростом. Для совершенствования законодательной и институциональной базы в этой области был принят Закон Азербайджанской Республики «Об использовании источников возобновляемой энергии при производстве электроэнергии» от 31 мая 2021 года. В ноябре 2021 года на Конференции COP-26 Азербайджан добровольно взял на себя новое обязательство: к 2050 году сократить эмиссии почти на 40 процентов и создать зоны «чистой нулевой эмиссии» на территориях, освобождённых от оккупации. 11 декабря 2023 года было принято решение о проведении в Азербайджане 29-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP29) с 11 по 22 ноября 2024 года. Кроме того, Распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 25 декабря 2023 года 2024 год объявлен в стране «Годом солидарности во имя зелёного мира». Эти политико-правовые основания, способствующие развитию возобновляемых источников энергии, послужили политическим ориентиром для последующего практического сотрудничества между Азербайджаном и Китаем в этой сфере.

Грузия занимает стратегическое положение на пересечении Европы и Азии, граничит с Чёрным морем на западе. Страна обладает политической стабильностью и имеет прочные макроэкономические условия, подкреплённые эффективным государственным аппаратом, либеральной финансовой системой. Благоприятный деловой климат способствует устойчивому быстрому экономическому росту в последние годы, что способствует увеличению спроса на электроэнергию и энергоресурсы в Грузии. Грузия располагает значительными ресурсами возобновляемых источников энергии (ВИЭ), в частности благоприятными условиями для развития гидро- и ветроэнергетики. Однако структура электроэнергетики страны остаётся относительно ограниченной, что обуславливает необходимость импорта значительных объемов электроэнергии из соседних государств в период ежегодных засушливых сезонов. С целью оптимизации структуры энергоснабжения, снижения затрат на электроэнергию и обеспечения национальной энергетической безопасности правительство Грузии последовательно внедряет комплекс законов, политических мер и программ, направленных на стимулирование развития ВИЭ.

Закон «о возобновляемых источниках энергии», принятый в 2008 году, предусматривает, что возобновляемые источники энергии должны иметь гарантированный приоритетный доступ к энергосистеме. Закон Грузии «О стимулировании производства и использования энергии из возобновляемых источников», принятый 20 декабря 2019 года, создаёт правовую базу для стимулирования использования всех типов ВИЭ, устанавливает цель по увеличению доли возобновляемой энергетики в общем энергопотреблении страны и содействие развитию возобновляемых источников энергии с помощью законодательных мер, в котором включает увеличение количества установок, работающих на ВИЭ, и конкретные меры, такие как продвижение биотоплива во внутреннем транспорте, активное использование экологически чистого водорода в транспортном и промышленном секторах, а также использование возобновляемых источников энергии в системах отопления и охлаждения.

По мере укрепления отношений Грузии с Европейским союзом её законодательство в области возобновляемых источников энергии всё больше приведено в соответствие со стандартами ЕС. В «Соглашении об ассоциации ЕС» предусмотрены положения о внедрении директив по энергоэффективности в национальные правовые рамки, в том числе: Директива по энергоэффективности (2012), Директива по энергоэффективности зданий (2010) и Регламент о критериях энергетической маркировки (2017). Основываясь на этих документах, в 2019–2020 годах Грузия приняла и ввела в силу следующие законы: Закон «об энергетической маркировке» (26 декабря 2019 года), Закон «об энергоэффективности» (21 мая 2020 года) и Закон «об энергоэффективности зданий» (28 мая 2020 года). Принятие этой серии законов служит правовой основой для развития возобновляемой чистой энергетики в Грузии.

Что касается политической основы в секторе ВИЭ в Грузии, стоит отметить «Государственную энергетическую политику и Комплексный национальный план по энергетике и климату» (НПЭК). Этот документ, являющийся приложением к Национальной энергетической политике, включает меры и целевые показатели, которые Грузия планирует достичь к 2030 году (в перспективе — к 2050 году). Среди них — цели по развитию возобновляемых источников энергии, повышению энергоэффективности и сокращению выбросов парниковых газов, согласованные с Европейским Союзом и Энергетическим сообществом^[11]. В НПЭК содержится чёткий план развития энергетического сектора, охватывающий несколько ключевых направлений: активное расширение мощностей электростанций на возобновляемых источниках энергии, согласованные усилия по повышению энергоэффективности и дальнейшее укрепление

национальной энергосистемы.

Постановление Правительства Грузии №403 «Об утверждении схемы поддержки производства и использования энергии из возобновляемых источников» (принято в 2020 году, исправлено в 2021 году) утверждает механизмы производства энергии из возобновляемых источников и определяет меры по строительству и эксплуатации электростанций на возобновляемых источниках энергии с установленной мощностью более 5 мегаватт на основе частных инвестиций. Десятилетний план развития передающей сети Грузии (2022–2032 годы), разработанный Государственной электроэнергетической системой страны, включает мероприятия по интеграции смешанных возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в национальную энергосистему. С целью упрощения процедуры инвестирования в ВИЭ с 2 сентября 2024 года бенефициары схемы поддержки могут подписать с правительством Грузии соглашения о строительстве гидро-, солнечных и ветряных электростанций путём прямых переговоров, стимулируя тем самым инвестиции в сектор [\[12\]](#). Эти документы образуют политическую и правовую основу для развития возобновляемой энергетики в Грузии, обеспечивая непрерывность и практичность развития данного сектора.

Сотрудничество Китая со странами Южного Кавказа в сфере ВИЭ

В секторе ВИЭ как Китай, так и три страны Южного Кавказа в период 2012–2025 годов формировали политические и правовые основы, адаптированные к своим национальным условиям. Эти основы обеспечивают стабильную правовую базу для прагматичного сотрудничества Китая с этими странами, способствуя развитию инфраструктуры возобновляемой энергетики и инвестициям в нее. Одновременно в рамках инициативы «Пояс и путь» Китай и три страны Южного Кавказа активно взаимодействуют, реализуя ряд значимых совместных инициатив в секторе возобновляемых источников энергии и изучая различные подходы к партнерству.

Опираясь на прочные правовые и политические основания, Китай и Армения осуществляют многостороннее сотрудничество в секторе возобновляемых источников энергии в рамках инициативы «Пояс и путь», достигнув ряда результатов. Армения является единственной страной на Южном Кавказе с инфраструктурой атомной электростанции. А Китай накопил богатый опыт в развитии атомной энергетики, располагая зрелыми технологиями и оборудованием в этой области. В марте 2015 года стороны подписали «Меморандум о взаимопонимании между Национальной энергетической администрацией Китая и Министерством энергетики и природных ресурсов Армении в области атомной энергетики» [\[13\]](#). Основываясь на достигнутом консенсусе, Китай и Армения могут изучить оптимальные модели и механизмы сотрудничества в атомной энергетике в рамках инициативы «Пояс и путь».

Солнечная фотоэлектрическая станция «Масрик-1» была построена в октябре 2024 года и с декабря 2024 года вышла на полную мощность [\[14\]](#). Проектная мощность электростанции — 55 мегаватт, годовая выработка электроэнергии — около 24 миллионов киловатт-часов. Это крупнейшая солнечная электростанция в Армении, заказчиком которой является зарегистрированная в Испании компания Fotowatio Renewable Ventures Inc. (FRV), а China Machinery Engineering Corporation (CMEC) и армянское дочернее предприятие CMEC являются генеральным подрядчиком станции «Масрик-1», отвечая за проектирование, строительство, поставку оборудования, регулирование и эксплуатацию. Данный проект стал ключевой инициативой в сфере ВИЭ для Армении, и его завершение с последующим запуском в эксплуатацию открыло новые

перспективы для двустороннего сотрудничества Китая и Армении в области развития и внедрения возобновляемых источников энергии. Более того, в августе 2025 года Китай и Армения подписали «Совместное заявление об установлении стратегического партнёрства», в котором возобновляемые источники энергии (ВИЭ) были прямо указаны в качестве приоритетного направления двустороннего сотрудничества.

Таким образом, взаимодействие между Китаем и Арменией в сфере ВИЭ основывается на природных ресурсах Армении и технологическом потенциале Китая. Несмотря на позитивные официальные намерения в области сотрудничества, практическое взаимодействие в сфере ВИЭ в настоящее время находится на начальном этапе, а количество совместных проектов остаётся относительно небольшим. Тем не менее, на фоне активной синхронизации инициативы «Пояс и путь» с армянским проектом «Перекрёсток мира» наблюдаются широкие перспективы развития двустороннего сотрудничества в области ВИЭ.

На основе государственных стратегий и распоряжений Президента Азербайджана активно реализуются проекты по строительству ветроэнергетических станций в рамках перестройки энергетической структуры и развития возобновляемых источников энергии. Следует отметить, что в контексте инициативы «Пояс и путь» сотрудничество Китая и Азербайджана в сфере возобновляемых источников энергии становится всё более тесным. В частности, в 2024 году две страны подписали «Совместное заявление об установлении стратегического партнёрства», а в 2025 году — «Совместное заявление о установлении отношений всестороннего стратегического партнёрства». Эти документы предусматривают углубление кооперации в областях торговли, инвестиций, нефти и газа, а также фотоэлектрической энергетики [\[13\]](#).

В рамках инициативы «Пояс и путь» Китаем и Азербайджаном достигнут консенсус о сотрудничестве в секторе ВИЭ и выбран для строительства крупной фотоэлектрической станции пустынный район Гобустана. Она занимает площадь 550 гектаров и имеет общую установленную мощность 230 мегаватт. Проект, реализованный китайской компанией Dongfang Electric Group, был подключён к энергосистеме 26 октября 2023 года. С годовым объемом производства электроэнергии в 500 миллионов киловатт-часов он обеспечивает электроэнергией 110 000 домохозяйств и сокращает выбросы углекислого газа более чем на 200 000 тонн в год [\[16\]](#). Как первый крупномасштабный проект Азербайджана в сфере ВИЭ, он стал флагманским для сотрудничества между Китаем и Азербайджаном в рамках «Пояса и пути». Фундаментные работы были завершены в марте 2023 года, а испытания высоковольтной системы передачи и трансформации — в октябре того же года. Первоначальный запуск энергосистемы состоялся 15 октября, а 26 октября президент Азербайджана Ильхам Алиев лично открыл церемонию подключения к энергосистеме. Как ключевая инициатива в стратегии энергетического перехода страны, проект был включён в национальный план развития ВИЭ.

Более того, сотрудничество Азербайджана и Китая распространяется на автотранспорт на возобновляемых источниках энергии. В июле 2024 года китайская компания BYD заключила контракт с правительством Азербайджана на поставку 160 электробусов, доставка которых была завершена в октябре 2024 года [\[17\]](#). Эти транспортные средства начали эксплуатироваться во время Конференции ООН по изменению климата (COP29) в ноябре того же года, обеспечивая транспортное обслуживание участников мероприятия на протяжении всего срока. Кроме того, в сентябре 2025 года компания BYD поставила первую партию из 50 электробусов в рамках общего заказа на 300 единиц. Остальные автомобили будут производиться локально и эксплуатироваться в городах, таких как

Баку и Карабах. Сотрудничество между сторонами сосредоточено в первую очередь на секторе электробусов и включает в себя поставку продукции, локализацию производства и развитие экологически чистой транспортной инфраструктуры. Благодаря инициативе «Пояс и путь» компания BYD стала ключевым партнёром Азербайджана в переходе к экологически чистому транспорту, установила стандарты развития ВИЭ в сфере транспорта на Южном Кавказе для осуществления цели зелёного экономического развития.

В апреле 2025 года, во время государственного визита президента Азербайджана Ильхама Алиева в Китай, Азербайджан подписал шесть соглашений о сотрудничестве в области возобновляемых источников энергии с китайскими предприятиями ^[18]:

1. Инвестиционный договор между Правительством Азербайджанской Республики и компанией Universal Solar Azerbaijan LLC в связи с проектом строительства солнечной электростанции «Гобустан» мощностью 100 МВт.
2. Между Министерством энергетики Азербайджана и компанией China Energy Overseas Investment Co. Ltd. подписан Исполнительный договор об оценке, развитии и реализации проекта морской ветроэнергетики в Азербайджане.
3. Документ подписан между Министерством энергетики Азербайджана, компаниями China Datang Overseas Investment Co. Ltd и SOCAR Green LLC. Техничко-экономическое обоснование, проектирование, финансирование, строительство, эксплуатация и техническое обслуживание будут осуществляться через проектную компанию, которая будет создана в соответствии с Исполнительным договором об оценке, развитии и реализации проекта плавучей солнечной электростанции мощностью 100 МВт с системой накопления энергии на батареях мощностью 30 МВт на озере Бёюкшор.
4. Между Министерством энергетики Азербайджана, компаниями Power China Resources Limited и SOCAR Green LLC заключен Исполнительный договор об оценке, развитии и реализации проекта солнечной электростанции мощностью 160 МВт.
5. Между Министерством энергетики Азербайджана, компаниями SOCAR Green LLC, China Datang Overseas Investment Co. Ltd и Power China Resources Limited подписан Меморандум о взаимопонимании по развитию проекта морской ветроэнергетики мощностью 2 ГВт в азербайджанском секторе Каспийского моря.
6. Между Министерством энергетики Азербайджана и Институтом планирования и инжиниринга электроэнергетики Китайской Народной Республики подписан Меморандум о взаимопонимании по развитию возобновляемых источников энергии и планированию электрических энергосистем.

При реализации заключенных соглашений Азербайджан планирует к 2025 году увеличить мощность производства чистой энергии на сотни мегаватт, тогда как китайские предприятия будут использовать эту возможность для укрепления своих лидирующих позиций Центрально-Каспийского региона в секторе ВИЭ. Как следует из вышеизложенного, сотрудничество Китая и Азербайджана в сфере ВИЭ преодолело этап отдельных проектов и перешло к всестороннему глубокому взаимодействию, охватывающему передачу технологий, разработку решений в области энергоохранения и планирование энергетических систем. Две страны намерены активно развивать «зеленый энергетический коридор», что обуславливает стратегическое значение данного партнерства для укрепления энергетической безопасности, достижения климатических целей и продвижения интеграции ВИЭ в Евразийский регион.

С момента выдвижения Китаем инициативы «Пояс и путь» Грузия активно развивает сотрудничество с Китаем в сфере ВИЭ. Основой для двустороннего взаимодействия служит «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Грузии об установлении стратегического партнёрства», подписанное в июле 2023 года. Данный документ повысил уровень двусторонних отношений до стратегического партнёрства, заложил политическую основу для сотрудничества в области возобновляемых источников энергии и подчеркнул приверженность Грузии китайской инициативе «Пояс и путь». В рамках инициативы обе стороны намерены укреплять координацию политики, согласовывать планы развития, углублять сотрудничество во всех областях, применять принципы «совместных консультаций, совместного вклада и совместной выгоды» (共商, 共建, 共享原则), а также продвигать концепции открытости и экологически чистого развития для содействия устойчивому развитию обеих стран. Дополнительно, что 31 июля 2023 года от имени правительств двух стран глава Национального комитета по развитию и реформам КНР и министр экономики и устойчивого развития Грузии Леван Давиташвили подписали «План сотрудничества по инициативе «Пояс и путь» между правительством Китайской Народной Республики и правительством Грузии». Данный документ предусматривает усиление двустороннего сотрудничества в ключевых сферах, в том числе в области энергетической инфраструктуры, включая развитие возобновляемых источников энергии. Данный план представляет собой конкретный документ сотрудничества, разработанный на основе «Совместного заявления о стратегическом партнёрстве двух стран». В нем определяются конкретные направления сотрудничества в контексте инициативы «Пояс и путь», что позволяет ему выступать важным инструментом для углубления политического доверия между Китаем и Грузией, согласования национальных стратегий развития и расширения практического взаимодействия двух стран.

Китай и Грузия давно заложили основу для сотрудничества в секторе ВИЭ. Гидроэлектростанция «Хадори», расположенная на реке Алазани в Панкисском ущелье Грузии, является совместным энергетическим проектом двух стран. Основное строительство началось в декабре 2001 года, а в феврале 2006 года станция была официально подключена к энергосистеме. «Хадори» стала первым гидроэнергетическим проектом Грузии, в который инвестировала и построила китайская компания. Этот проект стал примером успешного сотрудничества в области энергетической инфраструктуры, предоставив при этом ценный опыт для дальнейшего развития инфраструктуры возобновляемых источников энергии между двумя странами.

В ходе 29-й сессии Рамочной конвенции Организации Объединённых Наций об изменении климата (COP 29) компании China Energy Engineering Group International Co., Ltd. и Masdar провели в Баку, церемонию подписания контракта на оказание инженерных, закупочных и строительных технических услуг по проекту строительства фотоэлектрической станции мощностью 131 МВт в Грузии. Проект расположен в Руставийском районе Грузии, его общая установленная мощность составляет 131 МВт. Начало строительства запланировано на март 2025 года. Подписание этого проекта закладывает прочную основу для сотрудничества в области ВИЭ между двумя сторонами в Грузии [\[19\]](#).

В июле 2025 года китайские компании Zhongxiang Overseas, Hunan Construction Investment Water Resources и Dayu New Energy успешно подписали контракт на выполнение работ по проектированию, строительству и вводу в эксплуатацию (EPC) 130-мегаваттного ветроэнергетического проекта «Паравани» в Грузии [\[20\]](#). Как флагманский проект в секторе ВИЭ страны, он поможет оптимизировать местный энергетический

баланс и приблизить регион к достижению целей экологически чистого и низкоуглеродного развития. Успешное заключение контракта стало важным этапом для китайских компаний в освоении грузинского рынка, расширении присутствия в сфере ветроэнергетики и создании основ для дальнейшего участия в международных проектах новых видов энергии.

Таким образом, Грузия демонстрирует благоприятный подход к иностранным инвестициям и в последние годы активно стимулирует развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) с целью трансформации собственной энергетической структуры. Кроме того, между Китаем и Грузией поддерживаются дружественные отношения, и в контексте инициативы «Пояс и путь» двустороннее сотрудничество в различных сферах деятельности постоянно углубляется. Был подписан ряд документов и соглашений в области свободной торговли, что, в свою очередь, создает широкие перспективы для сотрудничества в секторе ВИЭ.

Заключение

В условиях глобального изменения климата и тенденции трансформации энергетической потребности стран мира активно разворачиваются работы по развитию возобновляемых источников энергии (ВИЭ). С 2014 года Китай начал уделять особое внимание стимулированию развития сектора ВИЭ: в рамках национальной политики развития возобновляемых источников энергии законодательные и институциональные основы постепенно совершенствовались в соответствии с национальными стратегическими ориентирами, что привело к формированию политической структуры «1+N». На основе этой системы последовательно вводились планы действий для конкретных секторов, обеспечивающие реализацию государственной политики.

Три страны Южного Кавказа — Армения, Азербайджан и Грузия — в последние годы активно продвигают трансформацию энергетической структуры и реализуют проекты по использованию ВИЭ. Каждая из них разработала собственную политику и правовую базу в сфере ВИЭ, основанную на природных преимуществах и объективных обстоятельствах страны. В рамках инициативы «Пояс и путь» связи Китая с этими странами становятся все более тесными, сотрудничество демонстрирует дифференцированные подходы, обусловленные спецификой каждой страны.

Армения, как единственный экспортёр электроэнергии на Южном Кавказе, обладает развитой атомной энергетикой. Сотрудничество между Китаем и Арменией сосредоточено на реализации репрезентативных проектов с технологическим демонстрационным эффектом, когда успех одного проекта стимулирует последующее сотрудничество. Основное внимание уделяется крупномасштабным демонстрационным проектам фотоэнергетики. Кроме того, стороны активно углубляют сотрудничество в сфере возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и в 2025 году подписали совместное заявление о стратегическом партнёрстве, в котором ВИЭ была определена как приоритетная сфера двустороннего сотрудничества.

Сотрудничество между Китаем и Азербайджаном в секторе возобновляемых источников энергии (ВИЭ) является наиболее систематическим. Это объясняется активной стратегией Азербайджана по энергетической трансформации, начав с реализации раннего демонстрационного проекта — фотоэлектрической станции Гобустан. Ключевым переломным моментом в сотрудничестве стал саммит COP29, состоявшийся в Азербайджане в 2024 году: во время конференции страна подписала с китайской компанией BYD договор о производстве электромобилей на основе ВИЭ, предусматривающий локализацию производства электробусов. В 2025 году были

подписаны 6 соглашений и проектов по развитию инфраструктуры ВИЭ, что привело к формированию структуры сотрудничества: Китай отвечает за экспорт технологий ВИЭ, а Азербайджан осуществляет интеграцию крупномасштабной инфраструктуры ветроэнергетики и фотоэнергетики. Оптимизация внутреннего рынка энергопотребления и локализация производства продукции ВИЭ способствуют трансформации экономической структуры Азербайджана.

Грузия уделяет особое внимание институциональным инновациям и постоянно корректирует энергетическую политику и законодательство в соответствии со стандартами ЕС в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ). В частности, внесены поправки в Закон «О стимулировании производства и использования энергии из возобновляемых источников». Помимо этого, Грузия и Китай сосредоточены на гидроэнергетических проектах, а Грузия, используя своё географическое положение на транскаспийском международном транспортном маршруте, углубляет сотрудничество с Китаем в сфере ВИЭ в рамках инициативы «Пояс и путь».

Библиография

1. 逐绿向新 “十四五”时期能源转型“加速跑”. 17.10.2025. National Energy Administration (国家能源局). URL: <https://www.nea.gov.cn/20251017/293d07cfb51f483eab7e7ab0b279b343/c.html> (Дата обращения: 22.10.2025).
2. Выступление Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в ходе общей дискуссии на 75-й сессии ГА ООН. 22.09.2020. Министерство иностранных дел КНР. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/202009/t20200922_857957.html (Дата обращения: 23.10.2025).
3. Политическое бюро Центрального комитета Коммунистической партии Китая провело двенадцатое коллективное заседание, посвящённое новым энергетическим технологиям и энергетической безопасности Китая. (中共中央政治局就新能源技术与我国的能源安全进行第十二次集体学习). 29.02.2024. CRI Online. URL: <https://news.cri.cn/2024-03-01/e3b1e904-e1ca-5510-7337-43c2d86422c5.html> (Дата обращения: 22.10.2025).
4. Энергетика в Республике Армения. 2019. Министерство энергетики и природных ресурсов Республики Армения. URL: <https://sng-atom.com/files/news/files/109/195/89bfde35efb1c2978efd8d786fca9cbc.pdf> (Дата обращения: 22.10.2025).
5. Guan Yuhong, Gao Guowei. Research on Production Capacity Cooperation between China and Armenia under the Belt and Road Initiative // Journal of International and Regional Studies. 2020. №5(04). С. 11-35. (管玉红, 高国伟. “一带一路”倡议下中国--亚美尼亚产能合作研究 // 国别和区域研究. 2020. №5 (04). С. 11-35).
6. Zhang Xiaotao, Meng Sicheng. Energy Cooperation Between China and Armenia Under the Belt and Road Initiative // Overseas Investment & Export Credits. 2019. №2. С. 11-14. (张晓涛, 蒙思丞. “一带一路”倡议下的中国与亚美尼亚能源合作 // 海外投资与出口信贷. 2019. №2. С. 11-14).
7. Энергетическая безопасность Армении в контексте Соглашения с ЕС. 02.12.2018. Лазаревский Клуб. URL: <https://lazarevsky.club/analitika/energeticheskaya-bezopasnost-armenii-v-kontekste-soglasheniya-s-yes/> (Дата обращения: 22.10.2025).
8. Ваге Одабашян, Сусанна Хачатрян. Возобновляемая энергетика в Республике Армения // 21-й век. 2007. №2 (6).
9. Василькова С. В. О регулировании и практике строительства энергетических объектов иностранными компаниями в Армении // ВЭПС. 2024. №4. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-148-157 EDN: RATSGA.
10. Исмаиллы И. Ш. Зависимость экономики Азербайджана от цен на нефть и от её экспорта // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. №4-1 (98).
11. Обзор энергетической политики и инвестиционных возможностей в Грузии.

Министерство экономики и устойчивого развития Грузии. URL: <https://secca.eu/wp-content/uploads/2023/11/Presentation-of-EE-RE-and-SD-Department-RU.pdf> (Дата обращения: 26.10.2025).

12. В Грузии упростили процедуры инвестирования в возобновляемые источники энергии. 02.09.2024. SPUTNIK. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20240902/v-gruzii-uprostili-protsedury-investirovaniya-v-vozobnovlyaemye-istochniki-energii-289694402.html-ysclid=mhdu1c8s8c987054657> (Дата обращения: 26.10.2025).

13. Мокрецкий Александр Чеславович. Страны Закавказья в китайской стратегии "Экономический пояс Шелкового пути" // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. №21.

14. "Масрик-1"-крупнейший проект китайского гиганта в Армении. 25.04.2025. Armenpress. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1218186> (Дата обращения: 23.10.2025).

15. Си Цзиньпин встретился с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым. 04.07.2024. Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202407/t20240705_11448682.html (Дата обращения: 23.10.2025).

16. Вступление в "голубой океан" фотоэлектрической энергетики в пустыне: крупнейшая в Азербайджане фотоэлектрическая электростанция, находящаяся в стадии строительства, приступает к поэтапному подключению к сети и выработке электроэнергии (走进荒漠里的"光伏蓝海"--阿塞拜疆在建最大光伏电站开始分批并网发电). 11.20.2023. URL: <http://vod.sasac.gov.cn/folder21/folder24/2023-11-20/jLu94FdUcQFqYYj8.html> (Дата обращения: 23.10.2025).

17. Электробусы в Азербайджане: подписаны документы о сотрудничестве с компанией BYD. 02.07.2024. URL: <https://caliber.az/post/elektrobusy-v-azerbajdzhanе-podpisany-dokumenty-o-sotrudnichestve-s-kompaniej-byd> (Дата обращения: 23.10.2025).

18. Подписанные между Азербайджаном и китайскими компаниями документы предусматривают производство 2,4 ГВт зеленой энергии. 23.04.2025. Азербайджанское Государственное Информационное Агентство. URL: https://azertag.az/ru/xeber/podpisannye_mezhdu_azerbaidzhanom_i_kitaiskimi_kompaniya_mi_dokumenty_predusmatrivayut_proizvodstvo_24_gvt_zelenoi_energii-3518915 (Дата обращения: 23.10.2025).

19. China Power Engineering International Co., Ltd. подписала контракт EPC на реализацию проекта по строительству фотоэлектрической станции мощностью 131 МВт в Рустави (中电工程国际公司签约格鲁吉亚Rustavi 131MW 光伏项目EPC TS). 15.11.2024. China International Contractors Association. URL: <https://www.chinca.org/sjtcoc/info/24111514525011> (Дата обращения: 26.10.2025).

20. Компании Hunan Construction Investment Water Resources Co., Ltd. и Zhongxiang Overseas Co., Ltd. подписали контракт на реализацию проекта по строительству ветровой электростанции в Грузии (湖南建投水利携手中湘海外签约格鲁吉亚风电项目). 11.07.2025. China Electrical Equipment Industry Association. URL: <https://www.ceeia.com/HYZL/d/202507/b238603f05f84ed387097ebd0a22d149.html> (Дата обращения: 26.10.2025). ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают институциональные и правовые основания двустороннего сотрудничества КНР с Арменией, Азербайджаном и Грузией в секторе возобновляемых источников энергии (далее «ВИЭ») в рамках инициативы «Пояс и путь» в период с 2013 по 2025 год. Научная актуальность работы обусловлена растущими геополитическими вызовами на Южном Кавказе, глобальными климатическими изменениями и необходимостью перехода к чистым источникам энергии, что усиливает роль международного сотрудничества в энергетической безопасности и устойчивом развитии. Кроме того, в условиях глобальной трансформации энергетических систем и климатических изменений изучение механизмов международного сотрудничества в области возобновляемой энергетики позволяет выявить эффективные модели технологического трансфера и институционального взаимодействия между странами с различным уровнем экономического развития. Практическая значимость исследования заключается в предоставлении рекомендаций для углубления дифференцированного сотрудничества между Китаем и странами Южного Кавказа, способствуя реализации совместных проектов в ВИЭ, оптимизации энергетических структур и укреплению экономической диверсификации в регионе. Результаты исследования могут быть использованы при формировании внешнеэкономической политики стран-участниц инициативы «Пояс и путь», а также при разработке стратегий энергетической трансформации и привлечения иностранных инвестиций в сектор ВИЭ для государств постсоветского пространства. К сожалению, сам автор ничего не говорит об использованной методологии, и этот факт не может не сказаться негативно на общей оценке статьи. Но из контекста можно понять, что в процессе работы применялся сравнительно-правовой метод для анализа национального законодательства и стратегических документов в области возобновляемой энергетики четырех государств. Исследование опиралось на метод институционального анализа, позволяющий выявить механизмы формирования политико-правовых рамок энергетического сотрудничества. Эмпирическую основу работы составило изучение конкретных инфраструктурных проектов и двусторонних соглашений, подписанных в период с 2014 по 2025 год, что позволило проследить эволюцию моделей сотрудничества. Использовался также дескриптивный подход для систематизации информации о национальных энергетических стратегиях и хронологии двусторонних отношений. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о выявленных трех дифференцированных моделях сотрудничества КНР со странами Южного Кавказа в секторе ВИЭ: проектно-демонстрационная модель с Арменией (фокус на крупномасштабных фотоэнергетических объектах с технологическим демонстрационным эффектом), системная модель с Азербайджаном (от демонстрационных проектов к локализации производства электротранспорта на базе ВИЭ), институционально-инфраструктурная модель с Грузией (адаптация законодательства к стандартам ЕС при реализации гидро- и ветроэнергетических проектов). Кроме того, в процессе работы описана эволюция институциональной структуры энергетической политики КНР в период 2014–2025 годов от формирования стратегии «четыре революции и одно сотрудничество» к созданию политической структуры «1+N» для достижения углеродной нейтральности, что определило экспортные возможности китайских технологий ВИЭ на рынки стран Южного Кавказа. Выявлены институциональные различия в реализации проектов ВИЭ между Китаем и тремя странами Южного Кавказа, что позволило определить дифференцированные модели сотрудничества. Установлено, что энергетическое партнерство Китая со странами региона выходит за рамки инфраструктурных проектов и формирует основу для новой

модели «зеленой дипломатии» Пекина. Наконец, по результатам исследования определена зависимость интенсивности и характера энергетического сотрудничества стран Южного Кавказа с КНР от национальных особенностей энергетических систем: развитая атомная энергетика в Армении определяет фокус на демонстрационные проекты солнечной энергетики, стратегия энергетической диверсификации Азербайджана обуславливает системное взаимодействие с локализацией производства, географическое положение Грузии на транскаспийском маршруте стимулирует инфраструктурные проекты гидро- и ветроэнергетики. В структурном плане рецензируемая работа производит нейтральное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. Однако оформление заголовков текста нуждается в исправлении: после заголовка не ставят точку. Кроме того, раздел с заголовком длиной более двадцати слов, который разбит на подразделы с подзаголовками из одного слова стилистически выглядит несколько неряшливо. Автору стоит продумать этот момент при доработке статьи. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность исследования, представлен глобальный контекст энергетической трансформации в условиях климатических изменений и описываются достижения Китая в развитии возобновляемой энергетики как основу для международного сотрудничества, но полностью отсутствует описание и аргументация теоретико-методологической базы исследования, его предмета, объекта, целей и задач и других атрибутов научной статьи; - «Политико-правовые основания развития возобновляемых источников энергии», где анализируется формирование институциональной базы развития сектора ВИЭ в КНР с 2012 по 2022 год, демонстрируется эволюция от стратегии «четыре революции и одно сотрудничество» к политической структуре «1+N» для достижения углеродной нейтральности; в этом разделе содержится два подраздела «Национальные стратегии» (где детально описывается хронология и содержание ключевых стратегических документов КНР) и «Национальное законодательство» (где рассматривается правовая база развития сектора ВИЭ в Китае); - «Политико-правовые основания стран Южного Кавказа и обзор сотрудничества между КНР и странами Закавказья в области возобновляемых источников энергии (2015–2025)», где систематизируются национальные стратегии и законодательство трех государств региона в сфере ВИЭ (Армении, Азербайджана и Грузии, анализу каждой из которых посвящен отдельный подраздел), а также анализируются конкретные проекты и двусторонние соглашения с Китаем; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, систематизируются три выявленные дифференцированные модели сотрудничества КНР со странами Южного Кавказа в секторе ВИЭ, обосновывается их обусловленность национальными особенностями энергетических систем и стратегическими приоритетами каждого государства в контексте реализации инициативы «Пояс и путь». Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. Но в тексте встречается недопустимо большое количество стилистических (например, заголовок статьи, где слово «энергия» стоит во множественном числе; по непонятным причинам автор и в двух подзаголовках текста использует слово «энергия» в выражении «возобновляемые источники энергии» во множественном числе, хотя в тексте данное слово всегда стоит в единственном числе; или тавтологии вроде «обретает значительное практическое значение»; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «...Связь Китая с тремя странами Южного Кавказа (Азербайджан, Армения и Грузия) становится все более интенсивным...», «...Играет ключевую роль в реализацию инициативы "Пояс и путь"», «...Непрерывное расширение области сотрудничества между стран обретает...», «В связи с появлением глобального изменения климата служит серьезным вызовом для всех стран на планете, продвижение перехода от традиционных к чистым, возобновляемым

источникам энергии (ВИЭ) является одним из жизнеспособных вариантов решения этой проблемы»; и др.) погрешностей, что и стало окончательным аргументом для рецензента в пользу решения о необходимости доработки статьи. Библиография насчитывает 20 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу полного отсутствия теоретико-методологической рефлексии. Автору нужно во вводной части работы сформулировать, в чем состоит научная проблема, рассмотреть основные подходы к ее исследованию, определиться с предметом, объектом, целями и задачами статьи, а также четко описать и аргументировать (!) собственный теоретико-методологический выбор. Без перечисленных атрибутов научной статьи судить о степени новизны и достоверности полученных результатов можно лишь условно. Тем не менее, рецензируемая статья имеет несколько положительных качеств, позволяющих оптимистично оценивать ее публикационные перспективы. Прежде всего, следует отметить систематичность и глубину эмпирической базы: автор проводит последовательный анализ конкретных двусторонних соглашений и инфраструктурных проектов с указанием дат подписания, мощностей энергетических объектов и названий участвующих компаний (например, гидроэлектростанция «Хадори» 2001–2006 годов, ветроэнергетический проект «Паравани» мощностью 130 МВт 2025 года, соглашение с BYD о производстве электробусов в Азербайджане). Такая конкретизация позволяет верифицировать представленную информацию и демонстрирует глубину проработки материала. Кроме того, работа интересна концептуализацией дифференцированных моделей сотрудничества: исследование выходит за рамки простого описания двусторонних отношений, предлагая типологию моделей взаимодействия на основе анализа национальных особенностей энергетических систем. Выделение проектно-демонстрационной модели для Армении, системной модели для Азербайджана и институционально-инфраструктурной модели для Грузии позволяет объяснить различия в интенсивности и характере сотрудничества, что представляет самостоятельную аналитическую ценность для понимания механизмов международного технологического трансфера.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, практически полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны специалистам по международным отношениям и внешней политике КНР, изучающих механизмы реализации инициативы «Пояс и путь» в области энергетики. Материал полезен экспертам по энергетической безопасности и возобновляемым источникам энергии, занимающимся анализом трансфера «зеленых» технологий между государствами. Исследование может быть востребовано политологами и регионоведами, специализирующимися на постсоветском пространстве и странах Южного Кавказа, а также представителями государственных структур, ответственными за разработку стратегий энергетического сотрудничества и привлечения иностранных инвестиций в сектор ВИЭ. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». Однако статья нуждается в доработке: в ней слишком много стилистических и грамматических ошибок, отсутствует описание и аргументация теоретико-методологической базы исследования, а также имеются структурные проблемы. После соответствующей доработки статью можно будет рекомендовать к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает эволюция двусторонних отношений Китая с Арменией, Азербайджаном и Грузией в сфере возобновляемой энергетики в контексте реализации конкретных инфраструктурных проектов и подписания межгосударственных соглашений в период 2013–2025 годов. Научная актуальность работы обусловлена необходимостью анализа международного энергетического сотрудничества в условиях глобальных климатических изменений, геополитических вызовов на Южном Кавказе и перехода к устойчивым энергетическим системам, что позволяет выявить эффективные модели технологического трансфера между странами с разным уровнем развития. Статья раскрывает механизмы энергетического перехода в условиях глобальных климатических изменений и геополитических трансформаций на Южном Кавказе, где пересекаются интересы крупных международных игроков и формируются новые модели технологического сотрудничества между развивающимися экономиками. Практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций для оптимизации совместных проектов в сфере возобновляемых источников энергии (далее «ВИЭ»), укрепления энергетической безопасности региона и диверсификации экономик стран Южного Кавказа через интеграцию китайских технологий и инвестиций. Результаты исследования позволяют выработать конкретные программы для оптимизации форм энергетического сотрудничества с учетом специфики энергетических систем и экономических приоритетов каждой из трех стран региона, что способствует повышению эффективности инвестиций в инфраструктурные проекты возобновляемой энергетики. В процессе работы автор применил сравнительно-правовой метод для анализа национального законодательства Китая, Армении, Азербайджана и Грузии в сфере возобновляемой энергетики, что позволило выявить различия в институциональных подходах к регулированию сектора ВИЭ. Использовался также метод институционального анализа для изучения механизмов формирования политико-правовых рамок энергетического сотрудничества, включая анализ стратегических документов и двусторонних соглашений. Эмпирическую основу работы составил дескриптивный анализ конкретных инфраструктурных проектов, реализованных в период с 2014 по 2025 год, что обеспечило фактологическую базу для выявления дифференцированных моделей сотрудничества. В рамках хронологического подхода прослеживалась эволюция взаимодействия от отдельных проектов к системному партнерству в каждой из трех стран региона. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, была выявлена дифференциация моделей энергетического сотрудничества Китая со странами Южного Кавказа: для Армении характерна стратегия крупных демонстрационных проектов с технологическим эффектом, для Азербайджана – системная интеграция технологий ВИЭ с локализацией производства, для Грузии – институциональная адаптация законодательства к европейским стандартам при фокусе на гидроэнергетических проектах. Тем самым было показано, что сотрудничество Китая со странами Южного Кавказа имеет дифференцированную институциональную структуру, где каждая страна формирует собственную модель взаимодействия. Выявлено, что проекты ВИЭ становятся инструментом более широкого политико-экономического сближения с Китаем, что

отражено в подписании стратегических партнерств и включает не только энергообъекты, но и транспорт, локализацию технологий, модернизацию сетей и развитие «зеленых коридоров». Кроме того, в процессе работы было установлено, что трансформация энергетического сотрудничества Китая с государствами Южного Кавказа происходит не линейно, а через качественные переходы, обусловленные внешними триггерами (как проведение COP29 в Азербайджане в 2024 году), что приводит к резкому масштабированию проектов и изменению их характера от инфраструктурных к технологическим. Наконец, по результатам исследования продемонстрировано, что в рамках инициативы «Пояс и путь» сотрудничество в сфере ВИЭ становится инструментом экономической диверсификации для стран Южного Кавказа, позволяя им трансформировать традиционные энергетические структуры и интегрироваться в глобальные цепочки производства оборудования для возобновляемой энергетики. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где представлен контекст глобального энергетического перехода, обосновывается выбор темы исследования, формулируются его предмет, актуальность, практическая значимость и методология; - «Эволюция политических основ Китая и стран Южного Кавказа в сфере возобновляемых источников энергии», где описывается формирование китайской энергетической стратегии с 2014 года, включая концепцию «четыре революции и одно сотрудничество», политическую структуру «1+N» для достижения углеродной нейтральности, а также анализируются национальные стратегии развития ВИЭ в Армении, Азербайджане и Грузии с учетом их специфических природных ресурсов и институциональных рамок; - «Взаимодействия Китая и стран Южного Кавказа в сфере возобновляемых источников энергии», где последовательно раскрывается специфика сотрудничества Китая с каждой из трех стран региона (в подразделе об Армении рассматривается реализация крупных фотоэлектрических проектов, включая станцию в Масрике мощностью 200 МВт, и подписание стратегических документов, закрепляющих ВИЭ как приоритетную область двустороннего взаимодействия; в подразделе о сотрудничестве Китая с Азербайджаном анализируется наиболее системное взаимодействие, включающее строительство фотоэлектрической станции Гобустан, подписание шести соглашений в 2025 году, развитие производства электромобилей на основе ВИЭ и формирование модели, где Китай экспортирует технологии, а Азербайджан интегрирует крупномасштабную инфраструктуру; в подразделе о сотрудничестве Китая с Грузией освещается исторический опыт совместных гидроэнергетических проектов (начиная с ГЭС «Хадори» 2001–2006 годов), современные проекты в солнечной и ветровой энергетике, а также институциональные реформы Грузии по адаптации законодательства к стандартам ЕС); - «Заключение», где обобщаются результаты исследования, подчеркивается формирование в Китае политической структуры «1+N» для развития ВИЭ, резюмируются различия в подходах трех стран Южного Кавказа к энергетической трансформации и выявленные дифференцированные модели двустороннего сотрудничества каждой из этих стран с Китаем в контексте инициативы «Пояс и путь». Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических и грамматических погрешностей (например, небыстроточные с точки зрения стиля выражения «Национальное законодательство в сфере ВИЭ Китая также развивается по поводу ["в соответствии"? – рец.] эволюции...», «И исследование опиралось [союз "и" избыточен – рец.] на метод институционального анализа...»; или пропущенная запятая в предложении «Следовательно правительство разработало среднесрочную и долгосрочную стратегию...»; или несогласованное предложение «В рамках инициативы "Пояс и путь" Китай и Азербайджан достигнуты

консенсуса о сотрудничестве в секторе ВИЭ...»; и др.), но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 20 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части работы. В числе положительных качеств рецензируемой статьи, позволяющих рекомендовать ее к публикации, можно отметить эмпирическую основательность и концептуальную систематичность. Выводы автора опираются на анализ конкретных проектов с указанием технических параметров (установленная мощность в мегаваттах), точных дат подписания соглашений и названий участвующих компаний, что обеспечивает верифицируемость исследования. Например, детально описаны фотоэлектрическая станция в Масрике мощностью 200 МВт в Армении, фотоэлектрическая станция Гобустан в Азербайджане, ветроэнергетический проект «Паравани» мощностью 130 МВт в Грузии, что позволяет читателю оценить масштабы и характер сотрудничества. Кроме того, автор последовательно прослеживает эволюцию энергетического сотрудничества от первых проектов начала 2000-х годов (ГЭС «Хадори» в Грузии, 2001–2006) до современных соглашений 2025 года, что дает возможность увидеть динамику трансформации взаимодействия от единичных инфраструктурных проектов к системному стратегическому партнерству. Такой подход позволяет выявить качественные изменения в характере сотрудничества и определить ключевые поворотные моменты в двусторонних отношениях.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для исследователей международных отношений и энергетической политики, специализирующихся на регионе Южного Кавказа и китайской внешнеэкономической стратегии. Материал будет полезен специалистам по возобновляемой энергетике, изучающим модели технологического трансфера между странами с различным уровнем развития. Работа адресована также аналитикам, занимающимся оценкой реализации инициативы «Пояс и путь» в энергетическом секторе, и экспертам по институциональному развитию энергетических систем постсоветских государств. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Мадрис Рито С. Латиноамериканская «мягкая сила» в действии: Бразилия и Чили как столпы МООНСГ (2004–2017) // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76924 EDN: EEPVPW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76924

Латиноамериканская «мягкая сила» в действии: Бразилия и Чили как столпы МООНСГ (2004–2017)

Мадрис Рито Селене Андресна

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

108809, Россия, г. Москва, р-н Внуково, ул. Аэростатная, д. 14 к. 2

✉ celenea.10@gmail.com

[Статья из рубрики "Актуальные проблемы и направления развития современной конфликтологии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76924

EDN:

EEPVPW

Дата направления статьи в редакцию:

20-11-2025

Дата публикации:

27-11-2025

Аннотация: В статье рассматривается латиноамериканская «мягкая сила» в Гаити в период деятельности Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации (МООНСГ) в 2004–2017 гг. как совокупность политико-дипломатических, гуманитарных, полицейских и инфраструктурных практик, посредством которых Бразилия и Чили выступали главными региональными опорами миссии, одновременно формируя собственные модели международного влияния в пространстве сотрудничества Юг–Юг. Предметом анализа являются формы указанного влияния, их институциональная связь с мандатом МООНСГ и их воздействие на легитимацию миссии внутри гаитянского общества и в международной среде. Научная новизна состоит в реконструкции МООНСГ как институциональной площадки, где «мягкая сила» Бразилии и Чили развивалась не параллельно миротворчеству, а внутри него, опираясь на военно-полицейские и

гражданские компоненты миссии. Показано, что Бразилия использовала статус ведущей страны военного компонента для расширения дипломатического авторитета и проектов сотрудничества, тогда как Чили закреплялась через инженерно-гуманитарные функции и локальную инфраструктурную поддержку. Делается вывод о том, что латиноамериканское лидерство в МООНСГ задавало специфический региональный профиль миссии, посредством которого сочетались задачи безопасности и практики международной легитимации, однако пределы «мягкой силы» проявлялись в кризисах доверия после 2010 г. и в неоднозначном восприятии миссии гаитянским обществом. В исследовании применялись анализ документов, количественные методы, статистический анализ и сравнительное изучение полученных данных. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что латиноамериканское лидерство в МООНСГ задавало специфический региональный профиль миссии, в котором сочетались задачи безопасности и практики международной легитимации. «Мягкая сила» Бразилии и Чили была институционально встроена в миротворческие процедуры и развивалась через них, а не параллельно им. Завершение МООНСГ и переход к последующей миссии по поддержке правосудия подтвердили преемственность этой связи, сохранив каналы внешнего влияния в менее военизированных формах. Таким образом, гаитянский опыт демонстрирует, что в длительных операциях по стабилизации силовое и «мягкое» измерения миротворчества взаимно обусловлены, а устойчивость внешнего влияния определяется не только ресурсами, но и степенью доверия принимающего общества.

Ключевые слова:

Гаити, МООНСГ, Бразилия, Чили, мягкая сила, миротворчество, ООН, публичная дипломатия, гражданская безопасность, Латинская Америка

Латиноамериканская «мягкая сила» в действии в гаитянском случае 2004–2017 гг. подлежит рассмотрению как специфическая форма международного влияния, совмещающая миротворческое участие, публичную дипломатию и практики сотрудничества Юг–Юг. Принято считать, что операции ООН в постконфликтных странах ограничиваются рамками безопасности и политического сопровождения, а экономические и символические эффекты принимаются как вторичные. Однако анализ практик МООНСГ показывает, что длительный мандат, многокомпонентная организация и участие региональных держав создавали устойчивые каналы не только силового регулирования, но и формирования благоприятного образа, расширения гуманитарного присутствия и закрепления латиноамериканских государств в качестве значимых внешних партнеров Гаити. В результате данная миссия может быть интерпретирована как среда, в которой «мягкая сила» не противопоставлялась военному компоненту, а развивалась в тесной связи с ним [\[1\]](#).

Предмет исследования составляет соотношение политико-военной роли Бразилии и Чили в МООНСГ и тех форм «мягкого» влияния, которые были ими развернуты в гаитянском обществе и институтах. Методологически работа опирается на сравнительно-исторический и институциональный подходы политического анализа, позволяющие реконструировать взаимосвязь между мандатными установлениями, практиками их исполнения и внешнеполитическими целями участников миссии. Д. Г. Балув подчеркивал, что политический анализ требует учета не только формальных норм, но и реальных механизмов распределения полномочий и ресурсов, поддерживающих эти нормы в конкретной среде [\[2\]](#). В рассматриваемом случае данный тезис позволяет

соединить нормативное измерение мандата МООНСГ с фактическими практиками латиноамериканских контингентов.

К настоящему времени имеется достаточно данных, свидетельствующих, что формирование МООНСГ было обусловлено кризисом государственности Гаити начала 2004 г., сопровождавшимся вооруженными выступлениями и утратой национальной администрацией контроля над значительной частью территории. В резолюции 1529 Совета Безопасности было санкционировано развертывание многонациональных временных сил, а резолюция 1542 учредила МООНСГ с расширенным мандатом по стабилизации [\[12; 13\]](#). В промежуточном докладе Генерального секретаря от 30 августа 2004 г. закреплялась необходимость создания безопасной среды, поддержки политического процесса, реформы полиции и содействия правам человека [\[11\]](#). Согласно справочной информации ООН, миссия включала военный компонент численностью до 6700 военнослужащих и полицейский компонент до 1622 сотрудников при развитой гражданской структуре по вопросам гуманитарной помощи, управления и развития [\[9; 10\]](#). Х. Вальдес указывал, что переход к МООНСГ означал институциональное смещение от прежних форм «поддержки» к режиму «стабилизации», то есть к более широкому вмешательству в восстановление управленческих функций государства [\[3\]](#). При таком устройстве миссия рассматривалась не как временная силовая мера, а как центральный координационный контур постконфликтного восстановления.

Важным контекстом выступает предыстория аристидовского периода. З. Гонсалес Райнерио трактовал кризис власти Жан-Бертрана Аристида как проявление структурной слабости политических институтов и высокой зависимости от внешних доноров, что сделало страну уязвимой для рецидива насилия [\[4\]](#). Э. Серрано Кабальеро развивал мысль о том, что гаитянские операции 1990-х – начала 2000-х гг. были последовательными попытками международного управления нестабильностью при постоянном риске срыва демократизации [\[16\]](#). Поэтому в 2004 г. для Совета Безопасности приоритетом стало предотвращение новой волны вооруженного конфликта и поддержка переходного режима через долговременную миссию.

Существуют основания согласиться с позицией М. Калдор, согласно которой гражданская безопасность в глобализованном мире становится зоной совместного регулирования, где силовые меры неизбежно сопрягаются с социально-экономическими и институциональными программами, ориентированными на создание устойчивой легитимности [\[6\]](#). В МООНСГ эта логика получала прямое выражение: безопасность понималась не как самоцель, а как условие для восстановления государственного управления, проведения выборов и создания инфраструктуры правопорядка [\[5; 11\]](#). А. С. Мелькин отмечал, что в постконфликтных государствах миростроительство ООН обретает комплексный правовой характер, в котором политические, гуманитарные и полицейские компоненты служат единому восстановительному замыслу [\[7\]](#). В результате мандат МООНСГ формировал институциональную среду, благоприятную для «мягкого» влияния участников миссии.

Особое место в миссии заняли латиноамериканские контингенты, прежде всего Бразилия и Чили. По данным ООН, лидерство в военном компоненте было передано Бразилии, что обеспечивало ей непосредственное участие в оперативном управлении и политическом представительстве миссии, тогда как Чили являлась одним из ключевых региональных участников, размещенных преимущественно за пределами столицы в районах северной

ответственности [9; 10]. П. Триподи аргументировал, что бразильская вовлеченность в Гаити должна пониматься как средство демонстрации региональной ответственности и укрепления международного статуса страны в рамках коллективной безопасности [19]. В интерпретации Б. Малакальсы латиноамериканское участие в миссии развивалось как часть проекта сотрудничества Юг–Юг, где миротворчество выступало политическим и символическим каналом укрепления взаимной легитимности государств региона на глобальной арене [21]. Эти соображения позволяют рассматривать бразильскую и чилийскую линии как элементы общей стратегии «мягкой силы», дополнявшие их силовое присутствие.

Для раскрытия содержания «мягкой силы» в миротворческом контексте представляется важным привлечение положений теории публичной дипломатии. Р. С. Захарна подчеркивала, что устойчивое международное влияние формируется через сочетание информационных и реляционных коммуникаций, где решающими становятся длительность контактов, доверие и воспринимаемая полезность внешнего участника [23]. В условиях МООНСГ эти параметры обеспечивались самой миссией, поскольку ее долговременность и многокомпонентность позволяли странам-контрибьюторам включаться в повседневные социальные практики, образовательные и гуманитарные программы, а также в коммуникацию с местными элитами. Таким образом, сила воздействия проявлялась не только через официальные заявления, но и через мелкие, но регулярные институциональные связи.

В отечественной литературе о символических аспектах международного участия ООН обращается внимание на роль «неклассических» представителей и коммуникативных посредников. А. Я. Баланык показывал, что деятельность посланников мира и иных публичных фигур ООН способствует укреплению доверия к миссии и формирует объекты символической поддержки, которые затем транслируются в национальные и международные медийные контуры [1]. Хотя в гаитянском материале акцент ставился на контингентах и институтах, аналогичная логика распространялась на латиноамериканское участие в целом: присутствие Бразилии и Чили создавало для них канал коллективной легитимации как государств, способных осуществлять не только военное, но и гуманитарно-управленческое сопровождение.

Бразильская линия в миссии характеризовалась сочетанием военного лидерства и активного участия в гражданских программах. В докладах Генерального секретаря подчеркивалось, что успех миссии связывался с реформой Гаитянской национальной полиции, восстановлением правосудия и поддержанием общественного порядка при одновременном развитии гуманитарных мер [5; 11]. Бразильское командование, руководя военным компонентом, получало прямой доступ к оценке рисков, планированию развертывания и взаимодействию с гражданской администрацией миссии, что усиливало ее способность формировать повседневную безопасность на местах и обеспечивать условия для гуманитарных инициатив. По утверждению С. А. Тишкова, МООНСГ постепенно выработала современную парадигму многокомпонентного миротворчества, в которой силовая и гражданская деятельности взаимно поддерживали друг друга [17]. Такая парадигма была особенно заметна в бразильских практиках, поскольку их инициативы в сфере безопасности сопровождались медицинскими, образовательными и инфраструктурными действиями, направленными на формирование устойчивого контактного поля с населением.

Чилийская линия имела меньший масштаб по численности и финансированию, однако

отличалась отраслевой определенностью и устойчивой ориентацией на инженерно-гуманитарные практики. Справочные сведения ООН о разворачивании МООНСГ фиксировали, что чилийские подразделения выполняли функции, связанные с обеспечением коммуникаций, инженерным сопровождением и поддержанием зон ответственности вне столицы [\[9; 10\]](#). В результате формировалась сеть взаимодействий с местными администрациями и общинами, где присутствие чилийцев воспринималось через практическую полезность и регулярность контактов. Э. Варрей, реконструируя эволюцию миссий ООН в Гаити, отмечал последовательное усиление гражданского компонента после 2004 г., что расширяло сферу гуманитарных и инфраструктурных программ независимо от состава военного контингента [\[22\]](#). В таких условиях инженерная и гуманитарная специализация Чили становилась важным ресурсом «мягкого» влияния, поскольку обеспечивала видимые результаты в конкретных секторах повседневной жизни.

Наличие противоположных точек зрения на природу латиноамериканского участия в Гаити отражено в литературе. Одни исследователи исходят из того, что Бразилия и Чили действовали главным образом из политических мотивов, стремясь подтвердить приверженность коллективной безопасности, а также укрепить кооперацию Юг–Юг, при этом не ставя самостоятельных задач по формированию устойчивого «мягкого» присутствия. Такая позиция опирается на мандатные установки, где приоритетом выступали безопасность, выборы, полиция и права человека [\[5; 11\]](#). Другие авторы полагают, что длительная миссия неизбежно создавала для ведущих участников устойчивые репутационные и институциональные преимущества, выражавшиеся в расширении культурных, гуманитарных и образовательных связей, что и является сущностью «мягкой силы». По мнению Б. Малакальсы, латиноамериканские государства использовали гаитянский опыт как площадку для демонстрации альтернативной, «южной» модели международной солидарности, где помощь развитию напрямую связывалась с политической репутацией [\[21\]](#). На наш взгляд, вряд ли следует отрицать тот факт, что обе логики сосуществовали и дополняли друг друга, поскольку официальные цели миссии не исключали того, что репутационные и коммуникативные эффекты накапливались структурно, как результат длительного присутствия.

Крупным фактором изменения контекста миссии стали события 2010 г., которые целесообразно рассматривать не как эпизод, внешне прервавший миротворческий процесс, а как структурный поворот, изменивший параметры его функционирования и распределение внутримиссионных приоритетов. Землетрясение 12 января 2010 г. разрушило значительную часть административной и коммунальной инфраструктуры Гаити, вызвало гибель большого числа гражданских лиц и одновременно повлекло потери среди персонала ООН, поскольку штабные и гражданские подразделения дислоцировались в пространстве наиболее сильного воздействия толчков. Сказанное подтверждается тем, что уже в первые недели после катастрофы была зафиксирована необходимость немедленной корректировки мандата и численности миссии, так как прежние ресурсные и организационные параметры МООНСГ перестали соответствовать масштабу гуманитарного и институционального кризиса. В резолюции 1908 Совета Безопасности было санкционировано увеличение численности военного и полицейского компонентов для поддержки срочного восстановления, обеспечения общественного порядка и защиты гражданского населения [\[14\]](#). При этом сама формула резолюции исходила из презумпции неразрывности задач безопасности и реконструкции, что позволяет согласиться с подходом, в рамках которого чрезвычайная ситуация не отделяется от миротворческой логики, а переопределяет ее содержательные акценты.

В докладе Генерального секретаря, подготовленном для оценки динамики миссии, подчеркивалось, что стабилизация после землетрясения должна опираться на одновременное восстановление полицейских, судебных и муниципальных механизмов, без чего невозможно удержание минимального правопорядка и поддержание доверия граждан [\[5\]](#). Резолюция 1944, продлевавшая миссию в октябре того же года, закрепляла продолжение восстановительных функций при сохранении акцента на реформе полиции и правосудия, тем самым создавая длительную институциональную рамку внешнего сопровождения в социальной и управленческой сферах [\[15\]](#).

В такой конфигурации хозяйственная и гуманитарная деятельность миссии становилась не вспомогательным направлением, а необходимым условием самой стабилизации, поскольку без восстановления базовых институтов и городской инфраструктуры поддержание порядка оставалось бы фактически невыполнимым, а ресурсы силового компонента неизбежно оказывались бы распылены на задачи, не входившие в исходные границы мандата. Как отмечал С. А. Тишков, после землетрясения МООНСГ окончательно утвердилась в качестве центрального координационного узла восстановления, что сопровождалось ростом значимости гражданских подразделений и расширением их участия в планировании программ занятости, размещения перемещенных лиц и реконструкции социальной среды [\[18\]](#).

Следовательно, чрезвычайная ситуация не только увеличила масштаб международного присутствия, но и изменила внутреннюю архитектуру миссии, усилив зависимость ее успеха от управленческих, гуманитарных и инфраструктурных решений. В результате миссия была вынуждена действовать в условиях, когда безопасность стала интерпретироваться через призму восстановления жизненно нужных функций государства и общества, а эффективность миротворчества определялась уже не только способностью пресекать насилие, но и способностью содействовать возобновлению нормальной социальной и административной жизни в посткатастрофической среде.

Следует отметить, что после землетрясения возросла роль гражданского и координационного аппарата МООНСГ, поскольку именно через него проходили основные потоки международной помощи, оценки потребностей и распределение задач между донорами и национальными ведомствами. С. А. Тишков подчеркивал, что в ходе развития гаитянской миссии ее многокомпонентный характер усиливался, а после 2010 г. МООНСГ окончательно закрепились как ведущий координационный узел восстановления, фактически совмещая функции охраны безопасности, консультирования органов власти и управления гуманитарным полем [\[18\]](#). Тем самым было институционально усилено то обстоятельство, что миротворческая структура стала посредником между внешним ресурсом и внутренним развитием, что в ряде аспектов объективно увеличивало зависимость страны от международной среды. Однако одновременно расширялись и каналы для «мягкой силы» латиноамериканских государств, прежде всего Бразилии и Чили, поскольку масштаб восстановительных задач требовал постоянного присутствия на местах, регулярных контактов с населением и включенности в национальные программы. В силу ранее сформированных зон ответственности и инженерных, медицинских и полицейских функций латиноамериканские контингенты оказались среди тех участников, чьи практики были наиболее заметны для общества. По данным справочных материалов ООН, именно такие компоненты, как инженерное сопровождение, патрульная поддержка полиции и гуманитарные проекты в общинах, получили усиление в постземлетрясенный период, поскольку без них не могла быть обеспечена минимальная управляемость территории [\[9; 10\]](#). В результате «мягкая сила» Бразилии и Чили стала опираться не на

декларативное присутствие, а на нарастающий опыт практического взаимодействия, что соответствовало логике реляционных коммуникаций, акцентированной в трактовке Р. С. Захарны [\[23\]](#). При этом, как представляется, рост символического и гуманитарного влияния происходил не в отрыве от военного мандата, а через него, поскольку обеспечение безопасности логистики, охрана распределительных узлов и поддержка полиции создавали возможность для реализации медицинских и инфраструктурных инициатив.

Вместе с тем расширение гуманитарной деятельности неизбежно усиливало требования к легитимности миссии и к ее общественному восприятию. В критике МООНСГ со стороны гаитянского общества со временем концентрировались обвинения в нарушениях прав человека, в недостаточной прозрачности процедур и в том, что международное присутствие стало восприниматься как внешний регулятор внутренних процессов. Следует иметь в виду, что в условиях постземлетрясенной реконструкции такие подозрения усиливались, поскольку многие ключевые решения принимались в координационных форматах миссии и донорских структур, а национальные институты оставались ослабленными и часто не обладали достаточным ресурсом для самостоятельного управления восстановлением. Х. Вальдес указывал, что недостаточная встроенность миссии в ожидания местных общин, слабая артикуляция мандатных целей в общественном пространстве и дефицит доверия к внешним акторам подрывали устойчивость международной стабилизации, даже если она сопровождалась очевидными инфраструктурными и гуманитарными результатами [\[3\]](#). В данном выводе содержится ключевое указание на то, что «мягкая сила» в миротворческом контексте не может быть сведена к сумме проектов или числу выделенных средств, поскольку ее эффективность определяется тем, признается ли внешнее участие легитимным и соразмерным общественным потребностям.

По оценке С. А. Тишкова, снижение насилия и профессионализация полиции, которые фиксировались как центральные достижения МООНСГ, не сопровождалось пропорциональным ростом общественного доверия к миссии, что выявляло трудность превращения силовой стабилизации в долговременную социальную опору [\[18\]](#). Следовательно, «мягкая сила» латиноамериканских стран должна рассматриваться не как безусловный успех, а как процесс, в котором положительные гуманитарные эффекты сосуществовали с нарастающей чувствительностью населения к любым формам внешнего управления. Сказанное позволяет согласиться с тем, что миссия, будучи вынужденной расширить функции, одновременно стала уязвимее в репутационном отношении, поскольку каждое отклонение от ожидаемых норм поведения интерпретировалось обществом в масштабе всей операции.

К завершению миссии в 2017 г. был накоплен значительный массив практик, связывающих безопасность и гуманитарно-управленческое влияние, что требует трактовки ее финального этапа как институционального перехода, а не как простого завершения международного вмешательства. По данным ООН, сворачивание МООНСГ и учреждение Миссии по поддержке правосудия в Гаити означали признание необходимости сокращения военной составляющей при сохранении внешней помощи в развитии полиции, правосудия и пенитенциарной системы [\[8\]](#). Тем самым было подтверждено, что основная стабилизационная задача рассматривалась как выполненная в первичных параметрах, тогда как институциональные последствия кризиса, а также социально-экономические уязвимости требовали иной формы международного сопровождения. Э. Варрей, реконструируя эволюцию гаитянских операций ООН, отмечал, что преемственность миссий заключалась в сохранении

координационных и консультативных механизмов, даже при формальной смене мандатов, что поддерживало долгосрочные каналы внешней вовлеченности [\[22\]](#). Следовательно, завершение МООНСГ не устранило тех коммуникативных, гуманитарных и управленческих связей, которые были сформированы Бразилией и Чили на протяжении 2004–2017 гг., а лишь переводило их в менее военизированные формы присутствия, опирающиеся на прежние институты и социальные контакты. В этом отношении постмировотворственный период правильнее понимать как продолжение той же логики «связки безопасности и развития», но в более узком и специализированном формате, что соответствует общему направлению эволюции многокомпонентных миссий, ранее описанному С. А. Тишковым [\[17\]](#).

Таким образом, проведенный анализ позволяет трактовать латиноамериканскую «мягкую силу» в Гаити как институционально поддержанный результат миротворческой архитектуры МООНСГ, в которой чрезвычайные события 2010 г. сыграли роль катализатора и одновременно фактора напряжения. Бразилия, обладая лидерством в военном компоненте, в большей степени использовала миссию для формирования статуса ответственного регионального центра безопасности и развития, а гуманитарные и управленческие действия выступали продолжением этой линии, закрепленной и в политике сотрудничества Юг–Юг [\[19; 21\]](#). Чили, действуя в более ограниченных масштабах, обеспечивала устойчивость своего влияния через инженерные и гуманитарные практики, формируя контакт с населением на уровне повседневной полезности, что усиливалось ростом гражданского компонента миссии после землетрясения [\[9; 10; 22\]](#). Землетрясение 2010 г. усилило значение обеих стратегий, поскольку расширение миссии и увеличение донорских потоков объективно расширяли поле гуманитарной деятельности и внешней координации, однако одновременно обнажили пределы легитимности внешнего управления, от которого зависела воспринимаемая эффективность «мягкой силы» [\[14; 18\]](#). В результате МООНСГ следует понимать как пример того, что долгосрочные миссии с государственно-строительным мандатом производят не только стабилизационные, но и символические эффекты, создавая участникам условия для развития публичной дипломатии и укрепления сотрудничества Юг–Юг в конкретной национальной среде [\[6; 7; 23\]](#). В заключение отметим, что гаитянский опыт 2004–2017 гг. демонстрирует взаимную обусловленность силового и «мягкого» измерений миротворчества, при которой устойчивость внешнего влияния определяется не только ресурсами контингента и объемом проектов, но и степенью доверия принимающего общества, что должно учитываться при анализе последующих форм международного участия в Гаити.

По результатам проведенного исследования было установлено, что латиноамериканское присутствие в Гаити в период МООНСГ формировалось как устойчивое соединение силовой стабилизации и символическо-гуманитарного влияния. Миссионная архитектура, изначально нацеленная на восстановление безопасности и государственных институтов, объективно создавала условия для длительного контакта внешних участников с населением и национальной администрацией, вследствие чего «мягкая сила» развивалась не как побочный эффект, а как функциональный элемент поддержания порядка и управляемости.

Было показано, что различие масштабов участия Бразилии и Чили не отменяло общности логики их действий: в обоих случаях публичная дипломатия, гуманитарные и инженерные практики опирались на институциональные ресурсы миссии и укрепляли внешнее влияние через повседневное присутствие и практическую полезность для

общин. События 2010 г. усилили данную тенденцию, поскольку расширение восстановительных задач потребовало увеличения гражданских функций и интенсивности взаимодействий с местными структурами, что повысило значимость доверия и коммуникации при сохранении опоры на безопасность.

Одновременно выявились пределы легитимности внешнего участия: общественное восприятие миссии зависело не только от результатов в сфере правопорядка, но и от степени согласованности международных практик с социальными ожиданиями, а также от способности участников открыто разъяснять цели и границы мандата. Завершение МООНСГ и переход к последующей миссии по поддержке правосудия подтвердили преемственность данной связки, поскольку военная составляющая была сокращена, но внешние консультативные и гуманитарные механизмы сохранились, обеспечив продолжение латиноамериканского влияния в менее военизированных формах. Тем самым гаитянский опыт позволяет трактовать длительные операции с государственно-строительным назначением как режимы, где устойчивость стабилизации и устойчивость «мягкой силы» взаимно обусловлены и опираются на единое институциональное основание.

Библиография

1. Баланык А.Я. Неклассические посланцы мира ООН в пиаризации международных отношений // Вестник международных отношений. 2016. № 4. С. 113-117.
2. Балуев Д.Г. Введение в политический анализ. Нижний Новгород : ИНГУ, 2000. 556 с.
3. Вальдес Х. МООНСГ и восстановление гаитянского государства. Международные исследования, 2008. Т. 159. С. 129-142. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.revistaei.uchile.cl/index.php/REI/статья/файл_просмотра/13924/14215 (дата обращения: 07.12.2024).
4. Гонсалес Райнерио З. Гаити в эпоху Жана-Бертрана Аристида // Романские исследования. 2016. № 32. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journals.openedition.org/etudesromanes/5186> (дата обращения: 07.12.2024).
5. Доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити, 23 июня 2005 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.un.org/es/S/2005/411> (дата обращения: 07.12.2024).
6. Калдор М. Власть и принуждение: гражданская безопасность в глобализированном мире. Издательство "Тускетс Паблишерс", 2010.
7. Мелькин А.С. Международно-правовые проблемы миростроительства ООН в постконфликтных государствах. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 19. EDN: SUZTQL.
8. Миссия Организации Объединенных Наций по поддержке сектора правосудия в Гаити: МООНППГ – фактологический бюллетень. URL: www.peacekeeping.un.org/ru/mission/minujsth (дата обращения: 07.12.2024).
9. Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити (МООНСГ) – фактологический бюллетень. URL: www.peacekeeping.un.org/ru/mission/minustah (дата обращения: 07.12.2024).
10. Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити: справочная информация // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/minustah/background.shtml> (дата обращения: 07.12.2024).
11. Промежуточный доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити, 30 августа 2004 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.un.org/es/S/2004/698> (дата обращения: 07.12.2024).

30.08.2004).

12. Резолюция 1529 (2004). URL: www.docs.cntd.ru/document/902134480?ysclid=m4leqss2li504894356 (дата обращения: 07.12.2024).

13. Резолюция 1542 (2004) [об учреждении Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити (МООНСГ)]. URL: www.refworld.org/ru/legal/resolution/unsc/2004/ru/60469 (дата обращения: 07.12.2024).

14. Резолюция 1908 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6261-м заседании 19 января 2010 года. URL: www.refworld.org/ru/legal/resolution/unsc/2010/ru/71721 (дата обращения: 07.12.2024).

15. Резолюция 1944 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6399-м заседании 14 октября 2010 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1944%20\(2010\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1944%20(2010)) (дата обращения: 14.10.2023).

16. Серрано Кабальеро Э. Операции по поддержанию мира на Гаити (1991–2005) // Проблемы редакции. № 16. [Электронный ресурс]. URL: <https://revistas.urosario.edu.co/index.php/desafios/article/view/603/522> (дата обращения: июнь 2007 г.).

17. Тишков С.А. Деятельность многокомпонентных миротворческих миссий ООН: современная парадигма, императивы совершенствования. Дисс. ... канд. полит. наук. Орел, 2011. 222 с. EDN: QFHMLN.

18. Тишков С.А. Опыт и уроки миссии ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ) по сокращению насилия и преступности в процессе формирования основ постконфликтного восстановления // Научные ведомости: серия история и политология. 2017. № 15 (264). С. 175-182.

19. Триподи П. Журнал Вооруженные силы и общество. 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.resdal.org/haiti/art-tripodi.pdf> (дата обращения: 06.12.2023).

20. ЭКЛАК, Рэндольф Гилберт. Гаити: экономическая и социальная история. [Электронный ресурс]. URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/ca60c347-03c7-4e29-be5b-0207f186227d/content> (дата обращения: 07.12.2024).

21. Malacalza B. Participants and Agenda of Latin American South-South Cooperation in Haiti // In: T. Ojeda, E. Echart (Eds.). South-South Cooperation in Latin America and the Caribbean. CLACSO, 2019. P. 129-141.

22. Varrey E. United Nations peacekeeping missions in Haiti (1993–2019). In Statu Nascendi, 2021. Т. 3.

23. Zaharna R.S. Information and Relational Communication Frameworks. In: Routledge handbook of public diplomacy / Ed. by Snow N., Taylor P. Taylor & Francis, 2009. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемой статьи является соотношение военно-политической роли Бразилии и Чили в Миссии ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ) и форм «мягкого» влияния, которые эти страны реализовывали в гаитянском обществе и институтах. Автор фокусируется на специфической форме международного влияния, сочетающей миротворчество, публичную дипломатию и сотрудничество по схеме Юг-Юг. Выбор предмета является точным и релевантным для анализа современных миротворческих

операций, выходящих за рамки чисто силового вмешательства.

Методологическая основа статьи включает сравнительно-исторический и институциональный подходы политического анализа, что позволяет автору реконструировать взаимосвязь между мандатом миссии, практиками его исполнения и внешнеполитическими целями Бразилии и Чили. Автор оправданно апеллирует к тезису Д.Г.Балуева о необходимости учета не только формальных норм, но и реальных механизмов распределения полномочий. Однако стоит отметить, что заявленные методы применяются скорее имплицитно, без детального описания их операционализации применительно к конкретным эмпирическим данным. Не хватает четкого разграничения сравнительного и исторического аспектов.

Актуальность статьи не вызывает сомнений. Изучение «мягкой силы» в контексте многокомпонентных миротворческих операций ООН находится на стыке нескольких дисциплин — международных отношений, политологии и конфликтологии. Обращение к гаитянскому примеру, особенно в свете недавнего завершения миссии и продолжающегося кризиса в Гаити, позволяет извлечь важные уроки для будущих операций. Фокус на латиноамериканском измерении представляет особый интерес в контексте растущей роли стран Глобального Юга в архитектуре международной безопасности.

Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении МООНСГ не просто как стабилизационной миссии, а как среды для реализации «мягкой силы» региональных держав. Автор убедительно показывает, как военное присутствие и гуманитарно-управленческая деятельность Бразилии и Чили взаимно дополняли друг друга, создавая устойчивые каналы влияния. Важным новым ракурсом является анализ событий 2010 года (землетрясения) не как сбоя, а как структурного поворота, изменившего внутреннюю архитектуру миссии и усилившего значимость гражданского компонента, что, в свою очередь, расширило возможности для «мягкой силы».

Статья написана научным стилем, терминология адекватна предмету. Структура в целом логична. Список литературы репрезентативен и включает широкий спектр источников. Присутствуют как классики теории, так и специалисты по региону. Небольшим недостатком можно считать отсутствие ссылок на работы, критикующие саму концепцию «мягкой силы» (например, Н. Фергюсона или Дж. Ная в его более поздних рефлексиях), что могло бы добавить дискуссионности.

Автор учитывает наличие в научной литературе противоположных точек зрения на природу участия Бразилии и Чили в Гаити. В тексте прямо указано, что некоторые исследователи видят в их действиях сугубо политические мотивы и приверженность коллективной безопасности, а не целенаправленное формирование «мягкой силы». Автор занимает взвешенную позицию, признавая, что обе логики — и официально-мандатная, и репутационно-стратегическая — сосуществовали и дополняли друг друга. Это придает аргументации убедительность.

Стоит отметить в статье удачное сочетание анализа военно-политических аспектов миротворчества с инструментарием теории «мягкой силы» и публичной дипломатии. Статья основана на тщательном изучении документов ООН и научных публикаций. Автор убедительно доказывает, что устойчивость влияния Бразилии и Чили определялась не объемом проектов, а доверием, возникавшим из повседневного практического взаимодействия, институционально поддержанного миссией.

В качестве замечания к статье можно отметить определенную описательность, в некоторых разделах, особенно при изложении предыстории миссии и событий 2010 года, преобладает повествование над анализом. Не хватает более детального «механического» объяснения, как именно конкретные действия бразильских и чилийских контингентов транслировались в символический капитал и «мягкую силу».

Хотя автор упоминает о проблеме легитимности и критике миссии со стороны местного населения, этот аспект раскрыт довольно бегло. Более глубокий анализ восприятия действий Бразилии и Чили самими гаитянами (например, через призму местных СМИ или интервью) значительно усилил бы работу.

Ключевой вывод статьи о том, что МООНСГ создала институциональную среду, в которой «мягкая сила» Бразилии и Чили развивалась не в отрыве от военного мандата, а через него, и что устойчивость этого влияния зависела от степени доверия принимающего общества, представляется весьма убедительным и научно обоснованным. Такой вывод вносит значительный вклад в понимание современных миротворческих операций, демонстрируя их многогранное воздействие на международные отношения и статус участников.

Статья, без сомнения, вызовет интерес у специалистов в области международных отношений, политологии, латиноамериканских исследований и конфликтологов. Может быть полезна исследователям миротворчества ООН, «мягкой силы» и внешней политики Бразилии и Чили.

На основании вышеизложенного, считаю, что статья «Латиноамериканская «мягкая сила» в действии: Бразилия и Чили как столпы МООНСГ (2004–2017)» соответствует научному уровню и тематической направленности журнала «Конфликтология / nota bene». Работа обладает значительной научной ценностью, актуальностью и новизной.

Рекомендую статью к публикации после устранения незначительных стилистических недостатков, а именно: 1) внесение ясности в методологический раздел, конкретизировав, как применялись заявленные подходы, 2) слегка отредактировать текст в сторону большей структурной четкости и динамики изложения, возможно, разбив его на подразделы. После соответствующей доработки статья, несомненно, станет ценным вкладом в научную дискуссию.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Рыжов И.Г. Оценка влияния экологического фактора на развитие тяжелой промышленности в Российской Федерации // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76511 EDN: DJZUJY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76511

Оценка влияния экологического фактора на развитие тяжелой промышленности в Российской Федерации

Рыжов Иван Геннадьевич

независимый исследователь

117216, Россия, г. Москва, р-н Северное Бутово, б-р Дмитрия Донского, д. 11 к. 1

✉ fil-3d.91@mail.ru

[Статья из рубрики "Экономическая конфликтология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76511

EDN:

DJZUJY

Дата направления статьи в редакцию:

29-10-2025

Дата публикации:

28-11-2025

Аннотация: Данная статья посвящена оценке влияния экологического фактора на развитие отраслей тяжелой промышленности Российской Федерации в условиях актуальной повестки устойчивого развития и внешнеэкономических ограничений. Рассматриваются противоречия между задачей ускоренного промышленного роста, необходимостью обеспечения технологического и бюджетного суверенитета и требованием снижения антропогенного воздействия. Анализ охватывает обрабатывающие производства и добычу полезных ископаемых, вклад этих отраслей в экономику и бюджет, а также ключевые экологические эффекты отраслевой экспансии. В фокусе также находится нормативно-правовая база экологической политики, динамика затрат на охрану окружающей среды и климат, роль ESG-подходов (принципов устойчивого развития) и инноваций. Исследование выявляет системные взаимосвязи

между промышленными индексами, экологическими издержками и стратегическими целями устойчивого развития. Применены структурно-динамический и сравнительный анализ официальной статистики (Росстат), нормативно-правовой и институциональный анализ экологической политики, а также контент-анализ научных источников по ESG и инновациям для интерпретации причинно-следственных связей и оценки тенденций. Научная новизна состоит в комплексной увязке динамики индексов тяжелой промышленности с бюджетной зависимостью от ресурсных доходов и траекторией экологических затрат, включая климатическую повестку и НИОКР. Показано, что рост выпуска сопровождается опережающим увеличением текущих расходов на охрану среды при одновременном снижении финансирования НИОКР экологического профиля, что ограничивает потенциал технологического снижения издержек. Выявлен «разрыв устойчивости»: расширение производства без адекватной инновационной поддержки усиливает экологическую нагрузку и фискальную нагрузку на природоохранные меры. Сделан вывод о целесообразности смещения акцентов к инвестициям в экологические НИОКР, модернизации очистных и наилучших доступных технологий, стандартах и принципах ESG и мерной увязке программ развития с целевыми экологическими показателями и метриками эффективности.

Ключевые слова:

политология, промышленность, экология, устойчивость, развитие, модернизация, производство, окружающая среда, экономика, правительство

Введение. В начале 21 века ускорение промышленного производства и усиление международной конкуренции обнажили структурное противоречие между наращиванием выпуска в тяжелой промышленности и необходимостью снижения антропогенной нагрузки. В ответ на этот вызов в экономическую политику ведущих стран последовательно интегрируются принципы устойчивого развития, климатическая повестка и ESG-подходы, акцентирующие ответственность бизнеса за воздействие на окружающую среду, социальную сферу и качество управления. Российская Федерация также формирует нормативно-правовую, институциональную и инвестиционную основу для согласования целей промышленного роста с задачами экологической безопасности, опираясь на базовые федеральные законы об охране окружающей среды, экологической экспертизе и обращении с отходами, а также обновленные инструменты промышленной политики. На этом фоне тяжелая промышленность, включающая обрабатывающие производства и добычу полезных ископаемых, одновременно выступает драйвером экономического и бюджетного суверенитета и источником наибольших экологических издержек, что требует уточнения баланса между стимуляцией выпуска, модернизацией и экологическими ограничениями.

Цель исследования состоит в оценке влияния экологического фактора на траектории развития отраслей тяжелой промышленности России с последующей идентификацией институциональных и инвестиционных механизмов, способных снижать «стоимость» экологической адаптации без потери темпов роста. Для достижения цели последовательно решаются задачи раскрытия нормативно-правовых предпосылок экологической политики, анализа динамики промышленного производства в обрабатывающем секторе и добыче полезных ископаемых, сопоставления текущих затрат на охрану окружающей среды и климат с инвестициями в экологически ориентированные НИОКР, а также интерпретации выявленных взаимосвязей с позиции устойчивого

развития и ESG-стандартов.

В условиях расширения промышленного выпуска формируется устойчивый разрыв между ростом текущих природоохранных расходов и сокращением финансирования экологических НИОКР; этот дисбаланс повышает совокупные экологические и фискальные издержки, ограничивает технологические возможности декуплинга и замедляет переход к наилучшим доступным технологиям. Следовательно, перераспределение инвестиционных приоритетов в пользу прикладных НИОКР, модернизации очистных мощностей и интеграции ESG-метрик в контуры промышленной политики способны снизить предельные экологические издержки единицы выпуска и укрепить отраслевую устойчивость.

Материалы и методы. Материалы и методы основаны на официальной статистике Росстата по индексам промышленного производства, структуре и динамике текущих расходов на охрану окружающей среды и затратах на исследования и разработки экологического профиля; нормативно-правовых актах, регламентирующих экологическую экспертизу, управление отходами и общую систему охраны окружающей среды; научных публикациях по ESG, инновациям и «зеленой» промышленной политике.

Методологически применяются структурно-динамический и сравнительный анализ статистических рядов, институционально-правовой анализ механизмов экологической политики, а также контент-анализ научных источников для интерпретации причинно-следственных связей между промышленными индексами, экологическими издержками и инновационной активностью. При этом существующая научная литература по устойчивому развитию и «зеленой» промышленной политике демонстрирует определенную фрагментарность. Одни авторы акцентируют макроэкономические и институциональные аспекты, другие концентрируются на технологической модернизации или ESG-подходах, но гораздо реже предпринимаются попытки увязать динамику тяжелой промышленности, бюджетную зависимость от ресурсных доходов и структуру экологических затрат в единой аналитической рамке. Значимым ограничением многих работ является ориентация либо на глобальные тренды и универсальные рекомендации, либо на рассмотрение отдельных инструментов политики без глубокого учета отраслевой специфики и фактической статистики российских обрабатывающих производств и добывающего сектора.

Собственный теоретико-методологический выбор в данной статье обусловлен именно необходимостью преодоления этих ограничений. Интеграция структурно-динамического анализа с институционально-правовым и контент-аналитическим подходами позволяет не только описать траектории индексов производства и природоохранных расходов, но и интерпретировать их через призму действующих регуляторных режимов, инвестиционных стимулов и эволюции ESG-повестки. Такая комбинация методов обеспечивает более полное раскрытие концепта «разрыва устойчивости», фиксируя его не как абстрактное противоречие между ростом и экологией, а как конкретный результат несбалансированного распределения ресурсов между текущими природоохранными затратами и экологически ориентированными НИОКР. В этом заключается отличие предлагаемого подхода от большей части существующих исследований, где связи между промышленными индексами, экологическими издержками и инновационной активностью либо задаются теоретически, либо рассматриваются в усеченном виде.

Приращение научного знания достигается за счет интеграции трех измерений — производственного, фискально-экологического и инновационного — в единую аналитическую рамку, позволяющую количественно и качественно увязать динамику

индексов тяжелой промышленности с бюджетной зависимостью от ресурсных доходов и траекторией природоохранных расходов. Вводится и эмпирически обосновывается концепт «разрыва устойчивости», описывающий несоответствие между расширением производства и недоинвестированностью в экологические НИОКР, что препятствует технологическому снижению издержек соблюдения экологических требований. Показана критическая роль смещения инвестиционного вектора к НИОКР и модернизации наилучших доступных технологий для сокращения предельных экологических издержек и повышения эффективности расходов на охрану окружающей среды. Сформулированы проверяемые положения о влиянии ESG-стандартов и метрик результативности на согласование программ промышленного развития с целевыми экологическими показателями, что создает основу для последующей операционализации устойчивых регуляторных и инвестиционных решений.

Результаты и их обсуждение. Период активного промышленного производства в начале 21 века привел к расширению антропогенного влияния на окружающую среду. По этой причине перед мировым сообществом был сформирован целый ряд экологических проблем, ключевой из которых является глобальное потепление климата. Реакцией на происходящие процессы стало формирование концепции устойчивого развития, в рамках которой планируется достижение баланса между развитием экономики и окружающей среды. Именно поэтому в ведущих экономиках мира идет активный переход от двигателя внутреннего сгорания углеводородного топлива к двигателям, работающим на электричестве. К промышленным предприятиям применяются требования установки современных систем очистки воздуха и воды. Необходимо также отметить развитие стандарта ESG. Петрова Е.С. дает следующее определение понятию ESG: «Представленная аббревиатура расшифровывается следующим образом: окружающая среда (Environment), социальные условия (Social) и управление (Governance). Обозначенный инструмент представляет собой внедрение компаниями практик развития, которые позволяют снизить отрицательное воздействие на окружающую среду, активно развивать социальную сферу, а также повышать эффективность управления». [\[3, с. 48\]](#)

Правительство Российской Федерации также осознает необходимость выстраивания сбалансированного механизма развития экономики и окружающей среды. Поэтому в систему экономического развития страны активно интегрируются элементы концепции устойчивого развития.

На рисунке 1, представлены ключевые этапы перехода отечественной экономики, к нормам концепции устойчивого развития.

Рисунок 1 – Этапы перехода экономики Российской Федерации, к нормам концепции устойчивого развития

Из представленного рисунка 1 следует сделать вывод, что активная интеграция норм концепции устойчивого развития в модель экономического развития Российской Федерации началась в 2015 году. Далее был принят ряд нормативно-правовых актов, которые способствовали к сбалансированному функционированию отечественной экономики.

Также, правовое регулирование экономического развития экономики Российской Федерации в области экологии осуществляется на основе следующих нормативно-правовых актов:

- Федеральный закон № 7 от 10.01.2002 «Об охране окружающей среды»;
- Федеральный закон № 174 от 23.11.1995 «Об экологической экспертизе»;
- Федеральный закон № 89 от 24.06.1998 «Об отходах производства и потребления».

Выполнение задачи выстраивания модели сбалансированного экономического развития Российской Федерации осложняется геополитическими процессами. Введение новых пакетов санкций в отношении нашей страны в 2022 году привело к необходимости активизации развития отраслей отечественной экономики с целью обеспечения

экономического суверенитета государства. Одной из главных проблем является необходимость развития производственных процессов в тяжелой промышленности. Данная задача также отмечается в работах Атаевой А. Г., Атаева Д. М. [2, с. 159], Афанасьева, А. А. [1, с. 112]

Обозначенная отрасль осуществляет создание средств производства для остальных отраслей отечественной экономики, а также осуществляет добычу полезных ископаемых. Средства производства являются неотъемлемой составляющей всей системы промышленного производства страны, а экспорт природных ресурсов на международный рынок обеспечивает наполнение бюджета страны финансовыми ресурсами. При этом, антропогенное воздействие тяжелой промышленности на окружающую среду является максимально сильным. Соответственно Правительству Российской Федерации, необходимо выстраивать программу развития тяжелой промышленности с учетом влияния экологического фактора.

Учитывая представленные выше тезисы, проведем рассмотрение показателей, характеризующих динамику индексов производства в сфере обрабатывающего производства. Данные представлены на рисунке 2.

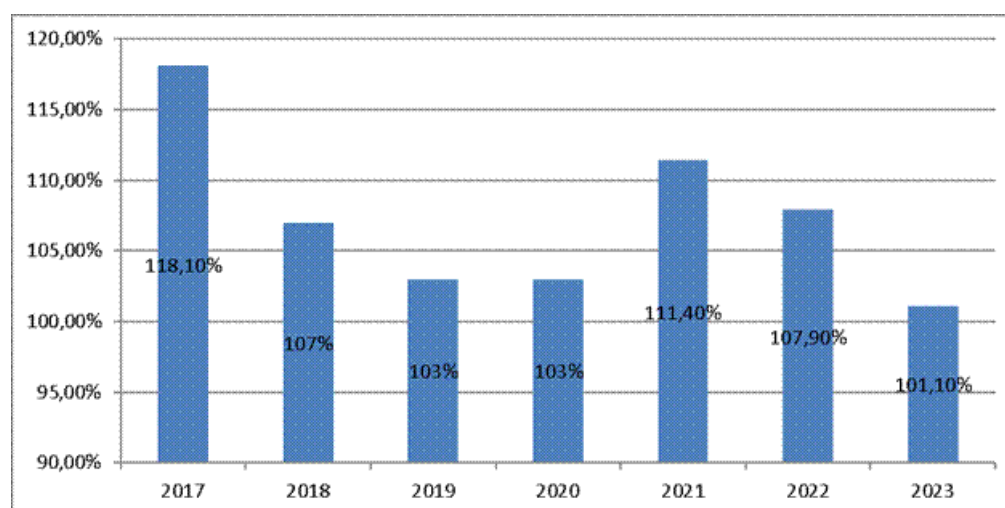

Рисунок 2 – Индекс производства в сфере обрабатывающего производства Российской Федерации, в период 2017-2023 гг., % [7]

Из представленного рисунка 2 следует сделать вывод, что индекс промышленного производства в сфере обрабатывающего производства в Российской Федерации был положительным в период 2017-2023 гг. Соответственно, в стране ежегодно увеличивалось производство товаров, работ и услуг силами отраслей обрабатывающих производств. Представленная динамика положительным образом характеризует развитие тяжелой промышленности в Российской Федерации. Однако расширение масштабов производства в тяжелой промышленности также приводит к увеличению антропогенного воздействия на окружающую среду.

Важной составляющей отрасли тяжелой промышленности Российской Федерации является отрасль добычи полезных ископаемых. В 2023 году 34 % доходов бюджета Российской Федерации были получены от продажи нефти и газа на мировой рынок. Соответственно, Российская Федерация в значительной степени зависит от объемов добычи нефти и газа. Индекс производства обозначенной отрасли представлен на рисунке 3.

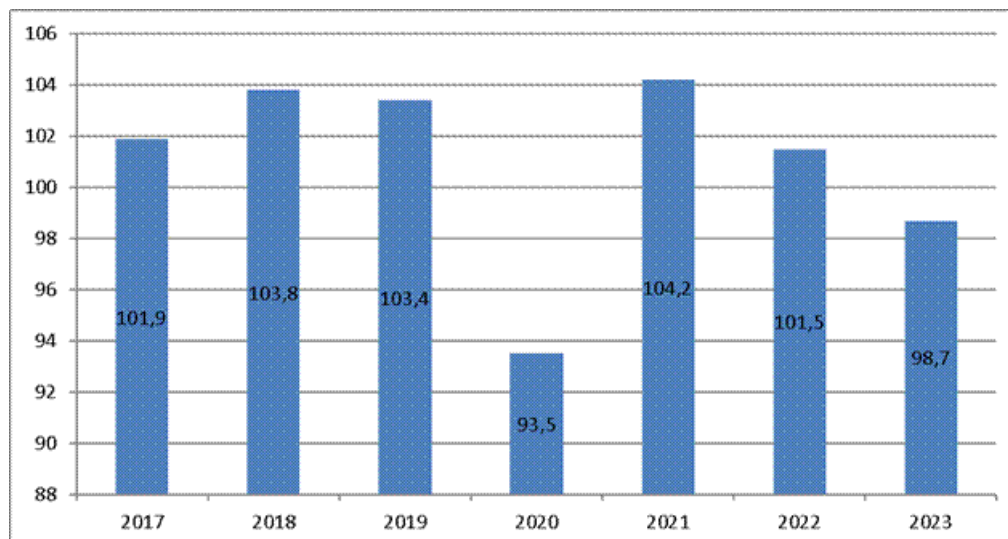

Рисунок 3 – Индекс производства в отрасли добычи полезных ископаемых в Российской Федерации, в период 2017-2023 гг., % [\[7\]](#)

Из представленного рисунка 3 следует сделать вывод, что отрицательный индекс производства в размере 93,5 % в отрасли добычи полезных ископаемых был отмечен в 2020 году, когда отечественная экономика находилась под воздействием мирового экономического кризиса, вызванного пандемией. Также, отрицательный индекс производства в размере 98,7 % в отрасли добычи полезных ископаемых был отмечен в 2023 году, как следствие активизации санкционного давления на отечественную экономику. Соответственно, необходимо сделать вывод, что отрасль добычи полезных ископаемых тоже требует дополнительной поддержки со стороны государства. Также, необходимо отметить, что добыча полезных ископаемых в нашей стране приводит к значительному антропогенному воздействию на окружающую среду.

В настоящий момент времени, Правительством Российской Федерации поставлена задача снижения зависимости бюджета страны от нефтегазовых доходов. Однако отрасль добычи полезных ископаемых продолжает оставаться ключевым источником доходов бюджета страны, что обуславливает необходимость ее устойчивого развития. Фактически, именно за счет доходов от экспорта на международный рынок энергоносителей, у бюджета страны имеются финансовые ресурсы для технологического переоснащения других отраслей отечественной экономики. Поэтому необходимо ставить задачу комплексного развития отраслей экономики Российской Федерации на основе активного внедрения инновационных технологий. Решение данной задачи также позволит снизить антропогенное воздействие на окружающую среду.

С целью нивелирования отрицательного влияния промышленного производства на окружающую среду Правительством Российской Федерации реализуется экологическая политика. Целью данного направления является создание благоприятных условий для жизни граждан нашей страны, а также сохранение окружающей среды в Российской Федерации.

На рисунке 4 представлены данные текущих затрат на охрану окружающей среды по Российской Федерации.

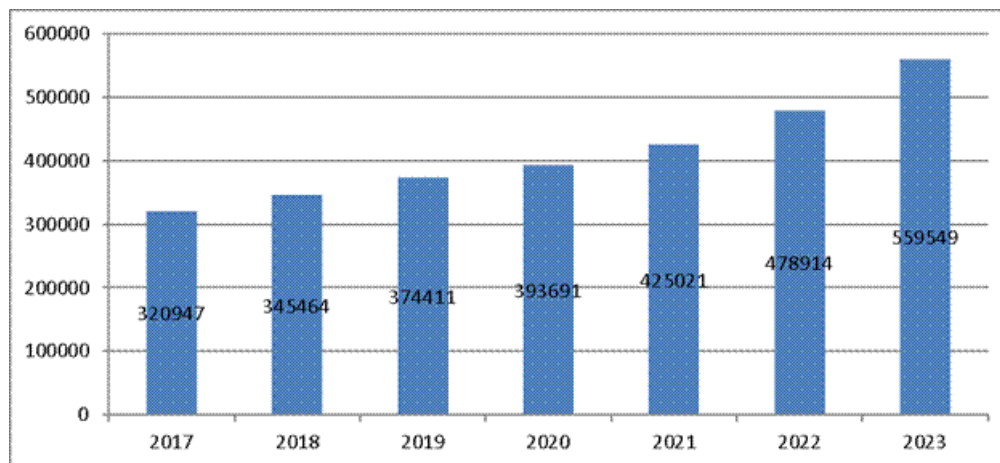

Рисунок 4 – Текущие затраты на охрану окружающей среды в Российской Федерации, в период 2017-2023 гг., млн. руб. [\[7\]](#)

Из представленного рисунка 4 следует сделать вывод, что в Российской Федерации отмечается устойчивая динамика роста текущих затрат на охрану окружающей среды. В 2023 году рассматриваемый показатель составил 559 549 млн. руб., что на 238 602 млн. руб. больше в сравнении с текущими затратами на охрану окружающей среды в 2017 году. Увеличение рассматриваемого показателя свидетельствует о расширении объемов затрат на реализацию государством экологической политики.

Ранее в данной работе было отмечено, что в Российской Федерации отмечается устойчивый рост производства продукции тяжелой промышленности. Данный результат достигнут за счет расширения деятельности действующих промышленных предприятий, а также с помощью создания новых организаций, занимающихся производством продукции тяжелой промышленности. Обозначенный процесс сопровождается увеличением воздействия на окружающую среду. Соответственно, логичным представляется увеличение затрат на охрану окружающей среды в условиях необходимости расширения масштабов промышленного производства. Данная экологическая политика позволяет выстраивать модель устойчивого развития экономики Российской Федерации. Однако также необходимо учитывать тот факт, что в ближайшие 5 лет объемы производства в отрасли тяжелой промышленности будут увеличиваться, соответственно будет возрастать и антропогенное воздействие отрасли на окружающую среду. При формировании государственных и региональных бюджетов, а также реализации государственных программ необходимо учитывать данную тенденцию, так как потребуются увеличение финансирования расходов на сохранения окружающей среды в нашей стране.

Далее проведем рассмотрение показателя, характеризующего затраты на охрану атмосферного воздуха и предотвращения изменений климата в Российской Федерации. Данные представлены на рисунке 5.

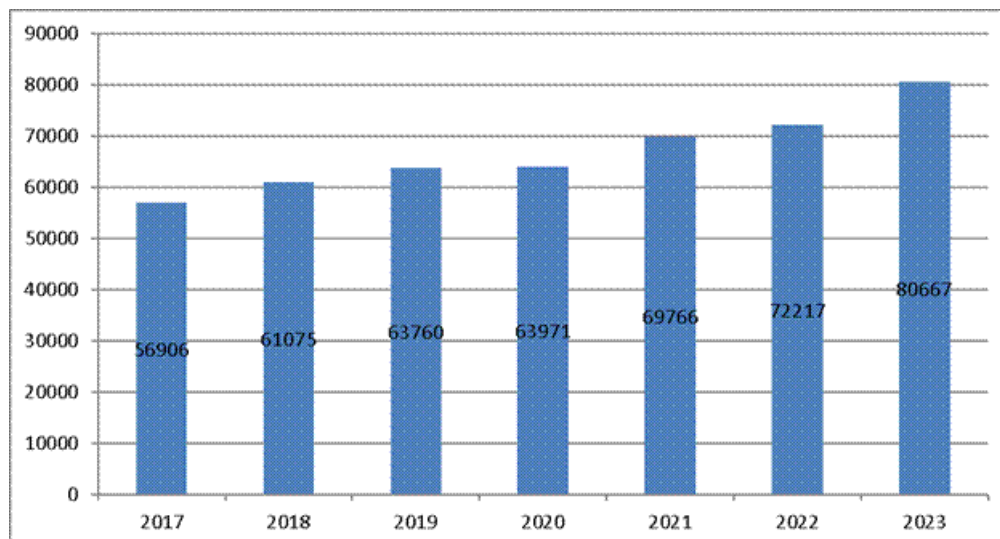

Рисунок 5 – Текущие затраты на охрану атмосферного воздуха и предотвращения изменений климата в Российской Федерации, в период 2017-2023 гг., млн. руб. [\[7\]](#)

Из представленного рисунка 5 следует сделать вывод, что текущие затраты на охрану атмосферного воздуха и предотвращения изменений климата в Российской Федерации имели стабильную динамику увеличения в период 2017-2023 гг. В 2023 году рассматриваемый показатель составил 80 677 млн. руб., что на 23 761 млн. руб. больше, по сравнению с 2017 годом. Приведенная тенденция положительным образом характеризует экологическую политику Правительства Российской Федерации.

Проблема изменения климата является одной из ключевых в мировой повестке посвященной проблемам экологии. Правительство Российской Федерации также осознает масштаб данной проблемы, поэтому выделяет существенные финансовые ресурсы на предотвращение изменений климата. Имея развитую тяжелую промышленность необходимо учитывать, какое воздействие данная отрасль оказывает на климат нашей планеты.

Далее проведем рассмотрение показателя, характеризующего объем затрат на научно-исследовательскую деятельность и разработки по снижению негативных антропогенных негативных воздействий на окружающую среду в Российской Федерации в период 2017-2023 гг. Данные представлены на рисунке 6.

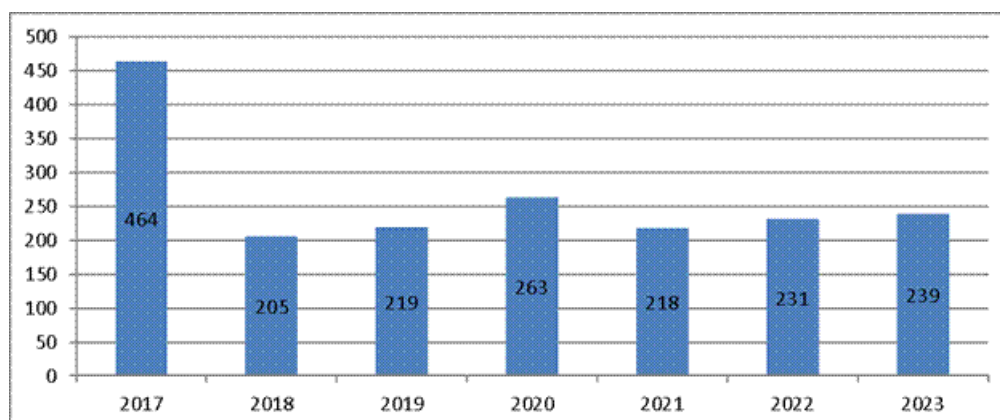

Рисунок 6 – Объем затрат на научно-исследовательскую деятельность и разработки по снижению негативных антропогенных негативных воздействий, на окружающую среду в Российской Федерации, в период 2017-2023 гг., млн. руб. [\[12\]](#)

Из представленного рисунка 6 следует, что объем затрат снизился в период 2017–2023 гг. Инновации являются важнейшим фактором развития конкурентоспособности отраслей национальной экономики и повышения эффективности их деятельности. Представленный тезис подтверждается в работах Халина В.Г., Черновой Г.В. [\[10, с. 16\]](#), Пашкус В.Ю., Зюзиной Л.А. [\[9, с. 101\]](#) Снижение затрат на НИР, проводимые в сфере охраны окружающей среды, негативным образом характеризует проводимую экологическую политику Правительством Российской Федерации.

Использование инноваций в охране окружающей среды способствует повышению эффективности данной деятельности и снижению затрат. Без актуальных НИР, затраты на проводимую экологическую политику в нашей стране будут увеличиваться, однако эффективность данных мер является поводом для обсуждения. Выявленный факт является направлением развития экологической политики, реализуемой в стране.

Выводы. Эмпирическая проверка выдвинутой рабочей гипотезы показала устойчивую асинхронность между динамикой выпуска в тяжелой промышленности и структурой экологических расходов. В обрабатывающих производствах индекс промышленного производства демонстрировал положительную траекторию в 2017–2023 гг., тогда как в добыче полезных ископаемых отмечались циклические снижения в кризисные периоды, отражающие чувствительность ресурсного сегмента к внешним шокам. На фоне расширения выпуска текущие затраты на охрану окружающей среды в целом и на охрану атмосферного воздуха и предотвращение изменений климата в частности, росли опережающими темпами, что подтверждает возрастание стоимости соблюдения экологических требований при экстенсивном увеличении производственной активности. Одновременно наблюдалось сокращение финансирования НИОКР экологического профиля, что фиксирует ресурсный дефицит технологического контура экологической политики.

Сопоставление указанных рядов позволило верифицировать эффект «разрыва устойчивости»: расширение производства без сопутствующего наращивания прикладных экологических разработок повышает предельные издержки природоохранных мер и замещает долгосрочные инвестиции краткосрочными операционными расходами. В результате кривая текущих экологических затрат становится более крутой, а потенциал декуплинга между ростом выпуска и давлением на среду — ограниченным. Это особенно заметно в условиях ресурсной зависимости бюджета: волатильность показателей добычи транслируется в бюджетные ограничения, сужая окно возможностей для опережающих инвестиций в наилучшие доступные технологии и низкоуглеродные решения.

Институционально-правовой анализ подтвердил наличие формально достаточной нормативной базы охраны окружающей среды, однако фактическая конфигурация стимулов смещает приоритеты в пользу комплаенса и текущего обслуживания регуляторных требований, а не в пользу технологической модернизации. Интеграция ESG-подходов пока носит преимущественно декларативный характер. Метрики результативности недостаточно связаны с отраслевыми программами и системой финансирования НИОКР, из-за чего не формируется стабильный спрос на экологические инновации со стороны крупных промышленных потребителей.

Контент-аналитическая интерпретация научных и прикладных источников согласуется с выявленными статистическими закономерностями. Без пересборки инвестиционного контура тяжелой промышленности в пользу НИОКР и модернизации очистных мощностей повышение экологических требований приводит к возрастающим оперативным затратам, не сопровождающимся эквивалентным снижением удельной нагрузки на среду.

Показательно, что рост текущих расходов на климат и воздух не конвертируется в достаточную технологическую экономию, поскольку недоинвестированность в разработки ограничивает масштабирование эффектов обучения и внедрения. Это формирует устойчивые барьеры для перехода к траектории, где экономический рост отделяется от экологического ущерба.

Полученные результаты тем самым подтверждают гипотезу о ключевой роли перераспределения ресурсов к экологическим НИОКР и НДТ для уменьшения предельных природоохранных издержек и повышения эффективности бюджетных расходов. Они также уточняют механизм воздействия. Именно комбинация возрастающего выпуска и стагнирующих разработок усиливает давление на текущие бюджеты предприятий и государства, а операционализация ESG-метрик через систему целевых показателей и инструментов финансирования является необходимым звеном разрыва данного круга.

Таким образом, по результатам проведенного анализа необходимо заключить, что в настоящий момент времени в Российской Федерации отмечается устойчивый рост производственных показателей в отрасли тяжелой промышленности. Обозначенная тенденция сопровождается увеличением затрат на охрану окружающей среды в рамках проводимой Правительством страны экологической политики. В процессе проведения анализа был выявлен отрицательный факт снижения затрат на научно-исследовательскую деятельность и разработки по снижению негативных антропогенных негативных воздействий на окружающую среду в Российской Федерации. Использование инновационных технологий позволяет оптимизировать затраты на охрану окружающей среды и снизить объемы негативного воздействия на экологию в процессе производства промышленной политики. Уменьшение затрат на научно-исследовательскую деятельность и разработки по снижению негативных антропогенных негативных воздействий на окружающую среду снижает потенциал для внедрения инновационных технологий в работу отрасли тяжелой промышленности.

Предложения. Однако задача повышения объемов производства продукции в отрасли тяжелой промышленности приведет к увеличению негативного воздействия на окружающую среду. Соответственно потребуются выделение больших финансовых ресурсов на охрану окружающей среды. Стратегически целесообразно сместить акцент на опережающие инвестиции в прикладные экологические разработки, модернизацию очистных систем и внедрение наилучших доступных технологий, увязав отраслевые программы с измеримыми экологическими целями и показателями эффективности. Такая конфигурация способна стабилизировать траекторию издержек, повысить отдачу от текущих природоохранных расходов и укрепить устойчивость тяжелой промышленности без потери темпов роста.

Библиография

1. Афанасьев, А. А. Промышленная политика России по достижению технологического суверенитета: теоретико-методологические основы и практические аспекты / А. А. Афанасьев. – М. : Первое экономическое издательство, 2023. – 204 с. DOI: 10.18334/9785912924644 EDN: CYTKCM.
2. Атаева, А. Г., Атаев, Д. М. Методологический подход к формированию промышленной политики региона // *ArsAdministrandi (Искусство управления)*. 2023. – Т. 15. – № 1. – С.

153-173. DOI: 10.17072/2218-9173-2023-1-153-173 EDN: UKNBJR.

3. Петрова, Е. С. Корпоративное управление в системе ESG // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 7. – С. 48-52. EDN: TLUATR.

4. Пашкус, В. Ю., Зюзина, Л. А. Современная промышленная политика: приоритеты развития региональной инновационной системы и проблемы импортозамещения // Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 76-107. EDN: AFZWTF.

5. Халин, В. Г., Чернова, Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2022. – № 10. – С. 14-22.

6. Эдиян, Э. Т. "Зеленая" промышленная политика: институционализация, мировой опыт, особенности реализации в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 2. – С. 180-185.

7. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru>.

8. Механизм достижения целей устойчивого развития в России: проблемы и пути их решения // Научный журнал "Фундаментальные исследования". 02.04.2021. URL: <https://fundamental-research.ru/article/view-id=42973>.

9. Новая реальность ESG: возможности и российская стратегия в 2025 году // EcoStandart.journal. 10.06.2025. URL: <https://journal.ecostandard.ru/esg/ustoychivoe-razvitie/novaya-realnost-esg-vozmozhnosti-i-rossiyskaya-strategiya-v-2025-godu/?ysclid=mg4ong8sh0810652816>.

10. Продвижение России по пути устойчивого развития // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2025. URL: <https://issek.hse.ru/news/1043155168.html>.

11. Семь составляющих устойчивого развития в России сегодня // Росконгресс. 21.07.2025. URL: <https://roscongress.org/materials/sem-sostavlyayushchikh-ustoychivogo-razvitiya-v-rossii-segodnya/?ysclid=mg4oucc97t93363429>.

12. Цели устойчивого развития ООН и Россия. URL: <https://roscongress.org/materials/tseli-ustoychivogo-razvitiya-onn-i-rossiya/?ysclid=mg4p4e5g6d385334240>.

13. The history of ESG: A journey towards sustainable investing // IBM. 2023. URL: <https://www.ibm.com/think/topics/environmental-social-and-governance-history>.

14. UNIDO. Industrial Development Report 2022: The Future of Industrialization in a Post-Pandemic World // Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2022. URL: <https://www.unido.org>.

15. OECD. Green Growth in the Industrial Sectors: A Review of Trends and Policies // Paris: OECD Publishing, 2015. URL: <https://www.oecd.org/environment/green-growth-in-the-industrial-sectors-9789264236813-en.htm>.

16. IEA. Energy Technology Perspectives 2020: Special Report on Clean Energy Innovation // Paris: International Energy Agency, 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/energy-technology-perspectives-2020>.

17. OECD. Aligning Industrial Policy and Environmental Policy: Towards Green Industrial Transitions // Paris: OECD Publishing, 2021. URL: <https://www.oecd.org/environment/aligning-industrial-policy-and-environmental-policy.htm>.

18. World Bank. Pollution Prevention and Abatement Handbook: Toward Cleaner Production // Washington, DC: The World Bank, 2022. URL: <https://documents.worldbank.org>.

19. Sustainability reporting: ESG disclosure and performance of firms // Journal of Cleaner Production, 2023. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.136580>.

20. Kotsantonis S., Pinney C., Serafeim G. ESG integration in investment management: Myths and realities // Journal of Applied Corporate Finance, 2016. URL:

<https://doi.org/10.1111/jacf.12169>.

21. Sullivan R., Martindale W. (eds.). Fiduciary duty in the 21st century // UNEP FI, UN PRI, UN Global Compact, 2015. URL: <https://www.unepfi.org/publications/investment-publications/fiduciary-duty-in-the-21st-century>.

22. Sustainability Accounting Standards Board (SASB). SASB Standards Overview // Value Reporting Foundation, 2021. URL: <https://www.sasb.org/standards>.

23. International Finance Corporation (IFC). ESG Standards and Performance Requirements for the Private Sector // IFC, World Bank Group, 2020. URL: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/topics_ext_content/ifc_external_corporate_site/sustainability-at-ifc/policies-standards/esg-standards.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает дисбаланс между ростом промышленного производства в тяжелой промышленности России и сокращением финансирования экологических НИОКР в период 2017–2023 гг., а также его влияние на издержки природоохранной деятельности. Научная актуальность работы обусловлена ускорением промышленного производства в начале XXI века, усилением международной конкуренции и необходимостью интеграции принципов устойчивого развития в экономическую политику, особенно в условиях геополитических вызовов и санкций, затрагивающих Россию. Все это порождает необходимость согласования целей промышленного роста с задачами экологической безопасности в условиях интеграции принципов устойчивого развития и ESG-стандартов в экономическую политику России. Практическая значимость исследования заключается в обосновании потребности перераспределения инвестиционных приоритетов в пользу прикладных экологических разработок и наилучших доступных технологий для снижения предельных издержек природоохранной деятельности без потери темпов промышленного роста, а также в идентификации институциональных и инвестиционных механизмов, позволяющих снизить экологические издержки без потери темпов промышленного роста, что может послужить основой для корректировки государственной экологической и промышленной политики, а также. В процессе работы автор опирался на официальную статистику Росстата по индексам промышленного производства, структуре текущих расходов на охрану окружающей среды и затратах на экологические НИОКР за период 2017–2023 гг., а также на нормативно-правовые акты в сфере экологического регулирования и научные публикации по ESG и «зеленой» промышленной политике. В работе применялся структурно-динамический анализ для выявления тенденций в промышленном производстве и природоохранных расходах, сравнительный анализ статистических рядов для сопоставления темпов роста различных показателей, институционально-правовой анализ механизмов экологической политики для оценки нормативной базы, а также контент-анализ научных источников для интерпретации причинно-следственных связей между промышленными индексами, экологическими издержками и инновационной активностью. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет об эмпирически обоснованном концепте «разрыва устойчивости», описывающем механизм несоответствия между расширением производства в тяжелой

промышленности и недоинвестированностью в экологические НИОКР, что препятствует технологическому снижению издержек соблюдения экологических требований и ведет к замещению долгосрочных инвестиций краткосрочными операционными расходами. Кроме того, в процессе работы количественно подтверждено, что в условиях роста промышленного выпуска опережающее увеличение текущих природоохранных затрат при одновременном сокращении финансирования экологических разработок повышает предельные издержки природоохранных мер и ограничивает потенциал декуплинга между ростом производства и экологическим давлением на окружающую среду. Наконец, по результатам исследования установлена критическая роль смещения инвестиционного вектора к НИОКР и модернизации наилучших доступных технологий для сокращения предельных экологических издержек и повышения эффективности расходов на охрану окружающей среды, что создает основу для операционализации ESG-метрик через систему целевых показателей и инструментов финансирования в отраслевых программах промышленного развития. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: несмотря на отсутствие рубрикации, ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. Условно в тексте можно выделить следующие разделы. Во введении обосновывается актуальность исследования, формулируются цель и задачи работы, а также выдвигается рабочая гипотеза о дисбалансе между ростом текущих природоохранных расходов и сокращением финансирования экологических НИОКР. В методологическом разделе описываются источники данных (статистика Росстата, нормативно-правовые акты, научные публикации) и применяемые методы исследования (структурно-динамический, сравнительный, институционально-правовой анализ, контент-анализ). Блок, посвященный научной новизне, раскрывает вклад работы в актуальное научное знание. Основная часть начинается с характеристики нормативно-правовых предпосылок экологической политики России, включая описание ключевых этапов интеграции норм устойчивого развития с 2015 года и перечисление базовых федеральных законов в области охраны окружающей среды. Далее проводится анализ динамики индексов промышленного производства в обрабатывающих производствах и добыче полезных ископаемых за 2017–2023 гг., демонстрирующий общую положительную траекторию с циклическими снижениями в кризисные периоды для ресурсного сегмента. Последующий раздел сопоставляет рост текущих затрат на охрану окружающей среды и охрану атмосферного воздуха с сокращением объема затрат на экологические НИОКР, выявляя структурный дисбаланс между операционными расходами и инвестициями в технологические разработки. В разделе интерпретации результатов верифицируется эффект «разрыва устойчивости»: показано, что расширение производства без сопутствующего наращивания прикладных экологических разработок повышает предельные издержки природоохранных мер и ограничивает возможности декуплинга, особенно в условиях ресурсной зависимости бюджета. Институционально-правовой анализ подтверждает формальную достаточность нормативной базы, однако указывает на смещение фактических стимулов в пользу текущего комплаенса, а не технологической модернизации, и декларативный характер интеграции ESG-подходов. В заключении формулируется вывод о необходимости стратегического смещения акцента на опережающие инвестиции в прикладные экологические разработки и наилучшие доступные технологии с увязкой отраслевых программ с измеримыми экологическими целями и показателями эффективности для стабилизации траектории издержек и укрепления устойчивости тяжелой промышленности. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. Но в тексте встречается недопустимо большое количество стилистических (например, троекратное повторение громоздкой конструкции «объем затрат на научно-исследовательскую деятельность и разработки по снижению

негативных антропогенных негативных воздействий, на окружающую среду в Российской Федерации» в соседних предложениях; и др.) и грамматических (например, опечатки в словах и выражениях, а также пропущенные буквы и целые слова: «расшифровывается следующими образом», «социальнын условия (Social) и управления (Govemance)», «Федеральный закон № 89 т 24.06.1998», «демонстрировал положительную траекторию», «индекс промышленного производства... пыл положительным», «Из представленного рисунка 1 следует сделать вывод, активная интеграция...»; или пропущенные закрывающие кавычки «Федеральный закон № 7 от 10.01.2002 "Об охране окружающей среды», «Федеральный закон № 174 от 23.11.1995 "Об экологической экспертизе»; или несогласованные предложения «...Переход от двигателя внутреннего сгорания углеводородного топлива, к двигателям работающих на электричестве», «... Способствует повышения эффективности данной деятельности...»; или прямые повторы «...Необходимо отметить, также отметить»; или лишние запятые «Обозначенный инструмент, представляет собой внедрение компаниями практик развития...», «...Целый ряд экологических проблем, ключевой из которых, является...», «Реакцией на происходящие процессы, стало формирование концепции устойчивого развития, в рамках которой, планируется...»; или наоборот, пропущенные запятые «...Экономика находилась под воздействием мирового экономического кризиса вызванного пандемией», «Соответственно необходимо сделать вывод, что...»; а в данном предложении запятые расставлены вообще рандомно: «Имея развитую тяжелую промышленность, необходимо учитывать какое воздействие, данная отрасль оказывает на климат нашей планеты»; и МНОЖЕСТВО других) ошибок, что и стало главной причиной принятия решения об отправке статьи на доработку. Библиография насчитывает 12 наименований и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Хотя и могла бы быть существенно усилена за счет включения источников на иностранных языках. Кроме того, девятая ссылка на источник в сети Интернет не открывается. Апелляция к оппонентам отсутствует и также требует доработки: в методологическом разделе необходимо добавить краткий критический анализ существующей научной литературы по проблематике статьи и на этой базе не просто описать, а аргументировать собственный теоретико-методологический выбор.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, практически полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны исследователям в области экономики природопользования, промышленной политики и устойчивого развития, специализирующимся на анализе взаимосвязей между производственными показателями и экологическими издержками. Работа представляет ценность для специалистов органов государственного управления, ответственных за разработку и реализацию экологической и промышленной политики, поскольку содержит конкретные рекомендации по перераспределению инвестиционных приоритетов в пользу прикладных НИОКР и внедрения наилучших доступных технологий. Материалы исследования также могут быть полезны аналитикам и консультантам, работающим в сфере ESG-оценки и стратегического планирования развития промышленных предприятий, стремящихся согласовать цели роста с требованиями экологической безопасности и международными стандартами устойчивого развития. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». Однако избыточное количество стилистических и грамматических погрешностей не позволяют рекомендовать статью к публикации в актуальном виде. Она нуждается в доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию влияния экологического фактора на развитие тяжелой промышленности в Российской Федерации.

Актуальность работы авторы связывают с необходимостью устранения обнажившегося противоречия между наращиванием выпуска в тяжелой промышленности и необходимостью снижения антропогенной нагрузки.

Научная новизна рецензируемого исследования состоит в оценке влияния экологического фактора на траектории развития отраслей тяжелой промышленности России с последующей идентификацией институциональных и инвестиционных механизмов, способных снижать «стоимость» экологической адаптации без потери темпов роста.

В публикации освещены ключевые этапы перехода отечественной экономики, к нормам концепции устойчивого развития; отмечено, что активная интеграция норм концепции устойчивого развития в модель экономического развития Российской Федерации началась в 2015 г., затем был принят ряд нормативно-правовых актов, которые способствовали к сбалансированному функционированию отечественной экономики. В статье рассмотрены показатели, характеризующие динамику индексов производства в сфере обрабатывающего производства за 2017-2023 гг., на основе анализа которых авторы приходят к выводу о том, что отрасль добычи полезных ископаемых тоже требует дополнительной поддержки со стороны государства. Авторы рассматривают затраты на охрану окружающей среды по Российской Федерации, отмечают устойчивую динамику роста текущих затрат на охрану окружающей среды, а также текущие затраты на охрану атмосферного воздуха и предотвращения изменений климата в Российской Федерации за рассматриваемый в публикации отрезок времени. По результатам исследования сделан вывод об устойчивом росте производственных показателей в отрасли тяжелой промышленности, сопровождающемся увеличением затрат на охрану окружающей среды в рамках проводимой Правительством страны экологической политики.

Библиографический список включает 13 источников – научные публикации отечественных авторов по теме статьи, а также интернет-ресурсы, на которые в тексте имеются адресные ссылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

В качестве замечаний стоит отметить следующие. Во-первых, в тексте статьи не выделены такие общепризнанные в современных научных публикациях разделы как Введение, Материал и методы, Результаты и их обсуждение, Заключение или Выводы и предложения. Во-вторых, наименования рисунков 2-6 дублируются в их названиях (после изображений) и наименованиях, приводимых под рисунками. В-третьих, авторами не соблюдены принятые редакцией Правила оформления списка литературы: «Рекомендованный объем списка литературы для оригинальной научной статьи – не менее 20 источников, который должен содержать: не менее трети зарубежных источников ... В списке литературы не указываются: ... Интернет-источники, включая информацию с сайтов, а также статьи на сайтах и в блогах... Все вышеперечисленные источники упоминаются в тексте статьи в скобках, наряду с прочими комментариями и примечаниями авторов».

Тематика статьи соответствует направлению журнала «Конфликтология / nota bene», может вызвать интерес у читателей, однако требуется доработка представленных на рецензирование материалов в соответствии с высказанными замечаниями, направленными на улучшение статьи.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию влияния экологического фактора на развитие тяжелой промышленности в Российской Федерации.

Актуальность работы авторы связывают с необходимостью устранения обнажившегося противоречия между наращиванием выпуска в тяжелой промышленности и необходимостью снижения антропогенной нагрузки.

Научная новизна рецензируемого исследования состоит в оценке влияния экологического фактора на траектории развития отраслей тяжелой промышленности России с последующей идентификацией институциональных и инвестиционных механизмов, способных снижать «стоимость» экологической адаптации без потери темпов роста.

Структурно в тексте выделены следующие разделы: Введение, Материал и методы, Результаты и их обсуждение, Выводы, Предложения и Библиография.

В публикации освещены ключевые этапы перехода отечественной экономики, к нормам концепции устойчивого развития; отмечено, что активная интеграция норм концепции устойчивого развития в модель экономического развития Российской Федерации началась в 2015 г., затем был принят ряд нормативно-правовых актов, которые способствовали к сбалансированному функционированию отечественной экономики. В статье рассмотрены показатели, характеризующие динамику индексов производства в сфере обрабатывающего производства за 2017-2023 гг., на основе анализа которых авторы приходят к выводу о том, что отрасль добычи полезных ископаемых тоже требует дополнительной поддержки со стороны государства. Авторы рассматривают затраты на охрану окружающей среды по Российской Федерации, отмечают устойчивую динамику роста текущих затрат на охрану окружающей среды, а также текущие затраты на охрану атмосферного воздуха и предотвращения изменений климата в Российской Федерации за рассматриваемый в публикации отрезок времени. По результатам исследования сделан вывод об устойчивом росте производственных показателей в отрасли тяжелой промышленности, сопровождающемся увеличением затрат на охрану окружающей среды в рамках проводимой Правительством страны экологической политики.

Библиографический список включает 23 источника – научные публикации отечественных и зарубежных авторов по теме статьи, а также интернет-ресурсы, на которые в тексте имеются адресные ссылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

В качестве замечания необходимо отметить, что авторами не соблюдены принятые редакцией Правила оформления списка литературы: «В списке литературы не указываются: ... Интернет-источники, включая информацию с сайтов, а также статьи на сайтах и в блогах... Все вышеперечисленные источники упоминаются в тексте статьи в

скобках, наряду с прочими комментариями и примечаниями авторов». Это относится к пунктам 13-19, 22-23.

Тематика статьи соответствует направлению журнала «Конфликтология / nota bene», может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию после устранения недочетов, связанных с оформлением раздела Библиография.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Баринов А.А. Проблема и перспектива мирного транзита власти в Демократической Республике Конго // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76638 EDN: ECWVPR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76638

Проблема и перспектива мирного транзита власти в Демократической Республике Конго

Баринов Александр Александрович

магистр; факультет востоковедения и африканистики; Российский государственный гуманитарный университет

125047, Россия, г. Москва, Тверской р-н, Мусская пл., д. 6 стр. 6

✉ alexbarinov17@mail.ru

[Статья из рубрики "Внутриполитические конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76638

EDN:

ECWVPR

Дата направления статьи в редакцию:

05-11-2025

Дата публикации:

29-11-2025

Аннотация: Актуальность выбранной темы исследования обусловлена существующей проблемой мирного транзита власти в Демократической Республике Конго (ДРК), которая негативно отражается на общественно-политическом развитии страны. Объект исследования – мирный транзит власти в ДРК. Предметом исследования выступают особенности, присущие процессу мирной передачи власти в ДРК на современном этапе. Цель исследования заключается в обнаружении факторов, влияющих на реализацию мирного транзита власти в ДРК. Особое внимание уделяется решению таких задач, как обозначение факторов, способствовавших успешному процессу первой мирной передачи власти в ДРК, представление коалиции FCC-CACH как проявление неоконченного транзита власти, определение роли внешних сил в вопросе мирного транзита власти в ДРК, а также оценка перспективы сохранения Ф. Чисекеди у власти после 2028 г. В

качестве методов исследования были использованы историко-сравнительный для сопоставления имевшихся условий реализации мирного транзита власти в ДРК в период с 1990 г. по 2021 г., инвент-анализ для детального изучения действий политических акторов, способствовавших или препятствовавших исследуемому процессу, а также контент-анализ для детального рассмотрения конголезских законодательных текстов. Научная новизна исследования состоит в выявлении конкретных особенностей, способствующих и тормозящих процесс мирного транзита власти в ДРК, на основе анализа внутриконголезского исторического опыта передачи власти и влияния международного сообщества на данный процесс, а также в прогнозировании возможного характера транзита власти в ДРК в будущем. Автор приходит к выводам, что в истории ДРК подлинный мирный транзит власти имел место лишь в 2019 г., однако он носил неполноценный характер. Одними из основных проблем, препятствующих осуществлению мирной передачи власти в ДРК, являются, во-первых, отсутствие у конголезских властей стремления способствовать передаче своих властных обязанностей, во-вторых, разрозненность конголезской оппозиции, в-третьих, наличие крупных конфликтов на территории ДРК. Значимую роль в исследуемом вопросе играет и международное сообщество. Возможность осуществления мирного транзита власти после 2028 г. представляется реалистичной только в том случае, если международное сообщество выступит против конституционной реформы Ф. Чисекеди.

Ключевые слова:

Демократическая Республика Конго, Мирный транзит власти, Транзит власти, Оппозиция, Конфликты, Безопасность, Международное сообщество, Мобуту, Жозеф Кабила, Феликс Чисекеди

Введение

Вопрос передачи власти традиционно является одним из наиболее проблематичных и спорных для африканских государств. Он нередко сопряжен с насилием, массовыми беспорядками и иными сопутствующими негативными явлениями, способными поставить страну на грань гражданской войны. Для Демократической Республики Конго (далее – ДРК) эта проблема также представляется одной из основных в общественно-политической сфере. Помимо непрекращающегося военного конфликта на востоке страны, ДРК нередко потрясают столкновения, связанные с борьбой за власть, отражающиеся, в свою очередь, на общей стабильности ДРК, что особенно чувствительно для «хрупкого» государства, как некоторые исследователи классифицируют ДРК^[1]. Тем не менее ДРК уже обладает опытом относительно мирной смены власти, имевшей место в 2019 г., однако важно отметить, что в 2028 г. действующий президент Ф. Чисекеди должен будет окончательно покинуть пост президента, согласно конституции страны, и уступить место новому лидеру, что вновь поставит проблему мирного транзита власти в русло конголезской политики. Всем этим можно обусловить актуальность выбранной темы.

Объектом исследования выступает процесс мирного транзита власти в Демократической Республике Конго. Предметом исследования служат особенности, присущие процессу мирной передачи власти в ДРК на современном этапе.

Цель исследования заключается в обнаружении факторов, влияющих на реализацию мирного транзита власти в ДРК.

Автором настоящего исследования были поставлены следующие задачи:

1. Изучить историю вопроса передачи власти в ДРК;
2. Обозначить факторы, способствовавшие успешному процессу первой мирной передачи власти в ДРК;
3. Представить коалицию FCC-CACH как проявление мирного, но неоконченного транзита власти;
4. Определить степень влияния международного сообщества на мирный транзит власти в ДРК
5. Оценить перспективы сохранения Ф. Чисекеди у власти после 2028 г.

Теоретической основой настоящего исследования выступают классическая теория элит для выявления внутренних факторов мирной передачи власти в ДРК и неореализм – для внешних. Классическая теория элит, сформированная главным образом в научных трудах итальянских социологов Г. Моски («Правящий класс») и В. Парето («Компендиум по общей социологии»), позволяет рассмотреть политическую элиту ДРК в качестве основного центра власти, препятствующего развитию процесса мирного транзита власти. Так, Г. Моска отмечал, что в любом обществе имеет место немногочисленный по своему составу «правлящий класс», который имеет реальную институциональную власть и стремится к сохранению своих лидирующих позиций, одновременно создавая условия, затрудняющие смену этой элиты, что порождает конфликт с контрэлитами. В свою очередь, В. Парето разработал понятие «циркуляции элит», согласно которому для сохранения своей власти политические элиты должны периодически обновляться и пополняться новыми представителями, поскольку в противном случае велик риск смены элиты может приобрести революционный характер. Кроме того, теория неореализма, представленная К. Уолтцем, может быть применена для объяснения заинтересованности ряда зарубежных государств во внутриполитических процессах в ДРК. В частности, вмешательство иностранных акторов в дела иных государств (например, в электоральный процесс) можно рассмотреть в качестве поддержания благоприятного для себя баланса сил в регионе в условиях анархии. ДРК же, являясь государством с малым политическим весом, вынуждена подчиняться воле великих держав, действуя в рамках структурных ограничений международной системы.

Для решения поставленных задач автором были задействованы следующие методы: историко-сравнительный метод для сопоставления имевшихся условий реализации мирного транзита власти в ДРК в период с 1990 г. по 2021 г., инвент-анализ для детального изучения конкретных действий политических акторов, способствовавших или препятствовавших мирной передаче власти, а также контент-анализ для детального рассмотрения конголезских законодательных текстов. Методологическая основа исследования опирается на системный подход, который позволяет рассматривать мирный транзит власти в ДРК в качестве определённой системы, функционирующей при наличии соответствующих условий.

Научная новизна исследования состоит в выявлении конкретных особенностей, способствующих и тормозящих процесс мирного транзита власти в ДРК, на основе анализа внутриконголезского исторического опыта передачи власти и влияния международного сообщества на данный процесс, а также в прогнозировании возможного характера транзита власти в ДРК в будущем.

Эволюция проблемы мирного транзита власти в ДРК

С первых дней своего постколониального существования Конго-Леопольдвиль было погружено в перманентную политическую нестабильность. Молодая страна сталкивалась с рядом проблем: сепаратизм регионов Катанга и Южное Касаи, интервенция западных военных сил, отсутствие устойчивых государственных политических институтов и, конечно, внутривластная борьба за власть. Особенно ожесточенное противостояние велось между президентом Ж. Касаубу, премьер-министром П. Лумумбой и начальником штаба конголезской армии полковником Ж. Д. Мобуту [\[2, с. 57\]](#).

Первая подлинная смена режима в Конго произошла в 1965 г. и имела насильственный характер. В ходе военного переворота, организованного уже упоминавшимся ранее Ж. Д. Мобуту, Ж. Касаубу был смещен со своего поста, а должность президента страны оставалась за Мобуту вплоть до 1997 г.

Период правления Мобуту до 1990-х гг. носил диктаторский характер и не предполагал какой-либо передачи власти. Будучи представителем военного крыла Конго, Мобуту имел собственные взгляды касательно стабилизации военно-политического положения в стране, которого можно было добиться, согласно его мнению, путём увеличения власти центра и самого президента с одновременным ограничением деятельности оппозиции. Конголезская конституция 1965 г. закрепляла существование в стране двухпартийной системы и упраздняла должность премьер-министра, которая в первые годы независимости Конго являлась одним из наиболее важных политических постов, способных выступить против действующего власти президента (наглядный пример – конфликт президента Касаубу и премьер-министра Лумумбы). Позднее поправки к конституции от 1974 г. заменили двухпартийную систему на однопартийную, провозгласили доктрину мобутизма и снимали ограничения на количество президентских сроков (Congo Zaïre. Constitution du 15 août 1974. URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/cd1974.htm>).

Впрочем, уже в первой половине 1990-х гг. на фоне формирования нового мирового порядка конголезская политическая конъюнктура пережила глобальные изменения, которые стоит рассмотреть поподробнее ввиду их значимости для выбранной темы.

Одним из наиболее видных показателей имевших место перемен можно назвать появление абсолютно нового органа на конголезской политической арене – Национальной суверенной конференции (НСК), ставшей первой легальной оппозиционной площадкой в Заире, в рамках которой различные партии, общественно-политические организации и религиозные структуры могли позволить себе не только открытую критику Мобуту, но и обсуждать инициативы, способствующие мирному транзиту власти [\[8, с. 9\]](#). Главным образом НСК была нацелена на обсуждение всех вопросов, представлявших национальный интерес, разработку проекта новой конституции для его вынесения на всенародный референдум, определение содержания избирательного закона и составление графика выборов (Congo Zaïre. Acte constitutif n° 91-097 du 11 avril 1991 portant création et composition de la Conférence nationale. URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/cd1991.htm>). С юридической точки зрения этот орган не находился в прямом подчинении президента Мобуту, а наличие в его рядах видных оппозиционных деятелей (например, Э. Чисекеди – одного из главных критиков Мобуту) затрудняло установление непрямого контроля над ним.

Примечательно, что Мобуту на протяжении нескольких месяцев препятствовал началу работы конференции, стремясь сохранить за ней в первую очередь статус

конституционной, а не общенациональной, несмотря на наличие соответствующего закона от апреля 1991 г. В дальнейшем Мобуту продолжал неоднократно срывать работу НСК, которую он не считал суверенной и никогда не посещал ^[7, с. 402], видя в ней угрозу своего существования. Всего таких случаев можно насчитать около трёх: сентябрь 1991 г., январь 1992 г. и июль 1992 г. Зачастую за приостановкой деятельности НСК следовали мирные выступления граждан Заира, протестовавших против подобных действий властей. Впрочем, ответом режима на акции граждан становилось насилие в отношении протестующих, которое учинялось заирской армией.

Важно отметить, что имевшие место договорённости (например, «Глобальный политический компромисс» от июля 1992 г.), где власти и оппозиция формально улаживались о распределении обязанностей управлением государством и о сроке переходного периода (Congo Zaïre. Acte constitutif du compromis politique global de la transition (30 juillet 1992). URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/cd1991.htm#3>), не способствовали полноценному реформированию социально-политической системы страны. Действительно, в августе 1992 г. НСК провела выборы премьер-министра в переходное правительство, уверенную победу на которых одержал Э. Чисекеди, однако Мобуту фактически выступил против правительства Чисекеди и созвал уже распущенный Законодательный совет, в котором заседали его сторонники, а в декабре того же года и вовсе отправил в отставку оппозиционное правительство после отказа Э. Чисекеди присягнуть президенту как гаранту нации (Винокуров Ю. Н. Политическая борьба в Демократической Республике Конго (1965-2001 гг.). Дис. д-ра ист. наук, с. 192-193).

Процесс транзита власти привёл Заир к фактическому установлению двоевластия, что проявлялось как в существовании двух парламентов (оппозиционный «Высший совет республики», который стал продолжением завершённой в декабре 1992 г. НСК, и мобутовская «Национальная ассамблея»), так и двух проектов конституции (НСК представила свой текст ещё в августе 1992 г., а пропрезидентская Национальная ассамблея – в апреле 1993 г.). Мобуту был по-прежнему заинтересован в сохранении своей власти, для чего он прибег к использованию армии в качестве элемента устрашения оппозиции и недовольных властью и контроля над важными экономическими органами – центральным банком и налоговой службой ^[8, с. 101].

Покончить с установившимся двоевластием сторонам удалось лишь в 1994 г., когда через некоторое время после переговоров между сторонниками Мобуту и оппозицией был создан объединённый однопалатный парламент – «Высший совет Республики-Переходный парламент» (ВСР-ПП), что было указано в очередном конституционном акте от апреля 1994 г., который несколько ограничивал полномочия президента: например, он не мог назначить премьер-министра не из ряда оппозиции (Congo Zaïre. Acte constitutionnel de la transition. (9 avril 1994). URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/cd1994.htm>). Позднее, в июне 1994 г., власти опубликовали текст «особого соглашения» с оппозицией, где описывался принцип разделения власти между двумя «политическими семьями» – упоминавшимся пропрезидентским «конклавом» и оппозицией, а в следующем месяце пост премьер-министра занял бывший мобутовский соратник Л. Кенго Ва Дондо, хотя его фигура впоследствии вызывала немало споров внутри оппозиции (Le blocage du processus de transition. Human Rights Watch. 1997. URL: <https://www.hrw.org/legacy/french/reports/zaire/3.htm>).

Интересно, что за весь период «транзита» власти в Заире также поднимался вопрос о необходимости проведения президентских выборов, поскольку мандат Мобуту истекал ещё в конце 1991 г., однако выборы, переносимые несколько раз, так и не состоялись

как из-за нехватки финансирования, так и за последовавшей насильственной сменой власти в 1997 г. В то же время оппозиция, хотя и периодически позволяла себе крайне резкие высказывания в адрес Мобуту, тем не менее не ставила одним из условий отстранение Мобуту от власти в переходный период и даже допускала возможность его баллотирования на новый срок. Мобуту, несмотря на его непопулярность среди заирцев, не был исключён из процесса переходного периода, что также является одной из особых черт рассматриваемого политического процесса в начале 1990-х гг. Подобное отношение оппозиции к положению заирского президента можно объяснить главным образом сохранявшимся у Мобуту контролем над армией, которая, несмотря на низкие жалования, по-прежнему не выступала против самого Мобуту, а также отсутствием единства в рядах заирской оппозиции, для некоторых представителей которой Мобуту мог выступить в качестве ситуативного партнёра в вопросе усиления собственных позиций.

Таким образом, первая попытка мирного транзита власти в Заире оказалась скорее неудачной, поскольку не достигла своих основных целей, а сама власть в стране сменилась в ходе вооружённого конфликта 1996-1997 гг., в результате которого к власти пришёл Л. Д. Кабила, переименовавший Заир в ДР Конго. Тем не менее нельзя отрицать значимость этого процесса для конголезской политической культуры, заложившего основу для будущего взаимодействия между властями и оппозицией ДРК.

Опыт первого успешного мирного транзита власти в ДРК

В январе 2019 г. к власти в ДРК пришёл нынешний президент Ф. Чисекеди, сын оппозиционера Э. Чисекеди, набрав 38% голосов избирателей на президентских выборах. Несмотря на имевшие место споры касательно легитимности и прозрачности данных выборов и несогласие оппозиции с их итогами, передача власти от Ж. Кабилы к Ф. Чисекеди прошла относительно мирно и без перестройки государственного аппарата страны с последующим образованием новой республики, что стало первым подобным случаем в истории ДРК^[9, с. 41]. Тем не менее, этому знаменательному событию предшествовал сложный период политической борьбы и диалога между властями и оппозицией.

Стоит упомянуть, что Ж. Кабила, сын Л. Д. Кабилы, одержал победу на выборах как в 2006 г., так и в 2011 г., имея право, согласно конституции, занимать свою должность до конца 2016 г. без последующего переизбрания. Впрочем, уже в 2014 г. пропрезидентский лагерь намеревался изменить конголезскую конституцию с целью продления полномочий Кабилы (RDC: l'article 220 de la constitution peut être révisé par voie référendaire, selon Richard Muyej. Radio Okapi. 19.07.2014. URL: <https://www.radiookapi.net/actualite/2014/07/19/rdc-larticle-220-de-la-constitution-peut-etre-reviser-par-voie-referendaire-selon-richard-muyej>), а также предпринимал попытки отсрочить проведение выборов в 2016 г. на неопределённый срок, что неоднократно приводило к многочисленным акциям протеста против действий властей, в результате которых погибло несколько десятков демонстрантов.

Напряжённая внутривнутриполитическая обстановка в ДРК совместно со снижавшейся поддержкой режима Кабилы со стороны западных государств вынудили конголезские власти пойти на диалог с оппозицией, который прошёл в два этапа: изначально часть оппозиции под главенством Э. Чисекеди отвергла возможность проведения переговоров с Кабиллой, проигнорировав встречу при посредничестве Африканского союза между властями и другой частью оппозиции в октябре 2016 г., однако в декабре всё же присоединилась к диалогу. Результатом всеобъемлющих переговоров стало подписание

31 декабря 2016 г. компромиссного «Соглашения Сан-Сильвестр» под медиацией католической Национальной епископальной конференции Конго (CENCO). Согласно тексту соглашения, общенациональные выборы должны были состояться не позднее декабря 2017 г., а до этого момента Кабила продолжал исполнять обязанности президента без возможности баллотирования на третий срок, но в то же время оппозиция должна была представить собственного единого кандидата на должность премьер-министра (Accord politique global et inclusif du centre interdiocesain de Kinshasa. URL: <https://cenco.cd/wp-content/uploads/2017/04/ACCORD-POLITIQUE-GLOBAL-ET-INCLUSIF-31-Dec-2016-VERSION-ELECT.pdf>).

Сохранявшееся нежелание Кабилы покидать свой пост, а также усилившийся раскол внутри оппозиции, произошедший после смерти Э. Чисекеди 1 февраля 2017 г., вылились в затяжной процесс переговоров между сторонами, что, в свою очередь, вынудило CENCO снять с себя посреднические полномочия из-за возможных репутационных потерь (Electoral Poker in DR Congo. International Crisis Group. 04.04.2018. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/democratic-republic-congo/259-electoral-poker-dr-congo>).

Кроме того, крайне остро стоял вопрос о назначении премьер-министра. Конголезские СМИ предполагали, что возглавить правительство может Ф. Чисекеди (Félix Tshisekedi Premier ministre à la place de Samy Badibanga? Beto. 23.12.2016. URL: <https://beto.cd/actualite/la-rdc-a-la-une/2016/12/23/felix-tshisekedi-premier-ministre-a-place-de-samy-badibanga.html/9889/>), однако из-за существовавших противоречий оппозиция не могла представить единого кандидата, чем успешно воспользовался Кабила, самостоятельно назначив на должность премьер-министра Б. Чибалу, бывшего соратника Э. Чисекеди. Этим действием Кабила нарушил одно из положений соглашения Сан-Сильвестр и усилил раскол в рядах оппозиции.

На фоне растущего давления на Киншасу из вне и продолжавшихся антикабиловских протестов, систематически подавляемых властями, Кабила едва ли мог рассчитывать на международное признание в случае сохранения власти в своих руках. За несколько часов до закрытия регистрации кандидатов на выборы президента страны правящая партия представила кандидатуру Эммануэля Рамазани Шадари – близкого соратника Кабилы.

Показательно, что конголезской оппозиции не удалось выступить единым фронтом против кандидатуры Шадари, однако это не помешало Ф. Чисекеди одержать победу на президентских выборах. Впрочем, несмотря на относительно мирный переход власти в руки новых политических сил, прозрачность выборов вызвала сомнения как внутри ДРК, так и за её пределами, а их итог стал «парадоксальным» из-за неожиданного поражения другого оппозиционера – М. Файюлу [\[13, с. 39\]](#).

Тем не менее, сам факт смены власти в ДРК в этот период значительно отличил конголезское государство от большинства его соседей по региону. Например, в таких странах, как Руанда, Уганда, Бурунди, Республика Конго лидеры занимали свою должность на протяжении нескольких десятилетий, а деятельность оппозиции в этих странах весьма ограничена. В других странах региона, как, например, в Анголе или Танзании, имел место транзит власти внутри правящей партии, однако оппозиционные силы так и не были допущены до управления страной. Пожалуй, одним из немногих успешных примеров транзита власти от одной политической силы к другой можно назвать Кению, где основное столкновение между субъектами происходит непосредственно в рамках юридических норм и не доходит до прямого вооруженного противостояния или

попыток неконституционного продления полномочий уходящей администрацией [3, с. 3-4]. Кроме того, с 2008 по 2013 гг. в Кении существовало правительство национального единства, которое стало результатом договора между рядом политических партий по вопросу прекращения политического кризиса в стране, случившегося после выборов 2007 г. В истории ДРК подобных претендентов не было.

Коалиция FCC-CACH как проявление неполноценного транзита власти

Приход оппозиции к власти в ДРК в 2019 г. не повлёк за собой немедленного исчезновения Ж. Кабила и лояльных ему сил с конголезской политической арены. Вместо этого Кабила выбрал стратегию «контролируемого ухода», формально находясь в должности пожизненного сенатора, но продолжая оставаться видной политической фигурой. Давление на Кабилу со стороны внешних акторов и напряжённая ситуация внутри страны сводили шансы бывшего президента на возможное продление своих полномочий к нулю и вынудили его заранее готовить основу своего политического присутствия в высших эшелонах конголезской власти.

В сложившихся условиях Кабила был заинтересован в сохранении контроля над законодательной властью – в первую очередь над Национальной ассамблеей (нижняя палата парламента ДРК, состоящая из 500 депутатов), для чего была произведена реорганизация круга его политических сторонников. Ещё в январе 2018 г. в правящей тогда партии Кабила «Народная партия за реконструкцию и развитие» (PPRD) произошли значимые изменения, в результате которых за Кабиллой было закреплено право самостоятельного назначения вице-президента PPRD (Electoral Poker in DR Congo. International Crisis Group. 04.04.2018. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/democratic-republic-congo/259-electoral-poker-dr-congo>). Помимо этого, на место пропрезидентской коалиции «Президентское большинство» (MP), которое также незадолго до выборов пополнилось новыми членами, пришёл «Общий фронт за Конго» (FCC). FCC представлялся куда более широким объединением, чем MP, поскольку к FCC присоединился ряд политических сил, с которыми Кабила вёл переговоры ещё с начала 2016 г. [14, с. 127]. Таким образом, к моменту проведения выборов в парламент Кабила подошёл с обновлённой и усиленной политической платформой.

Существовавший раскол внутри оппозиции, выдвинувшей двоих кандидатов на пост президента (М. Файюлу и Ф. Чисекеди), также стал заметным преимуществом для Кабила, которым он успешно воспользовался. Так, между коалициями Кабила (FCC) и Чисекеди («На пути к переменам» – CACH), который, согласно опросам, должен был уступить первое место Файюлу, было заключено тайное соглашение о создании коалиционного правительства [15, с. 377-378] с целью осуществления мирного перехода власти, как позже утверждал Чисекеди («Il y a eu un deal avec Kabila pour que l'alternance se passe pacifiquement»: Félix Tshisekedi. Beto. 27.02.2019. URL: <https://beto.cd/actualite/la-rdc-a-la-une/2019/02/27/il-y-a-eu-un-deal-avec-kabila-pour-que-lalternance-se-passe-pacifiquement-felix-tshisekedi.html/35091/>). Тем не менее, ряд как конголезских, так и зарубежных СМИ совместно с экспертами полагали, что в действительности этот договор, предположительно носивший название «Соглашение о стабильности и мире в Конго», был направлен на документальное закрепление определённых уступок в адрес FCC со стороны лагеря Чисекеди [6, с. 60]. Например, клану Кабила предоставлялся полный иммунитет, стороны договаривались о проведении консультаций по вопросам внесения изменений в государственные и силовые структуры, а на выборах 2023 г. лагерь Чисекеди обязывался поддержать кандидата на пост президента от FCC (Exclusif: En 7 points, ce que l'on sait du «deal», l'accord Tshisekedi-

Kabila. 7sur7. 30.10.2020. URL: <https://7sur7.cd/2020/10/30/exclusif-en-7-points-ce-que-lon-sait-du-deal-laccord-tshisekedi-kabila>).

Соглашение между Кабилой и Чисекеди являлось выгодным для обеих сторон: Чисекеди получал поддержку многочисленных прокабиловских сил, а Кабила, в свою очередь, продолжал оставаться значимой политической фигурой даже на фоне проигрыша его ставленника Э. Шадари. В итоге Чисекеди одержал «неожиданную» победу на президентских выборах, а кабиловская коалиция FCC получила 341 место из 500 в Национальной ассамблее и 98 мест из 109 в Сенате ДРК, а также победила в 22 из 26 провинций [16, с. 17].

Переговоры между FCC и CACH продвигались непросто, однако на ряд важных должностей тем не менее были назначены сторонники Кабилы. Так, с мая по июль 2019 г. места премьер-министра, спикера Национальной ассамблеи и спикера Сената заняли именно члены кабиловской FCC. Полноценно же новое коалиционное правительство, состоявшее из 65 членов (42 члена из FCC, 23 – из CACH), начало функционировать лишь в сентябре 2019 г. Кроме того, ряд важных министерских постов, среди которых пост министра обороны, финансов и горнодобывающей промышленности, также достались представителям FCC и кабиловской PPRD в частности.

Тем не менее, несмотря на относительно мирную передачу власти новому президенту и формирование коалиции, которой удалось создать правительство, подобный транзит едва ли возможно назвать полноценным: ключевые посты в государстве и законодательные органы по-прежнему оставались за прокабиловскими силами, что неминуемо сказывалось на способности новой администрации проводить свою политику в полной мере. Это осознавал и Ф. Чисекеди, заявивший в январе 2020 г. в Лондоне, что он имеет право распустить Национальную ассамблею в случае создания ею препятствий в реализации президентской политики (DRC: Félix Tshisekedi pushes back against Joseph Kabila. The Africa Report. 04.02.2020. URL: <https://www.theafricareport.com/22930/drc-felix-tshisekedi-pushes-back-against-joseph-kabila/>). Примерно с этого периода представители двух лагерей начали вести активную борьбу между собой, которая завершилась распадом коалиции FCC-CACH в декабре 2020 г., утратой FCC своих позиций, созданием платформы «Священный союз нации» (USN) под главенством президентской партии, формированием нового правительства в апреле 2021 г. и завершением периода половинчатого перехода власти к администрации Чисекеди.

Важно отметить, что для устранения политических конкурентов в лице Кабилы и его сторонников, Чисекеди прибег к использованию методов, прямо нарушающих конституцию ДРК. Например, в июле 2020 г. он единовременно назначил трёх новых судей в Конституционный суд, в то время как он не имел юридического права как-либо видоизменять состав этого суда до мая 2021 г. и назначать более одного судьи [17, с. 94]. Кроме того, уже после официального упразднения коалиции с FCC, Чисекеди назначил «переговорщика» внутри Национальной ассамблеи с целью поиска партнёров для образования новой парламентской платформы – USN, что также противоречило конституции, поскольку «переговорщик» должен назначаться непосредственно после выборов. Впрочем, сам USN был оформлен также довольно сомнительным образом: депутатам парламента запрещено переходить из одной коалиции в другую, однако USN была создана не как политическая партия или платформа, а как «видение», к которому депутаты могли присоединиться, не теряя при этом свой мандат [17, с. 99]. Примечательно, что Конституционный суд поддержал все спорные решения Чисекеди.

Фактор внешнего влияния на процесс мирного транзита власти в ДРК

Отдельно стоит обратить внимание на влияние иностранных государств на исследуемый процесс, которое представляется весьма существенным.

Вовлечение ряда стран в транзитный процесс ДРК (Заира) было заметно ещё в начале 1990-х гг. и во многом связано с изменившейся ролью Мобуту на международной арене. Так, Мобуту, являясь противником коммунистических идей и выступая в качестве буфера против распространения коммунистической идеологии в Африке [2, с. 57], более не был востребован в подобной роли, лишившись соответствующей военно-политической поддержки западных государств, которые стали настаивать на необходимости демократизации режима [4, с. 72]. На фоне же устраиваемых войсками Мобуту показательных расправ над несогласными с действующей политикой властей, как, например, «резня в Лубумбаши» в мае 1990 г., бывшие союзники Заира продолжали усиливать свою критику в адрес Киншасы [5, с. 160], что наряду с экономическими проблемами вынудило Мобуту приступить к демократизации своего режима.

Необходимо отметить, что немаловажную роль в первом мирном транзите власти в ДРК сыграл ряд западных государств, который стал усиливать своё давление на Киншасу в вопросе транзита власти не только на уровне заявлений, но и на уровне принятых документов. Так, в июне и сентябре 2016 г. США ввели санкции против некоторых высокопоставленных конголезских военных за подрыв демократических процессов в ДРК (Treasury Sanctions Two Individuals for Threatening the Stability of and Undermining Democratic Processes in The Democratic Republic of the Congo. U.S. Department of the Treasury. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jl0560>), а в декабре аналогичные санкции ввёл Европейский союз (Council Regulation (EU) 2016/2230 of 12 December 2016. Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R2230>). Весьма вероятно, что именно начатая против ДРК санкционная политика вынудила Киншасу проявить большую сговорчивость и стать инициатором начала переговоров с частью оппозиции во главе с Э. Чисекеди в декабре 2016 г. (Time for Concerted Action in DR Congo. International Crisis Group. 04.12.2017. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/democratic-republic-congo/257-time-concerted-action-dr-congo>), сделав её участником упомянутого ранее соглашения.

Тем не менее, несмотря на определённые успехи Кабила в вопросе затягивания проведения выборов, рассмотренные выше, международное давление на Киншасу как со стороны западных государств (в 2017 г. США и ЕС вновь ввели санкции против некоторых конголезских военных,) так и соседей по региону (главным образом в лице Анголы и стран юга Африки) сделало задачу удержания власти Кабилой трудновыполнимой., поскольку в случае продления своих полномочий Кабила рисковал столкнуться с международной изоляцией. Против возможного третьего срока Кабила высказались Ангола, Ботсвана, чей тогдашний президент открыто призвал Кабилу оставить свой пост (Botswana's President Speaks His Mind About Fellow African Leaders, and Trump. Bloomberg. 02.03.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-03-01/trump-kabila-are-targets-of-diplomacy-eschewing-botswana>), Франция, Бельгия, США и др. Киншаса же рассматривала подобную позицию в качестве вмешательства во внутренние дела страны. Кроме того, такие организации, как Африканский союз, Сообщество развития юга Африки (САДК) также неоднократно проявляли заинтересованность в успешной организации выборов, предлагая для этого свои услуги, от которых Кабила предпочитал отказываться, ссылаясь на самостоятельность ДРК в решении этого вопроса.

На фоне растущего давления на Киншасу из вне и продолжавшихся антикабиловских протестов, систематически подавляемых властями, Кабила едва ли мог рассчитывать на международное признание в случае сохранения власти в своих руках.

Санкции, введённые против некоторых конголезских лиц со стороны США и Европейского союза, а также антикабиловская позиция ряда других африканских государств имели гораздо больший политический вес, чем контроль Кабилы над основными государственными институтами, которые могли бы гарантировать его переизбрание, но не международную легитимность

Помимо того, можно также предположить, что Кабила представлялся не самой удобной фигурой для США (российский африканист А.Ю. Урнов и вовсе утверждал, что США «враждебно относились к режиму Ж. Кабилы»^[11, с. 32]). ДРК при Кабиле активно развивала отношения с Китаем и в 2008 г. заключила соглашение с китайским консорциумом о предоставлении китайской стороне концессий на добычу конголезских полезных ископаемых в обмен на инфраструктурные инвестиции на несколько миллиардов долларов. Кроме того, Пекин также не высказывался против продления полномочий Кабилы, что в теории могло лишь усилить политическое и экономическое влияние КНР в ДРК в случае сохранения Кабиллой поста президента. Для администрации Д. Трампа представлялось более целесообразным выстраивать отношения с новыми конголезскими властями, не уличёнными в тесных контактах с КНР. В будущем Ф. Чисекеди действительно пересмотрел условия заключённого ранее крупного договора с китайской стороной, что было всецело поддержано американцами^[12, с. 680].

Кроме того, отношения между ДРК и Бельгией в последние два года президентства Ж. Кабилы также переживали значительный упадок из-за предпринимаемых Кабиллой внутривнутриполитических действий, что в конечном счёте привело к «визовому» конфликту, разрыву военных контактов между странами по инициативе ДРК и ограничению деятельности «Бельгийского агентства международного сотрудничества» («Enabel») на территории ДРК, что, очевидно, снижало влияние Бельгийского королевства в стране. Согласно Киншасе, именно Бельгия являлась одним из наиболее активных инициаторов введения европейских санкций против ряда высокопоставленных конголезских чиновников (Répondre à la crise belgo-congolaise dans l'intérêt de la société civile congolaise. CNCD. 30.01.2018. URL: <https://www.cncd.be/Repondre-a-la-crise-belgo?lang=fr>)

Для ряда же африканских стран переизбрание Ж. Кабилы могло вылиться в значительную региональную проблему (в первую очередь в миграционную) на фоне возможной дестабилизации военно-политической обстановки внутри конголезского государства. Помимо этого, поддерживать Кабилу более не представлялись выгодным с имиджевой точки зрения, что было особенно актуально для Анголы, президентом которой в 2015 г. стал Ж. Лоренсу, пришедший на смену многолетнему ангольскому лидеру Ж. Э. душ Сантушу. На фоне перемен, имевших место, в Анголе, поддержка Кабилы со стороны Лоренсу выглядела бы неоднозначно. В свою очередь, жёсткую риторику Ботсваны в отношении Кабилы можно объяснить её традиционной приверженности продвижению демократии в регионе^[10, с. 46].

Отдельно стоит также отметить позицию, которую занял ряд иностранных государств в отношении проводимых неконституционных действий Ф. Чисекеди против FCC. Примечательно, что в адрес конголезского президента не была высказана соответствующая критика. Можно предположить, что Чисекеди получил негласную

поддержку в деле устранения своего политического конкурента, по-прежнему сохранявшего значительный политический вес и стремившегося вернуться к власти в 2023 г., и в целом представлялся более желанным партнёром, чем Кабила, который уже успел испортить отношения с некоторыми иностранными государствами.

Перспектива сохранения власти Ф. Чисекеди после 2028 г.

Согласно действующей конституции ДРК, Ф. Чисекеди, победивший на выборах в 2018 и 2023 гг., более не имеет права баллотироваться на пост президента страны. Тем не менее, опыт с Ж. Кабиллой показал, что прописанные в основном законе страны ограничения вовсе не гарантируют, что глава конголезского государства действительно будет готов оставить свой пост в назначенный срок и предать власть новоизбранной администрации. Критика в адрес нынешней конституции ДРК со стороны президента Чисекеди, который называет её «плохой» и «написанной иностранцами» (Президент ДРК анонсировал создание комиссии для разработки новой конституции. ТАСС. 24.10.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22209465>), также формирует у оппозиции серьёзные опасения касательно намерений Чисекеди пролонгировать свои полномочия.

Теоретически президент ДРК может продлить своё пребывание на занимаемом посту тремя способами: путём переноса проведения президентских выборов на неопределённый срок, внесения соответствующих изменений в действующую конституцию или принятия новой конституции страны. При этом стоит помнить, что для реализации подобных планов президент должен обладать безоговорочной поддержкой со стороны как конголезского парламента, так и Конституционного суда, которые могли бы придать действиям главы государства легитимный характер.

Вариант с переносом выборов на неопределённый срок представляется как наиболее спорный и ненадёжный процесс, что уже подтвердилось в случае с Ж. Кабиллой, по итогу вынужденным покинуть свой пост. В свою очередь, пересмотр конституции также весьма проблематичен и осложнён юридическими ограничениями. Так, статья 220 Конституции ДРК гласит, что «количество и продолжительность полномочий Президента Республики... не могут быть предметом какого-либо конституционного пересмотра» (Constitution de la République Démocratique du Congo. Modifiée par la Loi n° 11/002 du 20 janvier 2011 portant révision de certains articles de la Constitution de la République Démocratique du Congo du 18 février 2006. URL: <https://www.leganet.cd/Legislation/JO/2011/JOS.05.02.2011.pdf>), а, согласно мнению конголезского исследователя М. Нгаламулуме Галанса, изменение содержания статьи 220 является юридически невозможным ^[18, с. 152]. Впрочем, в истории ДРК уже имеется опыт пересмотра конституции в 2011 г., в результате которого властям главным образом удалось изменить лишь число туров выбора президента ДРК, сократив его до одного, однако внести корректировки в статью 220, несмотря на предпринимавшиеся попытки, Кабиле не удалось.

Наиболее вероятным представляется принятие новой конституции, которая может обнулить президентские сроки, что является весьма распространённой не только в Африке практикой. Чисекеди склоняется именно к подобному варианту. Например, в октябре 2024 г. он объявил о намерении создать комиссию экспертов по вопросу пересмотра конституции. Президент ДРК прямо не заявляет о желании изменить количество президентских сроков и их продолжительность, однако он не опровергает возможность их пересмотра по воле конголезцев (Congo President Tshisekedi draws criticism over constitutional reform plans. Reuters. 24.10.2024. URL:

<https://www.reuters.com/world/africa/congo-president-tshisekedi-draws-criticism-over-constitutional-reform-plans-2024-10-24/>). Главным образом он придерживается мнения, что в новой конституции должна быть закреплена практика назначения губернаторов центральными властями и более своевременного формирования правительства (Изменить нельзя оставить: о возможном пересмотре Конституции ДРК. РСМД. 26.12.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/izmenit-nelzya-ostavit-o-vozmozhnom-peresmotre-konstitutsii-drk/>).

Тем не менее, процесс принятия новой конституции связан со множеством противоречивых факторов, которые могут способствовать торможению его реализации. Во-первых, оппозиция уже высказалась против принятия новой конституции и намеревалась организовывать митинги против инициативы президента. Католическая церковь, в свою очередь, пока что сохраняет молчание, однако маловероятно, что она поддержит Чисекеди в случае его стремления сохранить власть (стоит вспомнить, что СЕНСО уже ставила под сомнение честность проведённых выборов в 2018 и 2021 гг.). Крупномасштабные акции протеста оппозиции и церкви, уже имевшие место в конголезской истории, станут серьёзным вызовом для властей и в совокупности с возможными жертвами среди протестующих могут негативно отразиться на легитимности Чисекеди как внутри ДРК, так и за её пределами, а также привести к масштабному политическому кризису в стране.

Во-вторых, немаловажную роль играет позиция международного сообщества, что уже подтвердил опыт с Ж. Кабилой в 2016-2018 гг. На данный момент иностранные лидеры не комментируют слова Чисекеди, однако нельзя исключать возможности ужесточения их риторики в отношении Киншасы по мере реализации планов конголезского президента.

В-третьих, конфликт на востоке ДРК, получивший более крупное измерение в январе 2025 г., затрудняет осуществление потенциальных конституционных реформ из-за необходимости проведения более активной внешней политики (Вашингтонский и Дохийский процессы) и поиска соответствующего компромисса между различными конголезскими политическими силами внутри страны для урегулирования конфликта. Кроме того, массовые акции протеста против новой конституции на фоне продолжающейся войны в Северном и Южном Киву могут стать причиной значимого ослабления боеспособности конголезской армии, что способно привести к утрате Киншасой контроля над ещё большими территориями государства.

Таким образом, возможность сохранения Ф. Чисекеди у власти после 2028 г. в нынешних условиях представляется достаточно спорной из-за действующих юридических ограничений и даже опасной в условиях активной фазы войны на востоке ДРК и нестабильности в других её частях. Тем не менее, можно предположить, что в период проведения конституционной реформы Чисекеди будет намерен добиться если не безусловной поддержки, то как минимум отсутствия осуждения подобных действий со стороны международного сообщества, от реакции которого во многом и будет зависеть успех инициативы президента.

Заключение

Проведённый в рамках данной работы анализ позволяет сделать вывод, что мирный транзит власти в ДРК является весьма проблематичным процессом, а его успешная реализация зависит от множества как внутренних, так и внешних факторов. За всю историю с момента обретения независимости в ДРК преобладала насильственная смена власти, а мирная имела место лишь единожды – в 2019 г. Тем не менее, стоит отметить,

что определённые попытки добиться мирной смены власти предпринимались конголезской оппозицией и гражданскими организациями ещё в первой половине 1990-х гг., однако должного успеха они не имели, хотя и значительно отразились на политическом развитии ДРК в XXI в., создав условия, при которых оппозиция может вести открытый диалог с властями.

Среди основных проблем, препятствующих осуществлению мирного транзита власти в ДРК можно выделить следующие:

Во-первых, у конголезских властей отсутствует стремление способствовать передаче властных обязанностей оппозиционным лицам, не включённым в их сферу влияния. В период деятельности НСК Мобуту всячески саботировал её полноценное функционирование, а пример с Ж. Кабилой показал, что даже конституционные ограничения президентских сроков не являются гарантом своевременного оставления президентом занимаемого им поста.

Во-вторых, конголезская оппозиция зачастую представляется весьма разрозненной, что нередко сказывается на её способности не только противостоять действующим властям единым фронтом, но и осуществить полноценный мирный транзит власти. Конфликты между лидерами оппозиционных партий и их личные амбиции могут перерастать в ситуативные союзы между частью оппозиции и уходящими властями, против которых выступала оппозиция. Впрочем, сам факт наличия неподконтрольной властям оппозиции создаёт условия благоприятные условия для формирования дискурса о мирном транзите власти.

В-третьих, крупные конфликты на территории ДРК также сильно ограничивают возможность мирной передачи власти, что особенно хорошо продемонстрировали события 1997 г. Нынешний конфликт на востоке ДРК в случае его географического разрастания рискует создать неблагоприятные условия для осуществления мирной передачи власти.

В свою очередь, ключевую роль в вопросе успешного мирного транзита власти влияет и международное сообщество, которое определяет легитимность властей ДРК. На протяжении нескольких десятилетий Мобуту представлялся в качестве необходимого партнёра для США и ряда европейских государств в период холодной войны, поэтому критика его режима была весьма ограничена, однако уже в 1990-х гг. эти страны, равно как и различные международные правовые организации, начали призывать Мобуту к демократизации режима. Ещё более показательным является период с 2016 по 2018 гг., когда Ж. Кабила также подвергался международной критике. Несмотря на наличие у Кабилы многолетний контроль за всеми основными государственными институтами, в случае своего переизбрания он рисковал не только попасть под более масштабные санкции, но и оказаться в политической изоляции, что вынудило его оставить свой пост. Кроме того, международное сообщество не осудило неконституционные методы борьбы Ф. Чисекеди против Ж. Кабилы в 2020-2021 гг.

Возможность же осуществления мирного транзита власти после 2028 г. представляется реалистичной только в том случае, если международное сообщество выступит однозначно против конституционной реформы, продвигаемой президентом Ф. Чисекеди. В ином случае весьма велика вероятность, что Чисекеди продлит свои президентские полномочия после принятия новой конституции ДРК.

Библиография

1. Tshombe, L. M. Failed States in the Central Africa Region: A Case of the Democratic Republic of Congo. *Journal of Nation-Building and Policy Studies*. 2023. Vol. 7, no. 1. P. 29-47. doi: 10.31920/2516-3132/2023/v7n1a2. EDN: ZEASVM.
2. Сидорова, Г. М. Вооруженные конфликты в Африке: на примере Демократической Республики Конго. М.: Вост. лит., 2013. 399 с. EDN: UZZYMN.
3. Drnovsky, A., & Mochtak, M. Power-sharing and democratization in Africa: the Kenyan experience. *Journal of International Relations and Development*. 2020. Vol. 23, no. 3. P. 607-635. doi: 10.1057/s41268-018-0158-9.
4. Afoaku, O. G. The Politics of Democratic Transition in Congo (Zaire): Implications of the Kabila "Revolution". *Journal of Conflict Studies*. 1999. Vol. 19, no. 2. P. 72-92. Retrieved from: https://www.erudit.org/en/journals/jcs/1999-v19-n2-jcs_19_2/jcs19_02art03/.
5. Weiss, H. Zaire: Collapsed Society, Surviving State, Future Polity. In J. Blaustein & I. W. Zartman (Eds.). *Collapsed States. The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority*. Boulder, CO: L. Rienner Publishers, 1995. P. 157-170.
6. Msambya, J. A. La Conférence Nationale Souveraine et la Longue Transition Politique Inachevée en République Démocratique du Congo (de 1990 à nos Jours). *Studia Universitatis Babes-Bolyai-Studia Europaea*. 2023. Vol. 68, no. 1. P. 39-70. doi: 10.24193/subbeuropaea.2023.1.02.
7. de Villers, G., & Tshonda, J. O. An Intransitive Transition. *Review of African Political Economy*. 2002. Vol. 29, no. 93/94. P. 399-410. doi: 10.1080/03056240208704629. EDN: DWWFVJ.
8. Nzongola-Ntalaja, G. From Zaire to the Democratic Republic of the Congo. *Current African Issues*. 2004. No. 28. P. 1-23. Retrieved from: https://files.ethz.ch/isn/96246/28_From-Zaire-to-the-DRC.pdf.
9. Сидорова, Г. М. Политическая оппозиция в Демократической Республике Конго: акторы, ресурсы и стратегии борьбы. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2019. Т. 13, № 3. С. 36-43.
10. Molutsi, P. Beyond the state: Botswana's democracy and the global perspective. *Journal of African Elections*. 2006. Vol. 5, no. 2. P. 41-51. doi: 10.20940/JAE/2006/v5i2a3.
11. Урнов А.Ю. США и конфликты в Африке // Конфликтология / nota bene. 2018. № 3. С. 15-42. DOI: 10.7256/2454-0617.2018.3.26863 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26863
12. Lohalo, G. O., Lestari, Y., Shongo, T., Mushinda, B. N., Diur, N. K., Badila, J. M., ... & Mutshembe, F. L. US-China Competition in Africa: The Strategic Ambiguity. *Open Journal of Political Science*. 2022. Vol. 12, no. 4. P. 670-684. doi: 10.4236/ojps.2022.124036. EDN: FIBUNY.
13. Сидорова, Г. М. Президентские выборы в ДР Конго: борьба за власть. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 4. С. 36-40. DOI: 10.31857/S032150750004381-1. EDN: ZFEBRB.
14. Englebert, P. Aspirations and realities in Africa: The DRC's electoral sideshow. *Journal of Democracy*. 2019. Vol. 30, no. 3. P. 124-138. doi: 10.1353/jod.2019.0047.
15. Ngumbi Kitete Wa Yuma, C. *Violence, démocratie et émergence des élites politiques en République démocratique du Congo: de Laurent Désiré Kabila à Félix Antoine Tshisekedi Tshilombo*. Kinshasa, RD Congo: L'Harmattan RDC, 2021.
16. Urs, A. B., & Mişcoiu, S. De la continuité à la rupture: une analyse discursive de la présidence de Félix Tshisekedi (RDC). In *Communication de crise et résolution des conflits en Afrique francophone*. Cluj-Napoca: Casa Cărţii de Ştiinţă, 2021. P. 11-28.
17. Wolters, S. Anatomy of a break-up in the Democratic Republic of Congo: The collapse of the FCC-CACH majority and why it matters. *South African Journal of International Affairs*. 2022. Vol. 29, no. 1. P. 91-106. doi: 10.1080/10220461.2022.2048688. EDN: UPICRS.
18. Ngalamulume Galance, M. Article 220 de la constitution du 18 fevrier 2006. Contribution

au débat autour de son intangibilité et de sa "révisabilité". KAS African Law Study Library. 2016. Vol. 3, no. 1. P. 142-165. doi: 10.5771/2363-6262-2016-1-142.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой рукописи исследует факторы, влияющие на динамику и перспективы транзита власти в Демократической Республике Конго, переживающей период политической нестабильности на протяжении многих лет. Поскольку проблема «транзита власти» занимает важное место в рамках современной политической науки и имеет значение для многих стран мира, актуальность выбранной темы представляется очевидной. В то же время, хотя автор достаточно подробно анализирует политические события в ДРК в течение нескольких десятилетий, можно отметить ряд существенных недостатков данной рукописи. Прежде всего, вызывает вопросы методологический подход, обозначенный автором как «теория элит». При этом автор не приводит ни имен представителей данного подхода, ни ссылок на наиболее значимые теоретические работы в рамках этого направления. Если автор имеет в виду классическую теорию элит, то необходимо сослаться на работы таких общепризнанных ученых как В. Парето и Г. Моска (как минимум). Также следует более подробно рассмотреть постулаты этой теории, не ограничиваясь тривиальными утверждениями о том, что «элиты контролируют основные государственные институты» и «выступают против подлинного плюрализма». При этом нужно обосновать – как именно данный подход позволяет добиться поставленной автором цели исследования. Еще одним слабым местом рукописи является формулировка научной новизны, которую автор видит в «комплексном рассмотрении опыта непосредственно мирного транзита власти в ДРК и его применение к прогнозированию возможного характера транзита власти в будущем». Необходимо иметь в виду, что сам по себе подход («комплексный» или любой другой) не может составлять научную новизну исследования, которая должна соотноситься с полученными автором результатами (то есть, новыми знаниями), а не со способом их получения. В текущей версии рукописи нет обоснования того, к каким новым знаниям об особенностях транзита власти в ДРК приходит автор с помощью примененной методологии. Основная часть статьи сводится к изложению уже известных фактов и событий, изложенных в хронологическом порядке (начиная с 1960-х годов). При этом автор не предпринимает попыток показать особенности транзита власти в ДРК на фоне аналогичных процессов в других африканских странах, хотя это могло бы привести к значимым исследовательским результатам. Структура статьи выглядит несбалансированной, поскольку автор уделяет слишком много внимания предыстории современных событий. Кроме того, на наш взгляд, имеет смысл рассмотреть специфику влияния иностранных государств на транзит власти в ДРК отдельно от внутривнутриполитических факторов. Также можно попытаться выявить особенности влияния африканских (Ангола, Ботсвана, и др.) и внерегиональных (США, Франция, Бельгия, Китай) стран на политическое противостояние в ДРК. Это позволило бы сделать авторскую аргументацию более структурированной и логичной. В заключении автор в основном обобщает рассмотренные в основной части статьи факты, не делая акцента на новизне полученных результатов. Автор также не дает четкого прогноза относительно «возможного характера транзита власти в будущем», ограничиваясь фразой о том, что «перспектива мирного транзита власти в ДРК видится

весьма туманной...».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой рукописи исследует факторы, влияющие на динамику и перспективы транзита власти в Демократической Республике Конго, переживающей период политической нестабильности на протяжении многих лет. Поскольку проблема «транзита власти» занимает важное место в рамках современной политической науки и имеет значение для многих стран мира, актуальность выбранной темы представляется очевидной. Стремясь выявить факторы, оказывающие влияние на транзит власти в ДРК, автор подробно анализирует политические события в республике на протяжении последних десятилетий. С методологической точки зрения, исследование опирается на классическую теорию элит, согласно которой динамика политического транзита определяется противостоянием «элит» и «контрэлит». При этом автор рассматривает роль таких акторов как США, Ангола, Бельгия, Франция и Африканский союз в качестве зависимых переменных, также оказывающих влияние на процесс передачи власти в ДРК. Данный подход способствует более всеобъемлющему пониманию факторов, воздействующих на политический транзит, поскольку предполагает включение в анализ как внутривнутриполитических, так и структурных переменных. В свою очередь, использование данного подхода позволяет автору прийти к новым исследовательским результатам. В то же время, можно порекомендовать автору добавить в описание методологии уточнение, касающееся использования двух уровней анализа – государственного (ДРК) и системного (роль внешних акторов). При этом сам политический транзит лучше охарактеризовать как «процесс», испытывающий влияние комплекса факторов (внутренних и внешних), а не как «систему, функционирующую при наличии соответствующих условий». Также следует добавить сноска на работы Г. Моски и В. Парето, так как это предусмотрено существующими академическими стандартами. Структура и содержание статьи выглядят достаточно логично и последовательно. Вместе с тем, можно порекомендовать дополнить библиографию ссылками на работы российских авторов – например, Денисова Т., Костелянец С. Демократическая республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды // Вестник Российского Университета дружбы народов. Серия: международные отношения. 2023. № 1; Точигин М. О внутривнутриполитической ситуации в Демократической республике Конго и перспективах миссии ООН (МООНДРК) // Ученые записки института Африки РАН. 2021. № 1. Включение ссылок на данные работы в текст статьи будет способствовать повышению уровня фундированности исследования и усилит апелляцию автора к оппонентам. Представленные в заключении выводы, в целом, представляются логичными и обоснованными. Автору удалось показать комплексное влияние внутривнутриполитических и системных факторов на процесс политического транзита в ДРК, что позволяет рассматривать рецензируемую статью как вносящую определенный вклад в существующие знания и поэтому представляющую интерес для аудитории журнала. Высказанные выше замечания вполне могут быть устранены автором в рабочем порядке.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Пичхун П. Культурно-гуманитарный аспект камбоджийско-российских отношений // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76931 EDN: FKCVGW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76931

Культурно-гуманитарный аспект камбоджийско-российских отношений

Пичхун Паня

ORCID: 0009-0005-0848-9722

Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Камбоджа в России; Посольство Королевства Камбоджа в России

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ ir_ambassy@mail.ru

[Статья из рубрики "Дипломатия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76931

EDN:

FKCVGW

Дата направления статьи в редакцию:

24-11-2025

Дата публикации:

03-12-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает гуманитарное сотрудничество между Российской Федерацией и Королевством Камбоджа, затрагивающее основные векторы двусторонних отношений в области просвещения как культуры так и туризма. В рамках данного объекта анализируются этапы становления, роста и оформления гуманитарного содействия, а также его воздействие на упрочение политического диалога и расширение народной дипломатии. Изучение концентрируется на способах осуществления образовательных проектов, культурных начинаний и туристических контактов, включая вовлечённость государственных и частных организаций. Уделяется повышенное внимание тому, как гуманитарные связи благоприятствуют взаимопониманию, созданию позитивных представлений о странах и формированию надёжной основы для дальнейшего взаимодействия. Также рассматривается ресурс

гуманитарного направления как самодостаточного инструмента внешней политики двух держав. Метод и методология исследования опираются на историко-генетический и сопоставительно-аналитические приемы, а также сегменты институционального разбора. Такой набор средств дает возможность проследить развитие видов взаимодействия и определить значение государственных и социальных структур в их претворении. Новизна исследования состоит в целостном анализе гуманитарного взаимодействия России и Камбоджи как единого, сопряжённого механизма, охватывающего просветительские, культурные и туристические русла, и располагающие независимым внешнеполитическим резервом. В работе впервые предпринята попытка не просто упорядочить имеющиеся виды сотрудничества, но и обнаружить внутренние закономерности и их становления, продемонстрировать взаимное воздействие отдельных частей гуманитарной области и определить их функции в построении надёжной базы двухсторонних отношений. Дополнительную оригинальность придаёт фокус на гуманитарном аспекте как на активе «мягкой силы», способном приумножить политическое и хозяйственное партнёрство. Кроме того, исследование подчеркивает значимость синергии гуманитарных направлений, усиливающий общий эффект воздействия. Данный подход открывает перспективы для формирования новых горизонтов сотрудничества, отвечающих современным вызовам.

Ключевые слова:

гуманитарное сотрудничество, Россия, Камбоджа, образование, культура, туризм, публичная дипломатия, мягкая сила, культурный обмен, международное партнерство

Введение

Гуманитарное взаимодействие играет ключевую роль в архитектуре международных отношений, выступая эффективным средством для достижения взаимопонимания между различными нациями, усиления взаимного доверия и установления прочных межгосударственных отношений. В условиях глобальных изменений и возрастающей значимости "мягкой силы" особое значение приобретает развитие гуманитарного диалога между государствами, базирующегося на таких столпах, как культура, образование, научный обмен и туризм. В этом аспекте сотрудничество между Российской Федерацией и Королевством Камбоджа служит примером конструктивного и взаимовыгодного партнерства, корнящегося в богатом историческом прошлом и общей политической воле к развитию всесторонних отношений.

Исторически гуманитарные связи между двумя странами уходят корнями в середину XX века, период активного сотрудничества между Советским Союзом и Камбоджей. Образовательные программы, культурные миссии, а также архитектурные и медицинские проекты были важной составляющей помощи, оказанной СССР Камбодже в период становления кхмерского государства после колониального господства. Этот период заложил прочный фундамент для дальнейшего сотрудничества, включая подготовку национальных кадров, формирование культурного взаимопонимания и развитие инфраструктурных связей.

Современный этап российско-камбоджийского гуманитарного сотрудничества отличается неуклонным ростом интереса к образовательным, культурным и туристическим проектам. Россия активно выделяет стипендии камбоджийским студентам, проводит культурные мероприятия в Пномпене и Сиамреапе, а также участвует в проектах по сохранению

культурного наследия Кхмеров. Камбоджа, в свою очередь, содействует продвижению своей культуры в России и расширяет туристические потоки, что способствует созданию дополнительных каналов взаимодействия на уровне гражданского общества.

Объектом данного исследования выступает гуманитарное сотрудничество в системе международных отношений, рассматриваемое на примере двусторонних связей. Предметом данной статьи являются конкретные формы, динамика и значение гуманитарного сотрудничества между Российской Федерацией и Королевством Камбоджа в сферах образования, культуры и туризма в исторической ретроспективе и на современном этапе. Цель исследования — проанализировать динамику, структуру и значение гуманитарного сотрудничества России и Камбоджи как основы для взаимопонимания и устойчивого партнерства между двумя странами.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют ключевые концепции международных отношений — «мягкая сила» (Дж. Най) и народная дипломатия, — которые дополняются историческим и системным подходами для изучения эволюции и комплексной структуры гуманитарного сотрудничества. Методологический инструментарий включает историко-описательный и сравнительно-сопоставительный методы для реконструкции этапов взаимодействия, институциональный и функциональный анализ для оценки роли институтов и результатов сотрудничества, а также анализ документов и статистических данных для работы с эмпирической базой.

Сотрудничество в сфере образования и культуры

Глубокие и многогранные связи между Российской Федерацией и Королевством Камбоджа в сферах образования и культуры являются ярким примером успешного гуманитарного сотрудничества, имеющего богатую историю и устойчивые перспективы развития. Эти связи, заложенные еще в период советско-камбоджийского сближения середины XX века, продолжают укрепляться и в современных геополитических реалиях, играя важнейшую роль в укреплении дружеских отношений между двумя странами и представляя собой эффективный инструмент «мягкой силы» и народной дипломатии [\[1\]](#).

Образовательное взаимодействие между Россией и Камбоджей имеет свои глубокие корни, уходящие в 1960 год. В это время Советский Союз начал предоставлять камбоджийским студентам значительные квоты на обучение в ведущих университетах страны. Молодые камбоджийцы получали возможность постигать науку и совершенствовать свои профессиональные навыки в таких городах, как Москва, Ленинград (ныне Санкт-Петербург), Ташкент, Томск и многих других. Спектр изучаемых дисциплин был достаточно широк и охватывал медицину, инженерию, сельское хозяйство, педагогику и естественные науки. Обучение в СССР стало для многих камбоджийцев судьбоносным этапом, позволив им получить высококачественное образование и приобрести необходимые навыки для работы в самых разных областях. По имеющимся данным, более 8 тыс. камбоджийцев, включая трех членов действующего правительства и многочисленных заместителей министров, получили образование в СССР и России [\[2\]](#).

Выпускники советских вузов сыграли, и продолжают играть, немаловажную роль в развитии Камбоджи. В условиях постколониальной модернизации страны именно эти специалисты стали движущей силой прогресса в национальной экономике, здравоохранении и образовании. Они внесли весомый вклад в создание современной инфраструктуры, разработку и внедрение новых технологий, повышение уровня жизни населения. Их знания и опыт стали бесценным капиталом для развития молодого

государства.

Распад Советского Союза в начале 1990-х годов, а также внутренние преобразования в самой Камбодже, привели к временному спаду в гуманитарном сотрудничестве между двумя странами. Однако, уже в начале 2000-х годов, образовательное взаимодействие получило новый импульс к развитию. Россия возобновила и систематизировала предоставление государственных стипендий камбоджийским студентам на обучение в российских высших учебных заведениях [\[3\]](#). Эта работа активно ведется Министерством науки и высшего образования России и Россотрудничеством.

Ежегодно десятки камбоджийских студентов – от 30 до 50 человек – получают уникальную возможность пройти обучение по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры в ведущих российских университетах на бесплатной основе. Среди наиболее популярных направлений подготовки остаются медицина, инженерные науки, информационные технологии и сельское хозяйство. Студенты из Камбоджи, обучающиеся по квоте Правительства РФ, проходят обучение в университетах Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Тулы, Уфы и Томска. Это свидетельствует о том, что российское образование по-прежнему высоко ценится в Камбодже, а российские университеты обладают отличной репутацией в подготовке квалифицированных специалистов.

Более того, сотрудничество не ограничивается только предоставлением стипендий. Регулярно организуются различные научно-образовательные программы, конференции, семинары и мастер-классы, которые способствуют обмену опытом и знаниями между российскими и камбоджийскими учеными, преподавателями и студентами. Этот постоянный диалог способствует укреплению научно-технического потенциала Камбоджи и расширению кругозора российских специалистов. Таким образом, сотрудничество в сфере образования является не просто предоставлением стипендий, а многогранным процессом, имеющим глубокое стратегическое значение для обеих стран. Это взаимно выгодное партнерство, способствующее укреплению дружественных отношений и развитию взаимопонимания между народами России и Камбоджи. Данная программа не только способствует подготовке высококвалифицированных специалистов для Камбоджи, но и расширяет культурные горизонты для российских студентов и преподавателей, позволяя им познакомиться с богатой культурой и историей Королевства.

Культурные контакты и связи

В советский период культурное взаимодействие отличалось интенсивностью и многогранностью: организовывались взаимные гастроли музыкальных и театральных коллективов, проходили выставки изобразительного искусства, архитектуры и фотографии, осуществлялся кинопрокат. Советская сторона оказывала помощь в развитии культурной инфраструктуры Камбоджи, включая строительство культурных центров, поставку оборудования, подготовку специалистов в области искусства. Советские документальные фильмы о кхмерской культуре способствовали популяризации Камбоджи среди советских граждан. В свою очередь, советские зрители знакомились с кхмерскими национальными танцами, традиционными музыкальными инструментами и религиозной живописью [\[4\]](#).

После 1991 года, несмотря на временный спад активности, культура оставалась одним из немногих каналов, сохранявших связь между странами. В условиях переориентации внешнеполитических приоритетов и трансформации государственной идеологии, Россия

продолжала оказывать поддержку Камбодже в деле сохранения и презентации её культурного наследия [\[5\]](#).

В конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг. начался новый этап взаимодействия, основанный на принципах равноправного партнерства и взаимного интереса.

В нынешнюю эпоху российско-камбоджийские культурные связи развиваются по нескольким ключевым направлениям. Прежде всего, это проведение Дней культуры. На регулярной основе в Пномпене и Сиамреапе проходят Дни российской культуры, в рамках которых демонстрируются фильмы, проводятся выставки русского изобразительного искусства, литературные вечера, музыкальные концерты и лекции об истории России. Выступления российских коллективов — как камерных и симфонических ансамблей, так и балетных и театральных трупп — пользуются значительным интересом, привлекая как образованных людей, так и массового зрителя. Создание условий для этих событий обеспечивается при содействии Россотрудничества и Посольства Российской Федерации в Камбодже, а также за счет вклада российских фондов поддержки культуры и общественных объединений [\[6\]](#).

В ответ Россия принимает у себя Дни камбоджийской культуры, в ходе которых российская публика знакомится с уникальным наследием кхмерской цивилизации. Выступления ансамблей классического танца апсара, выставки традиционного прикладного искусства и керамики, музыкальные представления и презентации работ современных камбоджийских художников становятся важными элементами культурного обмена [\[7\]](#). Эти мероприятия не только позволяют представить Камбоджу как страну с богатой историей и духовной традицией, но и способствуют углублению межкультурного диалога.

Другое значимое направление для совместной деятельности — это сфера спортивного обучения и подготовки кадров для управления спортом, включая тренеров и профильных экспертов. Поскольку в Камбодже отсутствует унаследованная система развития спортивного сектора, при том что в России эта область развита весьма высоко, Камбоджа проявляет живой интерес к предоставлению мест (квот) для своих студентов в российских высших учебных заведениях по данной специализации.

Кхмерский бокс, известный как Прадал Серей, представляет собой древнее боевое искусство Камбоджи, имеющее глубокие исторические корни и культурную ценность. В последние годы этот вид спорта стал связующим звеном в гуманитарном сотрудничестве между Россией и Камбоджей, содействуя культурному обмену и упрочнению дружеских отношений между двумя государствами [\[8\]](#).

На территории России всегда наблюдалось явное притяжение к восточным школам боевых искусств, и теперь кхмерский бокс (прадал серей) планомерно встраивается в отечественную систему единоборств. В крупных городах, таких как Москва и северная столица, открываются учебные заведения, сфокусированные на этом виде единоборств. Здесь российские спортсмены не просто осваивают техники поединка, но и погружаются в культурно-исторический контекст Камбоджи. Важную роль в этом процессе играет обмен опытом с камбоджийскими специалистами, которые регулярно проводят показательные тренировки и интенсивные сборы, помогая нашим атлетам добиться совершенства в понимании специфики этого боевого искусства. Федерация кхмерского бокса Камбоджи также поддерживает инициативы по развитию Прадал Серей в России, что способствует профессиональному росту спортсменов и обмену опытом [\[9\]](#).

Помимо состязательного элемента, боевые искусства кхмеров служат ареной для обмена культурными ценностями. В рамках совместных проектов проводятся фестивали, дающие возможность тем, кто разделяет наши корни, соприкоснуться с камбоджийскими традициями, мелодиями и историческим прошлым. Участие в международных соревнованиях, где соревнуются представители России и Камбоджи, цементирует узы дружбы и формирует пространство для взаимного уважения и постижения. Такое сотрудничество помогает устранять предрассудки и способствует созданию благоприятного образа каждой страны в сознании другой.

Гуманитарное сотрудничество в области спорта поддерживается и на государственном уровне. В 2021 г. Россия и Камбоджа отметили 65-летие установления дипломатических отношений, и развитие спортивных связей стало одним из приоритетных направлений взаимодействия [\[10\]](#). Кхмерский бокс имеет потенциал стать таким же символом дружбы между двумя странами, как, например, тайский бокс для Таиланда или самбо для России. Уже сейчас обсуждаются инициативы по включению этого вида спорта в программу международных мероприятий при поддержке обеих сторон.

Перспективы развития кхмерского бокса в России представляются многообещающими. В будущем возможно создание российско-камбоджийской ассоциации кхмерского бокса, проведение официальных чемпионатов под эгидой спортивных федераций, а также организация молодежных обменов через совместные тренировочные лагеря. Эти шаги позволят не только популяризировать Прадал Серей, но и углубить взаимопонимание между народами двух стран.

Традиционные кхмерские танцы, охраняемые ЮНЕСКО как элемент всемирного культурного наследия, оказывают существенное влияние на укрепление гуманитарных связей между Россией и Камбоджей. Это древнее искусство, вобравшее в себя изящество движений, глубокую символику и сюжеты из мифов, выступает ключевым средством культурного взаимодействия между нашими государствами [\[11\]](#).

С каждым годом заметно растет стабильное внимание к танцевальной культуре Камбоджи (кхмерской). Ведущие российские университеты и крупные культурные центры регулярно организуют обучающие семинары и просветительские мероприятия, раскрывающие это направление искусства. Неоценимую роль в этом процессе играют выездные концерты профессиональных танцевальных коллективов из Камбоджи, которые неизменно приводят в восхищение зрителей на самых престижных площадках страны. В 2023 г. в рамках Дней культуры Камбоджи в Москве выступал Национальный балет Камбоджи, представивший классические танцы Апсара – изящные ритуальные танцы небесных нимф из кхмерской мифологии. А также на Международном фестивале «Восток / Запад» в Санкт-Петербурге неоднократно показывали фрагменты Робам Теп Монороум – церемониального танца, исполняемого в королевских дворцах [\[12\]](#).

Взаимодействие в этой сфере наращивается по ряду направлений. Камбоджийские умельцы регулярно устраивают в России обучающие семинары, где делятся техническими тонкостями и мировоззренческими началами народного танца. В свою очередь, русские балетмейстеры представляют новые прочтения канонических сюжетов, рождая занимательный симбиоз старинного искусства и передовых концепций.

Также значительное внимание уделяется сотрудничеству между музеями и национальными архивами двух стран. Российские эксперты участвуют в программах по изучению и сбережению объектов кхмерского культурного наследия, включая консультирование по вопросам восстановления храмов и памятников. Научно-культурные

экспедиции, общие публикации, обмен экспозициями и оцифровка музейных собраний становятся все более нужными формами сотрудничества. Камбоджийские музеи, со своей стороны, заинтересованы в применении российского опыта в сфере сохранения культурных ценностей и развития музейной педагогики. Отдельно надлежит отметить литературный обмен. В последние годы наблюдается подъем интереса к кхмерской литературе в России и русской – в Камбодже. Переводы произведений русской классики на кхмерский язык имеются в библиотеках и университетах, а в России печатаются сборники камбоджийских мифов, сказок и народных преданий [\[13\]](#).

Встречи литературного толка, переводческая деятельность и публикация книг содействуют обогащению языковой и культурной эрудиции, играя роль в пробуждении у молодого поколения обеих наций тяги к гуманитарному познанию. Цифровые инструменты выступают в качестве значимой движущей силы межкультурного обмена. Виртуальные экспозиции, концерты в сети, видео-лектории, трансляции сценических и кинопоказов содействуют преодолению географических преград, предоставляя доступ к культурному достоянию в обновленном виде. К актуальным методам сотрудничества также относятся участие в международных смотрах, проведение совместных креативных состязаний, разработка мультимедийных инициатив.

Особую роль в поддержании культурных связей играют выпускники российских вузов в Камбодже, многие из которых активно участвуют в деятельности ассоциаций друзей России, занимаются популяризацией русского языка и культуры, содействуют организации культурных мероприятий. Их деятельность является важным элементом народной дипломатии, усиливающей гуманитарное измерение двусторонних связей.

Таким образом, культурное сотрудничество между Россией и Камбоджей представляет собой многогранную и динамично развивающуюся область, играющую стратегическую роль в укреплении двусторонних отношений. Через культуру формируется пространство доверия, взаимного уважения и идентичности, обеспечивающее устойчивое развитие гуманитарного партнерства в долгосрочной перспективе.

Роль туризма в развитии двусторонних отношений

В контексте взаимоотношений России и Камбоджи, туристическое сотрудничество выступает одним из значимых способов гуманитарного сближения. Оно дополняет такие направления, как культурный и образовательный обмен, создавая прочную базу для установления личных и межнациональных связей.

С начала XXI в. Камбоджа привлекла внимание российских граждан, став популярным туристическим направлением [\[14\]](#). Особый интерес вызывают уникальные памятники архитектуры и искусства, в первую очередь, храмовый комплекс Ангкор-Ват, внесенный в список всемирного наследия ЮНЕСКО [\[15\]](#).

Историческое и культурное наследие кхмерской цивилизации, сочетающее буддийские, индуистские и местные традиции, привлекает российских туристов, заинтересованных в истории, археологии и религиозной архитектуре. Помимо культурно-познавательного туризма, активно развивается пляжный отдых на побережье Сиануквиля и островах Камбоджи, что делает страну конкурентоспособной в рамках туристических маршрутов Юго-Восточной Азии .

В свою очередь, Российская Федерация интегрирует Камбоджу в свои планы по

развитию культурно-образовательных поездок, стремясь расширить карту международных связей. Когда россияне едут в Камбоджу, их визиты стимулируют не только увеличение доходов государства, но и модернизацию местной инфраструктуры – это касается гостиничного дела, транспортной сети, предприятий общепита и сферы обслуживания. Следовательно, туризм выступает в роли не просто источника дохода, но и механизма гуманитарного обмена, который дает возможность жителям обеих наций лично соприкоснуться с особенностями быта, традициями, верованиями и складом ума друг друга.

С 2010-х годов наблюдается устойчивая динамика роста туристического потока из России в Камбоджу. По данным Министерства туризма Камбоджи, до пандемии COVID-19 страну ежегодно посещало от 60 до 80 тысяч российских туристов [\[16\]](#). Это стало возможным благодаря упрощенному визовому режиму, относительно невысоким ценам на услуги, развитию авиасообщения, в том числе чартерных рейсов, а также активной работе туристических агентств. Камбоджа, в свою очередь, продвигает свои туристические продукты на российском рынке посредством участия в международных выставках, рекламных кампаниях, цифровых платформах и сотрудничества с блогерами и медиа-инфлюенсерами.

Пандемия коронавируса временно остановила туристическую деятельность, но после ее окончания стороны выразили готовность возобновить прежний уровень сотрудничества. Камбоджа одной из первых стран Юго-Восточной Азии распахнула свои границы для зарубежных туристов, включая российских. Данное решение демонстрирует стратегический интерес в продолжении гуманитарного диалога посредством туризма.

Помимо традиционного туризма, развивается потенциал образовательного и культурного туризма, направленного на углубление гуманитарных связей. В рамках таких программ российские студенты, преподаватели, учёные и деятели культуры посещают Камбоджу с образовательными, научными и профессиональными целями. Камбоджийская сторона проявляет интерес к организации туристических маршрутов, включающих посещение русских культурных центров, памятников, связанных с советским периодом, а также мест деятельности российских специалистов в области медицины и инженерии, работавших в Камбодже в XX веке [\[16\]](#).

Схожим образом, Камбоджа видит в России значимый вектор для роста прибывающего туризма. Сюда входят как паломнические туры, так и образовательные поездки, а также участие в различных международных мероприятиях. Граждане Камбоджи направляются в российские города – наиболее популярны среди них Москва, Санкт-Петербург, а также Казань и Владивосток. Целью этих визитов является ознакомление с богатым духовным, историческим и культурным наследием, которое хранит Россия. Реализация подобных путешествий зачастую обеспечивается благодаря участию в программах, ориентированных на молодежь, академические обмены и культурные инициативы, в том числе при активной поддержке Россотрудничества и фонда «Русский мир» [\[17\]](#).

Ключевое значение имеет участие в туристическо-культурных форумах, общих выставках и конференциях, нацеленных на продвижение национальных брендов, народных промыслов, кулинарной культуры и художественных ремесел [\[18\]](#). Презентации камбоджийской кухни, фестивали народной музыки и ремесел, проводимые в России, а также участие российских областей в культурных событиях в Камбодже поощряют интерес к культурному разнообразию, традициям и устойчивому туризму [\[19\]](#).

В нынешней обстановке туризм преобразуется в куда более обширный человеческий капитал. Он содействует не только обогащению знаниями друг о друге и углублению культурного сопереживания, но и закладывает незыблемую основу для межгосударственного общения [\[20\]](#). Путешествия с целью туризма выступают инструментом, через который транслируются сведения о ключевых ценностях нации, особенностях быта, методах воспитания детей и структуре образования. Благодаря туристической деятельности налаживается личное и душевное взаимодействие между жителями стран, чего нельзя добиться, полагаясь только на официальные пути межгосударственных сношений.

Таким образом, туризм в российско-камбоджийских отношениях выполняет важнейшую гуманитарную функцию: он способствует распространению культурной информации, углубляет взаимопонимание, укрепляет человеческие связи и служит платформой для устойчивого и взаимовыгодного партнерства. В условиях трансформации международных отношений значение туризма как инструмента «мягкой силы» и гуманитарного взаимодействия будет только возрастать, открывая новые перспективы для двустороннего сотрудничества.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что гуманитарное сотрудничество между Российской Федерацией и Королевством Камбоджа является устойчивой, многогранной и динамично развивающейся основой двусторонних отношений. Обладая глубокими историческими корнями, заложенными в эпоху советско-камбоджийской дружбы, это партнерство успешно адаптировалось к современным реалиям и продолжает наращивать свой потенциал.

Ключевыми столпами этого взаимодействия выступают образование, культура и туризм, которые взаимно дополняют и усиливают друг друга. Образовательные программы и подготовка национальных кадров в российских вузах создают прочную основу долгосрочных связей, формируя сообщество выпускников, которые выступают проводниками взаимопонимания между двумя странами. Культурный обмен, включающий гастроли коллективов, выставки, фестивали и сотрудничество в области сохранения наследия, способствует формированию пространства доверия и взаимного уважения. Особую значимость приобретают такие уникальные направления, как популяризация кхмерского бокса (Прадал Серей) и традиционных танцев в России, что свидетельствует о выходе сотрудничества за рамки традиционных форматов.

Туризм, в свою очередь, выполняет важнейшую функцию «народной дипломатии», устанавливая прямые человеческие контакты и углубляя эмпирическое знание друг о друге. Восстановление туристических потоков после пандемии и развитие новых форм, таких как образовательный и культурный туризм, подтверждают устойчивый взаимный интерес.

В целом, гуманитарное взаимодействие между Россией и Камбоджей доказало свою стратегическую эффективность как инструмент «мягкой силы» и народной дипломатии. Оно не только обогащает обе нации в культурном и интеллектуальном плане, но и создает прочный фундамент для дальнейшего укрепления всестороннего партнерства, основанного на дружбе, взаимной выгоде и общих интересах. Перспективы этого сотрудничества остаются широкими и открывают новые горизонты для углубления диалога между двумя народами.

Библиография

1. Мосяков Д. В. Непростая история российско-камбоджийских отношений // Центр АСЕАН при МГИМО МИД России. 04.06.2021. URL: <https://asean.mgimo.ru/news/2021/russia-cambodian-complicated-history-ysclid=ltid68l3nfk429838153> (дата обращения: 05.05.2025).
2. Королевство Камбоджа как важное звено в российской инициативе архитектуры евразийского сотрудничества // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/k-stoletiyu-narodnoy-diplomatii-korolevstvo-kambodzha-kak-vazhnoe-zveno-v-rossiyskoy-initsiative-arkh/-sphrase_id=216166905 (дата обращения: 22.11.2025).
3. Российско-камбоджийские политические контакты (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 06.09.2003. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/kh/1739821/> (дата обращения: 05.05.2025).
4. Впервые за 20 лет в Москве показывают искусство Камбоджи // Министерство Культуры РФ. URL: https://culture.gov.ru/press/news/vpervye_za_20 лет_v_moskve_pokazyvayut_iskusstvo_kambodzhi/ (дата обращения: 22.11.2025).
5. О Российско-Камбоджийских консультациях в Пномпене // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.02.2005. URL: <https://mid.ru/ru/maps/kh/1657009/> (дата обращения: 05.05.2025).
6. Смена курса или поддержание традиций Камбоджи? // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/smena-kursa-ili-podderzhanie-traditsiy-kambodzhi/> (дата обращения: 22.11.2025).
7. Россия – Камбоджа: двусторонние отношения и интеграционные перспективы в Восточной Азии // Международная Жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29725> (дата обращения: 22.11.2025).
8. Прадал Серей или Кун Кхмер / Кхмерский бокс // Федерация Кхмерского бокса. URL: <https://kun-khmer.ru/about> (дата обращения: 22.11.2025).
9. Кхмерский бокс / Федерация спорта РФ // Бойцовский клуб. URL: <http://bulatgold.ru/bojtsovskij-klub-bulat-rossiya-vstupil-v-federatsiyu-khmerskogo-boksa-g-moskvu/> (дата обращения: 21.06.2025).
10. "Россия – Камбоджа: 65 лет дипломатических отношений" // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/news/kruglyy-stol-rossiya-kambodzha-65-let-diplomaticheskikh-otnosheniy/> (дата обращения: 22.11.2025).
11. Аракелян Т. Ф., Тенг С. Традиции и обычаи камбоджийского народа // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2015. Т. 9. № 5-2. С. 14-16.
12. "Россия – Камбоджа: 65 лет дипломатических отношений" перспективы развития отношений // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/news/kruglyy-stol-rossiya-kambodzha-65-let-diplomaticheskikh-otnosheniy/> (дата обращения: 22.11.2025).
13. Еловков Д. И. Санскритоязычная литература Камбоджи // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2014. № 2. URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/2107> (дата обращения: 17.11.2025).
14. Спатарь-Козаченко Т. И., Морозан О. В., Петриенко Н. С. Актуальные проблемы профессиональной подготовки кадров в сфере туризма и гостеприимства в России и за рубежом // Сервис Plus. 2018. Т. 12, вып. 3. С. 44-51.
15. Чан Ф. М. Экономическое сообщество АСЕАН и трудности в процессе развития туризма // Теория и практика общественного развития. 2017. № 2. С. 57-63.
16. Бурова Е. С. Тенденции развития туристической отрасли Камбоджи // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. URL: <https://www.iccaras.ru/otdelnoe-izdanie.html-id=296> (дата обращения: 24.11.2025).

17. Royal ballet of Cambodia // Unesco. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/royal-ballet-of-cambodia-00060> (дата обращения: 21.06.2025).

18. "Умные города" АСЕАН: цифровые утопии, серые трущобы и вопросы эффективного регулирования // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/umnye-goroda-asean-tsifrovye-utopii-serye-trushchoby-i-voprosy-effektivnogo-regulirovaniya/-sphrase_id=257865676 (дата обращения: 20.11.2025).

19. Продвижение экономических интересов России в странах Восточной Азии // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/prodvizhenie-ekonomicheskikh-interesov-rossii-v-stranakh-vostochnoy-azii/-sphrase_id=257865676 (дата обращения: 20.11.2025).

20. Муратшина К. Г. Гуманитарное сотрудничество России и АСЕАН в новых исторических условиях // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2023. № 1 (58). URL: <https://sea.ivran.ru/f/sea2023n158p76-86.pdf> (дата обращения: 25.11.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Специфика современных международных отношений определяется сложным переходным периодом от монополярного мира во главе с США в мир многополярный, в котором наряду с североамериканским гигантом ведущие позиции будут занимать такие акторы, как КНР, Россия, Индия, Иран и др. За последние годы России удалось восстановить пошатнувшиеся в 1990-е гг. позиции на международной арене, что отразилось и на восстановлении контактов с бывшими союзниками по соцлагерю. В этой связи вызывает интерес изучение гуманитарных связей России и стран третьего мира, в том числе такого ключевого с геополитической точки зрения региона, как Индокитай.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является российско-камбоджийское гуманитарное сотрудничество. Автор ставит своими задачами рассмотреть сотрудничество России и Камбоджи в сфере образования и туризма, а также определить роль туризма в развитии двусторонних отношений.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать гуманитарное сотрудничество между Российской Федерацией и Королевством Камбоджа.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников отметим материалы Министерства иностранных дел РФ и Российского совета по международным делам. Из используемых исследований отметим труды Е.С. Буровой, Т.Ф. Аракелян и С. Тенга, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения Камбоджи. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных

источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач. Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как гуманитарной политикой, в целом, так и российско-камбоджийским сотрудничеством, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи. Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, хотя к ней есть отдельные замечания. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «современный этап российско-камбоджийского гуманитарного сотрудничества отличается неуклонным ростом интереса к образовательным, культурным и туристическим проектам». В работе показано, что особую «роль в поддержании культурных связей играют выпускники российских вузов в Камбодже, многие из которых активно участвуют в деятельности ассоциаций друзей России, занимаются популяризацией русского языка и культуры, содействуют организации культурных мероприятий». Говоря о туризме, автор обращает внимание на то, что «по данным Министерства туризма Камбоджи, до пандемии COVID-19 страну ежегодно посещало от 60 до 80 тысяч российских туристов», при этом после пандемии Камбоджа одной из первых стремилась к восстановлению туристических связей. Главным выводом статьи является то, что «культурное сотрудничество между Россией и Камбоджей представляет собой многогранную и динамично развивающуюся область, играющую стратегическую роль в укреплении двусторонних отношений», а туризм способствует распространению культурной информации и взаимопониманию. Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках изучения стратегий гуманитарной политики. В то же время к статье есть отдельные замечания:

- 1) Автор в заключении не дает общие итоговые выводы, ограничившись выводами только после разделов.
- 2) Статья тяготеет к описательности, не хватает статистических данных, в частности, в каких российских вузах обучаются камбоджийские студенты. Было бы желательно показать перспективы российско-камбоджийских отношений.
- 3) Отдельные тезисы рецензируемой статьи, на наш взгляд, весьма спорны. Так, автор пишет: «В советский период Камбоджа рассматривалась как ключевой партнер в регионе Индокитая». Как представляется, в Индокитае ключевым партнером для СССР был, прежде всего, Вьетнам.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает эволюция и современное состояние

гуманитарного взаимодействия между Российской Федерацией и Королевством Камбоджа в трех основных направлениях – образовательное сотрудничество, культурный обмен и туристические связи – на протяжении периода от середины XX века до настоящего времени. Научная актуальность работы обусловлена растущей значимостью «мягкой силы» в глобальных процессах вообще и международных отношениях, в частности, где гуманитарные связи помогают адекватно отвечать на геополитические вызовы и способствовать взаимопониманию между странами с разными историческими траекториями. Кроме того, в условиях геополитической переориентации России на азиатское направление изучение механизмов гуманитарного партнерства с государствами Юго-Восточной Азии приобретает особую важность для понимания альтернативных форм дипломатии и построения устойчивых двусторонних отношений. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут послужить основой для разработки рекомендаций по усилению «народной дипломатии», расширению образовательных и культурных программ, а также стимулированию туристических потоков, что в итоге способствует укреплению стратегического партнерства между Россией и Камбоджей на политико-государственном и социокультурном уровнях. В более широком смысле результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегий гуманитарного сотрудничества России со странами региона, в деятельности культурных и образовательных учреждений, занимающихся международным обменом, а также в учебных курсах по истории международных отношений и страноведению Юго-Восточной Азии. К сожалению, автор ничего не говорит об использованной методологии, что не может не сказаться отрицательно на оценке научного уровня статьи. Из контекста можно понять, что в процессе работы применялся преимущественно историко-описательный подход, который позволил проследить динамику гуманитарных связей от советского периода через кризис 1990-х годов к современному этапу отношений. В работе используется периодизация, выделяющая три основных этапа развития сотрудничества: советский период (1960-е – 1991), период спада (1990-е) и современный этап (с начала 2000-х годов по настоящее время), однако на какой теоретико-методологической базе производилась данная периодизация, осталось за кадром. Эмпирической основой исследования послужили статистические данные о числе камбоджийских студентов в российских вузах, количестве туристов, конкретные примеры культурных мероприятий и программ. Кроме того, работа опиралась на анализ документов государственных структур (Министерство туризма Камбоджи, Россотрудничество), что придало ей фактографическую насыщенность. Вместе с тем в статье отсутствует сравнительный анализ гуманитарного сотрудничества Камбоджи с другими странами, что могло бы выявить специфику именно российско-камбоджийского взаимодействия. В отсутствие теоретико-методологической рефлексии исследования крайне трудно оценить степень новизны и достоверности полученных результатов. Судя по контексту работы, некоторой новизной обладают следующие выводы. Выявлена роль советского образовательного наследия в формировании камбоджийской политической и управленческой элиты: исследование показывает, что более 8 тысяч камбоджийцев, включая трех членов действующего правительства и многочисленных заместителей министров, получили образование в СССР и России, что создало устойчивую основу для долгосрочных двусторонних отношений на уровне элит. Кроме того, определена трансформация моделей культурного взаимодействия от советской государственной системы культурного обмена к современным децентрализованным формам сотрудничества: если в советский период культурное взаимодействие носило централизованный характер и включало государственную помощь в развитии культурной инфраструктуры, то современный этап характеризуется многоканальностью связей с участием общественных организаций,

фондов и частных инициатив. Наконец, по результатам исследования обоснована функция туризма как инструмента «народной дипломатии» в российско-камбоджийских отношениях: исследование демонстрирует, что туристические потоки (60–80 тысяч российских туристов ежегодно до пандемии) создают механизм прямого человеческого контакта, который дополняет официальные каналы межгосударственного взаимодействия и способствует формированию устойчивых гуманитарных связей на уровне гражданского общества. Но какой конкретно теоретико-методологической базе получены перечисленные результаты, остается только гадать. Соответственно, при доработке статьи автору необходимо четко сформулировать научную проблему, которой посвящено исследование, обосновать ее актуальность, определить предмет и объект исследования, его цели и задачи, провести анализ существующих научных подходов к поставленной проблеме, и на основе этого критического анализа научной литературы описать и аргументировать собственный теоретико-методологический выбор. Только тогда статья получит основания для квалификации ее в качестве научной работы, а не публицистической. И только на этой основе можно будет делать окончательные выводы о степени научной новизны и достоверности полученных результатов. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где полностью отсутствует теоретико-методологическая рефлексия, но обосновывается значимость гуманитарного взаимодействия в современной архитектуре международных отношений, представлено российско-камбоджийское сотрудничество в качестве примера конструктивного партнерства, уходящего корнями в середину XX века, и формулируются три основных направления исследования; - «Сотрудничество в сфере образования и культуры», где рассматривается история образовательных связей с 1960 года, анализируется предоставление квот на обучение камбоджийских студентов в СССР и России, приводятся конкретные статистические данные о численности выпускников, описывается их роль в развитии Камбоджи, характеризуется современное состояние образовательного обмена и география российских университетов, принимающих камбоджийских студентов; - «Культурные контакты и связи», где анализируется советский период культурного взаимодействия (гастроли коллективов, выставки, кинопрокат, помощь в строительстве культурных центров), описывается спад активности после 1991 года и возобновление культурного диалога с конца 1990-х – начала 2000-х годов, а также представлены современные формы культурного обмена (Дни культуры, участие Россотрудничества, проекты по сохранению наследия Ангкор-Вата); - «Роль туризма в развитии двусторонних отношений», где исследуется становление Камбоджи как популярного туристического направления для россиян с начала XXI века, приводятся статистические данные о туристических потоках, анализируются факторы роста турпотока (упрощение визового режима, развитие авиасообщения), описывается влияние пандемии COVID-19 и перспективы восстановления, характеризуются новые формы туризма (образовательный, культурный) и обосновывается роль туризма как механизма гуманитарного обмена; - «Заключение», где подводятся итоги исследования, констатируется устойчивость и многогранность гуманитарного сотрудничества между Россией и Камбоджей, подчеркивается взаимодополняемость трех направлений взаимодействия (образование, культура, туризм), определяется стратегическая эффективность гуманитарного партнерства как инструмента «мягкой силы» и народной дипломатии, формулируются перспективы углубления диалога между двумя странами. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, уже в заголовке статьи содержится ошибка в написании слова «гуманитарный» с заглавной буквы; или некорректное выражение

«процветающие связи» в предложении «Эти связи, заложенные еще в период советско-камбоджийского сближения середины XX века, продолжают процветать...»; и др.) и грамматических (например, опечатки в словах «Правительства РФ»; или раздельное написание слова «межмузейный» в выражении «внимание уделяется меж музейным и архивным сотрудничествам»; и др.) погрешностей, но в целом он написан более или менее грамотно, на приемлемом русском языке. Встречаются и терминологические ошибки, например, «человековедческий капитал» вместо «человеческий капитал». При доработке статьи необходимо вычитать текст на предмет устранения стилистических, грамматических и терминологических ошибок. Библиография насчитывает 20 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу полного отсутствия теоретико-методологической рефлексии работы. Тем не менее, рецензируемая статья имеет несколько положительных качеств, позволяющих оптимистично оценивать ее публикационные перспективы. Прежде всего, следует отметить обширную эмпирическую базу и конкретность анализа: автор оперирует конкретными статистическими данными, называет конкретные города (Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Тула, Уфа, Томск), приводит примеры конкретных программ и мероприятий (Дни российской культуры, реставрация Ангкор-Вата), что придает исследованию фактологическую убедительность и позволяет верифицировать приводимую информацию. Кроме того, исследование имеет ярко выраженную историческую перспективу: в работе демонстрируется эволюция гуманитарных связей на протяжении более чем полувека, что позволяет увидеть преемственность и трансформацию форм сотрудничества от советского периода через кризис 1990-х годов к современному этапу; такой диахронический подход выявляет устойчивость гуманитарной составляющей двусторонних отношений даже в условиях политических и экономических потрясений, что является важным аналитическим результатом. Однако в отсутствие описания таких атрибутов научной статьи, как предмет, объект, цели и задачи, теоретическая база и методология исследования, работа приобретает сильный публицистический оттенок. При доработке статьи необходимо учесть высказанные выше замечания.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, не полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. В тексте (начиная с заголовка!) имеются стилистические, грамматические и терминологические погрешности; отсутствует описание теоретико-методологической базы исследования, а также анализ иных подходов к выбранной для исследования научной проблеме. Тем не менее, после доработки полученные автором результаты будут представлять интерес для исследователей международных отношений и внешней политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, специалистов по странам Юго-Восточной Азии и кхмерологии, сотрудников дипломатических миссий и международных культурно-образовательных организаций (Россотрудничество, фонд «Русский мир»), работников высших учебных заведений, занимающихся программами международной академической мобильности, а также преподавателей и студентов, изучающих курсы по истории международных отношений, публичной дипломатии и страноведению Юго-Восточной Азии. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene» и после соответствующей доработки может быть рекомендован к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают конкретные формы, динамика трансформации и стратегическое значение гуманитарного сотрудничества Российской Федерации и Королевства Камбоджа в сферах образования, культуры и туризма в исторической ретроспективе и на современном этапе. Научная актуальность работы обусловлена необходимостью укрепления позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе через инструменты «мягкой силы» и переосмысления гуманитарных связей с традиционными партнерами, такими как Камбоджа, в условиях глобальной геополитической турбулентности. Полученные результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегий развития двусторонних гуманитарных связей между Россией и странами Юго-Восточной Азии, при планировании образовательных и культурных программ Россотрудничества, а также в деятельности туристических организаций, заинтересованных в расширении российско-камбоджийского туристического обмена. В работе применяется преимущественно историко-описательный метод, позволяющий реконструировать эволюцию гуманитарных связей от советского периода (1960-е годы) через кризис 1990-х годов к современному этапу возобновления и интенсификации взаимодействия. Автор использует хронологическую периодизацию, выделяя три основных этапа: советско-камбоджийское сотрудничество, период спада после распада СССР и современный этап с начала 2000-х годов. Эмпирическую базу составляют статистические данные о количестве студентов и туристов, анализ официальных документов и программ, а также институциональный анализ деятельности таких организаций, как Россотрудничество, фонд «Русский мир», Министерство науки и высшего образования РФ. Работа с конкретными цифрами позволяет количественно оценить масштаб гуманитарного взаимодействия. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о выявленной и документально подтвержденной исторической преемственности между советским и российским этапами гуманитарного взаимодействия с Камбоджей, проявляющейся в сохранении основных направлений сотрудничества (образование, культура) и в формировании сообщества выпускников советских и российских вузов, которые занимают ключевые позиции в камбоджийском правительстве и общественных институтах. Кроме того, в процессе работы определена роль образовательных программ как механизма формирования долгосрочных межгосударственных связей, выходящих за рамки официальной дипломатии: более 8 тысяч выпускников, включая трех действующих членов правительства и многочисленных заместителей министров, создают устойчивую социальную сеть, обеспечивающую взаимопонимание на уровне элит. Обосновано значение нетрадиционных форм культурного взаимодействия, таких как интеграция кхмерского бокса (Прадал Серей) в российскую спортивную систему, в качестве нового перспективного инструмента «мягкой силы», способствующего углублению межкультурного диалога на уровне гражданского общества. Наконец, по результатам исследования показана трансформация туризма из экономического феномена в инструмент народной дипломатии, обеспечивающий непосредственные человеческие контакты и формирование эмпирического знания о культуре партнера, что дополняет и усиливает образовательное и культурное взаимодействие, создавая многоуровневую

систему гуманитарных связей. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается значимость гуманитарного взаимодействия в современных международных отношениях, определяются исторические корни российско-камбоджийских связей, восходящие к советскому периоду, формулируются объект, предмет, цель исследования и описывается теоретико-методологическая база; - «Сотрудничество в сфере образования и культуры», где реконструируется история образовательного взаимодействия, начиная с 1960 года, когда СССР начал предоставлять квоты камбоджийским студентам, описывается вклад выпускников советских вузов в развитие Камбоджи, анализируется возобновление образовательных программ с начала 2000-х годов и современное состояние студенческого обмена с указанием конкретных специальностей и университетов; - «Культурные контакты и связи», где рассматривается многообразие форм культурного взаимодействия в советский период (гастроли, выставки, кинопрокат, помощь в развитии культурной инфраструктуры), описывается возрождение культурных связей в XXI веке через деятельность Российского дома науки и культуры в Пномпене, работу Россотрудничества, проведение фестивалей и популяризацию камбоджийских культурных практик в России; - «Роль туризма в развитии двусторонних отношений», где анализируется динамика российского туристического потока в Камбоджу с начала XXI века, описываются факторы роста туризма (упрощение визового режима, развитие авиасообщения, культурное наследие Ангкор-Вата), рассматривается влияние пандемии и перспективы восстановления, а также раскрывается функция туризма как механизма «народной дипломатии» и межкультурного диалога; - «Заключение», где суммируются результаты исследования, подчеркивается устойчивость и многогранность гуманитарного партнерства, взаимодополняющий характер трех основных направлений (образование, культура, туризм), стратегическая эффективность сотрудничества как инструмента «мягкой силы» и перспективы дальнейшего углубления двусторонних отношений. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических и грамматических погрешностей (например, стилистически не очень уместное выражение «отдельно надлежит отметить»; или написанное с прописной буквы название народности кхмеров: «...Участвует в проектах по сохранению культурного наследия Кхмеров...»; или лишние запятые в предложениях «Выпускники советских вузов сыграли, и продолжают играть, немаловажную роль в...», «Однако, уже в начале 2000-х годов...», «В контексте взаимоотношений России и Камбоджи, туристическое сотрудничество выступает...»; и др.), но в целом он написан более или менее грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 20 наименований и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Хотя и могла бы быть усилена за счет использования источников на иностранных языках. Апелляция к оппонентам отсутствует: автор не проводит систематический анализ научной литературы по проблематике выбранной темы. И на будущее автору следует учесть, что в академической традиции принято проводить критический анализ основных подходов к решению поставленной научной проблемы. Тем не менее, статья имеет несколько положительных качеств, перевешивающих ее недостатки. Прежде всего, работа отличается солидной эмпирической базой, включающей конкретные статистические данные, позволяющие количественно оценить масштаб взаимодействия. Приведение точных цифр придает исследованию фактологическую убедительность и позволяет отслеживать динамику процессов. Указание на присутствие выпускников советских вузов в действующем правительстве Камбоджи демонстрирует долгосрочное влияние образовательных

программ на политическую элиту страны-партнера. Кроме того, исследование демонстрирует удачное сочетание исторической перспективы и анализа современного состояния, что позволяет увидеть преемственность и трансформацию форм сотрудничества. Автор убедительно показывает, как советское наследие (подготовка национальных кадров, культурная инфраструктура) продолжает влиять на характер современного российско-камбоджийского взаимодействия, создавая основу для текущих программ. Выявление исторической укорененности современных связей позволяет понять устойчивость партнерства и прогнозировать его дальнейшее развитие.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны исследователям международных отношений, специализирующимся на проблематике "мягкой силы" и публичной дипломатии, а также востоковедам, изучающим российско-азиатские связи и региональную политику России в Юго-Восточной Азии. Работа представляет практическую ценность для сотрудников профильных государственных структур – Россотрудничества, Министерства науки и высшего образования РФ, Министерства культуры РФ, Федерального агентства по туризму – занимающихся планированием и реализацией программ международного гуманитарного сотрудничества. Материал может быть востребован преподавателями и студентами, изучающими международные отношения, регионоведение и культурную дипломатию, а также представителями туристической индустрии, заинтересованными в развитии российско-камбоджийского направления. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ощепков Е.Р. Япония между Глобальным Севером и Глобальным Югом: приоритеты внешней политики Токио по регионам и уровню развития в 2013-2025 годах // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.77026 EDN: AIMFUO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77026

Япония между Глобальным Севером и Глобальным Югом: приоритеты внешней политики Токио по регионам и уровню развития в 2013-2025 годах

Ощепков Евгений Романович

ORCID: 0009-0002-4258-5281

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ oshepkov-er@rambler.ru

[Статья из рубрики "Дипломатия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.77026

EDN:

AIMFUO

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2025

Дата публикации:

03-12-2025

Аннотация: В рамках статьи автор анализирует динамику международных визитов японских премьер-министров, чтобы выявить наиболее часто посещаемый континент/регион. Цель работы – выявить наиболее и наименее популярные направления визитов японских лидеров, чтобы на основании этой информации определить заинтересованность Японии в контактах с развитыми и развивающимися государствами. Первоначально предполагалось, что с годами японские лидеры будут чаще посещать развивающиеся страны Глобального Юга в связи с бурным ростом государств Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока. Однако в результате проведенного исследования выяснилось, что наиболее популярным направлением для японских лидеров были и остаются страны Запада и особенно Европы. Второй по

популярности вектор международных визитов – азиатский. Японские лидеры регулярно посещают страны АСЕАН. Ближний Восток главы японского правительства посещают нерегулярно, как и страны Латинской Америки. Африканский континент – самый непопулярный. За 12 лет японские лидеры побывали с визитами только в 4 странах Африки. Основным инструментом изучения визитов японских лидеров стал количественный анализ. Рассмотрены зарубежные поездки в период с 2013–2025 гг. Автор учитывал только двусторонние визиты, поскольку именно такой формат взаимодействия лидеров наиболее явно отражает интерес руководства одной страны к другой. Новизна работы заключается в анализе иностранных визитов японских лидеров с точки зрения наиболее популярных континентов и регионов. На основе полученных результатов математически доказывается склонность Японии к контактам с развитыми странами, в то время как развивающимся государствам отведена второстепенная роль. Результаты работы могут быть использованы как теоретиками, так и практиками международных отношений. Область применения – внешнеполитические ведомства, образовательные учреждения, консалтинговые агентства. Основной вывод можно сформулировать следующим образом: несмотря на подъём Глобального Юга и мирового большинства, Япония по-прежнему фокусируется на политических контактах преимущественно с развитыми постиндустриальными державами Запада. Это подтверждается тем фактом, что японские лидеры охотнее общаются с главами государств и правительств развитых западных стран, в то время как их контакты с коллегами из стран Юга и Востока носят более редкий и эпизодический характер.

Ключевые слова:

Япония, Визиты, Премьер-министры, Статистика, Анализ, Развитые страны, Развивающиеся страны, Глобальный Север, Глобальный Юг, Внешняя политика

Актуальность

Современный мир стремительно меняется: эпицентры общественно-экономической – а вместе с тем, и политической – жизни переносятся из развитого мира в развивающийся. По информации Международного валютного фонда (МВФ), на долю развивающихся стран приходится 60,92% мирового ВВП, в то время как на развитые экономики – только 39,08% [\[1\]](#). Львиная доля прироста населения планеты – а значит, будущих создателей и потребителей товаров/услуг – также приходится на развивающийся мир (6,91 млрд), в то время как в развитом мире живут только 1,11 млрд людей [\[2\]](#), причем это число постоянно сокращается в связи со старением коренного населения. Статистика по темпам экономического роста также говорит в пользу развивающихся стран: 4,2% прироста ВВП на фоне 1,6% у развитых стран [\[3\]](#). Будущее планеты постепенно переходит в руки мирового большинства.

Одни государства стараются адаптироваться к трансформации мирового сообщества раньше конкурентов, пока другие страны по привычке концентрируются преимущественно на контактах с постиндустриальными государствами Западной Европы и Северной Америки. Япония – один из немногих игроков на глобальной арене, географически окружённый по большей части развивающимися странами, но исторически и политически (с конца XIX в.) тяготеющий скорее к развитым государствам [\[4\]](#). Однако рано или поздно, подобно другим странам Глобального Севера, Япония окажется вынуждена признать растущую роль Глобального Юга в мировой культуре,

экономике и социально-политической жизни. Вопрос не в том, когда это произойдет, а в том, как это случится.

Возвращаясь к проблематике Японии, расположенной на перепутье между развитым и развивающимся миром, имеет смысл задаться вопросом: Изменился ли за последние годы вектор внешнеполитического интереса Токио по отношению к зарубежным партнёрам? Стало ли среди стран, посещённых премьер-министрами Японии, меньше членов Глобального севера и больше представителей Глобального юга? По-прежнему ли Япония сконцентрирована на Западной цивилизации или в 2010-е и 2020-е гг. был заложен фундамент – пускай, не самый очевидный – для сдвигов внешнеполитического курса Японии?

В рамках данного исследования затронута проблема потенциального изменения внешнеполитической ориентации Японии с западных стран на незападные государства. Гипотеза заключается в том, что присутствие Японии в странах Глобального юга постепенно растёт: это может происходить не быстро и громко, но, тем не менее, происходить. В актуальности указанной проблемы сомневаться не приходится, так как о значимости развивающихся стран и регионов говорят повсюду: на саммитах БРИКС [\[5\]](#) и ШОС [\[6\]](#), G20 [\[7\]](#) и АТЭС [\[8\]](#), на Восточном [\[9\]](#) и Петербургском [\[10\]](#) экономических форумах.

Методология

В рамках работы использован количественный и качественный анализ. Сначала подсчитана частота посещений японскими лидерами разных стран и континентов, а затем регулярность визитов объяснена с точки зрения международной конъюнктуры и внешнеполитических приоритетов Японии. Страны поделены на развитые и развивающиеся. Кроме того, обозначены 7 направлений: Европа, Азия, Ближний Восток, Африка, Северная Америка, Латинская Америка, а также Австралия и Океания.

Автор исходит из допущения [\[11\]](#), что все визиты первых лиц – и государственные, и официальные, и рабочие – коррелируют со степенью важности одной страны для другой. Например, если страна А (или группа стран А) представляет значимость для государства В (или группы государств В), то лидеры А будут часто – или, по крайней мере, регулярно – контактировать с главами В. С годами статистика визитов меняется. По мере усиления одних государств и ослабления других стран, президенты и премьер-министры начинают реже посещать регионы А в пользу регионов В и наоборот.

Важно отметить, что часто визиты могут служить маркером готовности Японии оказывать помощь социально-экономическому развитию той или иной страны. Чем чаще японские лидеры посещают определенные государства, тем крепче связи между странами в том числе по линии «донор – реципиент» [\[12\]](#). Но это – лишь один из примеров отношений. Визиты также могут касаться культурных обменов, политического сотрудничества, научно-технических разработок, а также совместного обеспечения безопасности: как военно-политической, так и иной – энергетической, информационной и не только.

Материал исследования

В качестве инструмента для измерения смены внешнеполитических приоритетов Японии используется статистика по зарубежным визитам премьер-министров страны в 2010-е и 2020-е годы. Анализ поездок Синдзо Абэ, Ёсихидэ Суга, Фумио Кисида и Сигэру Исиба может раскрыть ответ на вопрос: насколько Япония готова признать смену

геополитических реалий и выстраивать активный диалог с новыми регионами, будь то Юго-Восточная Азия, Латинская Америка, Ближний Восток или африканский континент?

Для удобства оценки введены несколько правил. Пусть каждый визит японского премьер-министра в ту или иную страну будет равен одному баллу. В финальную статистику имеет смысл включать только двусторонние визиты, ориентированные непосредственно на диалог с конкретно этим государством. Например, многочисленные поездки в США на саммит ООН или в Швейцарию на сессию Всемирного экономического форума не отражают фиксацию японских лидеров на западном мире, поскольку в данном случае страны Глобального Севера выступают в роли площадок, а не непосредственной цели. Аналогичным образом, формальные визиты в страны Азии ради участия в саммитах АСЕАН+ или АТЭС также не говорят об усилении именно двустороннего сотрудничества с конкретными странами. Поэтому имеет смысл оценивать лишь такие поездки, в рамках которых японский премьер-министр встретился с главой иностранного государства или правительства, чтобы обсудить двустороннюю повестку и подписать соответствующий пакет нормативных актов, направленных на развитие двусторонних связей конкретно с указанным государством. Иначе такие визиты еще можно назвать точечными.

Все посещенные японскими лидерами страны поделены на две группы: развитые [\[13\]](#) и развивающиеся [\[14\]](#). Категории составлены на основе списков Международного валютного фонда (МВФ). Для удобства подсчетов и последующей оценки автор не использует группу «наименее развитых стран» или «стран с переходной экономикой». Это бы серьезно затруднило оценку по линии Глобальный Север – Глобальный Юг, бинарный антагонизм был бы менее выражен. Стоит также отметить, что критерий развитости в данном контексте – не ВВП на душу населения, не ИЧР, не политический режим и не членство в каких-либо формальных или неформальных объединениях.

Результаты исследования

По итогам 2013 г. Синдзо Абэ совершил 28 визитов, однако двусторонними стали только 22. Развивающиеся страны японский премьер-министр посетил 18 раз, в то время как развитые – только 4. Наиболее популярным направлением стали Азия (10) и Ближний Восток (6). Если говорить точнее – страны АСЕАН (Вьетнам, Таиланд, Индонезия, Мьянма, малайзия, Сингапур и Филиппины) + Монголия, а также государства Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн, Кувейт, Катар) + Турция. Европу Синдзо Абэ целенаправленно посетил только трижды (Польша, Ирландия, Россия), Северную Америку – дважды (США и Канада), а Африку – единожды (Джибути). В Латинской Америке и Океании визитов не было. Итого: фокус сделан на Ближнем Востоке и Юго-Восточной Азии. В первом случае целью стало расширение сотрудничества в энергетической сфере, а во втором – в области торговли различными товарами и услугами.

В 2014 г. география зарубежных визитов Синдзо Абэ выглядела принципиально иначе. Премьер-министр Японии посетил 32 страны, но в двустороннем формате – лишь 23. 10 из них были развитыми, и еще 13 – развивающимися. Наиболее часто он бывал в Европе (Германия, Британия, Португалия, Испания, Бельгия, Италия и Ватикан). Целью поездок стало укрепление диалога с западными странами в области финансов, а также политических инициатив. Второе по значимости направление – Латинская Америка: Мексика, Тринидад и Тобаго, Колумбия, Чили и Бразилия. Попытка выстроить связи с одним из наиболее отдаленных регионов, имеющих растущий ресурсно-промышленный потенциал. В Азии Синдзо Абэ был 4 раза – в Индии, Сингапуре, Бангладеш и Шри-Ланке. Преимущественно Южная Азия. Страны без недостатка в рабочей силе,

зарождающиеся центры для аутсорсинга электронных и текстильных производств. При этом в Африке глава японского правительства был 3 раза (Кот-д'Ивуар, Мозамбик, Эфиопия), в Океании – тоже 3 (Австралия, Новая Зеландия, Папуа – Новая Гвинея). Итого: год оказался одним из самых разнообразных по направлениям. От беднейших стран Африки до благополучных Австралии и Новой Зеландии.

В 2015 г. Синдзо Абэ объехал 24 страны; конкретно/точечно – только 16. Лишь 4 были развитыми, а развивающимися – остальные 12. Наиболее приоритетным направлением стала Азия: 8 государств. Монголия, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан, Южная Корея и Индия. Две последние страны стоят особняком, японский премьер-министр сделал упор на постсоветских странах Центральной Азии. В середине 2010-х гг. японские инвесторы активно пытались бороться с китайскими оппонентами за право реализации в регионе различных инициатив – преимущественно в области энергетики и добычи ценных металлов. Тогда же Синдзо Абэ посетил ряд стран Ближнего Востока – Египет, Иорданию, Израиль и Палестину. Япония не является активным участником переговоров по урегулированию арабо-израильского конфликта, но вклад в поддержание стабильности Синдзо Абэ также попытался внести. Европу он посетил дважды (Украина и Люксембург – беднейшая и богатейшая страны континента), Северную (США) и Латинскую (Ямайка) Америки – по одному разу.

За 2016 г. глава японского правительства посетил 20 стран, а формате двусторонних визитов – 10. 7 из них были развитыми и 3 развивающимися. Абсолютное большинство посещенных государств пришлось на европейский континент: Италия, Франция, Бельгия, Германия, Британия и Россия. Кроме того, Синдзо Абэ дважды побывал в Северной (США + США) и Латинской (Куба + Аргентина) Америке. С главами развитых государств и их правительств обсуждалась преимущественно экономическая и культурная повестка. В ряде случаев – как например, во время обоих посещений Соединенных Штатов – ставилась задача заручиться политической поддержкой как демократических, так и республиканских элит. Синдзо Абэ сначала договорился о координации политики в АТР с Баракком Обамой, а вскоре после избрания нового президента – уже с Дональдом Трампом.

На протяжении 2017 г. концентрация на западном направлении осталась без изменений. Синдзо Абэ посетил 23 страны, но на двусторонней основе – 16. 11 из них относились к категории развитых экономик, еще 5 – к группе развивающихся хозяйств. В Европе Синдзо Абэ был 10 раз – Германия, Франция, Италия, Россия, Британия, Мальта, Бельгия. На этот раз японский премьер-министр также заглянул в государства Северной Европы (Швеция, Финляндия, Дания). Обсуждался широкий круг вопросов: от гуманитарных и климатических проблем до экономической интеграции. В странах Азии Синдзо Абэ побывал 4 раза: 3 из них были членами АСЕАН (Филиппины, Индонезия, Вьетнам) и еще 1 – Индия. Темой двусторонних встреч с главами государств и правительств стала экономическая политика в сфере таможенных тарифов, инвестиций, а также аутсорсинг ряда бизнес-процессов из Японии на территорию развивающихся держав. В Северной Америке и Океании Синдзо Абэ был единожды (США и Австралия соответственно). Африка и Ближний Восток в расписании японского премьера не значились.

Западоцентричный подход к ведению внешней политики сохранился для Японии и в 2018 г. Премьер-министр совершил 27 визитов, из которых конкретными/точечными были 18. 9 раз он побывал в развитых странах и столько же – в развивающихся. Наибольшее количество раз (8) Синдзо Абэ встретился с главами государств и правительств Европы. Примечательно, что в этот раз акцент был сделан на малых региональных державах

(Эстония, Латвия, Литва, Болгария, Сербия, Румыния) + Испания и Франция. Если раньше глава японского правительства виделся по большей части с коллегами из старых членов ЕС, то теперь – впервые из новых. Эти страны не отличаются развитыми экономиками, но находятся на пересечении западного мира и российской сферы влияния. На Ближнем Востоке Синдзо Абэ был трижды: его торжественно встретили в ОАЭ, Иордании и Израиле. По 2 раза японский премьер был в Азии (Южная Корея и Китай – одни из основных индустриальных центров АТР), а также в Северной (оба раза США) и Латинской (Уругвай + Парагвай) Америке. Также японский лидер 1 раз посетил Австралию. В центре обсуждения была проблематика безопасности, взаимовыгодного развития и преференций для японского бизнеса. К африканскому континенту Синдзо Абэ по-прежнему остался равнодушен.

В статистике за 2019 г. опять лидирует западный сектор. Суммарно японский премьер-министр посетил 16 стран, двусторонними оказались лишь 8 визитов. 6 развитых стран и только 2 развивающееся государство. В Европе – Нидерланды, Британия, Россия, Франция и Словакия. В Северной Америке – США и Канада. На Ближнем Востоке – Иран. Африку, Латинскую Америку и Океанию японский лидер не посетил ни разу.

Из-за пандемии COVID-19 в 2020 г. международные контакты японского премьер-министра – как, впрочем, и всех остальных международных лидеров – были неожиданно поставлены на паузу. Зарубежные поездки Синдзо Абэ совершил только в январе: до того, как 11 марта Всемирная организация здравоохранения призвала к введению карантинных мер. Глава японского правительства побывал в Саудовской Аравии, ОАЭ и Омане. Во всех случаях приоритетным вопросом стало обсуждение торговли углеводородами. Япония бедна природными ресурсами, поэтому вынуждена закупать топливо в странах Персидского залива. Следующий раз японский лидер совершил зарубежные поездки только в октябре 2020 г., но это был уже не Синдзо Абэ, а его преемник Ёсихидэ Суга. Еще 2 страны, обе в Азии, обе в АСЕАН: Вьетнам и Индонезия. Итого – 5 стран, все 5 – двусторонние визиты. 3 на Ближнем Востоке и 2 в Азии. Все 5 развивающиеся, ни одной развитой. Ни одной поездки в Европу, Африку, Северную и Латинскую Америку, а также Океанию.

В 2021 г. из-за пандемии SARS-CoV-2 количество иностранных контактов на высшем уровне сократилось еще сильнее. Ёсихидэ Суга посетил только 3 страны, но в двустороннем формате лишь 1: США. В конце года ему на смену пришёл Фумио Кисида – новый глава японского правительства побывал в Британии, но не для развития двусторонних отношений, а ради формального участия в саммите по изменению климата. Таким образом, единственным регионом, попавшим в итоговый зачет, стала Северная Америка. Остальные регионы и континенты – Европа, Азия, Ближний Восток, Африка, Латинская Америка, а также Австралия и Океания – вне рейтинга.

2022 г. ознаменовался резким увеличением зарубежных визитов японских лидеров в связи с отменой карантинных ограничений. Совершено 18 визитов, из них 10 – двусторонние. Число развитых и развивающихся стран равно: 5 и 5 соответственно. В итоговом зачете лидируют страны Азии (Индия, Камбоджа, Индонезия, Вьетнам, Таиланд и Сингапур). За исключением Индии, все входят в состав АСЕАН. Европу с целью развития двусторонних отношений японский премьер посещал трижды (Италия, Ватикан, Британия). В Австралии Фумио Кисида был 1 раз. В остальных регионах – Африке, Северной и Латинской Америке, а также на Ближнем Востоке – ни разу.

По итогам 2023 г. глава японского правительства объехал 28 стран, из них 21 – конкретно/точечно. 8 государств оказались развитыми и еще 13 развивающимися.

Европа по-прежнему опередила все остальные континенты и регионы – здесь Фумио Кисида был 7 раз (Франция, Италия, Британия, Польша, Украина, Бельгия и снова Польша). Второе по популярности направление – азиатское (5 раз): Индия, Сингапур, Южная Корея, Филиппины и Малайзия. Со странами Ближнего Востока переговоры на двусторонней основе прошли 4 раза (Египет, Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар). Впервые за долгие годы японский лидер трижды побывал в Африке – в Гане, Кении и Мозамбике. В Северную Америку Фумио Кисида заехал дважды (Канада и США). В Латинской Америке, а также Австралии и Океании он не был ни разу.

В 2024 г. международная активность премьер-министров Японии сошла на нет. Фумио Кисида посетил 10 стран, из них в двустороннем режиме – лишь половину, то есть 5. Пришедший к власти после его отставки Сигэру Исиба побывал еще в 3 государствах, но все разы он ездил формально для участия в саммитах АСЕАН+, АТЭС и G20. Итоговая статистика следующая: развитые страны – 3 раза, развивающиеся страны – 2 раза. По одному разу японский лидер был в Европе (Франция) и Азии (Южная Корея). Дважды глава правительства был в Латинской Америке (Бразилия + Парагвай). В Африке, Латинской Америке, Австралии, а также на Ближнем Востоке – ни разу.

Наконец, в 2025 г. тенденция на сокращение числа зарубежных поездок японских лидеров продолжилась. Сигэру Исиба совершил 8 визитов, Санаэ Такаити – 4. Двусторонними из 12 стали лишь 6, то есть каждый второй. 2 страны оказались развитыми и 4 государства – развивающимися. Абсолютное большинство стран, с которыми отношения развивались на двусторонней основе и через призму контактов с первыми лицами, расположены в Азии (5 штук – Малайзия, Индонезия, Вьетнам, Филиппины и Южная Корея). Фокус глав правительства Японии по-прежнему направлен по большей части на членов АСЕАН. Единственное государство за пределами Азии – Соединенные Штаты (Северная Америка). На территории прочих континентов и регионов (Европа, Ближний Восток, Африка, Латинская Америка, Австралия и Океания) двусторонних встреч не зафиксировано.

Возможности и ограничения

Данное исследование имеет ряд ограничений. Прежде всего, однозначным минусом является чрезмерная опора на количественные методы в сочетании с недостатком методов качественных. Далеко не всегда регулярные встречи первых лиц подтверждают степень интенсивности контактов между государствами. Лидеры стран А и В могут видеться раз в несколько лет, но при этом степень взаимозависимости и сотрудничества этих государств способна оставаться исключительно высокой. Этот принцип работает и в обратную сторону: регулярные поездки лидера страны А на территорию государства В не обязательно ведёт к росту товарооборота, инвестиций, официальной помощи развитию или обмену научно-техническим и человеческим капиталом. Именно поэтому важно смотреть не только на цифры, но также на контекст и нюансы каждого отдельного визита. Проблема заключается в том, что проанализировать больше сотни поездок в рамках одной статьи – задача исключительно трудная и фактически необъятная.

Перспективы дальнейшего исследования

Результаты данного исследования могут быть в дальнейшем использованы для самых разных целей: при количественном изучении аналогичных поездок глав других государств, при написании аналитических материалов для государственных ведомств или частных предприятий в сфере политического консалтинга. Результаты анализа позволяют пролить свет на географию внешнеполитических приоритетов Японии, что

полезно учитывать в процессе дипломатической деятельности, принятия политических решений и не только. Итоги исследования также применимы в сугубо академической среде для образовательных целей, при написании публицистических материалов, а также при создании просветительского и научно-популярного контента в массовых газетах, профильных журналах, телеканалах разного охвата и тематической направленности.

Выводы

По итогу анализа становится понятно: внешнеполитические приоритеты Японии с годами почти не меняются. Премьер-министры страны посещают разные страны на разных континентах ради формального участия в конференциях, однако развивать отношения в двустороннем формате готовы преимущественно с развитыми постиндустриальными экономиками западных стран. Наиболее активно главы японского правительства посещали именно Европу и страны Северной Америки (США + Канада). Частота этих визитов обусловлена и экономически [\[15\]](#), и политически [\[16\]](#), и с точки зрения общих взглядов на международную безопасность [\[17\]](#). В области политических ориентиров и культурных ценностей Япония также достаточно близка к западному сообществу: образованному, урбанизированному, индивидуалистскому, технически продвинутому, финансово обеспеченному и изо всех сил стремящемуся сохранить своё глобальное доминирование. Японцы зачастую добровольно и осознанно причисляют себя к Западу, разделяют его проблемы. Боятся того же, чего боятся на Западе. Тем не менее, диалог с азиатскими странами японские лидеры поддерживают очень активно.

Государства Азии играют важную роль во внешнеполитическом курсе Японии, но зачастую отстают в рейтинге от европейских стран. Наиболее активно японские премьер-министры встречаются с главами стран АСЕАН. Однако причины здесь совсем не такие, как в случае западных партнёров. Основной предмет интереса японских компаний в Юго-Восточной Азии – аутсорсинг, перенос производства (свыше 60% японских предприятий предпочитают переносить производство именно в 11 стран Юго-Восточной Азии) [\[18\]](#). Кроме того, японские корпорации заинтересованы в дешёвом сырье из стран АСЕАН.

Стоит отметить, что японцы также стремятся удержать контроль над азиатскими рынками в рамках конкуренции с КНР. Дополнительные цели диалога с соседями Японии – диверсифицировать торговые потоки и создать «буферную» зону [\[19\]](#) на фоне противостояний с Китаем [\[20\]](#). Впрочем, КНР (наряду с Индией и Южной Кореей) в то же время представляет для Японии немалый интерес. Важно отметить, что характер отношений здесь сопернический. Индия (несмотря на целый комплекс внутренних проблем) [\[21\]](#) и Китай способны обойти Японию количественно, а Южная Корея [\[22\]](#) – качественно. Перечисленные страны воспринимаются в Японии как многообещающие партнёры с точки зрения хозяйственного обмена, однако по политической и культурной части между ними по-прежнему остаётся пропасть (во многом обусловленная историческими разногласиями). Так или иначе, по параметру частоты взаимодействия с японским руководством азиатские страны по-прежнему уступают G7 и ЕС на большей части выбранного отрезка времени.

Государства Ближнего Востока японские лидеры посещают очень неравномерно. В одни годы сразу несколько стран, в другие годы – ни одной. В силу географических, политических и культурных причин [\[23\]](#) степень сотрудничества ближневосточных государств с Японией не очень велика, однако в топливно-энергетической отрасли

страны Ближнего Востока имеют для японского государства стратегическое значение [\[24\]](#) (95% нефти Японии закупает здесь) [\[25\]](#). Именно поэтому раз в 2-3 года японские лидеры посещают державы Персидского залива с целью заключения нефтегазовых контрактов. За пределами ТЭК причин для визитов немного: Япония и государства Ближнего Востока не имеют общего прошлого, не преследуют общих целей и по-разному смотрят на принципы справедливого мироустройства.

Со странами Латинской Америки Японию также не связывают слишком крепкие узы. Японское государство не имеет в регионе энергетических интересов (как в случае с Ближним Востоком) или масштабных ресурсно-промышленных инициатив (как в кейсе с государствами Азии). Нет здесь ни особой политической солидарности, ни действительно платежеспособных рынков сбыта (как в европейских или североамериканских условиях). Японские премьер-министры несколько раз бывали в Мексике и Бразилии. Более того, главы правительств Японии даже посещали малые державы вроде Уругвая и Парагвая. Но о систематических контактах речи идти не может. Географическая удалённость, языковые и культурные барьеры, отсутствие общих целей – возможные причины не очень частых контактов между лидерами Японии и латиноамериканских стран. Тем не менее – вслед за другими державами (США, КНР, Россия, Индия) японское руководство пытается нащупать точки соприкосновения с регионом [\[26\]](#).

Австралия и Океания во внешнеполитический круг Японии попадают нерегулярно. Тем не менее, японские премьер-министры стараются периодически посещать Австралию и Новую Зеландию. Малые островные государства Тихого океана в рейтинге отсутствуют. Папуа – Новая Гвинея выглядит исключением. В остальном, двусторонние контакты построены по тем же принципам, что и с западными странами. Объединяет относительная географическая близость, приблизительно равнозначный уровень социально-экономического развития (по крайней мере, с двумя крупнейшими игроками в регионе), схожий набор культурных ценностей (в контексте вестернизации), а также общая политическая воля – все три страны следуют в фарватере внешней политики США. Целенаправленные визиты японских лидеров в Австралию и Новую Зеландию свидетельствуют о сотрудничестве на качественном уровне, однако в количественном измерении интенсивность контактов оставляет желать лучшего. И всё же, 75% жителей региона заявляют о сходстве взглядов с японцами и воспринимают Японию в качестве дружественной страны [\[27\]](#).

Наиболее печальная статистика касается африканского направления внешней политики Японии. Отсутствие развитых центров промышленности (производство на малых африканских предприятиях на 39% дороже, чем на аналогичных фирмах в других местах, средние и крупные компании примерно на 50% дороже) [\[28\]](#), платежеспособных потребителей (490 миллионов африканцев живут за чертой бедности на 1,90 доллара в день) [\[29\]](#), необходимого уровня технологий [\[30\]](#) и общественной безопасности (по состоянию на 2025 г., а Африке насчитывается более 35 вооруженных конфликтов) [\[31\]](#) служат естественными барьерами для японских компаний и организаций. Двусторонние контакты касались в основном гуманитарной повестки, попытки преодолеть экономическое неравенство. Среди всех регионов и континентов мира именно Африка представляет для Японии наименьший интерес. С годами ситуация не меняется: даже если африканские страны и развиваются, их трансформация происходит слишком медленно. Политические элиты Японии могут осознавать скрытый потенциал африканского направления, однако по состоянию на 2010-е гг. и первую половину 2020-х гг. существует мало причин для интеграции между Японией и странами Африки. Да, в

отличии от японского государства страны Африки демонстрируют постепенный экономический рост, а также увеличение населения (а значит, новых потребителей). Впрочем, вплоть до текущего момента именно на высшем уровне японское руководство остаётся к Африке равнодушным. Это наглядно подтверждает динамика по количеству и частоте встреч в верхах. Предпосылок для перемен пока нет.

Главный вывод: Запад для Японии по-прежнему на первом месте, с годами приоритеты почти не меняются. Страны Азии занимают второе место, в то время как страны Латинской Америки и Ближнего Востока японские лидеры посещают нерегулярно. Африканское направление внешней политики наименее развито – в первую очередь, по экономическим причинам. Прямой корреляции между посещением развитых и развивающихся стран нет, процесс непредсказуем. В зависимости от года и международной обстановки направления визитов японских премьер-министров могут сильно меняться.

Таб. 1. Условные обозначения.

Table 1. Legend.

Не считается	Advanced	Developing	Азия	Европа	БВ	Африка	СА	ЛА	Австралия и Океания

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Таб. 2. Зарубежные визиты 2013 года (Синдзо Абэ)

Table 2. Foreign visits in 2013 (Shinzo Abe)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	16.01.2013	Вьетнам (Ханой)	Dev	Азия	1-й	Встреча с премьер- министром	1
2	17.01.2013	Таиланд (Бангкок)	Dev	Азия	1-й	Встреча с премьер- министром	1
3	18.01.2013	Индонезия (Джакарта)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
4	22.02.2013 – 23.02.2013	США (Вашингтон)	Adv	Северная Америка	1-й	Встреча с президентом	1
5	30.03.2013 – 31.03.2013	Монголия (Улан- Батор)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
6	29.04.2013 – 30.04.2013	Россия (Москва)	Dev	Европа	1-й	Встреча с президентом	1
7	30.04.2013	Савловская	Dev	Ближний	1-й	Встреча с	1

	01.05.2013 – 01.05.2013	Аравия (Эр-Рияд)	Dev	Восток		Встреча с наследным принцем	1
8	01.05.2013 – 02.05.2013	ОАЭ (Абу-Даби, Дубай)	Dev	Ближний Восток	1-й	Встреча с наследным принцем	1
9	02.05.2013 – 03.05.2013	Турция (Анкара)	Dev	Ближний Восток	1-й	Встреча с президентом	1
10	25.05.2013 – 25.05.2013	Мьянма (Янгон)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
11	15.06.2013 – 16.06.2013	Польша (Варшава)	Adv	Европа	1-й	Встреча с президентом	1
12	17.06.2013 – 19.06.2013	Британия (Лондон)	Adv	Европа	1-й	Саммит G8	0
13	19.06.2013	Ирландия (Дублин)	Adv	Европа	1-й	Встреча с премьер-министром	1
14	25.07.2013	Малайзия (Куала-Лумпур)	Dev	Азия	1-й	Встреча с премьер-министром	1
15	26.07.2013	Сингапур (Сингапур)	Adv	Азия	1-й	Встреча с премьер-министром	1
16	27.07.2013	Филиппины (Манила)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
17	24.08.2013 – 25.08.2013	Бахрейн (Манама)	Dev	Ближний Восток	1-й	Встреча с королем	1
18	26.08.2013	Кувейт (Кувейт)	Dev	Ближний Восток	1-й	Встреча с эмиром	1
19	27.08.2013	Джибути (Джибути)	Dev	Африка	1-й	Встреча с президентом	1
20	28.08.2013	Катар (Доха)	Dev	Ближний Восток	1-й	Встреча с эмиром	1
21	05.09.2013 – 06.09.2013	Россия (Санкт-Петербург)	Dev	Европа/Азия	2-й	Саммит G20	0
22	23.09.2013 – 24.09.2013	Канада (Оттава)	Adv	Северная Америка	1-й	Встреча с премьер-министром	1
23	24.09.2013 – 27.09.2013	США (Нью-Йорк)	Adv	Северная Америка	2-й	Сессия ГА ООН	0
24	07.10.2013 – 08.10.2013	Индонезия (Бали)	Dev	Азия	2-й	Саммит АТЭС	0

25	09.10.2013 – 10.10.2013	Бруней (Бандар Сери Бегаван)	Dev	Азия	1-й	Саммит АСЕАН+	0
26	28.10.2013 – 29.10.2013	Турция (Стамбул)	Dev	Ближний Восток	2-й	Открытие проекта «Мармарай»	0
27	16.11.2013	Камбоджа (Пномпень)	Dev	Азия	1-й	Встреча с премьер- министром	1
28	17.11.2013	Лаос (Вьентьян)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Итоги

- Всего визитов – 28, точечных/конкретных визитов – 22.
- Развитые страны – 4, развивающиеся страны – 18.
- Азия – 10, Европа – 3, БВ – 6, Африка – 1, СА – 2, ЛА – 0, Австралия и Океания – 0.

Таб. 3. Зарубежные визиты 2014 года (Синдзо Абэ)

Table 3. Foreign visits in 2014 (Shinzo Abe)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	09.01.2014	Оман (Маскат)	Dev	Ближний Восток	1-й	Встреча с Султаном	1
2	10.01.2014 – 11.01.2014	Кот-д'Ивуар (Абиджан)	Dev	Африка	1-й	Встреча с президентом	1
3	12.01.2014	Мозамбик (Мапуту)	Dev	Африка	1-й	Встреча с президентом	1
4	13.01.2014	Эфиопия (Аддис- Абеба)	Dev	Африка	1-й	Встреча с премьер- министром	1
5	22.01.2014	Швейцария (Давос)	Adv	Европа	1-й	Саммит Всемирного экономического форума	0
6	25.01.2014 – 26.01.2014	Индия (Нью-Дели)	Dev	Азия	1-й	Встреча с премьер- министром	1
7	23.03.2014 – 26.03.2014	Нидерланды (Гаага)	Adv	Европа	1-й	Саммит по ядерной безопасности	0
8	30.04.2014	Германия (Берлин)	Adv	Европа	1-й	Встреча с канцлером	1

9	01.05.2014 – 02.05.2014	Британия (Лондон)	Adv	Европа	2-й	Встреча с премьер- министром	1
10	02.05.2014 – 03.05.2014	Португалия (Лиссабон)	Adv	Европа	1-й	Встреча с премьер- министром	1
11	04.05.2014	Испания (Сантьяго- де- Компостела)	Adv	Европа	1-й	Встреча с премьер- министром	1
12	05.05.2014 – 06.05.2014	Франция (Париж)	Adv	Европа	1-й	Саммит ОЭСР	0
13	06.05.2014 – 07.05.2014	Бельгия (Брюссель)	Adv	Европа	1-й	Встреча с премьер- министром	1
14	30.05.2014 – 31.05.2014	Сингапур (Сингапур)	Adv	Азия	2-й	Встреча с премьер- министром	1
15	04.06.2014 – 05.06.2014	Бельгия (Брюссель)	Adv	Европа	2-й	Саммит G7	0
16	06.06.2014	Италия (Рим)	Adv	Европа	1-й	Встреча с премьер- министром	1
17	06.06.2014	Ватикан (Ватикан)	Adv	Европа	1-й	Встреча с Папой Римским	1
18	07.07.2014	Новая Зеландия (Окленд)	Adv	Австралия и Океания	1-й	Встреча с премьер- министром	1
19	08.07.2014 – 09.07.2014	Австралия (Канберра)	Adv	Австралия и Океания	1-й	Встреча с премьер- министром	1
20	10.07.2014 – 11.07.2014	Папуа – Новая Гвинея (Порт- Морсби)	Dev	Австралия и Океания	1-й	Встреча с премьер- министром	1
21	25.07.2014 – 26.07.2014	Мексика (Мехико)	Dev	Латинская Америка	1-й	Встреча с президентом	1
22	27.07.2014 – 28.07.2014	Тринидад и Тобаго (Порт-оф- Спейн)	Dev	Латинская Америка	1-й	Встреча с премьер- министром	1
23	29.07.2014	Колумбия (Богота)	Dev	Латинская Америка	1-й	Встреча с президентом	1
24	30.07.2014 – 31.07.2014	Чили (Сантьяго)	Dev	Латинская Америка	1-й	Встреча с президентом	1

25	01.08.2014 – 02.08.2014	Бразилия (Бразилиа, Сан-Паулу)	Dev	Латинская Америка	1-й	Встреча с президентом	1
26	06.09.2014	Бангладеш (Дакка)	Dev	Азия	1-й	Встреча с премьер- министром	1
27	07.09.2014	Шри-Ланка (Коломбо)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
28	22.09.2014 – 26.09.2014	США (Нью- Йорк)	Adv	Северная Америка	3-й	Сессия ГА ООН	0
29	16.10.2014 – 17.10.2014	Италия (Милан)	Adv	Европа	2-й	Форум «Азия – Европа»	0
30	09.11.2014 – 11.11.2014	Китай (Пекин)	Dev	Азия	1-й	Саммит АТЭС	0
31	12.11.2014 – 13.11.2014	Мьянма (Нейпидо)	Dev	Азия	1-й	Саммит АСЕАН+	0
32	14.11.2014 – 17.11.2014	Австралия (Брисбен)	Adv	Австралия и Океания	2-й	Саммит G20	0

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Итоги

- Всего визитов – 32, точечных/конкретных визитов – 23.
- Развитые страны – 10, развивающиеся страны – 13.
- Азия – 4, Европа – 7, БВ – 1, Африка – 3, СА – 0, ЛА – 5, Австралия и Океания – 3.

Таб. 4. Зарубежные визиты 2015 года (Синдзо Абэ)

Table 4. Foreign visits in 2015 (Shinzo Abe)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	16.01.2015 – 17.01.2015	Египет (Каир)	Dev	Ближний Восток	1-й	Встреча с президентом	1
2	17.01.2015 – 18.01.2015	Иордания (Амман)	Dev	Ближний Восток	1-й	Встреча с королем	1
3	18.01.2015 – 20.01.2015	Израиль (Тель-Авив)	Adv	Ближний Восток	1-й	Встреча с премьер- министром	1
4	20.01.2015	Палестина (Рамалла)	Dev	Ближний Восток	1-й	Встреча с президентом	1

5	29.03.2015 – 30.03.2015	Сингапур (Сингапур)	Adv	Азия	3-й	Похороны Ли Куан Ю	0
6	21.04.2015 – 23.04.2015	Индонезия (Джакарта)	Dev	Азия	3-й	Форум «Азия – Африка»	0
7	26.04.2015 – 03.05.2015	США (Бостон, Вашингтон, Сан- Франциско, Лос- Анджелес)	Adv	Северная Америка	4-й	Встреча с президентом	1
8	05.06.2015 – 06.06.2015	Украина (Киев)	Dev	Европа	1-й	Встреча с президентом	1
9	07.06.2015 – 09.06.2015	Германия (Эльмау)	Adv	Европа	2-й	Саммит G7	0
10	26.09.2015 – 30.09.2015	США (Нью- Йорк)	Adv	Северная Америка	5-й	Сессия ГА ООН	0
11	01.10.2015 – 02.10.2015	Ямайка (Кингстон)	Dev	Латинская Америка	1-й	Встреча с премьер- министром	1
12	22.10.2015	Монголия (Улан-Батор)	Dev	Азия	2-й	Встреча с президентом	1
13	23.10.2015	Туркменистан (Ашхабад)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
14	24.10.2015	Таджикистан (Душанбе)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
15	25.10.2015	Узбекистан (Ташкент)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
16	26.10.2015	Киргизия (Бишкек)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
17	27.10.2015 – 28.10.2015	Казахстан (Астана)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
18	01.11.2015 – 02.11.2015	Южная Корея (Сеул)	Adv	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
19	13.11.2015 – 17.11.2015	Турция (Стамбул)	Dev	Ближний Восток	3-й	Саммит G20	0
20	18.11.2015 – 19.11.2015	Филиппины (Манила)	Dev	Азия	2-й	Саммит АТЭС	0
21	20.11.2015 – 23.11.2015	Малайзия (Куала- Лумпур)	Dev	Азия	2-й	Саммит АСЕАН+	0
22	29.11.2015	Франция	Adv	Европа	2-й	Парижская	0

	– 30.11.2015	Франция (Париж)		Европа		Парижская конференция по климату	
23	01.12.2015 – 02.12.2015	Люксембург (Люксембург)	Adv	Европа	1-й	Встреча с премьер- министром	1
24	11.12.2015 – 13.12.2015	Индия (Нью- Дели)	Dev	Азия	2-й	Встреча с премьер- министром	1

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Итоги

- Всего визитов – 24, точечных/конкретных визитов – 16.
- Развитые страны – 4, развивающиеся страны – 12.
- Азия – 8, Европа – 2, БВ – 4, Африка – 0, СА – 1, ЛА – 1, Австралия и Океания – 0.

Таб. 5. Зарубежные визиты 2016 года (Синдзо Абэ)

Table 5. Foreign visits in 2016 (Shinzo Abe)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	30.03.2016 – 01.04.2016	США (Вашингтон)	Adv	Северная Америка	6-й	Саммит по ядерной безопасности	0
2	01.05.2016 – 02.05.2016	Италия (Флоренция)	Adv	Европа	3-й	Встреча с премьер- министром	1
3	02.05.2016	Франция (Париж)	Adv	Европа	3-й	Встреча с президентом	1
4	03.05.2016 – 04.05.2016	Бельгия (Брюссель)	Adv	Европа	3-й	Встреча с премьер- министром	1
5	04.05.2016	Германия (Берлин)	Adv	Европа	3-й	Встреча с канцлером	1
6	05.05.2016	Британия (Лондон)	Adv	Европа	3-й	Встреча с премьер- министром	1
7	06.05.2016	Россия (Сочи)	Dev	Европа	3-й	Встреча с президентом	1
8	14.07.2016 – 16.07.2016	Монголия (Улан-Батор)	Dev	Азия	3-й	Форум «Азия – Европа»	0
9	21.08.2016	Бразилия (Рио-де- Жанейро)	Dev	Латинская Америка	3-й	Церемония закрытия Олимпийских игр	0
10	25.08.2016	Сингапур	Adv	Азия	4-й	Похороны	0

		(Сингапур)				бывшего президента	
11	26.08.2016 – 28.08.2016	Кения (Найроби)	Dev	Африка	1-й	Конференция по развитию Африки	0
12	02.09.2016 – 03.09.2016	Россия (Владивосток)	Dev	Европа	4-й	Восточный экономический форум	0
13	04.09.2016 – 05.09.2016	Китай (Ханчжоу)	Dev	Азия	2-й	Саммит G20	0
14	06.09.2016 – 08.09.2016	Лаос (Вьентьян)	Dev	Азия	2-й	Саммит АСЕАН+	0
15	19.09.2016 – 21.09.2016	США (Нью- Йорк)	Adv	Северная Америка	7-й	Сессия ГА ООН	0
16	22.09.2016 – 23.09.2016	Куба (Гавана)	Dev	Латинская Америка	1-й	Встреча с президентом	1
17	17.11.2016	США (Нью- Йорк)	Adv	Северная Америка	8-й	Встреча с президентом	1
18	18.11.2016 – 20.11.2016	Перу (Лима)	Dev	Латинская Америка	1-й	Саммит АТЭС	0
19	21.11.2016	Аргентина (Буэнос- Айрес)	Dev	Латинская Америка	1-й	Встреча с президентом	1
20	26.12.2016 – 27.12.2016	США (Гонолулу)	Adv	Северная Америка	9-й	Встреча с президентом	1

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Итоги

- Всего визитов – 20, точечных/конкретных визитов – 10.
- Развитые страны – 7, развивающиеся страны – 3.
- Азия – 0, Европа – 6, БВ – 0, Африка – 0, СА – 2, ЛА – 2, Австралия и Океания – 0.

Таб. 6. Зарубежные визиты 2017 года (Синдзо Абэ)

Table 6. Foreign visits in 2017 (Shinzo Abe)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	12.01.2017 – 13.01.2017	Филиппины (Манила, Давао)	Dev	Азия	3-й	Встреча с президентом	1

2	14.01.2017 – 15.01.2017	Австралия (Сидней)	Adv	Австралия и Океания	3-й	Встреча с премьер- министром	1
3	15.01.2017 – 16.01.2017	Индонезия (Джакарта)	Dev	Азия	4-й	Встреча с президентом	1
4	16.01.2017 – 17.01.2017	Вьетнам (Ханой)	Dev	Азия	2-й	Встреча с премьер- министром	1
5	10.02.2017 – 11.02.2017	США (Вашингтон)	Adv	Северная Америка	10-й	Встреча с президентом	1
6	19.03.2017 – 20.03.2017	Германия (Ганновер)	Adv	Европа	4-й	Встреча с канцлером	1
7	20.03.2017	Франция (Париж)	Adv	Европа	4-й	Встреча с президентом	1
8	21.03.2017	Бельгия (Брюссель)	Adv	Европа	4-й	Еврокомиссия	0
9	21.03.2017	Италия (Рим)	Adv	Европа	4-й	Встреча с премьер- министром	1
10	27.04.2017	Россия (Москва)	Dev	Европа	5-й	Встреча с президентом	1
11	28.04.2017 – 29.04.2017	Британия (Лондон)	Adv	Европа	4-й	Встреча с премьер- министром	1
12	25.05.2017 – 27.05.2017	Италия (Таормина)	Adv	Европа	5-й	Саммит G7	0
13	27.05.2017	Мальта (Валетта)	Adv	Европа	1-й	Встреча с премьер- министром	1
14	05.07.2017 – 06.07.2017	Бельгия (Брюссель)	Adv	Европа	5-й	Встреча с премьер- министром	1
15	06.07.2017 – 08.07.2017	Германия (Гамбург)	Adv	Европа	5-й	Саммит G20	0
16	09.07.2017	Швеция (Стокгольм)	Adv	Европа	1-й	Встреча с премьер- министром	1
17	09.07.2017 – 10.07.2017	Финляндия (Хельсинки)	Adv	Европа	1-й	Встреча с премьер- министром	1
18	10.07.2017	Дания (Копенгаген)	Adv	Европа	1-й	Встреча с премьер- министром	1
19	05.09.2017 –	Россия (Владивосток)	Dev	Европа	6-й	Восточный экономический	0

	07.09.2017					форум	
20	13.09.2017 – 14.09.2017	Индия (Ахмедабад)	Dev	Азия	3-й	Встреча с премьер- министром	1
21	18.09.2017 – 21.09.2017	США (Нью- Йорк)	Adv	Северная Америка	11-й	Сессия ГА ООН	0
22	09.11.2017 – 11.11.2017	Вьетнам (Дананг)	Dev	Азия	3-й	Саммит АТЭС	0
23	12.11.2017 – 14.11.2017	Филиппины (Манила)	Dev	Азия	4-й	Саммит АСЕАН+	0

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Итоги

- Всего визитов – 23, точечных/конкретных визитов – 16.
- Развитые страны – 11, развивающиеся страны – 5.
- Азия – 4, Европа – 10, БВ – 0, Африка – 0, СА – 1, ЛА – 0, Австралия и Океания – 1.

Таб. 7. Зарубежные визиты 2018 года (Синдзо Абэ)

Table 7. Foreign visits in 2018 (Shinzo Abe)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	12.01.2018	Эстония (Таллин)	Adv	Европа	1-й	Встреча с премьер- министром	1
2	13.01.2018	Латвия (Рига)	Adv	Европа	1-й	Встреча с премьер- министром	1
3	13.01.2018 – 14.01.2018	Литва (Вильнюс)	Adv	Европа	1-й	Встреча с президентом	1
4	14.01.2018	Болгария (София)	Dev	Европа	1-й	Встреча с премьер- министром	1
5	15.01.2018	Сербия (Белград)	Dev	Европа	1-й	Встреча с президентом	1
6	16.01.2018	Румыния (Бухарест)	Dev	Европа	1-й	Встреча с президентом	1
7	09.02.2018 – 10.02.2018	Южная Корея (Пхёнчхан)	Adv	Азия	2-й	Встреча с президентом	1
8	17.04.2018 – 18.04.2018	США (Палм- Бич)	Adv	Северная Америка	12-й	Встреча с президентом	1
9	29.04.2018 –	ОАЭ (Абу- Даби)	Dev	Ближний Восток	2-й	Встреча с наследным	1

	30.04.2018					принцем	
10	01.05.2018	Иордания (Амман)	Dev	Ближний Восток	2-й	Встреча с королем	1
11	02.05.2018	Палестина (Иерихон, Вифлеем)	Dev	Ближний Восток	2-й	Агропромышленный парк Иерихона	0
12	02.05.2018	Израиль (Тель-Авив)	Dev	Ближний Восток	2-й	Встреча с премьер- министром	1
13	25.05.2018 – 26.05.2018	Россия (Санкт- Петербург)	Dev	Европа	7-й	Петербургский международный экономический форум	0
14	06.06.2018 – 07.06.2018	США (Вашингтон)	Adv	Северная Америка	13-й	Встреча с президентом	1
15	08.06.2018 – 09.06.2018	Канада (Шарлевуа)	Adv	Северная Америка	2-й	Саммит G7	0
16	11.09.2018 – 13.09.2018	Россия (Владивосток)	Dev	Европа	8-й	Восточный экономический форум	0
17	23.09.2018 – 26.09.2018	США (Нью- Йорк)	Adv	Северная Америка	14-й	Сессия ГА ООН	0
18	16.10.2018	Испания (Мадрид)	Adv	Европа	2-й	Встреча с премьер- министром	1
19	17.10.2018	Франция (Париж)	Adv	Европа	5-й	Встреча с президентом	1
20	18.10.2018 – 19.10.2018	Бельгия (Брюссель)	Adv	Европа	6-й	Саммит «Азия – Европа»	0
21	25.10.2018 – 26.10.2018	Китай (Пекин)	Dev	Азия	3-й	Встреча с председателем КНР	1
22	14.11.2018 – 15.11.2018	Сингапур (Сингапур)	Adv	Азия	5-й	Саммит АСЕАН+	0
23	16.11.2018 – 17.11.2018	Австралия (Дарвин)	Adv	Австралия и Океания	4-й	Встреча с премьер- министром	1
24	17.11.2018 – 18.11.2018	Папуа – Новая Гвинея (Порт- Морсби)	Dev	Австралия и Океания	2-й	Саммит АТЭС	0
25	29.11.2018 – 01.12.2018	Аргентина (Буэнос- Айрес)	Dev	Латинская Америка	2-й	Саммит G20	0
26	02.12.2018	Уругвай (Монтевидео)	Dev	Латинская Америка	1-й	Встреча с президентом	1
27	02.12.2018	Парагвай	Dev	Латинская	1-й	Встреча с	1

		персона (Асунсьон)	БВ	Америка		встреча с президентом	

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Итоги

- Всего визитов – 27, точечных/конкретных визитов – 18.
- Развитые страны – 9, развивающиеся страны – 9.
- Азия – 2, Европа – 8, БВ – 3, Африка – 0, СА – 2, ЛА – 2, Австралия и Океания – 1.

Таб. 8. Зарубежные визиты 2019 года (Синдзо Абэ)

Table 8. Foreign visits in 2019 (Shinzo Abe)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	09.01.2019	Нидерланды (Амстердам)	Adv	Европа	2-й	Встреча с премьер-министром	1
2	10.01.2019	Британия (Лондон)	Adv	Европа	5-й	Встреча с премьер-министром	1
3	21.01.2019 – 22.01.2019	Россия (Москва)	Dev	Европа	9-й	Встреча с президентом	1
4	23.01.2019	Швейцария (Давос)	Adv	Европа	2-й	Саммит Всемирного экономического форума	0
5	22.04.2019 – 23.04.2019	Франция (Париж)	Adv	Европа	6-й	Встреча с президентом	1
6	24.04.2019	Словакия (Братислава)	Adv	Европа	1-й	Встреча с премьер-министром	1
7	25.04.2019	Бельгия (Брюссель)	Adv	Европа	7-й	Еврокомиссия	0
8	26.04.2019 – 27.04.2019	США (Вашингтон)	Adv	Северная Америка	15-й	Встреча с президентом	1
9	27.04.2019 – 28.04.2019	Канада (Оттава)	Adv	Северная Америка	3-й	Встреча с премьер-министром	1
10	12.06.2019 – 13.06.2019	Иран (Тегеран)	Dev	Ближний Восток	1-й	Встреча с рахбаром	1
11	24.08.2019 –	Франция (Биарриц)	Adv	Европа	7-й	Саммит G7	0

	26.08.2019						
12	04.09.2019 в 06.09.2019	Россия (Владивосток)	Dev	Европа	10-й	Восточный экономический форум	0
13	23.09.2019 – 25.09.2019	США (Нью-Йорк)	Adv	Северная Америка	16-й	Сессия ГА ООН	0
14	26.09.2019 – 27.09.2019	Бельгия (Брюссель)	Adv	Европа	8-й	Еврокомиссия	0
15	03.11.2019 – 05.11.2019	Таиланд (Бангкок)	Dev	Азия	2-й	Саммит АСЕАН+	0
16	23.12.2019 – 25.12.2019	Китай (Чэнду)	Dev	Азия	4-й	Саммит «Китай – Япония – Южная Корея»	0

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Итоги

- Всего визитов – 16, точечных/конкретных визитов – 8.
- Развитые страны – 7, развивающиеся страны – 1.
- Азия – 0, Европа – 5, БВ – 1, Африка – 0, СА – 2, ЛА – 0, Австралия и Океания – 0.

Таб. 9. Зарубежные визиты 2020 года (Синдзо Абэ)

Table 9. Foreign visits in 2020 (Shinzo Abe)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	11.01.2020 – 13.01.2020	Саудовская Аравия (Эр-Рияд)	Dev	Ближний Восток	2-й	Встреча с королем	1
2	13.01.2020 – 14.01.2020	ОАЭ (Абу-Даби)	Dev	Ближний Восток	3-й	Встреча с наследным принцем	1
3	14.01.2020	Оман (Маскат)	Dev	Ближний Восток	2-й	Встреча с султаном	1

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Таб. 10. Зарубежные визиты 2020 года (Ёсихидэ Суга)

Table 10. Foreign visits in 2020 (Yoshihide Suga)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	19.10.2020	Вьетнам	Dev	Азия	1-й	Встреча с	1

		Встреча с премьер-министром (Ханой)	Dev	Азия			
2	20.10.2020 – 21.10.2020	Индонезия (Джакарта)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Итоги

- Всего визитов – 5, точечных/конкретных визитов – 5.
- Развитые страны – 0, развивающиеся страны – 5.
- Азия – 2, Европа – 0, БВ – 3, Африка – 0, СА – 0, ЛА – 0, Австралия и Океания – 0.

Таб. 11. Зарубежные визиты 2021 года (Ёсихидэ Суга)

Table 11. Foreign visits in 2021 (Yoshihide Suga)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	16.04.2021	США (Вашингтон)	Adv	Северная Америка	1-й	Встреча с президентом	1
2	10.06.2021 – 13.06.2021	Британия (Карбис-Бэй)	Adv	Европа	1-й	Саммит G7	0
3	24.09.2021 – 27.09.2021	США (Нью-Йорк, Вашингтон)	Adv	Северная Америка	2-й	Сессия ГА ООН, Саммит QUAD	0

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Таб. 12. Зарубежные визиты 2021 года (Фумио Кисида)

Table 12. Foreign visits in 2021 (Fumio Kishida)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	02.11.2021	Британия (Глазго)	Adv	Европа	1-й	Саммит по изменению климата	0

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Итоги

- Всего визитов – 4, точечных/конкретных визитов – 1.
- Развитые страны – 1, развивающиеся страны – 0.

· Азия – 0, Европа – 0, БВ – 0, Африка – 0, СА – 1, ЛА – 0, Австралия и Океания – 0.

Таб. 13. Зарубежные визиты 2022 года (Фумио Кисида)

Table 13. Foreign visits in 2022 (Fumio Kishida)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	19.03.2022 – 20.03.2022	Индия (Нью-Дели)	Dev	Азия	1-й	Встреча с премьер-министром	1
2	20.03.2022 – 21.03.2022	Камбоджа (Пномпень)	Dev	Азия	1-й	Встреча с премьер-министром	1
3	24.03.2022	Бельгия (Брюссель)	Adv	Европа	1-й	Саммит НАТО	0
4	29.04.2022 – 30.04.2022	Индонезия (Джакарта)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
5	30.04.2022 – 01.05.2022	Вьетнам (Ханой)	Dev	Азия	1-й	Встреча с премьер-министром	1
6	01.05.2022 – 02.05.2022	Таиланд (Бангкок)	Dev	Азия	1-й	Встреча с премьер-министром	1
7	03.05.2022 – 04.05.2022	Италия (Рим)	Adv	Европа	1-й	Встреча с премьер-министром	1
8	04.05.2022	Ватикан (Ватикан)	Adv	Европа	1-й	Встреча с Папой Римским	1
9	04.05.2022 – 05.05.2022	Британия (Лондон)	Adv	Европа	2-й	Встреча с премьер-министром	1
10	10.06.2022 – 11.06.2022	Сингапур (Сингапур)	Adv	Азия	1-й	Встреча с премьер-министром	1
11	26.06.2022 – 28.06.2022	Германия (Мюнхен)	Adv	Европа	1-й	Саммит G7	0
12	28.06.2022 – 29.06.2022	Испания (Мадрид)	Adv	Европа	1-й	Саммит НАТО	0
13	31.07.2022 – 01.08.2022	США (Нью-Йорк)	Adv	Северная Америка	1-й	Конференция ДНЯО	0
14	20.09.2022 – 22.09.2022	США (Нью-Йорк)	Adv	Северная Америка	2-й	Сессия ГА ООН	0
15	20.10.2022 – 21.10.2022	Австралия (Перт)	Adv	Австралия и Океания	1-й	Встреча с премьер-министром	1

16	12.11.2022 – 13.11.2022	Камбоджа (Пномпень)	Dev	Азия	2-й	Саммит АСЕАН+	0
17	13.11.2022 – 16.11.2022	Индонезия (Бали)	Dev	Азия	2-й	Саммит G20	0
18	17.11.2022 – 18.11.2022	Таиланд (Бангкок)	Dev	Азия	2-й	Саммит АТЭС	0

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Итоги

- Всего визитов – 18, точечных/конкретных визитов – 10.
- Развитые страны – 5, развивающиеся страны – 5.
- Азия – 6, Европа – 3, БВ – 0, Африка – 0, СА – 0, ЛА – 0, Австралия и Океания – 1.

Таб. 14. Зарубежные визиты 2023 года (Фумио Кисида)

Table 14. Foreign visits in 2023 (Fumio Kishida)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	09.01.2023	Франция (Париж)	Adv	Европа	1-й	Встреча с президентом	1
2	10.01.2023	Италия (Рим)	Adv	Европа	2-й	Встреча с премьер- министром	1
3	10.01.2023 – 11.01.2023	Британия (Лондон)	Adv	Европа	3-й	Встреча с премьер- министром	1
4	11.01.2023 – 12.01.2023	Канада (Оттава)	Adv	Северная Америка	1-й	Встреча с премьер- министром	1
5	12.01.2023 – 14.01.2023	США (Вашингтон)	Adv	Северная Америка	3-й	Встреча с президентом	1
6	20.03.2023	Индия (Нью-Дели)	Dev	Азия	1-й	Встреча с премьер- министром	1
7	21.03.2023 – 22.03.2023	Польша (Жешув, Перемышль, Варшава)	Dev	Европа	1-й	Встреча с премьер- министром	1
8	21.03.2023	Украина (Киев)	Dev	Европа	1-й	Встреча с президентом	1
9	29.04.2023 –	Египет (Каир)	Dev	Ближний Восток	1-й	Встреча с президентом	1

	30.04.2023						
10	01.05.2023	Гана (Аккра)	Dev	Африка	1-й	Встреча с президентом	1
11	02.05.2023 – 03.05.2023	Кения (Найроби)	Dev	Африка	1-й	Встреча с президентом	1
12	03.05.2023 – 04.05.2023	Мозамбик (Мапуту)	Dev	Африка	1-й	Встреча с президентом	1
13	05.05.2023	Сингапур (Сингапур)	Adv	Азия	2-й	Встреча с премьер-министром	1
14	07.05.2023 – 08.05.2023	Южная Корея (Сеул)	Adv	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
15	11.07.2023	Польша (Варшава)	Dev	Европа	2-й	Встреча с президентом	1
16	11.07.2023 – 12.07.2023	Литва (Вильнюс)	Adv	Европа	1-й	Саммит НАТО	0
17	12.07.2023 – 13.07.2023	Бельгия (Брюссель)	Adv	Европа	2-й	Встреча с премьер-министром	1
18	16.07.2023	Саудовская Аравия (Джидда)	Dev	Ближний Восток	1-й	Встреча с королем	1
19	17.07.2023	ОАЭ (Абу-Даби)	Dev	Ближний Восток	1-й	Встреча с президентом	1
20	18.07.2023	Катар (Доха)	Dev	Ближний Восток	1-й	Встреча с эмиром	1
21	17.08.2023 – 18.08.2023	США (Кэмп-Дэвид)	Adv	Северная Америка	4-й	Пакт США – Япония – Южная Корея	0
22	05.09.2023 – 07.09.2023	Индонезия (Джакарта)	Dev	Азия	3-й	Саммит АСЕАН+	0
23	08.09.2023 – 10.09.2023	Индия (Нью-Дели)	Dev	Азия	2-й	Саммит G20	0
24	19.09.2023 – 21.09.2023	США (Нью-Йорк)	Adv	Северная Америка	5-й	Сессия ГА ООН	0
25	03.11.2023 – 04.11.2023	Филиппины (Манила)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
26	04.11.2023 – 05.11.2023	Малайзия (Куала-Лумпур)	Dev	Азия	1-й	Встреча с премьер-министром	1
27	15.11.2023	США (Сан-	Adv	Северная	6-й	Саммит АТЭС	0

	– 17.11.2023	Франциско)		Америка			
28	01.12.2023 – 02.12.2023	ОАЭ (Дубай)	Dev	Ближний Восток	2-й	Конференция по климату	0

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Итоги

- Всего визитов – 28, точечных/конкретных визитов – 21.
- Развитые страны – 8, развивающиеся страны – 13.
- Азия – 5, Европа – 7, БВ – 4, Африка – 3, СА – 2, ЛА – 0, Австралия и Океания – 0.

Таб. 15. Зарубежные визиты 2024 года (Фумио Кисида)

Table 15. Foreign visits in 2024 (Fumio Kishida)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	08.04.2024 – 11.04.2024	США (Вашингтон)	Adv	Северная Америка	7-й	Встреча с президентом	1
2	02.05.2024	Франция (Париж)	Adv	Европа	2-й	Встреча с президентом	1
3	03.05.2024 – 04.05.2024	Бразилия (Бразилиа)	Dev	Латинская Америка	1-й	Встреча с президентом	1
4	03.05.2024	Парагвай (Асунсьон)	Dev	Латинская Америка	1-й	Встреча с президентом	1
5	26.05.2024 – 27.05.2024	Южная Корея (Сеул)	Adv	Азия	2-й	Саммит «Китай – Япония – Южная Корея»	0
6	13.06.2024 – 15.06.2024	Италия (Апулия)	Adv	Европа	3-й	Саммит G7	0
7	15.06.2024	Швейцария (Люцерн)	Adv	Европа	1-й	Саммит мира по Украине	0
8	09.07.2024 – 11.07.2024	США (Вашингтон)	Adv	Северная Америка	8-й	Саммит НАТО	0
9	06.09.2024 – 07.09.2024	Южная Корея (Сеул)	Adv	Азия	3-й	Встреча с президентом	1
10	21.09.2024 – 23.09.2024	США (Нью- Йорк)	Adv	Северная Америка	9-й	Сессия ГА ООН	0

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Таб. 16. Зарубежные визиты 2024 года (Сигэру Исиба)

Table 16. Foreign visits in 2024 (Shigeru Ishiba)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	10.10.2024 – 11.10.2024	Лаос (Вьентьян)	Dev	Азия	1-й	Саммит АСЕАН+	0
2	14.11.2024 – 17.11.2024	Перу (Лима)	Dev	Латинская Америка	1-й	Саммит АТЭС	0
3	17.11.2024 – 19.11.2024	Бразилия (Рио-де- Жанейро)	Dev	Латинская Америка	1-й	Саммит G20	0

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Итоги

- Всего визитов – 13, точечных/конкретных визитов – 5.
- Развитые страны – 3, развивающиеся страны – 2.
- Азия – 1, Европа – 1, БВ – 0, Африка – 0, СА – 1, ЛА – 2, Австралия и Океания – 0.

Таб. 17. Зарубежные визиты 2025 года (Сигэру Исиба)

Table 17. Foreign visits in 2025 (Shigeru Ishiba)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	09.01.2025 – 10.01.2025	Малайзия (Куала- Лумпур)	Dev	Азия	1-й	Встреча с премьер- министром	1
2	10.01.2025 – 11.01.2025	Индонезия (Джакарта)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
3	06.02.2025 – 08.02.2025	США (Вашингтон)	Adv	Северная Америка	1-й	Встреча с президентом	1
4	27.04.2025 – 29.04.2025	Вьетнам (Ханой)	Dev	Азия	1-й	Встреча с премьер- министром	1
5	29.04.2025 – 30.04.2025	Филиппины (Манила)	Dev	Азия	1-й	Встреча с президентом	1
6	15.06.2025 – 17.06.2025	Канада (Кананаскис)	Adv	Северная Америка	1-й	Саммит G7	0

7	23.09.2025	США (Нью-Йорк)	Adv	Северная Америка	2-й	Сессия ГА ООН	0
8	30.09.2025	Южная Корея (Пусан)	Adv	Азия	1-й	Встреча с президентом	1

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Таб. 18. Зарубежные визиты 2025 года (Санаэ Такаити)

Table 18. Foreign visits in 2025 (Sanae Takaichi)

№	Дата	Страна (город)	Тип МВФ	Регион	Раз	Цель	Балл
1	26.10.2025 – 28.10.2025	Малайзия (Куала-Лумпур)	Dev	Азия	1-й	Саммит АСЕАН+	0
2	31.10.2025 – 01.11.2025	Южная Корея (Кёнджу)	Adv	Азия	1-й	Саммит АТЭС	0
3	22.11.2025 – 23.11.2025	ЮАР (Йоханнесбург)	Dev	Африка	1-й	Саммит G20	0
4	–	Индия (Нью-Дели)	Dev	Азия	1-й	Саммит QUAD	0

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Итоги

- Всего визитов – 12, точечных/конкретных визитов – 6.
- Развитые страны – 2, развивающиеся страны – 4.
- Азия – 5, Европа – 0, БВ – 0, Африка – 0, СА – 1, ЛА – 0, Австралия и Океания – 0.

Таблица 19. Итоги зарубежных визитов: развитые и развивающиеся экономики

Table 19. Results of foreign visits: advanced and developing economies

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Advanced	4	10	4	7	11	9	6	0	1	5	8	3
Developing	18	13	12	3	5	9	2	5	0	5	13	2

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рисунок 1. Итоги зарубежных визитов: развитые и развивающиеся экономики

Figure 1. Results of foreign visits: advanced and developing economies

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Таблица 20. Итоги зарубежных визитов: частота континентов

Table 20. Results of foreign visits: frequency of continents

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Азия	10	4	8	0	4	2	0	2	0	6	5	1	2
Европа	3	7	2	6	10	8	5	0	0	3	7	1	1
Ближний Восток	6	1	4	0	0	3	1	3	0	0	4	0	0
Африка	1	3	0	0	0	0	0	0	0	0	3	0	0
Северная Америка	2	0	1	2	1	2	2	0	1	0	2	1	1
Латинская Америка	0	5	1	2	0	2	0	0	0	0	0	2	2
Австралия и Океания	0	3	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рисунок 2. Итоги зарубежных визитов: частота континентов

Figure 2. Results of foreign visits: frequency of continents

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Библиография

1. International Monetary Fund (IMF). GDP based on PPP, Percent of World, Emerging market and developing economies / Advanced economies. 2025. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (дата обращения: 21.11.2025).
2. International Monetary Fund (IMF). World Economic Outlook – World Population, Millions of people, Emerging market and developing economies / Advanced economies. 2025. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/LP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (дата обращения: 21.11.2025).
3. International Monetary Fund (IMF). World Economic Outlook – Annual percent change, Emerging market and developing economies / Advanced economies. 2025. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/index.php> (дата обращения: 21.11.2025).
4. Mandagi, C.A.F. Understanding Japan's Reputation as Southeast Asia's Most Trusted Partner // The Japan Institute of International Affairs. 2025. № 8. P. 12. URL: <https://www.jiia.or.jp/jic/2025/08/2025-08-05-04.pdf> (дата обращения: 21.11.2025).
5. Netswera, F. Making BRICS Work for its People and for those in the Global South // Journal of BRICS Studies. 28.05.2025. URL: <https://journals.uj.ac.za/index.php/jbs/article/view/3576> (дата обращения: 21.11.2025).
6. Helmy, N. The Importance of the SCO Summit for the Developing Countries of the Global South and the Third World // Modern Diplomacy. 03.09.2025. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2025/09/03/the-importance-of-the-sco-summit-for-the-developing-countries-of-the-global-south-and-the-third-world/> (дата обращения: 21.11.2025).
7. Gonzalez, J., Garcia, J. The Global South perspective through G20 // Southern Voice. 17.07.2024. URL: <https://southernvoice.org/the-global-south-perspective-through-g20-recommendations-from-the-think-tank-20/> (дата обращения: 22.11.2025).
8. Vastida, G., Lee, S. Understanding APEC: Towards a Multipolar World // International Strategy Center. 26.09.2025. URL: <https://www.goisc.org/englishblog/2025/9/25/understanding-apec-towards-a-multipolar-world> (дата обращения: 22.11.2025).
9. Gateway to a Multipolar World. The Far East in the New Architecture of International

- Relations // Eastern Economic Forum. 06.09.2022. URL: <https://forumvostok.ru/en/news/dalnij-vostok-novaja-os-mnogopoljarnogo-mira/> (дата обращения: 22.11.2025).
10. Promoting a 'Multipolar' World at the St. Petersburg International Economic Forum // The Moscow Times. 20.06.2025. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2025/06/20/in-photos-promoting-a-multipolar-world-at-the-st-petersburg-international-economic-forum-a89500> (дата обращения: 23.11.2025).
11. Nitsch, V. State visits and international trade. Berlin: Free University Berlin, 2005. P. 3. URL: https://www.ifo.de/DocDL/cesifo1_wp1582.pdf (дата обращения: 23.11.2025).
12. Hoshiro, H. Do diplomatic visits promote official development aid? Evidence from Japan // Political Science. 2020. № 3. С. 207-227. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00323187.2021.1948344#d1e122> (дата обращения: 23.11.2025). EDN: MHUJXC.
13. International Monetary Fund (IMF). Advanced economies. 2025. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/ADVEC> (дата обращения: 23.11.2025).
14. International Monetary Fund (IMF). Emerging market and developing economies. 2025. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/OEMDC> (дата обращения: 23.11.2025).
15. Saito, J. How Significant is the US Market for Japan? // Japan Center for Economic Research. 16.05.2025. URL: <https://www.jcer.or.jp/english/how-significant-is-the-us-market-for-japan> (дата обращения: 23.11.2025).
16. Kapur, C.L. Japan's Decisive Alignment with the West // Delhi Policy Group. 26.04.2024. URL: <https://www.delhipolicygroup.org/publication/policy-briefs/japans-decisive-alignment-with-the-west.html> (дата обращения: 23.11.2025).
17. Made, J. Western allies and Japan unite to face threat posed by China, Russia // RFI Asia-Pacific. 14.01.2023. URL: <https://www.rfi.fr/en/international/20230114-western-allies-and-japan-unite-to-face-threat-posed-by-china-russia> (дата обращения: 24.11.2025).
18. Japan External Trade Organization (JETRO). 2024 Survey on Business Conditions of Japanese Companies Operating Overseas (Asia and Oceania): Business confidence strong in India, recovering in ASEAN, and sluggish in China. 28.11.2024. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/2024/EN_Asia_and_Oceania_2024_r4.pdf (дата обращения: 24.11.2025).
19. 久賀百合子. 東南アジアを経済・安保共創のパートナーに (Куга, Ю. Юго-Восточная Азия как партнёр для совместного развития экономики и безопасности) // Nikkei Business. 01.07.2025. URL: <https://business.nikkei.com/atcl/gen/19/00491/062600036/> (дата обращения: 24.11.2025).
20. Rana, A. Understanding Japan's interest in ASEAN and the way forward // Modern Diplomacy. 29.07.2025. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2025/07/29/understanding-japans-interest-in-asean-and-the-way-forward/> (дата обращения: 24.11.2025).
21. 白川 司. そりゃインドに投資できんわ.「世界最大の国」に幻想抱く日本人が知らない残念な事実 (Сиракава, Ц. Неудивительно, что нельзя инвестировать в Индию. Горькая правда, о которой не знают японцы, питающие иллюзии о крупнейшей стране мира). // Diamond Online. 23.07.2025. URL: <https://diamond.jp/articles/-/368918-page=3> (дата обращения: 24.11.2025).
22. 韓国貿易・輸出の基礎知識 (Базовая информация о торговле и экспорте в Южную Корею) // Boueki Standage. 10.05.2025. URL: <https://boueki.standage.co.jp/south-korea-trade-export-basic-knowledge/> (дата обращения: 24.11.2025).
23. Modern Japan from the Viewpoint of the Arab World: Modernities in Different Cultures // Journal of the Interdisciplinary Study of Monotheistic Religions. 2013. № 3. С. 117-125. URL: <https://cismor.jp/uploads-images/sites/3/2013/03/Modern-Japan-from-the-Viewpoint-of-the-Arab-World-Modernities-in-Different-Cultures1.pdf> (дата обращения: 25.11.2025).

24. 日本のエネルギー事情と原子力政策。エネルギーの安定供給の確保中東からホルムズ海峡、マラッカ海峡を通って、石油や天然ガスを日本へ運ぶ海路(シーレーン)の安全通行の確保がエネルギー安全保障上の重要な問題となっています(Энергетическая ситуация и ядерная политика Японии. Обеспечение стабильных поставок энергии. Обеспечение безопасности морских путей, транспортирующих нефть и природный газ с Ближнего Востока в Японию через Ормузский и Малаккский проливы, является ключевым вопросом энергетической безопасности.) // JAERO. 2025. URL: <https://www.jaero.or.jp/sogo/detail/cat-01-05.html> (дата обращения: 25.11.2025).
25. 橋爪 吉博. わが国の原油輸入 —中東依存95%— (Хасидзумэ, Ё. Импорт сырой нефти в Японию: 95% зависимости от Ближнего Востока) // IEEI. 20.02.2025. URL: https://ieei.or.jp/2025/03/hashizume_20250314/ (дата обращения: 25.11.2025).
26. Tsuchiya, S., Estevadeordal, A., Aquino, C., Kuwayama, M. Are Japan's Ties to Latin America Getting Stronger? // The Dialogue. 22.08.2018. URL: <https://thediologue.org/analysis/are-japans-ties-to-latin-america-getting-stronger#top> (дата обращения: 25.11.2025).
27. Smith, A. Friends and threats: 75% of New Zealanders feel Japan is a friend, with 21% saying it's a close friend. Japan also nabs the title of 'Australia's best friend in Asia' // Asia Media Center. 2024. URL: <https://www.asiamediacentre.org.nz/opinion-and-analysis/how-do-new-zealanders-and-australians-view-asia> (дата обращения: 26.11.2025).
28. Adegoke, Ye., Adegoke, Yi. Even Africa's poorest countries are too expensive to be the world's next manufacturing hub // Quartz Africa Weekly. 2025. URL: <https://qz.com/africa/1102798/ethiopias-factories-are-africas-big-hope-to-become-a-manufacturing-base-like-china> (дата обращения: 26.11.2025).
29. United Nations Trade and Development (UNCTAD). Economic Development in Africa Report: Reaping the potential benefits of the African Continental Free Trade Area for inclusive growth. 08.12.2021. URL: <https://unctad.org/press-material/facts-and-figures-7> (дата обращения: 26.11.2025).
30. Oyenuga, M., Omale, S. Is Africa Jinxed? Exploring the Challenges of Technology Access and Adoption in Africa // African Journal of Economics and Sustainable Development. 2025. № 10. С. 142-161. URL: https://www.researchgate.net/publication/385038058_Is_Africa_Jinxed_Exploring_the_Challenges_of_Technology_Access_and_Adoption_in_Africa (дата обращения: 27.11.2025).
31. Geneva Academy of International Humanitarian Law. Today's armed conflicts. 2025. URL: <https://geneva-academy.ch/galleries/today-s-armed-conflicts> (дата обращения: 27.11.2025). ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня на наших глазах международные отношения претерпевают серьезные перемены: на смену монополярному миру во главе с США приходит мир многополярный, в котором наряду с Вашингтоном ведущие позиции будет занимать целый ряд государств, среди которых КНР, Россия, Индия, Иран, Бразилия. Вместе с тем центр политической и экономической жизни смещается из Атлантики в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, а страны глобального Юга играют все большую роль на мировой арене.

Указанные обстоятельства определяют актуальность, предметом которой являются

изменения внешнеполитической ориентации Японии с западных стран на незападные государства. Автор ставит своими задачами рассмотреть контакты японских государственных деятелей с представителями других государств, а также определить характер отношений Японии с глобальным Севером и Югом.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать приоритеты внешней политики Токио по регионам и уровню развития в 2013-2025 годах.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на английском и японском языках, что определяется самой постановкой темы. Источниковая база статьи представлена прежде всего материалами Международного валютного фонда и Японской организации внешней торговли. Из используемых исследований отметим труды М. Ойенуга и С. Омале, а также Х. Хосиро, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения взаимоотношений глобального Севера и глобального Юга. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как дихотомией Север-Юг, в целом, так и отношением Японии со странами Севера и Юга, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «в качестве инструмента для измерения смены внешнеполитических приоритетов Японии используется статистика по зарубежным визитам премьер-министров страны в 2010-е и 2020-е годы». Автор отмечает, что «премьер-министры страны посещают разные страны на разных континентах ради формального участия в конференциях, однако развивать отношения в двустороннем формате готовы преимущественно с развитыми постиндустриальными экономиками западных стран». В работе отмечается, что «африканское направление внешней политики наименее развито – в первую очередь, по экономическим причинам»: «отсутствие развитых центров промышленности, платежеспособных потребителей, необходимого уровня технологий и общественной безопасности».

Главным выводом статьи является то, что «Запад для Японии по-прежнему на первом месте, с годами приоритеты почти не меняются».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 20 таблицами и 2 рисунками, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий взаимоотношений Север – Юг.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Налбандян К.С. Отношения России и Турции на Южном Кавказе: управляемое соперничество как новая модель взаимодействия // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76969 EDN: GWZNNG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76969

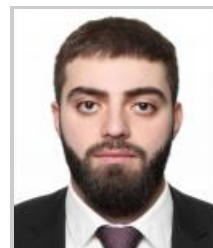
Отношения России и Турции на Южном Кавказе: управляемое соперничество как новая модель взаимодействия

Налбандян Карпет Севанович

ORCID: 0009-0001-6628-0653

аспирант; факультет глобальных процессов; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

620141, Россия, Свердловская обл., г. Екатеринбург, Железнодорожный р-н, ул. Бебеля, д. 136, кв. 148

✉ k.s.nalbandyan@proton.me

[Статья из рубрики "Предупреждение и профилактика политических конфликтов"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76969

EDN:

GWZNNG

Дата направления статьи в редакцию:

27-11-2025

Дата публикации:

08-12-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу трансформации российско-турецких отношений на Южном Кавказе в контексте геополитических изменений, вызванных Второй Карабахской войной 2020 года. Предметом исследования выступает формирующаяся модель взаимодействия двух региональных держав, концептуализируемая автором как «управляемое соперничество» или «принудительная нормализация». В рамках данного исследования анализируются четыре ключевых измерения российско-турецкого взаимодействия в регионе: военно-политическое, торгово-экономическое, энергетическое и информационно-идеологическое. Особое внимание уделяется трансформации региональных альянсов – укреплению азербайджано-турецкого

стратегического партнёрства и одновременному ослаблению российско-армянского союза. Исследуются механизмы деконфликтинга, позволяющие России и Турции поддерживать конструктивный диалог при объективном несовпадении стратегических интересов. Кроме того, рассматриваются перспективы реализации транспортных проектов (Зангезурский коридор, Средний коридор) и их влияние на региональный баланс сил, а также конкуренция идеологических нарративов – турецкого неоосманизма и российского евразийского проекта. В исследовании применяется комплексный подход, сочетающий сравнительный анализ внешнеполитических стратегий России и Турции, метод кейс-стади для изучения конкретных проявлений соперничества и сотрудничества, а также элементы системного анализа региональной безопасности. Научная новизна исследования состоит в концептуализации качественно новой модели российско-турецких отношений на Южном Кавказе – «управляемого соперничества», которая выходит за рамки традиционных теоретических подходов, рассматривающих отношения двух держав либо через призму конфронтации, либо стратегического партнёрства. Данная модель фиксирует парадоксальное сочетание конкуренции и прагматичного сотрудничества, при котором обе стороны, признавая объективное несовпадение интересов, выстраивают механизмы координации для предотвращения неконтролируемой эскалации. Автор выявляет структурные характеристики этой модели: формирование неформального разграничения сфер влияния, институционализацию диалоговых механизмов на высшем уровне, развитие параллельных экономических проектов и конкуренцию идеологических нарративов при избегании прямой конфронтации. В совокупности все это представляет собой оригинальный подход к предупреждению возможных конфликтов, неоднократно имевших место на протяжении истории

Ключевые слова:

Россия, Турция, Южный Кавказ, карабахский конфликт, управляемое соперничество, региональная безопасность, неоосманизм, энергетическая дипломатия, Зангезурский коридор, геополитика

Введение

События на Южном Кавказе в 2020 году, в частности Вторая Карабахская война, ознаменовали серьезную трансформацию регионального порядка и системы межгосударственных отношений. Традиционная модель региональной безопасности, в которой Россия выступала в качестве ключевого медиатора и гаранта статус-кво, уступила место более сложной и многомерной системе, характеризующейся усилением роли Турции как влиятельного регионального актора. Как отмечает де Ваал, вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе в его фазе 2020-2023 гг. существенно изменил геополитический ландшафт Южного Кавказа, создав новую реальность, в которой Турция окончательно закрепилась в качестве полноправного участника региональных процессов, а «геополитическое равновесие в регионе было серьезно разрушено» [\[1, p 3\]](#).

Научная новизна настоящей статьи заключается в концептуализации качественно новой модели российско-турецких отношений на Южном Кавказе, которая определяется как «управляемое соперничество». Данная модель подразумевает вынужденное признание сторонами новых реалий и поиск взаимоприемлемых форматов сосуществования в условиях трансформации регионального баланса сил. Можно констатировать, что

стратегические противоречия между Россией и Турцией на Южном Кавказе не исчезли, но приобрели новую форму конкурентного сотрудничества или «управляемого соперничества», в рамках которого стороны стремятся к предотвращению неконтролируемой эскалации противоречий, и эта модель распространяется на все ключевые сферы взаимодействия двух стран в регионе: военно-политическую, торгово-экономическую, энергетическую, информационно-идеологическую.

В современной литературе отношения между Москвой и Анкарой нередко анализируются через призму ограниченного сотрудничества на фоне фундаментальной конкуренции. Так, М. Бардакчи подчеркивает, что несмотря на развитие экономических связей и прагматическое взаимодействие по отдельным вопросам, геополитические интересы двух стран в регионе остаются во многом несовместимыми [\[2, p. 60\]](#). В то же время другие турецкие авторы указывают на возникновение новой модели взаимодействия, основанной на ограниченном сотрудничестве – и ограниченном же соперничестве [\[3, p. 142\]](#). Схожую позицию можно встретить и в работах российских авторов [\[4, 5\]](#). Отдельного внимания заслуживает подход, предложенный Н. Силаевым и И. Сафранчуком, которые анализируют динамику российско-турецких отношений через призму теории международного статуса. По мнению авторов, взаимодействие двух держав характеризуется эффектом «статусного симбиоза», при котором «обе страны обеспечивают статусное признание друг друга, достаточно убедительное, по крайней мере, с точки зрения внутренней политики» [\[28, с. 98\]](#). Данный подход позволяет объяснить парадоксальное сочетание конкуренции и сотрудничества в отношениях Москвы и Анкары, однако, на наш взгляд, недостаточно учитывает специфику региональной динамики на Южном Кавказе, где статусные соображения тесно переплетаются с конкретными геополитическими интересами.

Основной исследовательский вопрос данной работы можно сформулировать следующим образом: каким образом трансформационные процессы, запущенные Второй Карабахской войной, изменили модели российско-турецких отношений на Южном Кавказе?

1. Вторая Карабахская война как катализатор новой геополитической конфигурации в регионе

Вторая Карабахская война (27 сентября - 9 ноября 2020 г.) стала переломным моментом в развитии региональной системы международных отношений на Южном Кавказе. Военный успех Азербайджана, достигнутый при активной политической и военно-технической поддержке Турции, привел к принципиальной перестройке региональных альянсов и существенному изменению баланса сил. Действительно, война не только изменила территориально-политический статус-кво в Нагорном Карабахе, существовавший с начала 1990-х годов, но и привела к фундаментальной трансформации всего комплекса региональных взаимоотношений. Эти процессы наиболее ярко проявились уже осенью 2023 г., когда под военным давлением независимое существование Нагорно-Карабахской республики было прекращено, а подавляющее большинство армянского населения было вынуждено покинуть свои дома под угрозой насилия [\[6\]](#).

Принципиально важно учитывать, что к началу Второй карабахской войны статусные позиции России и Турции в отношении армяно-азербайджанского конфликта были неравными. Как справедливо отмечают Н. Силаев и И. Сафранчук, Россия, наряду с США

и Францией, являлась сопредседателем Минской группы ОБСЕ, тогда как Турция — лишь постоянным членом этой группы наряду с Финляндией, Белоруссией и Швецией [27, с. 96]. Стремление Анкары к уравниванию регионального статуса с Москвой стало одним из ключевых мотивов турецкого вмешательства в конфликт. При этом С. Агамалиев подчеркивает, что идеологические рамки неоосманизма и пантюркизма, активно используемые президентом Р.Т. Эрдоганом, существенно укрепили связи Турции с Азербайджаном на основе общего тюркского наследия и языка [28, с. 245].

Перестройка региональных альянсов в контексте этого конфликта проявилась, прежде всего, в укреплении военно-политических связей между Турцией и Азербайджаном. Как отмечает Г. Юсובה, «военная победа Азербайджана не только способствовала укреплению азербайджано-турецкого партнерства, но и придала ему новое качество, приближая к формату стратегического союза» [7, р. 16]. Подписание Шушинской декларации о союзнических отношениях между Азербайджаном и Турцией 15 июня 2021 г. институционализировало новый уровень двусторонних отношений, создав правовую основу для расширения военно-политического сотрудничества, включая взаимные обязательства в сфере безопасности [8].

Одновременно произошло ослабление российско-армянского союза, что проявилось как в критическом отношении значительной части армянского общества к неспособности России предотвратить военные неудачи Армении, так и в переосмыслении армянским руководством внешнеполитической стратегии. Современные исследователи справедливо подчеркивают: в политическом дискурсе Армении после 2020 г. стал отчетливо наблюдаться сдвиг в сторону диверсификации внешнеполитических связей и снижения односторонней зависимости от России при сохранении формальных союзнических обязательств [9]. Эти тенденции лишь усилились после начала специальной военной операции России на Украине.

Изменение военно-стратегического ландшафта региона характеризуется прежде всего появлением на Южном Кавказе турецкого военного присутствия, хотя и в ограниченном формате. Создание Совместного российско-турецкого центра по контролю за прекращением огня в Агдаме стало первым случаем институционализированного военного присутствия Турции в регионе, который традиционно рассматривался Россией как зона своих исключительных интересов [10]. Размещение турецких военных наблюдателей на территории Азербайджана, пусть и в составе совместной с Россией миссии, стало важным символическим и практическим шагом в направлении легитимации турецкого военного присутствия на Южном Кавказе – региона, который даже в 2000-е гг. еще воспринимался как исключительная зона влияния России. Тем не менее, наличие такого диалогового формата – важная «примета времени», демонстрирующая попытки двух сторон сотрудничать друг с другом даже в условиях объективного несовпадения интересов в отдельно взятом региональном конфликте, не допуская роста напряженности во взаимных отношениях.

При этом произошло существенное сокращение российского военного присутствия в регионе. Если до 2020 г. российские военные базы размещались в Армении и частично признанных Абхазии и Южной Осетии, то размещение российского миротворческого контингента в Нагорном Карабахе лишь частично компенсировало общее ослабление российских позиций. Еще в 2019-м г. исследователи отмечали, что ограниченный мандат и численность российских миротворцев, а также временный характер их присутствия «создают ситуацию стратегической неопределенности, которая может быть использована

Турцией для дальнейшего укрепления своих позиций» [\[11\]](#).

Изменение военно-стратегического ландшафта проявляется также в трансформации подходов к оборонному строительству в странах региона. Успешное применение Азербайджаном турецких беспилотных летательных аппаратов Bayraktar TB2 привело к пересмотру военных доктрин и стратегий закупок вооружений в соседних государствах. В частности, Армения, традиционно ориентированная на российские системы вооружений, начала процесс диверсификации военно-технического сотрудничества, включая развитие связей с западными партнерами и стремление к созданию собственных беспилотных систем [\[12, с. 76\]](#). Зарубежные исследователи подчеркивают: опыт Второй Карабахской войны вызвал серьезные сомнения в эффективности традиционных постсоветских подходов к военному строительству и стимулировал интерес к современным технологиям и нестандартным тактическим решениям [\[13\]](#).

2. Экономические и энергетические проекты как инструменты проекции влияния

Экономическое и энергетическое измерение российско-турецких отношений на Южном Кавказе тоже характеризуется сложным переплетением элементов сотрудничества и конкуренции. С одной стороны, обе страны заинтересованы в развитии региональной торговли и инфраструктуры, что создает потенциал для взаимовыгодного взаимодействия. С другой стороны, как указывают Н. Гаджинская и Э. Гаджинский, экономические проекты часто выступают инструментами геополитического влияния, что обуславливает конкурентный характер их реализации [\[14, с. 85\]](#).

Сравнительный анализ российских и турецких инвестиционных стратегий в регионе указывает на значительные различия в подходах двух стран. Так, согласно исследованиям европейских авторов, российские инвестиции на Южном Кавказе сконцентрированы преимущественно в традиционных секторах экономики, таких как энергетика, транспорт и телекоммуникации, и часто связаны с деятельностью государственных или окологосударственных компаний («Газпром», «РЖД», «Роснефть», «Яндекс» и др.). В то же время турецкие инвестиции более диверсифицированы и включают значительное количество проектов в сфере легкой промышленности, строительства, розничной торговли и сельского хозяйства, реализуемых преимущественно частным бизнесом [\[15, p. 9\]](#).

Данное различие, на наш взгляд, отражает более широкие особенности внешнеэкономических стратегий двух стран: если российский подход характеризуется фокусом на стратегических секторах, связанных с государственными интересами, то турецкая стратегия предполагает более гибкое сочетание государственных и частных инициатив, создающее комплексную экономическую взаимозависимость с государствами региона. Это различие в итоге проявляется и в восприятии экономического влияния России и Турции местными элитами и обществами: если российское экономическое присутствие часто воспринимается как потенциальная угроза государственному суверенитету, то турецкие инвестиции в Азербайджане и, в меньшей степени, в Грузии, чаще рассматриваются как фактор экономической модернизации и интеграции в глобальные рынки [\[15, p. 10\]](#).

Особую роль в экономической трансформации региона играет перспектива открытия так называемого «Зангезурского коридора», предусмотренного трехсторонним заявлением от 9 ноября 2020 г. [\[16\]](#). Данный транспортный маршрут, который должен соединить

основную территорию Азербайджана с Нахичеванской Автономной Республикой через южные районы Армении, имеет не только экономическое, но и стратегическое значение, поскольку потенциально обеспечивает прямое сухопутное сообщение между Турцией и Азербайджаном, а в перспективе – и с государствами Центральной Азии.

Для Турции реализация данного проекта представляет возможность укрепления своего влияния в тюркоязычном мире и создания альтернативных транспортных маршрутов в обход России. По сути, речь идет о важном шаге в реализации концепции «Среднего коридора», призванной соединить Турцию с Кавказом, Центральной Азией и Китаем [\[17, с. 88\]](#). Для России же, на наш взгляд, данный проект создает как вызовы (снижение транспортной зависимости центральноазиатских государств от российской инфраструктуры), так и возможности, проявляющиеся в контексте интеграции с собственными транспортными инициативами (в первую очередь с Международным транспортным коридором «Север-Юг»).

Трансформация транспортно-логистических сетей региона затрагивает также энергетические проекты, имеющие критическое значение для региональной геополитики. Успешная реализация проекта Южного газового коридора, обеспечивающего поставки азербайджанского газа в Европу через Турцию, по мнению исследователей, укрепила позиции Анкары как «энергетического хаба» [\[18, с. 46\]](#). Однако расширение мощностей Трансанатолийского газопровода (TANAP) создает потенциал для увеличения объемов транзита каспийских энергоресурсов в обход России, что, несомненно, представляет собой вызов для традиционной российской стратегии контроля энергетических потоков на постсоветском пространстве.

Вместе с тем, энергетическое сотрудничество между Россией и Турцией в рамках проекта «Турецкий поток» создает основу для потенциального взаимодействия в сфере транзита энергоресурсов. В результате, несмотря на конкуренцию в сфере транзита каспийских энергоресурсов, Россия и Турция демонстрируют способность к прагматическому сотрудничеству в реализации двусторонних энергетических проектов, что может стать моделью для более широкого взаимодействия в регионе [\[19, с. 83\]](#).

3. Информационно-идеологическое измерение соперничества

Все более значимым элементом в структуре российско-турецкого взаимодействия на Южном Кавказе становится информационно-идеологическое измерение. Конкуренция нарративов и идентичностей, а также использование инструментов культурной дипломатии и «мягкой силы» превращаются в важные компоненты стратегий региональной гегемонии, реализуемых Москвой и Анкарой.

Рассматривая конкуренцию идеологических нарративов, исследователи часто противопоставляют турецкий неоосманизм и российский евразийский проект как альтернативные модели регионального порядка. Неоосманизм в наиболее общем виде может быть определен как многомерная внешнеполитическая доктрина, предполагающая активное вовлечение Турции в дела регионов, исторически входивших в состав Османской империи, с акцентом на культурную и религиозную общность [\[20, с. 63\]](#).

Как показывает И.М. Щербаков, важной характеристикой данного феномена является его доктринальный статус, не зафиксированный в официальных стратегических документах, но отражающий реальную политическую практику Турецкого государства [\[30\]](#).

[с. 147\]](#). Объектом неоосманистского воздействия выступают турецкие народы и страны, расселенные по обширному ареалу Евразийского континента, что неизбежно создает зоны пересечения с российскими интересами – тем более, что эта доктрина «допускает расширительное толкование внешнеполитических задач Турции» [\[31, с. 46\]](#).

На Южном Кавказе данная доктрина проявляется в особых отношениях с Азербайджаном, основанных на концепции «одна нация – два государства», а также в попытках расширить турецкое влияние в Грузии через экономическое и культурное сотрудничество [\[21, с. 96\]](#).

В свою очередь, российский евразийский проект, как указывает Е.З. Датукишвили предполагает сохранение и укрепление особых связей между постсоветскими государствами на основе общего исторического наследия, экономической взаимозависимости и культурной близости. На Южном Кавказе данный проект реализуется через механизмы формальной интеграции (членство Армении в ЕАЭС и ОДКБ) и неформального влияния (значительная роль России в экономике и политике государств региона) [\[22, с. 19\]](#).

Конкуренция идеологических нарративов проявляется на практике в информационной политике двух государств. Социологические исследования демонстрируют, что после 2020 г. на Южном Кавказе наблюдается значительная активизация турецких информационных ресурсов, включая расширение вещания государственных СМИ на языках Южного Кавказа и увеличение присутствия в социальных медиа [\[23, р. 213\]](#). В частности, турецкие государственные СМИ, такие как TRT и Anadolu Agency, существенно расширили свое присутствие в Азербайджане и Грузии, предлагая контент, акцентирующий культурную близость и взаимные выгоды сотрудничества с Турцией [\[24, р. 8\]](#).

Россия, в свою очередь, стремится сохранить свое информационное присутствие в регионе через традиционные медиа (телеканалы, радиовещание) и новые цифровые платформы. Однако, как отмечают М. Волхонский и В. Муханов, эффективность российского информационного влияния ограничивается ростом критических настроений по отношению к России в обществах Южного Кавказа, особенно среди молодежи, а также периодически предлагаемыми инициативами отдельных политических сил по регулированию информационного пространства с целью его защиты от «российского влияния» [\[25, с. 53\]](#).

Действительно, в современном мире мягкая сила и культурная дипломатия становятся важными инструментами в борьбе за региональное лидерство. Турция активно использует образовательные программы, культурные обмены и религиозное сотрудничество для укрепления своих позиций в регионе. Особую роль играет деятельность таких институтов, как Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA), Фонд Юнуса Эмре и Управление по делам религии (Diyanet). Исследователи идеологических основ внешней политики Турции указывают, что турецкие инвестиции в «мягкую силу» на Южном Кавказе характеризуются долгосрочным подходом, целью которого является формирование поколения элит, ориентированных на сотрудничество с Турцией и разделяющих турецкое видение региональной интеграции – что вполне укладывается в логику «неоосманской» сути турецкой внешней политики [\[26, с. 34\]](#).

Российская же стратегия культурной дипломатии в регионе опирается на исторически сложившиеся связи в образовательной и культурной сферах, а также на присутствие

русскоязычных диаспор в государствах Южного Кавказа. Важными инструментами российской «мягкой силы» выступают филиалы российских университетов, программы образовательных обменов, деятельность Россотрудничества и Русского мира. Впрочем, на наш взгляд, эффективность российской культурной дипломатии ограничивается недостаточным финансированием, бюрократическими барьерами и конкуренцией со стороны других внешних акторов – включая Турцию, США, страны Евросоюза, а также Китай с его геоэкономически значимыми проектами глобального масштаба.

4. Новая модель «управляемого соперничества» в отношениях России и Турции на Южном Кавказе

Таким образом, события 2020 г. и последующая трансформация регионального порядка на Южном Кавказе привели к формированию качественно новой модели российско-турецких отношений, которую можно охарактеризовать как «управляемое соперничество», пронизывающее практически все сферы взаимодействия – военно-политическую, торгово-экономическую, энергетическую, информационно-идеологическую. Данная модель предполагает сосуществование элементов конкуренции и сотрудничества при одновременном стремлении сторон к предотвращению неконтролируемой эскалации противоречий, которая могла бы привести к прямой конфронтации.

Механизмы деконфликтинга и предотвращения эскалации, созданные в российско-турецких отношениях, играют критическую роль в поддержании региональной стабильности. Опыт взаимодействия России и Турции в Сирии, где после периода острой конфронтации в 2015-2016 гг. сторонам удалось выработать работающие механизмы координации и разграничения сфер влияния, в определенной степени воспроизводится и на Южном Кавказе в последние три года. Ключевым элементом этих механизмов стал прямой и регулярный диалог на высшем уровне между президентами двух стран, позволяющий оперативно реагировать на возникающие кризисные ситуации и находить компромиссные решения. Важно подчеркнуть, что данный диалог не прекращался (и даже интенсифицировался!) на фоне кризиса отношений между Россией и странами «коллективного Запада» после начала специальной военной операции на Украине.

Модель «управляемого соперничества» характеризуется также стремлением сторон к формированию «красных линий» и взаимному признанию особых интересов в определенных сферах. Именно после 2020 г. наиболее ярко стало прослеживаться давно складывающееся неформальное разграничение сфер влияния, в рамках которого Россия признает особые интересы Турции в отношениях с Азербайджаном, а Турция – особую роль России в отношениях с Арменией. Данное разграничение, однако, не является статичным и может подвергаться пересмотру в зависимости от изменения региональной и глобальной конъюнктуры.

Следует отметить, что ряд исследователей склонен интерпретировать данную модель несколько иначе. Так, Н. Силаев и И. Сафранчук акцентируют внимание на «статусном» измерении российско-турецкого взаимодействия, указывая, что Турция «бросает Российской Федерации вызов даже в тех случаях, когда для этого нет необходимости с точки зрения безопасности» [\[28, с. 98\]](#). С этой точки зрения, модель «управляемого соперничества» представляет собой не столько осознанный выбор обеих сторон, сколько вынужденный компромисс, обусловленный невозможностью для Турции добиться полного паритета с Россией в региональном масштабе. Вместе с тем, на наш взгляд, именно

способность обеих держав к прагматичной координации при сохранении конкурентных отношений и отличает южнокавказскую модель от потенциально более конфликтных сценариев.

Особый интерес представляет влияние модели «управляемого соперничества» на безопасность государств региона. С одной стороны, российско-турецкое взаимодействие по деэскалации конфликтов способствует снижению рисков возобновления широкомасштабных военных действий. С другой стороны, как указывают некоторые европейские исследователи, фактическое превращение Южного Кавказа в зону «российско-турецкого кондоминиума» ограничивает возможности государств региона по проведению суверенной внешней политики и может препятствовать развитию инклюзивных механизмов региональной безопасности с участием всех заинтересованных сторон [\[27, p. 104\]](#).

На наш взгляд, имеется и риск того, что модель «управляемого соперничества» может оказаться недостаточно устойчивой в условиях усиливающейся глобальной конкуренции и внутренних трансформаций в России и Турции. Российско-турецкое взаимодействие на Южном Кавказе развивается в более широком контексте отношений двух стран, включающем сотрудничество в энергетической сфере, торговле и туризме, а также конкуренцию в Сирии, Ливии, Черноморском регионе и других точках потенциальной напряженности. Следует признать, что ухудшение отношений в других регионах или сферах взаимодействия действительно может негативно повлиять на способность сторон поддерживать конструктивный диалог по южнокавказской проблематике.

Заключение

Трансформация региональной архитектуры на Южном Кавказе после Второй Карабахской войны привела к становлению качественно новой модели российско-турецких отношений, которую правомерно концептуализировать как «управляемое соперничество». Данная модель характеризуется парадоксальным сочетанием конкуренции и прагматичного сотрудничества во всех ключевых сферах взаимодействия: военно-политической, экономической, энергетической и информационно-идеологической. В отличие от традиционных теоретических подходов, рассматривающих российско-турецкие отношения либо через призму конфронтации, либо стратегического партнерства, модель «управляемого соперничества» отражает сложную динамику, при которой обе державы, признавая объективное несовпадение стратегических интересов, одновременно выстраивают механизмы деконфликтинга и координации для предотвращения неконтролируемой эскалации противоречий.

Предложенная концепция позволяет выявить структурные характеристики новой модели взаимодействия, включающие: 1) формирование неформального разграничения сфер влияния при одновременном взаимном признании легитимности интересов друг друга; 2) институционализацию механизмов диалога и кризисного менеджмента на высшем политическом уровне; 3) развитие параллельных, но не взаимоисключающих экономических и инфраструктурных проектов; 4) конкуренцию идеологических нарративов при избегании прямой конфронтации в информационном пространстве. Данный аналитический подход позволяет не только более точно прогнозировать динамику российско-турецких отношений на Южном Кавказе, но и предлагает универсальную теоретическую рамку для понимания современных форм конкурентного сосуществования региональных держав в условиях трансформации глобального

миропорядка.

Библиография

1. de Waal T. Europe's Longest-Running Conflict Can't Be Ignored [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/82813> (дата обращения: 14.02.2025).
2. Bardakçı M. Is a Strategic Partnership Between Turkey and Russia Feasible at the Expense of Turkey's Relations with the EU and NATO? // Comparative Southeast European Studies. 2021. № 4 (69).
3. Zengin A.K., Topsakal İ. The Intersection of Grand Strategies in Turkey-Russia Relations // Insight Turkey. 2021. № 4 (23). С. 148.
4. Ибрагимов А.Г. Турция и Россия: взаимодействие вопреки столкновению интересов // Постсоветские исследования. 2018. № 1.
5. Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в черноморском регионе // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 3. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363 EDN: FDHWEO.
6. Действия руководства Азербайджана в отношении населения Нагорного Карабаха следует квалифицировать как геноцид-мнение экспертов [Электронный ресурс]. URL: https://arminfo.info/full_news.php-id=89545 (дата обращения: 15.02.2025).
7. Yusibova G. The First Steps towards Strategic Alliance in Azerbaijani-Turkish Relations before the Second Karabakh War // Public Administration and Regional Development. 2024. № 23. DOI: 10.34132/pard2024.23.08 EDN: UFUTEF.
8. Şuşa Beyannamesi. 15 Haziran 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://haberglobal.com.tr/dunya/turkiye-ve-azerbaycan-arasinda-susa-beyannamesi-imzalandi-iste-beyannamenin-tam-metni-115805> (дата обращения: 15.02.2025).
9. Атасунцев А. Смена гаранта. Куда движутся отношения Армении и России [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2023/10/long-standing-ties-between-armenia-and-russia-are-fraying-fast-lang=ru> (дата обращения: 25.02.2025).
10. Миротворцы Карабаха: как Турция возвращается на Кавказ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/mirotvorcy-karabaha-kak-turciya-vozvrashaetsya-na-kavkaz-4395474> (дата обращения: 15.02.2025).
11. Because of unclear mandate and limited number of Russian peacekeepers, relative peace is threatened [Электронный ресурс]. URL: <https://news.am/eng/news/714757.html> (дата обращения: 14.02.2025).
12. Атабай Э.И. Военные взаимоотношения России и Армении в рамках ОДКБ в контексте безопасности на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2022. № 3. EDN: BVEDWG.
13. Pilibossian A., Nersisyan L. Leaving the "Post-Soviet" Behind: Redefining Armenia's Deterrence Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/leaving-post-soviet-behind-redefining-armenias-deterrence-strategy> (дата обращения: 25.02.2025).
14. Гаджинская Н., Гаджинский Э. Дж. Геополитика в регионе Южного Кавказа на современном этапе и новая конфигурация политических сил // Современная научная мысль. 2021. № 4. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-4-174-177 EDN: YAHRYH.
15. Labarre F., Niculescu G. Discussing a South Caucasus Short of Russian Dominance. Study Group Information. Vienna, 2023.
16. Трехстороннее Заявление о прекращении огня в Нагорном Карабахе от 9 ноября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 25.02.2025).

17. Агаев И. Г. Интересы региональных и мировых держав в открытии Зангезурского коридора // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. № 6-1.
18. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Коридоры турецкого влияния: евроазиатский путь Анкары // Геоэкономика энергетики. 2022. № 3. DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_6 EDN: WMKIYL.
19. Маркелова Э.А. Международный газовый хаб в Турции как новый проект российско-турецкого сотрудничества: возможности и риски // Экономика, предпринимательство и право. 2022. № 12. DOI: 10.18334/ерп.12.12.116902 EDN: MTHVSF.
20. Мехдиев Э.Т. "Неоосманизм" в региональной политике Турции // Вестник МГИМО. 2016. № 2 (47).
21. Мачавариани Г. Г. Характер и особенности грузино-турецких отношений на современном этапе // Архонт. 2017. № 2. EDN: ZXOGDD.
22. Датукишвили Е.З. Политические технологии формирования государственно-гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере России, Азербайджана и Грузии). Дисс. канд. полит. наук. М., 2021. EDN: MZWQOS.
23. Neset S. et al. Changing Geopolitics of the South Caucasus after the Second Karabakh War. Prospect for Regional Cooperation and/or Rivalry // CMI Report. 2023. № 4.
24. Elitaş T. Maintaining International Relations Through Digital Public Diplomacy Policies and Discourses. Istanbul, 2023.
25. Волхонский М., Муханов В. Российская "мягкая сила" на Южном Кавказе: концептуальная неопределенность и вопросы практического применения // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 5 (66).
26. Vardanian D. Turkey's Soft Power in the South Caucasus: An Assessment of Neo-Ottomanism Influence on Regional and Global Geopolitics // CMC Senior Theses. 2022. № 3146.
27. Secrieru S., Saari S., Bechev D. Fire and Ice: The Russian-Turkish partnership // Chaillot Paper. 2021. № 168.
28. Силаев Н., Сафранчук И. Симбиоз и соперничество: динамика российско-турецких отношений в перспективе теории международного статуса // Международные процессы. 2023. Т. 21. № 3 (74).
29. Агамалиев С.М. Роль неоосманизма и его особенности в контексте Второй Карабахской войны // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 3. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-3-236-248 EDN: SNRHCF.
30. Щербаков И.М. Российское неоевразийство и турецкий неоосманизм в отечественном политическом дискурсе: теория и практика // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 3 (29).
31. Щербаков И.М. Влияние традиций неоосманизма на современное состояние российско-турецких отношений: теория и практика // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. Т. 1. № 4. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Автор представленной к рецензированию рукописи обращается к исследованию современных отношений России и Турции в регионе Южного Кавказа, уделяя особое внимание специфике новой модели двустороннего взаимодействия, сложившейся после

«Второй Карабахской войны» 2020 года. Поскольку российско-турецкие отношения во многом определяют динамику региональных процессов в Закавказье, а также оказывают заметное влияние на ближневосточную политику, актуальность темы представляется очевидной. Хотя, в общем и целом, текст рукописи оставляет благоприятное впечатление, можно выделить ряд моментов, требующих внесения корректив и пояснений. Так, предложенная автором характеристика научной новизны исследования предполагает «концептуализацию объяснительной модели российско-турецких отношений на Южном Кавказе, которая определяется как «принудительная нормализация». Однако, в ходе дальнейшего повествования автор пишет в основном о модели «управляемого соперничества», упомянутой также и в названии статьи. Поскольку «принудительная нормализация» и «управляемое соперничество» вряд ли могут рассматриваться как взаимозаменяемые понятия, автору следует прояснить этот момент. Кроме того, автор указывает на то, что ряд турецких авторов констатируют формирование модели «управляемого соперничества» в отношениях России и Турции. Если так, то остается неясным – в чем новизна рецензируемой статьи, если в ней идет речь об уже описанной другими авторами модели? Далее, вместо одного исследовательского вопроса автор статьи зачем-то предлагает два – 1) влияние процессов, запущенных Второй Карабахской войной, на модель российско-турецких отношений и 2) перспективы формирования устойчивых механизмов сотрудничества России и Турции в новых геополитических реалиях. На мой взгляд, лучше оставить один (а именно - первый) вариант исследовательского вопроса, поскольку именно он в основном рассматривается в тексте. Можно также порекомендовать автору изложить методологию предпринятого исследования, поскольку в текущей версии рукописи об этом не сказано ни слова. Библиографический список имеет смысл расширить за счет таких публикаций как – 1) Силаев Н., Сафранчук И. Симбиоз и соперничество: динамика российско-турецких отношений в перспективе теории международного статуса // Международные процессы. 2023. № 3; 2) Агамалиев С. Роль неоосманизма и его особенности в контексте Второй Карабахской войны // Проблемы постсоветского пространства. 2024. № 3; 3) Щербаков И. Влияние традиций неоосманизма на современное состояние российско-турецких отношений: теория и практика // Вестник Московского Университета. Серия 12: Политические науки. 2023. № 4; 4) Щербаков И. Российское неоевразийство и турецкий неоосманизм в отечественном политическом дискурсе: теория и практика // Гражданин. Власть. Выборы. 2023. № 3. Привлечение перечисленных работ повысит фундированность предпринятого автором исследования, а также позволит усилить апелляцию к оппонентам, которая в текущей версии статьи ограничивается лишь несколькими ссылками в самом начале статьи. В заключительной части рукописи автор кратко описывает сущность модели «управляемого соперничества», а также характеризует ее объяснительный потенциал. Вместе с тем, в заключении отсутствуют конкретные выводы, касающиеся современных российско-турецких отношений, хотя именно это позволило бы показать значимость достигнутых автором исследовательских результатов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Автор представленной к рецензированию рукописи обращается к исследованию современных отношений России и Турции в регионе Южного Кавказа, уделяя особое внимание специфике новой модели двустороннего взаимодействия, сложившейся после «Второй Карабахской войны» 2020 года. Поскольку российско-турецкие отношения во многом определяют динамику региональных процессов в Закавказье, а также оказывают заметное влияние на ближневосточную политику, актуальность темы представляется очевидной. Исследуя динамику современных российско-турецких отношений, автор опирается на модель «управляемого соперничества», предполагающую, что Москва и Анкара осознают риски эскалации напряженности и предпринимают шаги, направленные на предотвращение неконтролируемой деградации двусторонних отношений. Апеллируя к оппонентам, автор подчеркивает, что существующие исследования по данной тематике акцентируют такие особенности российско-турецких отношений как «ограниченное сотрудничество» и «ограниченное соперничество», недооценивая сознательное стремление двух стран нивелировать риски дестабилизации Южного Кавказа в результате различных региональных кризисов и инцидентов. Предлагаемый автором подход восполняет данный пробел и иллюстрирует объяснительный потенциал модели «ограниченного соперничества» на примере «Второй карабахской войны», а также взаимодействия Москвы и Анкары в различных сферах. В целом, можно признать, что предлагаемый автором подход придает определенную научную новизну полученным исследовательским результатам. Библиографический список представляется достаточно полным, насчитывая более тридцати позиций, в том числе работы отечественных и зарубежных исследователей, а также ряд первоисточников. В то же время, можно порекомендовать автору внести ряд корректив, которые помогут улучшить качество рукописи. Так, во введении логичнее было бы сначала сформулировать исследовательский вопрос (например, так - «каким образом запущенные Второй Карабахской войной процессы повлияли на российско-турецкие отношения?») и лишь затем – обосновать предлагаемую автором модель «управляемого соперничества», применение которой должно помочь дать ответ на исследовательский вопрос. Далее, упоминание аргументов Н. Силаева и И. Сафранчука (о статусных соображениях России и Турции) в двух разных разделах статьи выглядит непоследовательным. Логичнее рассмотреть позицию данных авторов в рамках апелляции к оппонентам (во введении). Я бы также скорректировал аргументацию автора в той части, где речь идет о том, что «Вторая карабахская война и последующие события привели к формированию качественно новой модели российско-турецких отношений, которую можно охарактеризовать как «управляемое соперничество». «Модель» — это умозрительная конструкция, созданная исследователями для объяснения тех или иных аспектов эмпирической реальности. Поэтому акцент лучше сделать на том, что модель «управляемого соперничества» лучше объясняет современные российско-турецкие отношения, чем модели «ограниченного сотрудничества» и «ограниченного соперничества». Тем не менее, указанные недочеты могут быть без труда устранены автором, после чего статья может быть рекомендована к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Алмаметов А.Н., Загидулина Д.В. Государственная политика в области цифровой модернизации вооруженных сил России и стран Северо-Восточной Азии: сравнительный анализ // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.77249 EDN: LCHZGZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77249

Государственная политика в области цифровой модернизации вооруженных сил России и стран Северо-Восточной Азии: сравнительный анализ

Алмаметов Артур Наилевич

аспирант; кафедра сравнительной политологии; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 к. 2

✉ tj7322@gmail.com

Загидулина Дарья Владимировна

аспирант; кафедра сравнительной политологии; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ daryazagidulina@gmail.com

[Статья из рубрики "Инновационная политика в сфере безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.77249

EDN:

LCHZGZ

Дата направления статьи в редакцию:

10-12-2025

Дата публикации:

17-12-2025

Аннотация: Исследование посвящено сравнительному анализу цифровой модернизации института вооружённых сил в России и странах Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея). Основным предметом исследования являются государственные

стратегии и концепции, механизмы политического управления и технологические решения, определяющие трансформацию оборонных систем в условиях распространения технологий искусственного интеллекта, автоматизированных систем управления, сетевых систем разведки и связи и автономных систем вооружения. На основе анализа открытых источников проводится исследование, каким образом цифровые технологии меняют структуру военной организации, формируют новые модели гражданско-военного взаимодействия, влияют на государственную политику и перераспределяют факторы силы в международной системе. Фиксируются тенденции, актуальные при разработке стратегического курса Российской Федерации в сфере цифровой модернизации. В ходе работы были проанализированы стратегические документы, определяющие направления научно-технической и инвестиционной деятельности в области модернизации вооруженных сил, отчеты исследовательских центров и актуальная медиаповестка. С методологической точки зрения исследование основывается на неореалистском понимании логики поведения государств в международной политике. Научная новизна исследования заключается в системном сопоставлении различных моделей цифровой модернизации вооруженных сил, реализуемых в России и странах Восточной Азии, с акцентом на различия их геополитических императивов и стратегических целей. Выявлено, что восточноазиатские государства проводят цифровизацию в оборонной сфере преимущественно в логике экономико-технологического роста, сетевой интеграции вооружений и активного вовлечения гражданского сектора, что способствует ускоренному внедрению ИИ и автономных боевых систем. Российская модель, напротив, характеризуется централизованным подходом и ориентацией на достижение технологического и политического суверенитета в условиях внешнего давления. Цифровизация вооружённых сил становится самостоятельным фактором перераспределения военной мощи и трансформации институтов безопасности, при этом ее последствия, риски и управленческие эффекты существенно зависят от выбранной государством модели цифрового развития.

Ключевые слова:

цифровизация, вооруженные силы, Восточная Азия, инновации, искусственный интеллект, оборонная политика, национальная безопасность, технологический суверенитет, военные доктрины, модернизация государственной политики

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий, которые радикально трансформируют характер современных вооруженных конфликтов, структуру военной организации государства и механизмы политического управления оборонной сферой формируют актуальность исследования. В условиях перехода от индустриальных форм ведения войны к информационным и интеллектуализированным концепциям возрастает значимость интеграции искусственного интеллекта, автоматизированных систем управления, сетевых платформ и больших данных в деятельность вооруженных сил. Это приводит к пересмотру традиционных представлений о военной мощи и меняет баланс сил на международной арене.

Особое внимание к цифровизации военного института вызвано тем, что именно она становится ключевым фактором национальной безопасности, политической устойчивости и стратегического суверенитета государств. Развитые страны Восточной Азии — Китай, Япония и Республика Корея — демонстрируют высокие темпы внедрения ИИ, спутниковых

систем наблюдения, робототехники и сетецентрических инструментов управления. Эти процессы формируют новые модели военного и политического управления, которые влияют на региональную и глобальную архитектуру безопасности.

Для России усиливается двойственный характер вызовов: с одной стороны, необходимость модернизации вооруженных сил в условиях внешнего технологического давления и санкционных ограничений, с другой — потребность в укреплении государственного контроля и адаптации политико-административных механизмов к реалиям цифровой эпохи. Цифровизация оборонного сектора в России приобретает стратегическое значение, поскольку напрямую связана с обеспечением технологического суверенитета, эффективностью принятия управленческих решений и устойчивостью национальной системы безопасности.

Целью исследования является установление и сопоставление характерных особенностей процессов цифровой модернизации стран Северо-Восточной Азии и России. Для достижения цели в ходе исследования решены такие задачи, как выявление ключевых инноваций в цифровой модернизации оборонных потенциалов стран Северо-Восточной Азии и России, выявление общих трендов и различий в обозначенных процессах цифровизации вооруженных сил.

Выбор стран для сравнительного анализа обусловлен тем, что в академических работах схожей тематики цифровая модернизация чаще освещается в контексте развития вооруженных сил западных стран, в частности, США. В то же время Китай, Япония и Республика Корея так же являются технологически развитыми и активно внедряют цифровые инновации в оборонной сфере, в связи с чем их опыт может быть полезен применительно к развитию и внедрению инноваций в российских вооруженных силах. Также следует отметить определенную политическую напряженность между странами Северо-Восточной Азии, в связи с чем активное развитие военного потенциала в каждой из этих стран следует изучать как взаимосвязанные процессы.

Отсюда же проистекает научная новизна исследования. Существующие научные работы по указанной теме преимущественно рассматривают процессы модернизации в вооруженных силах отдельных стран. В некоторых случаях обзревается проблематика цифровой модернизации в целом, приводятся примеры из опыта западных стран^[15], в других случаях исследуется опыт стран Северо-Восточной Азии по отдельности^{[1] [7] [9] [16] [18]}. В данном же исследовании сделан акцент на системном анализе процессов модернизации в исследуемых странах и на выявление как общих трендов, так и структурных различий.

Методологическую базу исследования составляет комплекс подходов, позволяющих проанализировать процессы цифровизации института вооруженных сил в России и странах Восточной Азии. В работе используется сравнительный метод, примененный для сопоставления различных моделей цифровой трансформации военного управления, что позволило выявить институциональные различия между российской, китайской, японской и южнокорейской системами. Институциональный подход обеспечивает анализ структуры политико-административного контроля над вооруженными силами и роли государства в развитии цифровых технологий оборонного назначения. Системный подход применяется для рассмотрения армии как элемента единой политической системы, в рамках которой цифровизация выступает инструментом государственной политики и механизмом поддержки стратегического суверенитета.

В исследовании также используется анализ документов и открытых источников. Этот

метод позволил реконструировать фактические процессы внедрения автоматизированных систем управления, технологий искусственного интеллекта и цифровой инфраструктуры в армии России и государств Восточной Азии.

Опыт стран Северо-Восточной Азии в сфере цифровой модернизации вооруженных сил

Начало XXI века для стран Восточной Азии было ознаменовано периодом экономического и технологического прорыва^[6], на сегодняшний день КНР, Япония и Республика Корея являются лидерами по внедрению инноваций в промышленности, сельском хозяйстве, социальной сфере, а также в оборонно-промышленном комплексе и госуправлении. Система управления вооруженными силами этих стран прошла этап значительных преобразований на фоне развития и внедрения информационных технологий в целом и искусственного интеллекта (ИИ) в частности.

Трансформация затронула номенклатуру вооружений и оборудования двойного назначения, системы обработки информации, связи, логистики, кадровую политику и принципы управления воинскими подразделениями. Цифровые технологии рассматриваются как основной источник инноваций в военном деле.

Процессы цифровизации в оборонной сфере развитых стран имеют значение для международной системы по той причине, что сменяются ключевые параметры, определяющие мощь государства на международной арене. Также более значительной становится экономическая сфера, поскольку разработка перспективных вооружений становится зависима от таких сфер гражданской промышленности, как производство микроэлектроники, разработка цифровых сервисов на основе ИИ, облачная инфраструктура.

Для сферы информационных технологий характерно значительное влияние частных компаний, и во всех исследуемых странах естественным образом коммерческие структуры включались в процесс совершенствования. В отечественных исследованиях опыта внедрения ИИ в военной сфере отмечаются прецеденты споров этического характера в западных странах между государственным военным ведомством и частным подрядчиком^[15]. В изучаемых в данной статье странах подобных прецедентов не выявлено, однако следует учитывать возможность подобного развития событий.

Согласно нарративам Китайской Народной Республики, происходит^[7] от механизации войны к ее информатизации и затем к «интеллектуализации». На этапе информатизации ключевым является доступ к информации и ее оптимальное использование командованием, а интеллектуализация означает, что в центральным элементом управления становятся алгоритмы, которые самостоятельно принимают решения на основе получаемых данных.

Применительно к Японии и Республике Кореи термин интеллектуализации менее распространен, но в то же время обсуждается феномен цифровой трансформации обороны (defense DX), что находится в русле общей повестки цифровизации экономики и госуправления в этих странах^[3].

В военной доктрине КНР к 2020-м гг. развился концепт «противостояния систем» (体系对抗), согласно которому военная победа достигается не посредством уничтожения отдельных подразделений противника, а вследствие нарушения целостности системы управления и обмена информацией^[4].

Китай активно развивает спутниковые группировки связи и наблюдения, включая собственную навигационную систему «Бэйдоу», аналог GPS и ГЛОНАСС. Все эти средства интегрированы в C4ISR-архитектуру (аббревиатура, означающая совокупность армейских систем связи и разведки) КНР.

Отличительной особенностью института вооруженных сил в Китае является тесная связь с гражданским сектором. КПК с 2017 г. продвигает стратегию «военно-гражданского слияния» (military-civil fusion, MCF), что должно обеспечить военное превосходство Китая. В рамках стратегии государством поощряется кооперация и обмен технологиями между оборонными концернами, НИИ и предприятиями гражданского сектора. Это проявляется в совместных проектах между крупными частными ИТ-компаниями и предприятиями ВПК, в использовании гражданских разработок в области ИИ для военных нужд.

Из данных платформы закупок Народно-освободительной армии Китая (НОАК) стало известно, что в 2024-2025 гг. оборонные компании Китая получили ряд контрактов на разработку ИИ-инструментов для военных нужд, в том числе на основе большой языковой модели DeepSeek^[5]. Предполагается, что нейросеть обеспечит относительно недорогую и эффективную инфраструктуру обработки данных, с помощью которых в НОАК будут приниматься управленческие решения.

Помимо развития собственных оборонных ИИ-систем, Китай разрабатывает схему противодействия противнику в сфере алгоритмов. Американские исследовательские организации пишут^[13], что новой потенциальной стратегией НОАК является «диссипативная война». Стратегия предполагает создание информационного беспорядка в системе управления войсками противника, что увеличивает издержки на ведение боевых действий противника. В сфере нейросетей это означает перегрузку вражеского ИИ ложной или противоречивой информацией, чтобы привести его к неверным решениям.

В российской академической литературе отмечается^[16], что цифровая модернизация НОАК реализуется не на разовой, проектной основе, а как институционализированный долгосрочный процесс. Переход к комплексным системам обработки информации для нужд вооруженных сил в рамках этого процесса рассматривается как средство достижения превосходства над противником даже в условиях ограниченности составляющих традиционной военной мощи, таких, как численность личного состава и военной техники.

Китайская модель модернизации армии имеет не только преимущества, но и ограничения. Технологический прогресс в области ИИ и микроэлектроники ограничивается санкционным режимом со стороны США. Вследствие этого Китай вынужден конструировать ИИ-решения на базе более простых микрочипов и опираться на собственные разработки. Также широкое использование гражданского промышленного потенциала в интересах ВПК осложняет сохранение режима секретности и предотвращение утечек.

Япония с начала 2020-х гг. начала в своих официальных документах утверждать, что угрозы в киберпространстве стали столь же значимыми, как и традиционные военные вызовы, а развитие интегрированной противоракетной обороны невозможно без комплексной цифровизации^[2]. Схожим приоритетным статусом в японской военной доктрине обладает обеспечение национальной безопасности в космосе: в программных

документах говорится о необходимости интеграции орбитальных систем наблюдения и связи с наземными платформами в единую сеть.

Силы самообороны Японии, как и в случае с НОАК, движутся в сторону интегрированных систем управления между различными родами войск. У сухопутных войск это проявляется в конвергенции систем управления, наблюдения, артиллерии и мобильных мотострелковых групп в режиме реального времени. В военно-воздушных силах и на флоте подчеркивается необходимость внедрения концепта IAMD (Интегрированной противовоздушной и противоракетной обороны), в рамках которого датчики и сенсоры посредством алгоритмов ИИ передают данные средствам ПВО и ПРО.

Космическое измерение с точки зрения Сил самообороны Японии становится одним из наиболее перспективных направлений. Созданные в 2020-е гг. в составе ВВС космические подразделения занимаются мониторингом орбитального пространства, отслеживанием потенциальных угроз для спутников и обеспечением устойчивых линий военной связи^[1]. Летом 2025 г. был опубликован программный документ^[12] минобороны страны о ключевых принципах обороны в космическом пространстве, который декларирует необходимость развертывания широкой спутниковой сети на разных орбитах, в том числе в привлечении частных подрядчиков. Также подчеркивается важность обеспечения информационной безопасности применительно к космической инфраструктуре, что подразумевает тесное сотрудничество соответствующих подразделений.

В области кибербезопасности страна постепенно отходит от традиционного для нее подхода, когда значительный сегмент национальной безопасности в киберпространстве находился под ответственностью коммерческих структур, в том числе иностранных подрядчиков^[18]. По мере развития информационных технологий растут стратегические риски киберугроз, и государство вынуждено включаться более активно.

Структурные ограничения для модернизации вооруженных сил Японии обусловлены в основном насущными проблемами современного японского государства: демографический упадок и следующий за ним дефицит кадров, низкие темпы экономического роста и зависимость от США. Последнее объясняет, почему особый акцент в японских оборонных документах сделан на орбитальные системы наблюдения и связи и на кибербезопасность. За счет этих сфер Япония будет эффективно исполнять вспомогательную роль в случае обострения тлеющих региональных конфликтов в АТР, тогда как основным провайдером военной мощи выступают, предположительно, США.

В Республике Корея цифровизация вооруженных сил выделена в отдельный стратегический план — Defense Innovation 4.0. Документ опубликован в 2023 г., связан с национальной стратегией «индустрии 4.0» и направлен на интеграцию ИИ, робототехники, больших данных и других передовых технологий в военную сферу^[9].

Цифровизация в рамках стратегии подразумевает как способ воевать более эффективно малочисленными силами (Корея, подобно Японии, страдает от демографического упадка) и как путь к экономическому успеху на рынке вооружений.

Аналогично с вышеописанными китайским и японским подходами в корейских вооруженных силах стремятся к управленческой интеграции различных систем вооружений на поле боя и кооперации автономных боевых платформ под управлением ИИ и вооружением под управлением человека. В октябре 2025 г. были представлены^[10] самоходные гаубицы и дроны-камикадзе корейского производства, управление

которыми усовершенствовано с помощью ИИ, что позволит сократить или вовсе исключить присутствие человека на поле боя.

В центре цифровой военной доктрины Кореи находится Союзная система контроля и командования (Allied Korea Joint Command and Control System, AKJCCS), генштаб, который руководит совместными операциями американского военного контингента и южнокорейских военных. В 2025 г. было объявлено^[8] о масштабной модернизации системы командования, на которую за 4 года будет затрачено около 85 млн долл. Обновленная AKJCCS должна получить облачную архитектуру, автоматизацию процессов на базе ИИ, сервисы перевода и улучшенные средства дистанционной связи.

В более широком контексте Республика Корея рассматривает ИИ как средство укрепления стратегической автономии. В 2025 г. президент Ли Чжэ Мен призвал резко увеличить расходы на ИИ и смежные разработки, связав эти инвестиции не только с необходимостью модернизации ВПК, но и уменьшением зависимости от США^[11].

Модернизация вооруженных сил Республики Корея позволяет укреплять экономические связи с внешними партнерами за счет акцента на оборонных контрактах. С другой стороны, это продолжает вызывать раздражение Китая и КНДР, которые обеспокоенно реагируют на любой прогресс в развитии южнокорейских вооруженных сил.

Во всех трех странах Восточной Азии просматривается подход к созданию единой, сетевой структуры управления системами вооружений с участием ИИ и интегрированными сетями доставки и обработки информации. Вооружения с элементами информационных технологий признаются в перспективе наиболее значимыми на потенциальном театре военных действий. Растет запрос на привлечение технологического и инвестиционного ресурса негосударственных структур, на синергию оборонных концернов и гражданских подрядчиков. Разница в подходах между странами детерминирована в основном разницей потенциалов и долгосрочных геополитических целей: Китай с помощью «интеллектуализации» войны планирует достичь превосходства над США, а Япония и Республика Корея стремятся к сдерживанию Китая при поддержке США, при этом по возможности не впадая в тотальную зависимость от своего стратегического партнера.

Специфика российских подходов к цифровой модернизации в оборонной сфере

На фоне процессов цифровизации Восточной Азии Россия также реализует масштабную перестройку института вооруженных сил. Однако российская модель демонстрирует ряд уникальных черт, выраженных прежде всего в сфере политического управления.

В российской системе политического управления оборона традиционно относится к сферам особой государственной компетенции, а также преследует ключевую цель — защита интересов и безопасности граждан России. Цифровизация усилила эти тенденции.

Цифровизация военного института в России реализуется через сочетание организационных, технологических и кадровых решений, которые нацелены на повышение управляемости армии, ускорение циклов принятия решений и укрепление централизованного политического контроля над оборонной сферой. Это подчеркивает факт опоры на государственно-центричный подход и стремление к технологическому суверенитету в России.

На стратегическом уровне роль «цифрового узла» политико-военного управления играет

Национальный центр управления обороной Российской Федерации (НЦУО РФ). Центр, подчиненный Министерству обороны, обеспечивает круглосуточный мониторинг военно-политической обстановки, координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти по вопросам обороны и централизованное управление группировками войск.

Особое место в цифровой модернизации занимает военный инновационный технополис «ЭРА». Технополис функционирует как кластер проектов в области искусственного интеллекта, робототехники, автоматизированных систем управления, геоинформационных систем и цифровых технологий двойного назначения. Организационно он оформлен как инструмент целенаправленной государственной политики: для резидентов установлены специальные налоговые и правовые режимы, а сами разработки изначально ориентированы на потребности военного института.

К числу ключевых направлений относится внедрение технологий искусственного интеллекта в военное управление с целью сбора и обработки разведывательных данных при принятии тактических решений и в момент исполнения задач с целью принятия самостоятельного решения беспилотных летальных аппаратов. Таким образом, в российском контексте ИИ рассматривается одновременно как средство повышения эффективности операций и как политико-правовой вызов, требующий разработки специальных норм применения автономных систем оружия и алгоритмических систем управления.

Тем самым методы и инструменты цифровизации военного института в России включают:

- развертывание многоуровневых АСУ^[17] и C4ISR-архитектур^[14] (ЕСУ ТЗ и др.);
- создание централизованных цифровых командных центров (НЦУО РФ);
- формирование специализированной технопарковой инфраструктуры для оборонных цифровых технологий (технополис «ЭРА»^[19]);
- внедрение технологий ИИ и больших данных в системы управления и вооружения;
- институционализацию кадровой базы цифровой армии через научные роты и целевые программы подготовки.

В политологическом плане данный комплекс инструментов усиливает централизацию управления военным институтом, интегрирует оборонный сектор в долгосрочные стратегии технологического суверенитета и закрепляет особую роль государства как ключевого координатора цифровой трансформации в сфере безопасности.

В отличие от Китая, где военно-гражданское слияние предполагает существенную роль частных ИТ-компаний, российская цифровизация развивается по модели усиленного государственного контроля.

Рассматривая цифровизацию как элемент стратегического суверенитета, Россия делает акцент на развитии автономных цифровых систем, включая национальные вычислительные мощности, защищенную инфраструктуру данных, и импортозамещающие технологии для оборонно-промышленного комплекса.

Это отличает российскую модель от японской и корейской, где ключевые цифровые проекты развиваются в партнерстве с частными компаниями и под влиянием союзнических обязательств США.

Для России же цифровая модернизация является политической стратегией обеспечения независимости, особенно в условиях санкционного давления.

Развитие киберкомпонентов российской армии направлено не только на оборонные задачи, но и на защиту государственного управления, обеспечение устойчивой работы политических институтов и развитие механизмов предотвращения технологического давления извне.

В отличие от Японии, где киберсектор исторически был фрагментирован между государством и частным бизнесом, российская модель характеризуется концентрацией полномочий в руках государства.

Заключение

Сопоставляя Россию с государствами Восточной Азии, можно выделить следующие различия:

1. По цели цифровизации

- Китай стремится к алгоритмическому превосходству и глобальной конкуренции.
- Япония — к усилению союзнических функций в архитектуре безопасности США.
- Корея — к повышению эффективности малочисленных вооруженных сил и экспорту технологий.
- Россия — к укреплению стратегического суверенитета и политической устойчивости.

2. По роли частного сектора

- Китай, Япония, Корея — высокая степень интеграции частных корпораций.
- Россия — государственно-центричная модель с минимизацией технологических зависимостей.

3. По подходам к рискам применения автономных боевых систем

- В странах Восточной Азии активно внедряют сценарии использования автономных и полуавтономных боевых платформ, что соответствует духу времени, но оставляет пространство для непредсказуемого результата, в том числе не в пользу эксплуатантов боевых систем.
- В России практикуется более консервативный подход, предполагающий ограниченное применение ИИ в боевых условиях под контролем человека, что нивелирует возможные риски.

4. По характеру политического контроля

- Россия выделяется наиболее выраженной тенденцией к централизации и вертикальному контролю.
- Китай сочетает контроль КПК с рыночной динамикой частных технологических концернов.
- Япония и Корея ориентируются на кооперацию государства и крупного бизнеса.

5. По институциональной логике развития

- Восточноазиатские страны развивают цифровизацию как форму экономико-технологического роста.
- Россия — как инструмент обеспечения политической стабильности и автономии.

Цифровизация преобразует институт вооруженных сил как в странах Восточной Азии, так и в России. Однако в российском контексте она выполняет более широкие политические функции: укрепление вертикали власти, повышение управляемости и снижение технологической зависимости.

Таким образом, российская модель цифровой модернизации вооруженных сил наиболее полно отражает логику политического централизма, стратегического суверенитета и государственного контроля над технологическим развитием, что отличает ее от моделей Китая, Японии и Республики Кореи.

Цифровизация оборонно-промышленного комплекса в России реализуется через сочетание организационных, технологических и кадровых решений, которые нацелены на повышение управляемости армии, ускорение циклов принятия решений и укрепление централизованного политического контроля над оборонной сферой.

Таким образом, стратегия цифровизации в оборонной сфере в странах Восточной Азии скорее вытекает из логики экономической экспансии этих стран, а в России она напрямую отвечает на вызовы в сфере национальной безопасности и является продолжением политики достижения технологического суверенитета.

В завершение ключевые характеристики стран в контексте исследуемой темы для наглядности представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

	Страна	Стратегическая цель	Модель развития	Роль частных компаний	Отношение к ИИ
1.	Китай	достижение информационного превосходства в будущих конфликтах	централизованная модель, встроенная в национальную цифровую стратегию	глубокая интеграция бизнеса в армии под политическим контролем партии	активное внедрение ИИ и автономных систем; готовность к высоким рискам ради стратегического преимущества
2.	Япония	повышение устойчивости и эффективности обороны в союзе с США	цифровая трансформация ОПК при строгих правовых ограничениях	широкое участие частного сектора, ограниченное нормативными рамками	осторожное, внедрение ИИ; приоритет — контроль и надежность
3.	Республика Корея	компенсация демографического спада и рост экспортного	инновационно-индустриальная модель	активная кооперация государства и оборонных	быстрое внедрение ИИ; акцент на практическую

		потенциала		концернов	применимость
4. Россия		обеспечение стратегического суверенитета	иерархическая модель	ограниченная роль частного сектора	консервативный подход к ИИ; превалирование человеческого контроля

Библиография

1. Akimoto D. Japan's multi-domain defense force: The space, cyber, and electromagnetic domains // Institute for Security & Development Policy, Stockholm, Sweden. – 2021.
2. Defense of Japan (Annual White Paper) // Ministry of defense. – 2024. – URL: https://www.mod.go.jp/j/press/wp/wp2024/pdf/DOJ2024_Digest_EN.pdf (дата обращения 07.12.2025).
3. Defense of Japan 2024. Digest. Tokyo: Ministry of Defense of Japan, 2024.
4. Engstrom J. Systems Confrontation and System Destruction Warfare: How the Chinese People's Liberation Army Seeks to Wage Modern Warfare. – 2018. – № RR1708.
5. How China could use DeepSeek and AI for an era of war // Reuters. – 2025. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/robot-dogs-ai-drone-swarms-how-china-could-use-deepseek-an-era-war-2025-10-27/> (дата обращения 07.12.2025).
6. Kawai M. Will the 21st century be an Asian century?: A global perspective // China and Japan in the Global Economy. – Routledge, 2018. – С. 4-45.
7. Klare M. China Pushes "Intelligentized" Warfare // Arms Control Today. – 2021. – Т. 51. – № 10. – С. 27-27.
8. Military to upgrade command, control system for combined Korea-US operations // The Korea Times. – 2025. – URL: <https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/defense/20250804/military-to-upgrade-command-control-system-for-combined-korea-us-operations> (дата обращения 07.12.2025).
9. Park D., Kang D., Paik J. Analyzing South Korea's Defense Challenges with Defense Innovation 4.0 through LDA and BERT Techniques // IEIE Transactions on Smart Processing & Computing. – 2025. – Т. 14. – № 5. – С. 644-656.
10. South Korea kicks off arms fair to showcase unmanned, AI weapons // Reuters. – 2025. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/south-korea-kicks-off-arms-fair-showcase-unmanned-ai-weapons-2025-10-17/> (дата обращения 07.12.2025).
11. South Korean president calls for aggressive AI spending in budget speech // AP. – 2025. – URL: <https://apnews.com/article/south-korea-lee-jae-myung-ai-budget-nvidia-80db48ff3d6cdaabd10b79518d56dc0f> (дата обращения 07.12.2025).
12. Space Domain Defense Guidelines // Ministry of defense. – 2025. – URL: https://www.mod.go.jp/en/images/outline_space-domain-defense-guidelines_20250807.pdf (дата обращения 07.12.2025).
13. Tristan Tang K. Dissipative Warfare: The PLA's Potential New Strategy in the AI Era. – 2025. – URL: <https://jamestown.org/dissipative-warfare-the-plas-potential-new-strategy-in-the-ai-era/> (дата обращения 07.12.2025).
14. C4ISR: Интеграция БПЛА. – 2025. – URL: <https://mosregdata.ru/article/c4isr-integraciya-bpla> (дата обращения 07.12.2025).
15. Абрамова И.А., Борисов Д.Н. Основные направления применения искусственного интеллекта в вооруженных силах ведущих зарубежных стран // Наука и военная безопасность. – 2024. – № 2. – С. 74-78. EDN: VJJJMA.
16. Болгов Р. В. Информационные технологии в модернизации вооруженных сил КНР: политические аспекты // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2010. – Т. 6. – № 4. – С. 268-275. EDN: NTWCML.

17. Минобороны внедрит автоматизированную систему управления частями в бою // РБК / [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/688238b19a79471a4e431d19> (дата обращения 07.12.2025).
18. Никипорец-Такигава Г. Ю. Стратегия национальной кибербезопасности Японии: проблемное поле и ловушки подхода // Polis. Political Studies. – 2025. – № 3. – С. 162-175. DOI: 10.17976/jpps/2025.03.11. EDN: QATTIV.
19. Технополис "ЭРА" [Электронный ресурс]. – URL: <https://mil.ru/activity/innovation/era> (дата обращения 07.12.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая рукопись посвящена сравнительному исследованию специфики процессов цифровой модернизации вооруженных сил четырех стран – России, Китая, Японии и Южной Кореи. Принимая во внимание бурное развитие информационных технологий и внедрение искусственного интеллекта в различные системы управления, актуальность выбранной темы представляется очевидной. В то же время, хотя предпринятый автором анализ представляет определенный интерес, текст нуждается в довольно существенной доработке по ряду направлений. Так, несмотря на то что в названии статьи речь идет о «странах Восточной Азии», автор исследует только три из них – КНР, Японию и РК. При этом все упомянутые государства относятся к Северо-Восточной Азии (строго говоря, российский Дальний Восток также является частью этого региона), наряду с Северной Кореей. В этой связи напрашивается корректировка названия статьи – напр., «государственная политика в области цифровой модернизации вооруженных сил России и стран Северо-Восточной Азии: сравнительный анализ». Далее, необходимо структурировать текст статьи посредством выделения 1) введения; 2) основной части, включающей не менее двух разделов (скажем, посвященных кейсу России и кейсам стран СВА); 3) заключения. Во введении, помимо обоснования актуальности темы и методологии, нужно четко определить цель исследования. Судя по названию статьи, можно предположить, что автор стремится выявить особенности и различия в процессах цифровой модернизации ВС вышеупомянутых стран. Если так, то на это должно быть недвусмысленное указание в тексте. Также следует сформулировать задачи исследования и обосновать научную новизну полученных автором результатов – то есть, должно быть ясно, каким образом данная статья дополняет уже существующие публикации по теме? В этом контексте можно дать краткий обзор наиболее важных работ в данной области и обозначить позицию самого автора. Здесь же следует обосновать выбор объектов сравнения. То есть, нужно пояснить – почему автор сравнивает именно кейсы России, Китая, Японии и Республики Корея? Библиография статьи включает почти исключительно иностранные источники. Поэтому можно порекомендовать автору обратить внимание на следующие работы – Болгов Р. Информационные технологии в модернизации вооруженных сил КНР: политические аспекты // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 4; Абрамова И., Борисов Д. Основные направления применения искусственного интеллекта в вооруженных силах ведущих зарубежных стран // Наука и военная безопасность. 2024. № 2; Семериков Д. и др. Анализ основных направлений внедрения технологий искусственного интеллекта в вооруженных силах

Китая // Научно-технические проблемы материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации. 2022. № 4; Шитикова Ю. Внедрение искусственного интеллекта в военную сферу КНР // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 8. В заключительной части статьи желательно обобщить результаты проведенного автором исследования в виде сравнительной таблицы, наглядно демонстрирующей сходства и различия подходов к цифровой модернизации ВС в рассматриваемых странах. В случае проведения соответствующей доработки статья может представлять интерес для аудитории журнала.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая рукопись посвящена сравнительному исследованию специфики процессов цифровой модернизации вооруженных сил четырех стран – России, Китая, Японии и Южной Кореи. Принимая во внимание бурное развитие информационных технологий и внедрение искусственного интеллекта в различные системы управления, актуальность выбранной темы представляется очевидной. Доработанная версия рукописи выгодно отличается от изначального варианта. Автор скорректировал название статьи, сформулировал цель исследования, обосновал выбор кейсов для анализа. Фокус на региональном контексте цифровой модернизации вооруженных сил позволяет рассматривать данный процесс на системном уровне. Благодаря такому углу зрения открываются возможности для более широких обобщений, чем в тех случаях, когда исследуется цифровая модернизация ВС отдельных стран. Это, в свою очередь, позволяет прийти к новым исследовательским результатам и обуславливает научную новизну статьи. Используемый автором комплекс методов (сравнительный анализ, системный и институциональный подходы) представляется достаточно обоснованным и релевантным с точки зрения цели и задач исследования. В то же время, эмпирическая основа статьи представляется довольно слабой – автор ссылается преимущественно на официальные документы Японии (ист. 2, 3, 12). В том что касается анализа особенностей цифровой модернизации вооруженных сил Южной Кореи, России и Китая, автор опирается либо на аналитику и материалы СМИ, либо на вторичные источники. Как следствие, аргументация и выводы автора в отношении данных кейсов оказываются гораздо менее убедительными, чем в том случае, если бы автор апеллировал напрямую к первоисточникам. Структура статьи в целом выглядит достаточно последовательной – автор обращается к исследованию опыта стран Северо-Восточной Азии, а затем анализирует особенности российских подходов к цифровой модернизации вооруженных сил. В то же время, можно порекомендовать автору выстроить повествование по страновому принципу – то есть, посвятить отдельные параграфы каждому из рассматриваемых кейсов (Китай, Япония, Южная Корея, Россия). Другой вариант – выделить внутри большого раздела «Опыт стран Северо-Восточной Азии в сфере цифровой модернизации вооруженных сил» три подраздела, посвященных Китаю, Японии и Южной Корее. Это позволило бы сделать авторский анализ более структурированным, логичным и понятным для читателя. В заключении лучше отказаться

от перечисления по пунктам особенностей присущих рассмотренных автором кейсов. Вместо этого, лучше изложить полученные исследовательские результаты в виде последовательного повествования. При этом желательно пояснить, что имеется в виду под «алгоритмическим превосходством» Китая, а также каким образом цифровизация ВС помогает Японии «усиливать союзнические функции в архитектуре безопасности США»? В целом, высказанные замечания не носят принципиального характера и могут быть устранены автором в рабочем порядке, после чего статья может быть одобрена к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Гумбатов Н.Ф., Молокоедов Д.И. Военно-техническое сотрудничество между США, Японией и Филиппинами

// Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.77296 EDN: RVIGRK URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77296

Военно-техническое сотрудничество между США, Японией и Филиппинами

Гумбатов Назим Фаризович

ORCID: 0000-0002-3247-3027

аспирант; кафедра Теория и история международных отношений; Российский Университет Дружбы Народов

109652, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Марьинский б-Р, 4, кв. 496

✉ nazimgumbatov@gmail.com

Молокоедов Даниил Игоревич

ORCID: 0009-0003-8088-6621

аспирант; кафедра Теория и история международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая., 10, к. 2.

✉ molokoedovd@bk.ru

[Статья из рубрики "Военно-политические блоки"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.77296

EDN:

RVIGRK

Дата направления статьи в редакцию:

12-12-2025

Дата публикации:

19-12-2025

Аннотация: Предметом исследования является развитие военно-технического сотрудничества между США, Японией и Филиппинами в период с 2022 по 2024 г.. Изучаются конкретные механизмы и направления этого взаимодействия, включающие:

интенсификацию американо-филиппинского альянса и эволюцию японо-филиппинских отношений в сфере безопасности; формирование и институционализацию нового трехстороннего партнерства США-Япония-Филиппины; рассмотрение сотрудничества как элемента более широкой стратегии противодействия влиянию Китая в Индо-Тихоокеанском регионе; анализ причин сближения трех стран, ключевой из которых является реакция на усиление военно-политического давления Китая в Южно-Китайском море; изучение смены внешнеполитического курса Филиппин при администрации президента Фердинанда Маркоса-младшего, что выразилось в отходе от политики балансирования предшественника Родриго Дутерте и решительном возврате к тесному союзу с США. Исследование построено на следующих методах: сравнительно-исторический анализ и системный подход. Комплексный анализ новой трехсторонней конфигурации позволил провести системный анализ становления партнерства США-Япония-Филиппины как самостоятельного и значимого формата региональной безопасности, который часто характеризуется как шаг к созданию «мини-НАТО» в Азии. Было выявлено синергия между военно-техническим и экономическим сотрудничеством. Проведенный в работе анализ выходит за рамки чисто военной сферы, демонстрируя, как проекты в области инфраструктуры (экономический коридор «Лусон») и логистики создают устойчивую основу для военно-политического альянса. Выводом данной статьи стало выявление формирования стратегического треугольника. Военно-техническое сотрудничество между США, Японией и Филиппинами трансформировалось из набора двусторонних связей в сплоченное трехстороннее партнерство, институционализированное на высшем уровне (саммит в Вашингтоне в апреле 2024 года) и подкрепленное конкретными военными, экономическими и инфраструктурными инициативами.

Ключевые слова:

США, Китая, Япония, Филиппины, военно-технического сотрудничества, трехстороннее партнерство, Индо-Тихоокеанский регион, альянс, Южно-Китайское море, противодействие

Введение

Отправной точкой в выстраивании трёхстороннего взаимодействия между США, Японией и Филиппинами послужило осознание американским политическим истеблишментом существенного увеличения сферы влияния Китая как в Тихоокеанском регионе, так и на глобальном уровне. Вашингтон стал выстраивать цепочку военных альянсов, направленных на сдерживание геополитического и экономического расширения Пекина [\[1,с.2\]](#) на международной арене и в различных областях, где наблюдается усиление китайского влияния.

15 сентября 2021 г. сформировался новый, ранее не воспринимавшийся, как что-то возможное и допустимое военно-политический блок, включающий в себя Австралию, Великобританию и США [\[2\]](#). По своей сути данный пакт направлен на противодействие влиянию Китая в спорной акватории Южно-Китайского моря, а также на сдерживание китайской экспансии за рамки его региона. Альянс также предполагает сотрудничество в области кибервозможностей стран-участниц, развитию искусственного интеллекта, квантовых технологий и содействию в улучшении военно-морских возможностей его участников, в частности росту подводного атомного флота. Австралия стала первой

страной, которая воспользовалась данной возможностью для повышения своего ядерного военного потенциала. Вашингтону удалось заключить новый военно-технический контракт с Канберрой на строительство атомных подводных лодок. Ранее аналогичный контракт был заключён между Австралией и Францией, однако на подводные лодки с дизельными двигателями, из-за чего австралийское правительство расторгло сделку с французскими подрядчиками и выбрало более совершенный американский аналог. Участие в новом альянсе предоставило Австралии значительные преимущества, однако привело к дипломатическому конфликту с правительством Франции и вызвало негативную реакцию с их стороны.

Следует также отметить возобновление в марте 2021 г. работы формата консультаций по стратегической безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе — QUAD, который долгое время оставался неактивным и невостребованным. 12 марта состоялся первый видеосаммит стран-участниц, в число которых входят США, Индия, Япония и Австралия. Эту структуру начали называть «Тихоокеанским НАТО»^[3], поскольку, хотя она и не была напрямую нацелена на противодействие Китаю, а фокусировалась на обеспечении региональной безопасности, все её участники в той или иной мере стремились защитить себя от «нарастающей китайской угрозы».

Таким образом, рассматривая две указанные структуры, можно выделить двух ключевых участников. Первым, безусловно, являются Соединённые Штаты, которые активно продвигают и лоббируют создание антикитайского пояса сдерживания в Индо-Тихоокеанском регионе. Вторым государством стоит назвать Японию, которая после Второй мировой войны утвердилась в роли главного и надёжного союзника Вашингтона в Азии. Линия на поддержку американской антикитайской политики чётко прослеживается на протяжении всей истории американо-японского взаимодействия, практически с момента подписания Договора о безопасности между США и Японией в 1951 г. и его последующего пересмотра и укрепления в 1960 г.^[4] Согласно его бессрочным положениям, нападение на одну из сторон приравнивается к нападению на другую. В этой логике налаживание военно-технического сотрудничества между ключевым союзником США — Японией — и другими партнёрами в рамках негласной антикитайской коалиции было лишь вопросом времени. Одним из таких наиболее близких союзников для установления военно-технических связей стали Филиппины, которые с 1898 по 1946 год находились под контролем США. Получив в 1947 г. независимость, Филиппины предоставили США на 99 лет в аренду ряд военных и военно-морских баз, что стало важной основой для сотрудничества с бывшими противниками — японцами.

Противодействие усилению позиций Китая в Индо-Тихоокеанском регионе побуждает Японию и Филиппины к форсированному укреплению оборонительных возможностей. В результате и Токио, и Манила демонстрируют заинтересованность в выстраивании трёхстороннего военно-стратегического альянса с Соединёнными Штатами. Настоящее исследование посвящено анализу факторов, способствующих данному сближению, среди которых приоритетное значение имеет военно-техническое сотрудничество, развивающееся параллельно с экономическими и инфраструктурными проектами. Также в рамках исследования будет рассмотрен начальный этап трансформации двустороннего сотрудничества в трёхстороннее.

От прошлых обид к будущему альянсу

Военно-техническое сотрудничество США, Японии и Филиппин в определённой мере

стало вынужденным шагом, на который страны пошли для реализации своих национальных и геополитических интересов. После Второй мировой войны им удалось достичь примирения с «тяжёлым наследием» прошлого, подчинив его общим стратегическим задачам в противостоянии с Китаем.

Отношения между Японией и Филиппинами были омрачены одной из самых мрачных глав тихоокеанской войны. Трёхлетняя японская оккупация Филиппин в 1942-1945 гг. оставила глубокие травмы. Батаанский марш смерти, резня в Маниле (считаемая наиболее разрушительным событием в истории города), систематические военные преступления — всё это стало частью национальной памяти филиппинцев.

После войны Филиппины оказались одной из самых непримиримых стран в отношении Японии. Требования о репарациях были жёсткими и затянутыми. Даже после подписания мирного договора в 1956 г., общественное мнение и политическая риторика часто возвращались к теме военных преступлений, особенно в периоды политической напряжённости.

Отношения с США у Филиппин также складывались непросто, хотя и по другим причинам. Филиппины являлись единственной прямой колонией США в 1898-1946 гг. Это наследие породило двойственные чувства у филиппинского народа: благодарность за систему образования и инфраструктуру, но и обиду за колониальное высокомерие и жестокое подавление сопротивления (например, во время Филиппино-американской войны). В дальнейшем, после обретения независимости, присутствие крупнейших американских военных баз Кларк и Субик-Бэй стало для многих филиппинских националистов символом неокOLONIALИЗМА. Дебаты о пребывании американских баз на территории страны неоднократно вызвали острые споры в обществе. В 1991 г. филиппинский Сенат, поддавшись волне национализма после извержения вулкана Пинатубо, а также в связи с распадом СССР, проголосовал за закрытие американских баз, что нанесло серьёзный удар по американо-филиппинскому сотрудничеству.

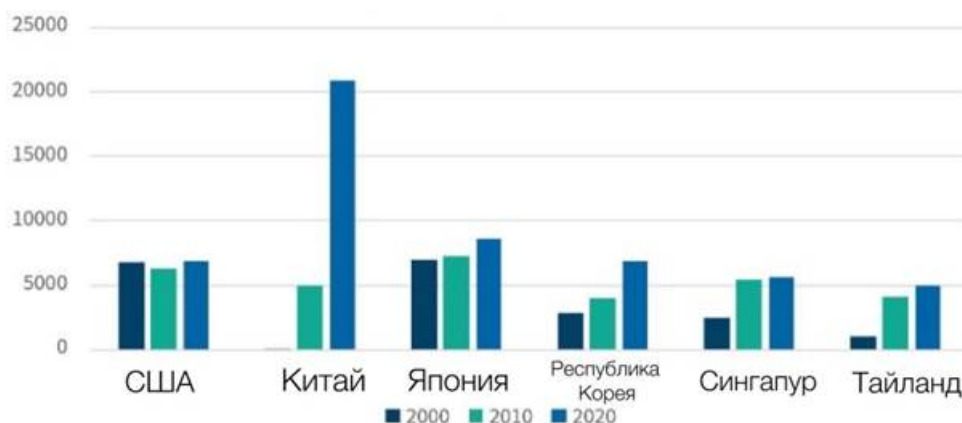
Сравнивая начало восстановления и налаживания отношений с японской и американской сторон, можно отметить разницу в подходах США к формированию основы для будущего взаимодействия. США подчинили и трансформировали японское общество, заменив милитаристский уклад на более мирный, где главным «другом» и гарантом безопасности страны выступил Вашингтон — через размещение своих военных баз на территории Японии и заключение с ней оборонительных и инвестиционных соглашений.

Отношения же Филиппин с Японией потребовали долгого восстановительного периода из-за милитаристского и имперского прошлого Токио в регионе. Япония избрала стратегию «мягкой силы» и экономического заглаживания вины. С 1960-х гг. она стала крупнейшим донором помощи Филиппинам, предоставляя льготные кредиты, гранты на инфраструктуру и финансируя проекты развития. Кроме того, волна японской поп-культуры (аниме, J-роп, технологии) создала новый, позитивный образ Японии для филиппинской молодёжи и способствовала росту её имиджа в стране. Подобная практика «мягкой силы» является базисом и ключевым приоритетом японской внешней политики в отношении всего мирового сообщества.

Вплоть до 2010-х гг. двусторонние отношения Японии и Филиппин развивались преимущественно в экономическом ключе, что отражало послевоенную внешнеполитическую доктрину Токио, основанную на «экономической дипломатии». Данные по внешней торговле Филиппин (рис. 1 и 2) подтверждают, что Япония с 1990-х г. была одним из ключевых экономических акторов для Манилы, выступая также

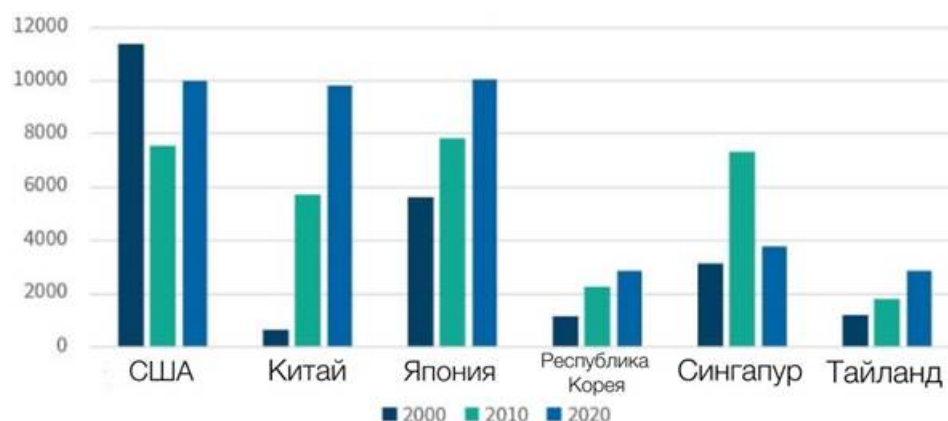
крупнейшим донором в рамках своей национальной гуманитарной программы «официальной помощи развитию» (ODA) [\[5\]](#). Эта помощь, однако, критически анализируется как инструмент «мягкой силы», обеспечивающий Японии политическое влияние, доступ к рынкам и укрепляющий её стратегические позиции в регионе, а не являющийся исключительно гуманитарным жестом. Частые визиты филиппинских президентов в Японию (рис. 3) в этот период символизировали именно эту экономико-центричную модель отношений.

Рисунок 1: Основные торговые партнеры Филиппин - Импорт

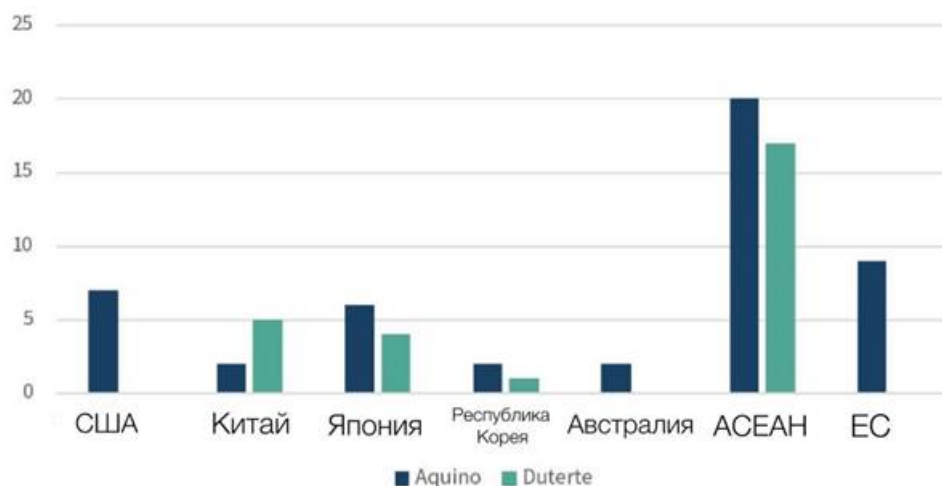
Источник: Данные World Integrated Trade Solution [\[6\]](#).

Рисунок 2: Основные торговые партнеры Филиппин – Экспорт

Источник: Данные World Integrated Trade Solution [\[6\]](#).

Рисунок 3: Визиты Акино и Дутерте к основным партнерам

Источник: Составлено и переведено авторами на основе Asia Dōkō Nenpō [\[7\]](#).

Переход к сотрудничеству в области безопасности в начале 2000-х годов отличался осторожностью и реактивностью. Соглашение между премьер-министром Японии Коидзуми и президентом Филиппин Арройо в 2001 г. [\[8\]](#), заключённое на фоне глобальной антитеррористической повестки после событий 11 сентября, и последующее партнёрство, продолженное в 2006 г. премьер-министром Японии Синдзо Абэ и президентом Филиппин Макапагал-Арройо. Тем не менее, несмотря на дружественную риторику о «всеобъемлющем сотрудничестве», на практике они свелись к созданию диалоговых площадок (политический диалог по безопасности) и взаимодействию в относительно «мягких», невоенных сферах, таких как борьба с торговлей людьми. Принципиально важно, что эти меры не предполагали конкретных оборонительных обязательств или передачи военных технологий. Основным механизмом взаимодействия оставалось многостороннее участие в структурах АСЕАН (Саммит Япония-АСЕАН, Восточноазиатский саммит, Региональный форум АСЕАН), что позволяло обеим сторонам сохранять дистанцию и избегать прямой конфронтации с Китаем, чьё экономическое влияние в регионе стремительно усиливалось [\[9, с. 4\]](#).

Таким образом, вплоть до 2012 г. партнёрство оставалось в значительной степени символическим и институционально ограниченным. Отсутствие формальных оборонных соглашений было не случайностью, а осозанным выбором, отражавшим как конституционные ограничения Японии (статья 9) [\[10\]](#), так и нежелание Филиппин, всё ещё связанных тесными узами с Вашингтоном по договору о взаимной обороне, делать резкие геополитические шаги. Лишь внешний шок в виде открытой демонстрации Китаем растущей военно-морской мощи и территориальных претензий в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях после 2010 г. заставил Токио и Манилу пересмотреть этот статус-кво. Их сотрудничество до этого момента можно охарактеризовать как превентивную экономическую и дипломатическую подготовку почвы, которая, однако, оказалась недостаточной перед лицом прямого силового давления, что и обусловило последующую, уже при Акино, радикализацию и милитаризацию японо-филиппинских отношений.

«Треугольник силы» в Индо-Тихоокеанском регионе

Для современного дискурса об Индо-Тихоокеанском регионе, в особенности в его американской трактовке, характерна ярко выраженная антикитайская направленность. Критики справедливо указывают, что такая риторика сама по себе становится дестабилизирующим фактором, провоцируя спираль безопасности и оставляя все меньше пространства для дипломатии. При администрации Д. Трампа ухудшение американо-китайских отношений интенсифицировалось и стало принимать более откровенные и системные формы. Кроме того, вопреки ожиданиям многих аналитиков на смягчение курса Вашингтона в отношении Пекина с приходом к власти администрации Дж. Байдена, на практике наблюдается значительная преемственность внешнеполитической стратегии США по сдерживанию Китая, которую можно определить как «всеобъемлющее сдерживание КНР». Однако ключевое отличие подходов двух администраций заключается в стиле: Байден делает ставку на восстановление и укрепление альянсов, что делает антикитайскую коалицию более прочной и институализированной, а значит, и более долговечной. [\[11, с.2\]](#)

Первый трёхсторонний саммит США, Японии и Филиппин, состоявшийся в Вашингтоне 11–12 апреля 2024 г., стал не внезапным событием, а логичным итогом длительной эволюции альянсов и фундаментального сдвига в региональной политике.

Предыстория саммита уходит корнями в сеть двусторонних союзов, созданных во времена холодной войны, которые в 2020-х г. начали активно сближаться.

Основа отношений США и Филиппин была заложена Договором о взаимной обороне 1951 г.. Ключевым инструментом современного сотрудничества является Соглашение об усилении оборонного сотрудничества (EDCA) 2014 г. [\[12\]](#), разрешающее присутствие и ротацию американских войск на филиппинских базах. Важной предпосылкой саммита стало решение администрации президента Филиппин Фердинанда Маркоса-младшего в феврале 2023 г. предоставить США доступ к четырём дополнительным военным объектам, включая базы, расположенные вблизи Тайваня.

Альянс между США и Японией, оформленный Договором о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г., является краеугольным камнем американской стратегии в Азии. В последние годы Япония провела исторические реформы, увеличив оборонные расходы и получив возможность защищать союзников (право на коллективную самооборону), что превратило её в гораздо более активного военного партнёра США.

Отношения же между Японией и Филиппинами стали связующим звеном для трёхстороннего формата. В ноябре 2023 г. лидеры двух стран договорились начать работу над Соглашением о взаимном доступе (RAA) [\[13\]](#), которое было успешно подписано в июле 2024 г. Это соглашение упрощает размещение военных контингентов друг друга для проведения учений и операций, создавая правовую основу для тесного взаимодействия.

Таким образом, к моменту саммита три страны были связаны прочными и модернизированными двусторонними соглашениями, которые естественным образом создали основу для трёхсторонней координации.

Непосредственным катализатором, ускорившим созыв саммита, послужило резкое обострение ситуации в Южно-Китайском море, в особенности между Китаем и Филиппинами. С 2023 года Китай усилил давление на Филиппины в районе спорных островов, применяя тактику «серой зоны»: суда береговой охраны КНР использовали лазеры боевого класса, мощные водомёты и осуществляли опасные манёвры, чтобы

препятствовать снабжению филиппинских гарнизонов, повреждая катера и причиняя травмы членам экипажей. Данные действия совпали со сменой внешнеполитического курса в Маниле. Президент Маркос-младший, пришедший к власти в 2022 году после Родриго Дутерте, взял чёткий проамериканский курс. В противоположность своему предшественнику, стремившемуся к сближению с Пекином, Маркос-младший потребовал от Китая соблюдения решения международного арбитража 2016 года и открыто начал укреплять оборонительный союз с США. Согласно оценкам экспертов, жёсткая линия Китая была отчасти спровоцирована именно этим разворотом и представляла собой попытку принудить Филиппины вернуться к прежней политике [\[14, с. 11\]](#).

В основе происходящего лежала более масштабная стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе. Американская администрация целенаправленно выстраивает сеть гибких, минилатеральных союзов [\[15, с. 5\]](#), которые взаимодействовали бы не только с Вашингтоном, но и друг с другом.

Формат США-Япония-Филиппины стал новым звеном в этой сети, куда также входят Quad, AUKUS и трёхстороннее партнёрство США-Япония-Южная Корея. Подобная стратегия нацелена на формирование «второго оборонительного периметра» против Китая, где Филиппины, благодаря своему ключевому географическому положению, выполняют критически важную роль.

Таким образом, саммит в апреле 2024 г. стал официальным политическим оформлением и кульминацией нескольких взаимосвязанных процессов: укрепления прежних альянсов, ответа на силовое давление в Южно-Китайском море и реализации новой американской стратегии по формированию коалиций в Индо-Тихоокеанском регионе.

Также стоит отметить, что саммит США, Японии и Филиппин дал старт проекту «Лусонский экономический коридор» [\[16\]](#), а также сотрудничеству в сферах цифровой инфраструктуры, чистой энергетики, полупроводников и добычи критически важных минералов. Однако за декларируемыми целями развития скрывается стремление к военно-стратегическому усилению и геоэкономическому противостоянию с Китаем.

Провозглашённые экономические инициативы обладают явным двойным назначением. Создание «Лусонского экономического коридора», формально ориентированного на развитие инфраструктуры, может иметь ключевой подтекст — интеграцию и модернизацию объектов в районах бывших американских военных баз Кларк и Субик-Бэй [\[17, с. 46\]](#). Это создаст предпосылки для их превращения в передовые, логистически связанные узлы постоянного военного присутствия США и их союзников. Подобная практика соответствует «технике камуфляжа», когда инвестиции в гражданскую инфраструктуру служат долгосрочным военно-оперативным задачам.

Акцент на редкоземельных ресурсах (в частности, никеле) и полупроводниках раскрывает вторую стратегическую цель: ослабление региональных цепочек поставок, где доминирует Китай. Данный подход представляет собой попытку сформировать замкнутые технологические и ресурсные альянсы, исключая геополитического конкурента. Это способно искусственно разделить глобальные рынки, повысить издержки и спровоцировать ответные протекционистские меры, подрывая основы многосторонней торговой системы [\[18, с. 20\]](#).

Интерес США и Японии к усилению Филиппин объясняется не только сдерживанием Китая, но и необходимостью компенсировать ограниченность своей сети альянсов. Нежелание других крупных региональных игроков (таких как Индия) присоединяться к

открыто конфронтационным блокам делает Филиппины, в силу их географического положения и наличия территориального спора с Китаем, критически важным, но по своей сути асимметричным партнером. Это сотрудничество позволяет США закрепить право на использование ключевых баз, потенциально размещая там ударные средства, а Японии — опробовать новые формы силовой проекции.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что формирование трёхстороннего стратегического партнёрства между США, Японией и Филиппинами является закономерным результатом глубоких структурных сдвигов в системе международных отношений Индо-Тихоокеанского региона. Это не спонтанный альянс, а итог многолетней эволюции, движимой комплексом факторов, ключевым из которых выступает растущее восприятие Китая как стратегического вызова.

Во-первых, основой для трёхстороннего формата послужили модернизированные двусторонние союзы времен Холодной войны (США-Япония и США-Филиппины), которые в последнее десятилетие были существенно усилены в ответ на усиление китайского влияния. Решающим связующим звеном стало преодоление исторического антагонизма между Японией и Филиппинами, чему способствовала долгосрочная стратегия Токио, сочетавшая «мягкую силу», экономическую дипломатию и, в конечном счете, переход к военно-техническому сотрудничеству под давлением китайской силовой политики в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях.

Во-вторых, непосредственным катализатором ускоренной институционализации треугольника «Вашингтон – Токио – Манила» стала открытая эскалация напряжённости в Южно-Китайском море с 2023 г. и кардинальный внешнеполитический разворот Филиппин при президенте Ф. Маркосе-младшем в сторону тесного альянса с США. Это создало ситуативную потребность в координации для сдерживания силового давления и обеспечения региональной безопасности.

В-третьих, трёхстороннее сотрудничество является составным элементом более широкой стратегии США по созданию сети взаимосвязанных и гибких минилатеральных форматов (AUKUS, QUAD, США-Япония-Южная Корея) для «всеобъемлющего сдерживания» Китая. В этой архитектуре Филиппины, благодаря своему критическому географическому положению, превращаются в ключевое звено «второго оборонного периметра».

В-четвертых, экономические инициативы, анонсированные в рамках партнёрства (например, «Лусонский экономический коридор»), носят выраженный стратегический характер с элементами «двойного назначения». Они направлены не только на развитие, но и на укрепление логистической и ресурсной базы альянса США, Японии и Филиппин, стремясь снизить зависимость от Китая в критически важных цепочках поставок и создать инфраструктурный каркас для долгосрочного военного присутствия.

Таким образом, трёхсторонний формат США-Япония-Филиппины представляет собой трансформацию прежних двусторонних моделей в новую, более комплексную и многоуровневую структуру кооперации. Его возникновение отражает переход от преимущественно экономической и диалоговой региональной динамики к эре открытой силовой конкуренции и формирования противостоящих блоков. Успех и устойчивость этого «треугольника силы» будут зависеть как от внутренней политической воли участников, так и от реакции Китая, что определяет высокий потенциал дальнейшей

милитаризации и фрагментации стратегического ландшафта Индо-Тихоокеанского региона.

Библиография

1. Гумбатов Н.Ф., Кун С. Минилатеральные союзы в американской стратегии сдерживания КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Конфликтология / nota bene. 2023. № 1. С. 1-10. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39633 EDN: CXCNSM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39633
2. Joint Leaders Statement on AUKUS / Prime Minister of Australia Scott Morrison; Prime Minister of the United Kingdom Boris Johnson; President of the United States of America Joseph R. Biden. 16 сентября 2021. URL: <https://web.archive.org/web/20210927191438/https://www.pm.gov.au/media/joint-leaders-statement-aukus>
3. The Quad: What It Is – And What It Is Not. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://thediplomat.com/2021/03/the-quad-what-it-is-and-what-it-is-not/>
4. 日本国とアメリカ合衆国との間の相互協力及び安全保障条約. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/usa/hosho/jyoyaku.html>
5. Official Development Assistance (ODA). // Ministry of Foreign Affairs of Japan. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/summary/1997/09.html>
6. World Integrated Trade Solution. Philippines major trading partner countries. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/PHL/Year/2000/TradeFlow/EXPIMP>
7. Asia Dōkō Nenpō [Yearbook of Asian Affairs]. Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organization, yearly editions 2010–2021. URL: <https://www.ide.go.jp/Japanese/Publish/Books/Doko.html>
8. Koizumi, Arroyo condemn attack. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.japantimes.co.jp/news/2001/09/14/national/koizumi-arroyo-condemn-attack/>
9. Tonosaki, Kojiro. Progress in Security Cooperation between Japan and the Philippines. Aiming for a Quasi-Alliance: Building a More Robust Japan-Philippines Security Partnership. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2022. С. 3-8. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep42756.4>
10. Конституция Японии 1946 года. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf>
11. Молокоедов Д.И. Политика США в Юго-Восточной Азии в контексте "разворота в АТР" // Международные отношения. 2025. № 4. С. 39-59. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.4.75975 EDN: GYDQVF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75975
12. Filipinos asked: Who do you want on your side? [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://globalnation.inquirer.net/133741/filipinos-asked-who-do-you-want-on-your-side>
13. Japan-Philippines Relations. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.mofa.go.jp/s_sa/sea2/ph/pageite_000001_00432.html
14. Taniguchi, Miyoko. Japan, the Philippines, and the United States: A New Era of Partnership through Trilateral Defense and Security Cooperation. East-West Center, 2024. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep61474>
15. Poling, Gregory B., Andreyka Natalegawa, and Danielle Fallin. Building a U.S.-Japan-Philippines Triad. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2023. URL:

<http://www.jstor.org/stable/resrep47344>

16. What's in the Philippines' Luzon Corridor? [Электронный ресурс] / Режим доступа:

<https://thediplomat.com/2024/04/whats-in-the-philippines-luzon-corridor>

17. Мишин И.О. Альянс США-Японии-Филиппин: Новый формат сдерживания КНР? // Азия и Африка сегодня. 2023. № 10. С. 45-52. DOI: 10.31857/S032150750028104-6. EDN: FNRGIM.

18. Кулешова Н. С., Чжан Чэньи. США-Япония-Филиппины: Рождение нового военного альянса в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2024. № 3. DOI: 10.56429/2414-4894-2024-49-3-19-40. EDN: GTZKCS.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня все чаще различные эксперты говорят о том, что на смену евро-атлантическому региону приходит азиатско-тихоокеанский регион. И действительно, ведь в этом регионе находятся такие акторы, как США, Япония, Китай, да и Россия все активнее стремится к развитию дальневосточного региона (приведем здесь в качестве примера деятельность Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики). В этой связи вызывает интерес изучение межгосударственного сотрудничества в зоне АТР.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является военно-техническое сотрудничество между США, Японией и Филиппинами. Автор ставит своими задачами определить причины военно-технического сотрудничества США, Японии и Филиппин, а также показать трансформацию прежних двусторонних моделей в новую, более комплексную и многоуровневую структуру кооперации.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать «треугольник силы» в динамично развивающемся регионе.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего в список литературы входит 18 различных источников и исследований, при этом автор использует англоязычную литературу, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором исследований отметим работы Д.И. Молокоедова, Н.С. Кулешовой и Чжан Чэньи, К. Тоносаки, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения деятельности ведущих акторов в АТР. Также автор привлекает в качестве источниковой базы зарубежные интернет-ресурсы. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований в известной мере способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как современными международными отношениями, в целом, так и АТР, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней

можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «отправной точкой в выстраивании трёхстороннего взаимодействия между США, Японии и Филиппинами стало начала укоренения в мышлении у американского истеблишмента о значительном росте сферы влияния Китая как в Тихоокеанском регионе, так и на глобальном уровне». Автор подчеркивает, что «вопреки ожиданиям многих аналитиков на смягчение курса Вашингтона в отношении Пекина с приходом к власти администрации Дж. Байдена, на практике наблюдается значительная преемственность внешнеполитической стратегии США по сдерживанию Китая, которую можно определить как «всеобъемлющее сдерживание КНР». В работе показано, что «экономические инициативы, анонсированные в рамках партнёрства (например, «Лусонский экономический коридор»), носят выраженный стратегический характер с элементами «двойного назначения». Они направлены не только на развитие, но и на укрепление логистической и ресурсной базы альянса США, Японии и Филиппин, стремясь снизить зависимость от Китая в критически важных цепочках поставок и создать инфраструктурный каркас для долгосрочного военного присутствия».

Главным выводом статьи является то, что трёхсторонний формат США-Япония-Филиппины «отражает переход от преимущественно экономической и диалоговой региональной динамики к эре открытой силовой конкуренции и формирования противостоящих блоков. Успех и устойчивость этого «треугольника силы» будут зависеть как от внутренней политической воли участников, так и от реакции Китая, что определяет высокий потенциал дальнейшей милитаризации и фрагментации стратегического ландшафта Индо-Тихоокеанского региона».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 3 рисунками, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий формирования международных отношений.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня все чаще различные эксперты говорят о том, что на смену евро-атлантическому региону приходит азиатско-тихоокеанский регион. И действительно, ведь в этом регионе находятся такие акторы, как США, Япония, Китай, да и Россия все активнее стремится к развитию дальневосточного региона (приведем здесь в качестве примера деятельность Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики). В этой связи вызывает интерес изучение межгосударственного сотрудничества в зоне АТР.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является военно-техническое сотрудничество между США, Японией и Филиппинами. Автор ставит своими задачами определить причины военно-технического сотрудничества США, Японии и Филиппин, а также показать трансформацию прежних двусторонних моделей в новую, более комплексную и

многоуровневую структуру кооперации.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать «треугольник силы» в динамично развивающемся регионе.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего в список литературы входит 18 различных источников и исследований, при этом автор использует англоязычную литературу, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором исследований отметим работы Д.И. Молокоедова, Н.С. Кулешовой и Чжан Чэньи, К. Тоносаки, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения деятельности ведущих акторов в АТР. Также автор привлекает в качестве источниковой базы зарубежные интернет-ресурсы. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований в известной мере способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как современными международными отношениями, в целом, так и АТР, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «отправной точкой в выстраивании трёхстороннего взаимодействия между США, Японией и Филиппинами стало начала укоренения в мышлении у американского истеблишмента о значительном росте сферы влияния Китая как в Тихоокеанском регионе, так и на глобальном уровне». Автор подчеркивает, что «вопреки ожиданиям многих аналитиков на смягчение курса Вашингтона в отношении Пекина с приходом к власти администрации Дж. Байдена, на практике наблюдается значительная преемственность внешнеполитической стратегии США по сдерживанию Китая, которую можно определить как «всеобъемлющее сдерживание КНР». В работе показано, что «экономические инициативы, анонсированные в рамках партнёрства (например, «Лусонский экономический коридор»), носят выраженный стратегический характер с элементами «двойного назначения». Они направлены не только на развитие, но и на укрепление логистической и ресурсной базы альянса США, Японии и Филиппин, стремясь снизить зависимость от Китая в критически важных цепочках поставок и создать инфраструктурный каркас для долгосрочного военного присутствия».

Главным выводом статьи является то, что трёхсторонний формат США-Япония-Филиппины «отражает переход от преимущественно экономической и диалоговой региональной динамики к эре открытой силовой конкуренции и формирования противостоящих блоков. Успех и устойчивость этого «треугольника силы» будут зависеть как от внутренней политической воли участников, так и от реакции Китая, что определяет высокий потенциал дальнейшей милитаризации и фрагментации стратегического ландшафта Индо-Тихоокеанского региона».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 3 рисунками, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий формирования международных отношений.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ориомоджор Д., Пищерская Е.Н., Шаренкова Т.А. Китайско-нигерийское стратегическое взаимодействие в рамках инициативы «один пояс — один путь»: вызовы и пути их преодоления // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.77184 EDN: QRUMLD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77184

Китайско-нигерийское стратегическое взаимодействие в рамках инициативы «один пояс — один путь»: вызовы и пути их преодоления

Ориомоджор Джазвилл

магистр; кафедра основ марксизма; Хэбэйский педагогический университет

Китай, провинция Хэбэй, город Шицзячжуан, район Юйхуа, № 20 по Южному Второму кольцу Восточной дороги

✉ oriomojorjahswill@gmail.com

Пищерская Елена Николаевна

ORCID: 0000-0002-4487-3845

кандидат филологических наук

доцент, зав. кафедрой; кафедра иностранных языков; Читинский институт ФГБОУ ВО "Байкальский государственный университет"

Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Анохина, д. 56 ауд, кв. 57

✉ kishana@inbox.ru

Шаренкова Татьяна Аркадьевна

кандидат философских наук

доцент, кафедра иностранных языков; Читинский институт ФГБОУ ВО "Байкальский государственный университет"

672000, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Анохина, д. 56

✉ laoshi68@mail.ru

[Статья из рубрики "Институты урегулирования международных и внутривластных конфликтов"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.77184

EDN:

QRUMLD

Дата направления статьи в редакцию:

09-12-2025

Дата публикации:

23-12-2025

Аннотация: Инициатива «Один пояс и один путь» была выдвинута Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году для содействия сотрудничеству и развитию инфраструктуры, с целью возрождения древних торговых путей Великого Шелкового пути, которые соединяли Китай с Азией, Европой и Африкой. Растущее присутствие Китая в Нигерии стимулирует создание рабочих мест, строительство инфраструктуры, повышение уровня образования и экономическое развитие, позиционируя Китай как крупное инвестиционное направление и торгового партнера в Африке. Объектом исследования является китайско-нигерийское стратегическое партнерство в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). Предмет исследования – влияние и реализация проектов ОПОП на развитие инфраструктуры Нигерии, а также сравнительная эффективность и характерные особенности данных проектов по сравнению с предыдущими двусторонними инфраструктурными соглашениями между Китаем и Нигерией. Методология исследования включает историко-хронологический анализ эволюции китайско-нигерийских отношений, структурный анализ взаимодействия по пяти ключевым направлениям, сравнительный анализ проектов в рамках ОПОП и предыдущих двусторонних инфраструктурных соглашений, а также проблемно-ориентированный анализ для выявления и систематизации вызовов и предлагаемых путей их преодоления на государственном, корпоративном и политическом уровнях. Новизна исследования заключается в системном сравнении проектов эпохи ОПОП (после 2013 г.) с предыдущими китайско-нигерийскими инфраструктурными соглашениями (2001–2012 гг.) по ключевым параметрам: масштаб, финансирование, стратегический статус и характер рисков. Статья содержит комплексный анализ рисков в контексте ОПОП – в отличие от исследований, фокусирующихся лишь на экономических или дипломатических аспектах, данная работа предлагает структурированный анализ многослойных вызовов для реализации ОПОП в Нигерии, выделяя в отдельные блоки проблемы безопасности (терроризм, бандитизм, похищения), институционально-правовые барьеры (непрозрачность, коррупция) и геополитическую конкуренцию (давление со стороны США, ЕС и других акторов). Сделан акцент на трансформацию отношений: работа учитывает и анализирует новейший этап – повышение отношений до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства в сентябре 2024 года, рассматривая это как логичное завершение и институционализацию сотрудничества в рамках ОПОП, а не как отдельное событие.

Ключевые слова:

Китай, Нигерия, Пояс и Путь, инициатива, вызовы и ответы, стратегическое согласование, развитие, инфраструктура, сотрудничество, возможность взаимодействия

Введение

Инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), инициированная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году, представляет собой масштабную внешнеполитическую стратегию, направленную на финансирование и развитие обширной трансконтинентальной инфраструктурной сети, призванной возродить древние торговые

пути Шелкового пути, соединявшие Китай с Азией, Европой и Африкой^[1]. ОПОП строится на пяти основных принципах: координация политики, инфраструктурная связанность, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и контакты между людьми. Главная цель ОПОП – устранение инфраструктурных пробелов в странах с низким и средним уровнем дохода посредством инвестиций в крупномасштабные проекты, такие как строительство автомобильных и железных дорог, портов и энергетической инфраструктуры. Особое внимание уделяется Африке ввиду ее огромных потребностей в инфраструктуре. Нигерия является одним из крупнейших получателей инфраструктурных кредитов в рамках ОПОП в Африке. Реализация ОПОП Нигерией способствовала финансированию и возобновлению ключевых инфраструктурных проектов, часто за счет кредитов и партнерских отношений с китайскими компаниями и финансовыми учреждениями. Инициатива согласована с Генеральным планом комплексной инфраструктуры Нигерии (NIIMP – Nigeria's National Integrated Infrastructure Master Plan) и увеличила участие Китая в развитии инфраструктуры Нигерии^[1]. До того, как Нигерия присоединилась к инициативе «Один пояс, один путь», Китай и Нигерия сотрудничали по некоторым направлениям. Так, в период с 2001 по 2012 год было подписано несколько меморандумов о взаимопонимании и двусторонних кредитных соглашениях, охватывающими строительство железнодорожной, портовой и энергетической инфраструктуры. Однако есть свидетельства того, что китайские компании часто не выполняли или не завершали существенные проекты в этот период, в частности из-за недостаточного финансирования со стороны правительства Китая и задержек по контрактам. Ключевая инфраструктура Нигерии, особенно железные дороги и порты, имеет огромный инфраструктурный пробел. По некоторым оценкам, Нигерии необходимо инвестировать около 3 триллионов долларов или 100 миллиардов долларов в год в течение следующих 30 лет, чтобы восполнить этот пробел. После начала реализации инициативы «Один пояс, один путь» Китай предоставил большой объем финансирования различных инфраструктурных проектов в Нигерии, особенно строительства железных дорог и портов. Однако поток кредитов в рамках ОПОП вызвал споры и критику относительно реализации проекта, прозрачности и приемлемого уровня задолженности, а также опасения, что инициатива «Один пояс, один путь» может привести Нигерию в долговую яму. Люди также сомневаются, отличаются ли проекты, финансируемые в рамках инициативы «Один пояс, один путь», от более ранних неудачных инфраструктурных проектов Китая в Африке^[1].

Существующие исследования изучают различные аспекты отношений между Китаем и Нигерией, уделяя особое внимание торговле, инвестициям и предыдущим соглашениям о предоставлении ресурсов в обмен на инфраструктуру, однако влиянию ОПОП на развитие инфраструктуры в Нигерии уделяется недостаточно внимания. Результаты текущих исследований не позволяют в полной мере определить, представляет ли собой ОПОП существенный сдвиг по сравнению с предыдущими китайскими проектами в Нигерии, которые сопровождались задержками, отказом от проектов и некачественным строительством, или же она достигла существенных целей развития инфраструктуры^[1], особенно связанных со строительством железнодорожной и портовой инфраструктуры, а также объяснить причины провала некоторых предыдущих соглашений, таких как соглашение «нефть в обмен на инфраструктуру».

Цель данного исследования – определить уровень реализации проектов ОПОП в Нигерии и определить, существенно ли они отличаются от предыдущих двусторонних соглашений об инфраструктуре. Исследование построено на качественной методологии анализа документов и вторичных данных. Основу составил дескриптивный и сравнительный

анализ широкого круга источников, включая официальные документы и заявления, академические публикации и аналитические отчеты, экономическая и финансовая статистика, новостные и проблемно-аналитические материалы.

Методология исследования включает:

- **Историко-хронологический анализ** эволюции китайско-нигерийских отношений с 1971 года до всеобъемлющего стратегического партнёрства 2024 года.
- **Структурный анализ** взаимодействия по пяти ключевым направлениям («пяти связям») ОПОП: координация политики, инфраструктурная связанность, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и сближение народов.
- **Сравнительный анализ** для ответа на ключевой вопрос исследования: чем проекты в рамках ОПОП отличаются от предыдущих двусторонних инфраструктурных соглашений.
- **Проблемно-ориентированный анализ** для выявления и систематизации вызовов (безопасность, экономика, геополитика) и предлагаемых путей их преодоления на государственном, корпоративном и политическом уровнях.

Таким образом, исследование носит междисциплинарный характер, синтезируя подходы из международных отношений, экономики, политологии и анализа безопасности.

Обзор китайско-нигерийских отношений

Стратегическое партнёрство между Китаем и Нигерией развивалось на протяжении пяти десятилетий, начиная с установления дипломатических отношений в 1971 году, и превратилось во всеобъемлющий и многомерный альянс, ориентированный на политическое, экономическое, культурное и военное сотрудничество.

Дипломатические отношения между Нигерией и Китаем были официально установлены 10 февраля 1971 года, через десятилетие после обретения Нигерией независимости от британского колониального правления. Отношения развивались на основе взаимного признания и расширения двусторонней торговли. Китай стал ключевым политическим союзником и важным рынком для нигерийской нефти, в то время как поддержка Нигерией политики «Единого Китая» продемонстрировала дипломатическую солидарность, несмотря на некоторые геополитические разногласия в Африке.

Китай наращивал военное сотрудничество и объёмы помощи, направляемой на развитие военной инфраструктуры через поставки оружия, особенно когда западные страны воздерживались от такой поддержки в период проблем с безопасностью в дельте Нигера. В 2005 году Китай и Нигерия подписали меморандум о взаимопонимании для официального установления стратегического партнёрства, что стало важной вехой в экономическом, политическом и культурном сотрудничестве двух стран. В этот период объёмы двусторонней торговли выросли, достигнув миллиардов долларов США. Китай значительно инвестировал в инфраструктурные проекты, такие как лицензии на добычу нефти, модернизация железнодорожных сетей и создание свободных торговых зон. Китай также помог Нигерии запустить её первый телекоммуникационный спутник NigComSat-1 в 2007 году [\[1\]](#). Увеличился уровень обменов: китайские лидеры посещали Нигерию, а нигерийские официальные лица участвовали в мероприятиях в Китае, что способствовало практическому сотрудничеству в различных секторах, включая сельское хозяйство, телекоммуникации, энергетику и инфраструктуру. Углубилось сотрудничество в таких сферах, как образование, культура и безопасность. Китай учредил Институты Конфуция и культурные центры в Нигерии для продвижения культурного обмена и языкового образования. Также расширилось медийное партнёрство, усилив влияние Китая в Нигерии.

В сентябре 2024 года отношения были повышены до уровня всеобъемлющего стратегического партнёрства. Это повышение включало создание «Сообщества единой судьбы Китая и Нигерии высокого уровня», укрепление взаимного доверия, расширение сотрудничества в сферах торговли, инфраструктуры, сельского хозяйства, технологий, безопасности и культуры, а также содействие совместным усилиям по продвижению развития глобального Юга. Партнёрство ориентировано на широкомасштабное экономическое развитие, трансфер технологий, инфраструктурную взаимосвязанность, проекты в области возобновляемой энергии и региональную безопасность.

Инициатива «Один пояс, один путь»

Инициатива «Один пояс, один путь», также известная как «Новый шёлковый путь», представляет собой амбициозную глобальную стратегию развития инфраструктуры, предложенную председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году^[2]. Инициатива направлена на финансирование и строительство обширной трансконтинентальной инфраструктурной сети для возрождения древних торговых путей Шёлкового пути, соединяющих Китай с Азией, Европой и Африкой^[1]. За последнее десятилетие сотрудничество в рамках ОПОП расширилось за пределы Китая: более 150 стран и более 30 международных организаций подписали документы о сотрудничестве. ОПОП трансформировалась из концепции в действия, привлекла почти 1 трлн долларов США инвестиций через более чем 3000 проектов сотрудничества и помогла 40 миллионам человек выйти из бедности. Она стала широко признанным международным общественным благом и важной платформой глобального сотрудничества.

ОПОП основывается на пяти принципах: координация политик, инфраструктурная взаимосвязанность, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и сближение народов^[3]. Одна из её главных целей – устранение инфраструктурных разрывов в странах с низким и средним уровнем дохода путём инвестиций в крупные проекты, такие как дороги, железные дороги, порты и энергетическая инфраструктура^[1]. Посредством ОПОП Китай надеется создать расширенный взаимозависимый рынок, усилить свою экономическую и политическую мощь и создать условия для развития высокотехнологичной экономики. Инициатива также направлена на стимулирование экономики центральных провинций Китая, которые исторически отставали от более богатых прибрежных регионов.

Экономический пояс Шёлкового пути – план по оживлению сухопутных торговых маршрутов, связывающих Европу и Азию, в основном с привлечением китайских экспертов. Программа «Морской шёлковый путь XXI века» направлена на создание новой морской торговой инфраструктуры вдоль древнего маршрута Марко Поло, соединяющего Китай, Юго-Восточную Азию, Африку и Европу, и позволяющего избегать пролива Малакка. ОПОП является широкомасштабной: 147 стран (представляющих две трети мирового населения и 40% глобального ВВП) присоединились к связанным проектам или выразили заинтересованность. Эксперты оценивают, что Китай инвестировал около 1 трлн долларов США в эти проекты, а общие расходы могут достичь 8 трлн долларов США за срок реализации ОПОП. Помимо физической инфраструктуры, Китай финансировал сотни специальных экономических зон, предназначенных для создания рабочих мест, и способствовал принятию своих технологических продуктов, таких как сети 5G от Huawei, другими странами^[4].

Ключевые сферы сотрудничества Китая и Нигерии в рамках ОПОП

Данное партнёрство отражает общее видение роста, основанного на взаимном уважении и сотрудничестве, и несет новые возможности обеим странам. Китай и Нигерия сотрудничают во многих областях, таких как:

- Торговля и инвестиции. Китай и Нигерия имеют устойчивые и расширяющиеся торговые и инвестиционные отношения, при этом Китай активно поддерживает рост двусторонней торговли и сотрудничество в ключевых секторах, таких как развитие энергетики и добычи полезных ископаемых. Нигерия также поощряет инвестиции китайских компаний в другие сектора для стимулирования экономической диверсификации страны. Объём двусторонней торговли между Китаем и Нигерией превысил 15,1 млрд долларов США.

- Инфраструктурное строительство. Сотрудничество между Китаем и Нигерией включает углубление взаимодействия в области инфраструктурной взаимосвязанности. Китай поддерживает Нигерию в развитии транспорта, портов, свободных торговых зон и т.д., для достижения промышленной интеграции и связности, а также создания флагманского проекта трансграничного и трансрегионального сотрудничества в Западной Африке [\[5\]](#).

- Финансовое сотрудничество. Обе страны поощряют гибкое региональное, валютное и финансовое сотрудничество. Соглашение о валютном свопе между Китаем и Нигерией действует в течение трёх лет и может быть продлено по взаимному согласию сторон для содействия торговле и поддержания глобальной финансовой стабильности. Страны также договорились о проведении международного финансового разведывательного сотрудничества для борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма и поддержки усилий Нигерии по защите своих финансовых рынков [\[6\]](#).

- Безопасность. Китай поддерживает Нигерию в обеспечении научно-технического прогресса в области военного оборудования и сбора разведанных, чтобы помочь Нигерии справляться с вызовами безопасности. Партнёрство направлено на повышение способности органов безопасности защищать национальный суверенитет и содействовать региональному и глобальному миру [\[7\]](#).

- Культурные и образовательные обмены. Двухстороннее соглашение способствует сотрудничеству в сферах культуры, туризма, образования, молодёжной политики, медиа и спорта. Это включает создание культурных брендов, усиление обменов между творческими коллективами и содействие подготовке кадров для креативной индустрии.

Возможности сопряжения инициативы «Один пояс, один путь» со стратегиями развития Китая и Нигерии

Стратегическое соответствие между Китаем и Нигерией в рамках ОПОП предоставляет множество возможностей для взаимной выгоды, обоюдного успеха и общего развития [\[8\]](#). Китайско-нигерийские отношения имеют долгую историю, с увеличивающимся количеством экономических и инфраструктурных проектов, дипломатической активности, и было установлено всеобъемлющее стратегическое партнёрство. Отношения между двумя странами вышли на новый уровень. Во-первых, научно-техническое сотрудничество является важной областью взаимодействия сторон. Стороны будут исследовать сотрудничество в сферах цифровой экономики, зелёного развития, синей экономики, модернизации сельского хозяйства и т.д. Нигерия приветствует инициативы Китая в областях управления искусственным интеллектом и безопасности данных. Кроме того, сотрудничество Китая и Нигерии в торговле и инвестициях также достигло значительных результатов. В 2024 году объём торговли между Китаем и Нигерией достиг нового рекордного уровня, превысив 20 млрд долларов США. Стороны продолжают

расширять и углублять сотрудничество в новых областях, таких как логистика, транспорт, цифровая экономика, финансы, порты и свободные торговые зоны [\[9\]](#).

Во-вторых, Китай достиг больших успехов в области цифровых технологий, а Нигерия обладает богатыми минеральными ресурсами, что предоставляет хорошие возможности для сотрудничества в технологическом развитии. Китай стремится к совершенствованию высококачественных промышленных механизмов адаптации к изменению климата и зелёного низкоуглеродного развития, что также предоставляет ценный опыт для Нигерии в повышении её собственной промышленной базы.

Критическая инфраструктура и инициативы в сфере безопасности также рассматриваются как ключевые для достижения экономических целей Нигерии в рамках программы «Возрождённая надежда», одновременно способствуя продвижению китайской ОПОП. Китайско-нигерийская программа ОПОП должна завершиться к 2049 году.

Стратегическое взаимодействие Китая и Нигерии в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

Нигерия занимает важное место в более широкой стратегии сотрудничества Китая с Африкой. Среди 53 африканских стран, установивших дипломатические отношения с Китаем, Нигерия всегда была одним из наиболее важных стратегических партнёров Китая. Нигерия является крупнейшим подрядчиком Китая в Африке и вторым по величине экспортным рынком в Африке после Южной Африки, что дополнительно подчёркивает значимость Нигерии для стратегии Китая на африканском континенте, делая её как экономической возможностью, так и дипломатической опорой [\[10\]](#).

Стратегические интересы двух стран согласуются посредством крупных финансовых и инфраструктурных обязательств в рамках ОПОП. Нигерия стала бенефициаром резкого увеличения объема инвестиций в ключевые инфраструктурные проекты, включая крупномасштабное строительство железных дорог, портов и свободных торговых зон, призванных стимулировать промышленную активность. Эти инициативы направлены не только на заполнение текущего инфраструктурного разрыва, но и на закладку основы для более диверсифицированной экономики, менее зависимой от нефтяных доходов [\[10\]](#).

Сопряжение ОПОП с программой Нигерии «Возрождённая надежда» основано на согласовании пяти стратегических аспектов, известных как «Пять связей». Таким образом, эти пять стратегических аспектов служат основой для углубления сотрудничества между Китаем и Нигерией в целях содействия устойчивому развитию и инфраструктурному росту.

1. Укрепление политической коммуникации

Китай и Нигерия постоянно поддерживают политическую коммуникацию, укрепляют стратегическое взаимное доверие, развивают стратегическое соответствие, содействуют культурным обменам и повышают уровень двусторонних отношений до формирования всеобъемлющего стратегического партнёрства [\[11\]](#). Политическая коммуникация является важной частью совместного строительства ОПОП. Для достижения сопряжения ОПОП со стратегией развития Нигерии необходимо укреплять политическую коммуникацию и достигать консенсуса в концепциях, а также анализировать фокусы будущего сотрудничества для продвижения новой платформы китайско-нигерийского сотрудничества в рамках ОПОП. 3 сентября 2024 года Китай и Нигерия учредили всеобъемлющее стратегическое партнёрство, направленное на построение сообщества

единой судьбы Китая и Нигерии высокого уровня. Ключевые области китайско-нигерийского сотрудничества включают взаимное уважение и поддержку коренных интересов, таких как суверенитет и территориальная целостность, и построение высокого уровня стратегического взаимного доверия. Укрепление сотрудничества высокого уровня в области развития, содействие строительству ОПОП, расширение торговли и углубление сотрудничества в сферах цифровой экономики, зелёного развития и инфраструктурной взаимосвязанности. Это включает финансовое сотрудничество через свопы в национальных валютах и борьбу с финансовыми преступлениями. Кроме того, заявление также способствует высокому уровню взаимного обучения и взаимной выгоды, укрепляет сотрудничество в сферах культуры, туризма, образования, медиа, спорта и т.д. и содействует пониманию и дружбе между народами двух стран. ОПОП отражает приверженность общему развитию и продвигает проекты, улучшающие инфраструктурный и экономический ландшафт Нигерии. Помимо экономических интересов, обе страны также привержены культурным и образовательным обменам, что дополнительно консолидирует стратегический альянс между ними. Обмены способствуют сближению народов и углублению понимания культур друг друга, что необходимо для долгосрочного сотрудничества.

Гладкая политическая коммуникация закладывает основу для обеспечения того, чтобы две страны могли стремиться к общему будущему роста, стабильности и общего процветания. Тем не менее, в китайско-нигерийском сотрудничестве по инфраструктурной взаимосвязанности по-прежнему существует большое пространство для развития.

2. Создание инфраструктурной взаимосвязанности

Китай и Нигерия учредили всеобъемлющее стратегическое партнёрство, ориентированное на инфраструктурное развитие, торговлю и экономическое сотрудничество. Партнёрство направлено на укрепление инфраструктуры Нигерии посредством таких проектов, как железные дороги, автомобильные дороги и энергетические системы, которые соответствуют целям развития Нигерии [\[12\]](#).

Это партнёрство отражает взаимные обязательства, основанные на более чем 50-летних дипломатических отношениях, отмеченных уважением, равенством и взаимовыгодным сотрудничеством. Китай углубляет внутренние реформы и продвигает модернизацию, что принесёт больше возможностей для развития китайско-нигерийских отношений. Это сотрудничество успешно привело к созданию важных инфраструктурных проектов, таких как транспортные сети, включая железные дороги и глубоководные порты. Были построены основные железнодорожные линии, такие как Абуджа-Кано и Лагос-Ибадан, изменив транспортный ландшафт Нигерии. Кроме того, строительство глубоководного порта Лекки направлено на укрепление торговли в Нигерии и всей Африке, создание местных рабочих мест и содействие экономическому развитию в энергетическом секторе.

3. Содействие беспрепятственной торговле

Устойчивое развитие торговли между Китаем и Нигерией заложило прочную экономическую основу для стратегического соответствия между двумя странами. Китай и Нигерия установили экономические и торговые отношения в 1971 году. С тех пор торговые отношения эволюционировали от ограниченных, эпизодических контактов ко всё более сложным и дорогостоящим коммерческим сделкам. Объём торговли между Китаем и Нигерией рос медленно до 1993 года [\[13\]](#), когда Китай превратился из чистого экспортёра сырой нефти во второго по величине импортёра сырой нефти в мире. В

последние годы экономические и торговые отношения между Китаем и Нигерией быстро развивались. Китай является крупнейшим торговым партнёром Нигерии в рамках ОПОП. В 2000 году Китай и Нигерия подписали соглашение о сотрудничестве в областях сельского хозяйства, промышленности и торговли и в дальнейшем взяли на себя обязательства в ряде других сфер, что предоставило Нигерии шаги по решению проблемы торгового дисбаланса между двумя странами посредством индустриализации и диверсификации экспорта. Для помощи в создании новых демонстрационных ферм были направлены медицинский персонал и сельскохозяйственные эксперты. Китай также согласился закупать у Нигерии хлопок, какао, кешью и пальмовые ядра. Другое соглашение касается поставок Нигерии сельскохозяйственного оборудования китайского производства. В период с 2004 по 2023 год торговля между двумя странами превысила 22 млрд долларов США. Сотрудничество в сфере информационно-коммуникационных технологий также помогло Нигерии стать технологическим хабом Африки, содействуя развитию 5G, электронной коммерции и цифровых навыков.

4. Обеспечение финансовых потоков

Активные инвестиции между Китаем и Нигерией являются мощным двигателем стратегического соответствия между двумя странами. С момента создания Форума по китайско-африканскому сотрудничеству (FOCAC) китайско-нигерийские отношения значительно улучшились, и стороны подписали ряд торговых соглашений. Нигерия стала важным направлением для китайских инвестиций [\[4\]](#). Как и другие африканские страны, Нигерия и Китай подписали ряд корпоративных соглашений для содействия сотрудничеству и инвестициям. Ключевые области китайских инвестиций в Нигерии включают энергетику, обрабатывающую промышленность, сельское хозяйство и инфраструктуру. Китайское правительство обязалось поощрять сильные предприятия инвестировать в эти области для поддержки экономической диверсификации Нигерии и избавления от зависимости от нефти. Китай всегда был важным кредитором для Нигерии. В 2023 году китайские прямые инвестиции за рубежом в Нигерии составили 185,58 млн долларов США, увеличившись со 119,64 млн долларов США в предыдущие годы. Нигерия имеет большое население и является рынком с огромным инвестиционным потенциалом. В рамках ОПОП китайское правительство активно поощряет предприятия «выходить вовне» и инвестировать в Африку. Китай стал крупнейшим инвестором в Нигерии с большим объёмом, быстрым ростом и широким охватом. В Африке действует около 10 000 китайских компаний, из которых на Нигерию приходится наибольшая доля – около 920 [\[11\]](#). Это связано со статусом Нигерии как крупнейшей экономики африканского континента.

5. Содействие сближению народов

Китай и Нигерия имеют богатую историю культурных обменов, которые играют решающую роль в консолидации стратегического соответствия между двумя странами. Эти культурные обмены значительно повысили взаимопонимание и доверие, укрепив двусторонние отношения в различных областях, включая образование, культуру и торговлю. В сфере образования Институты Конфуция стали глобальным феноменом. В настоящее время в Нигерии действуют два Института Конфуция: один в Университете Ннамди Азикве, другой в Университете Лагоса. Они внесли вклад в обучение китайскому языку в различных образовательных учреждениях Нигерии. Распространение китайского языка помогло усилить культурную идентичность между Китаем и Нигерией.

В Нигерии очень активны китайские медиа, которые предоставляют новостной контент на местных языках, таких как хауса и английский. Эти медиа являются частью более

широкой стратегии Китая по увеличению своего влияния в Африке, включая установление партнёрств с местными СМИ для распространения контента. Присутствие китайских медиа характеризуется продвижением китайских нарративов и укреплением культурных связей через различные платформы и партнёрства. Партнёрство Нигерии с Центральным телевидением Китая направлено на создание более точного и сбалансированного образа обеих стран в их соответствующих медиа-секторах. Это сотрудничество является частью более широкого соглашения, подписанного в рамках ФОСАС, которое подчёркивает важность СМИ в продвижении отношений между двумя странами. Медийное партнёрство согласуется с планами Нигерии по улучшению её глобального имиджа и использованию китайских инвестиций для усиления влияния на общественное мнение. Нигерия стремится стать ключевым торговым партнёром для Китая, и активная медийная стратегия рассматривается как ключевая для достижения этих экономических целей.

Проблемы стратегического сопряжения Китая и Нигерии в рамках ОПОП

ОПОП предлагает возможности для экономического роста и инфраструктурного развития Нигерии, но также сталкивается с различными проблемами, такими как факторы безопасности, экономики и геополитики.

1. Проблемы безопасности:

- Терроризм. Проекты ОПОП между Китаем и Нигерией подвергаются значительным угрозам со стороны таких групп, как «Боко Харам» и «Западноафриканская миссия поддержки Исламского государства» (ИГИЛ-ЗАП), которые нарушают работу проектов и увеличивают затраты. С 2009 года эти повстанцы убили 35 000 человек и вытеснили 2,1 миллиона человек на северо-востоке Нигерии [\[13\]](#). В период с 2018 по 2023 год произошло 50 нападений на инфраструктуру, 15 из которых были нацелены на китайские объекты, нарушая логистику и затрудняя работу объектов. Например, в 2021 году ИГИЛ-ЗАП похитило трёх китайских инженеров, работавших над дорожным проектом в штате Борно, с целью выкупа в 5 млн долларов США, что задержало проект на шесть месяцев. Постоянная угроза атак привела к закрытию основных дорог и транспортных узлов, перерезав важные связи между северной Нигерией и остальной частью страны. Восстание «Боко Харам» подорвало сельскохозяйственную производительность, торговлю, инвестиции, предпринимательство и промышленное развитие в Нигерии.

- Бандитизм. Бандитизм представляет значительную угрозу экономической деятельности и является серьёзной проблемой безопасности в Нигерии, приводя к снижению производства продовольственных и товарных культур в пострадавших районах [\[14\]](#). Случаи бандитизма отпугивают инвесторов, которые не хотят рисковать ресурсами в нестабильных и опасных зонах. Вооружённый бандитизм оказывает значительное влияние на рост уровня бедности и безработицы, снижение уровня продовольственной безопасности, образования, здравоохранения, санитарии, доходов и общего развития. Продолжающиеся атаки бандитов сокращают доступ к критически важным социальным услугам, а нарушения в работе еженедельных рынков усугубляют экономические проблемы в сельской местности [\[16\]](#).

- Межконфессиональное насилие. Случаи межконфессионального насилия почти удвоились с 2017 года, а число погибших в связи с конфликтом «Боко Харам» остаётся одним из самых высоких. Рост насилия, особенно межконфессиональных конфликтов, негативно повлиял на приток прямых иностранных инвестиций в Нигерию.

- Похищение людей. Несмотря на тесные отношения между Китаем и Нигерией, растёт озабоченность по поводу безопасности китайских рабочих в Нигерии. Произошёл ряд насильственных инцидентов в отношении китайских граждан, включая убийства и похищения. Данные показывают, что в период с июня 2012 по июнь 2022 года произошло по меньшей мере 29 инцидентов с участием китайских рабочих, в результате которых погибло 12 человек и было похищено 39 человек. Эти похищения обычно происходят на строительных площадках, в шахтах и на энергетических проектах, а жертвами обычно становятся строители, инженеры и шахтёры.
- Конфликты между земледельцами и скотоводами. Нигерия пострадала от большого числа смертей в конфликтах между земледельцами и скотоводами за последнее десятилетие. Миграция нигерийских скотоводов на юг привела к острой конкуренции за землю с местными фермерами [\[16\]](#). Этот конфликт является постоянной проблемой более десяти лет, особенно в Среднем поясе и на северо-западе Нигерии, в результате чего погибли тысячи человек. Основные аналитики по безопасности объясняют конфликт в Среднем поясе Нигерии противостоянием между оседлыми земледельцами и кочевниками фулани.
- Активность в дельте Нигера. В дельте Нигера подрыв трубопроводов группировкой «Мстителю дельты Нигера» в 2022 году сократил добычу нефти на 30% и заморозил китайский газовый проект на 500 млн долларов США. Проблемы безопасности также привели к снижению прямых иностранных инвестиций в Нигерию с 8,8 млрд долларов США в 2011 году до 2,3 млрд долларов США в 2022 году. Для смягчения этих рисков такие меры безопасности, как частная охрана и укрепление объектов, увеличили бюджеты проектов примерно на 18%. Китайские инвестиции в Нигерии вызвали озабоченность экологов по поводу экологической безопасности, особенно в богатой нефтью дельте Нигера.
- Сепаратистское движение на юго-востоке (Биафра). Сепаратистское движение на юго-востоке представляет проблему для Нигерии, особенно в отношении китайско-нигерийской ОПОП. Сепаратистские движения, такие как «Коренные народы Биафры», подпитывают повстанчество на юго-востоке, осложняя участие Нигерии в международных инициативах, таких как ОПОП [\[15\]](#). Подавление биафрского сепаратизма является основой для текущей стратегической мутации «Коренных народов Биафры» от ненасильственных вариантов к вооружённым движениям. Это привело к скоординированным атакам неизвестных вооружённых лиц на государственные объекты и жёсткому военному ответу нигерийского правительства. Сепаратистское движение и призывы к независимости Биафры, вероятно, нарушат экономическую деятельность и проекты развития, включая связанные с ОПОП. Повстанчество на юго-востоке в сочетании с атаками «Коренных народов Биафры» дополнительно осложняют внутреннюю стабильность Нигерии и её способность эффективно участвовать в ОПОП.

2. Языковые и культурные барьеры между Китаем и Нигерией

Существуют значительные различия между Китаем и Нигерией в области языка, культуры и обычаев. Языковые различия влияют не только на коммуникацию, но и на культурное понимание. Языковой барьер между Китаем и Нигерией создаёт значительные проблемы в образовании, деловом общении, культурных обменах и дипломатических отношениях. Эти барьеры не только препятствуют эффективной межличностной коммуникации, но и усугубляют недопонимание и ограничивают сотрудничество между двумя странами. На дипломатическом уровне языковые барьеры привели к разрыву между китайскими и нигерийскими работниками, вызывая недопонимание и приводя к напряжённости.

Ограниченное владение английским языком некоторых китайских рабочих и недостаточное знание китайского языка нигерийскими работниками привели к трудностям в общении и чувству отторжения среди нигерийских сотрудников. Этот разрыв подрывает потенциал сотрудничества по проектам и инициативам между двумя странами, тем самым ограничивая эффективность дипломатических отношений.

Растущее взаимодействие между Китаем и Нигерией требует языковой компетенции для смягчения коммуникационных барьеров, препятствующих значимым социальным и деловым обменам. Необходимо продвигать важность китайского языка как стратегического инструмента для укрепления социально-экономических связей между Китаем и Нигерией. Общая нерешительность в общении из-за страха совершить ошибки в языке дополнительно изолирует людей и усугубляет культурные разрывы.

Культурные различия являются как вызовами, так и возможностями для китайско-нигерийских отношений. Различные культурные нормы, стили общения и практики могут привести к недопониманию и ошибочным интерпретациям. Важно способствовать культурному взаимопониманию, развивать межкультурный диалог и проводить культурные обмены для преодоления этих разрывов. Принимая культурное разнообразие, Китай и Нигерия могут использовать богатство знаний, традиций и опыта. Инициативы культурного сотрудничества, продвигающие общее наследие, могут способствовать художественным обменам и содействовать взаимодействию между людьми, тем самым способствуя взаимному уважению и признанию. Образовательные и культурные обменные программы могут играть жизненно важную роль в продвижении взаимных отношений.

3. Экономические различия и геополитические факторы

Экономический ландшафт Нигерии резко контрастирует с китайским, её потребности в развитии и инфраструктура зависят от иностранных инвестиций. ОПОП направлена на решение проблемы неадекватной инфраструктуры Нигерии, особенно в транспортном и энергетическом секторах, которые имеют решающее значение для содействия экономическому росту и диверсификации. Стратегическая важность Нигерии в Африке отражена в ОПОП. Как самая густонаселённая страна и крупнейшая экономика континента, Нигерия является ключевым партнёром Китая во влиянии на региональную стабильность и обеспечении рынков и ресурсов. ОПОП повысила геополитический статус Нигерии и предоставила импульс для укрепления сотрудничества с Китаем в таких областях, как инфраструктура, транспорт, энергетика и торговля. Экономический разрыв между Китаем, Нигерией и другими африканскими странами представляет как вызовы, так и возможности. В то время как быстрый экономический рост Китая сделал его глобальной державой, африканские страны сталкиваются с множеством экономических проблем, включая бедность, безработицу и ограниченную инфраструктуру [\[18\]](#). Китай может решить эти разрывы, содействуя инклюзивному и устойчивому развитию. Этого можно достичь, инвестируя в сектора, стимулирующие местную добавленную стоимость, трансфер технологий и создание рабочих мест. Акцент делается на диверсификации экономики Африки, укреплении развития навыков и поддержке предпринимательства. Кроме того, сотрудничество между коммерческими и финансовыми предприятиями должно соответствовать принципам справедливости, открытости и взаимной выгоды.

Причинами ужесточения условий предоставления займов для ОПОП являются сложный геополитический и экономический характер проекта, противоречия транснационального накопления капитала и конкретные события. Неудачи проектов подвергают китайские политические элиты потенциальным негативным последствиям, в то время как

африканские не-элиты сталкиваются с негативными последствиями от ОПОП, что приводит к снижению спроса на займы. Стратегический импульс для любого пространственного ремонта заключается в разрешении или замене территориальных противоречий в центре накопления капитала. Геополитические факторы влияют на китайско-нигерийские отношения, принося как вызовы, так и возможности. Конкуренция за ресурсы, геополитическое соперничество и динамика власти могут влиять на характер и масштабы сотрудничества между Китаем и Нигерией. Для защиты интересов и суверенитета различных стран необходимо поощрять страны к развитию чувства стратегической автономии при ведении переговоров по этим факторам. Многосторонние форумы и организации позволяют африканским странам вести переговоры и взаимодействовать с внешними партнёрами, включая Китай. Укрепляя переговорный и дипломатический потенциал, африканские страны могут максимизировать выгоды от сотрудничества, защищая при этом свои национальные интересы.

4. Конкуренция со стороны западных стран

Нигерия, крупнейшая по населению и экономике страна Африки, привлекает растущее внимание западных держав на фоне усиления влияния Китая через ОПОП. США, рассматривающие Нигерию как стратегическую «точку опоры», наращивают военно-техническое сотрудничество через AFRICOM и продажи вооружений, стремясь сбалансировать китайское присутствие и обеспечить региональную стабильность [\[19\]](#).

Франция, включившая Нигерию в приоритеты сотрудничества «Север-Юг», инвестировала через Агентство развития 2,5 млрд евро в инфраструктуру и услуги. Французские прямые инвестиции к 2021 году достигли 7,2 млрд евро. Сотрудничество также включает военную поддержку в борьбе с «Бoko Харам» и обучение офицеров.

Другие страны также активизируют взаимодействие. Германия проводит бизнес-форумы, фокусируясь на инфраструктурных проектах, например, в сфере переработки отходов. Великобритания поддерживает особые отношения, включая подготовку армии. Индия остается ключевым покупателем нигерийской нефти, хотя её доля сокращается из-за импорта дисконтированной российской нефти. Нидерланды в 2023 году вышли на первое место по закупкам нигерийской сырой нефти, что отражает перестройку глобальных цепочек поставок [\[19\]](#).

Конкуренция великих держав вынуждает Нигерию лавировать между их интересами, одновременно подвергая проекты ОПОП усиленному внешнему контролю и критике в отношении прозрачности. Эта динамика усложняет реализацию крупных инвестиционных программ и требует от Нигерии взвешенной многовекторной политики.

Пути преодоления трудностей стратегического соответствия Китая и Нигерии в рамках ОПОП

В настоящее время Нигерия стремится укрепить сотрудничество с Китаем в рамках ОПОП посредством различных стратегических ответных мер. Основой этих мер является содействие инвестициям, повышение прозрачности и обеспечение участия местных заинтересованных сторон и процессов развития, связанных с проектами ОПОП. Решая такие вопросы, как долговая устойчивость и установление всеобъемлющей структуры сотрудничества, Нигерия стремится максимизировать выгоды от этого партнёрства, минимизируя потенциальные риски.

Китайско-нигерийские отношения многомерны. Столкнувшись с различными

возможностями и вызовами, Китай и Нигерия ускоряют стратегическое соответствие и углубляют сотрудничество во всех аспектах, включая политику, правительство, бизнес, политику и сотрудничество.

1. Государственный уровень

Ответ нигерийского правительства на эти вызовы был различным. Правительству необходимо активно формировать отношения с Китаем, чтобы гарантировать, что они соответствуют потребностям развития Нигерии. Для получения наибольшей выгоды от ОПОП африканским странам необходимо действовать как единая группа при ведении переговоров по торговым и инвестиционным соглашениям с Китаем. Нигерийское правительство также должно соблюдать баланс между финансированием потребностей развития и обеспечением долговой устойчивости, поскольку неспособность погасить займы может привести к потере ключевых национальных активов.

Активное участие правительств и образовательных учреждений в процессе обучения может построить более прочные двусторонние отношения. Поскольку глобальное влияние Китая продолжает укрепляться, изучение китайского языка принесёт Нигерии экономическую, культурную и социальную пользу. Нигерии необходимо построить больше аудиторий китайского языка для расширения возможностей обучения, повышения осведомлённости молодёжи о преимуществах изучения китайского языка и обеспечения предоставления учебных материалов и стимулов для учащихся. Эти инициативы не только будут способствовать образовательному развитию, но и укрепят культурные и экономические отношения. Китай и Нигерия должны углубить стратегическое сотрудничество и повысить уровень своих дипломатических отношений до всеобъемлющего стратегического партнёрства. Это может удовлетворить потребности Нигерии в инфраструктуре через совместные проекты, одновременно способствуя доступу Китая к её ресурсам, особенно в энергетике, сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности.

Нигерийское правительство должно способствовать улучшению политического климата и повышению уровня безопасности; уделять пристальное внимание вопросам борьбы с терроризмом и повышать конкурентоспособность предприятий и улучшать эффективность. Этого можно достичь путём улучшения кредитного рейтинга Нигерии, деловой среды и стабильного предложения иностранной валюты для привлечения инвестиций. Необходимо укрепить «мягкие» условия, такие как эффективность государственного управления, права на землю, экономические стимулы и кредитные возможности, при одновременном обеспечении стабильного развития «жёсткой» инфраструктуры, чтобы гарантировать хорошую деловую среду и операционную деятельность предприятий, а также повысить экономическую эффективность.

Китай принял меры для защиты своих зарубежных инвестиций. Это включает укрепление дипломатических отношений и усиление сотрудничества с местными силами безопасности. Стратегии включают развёртывание китайского персонала безопасности, предоставление полицейской подготовки и даже рассмотрение возможности военного вмешательства в крайних случаях для обеспечения важных инвестиций, подчёркивая переплетённый характер инвестиций и безопасности в проектах ОПОП.

Решая эти многосторонние проблемы безопасности, Нигерия может создать более благоприятную среду для успешной реализации ОПОП и использования возможностей, предоставляемых такими крупными иностранными инвестициями. Перед лицом неизвестных рисков китайское правительство должно повысить свою осведомлённость о

профилактике и как можно раньше выявлять потенциальные риски.

Правительство Нигерии должно продвигать сотрудничество, соответствующее стратегическим потребностям китайско-нигерийского сотрудничества и сотрудничества с другими странами, способствовать реализации ключевых проектов, планировать заранее, увеличивать политическую поддержку и устанавливать пример сотрудничества. Нигерии необходимо уделить приоритетное внимание надлежащей практике управления, включая открытость, прозрачность, соблюдение внутренних законов о закупках и акцент на требованиях местного содержания. Правительство также должно активно привлекать местные политические, социальные и экономические субъекты к проектам ОПОП, чтобы гарантировать, что эти проекты приносят наибольшую пользу нигерийскому народу.

2. Уровень предприятий

Нигерийские предприятия должны не только прояснить свои собственные стратегии развития, но и постоянно повышать собственную производственную эффективность. Во-первых, оценить, могут ли существующий бизнес, партнёры и бизнес-модели обеспечить их выделение во всё более жёсткой конкуренции. Нигерийские предприятия должны развивать сильное конкурентное сознание и активный дух, чтобы процветать в условиях растущей конкуренции, особенно при взаимодействии с китайскими компаниями через открытие рынков, партнёрства, инвестиции или поглощения. Чтобы выделиться, им необходимо внедрить бережливое производство, воспитывать местные таланты и повышать производственную эффективность, производительность и скорость. Нигерийские предприятия должны внедрять инновации, стратегические партнёрства, управление взаимоотношениями с клиентами, снижать затраты и концентрироваться на ключевых преимуществах. Чтобы оставаться конкурентоспособными, предприятия должны продолжать внедрять инновации, разрабатывать новые продукты и улучшать существующие продукты для удовлетворения потребностей клиентов. Также крайне важно находить творческие способы продвижения существующих продуктов.

Создание стратегических партнёрств может предоставить дополнительный опыт и дополнительные навыки, которые бесценны для роста бизнеса. Подчеркните свой успех, используя партнёрства. Важно понимать потребности клиентов, поддерживать открытую коммуникацию и вознаграждать лояльность клиентов для построения прочных отношений с клиентами. В то же время предприятия должны тщательно управлять затратами, чтобы избежать проблем с денежными потоками, и сосредоточиться на снижении накладных расходов без ущерба для качества.

Наконец, сосредоточение на ключевых преимуществах и высокоценных видах деятельности может выделить компании среди конкурентов и привлечь больше клиентов. Сталкиваясь с возможностями и рисками в Африке, китайские компании должны повышать свою способность использовать возможности и одновременно укреплять способность противостоять рискам. Во-первых, они должны в полной мере использовать свои деловые преимущества и профессиональный опыт, укреплять собственный потенциал и реализовывать «локализованное» управление. Во-вторых, они должны укреплять обмены с местными сообществами и жителями, защищать природную среду, активно интегрироваться в местное общество и постепенно накапливать хорошую социальную репутацию. Наконец, они должны сосредоточиться на обменах и сотрудничестве с местными нигерийскими компаниями. Местные компании приносят значительные преимущества, включая глубокие знания внутреннего рынка, налаженные сети и прочные позиции в новых отраслях, что жизненно важно для эффективной навигации по деловому ландшафту Нигерии.

Чтобы максимизировать выгоды от проектов ОПОП, Нигерия должна подчеркнуть локализацию этих инициатив и вовлечь местные предприятия и сообщества в планирование и выполнение проектов. Такая инклюзивность может гарантировать, что инвестиции не только удовлетворяют инфраструктурные потребности, но и способствуют экономическому росту, создавая рабочие места и удерживая нигерийский капитал. Увеличение участия решит проблемы, что китайские компании могут вытеснить местный бизнес, и переговоры о жизнеспособных планах погашения имеют решающее значение с учётом макроэкономических условий Нигерии и способности генерировать доход. Предоставление гарантий, привязанных к успешным результатам проекта в отношении создания местных рабочих мест и экономического стимулирования, может согласовать интересы Нигерии и китайских инвесторов. Такой подход обеспечит, чтобы проекты, финансируемые через эти займы, генерировали достаточные экономические доходы для поддержки своевременного погашения. Необходимо разработать строгие методы управления проектами для надзора за эффективной реализацией проектов ОПОП. Посредством этих мер Нигерия может стратегически взаимодействовать с Китаем в рамках ОПОП, чтобы использовать предоставляемые возможности, сохраняя при этом акцент на долговой устойчивости для обеспечения своего экономического будущего.

3. Финансовая и фискальная политика

Для решения этих проблем Нигерии необходимо принять меры надлежащего управления, которые способствуют открытости, прозрачности, соблюдению внутренних законов о закупках и акценту на требованиях местного содержания [\[20\]](#). Это включает соблюдение Закона о государственных закупках 2007 года, который требует, чтобы тендеры были конкурентными, открытыми и прозрачными. Нигерийский законодательный орган сожалел об отсутствии прозрачности в кредитных соглашениях, подписанных между правительственными ведомствами и китайскими государственными банками, и правительство также проявляло нежелание выполнять требования местного содержания в проектах ОПОП.

Чтобы обеспечить успех и устойчивость ОПОП в Нигерии, необходимо решить несколько ключевых вопросов. К ним относятся акцент на взаимной выгоде между Китаем и Нигерией с точки зрения механизмов финансирования, проведение исследований для согласования проектов с Целями устойчивого развития и обеспечение того, чтобы все проекты соответствовали национальным интересам, включая сотрудничество с местными органами власти. Решая эти факторы, ОПОП может внести значительный вклад в экономический рост и региональное развитие Нигерии. Это включает интеграцию ОПОП с местными экономическими приоритетами и решение ключевых областей, таких как транспорт, энергетика и цифровая инфраструктура. Обеспечивая, чтобы проекты ОПОП способствовали национальной повестке дня в области развития, Нигерия может достичь устойчивого экономического роста, удовлетворяя при этом местные инфраструктурные потребности. Вовлечение широкого круга заинтересованных сторон, включая местные сообщества, гражданское общество и частный сектор, имеет решающее значение для успеха проектов ОПОП. Ключевым аспектом политической структуры должны быть механизмы оценки и обеспечения долговой устойчивости.

Нигерия должна разработать руководящие принципы для оценки фискального воздействия проектов ОПОП и обеспечения того, чтобы инвестиции не приводили к неуправляемым уровням долга. Включение инструментов оценки рисков позволит правительству отслеживать финансовые обязательства и улучшать свою способность вести переговоры о благоприятных условиях с китайскими инвесторами. Чтобы

максимизировать выгоды от проектов ОПОП, Нигерия должна сосредоточиться на требованиях местного содержания и наращивании потенциала. Это включает приоритизацию участия нигерийских предприятий и рабочей силы в проектах ОПОП, тем самым гарантируя, что экономические возможности укоренены в местной среде. Кроме того, программы обучения для местных работников могут способствовать развитию навыков и обеспечению квалифицированной рабочей силы для инфраструктурных проектов. Установление структуры управления, способствующей прозрачности и подотчётности, необходимо для эффективной реализации ОПОП.

Структура должна гарантировать, что все соглашения и финансовые операции, связанные с проектами ОПОП, являются публичными, помогая строить доверие и сдерживать коррупцию. Кроме того, регулярная отчётность о ходе проекта и результатах может информировать заинтересованные стороны и вовлекать их на протяжении всего жизненного цикла проекта. Наконец, политическая структура должна включать механизмы постоянного мониторинга и оценки проектов ОПОП. Это поможет оценить влияние на экономическое развитие и инфраструктурные потребности Нигерии, позволяя правительству вносить обоснованные корректировки по мере необходимости. Установление ключевых показателей эффективности поможет отслеживать общую эффективность прогресса проекта и достижения ожидаемых целей. Реализуя эти стратегии, Нигерия может создать прочную политическую структуру для поддержки своего участия в ОПОП и обеспечения того, чтобы её партнёрство с Китаем привело к значимому и устойчивому развитию страны.

4. Инфраструктурное сотрудничество

Нигерия должна работать над диверсификацией экспорта за пределы нефти и газа, инвестировать в сельское хозяйство, технологии и услуги для увеличения экспортного потенциала и сокращения торгового дисбаланса. Нигерия также должна уделить приоритетное внимание внутренним решениям в области развития, чтобы избежать попадания в более глубокую долговую ловушку. Обеспечение прозрачности, подотчётности и открытых торгов на внешние заимствования необходимо для максимизации роста и возможностей. Предпринимая эти стратегические шаги, Нигерия может использовать выгоды от отношений с Китаем, смягчая при этом потенциальные риски и прокладывая путь к устойчивому развитию и процветанию. Участие Нигерии в ОПОП должно включать стратегическое взаимодействие с Китаем, сосредоточенное на адаптированном инфраструктурном развитии для удовлетворения местных потребностей. С момента присоединения Нигерии к ОПОП Китай осуществил значительные инвестиции в ключевые секторы, такие как транспорт и энергетика Нигерии, что необходимо для укрепления инфраструктуры Нигерии. Чтобы полностью реализовать потенциал ОПОП, Нигерия должна уделить приоритетное внимание созданию местного потенциала реализации проектов. Акцент должен быть сделан на вовлечении местных предприятий и экспертов в инфраструктурные проекты, чтобы гарантировать, что выгоды поступают в нигерийскую экономику. Вовлечение местных предприятий в проекты ОПОП может способствовать созданию рабочих мест и развитию навыков, устраняя опасения, что местные предприятия маргинализируются китайскими компаниями. Укрепление управления и прозрачности проектов ОПОП необходимо для эффективного сотрудничества. ОПОП способствовала инфраструктурному развитию и взаимосвязанности в Нигерии, стимулируя торговлю и экономический рост. Знаковые проекты, такие как глубоководный порт Лекки и железные дороги, преобразуют инфраструктуру Нигерии и её положение в Западной Африке. Нигерия сталкивается с проблемами, такими как отсутствие общественных консультаций и непрозрачные

контрактные соглашения с китайскими компаниями. Установление чётких структур управления, способствующих подотчётности и участию сообщества, поможет снизить риск коррупции [21]. Хотя некоторые нигерийские политики хвалили реализацию ОПОП Китаем, ОПОП подвергалась критике в Нигерии.

ОПОП подняла вопросы долговой устойчивости и исключила местных нигерийцев из принятия решений и реализации проектов. Кроме того, из-за недостаточного институционального потенциала ОПОП страдала от конфиденциальности, коррупции и пренебрежения местными законами. Эти вызовы ослабили связь между китайской ОПОП и внутренней экономикой Нигерии, приводя к доминированию китайских компаний, технологий и капитала при маргинализации местных экономических игроков. Решение этих проблем и повышение эффективности партнёрства требуют целенаправленных политических действий. Повышение общей эффективности партнёрств в рамках ОПОП. Реализация стратегии управления долгом, ограничивающей зависимость от китайских займов, необходима для защиты экономического будущего Нигерии при достижении устойчивого инфраструктурного развития.

Выводы

Уровень реализации проектов ОПОП в Нигерии можно охарактеризовать как **значительный, но неоднозначный**. Во-первых, инициатива обозначила собой **качественный сдвиг в масштабах** – по сравнению с периодом до 2013 года, отмеченным невыполнением соглашений, ОПОП привела к масштабному притоку финансирования и **реальной реализации ключевых инфраструктурных объектов**. Завершены или активно строятся такие знаковые проекты, как железнодорожные линии Лагос-Ибадан и Абуджа-Кано, глубоководный порт Лекки. Во-вторых, произошло **повышение стратегической значимости** – сотрудничество в рамках ОПОП институционализировано, поднято до уровня всеобъемлющего стратегического партнёрства (2024) и согласовано с национальными планами Нигерии (NIIMP).

Тем не менее **сохраняются** некоторые **системные проблемы**. Реализация проектов ОПОП омрачена **хроническими** проблемами безопасности, ведущими к задержкам и росту затрат; опасениями по поводу **долговой устойчивости, непрозрачности** контрактов и недостаточного **соблюдения требований местных стандартов**.

Проекты в рамках ОПОП отличаются от предыдущих соглашений по следующим ключевым параметрам:

Критерий	Предыдущие соглашения (до ОПОП, ~2001-2012)	Проекты в рамках ОПОП (после 2013)
Масштаб и системность	Эпизодические, точечные проекты, часто в рамках схем «ресурсы в обмен на инфраструктуру».	Системная, долгосрочная стратегия, интегрированная в глобальную инициативу и национальные планы Нигерии.
Финансирование	Недостаточное и нестабильное, часто ведущее к заморозке или отказу от проектов.	Массивный приток кредитных ресурсов через китайские госбанки, обеспечивающий фактическую реализацию мегапроектов [22].
	Высший приоритет	В

Стратегический Критерий статус	Предыдущие соглашения (до ОПОП, 2001-2012)	Основное содержание (до ОПОП, 2001-2012)	Проекты в рамках ОПОП (после 2013)	Оценки
Характер рисков	Риски нереализации из-за отсутствия финансирования.	Риски нереализации из-за отсутствия финансирования.	всеобъемлющее стратегическое партнёрство.	как
			Риски реализации в условиях долговой зависимости, геополитической напряженности и сложных внутренних угроз безопасности.	
Экономическая логика	Часто точечный доступ к ресурсам.	Часто точечный доступ к ресурсам.	Создание взаимосвязанных транспортно-логистических коридоров для интеграции Нигерии в глобальные цепочки создания стоимости в интересах Китая [23] .	

Таким образом, реализация проектов в рамках ОПОП в Нигерии представляет собой существенный сдвиг от спорадического, плохо финансируемого сотрудничества к масштабной, стратегически обоснованной инфраструктурной программе. Однако этот сдвиг принес не только реальные объекты, но и новые, более комплексные риски (долговые, геополитические), требующие от Нигерии более тщательно спланированного государственного управления.

Заключение

Стратегическое соответствие Китая и Нигерии в рамках ОПОП представляет собой динамичное, но сложное партнёрство, сочетающее значительные возможности с серьёзными вызовами. С одной стороны, инициатива привела к осязаемому инфраструктурному развитию, особенно в секторе транспорта. С другой – сотрудничество сталкивается с проблемами долговой устойчивости, недостаточной прозрачности, вопросами безопасности и задержками проектов. Это взаимодействие демонстрирует модель прагматичной взаимозависимости: Нигерия заполняет свои инфраструктурные пробелы, а Китай расширяет глобальное экономическое влияние и доступ к ресурсам. Для преодоления существующих барьеров необходимы институциональные корректировки, улучшение управления проектами и долгом.

Таким образом, данное сотрудничество выходит за рамки простой геополитической конкуренции, представляя собой адаптивную модель, которая должна балансировать экономические интересы, стратегические цели и политическую целесообразность для реализации своего полного потенциала.

Библиография

1. Ajah A. C., Onuoha J. I. China's Belt and Road Initiative and Infrastructure Development in Nigeria: Unveiling a Paradigm Shift or Repackaging of Failed Ventures? // Journal of Current Chinese Affairs. 2025. T. 0, № 0. DOI: 10.1177/18681026251330645.
2. McBride J., Berman N., Chatzky A. China's Massive Belt and Road Initiative // Council of foreign relations. 2023. URL: https://www.cfr.org/backgrounders/chinas-massive-belt-and-road-initiative-gclid=CjwKCAjwYXmBRAOEiwAYsYl3OuaUYErsp8IdVbD2h7ujK1wfrbXrvQCnILk3TiHbt_fiEK5h

KIasRoC7zkQAvD_BwE (дата обращения: 23.07.2025).

3. Wang C.N. About the Belt and Road Initiative (BRI) // The Green Finance & Development Center. URL: <https://greenfdc.org/belt-and-road-initiative-about/> (дата обращения: 23.07.2025).

4. Calabrese J. Redefining the China-Nigeria partnership: From trade to development // Think China. 2025. URL: <https://www.thinkchina.sg/politics/redefining-china-nigeria-partnership-trade-development> (дата обращения: 23.07.2025).

5. Habib G. China, Nigeria unveil broader vision for African development // Punch. 2025. URL: <https://punchng.com/china-nigeria-unveil-broader-vision-for-african-development/> (дата обращения: 23.07.2025).

6. Amokeoja O. Nigeria Turns To Yuan Once More As Currency Swap Deal With China Returns // Forbes Africa. 2025. URL: <https://www.forbesafrica.com/current-affairs/2025/01/01/nigeria-turns-to-yuan-once-more-as-currency-swap-deal-with-china-returns/> (дата обращения: 23.07.2025).

7. Ekanem S. China expands military supply pact in Africa with new Nigeria deal // Business Insider Africa. 2025. URL: <https://africa.businessinsider.com/local/markets/china-expands-military-supply-pact-in-africa-with-new-nigeria-deal/fmc9q97> (дата обращения: 23.07.2025).

8. Yang L., Xinyi X. Nigeria-China cooperation supports local economic diversification under BRI: Nigerian official // Global Times. 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202412/1324520.shtml> (дата обращения: 23.07.2025).

9. Yeping Y. BRI helps Africa build infrastructure, create much-needed jobs // Global Times. 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202406/1315116.shtml> (дата обращения: 23.07.2025).

10. Глазкова Е. Н. Интерес Китая в развитии торговых связей с Нигерией // Финансовая экономика. 2022. № 12. С. 192-194. EDN: XTWGPA.

11. Zheng S. Boosting High-Quality Belt and Road Cooperation Through Rigorous and Sustained Efforts // English Edition of Qiushi Journal. 2024. URL: http://en.qstheory.cn/2024-01/05/c_953091.htm (дата обращения: 23.07.2025).

12. Anyanwu S. Nigeria-China Partnership: Driving Growth and Development // The Federal Ministry of Information and National Orientation. 2024. URL: <https://fmino.gov.ng/nigeria-china-partnership-driving-growth-and-development/> (дата обращения: 23.07.2025).

13. Augustine A. The Problems and Countermeasures of China-Nigeria Bilateral Economic and Trade Cooperation // The International Journal of Business & Management. 2020. С. n. pag.

14. Tafida A. A., Tukur A. L., Adebayo E. F., Ndaghu A. A., Onu J. I., Momodu J. A. Boko Haram insurgency and livelihood vulnerability of rural households in Northern Adamawa State, Nigeria // Research in Globalization. 2023. Т. 6. DOI: 10.1016/j.resglo.2023.100116. EDN: ERBNMA.

15. Lekan D. O. K., Temitayo J. M., Gambarawa J. A. Scourge of Rural Banditry and Food Security in Nigeria's North-West: The Economic Implications // UMYU Journal of Accounting and Finance Research. 2022. Т. 4, № 1. С. 35-48. DOI: 10.61143/umyu-jafr.4(1)2022.003.

16. Obiukwu C. I., Njoku E. C. Social Movements and National Security in Nigeria: A Study of the Indigenous People of Biafra (IPOB) // African Quarterly Social Science Review. 2024. С. n. pag.

17. Brottem L. The Growing Complexity of Farmer-Herder Conflict in West and Central Africa // Africa Center. 2021. URL: <https://africacenter.org/publication/growing-complexity-farmer-herder-conflict-west-central-africa/> (дата обращения: 23.07.2025).

18. Igbokwe C. Ch. Nigeria-China Relations: Impact on Power and Development in Nigeria // Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies. 2020. Т. 12, № 1. С. 141-

151. DOI: 10.21638/spbu13.2020.110. EDN: BMSKWZ.

19. Mohanty S., Dutta R. Red Sea woes unlikely to dent Russia's position as India's top crude supplier // S&P Global. 2024. URL: <https://www.spglobal.com/commodity-insights/en/news-research/latest-news/crude-oil/010824-red-sea-woes-unlikely-to-dent-russias-position-as-indias-top-crude-supplier> (дата обращения: 23.07.2025).

20. Adeniran A., Raifu I. A., Nnamani G. Transparency in the procurement process in Nigeria // The Brookings Institution. 2024. URL: <https://www.brookings.edu/articles/transparency-in-the-procurement-process-in-nigeria/> (дата обращения: 23.07.2025).

21. Amusan T. What Nigeria Can Teach Us About China's Belt and Road // The Diplomat. 2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/11/what-nigeria-can-teach-us-about-chinas-belt-and-road/> (дата обращения: 23.07.2025).

22. Денисова Т. Нигерия и Китай: проблемы экономического и политического сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. № 3.

23. Глазкова Е. Н. Инвестиции из КНР как фактор развития китайского бизнеса в Нигерии // Russian Economic Bulletin. 2023. Т. 6, № 3. С. 191-195. EDN: KQUDBV.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная к рецензированию рукопись посвящена исследованию отношений Китая и Нигерии в рамках инициативы «Пояс и путь». Принимая во внимание растущее влияние Пекина в Африке, а также усиливающееся соперничество великих держав в этом регионе, актуальность темы не вызывает сомнений. К наиболее заметным достоинствам рецензируемой статьи можно отнести обилие эмпирического материала о современных китайско-нигерийских отношениях, собранного, обобщенного и изложенного автором. Вместе с тем, можно выделить ряд недостатков данной рукописи. Так, стремясь «определить уровень реализации проектов «Пояс и путь» в Нигерии» и «оценить текущее состояние инициативы «Пояс и путь» автор ничего не пишет о методологии, использованной для достижения этих целей. Также остается неясным, что автор понимает под «попыткой ответить на насущный вопрос о коренной заинтересованности Китая в предоставлении миллиардов долларов в виде кредитов на строительство железнодорожной и портовой инфраструктуры в Нигерии». Уже из самой постановки вопроса следует, что Китай заинтересован в предоставлении займов. Научная новизна предпринятого автором исследования представляется спорной. Текст рукописи носит преимущественно описательный характер, а все изложенные в статье данные относятся к уже известным фактам. При этом автор не предпринимает попыток обосновать вклад проведенного исследования в существующие знания об отношениях Китая и Нигерии, апелляция к оппонентам отсутствует. Отдельной проблемой рукописи является ее структура – в статье слишком много разделов (восемь!) и еще больше подразделов, сильно отличающихся по объему. Так, первый параграф седьмого раздела поделен аж на семь под-параграфов, некоторые из которых включают всего несколько предложений. Под-параграф 7.1.3. вообще состоит всего из двух предложений. Очевидно, что ни о каком глубоком анализе упоминаемых проблем говорить не приходится. При этом параграфы 7 и 8 диспропорционально велики, составляя едва ли не половину объема всей статьи. Стоит также отметить, что в упомянутых параграфах очень мало ссылок на литературу и первоисточники, поэтому зачастую сложно понять –

откуда автор берет те или иные сведения? Параграф шесть почти дословно повторяет название всей статьи, так что невольно возникает вопрос – зачем нужны все остальные разделы статьи? Четвертый параграф седьмого раздела («конкуренция со стороны западных стран») посвящен проблемам, практически не связанным с темой статьи – Китай и инициатива «Пояс и путь» упоминаются вскользь, и то лишь в самом конце параграфа. Кроме того, в тексте встречаются повторы. Так, автор дважды пишет о том, что инициатива «Пояс и путь» была запущена Си Цзиньпином в 2013 году – в начале введения и в начале третьего параграфа. Библиография построена исключительно на основе иностранных трудов, публикации российских авторов не упоминаются. Хотя китайско-нигерийские отношений не относятся к числу хорошо изученных в российском академическом поле проблем, можно порекомендовать автору сослаться на следующую работу – Денисова Т. Нигерия и Китай: проблемы экономического и политического сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. № 3. Среди англоязычных публикаций можно обратить внимание на такие статьи как Kevinus G., Moses S. *Balancing Act: Nigeria's Economic and Political Calculations with China amid Global Changes* // *International Relations*. 2025. № 3; Igbokwe C. *Nigeria-China Relations: Impact on Power and Development in Nigeria* // *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2020. № 1. В заключении автор не приходит к новым значимым исследовательским результатам и не дает ответов на сформулированные во введении вопросы 1) об уровне реализации проектов «Пояс и путь» и 2) об отличиях этих проектов от предыдущих инфраструктурных соглашений. С учетом высказанных замечаний, в текущем виде статья вряд ли может представлять интерес для аудитории журнала.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная к рецензированию рукопись посвящена исследованию отношений Китая и Нигерии в рамках инициативы «Пояс и путь». Принимая во внимание растущее влияние Пекина в Африке, а также усиливающееся соперничество великих держав в этом регионе, актуальность темы не вызывает сомнений. К наиболее заметным достоинствам рецензируемой статьи можно отнести обилие и разнообразие эмпирического материала о современных китайско-нигерийских отношениях, собранного, обобщенного и изложенного автором. Кроме того, в доработанном варианте рукописи присутствует обоснование подходов, с помощью которых автор стремится достичь поставленной цели. В то же время, я бы посоветовал убрать из введения пассаж о «междисциплинарном характере» исследования, так как все из перечисленных автором методов (в том числе историко-хронологический) используются в политологии. Далее автор переходит к историческому обзору китайско-нигерийских отношений. Основная проблема данного раздела заключается в том, что автор начинает с установления дипломатических отношений между Китаем и Нигерией в 1971 году, а затем сразу «перескакивает» к событиям XXI века. Остается неясным – что происходило в двусторонних отношениях с начала 1970-х и до середины 2000-х гг.? Использование

заявленного автором историко-хронологического анализа предполагает гораздо более тщательное изучение цепочки событий, оказавших определяющее влияние на современные отношения двух стран. Структура статьи стала более равновесной, но некоторые вопросы все равно остаются. Так, наряду с параграфом «ключевые сферы сотрудничества Китая и Нигерии в рамках ОПОП» в статье есть параграф с аналогичным названием – «стратегическое взаимодействие Китая и Нигерии в рамках ОПОП». Между этими параграфами «затесался» еще один небольшой параграф под названием «возможности сопряжения инициативы ОПОП со стратегиями Китая и Нигерии», из-за чего сильно страдает последовательность повествования. Гораздо логичнее было бы объединить параграфы, в которых автор предпринимает обзор «Пояса и Пути» и рассматривает особенности взаимодействия Китая и Нигерии. После этого можно переходить к анализу проблем сопряжения стратегий развития двух стран с форматом ОПОП. Соответственно, имеет смысл объединить параграфы «возможности сопряжения инициативы ОПОП со стратегиями развития Китая и Нигерии» и «проблемы стратегического сопряжения Китая и Нигерии в рамках ОПОП». Также остается непонятным, почему автор разделяет «выводы» и «закключение»? Настоятельно советую сделать один заключительный раздел, обобщающий полученные автором исследовательские результаты. В целом, высказанные замечания не носят принципиального характера и могут быть оперативно учтены автором. После этого статья может быть одобрена к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ермолаев И.А. От "дипломатического чуда" к системному напряжению: современные вызовы Системе Договора об Антарктике // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. С. 331-341. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76443 EDN: QZKKTQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76443

От "дипломатического чуда" к системному напряжению: современные вызовы Системе Договора об Антарктике

Ермолаев Иван Алексеевич

ORCID: 0000-0002-8944-7161

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 10

✉ aermolaev98@yandex.ru

[Статья из рубрики "Новые вызовы и угрозы безопасности современных государств"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76443

EDN:

QZKKTQ

Дата направления статьи в редакцию:

27-10-2025

Дата публикации:

24-12-2025

Аннотация: Предметом данного исследования является эволюция и современные вызовы Системы Договора об Антарктике как уникального международно-правового режима безопасности и научного сотрудничества на континенте. В данной статье автор анализирует исторические условия формирования режима, ключевые компромиссы Договора 1959 года, а также последующие кризисы и их разрешение. Центральное внимание в работе уделяется двум критическим событиям. Кризису конца 1980-х, связанным с проблемой добычей ресурсов в Антарктиде, решившимся принятием Протокола об охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1991, а также современным вызовам антарктическому режиму. В работе исследуется как изначальные лакуны и гибкие формулировки Договора об Антарктике в долгосрочной перспективе создали предпосылки для новых угроз его стабильности в изменившихся международных

условиях. В работе автор применяет такие методы исторического анализа, как сравнительный метод, проблемно-хронологический подход, ретроспективный метод и системный анализ. В работе с документами были применены методы контент и ивент анализа. Научная новизна данной работы заключается в комплексном анализе СДА как системы, чья устойчивость исторически зависела не от разрешения фундаментальных противоречий между участниками, а от их успешной отсрочки в уникальные исторические окна возможностей. В работе автор приходит к выводу, что Мадридский протокол, спасший систему путём введения бессрочного моратория на добычу ресурсов, сам заложил новый отсроченный кризис. В современных условиях эрозии глобальных институтов и возвращения силовой политики данный кризис приобретает системный характер. Выводы статьи указывают на то, что новые вызовы – появление военно-политического блока AUKUS, создающий риск ползучей милитаризации, и стратегии закрепления "фактического суверенитета" Аргентины и Чили подрывают универсалистские основы Система Договора об Антарктике.

Ключевые слова:

Договор об Антарктике, СД А, Чили, Аргентина, Антарктика, AUKUS, Фолклендские острова, Мальвинские острова, Латинская Америка, Южный Океан

Договор об Антарктике

Антарктида занимает уникальное место в системе современных международных отношений, являясь единственным континентом, где человеческая деятельность направлена исключительно идеалам мира, науки и сотрудничества. Данный особый статус стал возможен только благодаря формированию специфического международно-правового режима, известному как Система Договоров об Антарктике. Данный режим был основан на системе многосторонних договоров, появившихся в уникальном историческом окне возможностей. Современный международно-правовой режим Антарктиды был создан с первоначальной целью заморозки новых территориальных претензий, но его компромиссный характер и гибкие формулировки заложили основу для появления новых вызовов в будущем. Если ранее подобные вызовы страны смогли преодолеть из-за уникальной международной обстановки окончания Холодной войны, то сегодня подобный кризис Система Договора об Антарктике может не пережить.

Формирование уникального режима неразрывно связано с периодом «войны флагов», предшествовавшим подписанию Договора об Антарктике 1959 года^[1]. К середине XX века семь государств: Великобритания, Аргентина, Чили, Австралия, Новая Зеландия, Франция и Норвегия – выдвинули территориальные претензии на антарктические сектора. Наиболее острым и потенциально опасным стал сектор Антарктиды между 90° и 150° западной долготы, где пересекались интересы Аргентины, Чили и Великобритании. Данный конфликт, имевший глубокие исторические корни приводил к перестрелкам на антарктических базах, создавая реальную угрозу эскалации в удалённом регионе.

Глобальный контекст того периода Холодной войны выступал в качестве катализатора переговоров^[2]. Противостояние сверхдержав создало серьёзные риски проекции биполярной конфронтации на Антарктику, что могло привести к её милитаризации и политизации. Поворотным моментом в истории стал Международный геофизический год 1957-1958 годов, который продемонстрировал беспрецедентные возможности международной научной кооперации^[3]. Успех МГГ в рамках которого 12 стран, среди

которых были СССР и США, совместно работали на континенте, доказал практическую осуществимость взаимодействия поверх политических барьеров и стал функциональным прообразом будущего режима управления.

В итоге мир стал свидетелем подписания Вашингтонского Договора об Антарктике 1959 года, представлявший собой классический пример компромисса. Ключевые принципы договора сформировали каркас всего режима в будущем. Статья 1 провозгласила демилитаризацию континента, запретив создание любых военных баз и проведение каких-либо манёвров в Антарктическом регионе^[4]. Статья 2 закрепила свободу научных исследований. Важнейшей статьёй договора стала статья 4, закрепившая компромисс «замороженного суверенитета». Данная статья констатировала правовой тупик и «заморозила» статус-кво в отношении суверенитета в регионе. Статья не решала вопрос «Чей суверенитет?», а заключала соглашение о несогласии, откладывая его на неопределённое будущее. Только таким образом получилось усадить за один стол Великобританию, Аргентину и Чили, чьи интересы в Антарктике пересекались. Именно таким образом удалось предотвратить конфликт – не решить его, а отложить на неопределённый срок.

Мадридский протокол: тяжёлый путь из кризиса

Критическим периодом для всей Система Договора об Антарктике стали конец 1980-х и начало 1990-х. В мире к тому периоду уже существовало понимание, что в недрах «Белого континента» находятся практически неисчерпаемые запасы ресурсов. В 1960-1970-х научный интерес уже смещался к целенаправленным программам исследования геологического состава материка. Учёные осторожно говорили об «оценках ресурсного потенциала», однако политики и СМИ уже транслировали это как «разведанные запасы», что меняло восприятие проблемы переводя её из научной в уже экономическую плоскость. Нарратив строился вокруг трёх ключевых компонентов из которых углеводороды стали главным драйвером. Наибольший интерес вызывали три крупнейших осадочных бассейна: моря Росса, Уэдделла и Беллинсгаузена. Оценки их потенциала, хоть и варьировались, были впечатляющими. Например, в 1974 году USGS оценивала потенциальные ресурсы антарктических углеводородов в 45 миллиардов баррелей нефти и 115 триллионов кубометров газа. В условиях мирового энергетического кризиса^[5] эти цифры, несмотря на свою гипотетичность, сделали Антарктику объектом стратегического внимания. Успехи шельфовой добычи в сложных условиях Аляски и Северного моря создавали прецедент, подкрепляя веру в то, что технологические барьеры будут преодолены. Чтобы не допустить нового разгорания конфликта на континенте была предпринята попытка усиления Антарктического режима через создание Конвенции о регулировании освоения минеральных ресурсов Антарктики (CRAMRA).

К сожалению, идея CRAMRA была провальной по многим причинам, среди которых основными были две:

1) Внутренний институциональный паралич. Право вето государств-заявителей, способное заблокировать любые инициативы в регионе и парализовать работу нового органа. Страны участницы CRAMRA не могли договориться друг с другом ни по одному существенному вопросу о будущем Антарктиды.

2) Параллельно в мире популярность набирали разнообразные НКО, продвигавшие идею Антарктиды как «Мирового Парка». Данная кампания происходила на фоне Чернобыльской катастрофы 1986 года, разливов нефти в разных точках планеты. Также параллельно появлялись научные труды, где утверждалось, что в случае подобных

катастроф на территории «Белого материка» ликвидировать последствия будет невозможно.

Финальным ударом по конвенции стали решения двух её основателей – Австралии и Франции, которые почти одновременно отказались от ратификации. Данный демарш не был спонтанным, а стал закономерным результатом конвергенции внутренней и политической динамики и изменившихся глобальных приоритетов. В Австралии правительство лейбористов под руководством Боба Хоука, столкнувшись с сильным оппозиционным движением, провело пересмотр своей позиции. Министр окружающей среды Грэм Ричардсон, стремясь укрепить внутреннюю легитимность и позиционировать страну как лидера в области экологической политики, инициировал публичные слушания, которые продемонстрировали неприемлемость CRAMRA с точки зрения экологической безопасности континента.

Франция тоже совершила разворот в области экологической политики. Под руководством министра окружающей среды Бриса Лаломера официальный Париж выбрал курс на укрепление имиджа защитников экологии. Отказ от конвенции, ассоциировавшийся с рискованной эксплуатацией, стал краеугольным камнем этой новой внешнеполитической повестки.

Таким образом Франция и Австралия стали спусковым крючком в системном сбое CRAMRA^[6]. Поскольку вступлением CRAMRA в силу было обусловлено принципом единогласия всех сторон, демарш двух стран привел не просто к ослаблению, а к полному юридическому краху инициативы. Эти решения ознаменовали триумф национальной политической целесообразности и новой экологической этики над формальными дипломатическими договорённостями. Отказ этих двух стран запустил каскадный эффект легитимационного кризиса, сделав невозможным сохранение прежнего компромисса и вынудив страны участницы СДА искать радикально новое решение, которое было найдено в Мадридском протоколе 1991 года.

В условиях сложного кризиса СДА Мадридский протокол^[7] помог преодолеть кризис. Говоря об истории принятия протокола, нужно понимать уникальность исторического момента, когда данный документ был принят. В мире официально закончилась Холодная война. В тех условиях появилась возможность кардинально поменять парадигму по вопросу Антарктики. Если CRAMRA пыталась регулировать все вопросы, связанные с добычей любых ресурсов на территории Антарктиды, то Мадридский протокол поставил безусловный бессрочный запрет на любую добычу. Это был революционный подход в тот период, устранивший риски для СДА и самое главное восстановивший доверие к системе, придав ей экологическую легитимность в глазах мира. Добиться это удалось в короткие сроки благодаря принятию следующих статей:

- 1) Статья 2 провозгласила Антарктику природным заповедником, предназначенным для мира и науки. Это не декларация, а юридически обязывающий принцип, устанавливающий императив из которой должны исходить все страны.
- 2) Статья 7 содержит положение «Любая деятельность, связанная с минеральными ресурсами, кроме научных исследований, запрещается». Это был прямой и бескомпромиссный ответ на вызов, с которым не справилась CRAMRA. Запрет, оформленный как бессрочный, юридически вывел ресурсный вопрос из текущей на тот момент политической повестки.
- 3) Статья 3 и Приложение 1 дали механизмы реализации принципа предосторожности.

Чтобы запрет работал, Протокол ввел жёсткую систему оценки воздействия на окружающую среду. Любая деятельность: научная, туристическая, логистическая – подлежит обязательной оценке. Это превратило экологический императив в рутинную административную процедуру, встроенную в процесс любого антарктического планирования.

4) Статья 25 стала, пожалуй, наиболее важной статьёй в документе, закрепив институциональную временность данного документа. Парадоксально, но именно эта статья, обеспечившая принятие данного протокола, заложила главный вызов для будущего. Она установила, что по истечении 50 лет с момента вступления в силу в 1998 году любая консультативная сторона может инициировать процесс пересмотра протокола, включая ключевую статью 7 о запрете. Таким образом, Протокол не разрешил ресурсный вопрос, а отложил его, создав фиксированный горизонт политического напряжения.

Таким образом, принятие Мадридского протокола оказалось спасением для СДА, ставшей возможной только благодаря уникальному окну возможностей в начале 1990-х годов. Протокол выполнил свою кризисную миссию, совершив революционную смену парадигмы. Однако он не устранил фундаментальные противоречия, лишь отсрочив их. Именно эта отсрочка, а не окончательное решение определила современную динамику в Антарктиде^[8]. Сегодня Протокол функционирует как стабилизирующий, но временный каркас, чья собственная судьба стала центральным элементом стратегического планирования всех ключевых игроков. В условиях смены глобальной международной системы возникают новые вызовы, прямо и косвенно затрагивающие стабильность СДА.

Современные вызовы СДА

Сегодня в 2025 году стабильность Системы Договора об Антарктике подвергается эрозии как от некоторых региональных игроков, так и от глобальных акторов МО. На сегодняшний день главный тренд наблюдается не в открытом отрицании принципов СДА, а в эксплуатации юридических «серых зон», и в появлении факторов за пределами антарктического региона, косвенно влияющие на Антарктиду.

Фактор AUKUS

Первый и наиболее существенный вызов стабильности СДА исходит из взаимодействия двух стратегий, реализуемых глобальными игроками. С одной стороны, Китайская Народная Республика, наращивая своё присутствие с 1983 года, прошла путь от новичка до одной из ведущих антарктических стран^[9]. Обладая четырьмя круглогодичными станциями: «Чанчэн», «Чжуншань», «Куньлунь», «Тайшань» - КНР ввела в эксплуатацию пятую станцию в районе моря Росса. Также Китай расширяет свой ледокольный флот, состоящий из 8 ледоколов, 3 из которых постоянно активны: «Сюэлун-1», «Сюэлун-2», «Чжун Шань Да Сюэ Цзи Ди». В 2025 году был запланирован спуск на воду ещё одного китайского ледокола^[10]. Подобные беспрецедентные масштабы и ресурсы Пекина трансформируют эту деятельность в качественно иное явление, создающее системное давление на режим. Подобная экспансия под предлогом научного развития представляет собой классическую эксплуатацию правовых «серых зон» Договора, находящую параллели в действиях КНР в других регионах, таких как строительство искусственных островов в Южно-Китайском море.

Ответом на стремительное усиление КНР в Азии стало появление AUKUS^[11]. Глубинной причиной объединения Австралии, Великобритании и США стал стратегический сдвиг в

Азиатско-Тихоокеанском регионе, где усиление Китая было воспринято как цивилизационно-политический вызов либеральному миропорядку. В этом контексте прагматичные шаги КНР во всех остальных регионах, включая Антарктику, были идеологически переосмыслены в аналитических и медийных нарративах как проявление «авторитарной экспансии» и подготовки к хищнической эксплуатации. Такой дискурс легитимизировал создание AUKUS как оборонительной миссии по защите «миропорядка, основанного на правилах» от «ревизионизма авторитарных режимов».

Хотя формально блок сфокусирован на Азиатско-Тихоокеанский регион, AUKUS географически обладает серьёзной проекцией на Антарктику в силу состава участников:

- Австралия и Великобритания являются заявителями в рамках СДА;
- США обладают «основой для претензий» в соответствии со Статьёй IV Договора;

AUKUS ознаменовал собой сдвиг парадигмы, так как формирование закрытого военно-политического альянса из нескольких участников СДА создаёт проблемы для самой антарктической системы, так как противоречит духу открытости и сотрудничества. Появление блока усилило опасения мирового сообщества из-за ползучей милитаризации под предлогом безопасности, что создаёт проблемы в рамках Статьи 1 Договора об Антарктике. Также нельзя не учитывать тот факт, что в рамках даже СДА создаётся неформальная коалиция, которая может согласованно влиять на повестку, что маргинализирует остальных участников.

Факты на земле

В отличие от косвенной стратегии давления на СДА, реализуемой глобальными игроками, стратегии Аргентины и Чили носят прямой и локализованный характер. Их цель заключается не в глобальной проекции силы, а в фактическом и демографическом закреплении на территории «белого континента», для создания неоспоримых аргументов в пользу будущего суверенитета^[12]. Эта стратегия представляет собой целенаправленную эксплуатацию главной правовой лакуны Договора об Антарктике 1959 года – Статьи 4 о «замороженных претензиях». Если Статья IV замораживает юридический статус территорий, то действия Буэнос-Айреса и Сантьяго направлены на постепенное формирование нового фактического статуса через методичное создание «необратимых демографических и административных фактов», призванных изменить реальность на земле до любого будущего юридического пересмотра^[13].

Реализуя такую стратегию, Чили и Аргентина применяют различные, но при этом взаимодополняющие подходы отражающие их национальные особенности.

Чилийский подход основан на системной интеграции антарктических территорий в национальное поле, что закреплено в доктрине «Трансконтинентального Чили»^[14]. В данной стратегии важнейшим активом является аэродром «Teniente Rodolfo Marsh» на острове Кинг Джордж. Это ключевой аэродром для тяжёлой авиации, создающий операционную зависимость для многих стран: от Уругвая и Перу до Китая и США^[15]. Чили создала крайне проработанную систему связи с внешним миром, и выступает перевалочным узлом для посылок и международной почты для остальных стран, у которых есть базы в Антарктиде. Поселение «Villa las Estrellas», расположенный на территории станции «Presidente Eduardo Frei Montalva» моделирует обычное гражданское поселение, где есть школа, больница, банк, супермаркет, обеспечивающие возможность круглогодичного проживания^[16].

Также важно отметить, что Антарктический сектор Чили официально включён в состав региона «Magallanes y de la Antártica Chilena». Подобное административное деление распространяет на Антарктический сектор Чили её национальное законодательство, юрисдикцию местных властей и полное бюрократическое управление^[17].

В своём публичном поле Чилийское руководство постоянно символически подчёркивало Антарктический сектор, как естественное продолжение Чили. Карта «Трансконтинентального Чили» используется на официальных почтовых марках. Также для почтовых марок используются портреты национальные исследователей и военных, занимавшихся освоением «Белого континента». Самый яркий пример – Эрнесто Гонсалес Наваррете – командир Чилийской Антарктической экспедиции, построивший со своими людьми станцию «General Bernardo O'Higgins». Каждая марка – это маленький идеологический манифест, тиражируемый на внутреннем и международном уровне.

Наиболее показательным феноменом стала коммерческая адаптация антарктического нарратива, что показывает её глубокое проникновение в массовую культуру. На рубеже тысячелетий Чилийские телекоммуникационные компании, например Entel использовали антарктическую тему в своих рекламных кампаниях, что усиливало патриотический настрой в антарктическом дискурсе чилийского общества^[18].

Такой подход позволил трансформировать геополитическую претензию в неотъемлемую часть национальной идентичности, сделав её устойчивой к внешней критике и внутренним политическим колебаниям. Слоган о связи, ловащей в Антарктиде, – не просто реклама, а яркое свидетельство того, как идеология суверенитета стала частью повседневного языка и массового сознания чилийского общества.

В то же время аргентинская стратегия фокусируется на символическом огосударствлении жизни и создании максимально автономной системы. Административной и правовой основой для этих действия служит провинция «Provincia de Tierra del Fuego, Antártida e Islas del Atlántico Sur», в состав которой законодательно включена «Аргентинская Антарктика»^[19]. Опорой для аргентинской проекции суверенитета на Антарктиду служит город Ушуая, выступающий в роли главного узла, собственный ледокол «ARA Almirante Irizar» и развернутая сеть баз. База «Эсперанса» моделирует гражданское поселение с государственной инфраструктурой. На территории базы имеются школа, больница, радиосвязь. Кульминацией символической стратегии Аргентины стало спланированное рождение Эмилио Пальмы^[20] в 1978 году – первого человека, рожденного на Антарктиде.

В целом, стратегия Аргентины строится на концепции «Унаследованных прав» и неразрывно связаны с проблемой Мальвинских островов в единый «Национальный вызов»^[21]. Подобное соединение нарративов создаёт образ двойной исторической несправедливости и обладает колоссальной эмоциональной силой. Важно понимать, что такая риторика превращает антарктическую политику из прагматичного вопроса дипломатии в высшую миссию в рамках такого дискурса.

Аргентинский антарктический дискурс – это риторика сакрального, не подлежащего обсуждению реванша. Он превратил геополитическую претензию в краеугольный камень национальной идентичности, сплавленный с травмой фолклендского поражения.

Заключение

Таким образом видно, что уникальная Система Договора об Антарктике входит в XXI

веке в состояние системного напряжения. Появившаяся в уникальном историческом окне возможностей середины прошлого века как «дипломатическое чудо» система сталкивается не с открытым отрицанием, а с комплексным стратегическим обживанием её «правовых лакун». Сегодня постепенно начинают звучать голоса об опасностях нынешней международной обстановки для США, но пока эти голоса звучат в рамках уходящей парадигмы международной системы, где доминировали «глобальные институты. Международные процессы эрозии международных институтов, происходившие последние 30 лет путём «гуманитарных интервенций», «операций по принуждению к миру», «специальных военных операций», «антитеррористических операций», сегодня уже достигли своего апогея. Если раньше в рамках послевоенной ялтинско-потсдамской системы война была абсолютным табу, то сегодня она вновь воспринимается как допустимый, хотя и крайний способ в условиях провала дипломатии. Эта перемена знаменует не просто кризис отдельных институтов в отдельных регионах мира, а глубинную трансформацию самой логики международных отношений.

Новая реальность международной системы напрямую проецируется на уязвимый антарктический режим. Исчезновения абсолютного табу на войну снижает психологический барьер перед силовым решением споров. Конфликт в отдалённом регионе, где нет постоянного населения будет восприниматься как наименее рискованная авантюра, и появление таких блоков как AUKUS не ослабляют, а усиливают давление на Антарктический режим. В новой системе стратегии Аргентины и Чили получают новое измерение, где их логистика и связь с южным континентом становится ещё и серьёзным активом для силового удержания в случае дестабилизации режима.

Судьба Антарктики как континента мира и науки более не гарантирована. Система Договора, созданная для изоляции от геополитики, сама стала её объектом. Универсалистский идеализм, на котором она была построена, сталкивается с возрождением в странах национальных интересов и прагматичного реализма.

Исторический опыт показал, что США способна преодолевать кризисы через радикальное обновление своих основ, как это было в 1991 году. Однако в прошлом для этого требовалось уникальное стечение обстоятельств – «окно возможностей» конца Холодной войны. Сегодня в условиях эрозии глобальных институтов и роста стратегического соперничества, простое сохранение статус-кво выглядит маловероятным. Продолжение существования США в её нынешнем виде потребует не эволюции, а заключения нового фундаментального документа между странами-участницами, который сможет дать ответ на вызовы новой эпохи.

Библиография

1. Горлатых О.Ю. Особенности международно-правового режима Антарктики: теоретико-правовой и практический аспекты // Международно-правовая система и наука в поиске ответов на глобальные вызовы. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2024. С. 117-121. EDN: AHRUGF.
2. Колесникова Е.А. Антарктика: история освоения и перспективы международного управления в XXI веке // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 4. С. 182-203. EDN: VRNIAF.
3. Белоусов В.В. Международный геофизический год // Наука и жизнь. 1957. № 7. С. 27-29.
4. Лукин В.В., Тимохин К.В. Пролог дебюта на шестом континенте // Международная жизнь. 2023. № 9. С. 94-105. EDN: NHLTJB.
5. Степанова С.С. К вопросу о территориальном разделе Антарктики // Актуальные

проблемы науки и практики. 2024. № 1. С. 60-64. EDN: CUUQHW.

6. Podehl, J.G., Donald, R.R. New Zealand and the Convention on the Regulation of Antarctic Mineral Resource Activities (CRAMRA): An Unhappy Divorce? // Victoria University of Wellington Law Review. 1992. № 22(1). P. 33.

7. Hemmings, A.D. Why did we negotiate the Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty? // Antarctic Science. 2011. № 23(2). Pp. 181-192.

8. Гудев П.А. Проблемы системы договора об Антарктике (Политико-правовые аспекты) // Общественные науки и современность. 2021. № 6. С. 91-103. DOI: 10.31857/S086904990017873-2. EDN: FNYFTP.

9. Чэнь Ц. Антарктика в Китайской доктрине // Евразийский Юридический Журнал. 2022. № 4. С. 42-43. EDN: BLGEGO.

10. Лабин Д.К., Чэнь Ц. Роль Китая в развитии международного сотрудничества в Антарктике: правовой анализ позиции и действий // Право и управление XXI век. 2025. № 1. С. 49-57. DOI: 10.24833/2073-8420-2025-1-74-49-57. EDN: DZNXNF.

11. Leonova O. The Impact of the Strategic Partnership AUKUS on the Geopolitical Situation in the Indo-Pacific Region // International Organisations Research Journal. 2022. № 3. С. 194-211.

12. Андреев А.С. Антарктида во внешней политике стран Латинской Америки // Латинская Америка. 2020. № 6. С. 82-94. DOI: 10.31857/S0044748X0009594-2. EDN: OAHSLW.

13. Ferrada L.V., Caldera D.A. Negotiation, adoption and domestic implementation of the annex on liability to the Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty // Antarctic science. 2024. № 5. С. 1-20. DOI: 10.1017/s0954102024000269. EDN: BAVULE.

14. Ferrada L.V. Latin America and the Antarctic Treaty System as a legal regime // The Polar Journal. 2020. № 9(2). С. 286-299.

15. Лукин В.В. Регион для науки – без государственных границ и вооружений. К 65-летию Договора об Антарктике // Общественные науки и современность. 2025. № 3. С. 48-61. DOI: 10.31857/S0869049925030041. EDN: KAMRTC.

16. de la Barra O.P. Chilean Sovereignty in Antarctica. Santiago de Chile: Editorial del Pacífico, 1955. P. 32.

17. Маменова К.М. Роль государства и международных организаций в управлении Антарктикой // Научные исследования молодых учёных: новая экономика и тренды в устойчивом развитии. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. С. 250-253.

18. Jaeckel A. The International Seabed Authority and the Precautionary Principle: Balancing Deep Seabed Mineral Mining and Marine Environmental Protection. 2017.

19. Алексеенко Ю.А. Предпосылки к эволюции режима управления Антарктикой // Вопросы Политологии. 2022. № 5. С. 1720–1728. DOI: 10.35775/PSI.2022.81.5.037. EDN: PLWGUD.

20. Benwell M.C., Dodds K. Argentine territorial nationalism revisited: the Malvinas/Falklands dispute and geographies of everyday nationalism // Political Geography. 2011. № 30. С. 441-449.

21. Ермолаев И.А. Мальвинские острова: историческое наследие и современные вызовы для Аргентины и Соединённого Королевства // Международные отношения. 2025. № 2. С. 211-220. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.2.73808 EDN: EGDSKW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73808

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

О переменах на международной арене сегодня говорят различные специалисты – философы, политологи, социологи. И действительно, на наших глазах происходит трансформация монополярного мира во главе с США в мир многополярный, в связи с чем вызывает важность изучение различных аспектов становления нового миропорядка. Конечно, на повестке дня по-прежнему такие традиционные горячие регионы, как Ближний Восток, но проблемными становятся и другие зоны, в частности Антарктида, прежде воспринимаемое как исключительно поля для научных исследований.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является современный международно-правовой режим Антарктиды. Автор ставит своими задачами показать обстоятельства заключения Договора об Антарктиде, раскрыть возникающие сложности вокруг Антарктического региона, а также определить дальнейшую судьбу континента в рамках рассматриваемого договора.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников и исследований стремится охарактеризовать современные вызовы Договору о Антарктике.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из используемых автором трудов отметим работы В.В. Лукина, А.С. Андреева, О.Ю. Горлатых, О. де ля Барры и других специалистов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения международно-правового режима Антарктики. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как современными международными отношениями, в целом, так и Антарктическим регионом, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «современный международно-правовой режим Антарктиды был создан с первоначальной целью заморозки новых территориальных претензий, но его компромиссный характер и гибкие формулировки заложили основу для появления новых вызовов в будущем». Автор обращает внимание на то, что «ранее подобные вызовы страны смогли преодолеть из-за уникальной международной обстановки окончания Холодной войны, то сегодня подобный кризис Система Договора об Антарктике может не пережить». В работе показано, что «в отличие от косвенной стратегии давления на США, реализуемой глобальными игроками, стратегии Аргентины и Чили носят прямой и локализованный характер», так, например, «Антарктический сектор

Чили официально включён в состав региона «Magallanes y de la Antártica Chilena».

Главным выводом статьи является то, что «продолжение существования США в её нынешнем виде потребует не эволюции, а заключения нового фундаментального документа между странами-участницами, который сможет дать ответ на вызовы новой эпохи».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках изучения стратегий современных международных отношений.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Цянь Ю. Гуманистический компонент глобальной и региональной политики Китая: ключевые концепции и стратегии // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.77442 EDN: TLWXHK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77442

Гуманистический компонент глобальной и региональной политики Китая: ключевые концепции и стратегии

Цянь Юаньцин

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 10

✉ 1042248204@pfur.ru

[Статья из рубрики "Международный имидж государства"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.77442

EDN:

TLWXHK

Дата направления статьи в редакцию:

24-12-2025

Дата публикации:

31-12-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу гуманитарной составляющей внешней политики Китайской Народной Республики в региональном и глобальном контексте. Предметом исследования выступает совокупность идейных концепций, ценностных установок и практических стратегий, посредством которых Китай формирует и продвигает свое гуманитарное влияние на международной арене. Особое внимание уделяется эволюции внешнеполитического дискурса КНР – от концепций «мирного развития» и «гармоничного мира», характерных для периода руководства Ху Цзиньтао, к идее «сообщества единой судьбы человечества» и концепции «культурной мягкой силы под контролем государства», разработанных и институционализированных в эпоху Си Цзиньпина. В статье рассматривается роль культуры, идеологии, межкультурного диалога, народной дипломатии и гуманитарных обменов как инструментов укрепления

международного имиджа Китая, снижения внешнеполитических рисков и продвижения национальных интересов. Анализ охватывает взаимосвязь внутренней культурно-идеологической политики КНР и ее проекции во внешнеполитическую практику, а также влияние гуманитарных факторов на позиционирование Китая в системе современных международных отношений. В исследовании используются цивилизационный и конструктивистский подходы, элементы теории «мягкой силы», а также методы сравнительно-политического, историко-генетического и дискурс-анализа официальных документов и выступлений китайских лидеров. Научная новизна статьи заключается в комплексном осмыслении гуманитарной составляющей внешней политики КНР как целостной стратегии, объединяющей культурные, идеологические и политические инструменты воздействия. Делается вывод о том, что переход от концепции «гармоничного мира» к идее «сообщества единой судьбы человечества» отражает не только рост международных амбиций Китая, но и стремление предложить альтернативную модель глобального развития, основанную на принципах культурного многообразия, суверенного равенства и взаимной выгоды. В статье также обосновывается, что гуманитарная стратегия КНР выполняет двойственную функцию: с одной стороны, она направлена на формирование благоприятной внешней среды и укрепление международного авторитета страны, а с другой – служит инструментом внутренней консолидации и легитимации курса КПК.

Ключевые слова:

Китай, внешняя политика КНР, гуманитарная составляющая, мягкая сила, гармоничный мир, сообщество единой судьбы, культурная дипломатия, идеология КПК, межкультурный диалог, государственная культурная политика

Введение

В условиях трансформации современной системы международных отношений и усиления роли нематериальных факторов влияния особую значимость приобретает гуманитарное измерение внешней политики государств. Для Китайской Народной Республики, чье экономическое и политическое присутствие на региональном и глобальном уровнях неуклонно расширяется, гуманитарная составляющая становится важным инструментом формирования позитивного международного имиджа, снижения внешнеполитических рисков и продвижения собственных ценностных ориентиров. Усиление конкуренции в сфере «мягкой силы», рост значения культурной дипломатии, межкультурного диалога и идеологических нарративов обуславливают актуальность комплексного анализа гуманитарных аспектов внешнеполитической стратегии КНР.

Актуальность настоящего исследования также определяется эволюцией внешнеполитического дискурса Китая — от концепций «мирного развития» и «гармоничного мира» к идее «сообщества единой судьбы человечества», а также институционализацией гуманитарных инструментов во внешней политике в «эпоху Си Цзиньпина». Несмотря на растущий интерес научного сообщества к китайской «мягкой силе», проблема соотношения идеологических, культурных и политических компонентов гуманитарной стратегии КНР, а также их роли в региональном и глобальном контексте, до сих пор остается дискуссионной и недостаточно систематизированной.

Проблема исследования заключается в выявлении специфики и направлений усиления гуманитарной составляющей внешней политики Китая, а также в определении того,

каким образом ключевые концепции — «гармоничный мир», «культурная мягкая сила» и «сообщество единой судьбы человечества» — трансформируются в практические стратегии внешнеполитического взаимодействия. Особое внимание уделяется взаимосвязи внутренней идеологической повестки КНР и её проекции на международную арену.

Предметом исследования является гуманитарная составляющая внешней политики КНР как совокупность идейных установок, концептуальных подходов и практических механизмов культурного, идеологического и цивилизационного влияния Китая в региональном и глобальном пространстве.

Цель исследования — проанализировать ключевые концепции и стратегии, определяющие усиление гуманитарного измерения внешней политики Китая, а также выявить их значение для формирования международного образа КНР и реализации её долгосрочных внешнеполитических задач.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют положения теории «мягкой силы» [\[1\]](#). Данная теория позволила проанализировать культуру, ценности, идеологические нарративы и гуманитарные инициативы Китая в качестве ресурсов международного влияния, альтернативных прямому экономическому или военно-политическому давлению. В рамках данного теоретического подхода стало возможным выявить практические результаты политики Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина, выразившиеся в институционализации культурной дипломатии, расширении гуманитарных обменов, продвижении китайских концепций мирового развития и формировании позитивного образа КНР как ответственной и миролюбивой державы. В работе используются общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также специальные методы политологического исследования: сравнительно-политический, историко-генетический и дискурс-анализ.

Научная новизна статьи заключается в комплексном и системном анализе гуманитарной составляющей внешней политики Китайской Народной Республики в контексте эволюции идеологических концепций и практических стратегий периода руководства Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина. В отличие от существующих работ, в которых гуманитарное измерение внешней политики КНР преимущественно рассматривается фрагментарно — либо через призму культурной дипломатии, либо в рамках теории «мягкой силы», — в статье гуманитарная политика Китая представлена как целостный и институционально оформленный механизм реализации национальных интересов.

Концепция «гармоничного мира» как идейная основа народной дипломатии КНР

Китай стремится укреплять свою роль в решении мировых вопросов, руководствуясь национальными интересами. Хотя в 2003 г. страна провозгласила курс на «мирное возвышение» (和平崛起 – хэпин цзюэци) [\[2\]](#), международная настороженность, включая дискуссии о «китайской угрозе», вынудила скорректировать риторику. Концепция была переименована в «мирное развитие» (和平发展 – хэпин фачжань), а статус Китая стал определяться как «ответственная развивающаяся великая держава» (负责任的发展中大国 – фуцзэжэнь дэ фачжань чжун даго). Это отражает стремление совместить образ развивающегося государства с реальным глобальным влиянием, не отказываясь от принципа осторожного стратегического планирования [\[3\]](#).

Параллельно внутри страны был утверждён принцип «человек как основа» (2003 г.), закреплённый в Конституции (2004 г.) и программах развития. Он ориентирован на

всестороннее благополучие человека и реализуется через «пять гармоний»: между городом и селом, регионами, экономикой и обществом, человеком и природой, внутренним развитием и открытостью [\[4\]](#). Таким образом, внешнеполитическая стратегия балансирует между глобальными амбициями и смягчением опасений, а внутренняя — сочетает экономический рост с социальными приоритетами.

Идея гармонии получила дальнейшее развитие на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (16–19 сентября 2004 г.), где была представлена концепция «научного развития» (科学发展观 – кэсюэ фачжань гуань) [\[5\]](#), направленная на согласованное развитие экономической, социальной, экологической, образовательной, культурной и спортивной сфер. Председатель Ху Цзиньтао выделил шесть основных направлений построения «гармоничного социалистического общества», которые были утверждены на 5-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2005 г.). Эти направления включают:

- 1) развитие демократии и правопорядка через усиление социалистического законодательства и управления на основе законов;
- 2) достижение равенства и справедливости, предполагающее согласование интересов всех слоев общества и обеспечение социальной гармонии;
- 3) укрепление искренности и дружбы на основе взаимного доверия, равенства и сотрудничества;
- 4) повышение жизнеспособности общества через поддержку творчества и инноваций;
- 5) поддержание стабильного общественного порядка через совершенствование социального управления;
- 6) гармонию между человеком и природой через развитие производства при сохранении экологии [\[6\]](#).

Эти идеи нашли дальнейшую конкретизацию в «Решении ЦК КПК о строительстве гармоничного социалистического общества» (6-й пленум ЦК КПК 16-го созыва, 8–11 октября 2006 г.). В этом документе подчеркивается необходимость комплексного подхода к социально-экономическому, политическому и культурному развитию [\[7\]](#). Такой подход стал основой для формирования гармоничного общества и укрепления международной позиции Китая. В результате, внешняя политика КНР выглядит логичным продолжением внутренних преобразований, ориентированных на долгосрочную стабильность и развитие.

Решение 6-го пленума ЦК КПК 16-го созыва поставило задачу создания гармоничной культуры, разработав комплексный план её построения. По мнению профессора Цин Ляньбиня из Партийной школы ЦК КПК, это требует внедрения «социалистического взгляда на славу и позор», укрепления моральных ценностей, формирования позитивной и здоровой общественной атмосферы, а также активного продвижения идей гармонии в обществе [\[8\]](#). Таким образом, концепция «социалистического гармоничного общества» не только стала приоритетной, но и была официально закреплена в партийных документах, оставаясь ключевым элементом наряду с «концепцией научного развития», которая сохраняет значение в качестве стратегической цели, направленной на создание гармоничного социалистического общества.

На международной арене концепция «гармоничного мира» приобрела большую актуальность. Впервые её озвучил председатель КНР Ху Цзиньтао на Афро-азиатском

саммите в Джакарте (апрель 2005 г.), подчеркнув необходимость совместного строительства гармоничного мира. В том же году идея была поддержана в «Совместной Декларации КНР и Российской Федерации о международном порядке в XXI веке», где акцент сделан на «многообразии культур и цивилизаций как основе их взаимного обогащения».

На саммите ООН, посвящённом 60-летию организации (сентябрь 2005 г.), Ху Цзиньтао представил концепцию гармоничного мира, выделив четыре ключевых направления: формирование новой концепции безопасности, основанной на доверии и сотрудничестве; выполнение Целей развития тысячелетия; уважение права стран на самостоятельный выбор пути развития и укрепление культурного диалога; а также повышение эффективности работы ООН в решении глобальных вызовов [\[9\]](#).

Идея гармоничного миропорядка получила дальнейшее развитие в Белой книге «Китайский путь мирного развития», опубликованной Пресс-бюро Государственного Совета Китая в декабре 2005 года. В документе подчеркивается, что гармоничный миропорядок должен быть демократическим, справедливым, устойчивым и включающим все страны, что отражает стремление Китая к построению мирной и справедливой международной системы [\[10\]](#).

Раскрывая суть данной концепции, заместитель министра иностранных дел Китая Ян Цзечи в апреле 2006 года отметил, что гармоничный мир, который продвигает Китай, должен быть миром взаимной выгоды и сотрудничества. В этом мире экономическая глобализация и научно-технический прогресс способствуют общему развитию международного сообщества, в первую очередь развивающихся стран [\[11\]](#). Особое внимание уделяется разнообразию цивилизаций, которые взаимодействуют и дополняют друг друга, а также неизбежности совместного развития.

В своей речи в Иельском университете 21 июня 2006 г., обсуждая цивилизационно-культурное разнообразие и роль китайской культуры, Ху Цзиньтао подчеркнул, что культурное разнообразие является объективной реальностью человеческого общества, характерной чертой современного мира и важным двигателем человеческого прогресса. Он отметил, что в процессе обмена цивилизациями необходимо преодолевать не только естественные барьеры и недопонимание, но и идеологические преграды, а также все формы предрассудков. Для этого следует активно поддерживать разнообразие мира и содействовать диалогу между цивилизациями. Он выделил влияние китайской культуры на развитие современного общества, отметив, что многовековые культурные традиции китайской нации оказывают глубокое воздействие как на древний, так и на современный Китай. Среди ключевых ценностей, которые прослеживаются в истории китайской цивилизации, он назвал уважение к человеческому достоинству и ценности личности, стремление к самосовершенствованию, социальную гармонию, сплоченность и добрососедские отношения [\[12\]](#).

Концепция Китая о «гармоничном мире» соответствует положениям «Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии» (2001 г.), в частности, принципам самобытности, разнообразия и плюрализма. В статье 2 декларации говорится, что «в современном обществе необходимо обеспечивать гармоничное взаимодействие людей и сообществ с разнообразной и динамичной культурной самобытностью» [\[13\]](#).

В «Программе-плане развития культуры Китая на 11-ю пятилетку», опубликованной ЦК КПК и Госсоветом КНР в сентябре 2006 года, четко изложены принципы и цели

строительства социалистической культуры. Эта программа стала основным документом, направленным на согласованное развитие культуры, экономики, политики и общества. В ней подчеркивается необходимость развития через реформы, обновление структурных механизмов, улучшение культурной системы, сочетание общественно-полезной культуры с индустрией культуры и повышение конкурентоспособности китайской культуры [\[14\]](#). «Программа» рассматривается как основной документ, направленный на создание общества «малого благоденствия» (小康社会 - сяокан шэхуэй) и гармоничного социалистического общества (和谐社会 - хэсе шэхуэй).

Важность продвижения идеи «гармоничного мира» была подчеркнута на 5-й сессии ВСНП 10-го созыва в марте 2007 года, когда премьер Госсовета Китая Вэнь Цзябао представил доклад. Он отметил, что гармоничный мир в политической сфере означает равенство и демократию, в экономике — взаимовыгодное сотрудничество, а в культуре — обмен и совместный прогресс. Создание системы гармоничного мира, по его мнению, направлено на долгосрочный мир и совместное процветание через дружеское сотрудничество между странами и совместное преодоление традиционных и новых глобальных угроз безопасности [\[15\]](#).

На XVII съезде КПК в октябре 2007 года эта концепция была включена в отчет председателя КНР Ху Цзиньтао и стала одной из официальных идеологических позиций Китая. Лозунг о формировании «гармоничного мира» был также внесен в обновленный Устав КПК, став важной стратегической идеей. Это подтверждает новый взгляд китайского руководства на текущее глобальное состояние мира, с учетом существующих факторов, способствующих или препятствующих его развитию.

Особое внимание в докладе уделено культуре как важнейшему элементу концепции гармоничного мира и основному фактору развития социалистического общества в Китае. Отмечается, что в современную эпоху культура становится важным источником сплочения нации и конкурентным преимуществом в глобальной государственной мощи. Указывается на «необходимость повышения «мягкой силы» государства через культуру, улучшения культурной жизни и духовного облика народа, а также на роль китайской культуры в процессе великого возрождения нации» [\[16\]](#).

Преимущество концепции гармоничного мира заключается в том, что она не противоречит множеству национальных моделей развития, а наоборот, учитывает их особенности и предлагает другим странам участвовать в создании справедливого мира. Эта концепция предполагает, что различные культуры и цивилизации могут сосуществовать в многополярном мире. Важные китайские государственные деятели сформулировали основные идеи и сущность концепции «гармоничного мира».

Юань Пэн, директор Института США Китайской академии современных международных отношений, считает, что появление концепции «гармоничного мира» и связанной с ней «новой дипломатии» связано с усилением Китая. По его мнению, «гармоничный мир» — это конкретная дипломатическая практика, выраженная в шаге по «гармонизации» отношений Китая с ведущими мировыми державами (США, Япония, Россия), развивающимися странами и соседями. Эта концепция предполагает снижение влияния США и переход к многополярному балансу, а также выражает «дипломатию в интересах народа», где главным является человек. Внешняя и внутренняя политика Китая рассматриваются как ресурсы для развития «новой дипломатии» [\[17\]](#).

Юй Кэпин, заместитель директора Бюро переводов при ЦК КПК, отметил, что «гармоничный мир» не является единообразным, а строится на принципах

многополярности, культурного разнообразия и взаимного уважения независимости каждого государства [\[18\]](#).

Концепция «гармоничного мира», которая основана на терпимости и мирном сосуществовании, восходит к древнекитайскому идеалу «единства без унификации» [\[19\]](#). Этот принцип подчеркивает, что истинное единство достигается через разнообразие и различия, а не через послушание. Современные китайские исследователи считают, что Китай следует этому принципу в своей внешней политике, стремясь к сотрудничеству с Западом через признание различий, а не подчинение западным ценностям.

Современные китайские ученые подчеркивают гармоничность китайской культуры, которая акцентирует внимание на целостности, спокойствии и уважении к жизни, а также на принципах «золотой середины» и мира, отвергая крайности и насилие. Китай рассматривает культуру как важный элемент в формировании гармоничного общества [\[20\]](#).

Продвигая идею гармоничного мира, Китай стал важной международной платформой для проведения форумов и конференций, поддерживающих государственную власть и финансирование. Китайский фонд международных исследований, основанный в 1999 году, служит ключевым центром, объединяющим более 200 китайских дипломатов и экспертов, а также предпринимателей. Его целью является развитие стратегических исследований и стимулирование научных обменов.

Примером успешной работы является совместная организация с Мировым общественным форумом международной конференции «Диалог цивилизаций и гармоничный мир» в Пекине в 2010 году. В ходе мероприятия обсуждались вопросы мирового значения, включая мирное сосуществование культур, роль китайской культуры в современном мире и создание условий для развития международных отношений. Глава Департамента Восточной Европы и Центральной Азии МИД КНР Чжан Ханьхуэй подчеркнул важность диалога цивилизаций как формы народной дипломатии, которая способствует развитию гуманитарных и духовных связей между странами [\[21\]](#).

На 6-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва в октябре 2011 года было принято важное «Решение ЦК КПК по углублению реформ культурной системы и стимулированию великого развития социалистической культуры», в котором признается, что развитие китайской культуры еще не полностью соответствует растущим потребностям населения в культурной и духовной сферах, а также нуждам развития науки и социальной гармонии [\[22\]](#). Было подчеркнуто, что необходимо продолжить реформы в области культуры, усиливая понимание ее важности среди партии и общества, а также создавать систему ценностей, в основе которой лежит социализм.

Лидеры КПК заявили, что главной стратегической целью реформы в области культуры является создание к 2020 году мощной социалистической культурной державы, в которой «культурное, экономическое, политическое, социальное и экологическое строительство будут развиваться в гармонии» [\[23\]](#). На XVIII съезде КПК в ноябре 2012 года китайское руководство акцентировало внимание на важности расширения открытости культуры, активно заимствуя достижения зарубежной культуры и стремясь к культурному диалогу с другими странами.

Если говорить про практическое воплощение концепций КНР 2000-х гг., то стоит отметить, что при Ху Цзиньтао гуманитарная политика Китая получила концептуальное

оформление и институциональную основу. Ключевым идеологическим ориентиром стала концепция «гармоничного мира», увязанная с идеей мирного развития и многополярности. На практике это выразилось в активном расширении культурно-образовательных обменов, развитии народной дипломатии и усилении роли международных гуманитарных организаций. В этот период была существенно расширена сеть Институтов Конфуция, которые стали главным инструментом продвижения китайского языка и культуры за рубежом, прежде всего в странах Азии, Африки, Европы и Латинской Америки. Параллельно развивались межправительственные комиссии по гуманитарному сотрудничеству, форматы «годов культуры», «годов языка» и молодежных обменов, что позволило институционализировать гуманитарное взаимодействие с ключевыми партнёрами, включая Россию, страны АСЕАН и Африканский союз.

Подход Си Цзиньпина к гуманитарной компоненте внешней политики КНР

Смена руководства КНР в 2012 г. потребовала провозглашения очередной «мировой» концепции взаимодействия стран. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体 - жэньлэй минъюнь гунтунти), провозглашенная Си Цзиньпином в 2012 г., придала дополнительный импульс усилению гуманитарной составляющей во внешнеполитическом дискурсе Китая. Она отражает стремление китайского руководства к реформированию мировой политической структуры и утверждению роли Китая как ключевого участника в международном порядке. Подчеркивая дипломатию, экономику, безопасность и экологию, концепция также акцентирует внимание на культурной сфере. Китай предлагает содействовать обмену между цивилизациями на основе взаимного уважения, заимствования положительных аспектов и гармоничного сосуществования, отвергая идеи превосходства одной цивилизации над другой как несостоятельные и деструктивные [\[24\]](#).

В своем докладе на XIX Всекитайском съезде КПК Си Цзиньпин подтвердил важность использования политики "мягкой силы" для развития сообщества единой судьбы. Он выразил необходимость содействия межцивилизационному обмену, призывая к гармоничному сосуществованию и сохранению культурного многообразия. Тем не менее, была обозначена значимость китайской культуры в этом процессе, с упором на внедрение лучших практик социалистической культуры, уникальной для Китая. Он подчеркнул важность культурного наследия в достижении "китайской мечты" о возрождении нации [\[25\]](#). Таким образом, он представил четкую стратегию для взаимодействия с мировым сообществом, где культурный аспект играет ключевую роль.

Стоит также отметить, что на XIX съезде КПК Председатель Си Цзиньпин положил конец идеологическим прениям между «культурной» и «политической» школами понимания «мягкой силы». Си Цзиньпин предложил концепцию «культурной мягкой силы под контролем государства» (国家文化软实力 – гоцзя вэньхуа жуань шили). Данную концепцию можно интерпретировать как синергию политики и культуры, где культура выступает внутренним ядром, а политика - инструментом для выражения культурных ценностей. Это подчеркивает укрепление государственного контроля над "мягкой силой", в которой политические аспекты преобладают над культурными.

Председатель Си Цзиньпин привнес нововведения в институциональный каркас проведения политики «мягкой силы». Это связано с осуществлением инфраструктурной стратегии «Один пояс, один путь», которая также имеет культурный аспект. На форуме «Шелковый путь – 2017» Председатель подчеркнул, что цель инициативы заключается в создании «пути совместного цивилизационного развития» и подчеркнул важность

развития диалога между цивилизациями и культурного сотрудничества [\[26\]](#). Таким образом, инициатива «Один пояс, один путь» выступает как осуществление традиционного китайского подхода к внешней политике. Основные принципы этой инициативы, такие как дружба, искренность, доброта и всеохватность, отражают традиционные китайские ценности [\[27\]](#).

Си Цзиньпин представил концепцию «国家文化软实力» — «государственная культурная мягкая сила». На первый взгляд может показаться, что эта концепция уравнивает «культуру» и «политику», поскольку оба элемента — «文化» (культура) и «国家» (государство) — включены в название. Однако при более глубоком лингвистическом анализе видно, что концепция нацелена на усиление роли государства в жизни китайского общества. Председатель КНР подчеркивает, что новая концепция «требуется взаимодействия между политикой и народом, с необходимостью государственной поддержки и управления» [\[28\]](#). Поэтому иероглиф «государство» в данной концепции имеет более важное значение, поскольку именно оно начинает активно влиять на потоки людей в мир, что связано с инструментами «мягкой силы», ориентированными на человеческие ресурсы, такими как туризм и образование. Эти инструменты позволяют эффективно продвигать образ Китая через личные контакты и обмен культурными потоками.

Учёные Юй Цзюнь и Хань Чжэнь из Пекинского центра исследования мыслей Си Цзиньпина определили ключевую роль культурного потенциала страны в продвижении «образа партии, отечества, нации и героев» [\[29\]](#). Таким образом, термин «国家文化软实力» можно точнее перевести как «культурная мягкая сила под государственным контролем», что лучше отражает изменения в концепции «мягкой силы» Китая в последние годы.

Основной целью политики Си Цзиньпина является превращение Китая в культурно сильную страну, что является частью плана по построению мощного современного социалистического государства. Задачи КПК в области культуры были обозначены в отчете ЦК КПК на XX съезде: «Укрепление веры в китайскую культуру, усиление её мощи, достижение значительных успехов в развитии социалистической культуры» [\[30\]](#). Концепция веры в китайскую культуру («文化自信» — вэньхуа цзыю), подразумевающая уверенность в её устойчивости и ценности, стала неотъемлемой частью политической лексики и активно внедряется в общественное сознание в «эпоху Си Цзиньпина», хотя этот термин использовался и при предыдущем руководителе, Ху Цзиньтао.

Основные идеи Си Цзиньпина о культуре можно свести к нескольким положениям:

1. Формирование социалистической идеологии на основе марксизма, которая будет универсальной и обеспечит сплочение нации для строительства современного социалистического общества.
2. Закрепление основополагающих социалистических ценностей и интеграция моральных принципов в повседневную жизнь, повышение культурного уровня населения для создания сильной социалистической страны.
3. Осуществление «двойного сочетания» и поиск новой парадигмы гуманистической экономики, раскрытие сути китайской модернизации, развитие новых производительных сил, создание благоприятных культурных условий для построения мощной социалистической державы и содействие мирному прогрессу человечества.

В условиях современных изменений Си Цзиньпин акцентирует внимание на

социалистической природе китайской культуры, подчеркивает её уникальные особенности и возможность для творческих преобразований и инноваций. В начале 2024 года Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК) отметил, что предложенные Си Цзиньпином теоретические идеи добавили новые элементы в партийную культурную политику и обогатили социалистическую теорию культуры, которая является частью более широкой теории социализма с китайской спецификой. Совет также выделяет высокий научный уровень и структуру теоретических разработок Си Цзиньпина в этой области [\[31\]](#).

Одной из задач, поставленных Си Цзиньпином, является расширение работы в области идеологической пропаганды и культуры. Суть этой работы заключается в поиске новой модели мирового развития, содействии мирному прогрессу человечества, увеличении возможностей для культурной пропаганды за рубежом и поддержке межкультурного обмена для создания благоприятной внешней среды, необходимой для модернизации Китая. Постоянно совершенствуются формы и методы внешней пропаганды, направленные на распространение китайского культурного влияния. На международных культурных форумах, проведённых в «эпоху Си Цзиньпина» (например, Форум азиатских цивилизаций 2019 года, Пекинские культурные форумы 2021 и 2022 годов), Китай активно выдвигает новые предложения, подчеркивая важную роль культуры в изменяющемся мире и её влияние на моральные принципы, формирующие повседневную жизнь людей.

Деятельность Китая за рубежом направлена на создание позитивного имиджа страны и формирование неополитизированного общественного мнения. Она включает демонстрацию традиционной китайской культуры, её ценности для современности, а также знакомство с последними достижениями в литературе, искусстве и культуре, которые отражают прогресс современного Китая. В рамках этой работы организуются культурные выставки, дни культуры Китая, мастер-классы, переводы литературы на иностранные языки, обучение традиционным видам искусства, боевым искусствам, открытие культурных центров и другие инициативы. Китай активно использует современные технологии для распространения своего культурного влияния, экспортируя онлайн-игры, фильмы, анимацию, литературу и короткие видео.

Культурная концепция Си Цзиньпина, основанная на социалистических духовных ценностях и марксизме, не может быть универсальной для всего мира из-за её идеологической направленности. Рост экономической мощи Китая воспринимается многими странами как фактор усиления конкуренции на мировом рынке и углубления международных противоречий. В связи с этим, пропаганда китайской культуры и её достижений, основанных на социалистических успехах, не всегда приветствуется за рубежом, и эта риторика скорее ориентирована на внутреннее потребление [\[32\]](#).

Тем не менее, Китай продолжает распространять идею гуманистической экономики, которая является частью культурной концепции. Си Цзиньпин подчеркивает, что китайская модернизация — это согласование материального благосостояния граждан с удовлетворением культурных потребностей, а укрепление экономической базы связано с улучшением идеологической надстройки [\[33\]](#). Вопросы культурного сотрудничества составляют важную часть зарубежных визитов китайского лидера, способствуя поиску общих точек соприкосновения между странами, несмотря на различия. Си Цзиньпин акцентирует важность сохранения культурного наследия, защищает право цивилизаций на сохранение своей идентичности, а также выступает за инклюзивность, справедливость и равенство для всех стран и народов [\[34\]](#).

Культурная концепция Си Цзиньпина также связана с его идеей «сообщества единой судьбы человечества и глобальной цивилизации». В своем выступлении на Диалоге лидеров Китая и Африки в 2023 г. он подчеркнул важность укрепления нравственных принципов в условиях изменяющегося мира, что является важной частью его культурной концепции. На внутреннем уровне эта концепция направлена на строительство «процветающей, демократичной, цивилизованной и гармоничной социалистической страны», а на международной арене её цели заключаются в содействии прогрессу всего человечества [\[35\]](#).

При Си Цзиньпине гуманитарная политика приобрела более системный и глобальный характер, будучи включённой в рамки концепции «сообщества единой судьбы человечества». В отличие от периода Ху Цзиньтао, акцент сместился с преимущественно культурно-образовательных обменов к комплексному сочетанию гуманитарных, экономических и политических инструментов. Это проявилось в создании новых институтов, таких как Агентство международного сотрудничества в целях развития Китая (CIDCA), а также Фонд содействия сотрудничеству Юг–Юг. Эти структуры позволили Китаю не только нарастить объем гуманитарной помощи, но и связать её с долгосрочными программами развития, в том числе в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [\[36\]](#).

Практическая реализация гуманитарной политики при Си Цзиньпине также характеризуется расширением географического охвата сотрудничества. Если ранее приоритет отдавался соседним государствам и крупным партнёрам, то в 2010–2020-е гг. Китай значительно активизировал гуманитарное присутствие в странах Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки и Южной Азии. Сотрудничество охватывает сферы образования, здравоохранения, борьбы с бедностью, реагирования на пандемии и экологических проблем. Взаимодействие с ООН, ВОЗ, ЮНЕСКО и Международным комитетом Красного Креста стало важным каналом интеграции Китая в глобальную гуманитарную архитектуру и одновременно инструментом укрепления его международного имиджа.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует отметить, что гуманитарная составляющая внешней политики КНР при руководстве Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина не носила декларативного характера, а имела конкретные практические результаты, оказавшие заметное влияние на позиционирование Китая в региональном и глобальном пространстве. Подход Ху Цзиньтао был направлен прежде всего на снижение международной настороженности в отношении усиливающегося Китая и формирование благоприятной внешней среды для его социально-экономического развития. Концепции «мирного развития» и «гармоничного мира», опирающиеся на традиционные китайские ценности гармонии и сосуществования, нашли практическое выражение в активизации культурной и народной дипломатии, расширении гуманитарных обменов, институционализации межцивилизационного диалога и участии КНР в многосторонних международных инициативах. Эти меры способствовали укреплению образа Китая как ответственной державы, ориентированной на сотрудничество, развитие и уважение культурного многообразия.

В период руководства Си Цзиньпина гуманитарная политика КНР приобрела более системный, стратегический и институционально оформленный характер. Практическим результатом данного подхода стало превращение гуманитарных инструментов в неотъемлемую часть реализации национальных интересов и внешнеполитических

приоритетов Китая. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» и идея «культурной мягкой силы под контролем государства» были реализованы через масштабные инициативы, прежде всего в рамках стратегии «Один пояс, один путь», которая объединила экономическое сотрудничество с культурными и образовательными проектами, гуманитарной помощью и расширением межличностных контактов. Это позволило КНР не только укрепить свое влияние в странах Азии, Африки и Латинской Америки, но и предложить альтернативный дискурс глобального развития, основанный на принципах инклюзивности, суверенного равенства и взаимной выгоды.

Таким образом, практические результаты подходов Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина демонстрируют преемственность и одновременно эволюцию гуманитарной составляющей внешней политики КНР: от преимущественно имиджевой и компенсаторной функции — к комплексному инструменту стратегического воздействия. Усиление роли государства в управлении гуманитарными ресурсами, расширение культурного присутствия за рубежом и интеграция гуманитарных инициатив с экономическими и политическими проектами свидетельствуют о формировании устойчивой модели внешнеполитического поведения Китая, в которой гуманитарное измерение становится важным фактором его долгосрочного международного влияния.

Библиография

1. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 290 p.
2. Zheng Bijian. China's "Peaceful Rise" to Great-Power Status // Foreign Affairs. September-October 2005. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2005-09-01/chinas-peaceful-rise-great-power-status> (дата обращения: 28.12.2024).
3. 王海云. 新形势下中国外交战略中的国家定位 // 世界大势与中国和平发展, 徐敦信主编. 北京: 世界知识出版社, 2006. С. 78-87.
4. 肖枫. 怎样理解邓小平同志的“韬光养晦、有所作为”思想 // 北京日报. 2010. URL: https://epaper.gmw.cn/wzb/html/2016-09/08/nw.D110000wzb_20160908_7-06.htm (дата обращения: 28.12.2024).
5. 中国共产党第十六届中央委员会第四次全体会议公报 // 中共陕西省纪律检查委员会. 20.09.2004. URL: <https://www.qinfeng.gov.cn/info/1022/14768.htm> (дата обращения: 29.12.2024).
6. 在新的发展起点上阔步前进 // 人民日报. 12.10.2005. URL: https://www.gov.cn/jrzq/2005-10/12/content_76170.htm (дата обращения: 30.12.2024).
7. 中共中央关于构建社会主义和谐社会若干重大问题的决定 // 人民日报. 11.10.2006. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_453176.htm (дата обращения: 01.01.2025).
8. Бодрова О.И. Опыт Китая в построении культуры "Гармоничного мира" // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 3 (42). С. 139-144. EDN: QIYPID.
9. 胡锦涛在联合国成立60周年首脑会议上的讲话 // 中央政府门户网站. 16.09.2005. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2005-09/16/content_63871.htm (дата обращения: 31.12.2024).
10. 中国的和平发展道路白皮书 // 中国政府网. 2005. URL: https://www.gov.cn/xwfb/2005-12/22/content_133974.htm (дата обращения: 23.12.2024).
11. Ян Цзечи об итогах участия премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао во встречах ООН // Посольство КНР в РФ. 26.09.2008. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/200809/t20080929_857835.html (дата обращения: 31.12.2024).
12. 胡锦涛. 在美国耶鲁大学的演讲 // 人民日报. 23.04.2006. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2006-04/22/content_260592.htm (дата обращения: 31.12.2024).
13. UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity / UNESCO. 2002. URL:

- <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000127162> (дата обращения: 31.12.2024).
14. "国家"十一五"时期文化发展规划纲要 // 人民日报. 13.09.2006. URL: https://www.gov.cn/jrzq/2006-09/13/content_388046_6.htm (дата обращения: 31.12.2024).
15. 年国务院政府工作报告. 2007. URL: http://www.gov.cn/test/2009-03/16/content_1260188.htm (дата обращения: 06.01.2025).
16. "胡锦涛, 高举中国特色社会主义伟大旗帜,...(在中国共产党第十七次全国代表大会上的报告) // 中央人民政府门户网站. 15.10.2007. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/106155/106156/6430009.html> (дата обращения: 28.12.2024).
17. 袁鹏.《和谢世界》与《中国新外交》// 现代国际关系. 2007. № 4. С. 1-7.
18. Юй Кэпин, Фрэнсис Фукуяма. Глобализация, современный мир, китайская модель развития // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 104-113.
19. Переломов Л.С. Конфуций: Конфуцианство и современный стратегический курс КИР. М.: Из.-во ЛКИ, 2007. С. 54.
20. Линь Яньмэй. О теории социалистич. гармоничного общества // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 30-46.
21. 文明对话与和谐世界国际会议文集. 北京: 世界知识出版社, 2010. С. 205-231.
22. 全国文化体制改革工作会议举行 // 人民日报. 19.02.2012. № 1. С. 3.
23. Ван С. "Сообщество единой судьбы человечества": особенности китайского пути преобразования мирового развития // Вестник Московского университета. Серия 27: глобалистика и геополитика. 2022. № 4. С. 58-69. EDN: TZAWJD.
24. Лю Ц. Концептуальные основания продвижения Китаем идеи "сообщества единой судьбы человечества" // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. № 1. С. 62-77. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-62-77 EDN: KWVSUS.
25. 习近平. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (дата обращения: 10.05.2024).
26. 韩庆祥, 陈远章. 人类命运共同体与中华新文明 // 学习时报. 2017. С. 2-13.
27. 龚婷. "一带一路"倡议的中国传统思想要素初探 // 当代世界与社会主义. 2015. С. 2-11.
28. 习近平. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (дата обращения: 10.05.2024).
29. 吴玉军, 韩震. 坚定文化自信提高国家文化软实力 // 光明日报. 2019. С. 3.
30. 习近平:高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗--在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 // 新华网. 25.10.2022. URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm (дата обращения: 10.01.2025).
31. 深入学习贯彻习近平新时代中国特色社会主义思想 // 人民政协报. 08.04.2024. URL: <http://www.cprcc.gov.cn/zxww/2024/04/08/ARTI1712545091980500.shtml> (дата обращения: 10.01.2025).
32. 杜占元. 构建更有效力的国际传播体系 向世界讲好中国式现代化的故事 // 人民政协网. 12.08.2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s-id=1807178261533073837&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 10.01.2025).
33. 深入学习贯彻习近平新时代中国特色社会主义思想 // 人民政协报. 08.04.2024. URL: <http://www.cprcc.gov.cn/zxww/2024/04/08/ARTI1712545091980500.shtml> (дата обращения: 10.01.2025).
34. Верченко А.Л. Партийная дипломатия во внешней политике КНР: "Диалог КПК с миром – 2023" // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 1-23. DOI: 10.31857/S013128120026884-3 EDN: GIPNKC.
35. Пятачкова А. Особенности реализации концепции "сообщество единой судьбы человечества" // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2025. № 1. С. 37-45. DOI:

10.20542/afij-2025-1-37-45 EDN: ORFDUZ.

36. Бояркина А. Китайская инициатива "Пояс и путь" в контексте концепции Си Цзиньпина "Сообщество единой судьбы человечества" // Теории и проблемы политических исследований. 2020. № 1А. С. 120-140.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой рукописи обращается к исследованию современных концепций внешней политики Китая, уделяя особое внимание эволюции ее «гуманитарной» составляющей. Принимая во внимание растущее влияние КНР как в глобальном масштабе, так и на уровне отдельных регионов, актуальность выбранной темы представляется очевидной. К основным достоинствам данной статьи можно отнести хороший стиль изложения, отличающийся последовательностью и логичностью. В то же время, текст нуждается в некоторых правках, с тем чтобы соответствовать сложившимся академическим стандартам. Прежде всего, я бы посоветовал скорректировать название следующим образом – «Гуманистический компонент глобальной и региональной политики Китая: ключевые концепции и стратегии». Слово «гуманитарный» может ввести в заблуждение, так как возникает ассоциация с «гуманитарной помощью», о чем в статье речи не идет. Об «усилении» данного компонента лучше написать в выводах, зафиксировав тем самым важную тенденцию в эволюции внешнеполитического дискурса Китая. Далее, автор утверждает, что теоретико-методологическую базу исследования составляют теории «мягкой силы», концепции культурной и публичной дипломатии, а также конструктивистский подход. При этом автор не дает ни одной ссылки на работы представителей названных направлений (Дж. Най-мл., А. Вендт и др.) и не объясняет – как именно данные теории могут позволить достичь цели исследования? Автор также ошибочно относит труды китайских и зарубежных исследователей к эмпирической базе исследования, в то время как последнюю могут составлять только первичные источники. Кроме того, автор не обосновывает вклад своей статьи в существующие знания о предмете и, как следствие, научная новизна предпринятого исследования остается сомнительной. Основная часть рукописи сводится к подробному изложению ключевых концепций КНР в 2000-е (при председательстве Ху Цзиньтао) и 2010-е (при председательстве Си Цзиньпина) годы. При этом автор почти не анализирует то, как эти концепции воплощались на практике, игнорируя практический аспект исследуемой им проблемы. К редким исключениям можно отнести упоминание организации конференции «Диалог цивилизаций и гармоничный мир» (2010 г.), хотя это мероприятие лишь с натяжкой можно отнести к примерам внешней политики Китая. Во втором разделе автор ограничивается указанием на то, что Китай проводит выставки, мастер-классы, дни китайской культуры, открывает культурные центры, и т.д. Сколько-нибудь подробного анализа конкретных кейсов в тексте нет. Библиографию статьи имеет смысл расширить за счет привлечения следующих работ – Ван С. «Сообщество единой судьбы человечества»: особенности китайского пути преобразования мирового развития // Вестник Московского университета. Серия 27: глобалистика и геополитика. 2022. № 4; Пятачкова А. Особенности реализации концепции «сообщество единой судьбы человечества» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2025. № 1; Бояркина А. Китайская инициатива «Пояс и путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество

единой судьбы человечества» // Теории и проблемы политических исследований. 2020. № 1А; Лю Ц. Концептуальные основания продвижения Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. № 1. В заключении автор ограничивается сравнением внешнеполитических подходов председателей Ху и Си, не говоря ничего о том, как именно эти подходы были воплощены на практике и к каким конкретным результатам они привели. Хотя именно такие выводы могли бы представлять значительный интерес для читательской аудитории.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой рукописи обращается к исследованию современных концепций внешней политики Китая, уделяя особое внимание эволюции ее «гуманитарной» составляющей. Принимая во внимание растущее влияние КНР как в глобальном масштабе, так и на уровне отдельных регионов, актуальность выбранной темы представляется очевидной. Доработанный вариант рукописи, в целом, оставляет благоприятное впечатление. Автор скорректировал название статьи, хотя в тексте все равно применяется понятие «гуманитарный» (вместо более точного «гуманистический»). Выбор в пользу концепции «мягкой силы» в качестве теоретико-методологического подхода представляется оправданным и соответствующим поставленной цели исследования. В то же время, бросается в глаза то, что формулировки «цели» («выявление значения концепций и стратегий...») и «исследовательской проблемы» («выявление специфики и направлений...»), по сути, очень похожи. Можно порекомендовать определить исследовательскую проблему как «влияние гуманистической компоненты на глобальную и региональную политику Китая». Далее, автор обосновывает научную новизну предпринятого им исследования, утверждая, что рассматривает гуманистическую политику Китая в качестве целостного и институционально оформленного механизма, «в отличие от существующих работ». Такая формулировка предполагает наличие ссылок на конкретные публикации тех исследователей, к которым апеллирует автор. В конце первого и второго разделов автор добавляет по одному абзацу, в которых очень кратко описываются особенности практического воплощения концепций Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина во внешней политике Китая. На мой взгляд, желательно осветить эти моменты более подробно, указав, к примеру, с какими именно странами создавались межправительственные комиссии, где именно (государства, регионы) открывались институты Конфуция, как конкретно Китай взаимодействует с межправительственными и неправительственными организациями, какие именно программы и инициативы реализуются в сферах экологии, здравоохранения, бедности, и т.д. В идеале, конечно, было бы посвятить отдельный параграф анализу специфики практической реализации гуманистических концепций Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина в глобальной и региональной политике КНР в 2000-е и 2010-е годы. Библиографический список представляется достаточно полным и репрезентативным, хотя ссылки на китайских авторов явно преобладают, а из англоязычных исследователей упомянут только Дж. Най-мл. В заключительной части

рукописи автор обобщает полученные исследовательские результаты, которые также желательно конкретизировать. В частности, было бы интересно узнать – каких конкретных выгод добился Пекин в разных регионах мира благодаря своей «гуманистической» политике? И самое главное – как можно объяснить усиление гуманистической составляющей в современной внешней политике Китая? В целом, указанные замечания не носят принципиального характера и могут быть устранены автором в рабочем порядке. После этого статья может быть рекомендована к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Краснова А.Е. Основные тенденции развития нефтяного сотрудничества России и Китая в условиях санкционного давления // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76154 EDN: WPAZHT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76154

Основные тенденции развития нефтяного сотрудничества России и Китая в условиях санкционного давления

Краснова Анна Евгеньевна

магистр; кафедра востоковедения и африканистики; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ busuu.2002@mail.ru

[Статья из рубрики "Глобальная геополитика современных конфликтов"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76154

EDN:

WPAZHT

Дата направления статьи в редакцию:

06-10-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу трансформации российско-китайского энергетического сотрудничества в условиях беспрецедентного санкционного давления со стороны стран Запада, которое характеризуется двойным сдерживанием РФ и КНР. Особое внимание уделяется факторам, способствующим углублению двустороннего сотрудничества: взаимодополняемости экономик, стремлению Китая к обеспечению национальной энергобезопасности и необходимости России диверсифицировать рынки сбыта. Объектом исследования выступает нефтяное сотрудничество России и Китая. Предметом исследования является динамика развития нефтяной торговли между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой после начала проведения специальной военной операции (СВО) РФ на Украине. Цель исследования – анализ основных тенденций развития нефтяного сотрудничества России и Китая за 2020–2025 гг., выявление перспектив дальнейшего взаимодействия стран, а также рисков, связанных с наложением вторичных санкций. Исследование основано на сочетании историко-динамического и компаративистского метода, а также анализе официальных данных таможенной статистики РФ и КНР, отчетов международных энергетических

агентств. Научная новизна исследования заключается в анализе особенностей трансформации нефтяного сотрудничества России и Китая в условиях санкционных ограничений, дедолларизации и переориентации торговых потоков. Основной вывод исследования состоит в том, что санкционное давление Запада, направленное на изоляцию и ослабление позиций России на мировом энергетическом рынке, не достигло своей цели. Хотя экспорт российской нефти в европейские страны, ранее являвшиеся ключевыми импортерами российского сырья, сократился, с 2022 г. Россия смогла перенаправить свои энергетические потоки в Китай. Это способствовало укреплению стратегического партнерства между двумя странами и созданию структуры сотрудничества, позволяющей обходить ограничения путем транзита нефти через третьи страны и осуществления расчетов в национальных валютах. Таким образом, Россия стала для Китая надежным поставщиком нефти, столь необходимой для китайской промышленности, а Китай, в свою очередь, стал для России ключевым импортером нефти, и сохраняет эту позицию на протяжении последних двух лет.

Ключевые слова:

Россия, Китай, нефтяное сотрудничество, санкционное давление, энергетическая безопасность, экспорт нефти, расчеты в юанях, энергоресурсы, энергетическая инфраструктура, стратегическое партнерство

Введение

Россия и Китай, будучи крупнейшими соседними державами, обладают значительным потенциалом для развития энергетического сотрудничества благодаря своему географическому расположению. Ключевые месторождения российской нефти, сосредоточенные в Сибири и на Дальнем Востоке, находятся в непосредственной близости от китайской границы, что создает благоприятные условия для развития энергетического сотрудничества [\[1, с. 143\]](#).

Нефтяное сотрудничество РФ и КНР служит фундаментом для установления прочных и долгосрочных стратегических отношений в условиях нового мирового порядка. Развитие такого двустороннего взаимодействия является приоритетным направлением внешней энергетической политики как России, так и Китая, где национальные интересы напрямую определяют развитие двусторонних отношений.

Сотрудничество в сфере энергетики между Россией и Китаем базируется на крепком фундаменте, заложенном в начале XXI в., когда страны приступили к активному строительству энергетической инфраструктуры. Еще с конца прошлого века шли обсуждения относительно строительства Восточного нефтепровода. В 2001 г. тогдашний председатель КНР Цзян Цзэминь совершил визит в Россию, в ходе которого главами государств было принято решение о разработке проекта по строительству нефтепровода из России в Китай. Разработка проекта сопровождалась спорами Японии и Китая по поводу маршрута, по которому будет проложен нефтепровод. Каждая сторона стремилась выбрать для себя наиболее выгодный маршрут. В 2003 г. проекты России и Китая были объединены под общим названием «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО). В 2009 г. на территории России началось строительство ответвления до КНР. В 2011 г. была введена в эксплуатацию ветка «Сковородино–Мохэ–Дацин», являющаяся отводом нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан», по которой в Китай ежегодно поступает до 15 млн тонн нефти в северные районы Китая.

Сегодня трубопровод ВСТО, протяженностью почти 5 тыс. км с проектной мощностью 80 млн т/год, является самым важным стратегическим энергетическим коридором на северо-востоке Китая [\[2, с. 64-67\]](#).

В последние годы, с углублением отношений между РФ и КНР, энергетическое сотрудничество стало важной опорой экономических и торговых обменов между двумя сторонами. Сегодня энергоносители являются основой российского экспорта в Китай и, среди них, нефть занимает почти половину [\[3, с. 380\]](#).

В связи с политическими событиями 2022 г., Россия лишилась значительного рынка сбыта нефти на Западе, что вызвало необходимость в укреплении сотрудничества с Китаем. После введения санкций Западом, каналы экспорта нефти из России были серьезно ограничены. Экономическая ситуация в России напрямую зависит от экспорта энергоресурсов, поэтому стране необходим надежный рынок сбыта своей сырьевой продукции.

В настоящий момент на фоне растущего спроса на энергоресурсы в Азии и переориентации мировых товаропотоков, РФ и КНР формируют новую архитектуру энергетической безопасности, основанную на взаимодополняемости экономик.

Таким образом, санкционное давление на Россию со стороны западных стран, усилившееся после 2022 г., стало катализатором для переориентации российских энергетических потоков на восточные рынки, в первую очередь — на Китай, как на крупнейшего потребителя нефти и стратегического партнера России. Поскольку в условиях устойчивого и быстрого экономического развития спрос на энергоносители в Китае стремительно растет, для России выгодно увеличивать экспорт энергоресурсов в КНР и заниматься совместным строительством нефтепроводов. Поставки энергоносителей, таких как нефть, имеют важное значение для обеих стран. В таких условиях глобальных экономических и политических изменений энергетическое сотрудничество между Россией и Китаем приобретает особую значимость. В нынешней международной ситуации энергетическое сотрудничество между Россией и Китаем соответствует их национальным интересам.

Текущие результаты двустороннего сотрудничества

В 2024 г. Россия и Китай отметили 75-летие установления дипломатических отношений. Благодаря совместным усилиям российско-китайские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху, достигли наивысшего уровня в своей истории и продолжают развиваться [\[4\]](#).

Китай является крупнейшим импортером энергоресурсов, соответственно, имеет большой спрос на российскую нефть. Высокий уровень потребности Китая в нефти обусловлен несколькими ключевыми факторами: во-первых, Китай – вторая по величине экономика мира с высокими темпами промышленного производства, для которого нефть является критически важным сырьем. Во-вторых, Китай ограничен в собственных запасах нефти, китайской нефти недостаточно для покрытия внутреннего спроса. В районе нефтяного месторождения Дацина произошло истощение запасов нефти, что поставило под угрозу множество рабочих мест на предприятиях нефтяной отрасли [\[5, с. 393\]](#). Более 70% потребления нефти Китаем обеспечивается за счет импорта [\[6\]](#), что делает энергобезопасность страны стратегическим приоритетом. Так, к примеру, за 2024 г. Китай потребил около 750 млн тонн нефти [\[7, с. 4\]](#), в то время как импортировал — 553,4

млн тонн [8]. Совокупность этих факторов привела к тому, что Китай перешел к использованию международного рынка нефтепродуктов, в том числе в лице России.

Изначально российский экспорт нефти был ориентирован преимущественно на европейский рынок, где Нидерланды занимали лидирующую позицию среди европейских стран – импортеров российской нефти. [9, с. 162–167]. Введение санкций также привело к сокращению импорта российского сырья в Германию [10, с. 86], являющуюся одной из крупнейших европейских потребителей российской нефти. До начала СВО, в 2021 г. Российская Федерация экспортировала нефтяных ресурсов в Германию на 22 млрд долл. США, что составило 77,23% от общего экспорта в страну [11], из которых 70%, или 17 млн тонн, прошли по трубопроводу «Дружба». Однако, с начала 2023 г. поставки нефти по «Дружке» в Германию снизились более, чем на половину [12, с. 8–20], при этом Германия продолжила импортировать российское сырьё, но в переработанном виде — в форме нефтепродуктов из Индии, таких как дизельное топливо, производящихся на индийских НПЗ из российской нефти (см. <https://www.bild.de/politik/ausland/politik-ausland/putins-oel-trick-wie-der-westen-weiter-russen-oel-kauft-85598838.bild.html>, дата обращения: 18.09.2025).

Сокращение поставок энергоресурсов из России в Европу привело к резкому росту цен на энергоносители и увеличению производственных издержек, из-за чего многие западные страны и компании оказались в затруднительном положении.

В настоящее время, на фоне стремительного сокращения закупок российской нефти со стороны Европы, Китай вышел на первое место по импорту российских энергоносителей. Сегодня энергоносители являются основой российского экспорта в Китай и занимают около 70–75% от всех статей экспорта. Среди минеральных ресурсов, нефть занимает почти половину — 45,7% [13].

Таким образом, в последние годы характер экономического сотрудничества России и Китая значительно изменился. Такие изменения можно связать с украинским кризисом и американской политикой сдерживания России и Китая.

После начала проведения СВО, на Россию было наложено большое количество западных санкций, которые, в отличие от санкций против Китая, носящих точечный характер, были весьма обширны. Администрация президента США Джо Байдена ввела беспрецедентно жёсткие санкции против российских нефтегазовых компаний.

Для того чтобы оценить, как изменилась торговля нефтью между РФ и КНР в условиях санкционного давления Запада (2022–2024 гг.), рассмотрим, как выглядел нефтяной экспорт в 2020–2021 гг.

Согласно статистике Главного таможенного управления Китая, по итогам 2020 г. Россия экспортировала в Китай 83,57 млн тонн на сумму 27,3 млрд долл. США [8] (см. Таблицу 1). Тогда РФ заняла второе место по объемам поставок в Китай, ее обошла Саудовская Аравия, экспортировавшая в Китай 84,92 млн тонн нефти [8].

По итогам 2021 г. Россия экспортировала в Китай 79,64 млн тонн нефти на сумму 40 млрд долл. США [8]. Несмотря на то, что объём экспорта нефти в натуральном исчислении снизился, в денежном отношении он увеличился более чем на 12 млрд долл. США по сравнению с предыдущим годом. За 2021 г. энергоресурсы составили около 68% российского экспорта в Китай [14]. Росту поставок из России способствуют логистические

преимущества — нефтепровод ВСТО и близость портов от потребителей — китайских нефтеперерабатывающих заводов [\[15, с. 2-3\]](#).

Год	Объем экспортируемой нефти (млн т)	Сумма экспорта нефти (млрд долл. США)
2020	83,57	27,3
2021	79,64	40
2022	86,25	58
2023	107	60,7
2024	108,47	62,5

Таблица 1. Экспорт нефти из России в Китай в натуральном (млн тонн) и денежном отношении (млрд долл. США) в период 2020-2024 гг.

Источник: составлено автором на основе данных [\[8\]](#).

После начала СВО в 2022 г. США и Европа продолжили ужесточать санкции против энергетического сектора России, что указывает на растущую тенденцию Запада подчинять энергетические вопросы политическим целям и рассматривать их исключительно через призму безопасности [\[16, с. 88-104\]](#).

Тенденция увеличения стоимости экспорта энергоносителей из России в Китай в 2022 г. продолжила сохраняться. Тогда по данным главного таможенного управления Китая, за Россия поставила в Китай 86,25 млн тонн нефти, что на 8% больше, чем годом ранее, на сумму 58 млрд долл. США [\[8\]](#).

Такой стремительный рост отражает спрос Китая на энергоресурсы и положительные тенденции в сотрудничестве двух стран в энергетической области. В том же году между крупнейшими российскими и китайскими нефтяными компаниями был заключён договор на поставку 100 млн тонн нефти в течение 10 лет [\[17, с. 15-16\]](#).

После начала СВО и наложения санкций на энергетическую сферу РФ, с целью уменьшения зависимости от евро и доллара, с середины 2022 г. Россия и Китай начали переходить на расчеты в национальных валютах по ключевым контрактам. Ярким примером стал переход на расчет в юанях государственных корпораций CNPC и «Роснефти» за поставки нефти по трубопроводу ВСТО.

Помимо импорта сортов ESPO, Urals и Siberian Light, в том же году на китайский рынок стали поступать новые сорта арктической нефти из России — Arctic Oil (Arco), «Варандей» и «Новый порт», которые раньше шли на экспорт в Европу. Нефть из Арктики, к примеру, может служить сырьем для производства резины, а также высококачественного дизельного топлива, что обусловлено пониженным содержанием серы в ее составе (см. <https://rg.ru/2023/01/15/kitaj-nachal-skupat-u-rossii-redkie-sorta-arkticheskoy-nefti.html>, дата обращения: 02.07.2025).

2023 г. ознаменовался новым рекордом: Россия стала главным экспортером нефти в Китай, обойдя по объемам продаж Саудовскую Аравию [\[18, с. 12\]](#), которая решила поднять цену на свои углеводороды, тогда как Россия продавала нефть с большим дисконтом, что привлекло Китай, тогда доля российских нефтепродуктов в совокупном импорте Китая

достигла почти 30% [19, с. 26]. За 2023 г. экспорт российской нефти в Китай составил 107 млн тонн, что на 24% больше, чем в прошлом году. Стоимость экспорта нефти из России в Китай в том году составила 60,7 млрд долл. США [8].

Россия по итогам 2024 г. сохранила статус ведущего экспортера нефти в Китай, доведя объем поставок до нового рекорда — 108,47 млн тонн, согласно данным Главного таможенного управления КНР. Объем экспорта в денежном эквиваленте составил 62,5 млрд долл. США [8]. В первом квартале 2024 г. показатели российско-китайского товарооборота сохранили рост, однако его темпы существенно замедлились.

Китай, оставаясь ключевым импортёром российской нефти, в январе–апреле 2025 г. сократил объёмы её закупок на 14,2% по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. Тем не менее, согласно данным китайского таможенного управления, в апреле 2025 г. Россия остается лидером по объему поставок сырой нефти в Китай, тогда экспорт российской нефти составил 8,07 млн тонн. На втором и третьем местах — Малайзия (7,95 млн т) и Саудовская Аравия (5,53 млн т) [8].

Как итог, западные санкции стали катализатором для развития энергетического сотрудничества РФ и КНР, поскольку западные ограничения ускорили переориентацию российского экспорта на Китай — таким образом, за 2 года (2022–2024 гг.) поставки выросли на 30%. Китай со своей стороны использовал санкции для усиления энергобезопасности и получения дешевой нефти. Однако, у такого сотрудничества существуют определённые риски в виде вторичных санкций против Китая со стороны США за поддержку РФ.

В ходе развития сотрудничества в нефтяной сфере возросли поставки через нефтепровод ВСТО, а также значительно увеличилась транспортировка нефти через восточные порты. В частности, с 2022 г. увеличился объем транспортировки российских энергоресурсов через Дальний Восток. В результате объем грузооборота порта Восточный за год достиг 82,3 млн тонн, что на 5,8% больше показателей предыдущего периода (см. <https://www.morport.com/rus/news/gruzooborot-morskih-portov-rossii-za-12-mesyacev-2022-g?ysclid=mg0xce9ti3708587294>, дата обращения: 26.09.2025). Рост объемов транзита нефти в 2023 г. стал следствием эмбарго ЕС на закупку энергоресурсов и последующей переориентации экспортных потоков России на рынки стран Азии, в первую очередь Китая и Индии.

Таким образом, западные санкции оказали двойственный эффект: с одной стороны, они действительно снизили доходы России от нефтяного экспорта на западный рынок, но с другой — привели к переориентации российских товаропотоков на Китай, в частности, энергоресурсов, среди которых нефть играет ключевую роль. Как итог, эти меры способствовали сближению России и Китая и развитию их стратегического партнерства. Углубление взаимодействия между двумя странами делает их роль на глобальном энергетическом рынке все более значимой.

Перспективы дальнейшего сотрудничества

Санкционное давление на Россию и растущие энергетические потребности Китая создали прочную основу для долгосрочного партнерства двух стран в нефтяной сфере. Однако дальнейшее развитие сотрудничества будет зависеть от ряда факторов, включая ценовую политику, логистику, механизмы расчетов между государствами и геополитическую обстановку.

Перспективы наращивания поставок в ближайшие годы связаны с развитием инфраструктуры восточного направления. Рост обеспечит как масштабное расширение пропускной способности нефтепровода ВСТО, так и увеличение морских отправок через порты Дальнего Востока и Северный морской путь. Такие изменения в логистике не только позволят снизить зависимость от традиционных маршрутов, но и сократить логистические издержки. В соответствии с заявлением вице-премьера РФ Александра Новака в 2023 г., планируется наращивание портовых мощностей для восточных нефтяных потоков на 32 млн тонн к 2026 г. (см. <https://tass.ru/ekonomika/19348907>, дата обращения: 05.06.2025).

В 2025 г. замглавы МИД РФ Андрей Руденко заявил, что российская сторона готова предоставить Китаю столько нефти, сколько будет необходимо стране в случае сокращения почти до нуля поставок из США (см. <https://www.vedomosti.ru/business/news/2025/04/12/1103993-postavki-nefti>, дата обращения: 27.09.2025). Отправляя больше нефти в Китай, Россия не только удовлетворяет энергетические потребности Китая, но и находит для себя большой стабильный рынок для сбыта своей продукции.

Что касается логистического аспекта, в дополнение к китайско-российскому нефтепроводу, Россия также использует китайско-казахстанский нефтепровод для транспортировки нефти в Китай. Согласно протоколу о внесении изменений в закон о транспортировке нефти РФ в Китай через Казахстан, подписанному в 2023 г., около 10 млн тонн российской нефти в год будет проходить через территорию Казахстана в Китай (см.

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62361/, дата обращения: 18.09.2025).

Диверсификация экспортных маршрутов через Казахстан является для России важным механизмом компенсации сокращения поставок на европейские рынки, а также помогает снизить негативный эффект от западных санкций. Казахстан, выступая в роли транзитного государства, также извлекает экономическую выгоду из сотрудничества с РФ. Так, за период 2014–2023 гг. по нефтепроводу «Прииртышск — Атасу — Алашанькоу» совокупный объем транспортировки достиг 91 млн тонн российского энергоресурса, что принесло казахстанской стороне доход в размере 1,32 млрд долл. США. В 2024 г. договор о транзите был продлен до 2033 г. (см. <https://ru.sputnik.kz/20240126/zamorozit-na-10-let-tsenu-tranzita-rossiyskoy-nefti-v-kitay-cherez-kazakhstan-sokhranyat--41856636.html>, дата обращения: 26.09.2025), что свидетельствует о стремлении всех участников соглашения развивать сотрудничество на долгосрочную перспективу.

Однако, существуют риски в энергетическом сотрудничестве РФ и КНР в условиях санкционного давления. Одним из ярких кризисных событий в энергетическом сотрудничестве России и Китая за последнее время стало то, что 10 января 2025 г. администрация президента США Джо Байдена объявила о введении нового пакета санкций против российской нефтяной отрасли, направленных непосредственно на ключевых производителей. Таким образом, под санкции попали две ведущие российские нефтекомпании: «Газпром нефть» и «Сургутнефтегаз», а также более 180 танкеров, десятки нефтесервисных предприятий и трейдеры по всему миру, торгующие российской нефтью (см. <https://www.rbc.ru/economics/11/01/2025/67814ae89a7947826b759802>, дата обращения: 02.07.2025).

Эти санкции считаются самыми жесткими мерами против энергетического сектора России

со времен начала СВО в 2022 г. Главная цель США — лишить Россию доходов от нефтяного экспорта.

Хотя в 2024 г. Китай импортировал 80 млн тонн нефти ESPO, что составило свыше 60% всего российского нефтяного экспорта в страну [8], в марте крупнейшие государственные нефтяные компании КНР Sinopec и Zhenhua Oil были вынуждены приостановить закупки российской нефти этой марки. Тем не менее, Sinopec возобновила закупку нефти спустя месяц паузы, что создаёт предпосылки для еще большего углубления нефтяного сотрудничества между Китаем и Россией.

Введение ограничительных мер со стороны США нарушает устойчивость сложившихся логистических цепочек, а также систем финансовых расчетов. Согласно новому пакету санкций, любые организации, ведущие операции с попавшими под ограничения российскими компаниями, могут столкнуться с риском вторичных санкций. Хотя американские санкции в итоге временно снизили объемы экспорта российской нефти в Китай, переориентация на азиатские рынки и создание альтернативных систем платежей постепенно ослабляют их эффект.

Одним из ключевых следствий санкций стал ускоренный переход на альтернативные механизмы расчетов. В результате произошло перераспределение валютной структуры расчетов: снижение доли доллара США и евро было компенсировано ростом доли юаня [19, с. 26]. Согласно данным Государственного валютного управления КНР, в 2024 г. доля использования юаня в расчетах увеличилась вдвое за последние пять лет и составила более половины всех китайских платежей — 52,9% [20, с. 22].

Для Китая, который является крупнейшим импортером нефти, ключевое значение имеет диверсификация поставок энергоносителей. В этом контексте российская нефть играет важную роль, поскольку на долю российской сырой нефти приходится 18% от общего объема импорта Китая (см. <https://tass.ru/ekonomika/23120765?ysclid=mfh3l6qjxf775994335>, дата обращения: 20.09.2025). Немаловажен тот факт, что транспортировка нефти по трубопроводу обеспечивает бесперебойность, недостижимую для перевозок посредством морских маршрутов. Благодаря сотрудничеству с Россией Китай может ослабить свою зависимость от энергоносителей на Ближнем Востоке и снизить риски, вызванные геополитическими изменениями.

В настоящее время энергетическое сотрудничество между Китаем и Россией вышло на новый этап развития. Как сообщил вице-премьер России Александр Новак, уже началась проработка конкретных транспортных маршрутов и технических решений для дополнительных поставок 2,5 млн тонн нефти через Казахстан в этом году (см. <https://tass.ru/ekonomika/23983427>, дата обращения: 02.07.2025). Это означает, что в будущем транспортировка станет еще более эффективной и стабильной, а взаимодействие между Россией и Китаем — более тесным. Кроме того, роль Казахстана в энергетическом сотрудничестве двух стран продолжает возрастать.

Угроза вторичных санкций против китайских компаний, сотрудничающих с Россией, остается серьезным вызовом. Тем не менее, взаимная заинтересованность России в стабильном рынке сбыта своей продукции, а Китая — в надежных источниках энергоресурсов создает прочную основу для долгосрочного сотрудничества. Обе страны будут продолжать развивать и расширять транспортные маршруты, совершенствовать финансовые механизмы расчетов, что позволит минимизировать ущерб от санкций и укрепить энергетическую безопасность.

Таким образом, перспективы развития российско-китайского нефтяного сотрудничества в условиях санкционного давления выглядят в целом оптимистично, поскольку, с учетом растущего спроса Китая на энергоресурсы, Россия может значительно увеличить объемы поставок нефти, что позволит не только компенсировать утраченные рынки в Европе, но и укрепить свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Санкции со стороны Запада создают стимулы для обеих стран более тесно сотрудничать в области энергетики.

Заключение

Сотрудничество России и Китая в нефтяной сфере стало ключевым элементом стратегического партнерства двух стран, особенно в условиях санкционного давления со стороны Запада, которое усилилось после 2022 г. Политика сдерживания РФ и КНР, проводимая США дестабилизирует ситуацию в мире, придавая проблемам энергетической безопасности, ранее имевшим локальный характер, глобальные масштабы [\[21, с. 59\]](#).

Под влиянием западных санкций произошло укрепление российско-китайских отношений, что привело к развитию сотрудничества, а также коренным образом изменило динамику развития российско-китайского нефтяного сотрудничества. Вынужденная переориентация экспортных потоков России с европейского на азиатский рынок привела к беспрецедентному росту поставок в Китай — с 86 млн тонн в 2022 г. до рекордных 108 млн тонн в 2024 г. [\[8\]](#). Однако эти количественные успехи сопровождались качественной трансформацией всей системы взаимодействия.

Такое стремительное развитие энергетического сотрудничества России и Китая стало возможным благодаря развитию энергетической инфраструктуры, к которой относится нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан», а также благодаря расширению морских поставок через порты Дальнего Востока. Кроме того, переход на расчеты в юанях снизил зависимость от доллара, что укрепило финансовую устойчивость сотрудничества. Таким образом, углубление экономических связей России и Китая будет способствовать не только усилению энергетической безопасности обеих стран, но и созданию новых финансовых механизмов расчетов, что позволит обходить ограничения западных санкций.

Параллельно переходу на альтернативные механизмы расчетов с использованием национальных валют, сформировалась сложная система обходных логистических схем — транзит через третьи страны. Эти меры позволили частично нейтрализовать эффект западных ограничений. Например, Казахстан, как важный транзитный коридор для энергетического сотрудничества Китая и России, сегодня играет ключевую роль в данном аспекте, благодаря своему географическому положению. Участие Казахстана в энергетическом сотрудничестве двух стран продолжает усиливаться и является выгодным: Казахстан не только предоставляет транзитные коридоры, но и получает значительные экономические выгоды от транспортировки энергоресурсов.

Однако существуют и риски, связанные с зависимостью от сырьевой модели экономики и потенциальными вторичными санкциями против Китая. Сохраняется угроза вторичных санкций против китайских компаний — пример временного сокращения закупок Sinorec в начале 2025 г. показал уязвимость от санкций даже крупнейших нефтяных компаний. Несмотря на это, взаимная заинтересованность РФ и КНР в долгосрочном партнерстве, а также совместные усилия по расширению транспортных маршрутов и механизмов расчетов без использования доллара создают прочную основу для дальнейшего развития сотрудничества.

Перспективы сотрудничества будут определяться способностью сторон преодолеть эти вызовы. Однако устойчивость сотрудничества в энергетической сфере между Россией и Китаем в долгосрочной перспективе зависит не только от двусторонних усилий, но и от общей динамики санкционного давления.

Российско-китайское энергетическое сотрудничество вышло за рамки экономической взаимодополняемости, превратившись в важную опору для противодействия западной системе глобального управления: сегодня Китай стремится играть более значимую роль на международной арене, особенно в условиях экономического и политического соперничества с США. Стратегический курс России в условиях противостояния с коллективным Западом фокусируется на изменении вектора, который теперь направлен на Восток. Таким образом, сегодня энергетика выступает не только в качестве фактора развития экономического сотрудничества, но и инструмента геополитического влияния.

Библиография

1. Балабаева А.М. Тенденции энергетического сотрудничества РФ и КНР // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 81. С. 143-148. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-6-1-143-148. EDN: XIETLZ.
2. Санеев Б.Г., Лопатина М.Н. Энергетическая составляющая Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. № 4 (36). С. 65-73.
3. Доу Ю., Лавров С.Н., Симонов А.Г. Перспективы развития сотрудничества между Россией и Китаем в нефтяной сфере // Экономические отношения. 2025. Т. 15, № 2. С. 375-396. DOI: 10.18334/eo.15.2.122962. EDN: MPBWQZ.
4. Итоги мероприятия: Девятая международная конференция "Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху", 30–31 мая 2024 г., Москва / Сост. Ю.Ю. Мельникова, Г.В. Грызлов, Л.В. Нечаева; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: РСМД, 2024.
5. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М.: "Весь Мир", 2013. 701 с.
6. 吕文斌, 苏铭. 能源安全新战略推动转型发展 // 经济日报 (Economic Daily). 2025. [Электронный ресурс] URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2025/0909/c40531-40559808.html> (дата обращения: 09.09.2025).
7. 中国能源展望2060--能源产业中国式现代化之路 [China Energy Outlook 2060: The Path to Chinese-style Modernization of the Energy Industry]. 2024. 97 p.
8. 海关统计数据查询平台. Статистика Главного таможенного управления Китая. [Электронный ресурс] URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (дата обращения: 05.06.2025).
9. Немов В.Ю. Экспорт нефти из России на мировые энергетические рынки // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2019. Т. 2, вып. 5. С. 167. DOI: 10.33764/2618-981X-2019-2-5-162-167.
10. Петушкова В.В. Российско-китайские торговые отношения в период санкций // Экономические и социальные проблемы России. 2024. № 3. С. 83-100. DOI: 10.31249/espr/2024.03.05. EDN: QZANTU.
11. Торговля между Россией и Германией в 2021 г. // Внешняя Торговля России. 12.02.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-germaniey-v-2021-g/> -ysclid=mfnuaxacf8286480177 (дата обращения: 25.03.2024).
12. Стабилизация российского сектора энергоресурсов в новых условиях: адаптация к

- санкциям. Актуальные интервью / И.В. Юшков. Геоэкономика энергетики. 2023. № 3 (23). С. 6-22. DOI: 10.48137/26870703_2023_23_3_6. EDN: JQCDTW.
13. Внешняя торговля Российской Федерации // ФТС. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 20.09.2025).
14. International Energy Agency. Oil Market Report. 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/oil-market-report-december-2021> (дата обращения: 20.09.2025).
15. Kozmenko A. Arctic oil and the eastern direction of Russia's energy policy // SHS Web of Conferences. 2020. DOI: 10.1051/shsconf/20208403004. EDN: HRTNPY.
16. 赵宏图. 国际能源转型进程中的能源安全新挑战 [Новые вызовы энергетической безопасности в процессе глобальной энергетической трансформации] // 国家安全研究 [Исследования национальной безопасности]. 2022. Т. 6. № 6. С. 167.
17. Henderson J., Yermakov V., Connolly R. Outlook for Russia's oil and gas production and exports. OIES Paper: NG, 2024. № 189. 55 p.
18. Тураева М.О., Яковлев А.А. Сотрудничество России и Китая в новых условиях: некоторые экономические итоги 2023 г. // Россия и современный мир. 2024. № 3 (124). С. 29. DOI: 10.31249/rsm/2024.03.01. EDN: MWTXVQ.
19. 戚文海, 杨玉媛. 金融制裁下的俄罗斯国际结算:货币多元化及其动因和风险 [Международные расчеты России под финансовыми санкциями: валютная диверсификация, ее движущие силы и риски] // 欧亚经济 [Евразийская экономика]. 2025. № 3. С. 26-41.
20. Механизмы дедолларизации КНР в рамках стратегии интернационализации юаня: доклад № 98 / 2024 / [М.Х. Алиев, Юй Сяо, С.А. Рязанова; под ред. С.М. Гавриловой, Ю.Ю. Мельниковой, Г.В. Грызлова, Д.О. Растегаева]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2024. 42 с.
21. 杨洁勉. 乌克兰危机下的世界秩序变局和发展中国家的使命担当 [Перестройка мирового порядка в условиях украинского кризиса и роль развивающихся стран] // 国家问题研究 [Исследования международных проблем]. 2022. № 4.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает динамика российско-китайской торговли нефтью в период 2020–2025 годов, включая изменение объемов поставок, логистических маршрутов и механизмов расчетов под воздействием западных санкций после 2022 года. Научная актуальность работы обусловлена тем, что она отвечает потребности в понимании трансформации глобальной энергетической архитектуры в условиях экономического противостояния между Западом и альянсом России с Китаем, когда переориентация нефтяных потоков определяет новую конфигурацию международной торговли энергоресурсами. Результаты исследования применимы для прогнозирования развития энергетических рынков Азиатско-Тихоокеанского региона и могут использоваться при разработке стратегий энергетической безопасности государств, зависящих от импорта углеводородов, а также при планировании инфраструктурных проектов в сфере транспортировки нефти. К сожалению, сам автор проигнорировал свою обязанность должным образом отразить и аргументировать собственный теоретико-методологический выбор, переложив эту работу на читателя. И этот факт не может не снизить научную ценность рецензируемой работы.

Однако из контекста можно понять, что в процессе исследования применялся статистический анализ данных Главного таможенного управления Китая за период 2020–2024 годов с построением динамических рядов объемов и стоимости экспорта нефти. Автор использовал сравнительно-исторический метод для сопоставления периодов до и после введения санкций 2022 года, выявляя изменения в структуре российского экспорта энергоресурсов. Применялся также дескриптивный анализ нормативно-правовых документов и международных соглашений, регулирующих нефтяное сотрудничество России, Китая и Казахстана, что позволило оценить институциональную основу взаимодействия указанных стран. Частично использовался контент-анализ официальных заявлений политических деятелей и данных российских и китайских корпораций для определения стратегических намерений сторон. Но на будущее автору следует учесть, что отсутствие описания теоретико-методологической базы может стать причиной для отклонения статьи как ненаучной. В научных публикациях теоретико-методологическая рефлексия является атрибутом (неотъемлемым признаком), а не случайным элементом. Тем не менее, вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, по результатам исследования установлено, что западные санкции 2022 года привели к структурному сдвигу в географии российского нефтяного экспорта с увеличением поставок в Китай на 30% за период 2022–2024 годов (с 86 до 108 млн тонн), что сопровождалось диверсификацией сортов поставляемой нефти за счет включения арктических марок Arctic Oil, «Варандей» и «Новый порт», ранее ориентированных на европейский рынок. Автор показал, что российско-китайское нефтяное сотрудничество приобрело институциональные черты долгосрочного стратегического партнерства, включающего развитие альтернативных маршрутов (через Казахстан и порты Дальнего Востока) и переход на расчеты в национальных валютах. Показано, что энергетическое взаимодействие России и Китая трансформировалось из экономического в геополитический инструмент, усиливающий позиции обеих стран в противостоянии западной модели глобального управления. Кроме того, выявлена трансформация финансовых механизмов российско-китайской нефтяной торговли, проявившаяся в переходе на расчеты в юанях по контрактам крупнейших государственных корпораций с середины 2022 года, что привело к увеличению доли китайской валюты в платежных операциях до 52,9% к 2024 году и снижению зависимости от долларовых транзакций. Наконец, определена роль Казахстана как транзитного коридора в российско-китайском нефтяном сотрудничестве, обеспечивающего транспортировку до 10 млн тонн российской нефти ежегодно с 2023 года и получающего от этого 1,32 млрд долларов дохода за период 2014–2023 годов, что формирует трехстороннюю модель энергетического взаимодействия в Центральной Азии. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где содержится обоснование значимости российско-китайского нефтяного сотрудничества (через описание географической близости нефтедобывающих регионов Сибири и Дальнего Востока к китайской границе, историю создания инфраструктуры ВСТО с 2001 года и влияние санкций 2022 года на переориентацию российского экспорта на восточные рынки), но полностью отсутствует теоретико-методологическая рефлексия самого исследования; - «Текущие результаты двустороннего сотрудничества», где анализируется динамика объемов и стоимости российского нефтяного экспорта в Китай за 2020–2024 годы, демонстрируется рост с 83,57 до 108,47 млн тонн, описывается изменение структуры поставок после введения санкций, включая появление новых сортов арктической нефти, и рассматривается переход на расчеты в национальных

валютах; - «Перспективы дальнейшего сотрудничества», где оценивается потенциал наращивания поставок через развитие инфраструктуры восточного направления с планируемым увеличением портовых мощностей на 32 млн тонн к 2026 году, рассматривается использование казахстанского транзитного маршрута с прогнозируемой транспортировкой 10 млн тонн ежегодно, анализируются риски вторичных санкций на примере приостановки закупок компанией Sinopec в марте 2025 года и описываются меры по минимизации санкционного давления; - «Заключение», где обобщается трансформация российско-китайского нефтяного взаимодействия под влиянием западных санкций, подчеркиваются качественные изменения в системе логистики, финансовых расчетов и институциональных механизмов сотрудничества, указывается на геополитическое значение энергетического партнерства как инструмента противодействия западной системе глобального управления. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, странные с точки зрения современного русского языка обороты «будучи» и др., как в предложениях «Россия и Китай, будучи крупнейшими соседними державами, обладают...» [почему бы не разбить это предложение на два и избежать тем самым употребления слова «будучи»? – рец.]; еще пример неудачного с точки зрения стиля решения: «Россия лишилась значительного рынка сбыта ["значительной части рынка сбыта"? – рец.] нефти на Западе...»; или использование плеоназмов вроде «прочные и долгосрочные отношения»; и др.) и грамматических (например, ненужные запятые как в предложении «После введения санкций Западом, каналы экспорта нефти из России были серьезно ограничены»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 21 наименование, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу отсутствия теоретико-методологической рефлексии. В числе положительных качеств рецензируемой статьи, позволяющих рекомендовать ее к публикации, можно отметить следующие. Работа демонстрирует высокую степень эмпирической обоснованности, используя актуальные статистические данные Главного таможенного управления Китая и конкретные количественные показатели для каждого анализируемого года (например, детализация объемов экспорта с точностью до сотых долей миллиона тонн и указанием стоимости в долларовом эквиваленте), что позволяет отследить динамику изменений и подкрепить выводы о влиянии санкций на торговые потоки. Кроме того, автор успешно интегрирует макроэкономический анализ с микроуровневыми примерами, сочетая рассмотрение общих тенденций (рост поставок на 30% за 2022–2024 годы) с конкретными кейсами корпоративного взаимодействия (контракты «Роснефти» и CNPC, временная приостановка закупок Sinopec), что придает исследованию многоуровневость и позволяет понять как структурные, так и операционные аспекты российско-китайского энергетического сотрудничества.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для исследователей международных экономических отношений и энергетической политики, специализирующихся на азиатском регионе, аналитиков энергетических компаний и государственных корпораций, планирующих стратегии работы на рынках Азиатско-Тихоокеанского региона, специалистов по санкционной политике и механизмам ее обхода, для преподавателей программ по международным отношениям, изучающих трансформацию глобальной энергетической архитектуры в условиях геополитической конфронтации, а также для студентов и

аспирантов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Дубровский И.Р. От «информатизации» к «интеллектуализации»: трансформация военных концепций КНР в эпоху Си Цзиньпина // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.75957 EDN: WNLTUK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75957

От «информатизации» к «интеллектуализации»: трансформация военных концепций КНР в эпоху Си Цзиньпина

Дубровский Иван Родионович

ORCID: 0000-0003-2655-0927

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ yiwan94@yandex.ru

[Статья из рубрики "Вооруженные конфликты и войны"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.75957

EDN:

WNLTUK

Дата направления статьи в редакцию:

21-09-2025

Аннотация: В центре внимания данной статьи находится трансформация военных концепций Китайской Народной Республики в период правления Си Цзиньпина. Автор рассматривает переход от «информатизации» к «интеллектуализации» войны как отражение более широкой тенденции эволюции военной стратегии и военной доктрины НОАК в условиях глобальной революции в военном деле. Предметом исследования является не только изменение технической базы вооружённых сил, но и переосмысление принципов активной обороны, характера современных конфликтов и роли информации и искусственного интеллекта в военной сфере. Особое внимание уделено анализу организационных реформ НОАК, созданию новых родов войск и развитию концепций интегрированных совместных операций. Рассматривается, каким образом китайская военная мысль адаптируется к вызовам XXI века и стремится сформировать стратегические преимущества в условиях быстро меняющейся международной обстановки. Методологическая база работы опирается на системный и

сравнительно-исторический подходы, а также на анализ официальных китайских документов, «Белых книг», трудов Академии военных наук и современных исследований в области безопасности. Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении перехода от «информатизации» к «интеллектуализации» как ключевого этапа модернизации китайской военной доктрины. В статье показано, что в эпоху Си Цзиньпина интеллектуализация рассматривается не как отдельная технологическая инновация, а как системный процесс, интегрирующий человека, вооружения и методы ведения войны в единую «систему систем». Важным выводом является то, что Китай стремится использовать искусственный интеллект и связанные технологии не только для повышения эффективности вооружённых сил, но и для формирования нового уровня стратегического сдерживания. Делается заключение, что развитие НОАК в направлении интеллектуализации отражает цель КНР превратить свои вооружённые силы в «армию мирового класса», способную к середине XXI века действовать эффективно в условиях новой революции в военном деле и противостоять любым потенциальным противникам.

Ключевые слова:

Китай, военная доктрина, Си Цзиньпин, НОАК, информатизация, интеллектуализация, искусственный интеллект, совместные операции, военные реформы, стратегическое превосходство

Введение

На фоне стремительного роста политической, экономической и военной мощи Китайской Народной Республики ее роль в международной системе существенно трансформируется. В условиях усиливающейся глобальной стратегической конкуренции с Соединенными Штатами КНР активизирует развитие вооруженных сил, одновременно продвигая новый формат национальной безопасности, выходящей за рамки исключительно территориальной обороны. Переход от концепции «защиты ближних морей» к задаче обеспечения интересов «в дальнем зарубежье», равно как и формирование экспедиционных возможностей Народно-освободительной армии Китая (НОАК), свидетельствуют о кардинальной смене военного мышления.

Современное военно-политическое руководство Китая уделяет приоритетное внимание вопросам стратегического планирования и адаптации Вооруженных сил к новым условиям международной и технологической среды. Проблема, затронутая в настоящем исследовании, заключается в необходимости анализа трансформации военной стратегии Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в контексте усиливающейся глобальной конкуренции, технологических сдвигов и изменения характера вооруженной борьбы. Учитывая рост амбиций КНР на мировой арене, включая защиту национальных интересов за рубежом и демонстрацию военной мощи, изучение китайской военной стратегии приобретает особую актуальность как в научном, так и в практическом измерении.

Цель настоящей статьи — проанализировать эволюцию военных концепций КНР в эпоху Си Цзиньпина, выявить их сущностные особенности, определить ключевые направления трансформации НОАК, а также оценить значение этих изменений для будущего характера войны и стратегического положения Китая в мировой системе.

Роль информатизации в современной военной доктрине Китая

Военная доктрина является фундаментом для организации обороны и построения

вооруженных сил любого государства, а также формализацией военной стратегии государства. В Китае военная стратегия носит «объективно-субъективный характер», что отражает марксистско-ленинский взгляд на военную стратегию. Согласно этому понятию, стратегия представляет собой нелинейную диалектику между объективной реальностью и субъективной инициативой [1]. Задачей стратегии (и стратега) является оценка объективной реальности, то есть существующей стратегической среды, а затем использование субъективной инициативы для изменения этой реальности таким образом, чтобы это соответствовало цели стратегии. Синтез объективной реальности и субъективной инициативы приводит к созданию новой, более выгодной объективной реальности. Концепция объективно-субъективного характера выработки военной стратегии, первоначально представленная в 2002 г. в статье профессора Академии военных наук НОАК У Чуньюи под названием «Диалектика и изучение большой стратегии: взгляд китайцев» [2], по-прежнему закреплена в доктрине НОАК, о чем свидетельствует издание «Науки военной стратегии» 2020 года [3].

Военная политика КНР реализуется с помощью Руководящих принципов (军事战略方针) – ориентиров для развития военной организации государства. Сами китайские теоретики считают эти Руководящие принципы «ядром и обобщенным воплощением военной стратегии» [4]. Руководящие принципы состоят из четырех компонентов: (1) определение стратегического противника; (2) основное стратегическое направление, такое как регион или направление; (3) «форма ведения боевых действий» и (4) оперативные принципы применения военной силы [5]. Руководящие принципы издаёт высший военный орган Китая – Центральный военный совет КНР. Затем они формируют военную доктрину, структуру сил, определяют направления военного строительства и т.д.

Начиная с 1980-х гг., в основе военной стратегии и военной доктрины КНР лежит концепция активной обороны (积极防御). Эта концепция исходит из положения о противостоянии более сильному противнику и формулирует задачу сохранения сил с последующим переходом к инициативе. В основе лежит идея не наступления из позиции превосходства, а преодоления слабости, характерной как для Красной армии в годы гражданской войны, так и для Китая в условиях противостояния с США и СССР в первые десятилетия существования КНР.

Термин «активная оборона» впервые появился в 1935 г. в партийном документе, подготовленном Мао Цзэдуном под заголовком «Проблемы стратегии в войне за независимость Китая» [6]. В нем «активная оборона» рассматривалась в диалектическом единстве «стратегической обороны», когда в ответ на наступление противника армия совершает организованный отход вглубь территории, и «стратегического контрнаступления», когда с помощью маневра удается сформировать преимущество над силами противника на определенном участке фронта и сокрушить его.

Стоит отметить, что данная стратегическая концепция отражает принцип ответа государства на военно-стратегические угрозы с применением военной силы. Сам принцип на протяжении десятилетий существования КНР не изменился, однако, изменились внешние условия и форма возможного военного конфликта. В июне 2004 года ЦВС КНР утвердил Руководящие принципы, в которых внешняя среда потенциального военного конфликта была выражена формулировкой «условия информатизации» (信息化条件). Председатель КНР Цзян Цзэминь подчеркнул необходимость подготовки НОАК к локальным войнам именно в таких условиях [7]. По оценке ЦВС КНР, информатизация стала ключевой особенностью современных

вооруженных конфликтов, определив «информатизированную войну» как основную форму войны XXI века. Председатель КНР поставил задачу трансформации НОАК в силы нового типа, способные побеждать в информационном противоборстве, что было отражено и в «Белой книге по обороне» 2004 г.

Термин «информатизация» (信息化) в Китае имеет общегосударственное значение, охватывая гражданскую и военную сферы. Он обозначает переход к информационному обществу за счет технологий. В военной области информатизация меняет характер боевых действий: информация становится самостоятельным пространством и связующим звеном между сушей, морем и воздухом. Ведение войны в этих условиях предполагает применение информационных технологий на всех уровнях — от сенсоров и вооружения до автоматизированного командования и неклассических форм борьбы (кибер-, электронная и психологическая войны) [\[8\]](#).

С 2014 г. Председатель КНР Си Цзиньпин, скорректировал данное видение, предложив военную доктрину «победы в информационных локальных войнах» (赢得信息化局部战争). Доктрина включала несколько ключевых положений, изложенных в белой книге «Военная стратегия Китая» от 2015 года [\[9\]](#). Первое — приоритет информационного превосходства: развитая разведка рассматривается как основа для достижения контроля в воздухе, на море и других сферах во время «информационных локальных войн». Второе — расширение и усложнение поля боя: к традиционным пространствам (суша, море, воздух, космос) добавляются новые — электромагнитное, кибер- и когнитивное. При этом воздушное и космическое измерения интегрируются, превращаясь в стратегическую точку для завоевания инициативы. Третье — ведущей формой боевых действий становятся интегрированные совместные операции, где силы разных видов и родов войск действуют под единым командованием. Четвертое — война предъявляет высокие требования к управлению: цели и удары координируются так, чтобы операции были максимально эффективными, экономичными и с минимальными рисками.

В издании «Науки военной стратегии» от 2013 г., подготовленном Академией военных наук НОАК, подчеркивается, что информатизация радикально изменила сам принцип формирования боевой мощи. Традиционно она понималась как сочетание трех элементов: материальной базы (вооружение, техника, платформы), энергии (топливо и боеприпасы) и информации (связь и управление). В условиях современной войны именно информация из вспомогательного фактора превратилась в ключевой, определяющий использование и материалов, и энергии. Это стало основой масштабной реформы НОАК, цель которой — максимально использовать центральную роль информации в боевых действиях.

Согласно данному труду, изменился и сам механизм победы: если раньше она достигалась уничтожением материальных ресурсов противника, то теперь — нейтрализацией его информационных систем, что парализует боевой потенциал. Для этого предполагаются удары по командным центрам, системам управления и информационной инфраструктуре. Основным инструментом — «интеграция информации и огня», то есть объединение разведывательных и сенсорных систем с высокоточными дальнобойными средствами поражения.

В редакции «Науки военной стратегии» от 2020 г. роль информации получила еще большее значение. В ней утверждается, что победа в информационной войне является ключевой функцией вооруженных сил и основой выполнения любых военных задач. Для НОАК информационная составляющая теперь не дополнительная возможность, а фундамент всех видов военной деятельности.

Текущая стратегическая цель НОАК — ускорить процесс информатизации и параллельного совершенствования механизированных войск к 2027 году. Если механизированные силы отражают индустриальную эпоху (танки, артиллерия, бронетехника), то информатизированные войска строятся вокруг разведывательно-ударных комплексов, включающих системы наблюдения, разведки и высокоточные средства поражения [\[10\]](#).

Руководящие принципы Си Цзиньпина, зафиксированные в Белой книге 2015 г. сохраняли фокус на локальных войнах на периферии Китая, без перехода к более масштабным целям. Центральным сценарием по-прежнему оставался возможный конфликт, связанным с попыткой Тайваня добиться независимости военным путем, в то время как граница с Индией и Южно-Китайское море рассматривались как второстепенные стратегические направления.

Основной формой боевых действий продолжали оставаться совместные военные действия, получившие в 2004 г. концептуальное оформление как «интегрированные совместные операции» (一体化联合作战). Документы, опубликованные после 2019 г., такие как «Общие сведения о совместных операциях» [\[11\]](#), подтверждают, что именно эта форма лежит в основе оперативной доктрины, несмотря на теоретические обсуждения новых подходов в академической среде. Также не изменилась и «основная руководящая идея» операций, заключающаяся в формуле «информационное господство, точечные удары по стратегическим целям, совместные действия ради победы» (信息主导, 精打要害, 联合制胜) [\[12\]](#). Эта идея остается фундаментом стратегического планирования и не подвергалась официальной ревизии по сей день.

Направление информатизации в процессе модернизации НОАК

Претворение в жизнь доктрины «победы в информационных локальных войнах» потребовало как организационных преобразований в виде создания новых родов войск, так и развития наступательных и оборонительных возможностей НОАК.

С организационно-структурной точки зрения важным вкладом для развития возможностей НОАК обеспечивать национальную безопасность в информационных войнах стало создание в конце 2015 г. Сил стратегической поддержки НОАК (ССП), которые централизовали управление ключевыми некинетическими пространствами ведения боевых действий (космосом, киберпространством, радиоэлектронной борьбой, информационными и психологическими операциями), а также выполняли задачи по комплексному ведению всех видов технической разведки. ССП НОАК организационно состояли из двух структур управления космических систем (航天系统部), отвечавшего за запуски, отслеживание, управление спутниками, и управления сетевых систем (网络系统部), включавшего в себя органы технической и радиотехнической разведки [\[13\]](#). Однако в 2024 г. данная Служба была реорганизована, поскольку не в полной мере соответствовала требованиям верховного главнокомандующего по координации совместных операций, информационному противоборству и предоставлению разведывательной информации.

В 2024 г. они были разделены на три отдельных рода войск: Воздушно-космические силы, Силы киберпространства, Силы информационной поддержки. Председатель КНР Си Цзиньпин в ходе торжественной церемонии по случаю образования Сил информационной поддержки (СИП) заявил, что это важное решение было принято с учетом необходимости модернизации национальной обороны в условиях новой обстановки. В его речи был

сделан акцент на том, что СИП представляют принципиально новую структуру «новейший род войск стратегического уровня» (全新打造的战略性兵种), который будет координировать развитие и применение киберинформационных систем для гарантированного достижения победы в современных войнах [\[14\]](#).

Проведенная в 2024 г. военная реформа выгодна НОАК с точки зрения повышения боевых возможностей, поскольку командир любого объединенного командования может относительно оперативно задействовать силы и средства СИП в своих интересах без обращения в вышестоящий штаб [\[15\]](#). Предполагается, что такой подход может повысить эффективность проведения совместных операций, в ходе которых взаимодействуют разнородные группировки войск (сил) [\[16\]](#). В связи с этим СИП в кратчайшие сроки интегрируется в существующую систему совместных операций китайских ВС для своевременного и эффективного выполнения задач в условиях информационного противодействия со стороны вероятных противников.

КНР придает первостепенное значение развитию систем командования, контроля, связи, вычисления, разведки, наблюдения и рекогносцировки (C4ISR), видя в них основу для ведения современных войн, где решающими становятся скорость сбора, обработки и передачи информации, а также оперативность принятия решений. НОАК модернизирует технологии и организацию управления, чтобы эффективно координировать совместные операции на разных театрах военных действий.

Системы C4ISR обеспечивают защищенную связь и обмен данными в реальном времени — от разведанных до логистики и метеоинформации. Это позволяет командирам быстрее принимать многоуровневые решения и повышает эффективность управления в сложных условиях. КНР активно развивает космическую инфраструктуру и платформы ближнего космоса для усиления задач разведки, наблюдения и рекогносцировки, а также поддержки высокоточных ударов [\[17\]](#).

Для достижения информационного превосходства Пекин делает ставку не только на C4ISR, но и на радиоэлектронную борьбу. Подразделения РЭБ НОАК тренируются в постановке помех, подавлении и дезорганизации систем связи, радиолокации и навигации противника, включая GPS. Эти действия рассматриваются как способ сдерживания еще до начала конфликта и как ключевой элемент ведения информационной и интеллектуальной войны.

Военно-политическое руководство КНР рассматривает кибероперации, наряду с электронной и психологической войной, одним из ключевых инструментов достижения информационного превосходства и противодействия более сильному противнику. Пекин объявил киберпространство критически важной сферой национальной безопасности и ускоряет развитие кибервойск [\[18\]](#).

НОАК рассматривает интеграцию киберсредств с космосом и РЭБ как стратегическое оружие для дезорганизации систем управления противника. Кибероперации выполняют задачи разведки, сдерживания, ударов по логистике и коммуникациям, а также усиливают эффект кинетических атак. Особое внимание уделяется защите собственных систем и инфраструктуры, включая превентивные меры и наступательные действия против киберактивности противника [\[19\]](#).

Перспективы модернизации НОАК: курс на «интеллектуализацию»

Впоследствии военно-политическое руководство КНР зафиксировало, что форма ведения

войны эволюционирует от «информационной» (信息化) к будущей «интеллектуальной» (智能化) войне. Ожидается, что в ходе этих преобразований искусственный интеллект (ИИ) станет таким же важным фактором победы на поле боя будущего, как и информационные технологии сегодня.

Концепция интеллектуализации в Китае предполагает внедрение ИИ и связанных технологий для развития системы C4ISR, однако ИИ рассматривается не как цель, а как средство интеграции человека, вооружений и способов ведения боя в «систему систем». Главная задача — создание единой структуры для проведения интегрированных совместных операций, обеспечивающих единое командование, маневренность и комплексную поддержку.

Китайские военно-политические круги считают, что мир вступил в новую «революцию в военном деле». Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал необходимость военных инноваций, развития новых теорий, стратегий и технологий, включая ИИ, квантовые вычисления и большие данные. Китайский подход «科技兴军» (развитие армии через науку и технологии) направлена на формирование уникальных преимуществ в ключевых областях и реализацию цели «мощной армии» (强军目标) [\[20\]](#).

В 2016–2017 гг. НОАК получила задачу активно использовать ИИ для командования, планирования и поддержки решений, а также интегрировать новые технологии в совместные операции [\[21\]](#). ИИ признан стратегическим направлением, влияющим и на экономику, и на военную сферу. С 2017 г. он включен в национальную стратегию и реализуется через военно-гражданскую интеграцию, где ведущую роль играют технологические компании. В 14-м пятилетнем плане (2021 – 2026 гг.) и в 2024 г. на сессии ВСНП было подтверждено, что ИИ является ключевым элементом китайской «революции в военном деле» [\[22\]](#).

Опыт КНР по внедрению ИИ в вооружения отражен в работе исследователей из Центра безопасности и новых технологий, в которой проанализированы 343 контракта НОАК. В данной работе выделены семь приоритетных сфер: автономные транспортные средства, ISR, логистика, радиоэлектронная борьба, моделирование, командование и управление, а также автоматическое распознавание целей [\[23\]](#). Эти направления можно свести к двум категориям: ИИ в вооружении и ИИ в поддержке боевых действий.

Китай разрабатывает системы с разным уровнем автономности — от дистанционно управляемых до почти полностью автономных. НОАК стремится к интеграции пилотируемых и беспилотных систем, использованию ИИ для групповых атак и логистики. Примеры — БПЛА TYW-1, ASN-216 и проект FH-97A («лояльный ведомый»). Однако по настоящему смертоносных автономных систем с развитым ИИ пока нет [\[24\]](#).

ИИ также применяется в задачах ISR, например в радары YLC-2E и YLC-16, а в перспективе — в когнитивных радары и системах ПВО с функциями автоматизированного принятия решений и интеграции сенсоров. Китай работает над «Интегрированной системой ПВО и ПРО» с использованием ИИ [\[25\]](#).

Заключение

Переход от концепции «информатизации» к «интеллектуализации» отражает глубокую трансформацию китайской военной мысли и практики в эпоху Си Цзиньпина. Если в начале XXI в. ключевым направлением стало освоение информационных технологий как основы ведения войны, то сегодня акцент смещается на использование искусственного

интеллекта и связанных с ним инноваций как фактора нового уровня военного превосходства.

Эта трансформация демонстрирует стремление Пекина адаптироваться к изменениям характера войны и опередить потенциальных противников за счет технологических и организационных преимуществ. Введение новых родов войск, модернизация систем управления и акцент на кибер- и когнитивных сферах боевых действий свидетельствуют о переходе НОАК к модели вооруженных сил, где информация и интеллект становятся не просто ресурсами, а основой всей военной мощи.

Таким образом, китайская доктрина в эпоху Си Цзиньпина формирует курс на «интеллектуализацию» войны, предполагающий интеграцию человека, технологий и вооружений в единую систему. Этот курс отражает более широкий стратегический замысел: превратить НОАК к середине XXI в. в «армию мирового класса», способную эффективно действовать в условиях новой революции в военном деле.

Библиография

1. Шу Сяосун. 战略学 [Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社, 2013. 319 с.
2. У Чунью. 辩证法与大战研究:一种中国观点 [Диалектика и исследование общей стратегии: взгляд Китая]. 北京: 中国军事科学, 2002. 304 с.
3. Сяо Тяньлян. 战略学 [Наука о военной стратегии]. 北京: 国防大学出版社, 2020. 367 с.
4. Ван Вэньжун. 战略学 [Наука о военной стратегии]. 北京: 国防大学出版社, 1999. 427 с.
5. Ся Синсин. 改革开放以来中国军事战略方针调整探微 [Исследование корректировки Руководящих принципов ЦВС КНР после начала политики "реформы и открытости"] // 党史博采(上). 2021. № 03. С. 23-27.
6. Лу Чжэньсин. 战略思维的光辉典范--重读毛泽东《中国革命战争的战略问题》 [Яркий пример стратегического мышления – перечитывание книги Мао Цзэдуна "Проблемы военной стратегии в войне за независимость Китая"] // 解放军报. 28.10.2023. URL: http://www.81.cn/yd_208600/jdt_208601/16262704.html (дата обращения: 07.09.2025).
7. Цзян Цзэминь. 江泽民文选. 第三卷 [Избранные произведения Цзян Цзэмина. Т. 3]. 北京: 人民出版社, 2006. 648 с.
8. McReynolds, J., Mulvenon, J. The Role of Informatization in the People's Liberation Army under Hu Jintao in Roy Kamphausen, David Lai, and Travis Tanner, eds., Assessing the People's Liberation Army in the Hu Jintao Era. Carlisle: Strategic Studies Institute, Army War College, 2014. P. 204-235.
9. "Военная стратегия Китая". 年中国国防白皮书《中国的军事战略》 // China Daily. 26.05.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1138561/2015-5-28/cd_20821000.html (дата обращения: 04.09.2025).
10. Вся армия и Народная вооруженная полиция глубоко изучили и воплотили в жизнь дух Пятого Пленума 19-го съезда ЦК Партии / 国防部网. 26.11.2020. URL: http://www.mod.gov.cn/jzhzt/2020-11/26/content_4874636.htm?from=timeline&isappinstalled=0 (дата обращения: 24.01.2025).
11. Общие сведения о совместных операциях Народно-освободительной армии Китая (пробная реализация). 推动解放和发展我军联合作战能力 // 解放军报. 26.11.2020. URL: http://www.mod.gov.cn/jzhzt/2020-11/26/content_4874624.htm (дата обращения: 04.07.2025).
12. Ло Дэжун. 军队建设与军事斗争准备的行动纲领 – 对新形势下军事战略方针的几点认识 [План действий по строительству армии и подготовке к вооруженной борьбе – некоторые соображения о военно-стратегическом подходе в новой ситуации] // 中国军事科学. 2017. № 1. С. 92-104.
13. Силы стратегической поддержки будут созданы как независимая армия и будут

- оснащены самолетами "Шэньлун" // Xinhua. 07.01.2024. URL: http://www.xinhuanet.com/mil/2016-01/07/c_128605864.htm (дата обращения: 25.08.2025).
14. Силы информационной поддержки – это недавно созданное стратегическое оружие // 国防部网. 19.04.2024. URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/lhzb/ztjzh_249264/2024n4y_249265/16302027.html (дата обращения: 04.07.2025).
15. Стремиться создать сильные современные силы информационной поддержки // 解放军报. 20.04.2024. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/jmsd/16302172.html> (дата обращения: 25.08.2025).
16. Полончук Р.А. Политика КНР в сфере обороны // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2024: кол. монография. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 49-59. EDN: KSHQVC.
17. Chase, M.S. China's Digital Silk Road in Nadege Rolland, ed., Securing the Belt and Road Initiative. Washington: National Bureau of Asian Research, September 2019. 75 p.
18. Внедрение общей концепции национальной безопасности и содействие строительству кибер державы // 中国网信网. 28.03.2025. URL: https://www.cac.gov.cn/2025-03/28/c_1744866206374020.htm (дата обращения: 25.08.2025).
19. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China // U.S. Department of Defense. 2024. 182 p.
20. Запуск инновационного двигателя сильной армии для омоложения армии – представители армии горячо обсуждают научное и технологическое омоложение армии // Xinhua. 11.03.2019. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-03/11/content_5372987.htm (дата обращения: 25.08.2025).
21. Ускорение создания объединенной системы боевого командования с учетом особенностей нашей армии // 中央军委联合参谋部. 15.08.2016. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2016/0815/c40531-28636710.html> (дата обращения: 25.08.2025).
22. Translation: 14th Five-Year Plan for National Informatization // Stanford University. Dec. 2021. URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-14th-five-year-plan-for-national-informatization-dec-2021/> (дата обращения: 22.03.2025).
23. Fedasiuk, R., Melot, J., Murphy, B. Harnessed Lightning: How the Chinese Military Is Adopting Artificial Intelligence // Center for Security and Emerging Technology. 2021. 84 p.
24. Stokes, J. Military Artificial Intelligence, the People's Liberation Army, and U.S.-China Strategic Competition // CNAS. 2024. URL: <https://www.cnas.org/publications/congressional-testimony/military-artificial-intelligence-the-peoples-liberation-army-and-u-s-china-strategic-competition> (дата обращения: 25.08.2025).
25. China's Air Defense Radar Industrial Base // China Aerospace Studies Institute. March 2025. 54 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает эволюция военно-стратегических концепций Народно-освободительной армии Китая в период с 2004 по 2024 годы,

включающая переход от доктрины информатизации к концепции интеллектуализации войны. Научная актуальность работы обусловлена быстрым ростом военной мощи Китая, усилением стратегического противостояния с США и необходимостью исследования того, как эти факторы влияют на характер будущих вооруженных конфликтов в мировой системе. Статья отвечает на потребность в понимании современных тенденций военного строительства КНР в условиях технологической революции и возрастающей стратегической конкуренции с США. Практическая значимость заключается в том, что выводы статьи могут способствовать разработке и корректировке стратегий национальной безопасности для других государств, включая Россию, а также помочь в прогнозировании глобальных военных тенденций и адаптации к новым формам войны, таким как кибер- и информационное противоборство. К сожалению, сам автор ничего не говорит об использованной методологии, что не может не снизить общее впечатление о проведенном исследовании. Но из контекста можно понять, что в процессе работы применялся историко-сравнительный метод для анализа эволюции китайских военных доктрин, дополненный контент-анализом первоисточников — официальных документов НОАК и теоретических трудов китайских военных академий, включая «Науку военной стратегии» разных изданий, белые книги по обороне и выступления высшего руководства КНР. Автор использовал сравнительный метод, сопоставляя концепции разных периодов (например, от «активной обороны» Мао Цзэдуна к «информатизированным локальным войнам» Цзян Цзэминя и «интеллектуализации» Си Цзиньпина), чтобы выявить преемственность и изменения в стратегическом мышлении. Кроме того, применялся контекстуальный анализ, где военная стратегия рассматривалась в связи с глобальными факторами, такими как технологические сдвиги и геополитическая конкуренция, с опорой на цитируемые работы китайских теоретиков и западных аналитиков, что обеспечило объективность через кросс-ссылки. Методологической основой послужил также концептуальный анализ трансформации понятийного аппарата китайской военной мысли через призму смены технологических парадигм. В целом, это качественное исследование без эмпирических данных, фокусирующееся на интерпретации текстов и документов для вывода общих тенденций. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о выявленном смещении фокуса китайской военной стратегии с информатизации на интеллектуализацию в эпоху Си Цзиньпина, что означает переход к новому уровню концептуального понимания войны. Автор систематизирует различия между концепциями «информатизации» и «интеллектуализации» (когда искусственный интеллект интегрируется как фундаментальный фактор победы, приводя к созданию «системы систем» для единого командования) в контексте китайской военной доктрины, показывая качественное изменение роли информации как фактора боевой мощи. Установлено, что китайская военная мысль формирует модель «системы систем», предполагающую интеграцию человека, технологий и вооружений, что закладывает основы «революции в военном деле» XXI века. Выявлен конкретный результат реформы 2024 года, когда Силы стратегической поддержки были разделены на три новых рода войск (Воздушно-космические силы, Силы киберпространства и Силы информационной поддержки), что демонстрирует переход к более децентрализованной и эффективной структуре для совместных операций, ранее не анализировавшийся в подобном контексте. Показано, что создание новых родов войск (в частности, Сил информационной поддержки) является не просто организационной реформой, а результатом новой доктринальной логики, где информация и интеллект становятся ядром боевой мощи. Наконец, в рецензируемой работе раскрыта специфика «объективно-субъективного характера» стратегического планирования НОАК, демонстрируется

преимущество марксистско-ленинских подходов в современной китайской военной мысли. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где содержится постановка проблемы трансформации военной стратегии КНР в контексте глобальной конкуренции и определяется цель анализа эволюции военных концепций в эпоху Си Цзиньпина, но полностью отсутствует теоретико-методологическая рефлексия исследования; - «Роль информатизации в современной военной доктрине Китая», где раскрываются философские основы китайской военной стратегии, эволюция концепции активной обороны и формирование доктрины «победы в информационных локальных войнах» с 2004 по 2015 годы; - «Направление информатизации в процессе модернизации НОАК» где анализируется практическая реализация информационной доктрины через создание новых родов войск, развитие систем C4ISR и кибервойск; - «Перспективы модернизации НОАК: курс на интеллектуализацию», где исследуются переход к концепции интеллектуальной войны и роль искусственного интеллекта в будущем военном строительстве КНР; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, делаются выводы, обобщаются основные тенденции трансформации китайской военной мысли и оцениваются стратегические перспективы развития НОАК. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических и грамматических погрешностей (например, повторы некоторых слов без необходимой вариативности (аббревиатура «НОАК» повторяется более 20 раз, а выражение «объективная реальность» повторяется трижды в двух соседних предложениях); и др.), но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 25 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении концепции интеллектуализации военной доктрины в Китае. В числе положительных характеристик рецензируемой статьи можно также отметить качественную источниковую базу, а также удачное сочетание теоретического и практического анализа. Автор демонстрирует глубокое знание китайскоязычных первоисточников, включая академические труды НОАК и официальные документы, что обеспечивает высокую достоверность представленной информации и позволяет избежать искажений, характерных для вторичных источников. При этом исследование успешно соединяет изучение доктринальных основ китайской военной мысли с конкретными примерами организационных реформ и технологических инноваций, что создает целостную картину процессов модернизации НОАК.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, конфликтологов, для военных специалистов по вопросам Восточной Азии, для исследователей современных военных технологий и доктрин, для аналитиков, занимающихся вопросами стратегического планирования и оценки военных угроз в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Кривова М.С., Подгусков В.Н. Американско-кубинская «разрядка» (2008-2016): смена вектора или пределы возможного? // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76602 EDN: WNXGQP
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76602

Американско-кубинская «разрядка» (2008-2016): смена вектора или пределы возможного?

Кривова Мария Сергеевна

независимый исследователь

603136, Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, Советский р-н, ул. Новокузнецкая, д. 8, кв. 113

✉ kriwovamary@yandex.ru

Подгусков Владимир Николаевич

кандидат политических наук

старший преподаватель; Институт международных отношений и мировой истории; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; ННГУ

603006, Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, Нижегородский р-н, ул. Володарского, д. 5, кв. 25

✉ skrivov2@yandex.ru

[Статья из рубрики "Политические конфликты в мировой политике и международных отношениях"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76602

EDN:

WNXGQP

Дата направления статьи в редакцию:

03-11-2025

Аннотация: На протяжении более 50 лет США придерживались стратегии смены режима на Кубе, в то время как для Гаваны наиболее чувствительным вопросом являлось сохранение суверенитета и международной субъектности. Период после вступления на пост Президента Кубы Рауля Кастро и начала президентства Барака Обамы в западных аналитических и медийных нарративах получил название «кубинской оттепели». В отечественной литературе более употребительным стало определение «разрядки».

Американское руководство впервые отказалось от базового подхода в отношении Кубы, направленного на демонтаж существующего политического режима. Это совпало с более широким периодом перезагрузки отношений с рядом государств, включая РФ, Иран, КНР и рядом других. Однако американо-кубинские отношения в силу геополитических и исторических причин всегда были предельно антагонистическими. Даже несмотря на первоначальный положительный импульс, в дальнейшем двусторонние контакты ограничились формальным восстановлением дипломатических отношений и возобновления сотрудничества в рамках международных организаций, прежде всего регионального характера. В работе рассматривается состояние двусторонних отношений в период президентства Р. Кастро, а также предпринимается попытка спрогнозировать их развитие в дальнейшем. Основное внимание уделяется особенностям принятия внешнеполитических решений, сформировавшихся в обеих странах. Делается акцент на роли кубинской диаспоры как одного из решающих факторов, обусловивших противоречивость процесса нормализации двусторонних отношений. В результате проведенного исследования подтверждается гипотеза, что возврат к антикубинской риторике при Президенте Трампе стал следствием специфики принятия внешнеполитических решений. Немаловажное значение при этом играла кубинская диаспора, долгое время формировавшаяся из числа иммигрантов-диссидентов. Это способствовало её изначально высокой степени политизации на фоне других этнических диаспор. Специфика принятия внешнеполитических решений в США отражается в стремлении Конгресса усилить влияние на внешнюю политику. Фактически это привело к созданию определенных механизмов торможения на пути нормализации отношений с Гаваной. С другой стороны, среди кубинской политической элиты также велики опасения по поводу того, что выгоды от снятия ряда санкций не перевесят риски, связанные с возможными негативными последствиями от возможного давления со стороны США в различных политико-идеологических вопросах.

Ключевые слова:

американо-кубинские отношения, международная разрядка, перезагрузка двусторонних отношений, внешняя политика Обамы, Государственный департамент, Совет национальной безопасности, CELAC, смена режима, Рауль Кастро, Алан Гросс

Введение

Отношения между Кубой и США изначально были антагонистическими из-за географической близости, геополитической асимметрии, а с 1959 г. – глубоких идеологических разногласий между странами. По мнению американо-кубинского исследователя Л. Переса, в силу закона политической гравитации Куба является логическим продолжением Соединенных Штатов, ключевым элементом их национальной безопасности, а само её существование рассматривалось в соответствии с потребностями США [\[1\]](#). С кубинской точки зрения, существует постоянная угроза стать неким «придатком» Соединенных Штатов, и, как следствие, стремление отстаивать свой суверенитет и международную субъектность определяет внешнеполитическую стратегию Гаваны.

С 2008 г. ситуация стала меняться. Уже в своем первом публичном заявлении в качестве нового политического лидера Р. Кастро заявил о стремлении нормализовать отношения с США. Куба, отметил он, «не упустит возможности обсудить свои затянувшиеся разногласия с Соединенными Штатами и отправиться на поиски мира и улучшения

отношений между нашими народами» [2]. Со своей стороны Б. Обама во время предвыборной кампании 2008 г. также пообещал проводить политику взаимодействия с Гаваной. Уже в июле 2009 г. между правительствами были возобновлены консультации по вопросам миграции, а также начаты переговоры о восстановлении почтового сообщения, приостановленного в 1968 г. Одновременно США проголосовали вместе с остальными членами Организации американских государств (ОАГ) за отмену резолюции 1962 г. о приостановке членства Кубы.

Тем не менее на протяжении всего периода президентства Р. Кастро двусторонние отношения неоднократно испытывались на прочность. Кроме того, так и остался нерешенным наиболее болезненный для Гаваны вопрос об эмбарго, хотя даже ветераны дипломатии, такие как Генри Киссинджер, выступали против его сохранения. За его отмену также высказывались крупнейшие и наиболее влиятельные аналитические центры (think tanks), включая такие как «Межамериканский диалог» и «Совет по иностранным делам» [3]. В отношении восстановления членства Гаваны в трансамериканских интеграционных структурах можно говорить скорее об «умиротворении Латинской Америки» со стороны Вашингтона, нежели о «возвращении Кубы» [4]. Наконец, с приходом в Белый дом Д.Трампа даже скромные достижения администрации Обамы были поставлены на паузу.

Целью данной статьи является выявление закономерностей и противоречий нового этапа американо-кубинских отношений, а также возможных перспектив их дальнейшего развития. В качестве рабочей исследовательской гипотезы выдвигается положение, что помимо геополитического контекста и общих стратегических внешнеполитических подходов обеих стран, на развитие двусторонних отношений оказывают определяющее влияние внутренние системные факторы, включая разнонаправленность интересов различных внутриполитических акторов. Особенное внимание в работе уделяется роли внутренних институциональных механизмов, включая влияние кубинского лобби в США, специфику отношений Конгресса и Администрации Президента США, а также роль Государственного департамента, как автономного центра принятия внешнеполитических решений. В качестве методологической основы был выбран структурно-функциональный подход.

В отечественной литературе по теме американо-кубинских отношений ключевую роль играет их рассмотрение с точки зрения геополитических реалий, а также в рамках реалистической парадигмы. По мнению Е.С. Запарий, процесс «нормализации» отношений был связан с желанием Вашингтона сохранить отношения со странами региона. [5] В последнее время наметилась тенденция перенесения внимания исследователей на институциональное измерение двусторонних американо-кубинских отношений, в частности, в рамках анализа законодательной базы [6]. Ряд исследователей ссылаются на изменение общественного мнения в обеих странах [7]. В меньшей степени в исследовательской литературе обращает на себя внимание рассмотрение процесса принятия внешнеполитических решений в контексте децизионного метода.

Возобновление двустороннего сотрудничества

Несмотря на изначальный положительный импульс по восстановлению отношений между странами, уже в апреле 2009 г. госсекретарь Хилари Клинтон потребовала от Кубы в качестве неперемennого условия «разморозки» предпринять некие «ответные действия», подготовив целый список условий, включая достаточно чувствительную для Гаваны

амнистию политических заключенных, а также продвижение в сторону более «открытого общества» в американском понимании этого термина ^[8]. Действительно, сам Б. Обама, еще будучи кандидатом в президенты, недвусмысленно заявлял: «Я сохраню эмбарго... [как] возможность поставить режим перед очевидным выбором. Если вы предпримете значительные шаги в направлении демократии, ... мы предпримем шаги, чтобы начать нормализацию отношений». ^[8] Таким образом, эмбарго как наиболее сложный аспект двусторонних связей рассматривался в качестве инструмента оказания влияния в ряде вопросов неэкономического характера, подчёркивая изначальную асимметричность отношений между странами.

Это не могло не вызвать ответной реакции кубинского руководства. Выступая перед Национальной ассамблеей Кубы, Р. Кастро заявил, что он «избран президентом не для того, чтобы вернуть капитализм на Кубу или отказаться от революции». Повторив свои же слова 2006 г. о готовности вести «уважительный диалог» с США на равноправной основе, кубинский лидер добавил: «Мы не будем обсуждать нашу политическую или социальную систему». При этом сам по себе диалог будет возможен только тогда, когда США «решат вести переговоры серьезно и будут готовы относиться к нам в духе равенства, взаимности и самого полного взаимоуважения» ^[9]. В апреле 2009 г. на саммите Боливарианского альянса (ALBA) в Венесуэле он повторил, что «Куба была бы рада поговорить с Соединенными Штатами о правах человека, свободе прессы, политических заключенных, обо всем, о чем они хотели бы поговорить, но на равноправной основе, с абсолютным уважением к нашему суверенитету и праву кубинского народа на самоопределение» ^[10].

По сути, диалог прервался в декабре 2009 г, после ареста Алана Гросса, субподрядчика Development Alternatives Inc., поставившего на Кубу оборудование для создания независимых цифровых сетей, подключенных к Интернету с помощью зашифрованной спутниковой связи, в рамках программы финансируемой USAID. Он был обвинён в «действиях против независимости или территориальной целостности Кубинского государства» и приговорен к 15 годам тюремного заключения. Вашингтон потребовал его безоговорочного освобождения, а Госдепартамент прекратил недавно возобновленный диалог по вопросам миграции. ^[11] Несмотря на различные попытки возобновить переговоры между двумя сторонами, включая усилия ряда мировых лидеров, Вашингтон и Гавана зашли в тупик по вопросу о судьбе А. Гросса и аналогичном положении «кубинской пятерки», агентов разведки Кубы, арестованных в Майами ещё в 1998 г. по целому ряду обвинений и приговоренных к длительным срокам тюремного заключения, включая пожизненные.

При этом Гавана попыталась выстроить параллельный переговорный процесс по вопросам, представляющим взаимный интерес, представив Вашингтону ряд проектов по миграции, борьбе с наркотиками, с терроризмом, по охране окружающей среды, реагированию на стихийные бедствия, а также защите товарных знаков и патентов. Однако американская позиция была неизменна: не может быть никакого прогресса, пока А. Гросс не будет освобожден, а США не обменяют его на кубинскую пятерку, потому что Гросс был «невинным работником по оказанию помощи, а кубинцы были шпионами».

В свою очередь на VI съезде Коммунистической партии в 2011 г. Р. Кастро раскритиковал США за «ведение захватнических войн в Ираке и Афганистане», поддержку «коррумпированных и деспотичных арабских правительств и попытки дестабилизировать прогрессивные правительства». По его словам, администрация Обамы не только продолжает эмбарго, но и ужесточает его, нарушая финансовые

операции Кубы по всему миру. Тем не менее он подтвердил готовность Кубы к диалогу, чтобы установить нормальные отношения с США, а также цивилизованно сосуществовать, несмотря на разногласия, на основе взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела [\[12\]](#).

Восстановление дипломатических отношений США и Кубы

В условиях возникшей пробуксовки отношений с США Куба сосредоточилась на укреплении своих позиций в Латинской Америке в качестве противовеса американскому влиянию, что оказалось грамотной стратегией. На VI саммите Организации американских государств в Картахене в 2012 г. Обама столкнулся с консолидированной позицией лидеров региона, требовавших включения Кубы в процесс саммита, а сам кубинский вопрос доминировал на этом саммите.

В итоге в апреле 2013 г. Белый дом направил Р. Кастро сообщение вне обычных дипломатических каналов, в котором запросил конфиденциальный диалог. Кастро согласился, и оба президента направили небольшие группы доверенных лиц для ведения переговоров от их имени. Ни Государственный департамент США, ни Министерство иностранных дел Кубы не были проинформированы о переговорах до тех пор, пока они не продвинулись достаточно далеко.

Главным предметом переговоров для Кубы стало освобождение «кубинской пятерки». Даже несмотря на обещания США в случае освобождения А. Гросса открыть путь к улучшению отношений по всем направлениям, кубинские переговорщики не желали отступать от своего основного требования. Проблема разрешилась только в 2014 году, когда, наконец, был согласован обмен кубинской пятерки на Роландо Трухильо, офицера кубинской разведки, который провел на Кубе почти двадцать лет в заключении за шпионаж в пользу ЦРУ. Затем Куба освободила А. Гросса вместе с 53 политическими заключенными в качестве гуманитарного жеста.

Этим была создана основа для дальнейших шагов по взаимному сближению. 17 декабря 2014 года в телеобращении к нации президент Обама объявил о своем историческом решении нормализовать отношения с Кубой. «В ходе самых значительных изменений в нашей политике за последние более чем пятьдесят лет мы покончим с устаревшим подходом, который на протяжении десятилетий не способствовал продвижению наших интересов», - произнёс Обама, фактически открыто подтвердив отказ от курса на смену режима и переход к «политике взаимодействия» [\[13\]](#). Реакция Рауля Кастро была более сдержанной, а теме американо-кубинских отношений было посвящено всего одно предложение: «Мы также договорились возобновить дипломатические отношения и цивилизованное сосуществование с нашими различиями» [\[14\]](#). При этом он напомнил об экономической, торговой и финансовой блокаде, которая «наносит огромный человеческий и экономический ущерб нашей стране, должна быть прекращена».

29 мая 2015 г. США официально удалили Кубу из числа стран поддерживающих терроризм, куда островное государство было внесено в 1982 г. Администрацией Рейгана из-за поддержки революционных движений в испаноговорящих странах и в Африке.

Окончание «перезагрузки» и разворот Трампа

Хотя Куба не была главной темой президентской кампании 2016 г., победа Д. Трампа имела серьезные последствия для двусторонних отношений. Многие влиятельные республиканцы кубинского происхождения, прежде всего, сенаторы Марко Рубио и Тед

Круз, открыто критиковали политику Обамы в отношении Гаваны. Более того, хотя номинированная демократами Хилари Клинтон формально поддерживала кубинскую политику своего предшественника-однопартийца и пообещала её продолжение, тон её заявлений был заметно более резким и недвусмысленным в попытках стимулировать внутривосточные перемены на Кубе.

Предвыборная кампания Д. Трампа в целом не касалась внешней политики, включая отношения с Кубой, а он сам высказывал весьма противоречивые мнения, назвав даже идею улучшения отношений «прекрасной». Однако позже возобновилась более традиционная для республиканцев антикубинская позиция, в том числе возврат к стратегии «смены режима», а её формулировки напоминали о временах Холодной войны. В отношении кубинских властей в предвыборной программе указывалось, что «коррумпированные правители будут отстранены от власти и привлечены к ответственности за свои преступления против человечности» [\[15\]](#).

В конце сентября 2016 г. Newsweek опубликовал статью о том, что ещё в 1998 г. Трамп тайно изучал возможность открытия бизнеса на Кубе в нарушение эмбарго США, а затем попытался скрыть факт своего присутствия на Кубе. Такой разоблачительный материал мог стоить ему голосов кубино-американцев в 2016 г. Именно после этого Трамп опубликовал в X (Twitter) пост, в котором заявил об отказе от политики «уступок по отношению к Кубе до тех пор, пока не будут восстановлены свободы». Когда 26 ноября 2016 г. скончался Фидель Кастро, избранный президент Трамп осудил кубинского лидера и пообещал американцам-кубинцам, что будет работать на благо «свободной Кубы»: «Наша администрация сделает все возможное, чтобы кубинский народ мог, наконец, начать свой путь к процветанию и свободе». Интересно, что здесь же есть отсылка «ко многим американцам кубинского происхождения, которые так горячо поддерживали меня в президентской кампании... с надеждой на то, что однажды мы увидим свободную Кубу» [\[16\]](#). Очевидно, что логика избирательной кампании не способствовала продолжению «линии Обамы».

При этом на следующий день после выборов Рауль Кастро поздравил Трампа с победой. В то же время кубинское правительство объявило о начале ежегодных учений по национальной обороне. Послание Вашингтону было ясным: Гавана готова продолжать дипломатический диалог, но также и защищаться в случае необходимости. На саммите Сообщества латиноамериканских и карибских государств (CELAC) Рауль Кастро подтвердил давнюю позицию Кубы по переговорам по нерешенным двусторонним вопросам с США на основе равенства, взаимности и уважения суверенитета и независимости нашей страны и продолжать уважительный диалог и сотрудничество по вопросам, представляющим общий интерес, с новым правительством президента Дональда Трампа.

Первым шагом новой администрации по Кубе стало объявление «полного пересмотра» политики. При этом Трамп всё же воздержался от «обращения к народу Кубы по поводу 20 мая», даты, которую США считают днем образования Республики Куба, в то время как официальная Гавана считает, что в «этот день родилась неоколония янки», просуществовавшая до 1 января 1959 г. Однако 16 июня он выступил перед кубинскими эмигрантами в театре «Мануэль Артиме» в Майами, названном в честь лидера бригады эмигрантов, высадившейся на берег в заливе Кочинос, пообещав отменить «абсолютно одностороннюю сделку прошлой администрации с Кубой».

Новая политика положила конец возможности для граждан США совершать образовательные поездки в одиночку, что вынуждало их вновь отправляться

организованными группами, запрещала сделки с организациями, связанными с кубинскими военными, а риторика Трампа ясно сигнализировала о том, что он отказывается от политики Обамы по нормализации отношений.^[17] В свою очередь, выступая перед Национальной ассамблеей Кубы 14 июля, Рауль Кастро заявил, что новые американские санкции «представляют собой шаг назад в двусторонних отношениях».

Институциональные аспекты двусторонних отношений

Говоря о внешне непоследовательной позиции США, следует указать на различие в подходах, в том числе и в отношении Кубы, между Советом по национальной безопасности и Государственным департаментом. Хотя, на первый взгляд, принципиальные различия в позициях не выведены в публичную плоскость, конкуренция между ними усилилась, после того как Б. Обама провел структурное преобразование Совбеза, фактически легитимизовав должность советника по национальной безопасности в качестве ключевого звена в процессе принятия решений перед утверждением Президентом. Наряду с созданием «межведомственности» (interagency), сам по себе штат сотрудников вырос, достигнув 400 человек против 50 в начале президентства Клинтона. Очевидно, что зачастую, когда президент планировал быстро реализовать некоторые из своих самых амбициозных политических инициатив, таких как сближение с Кубой и скорейшее начало переговоров по ядерной программе Ирана, он шел в обход обычной практики принятия решений, часто минуя Госдепартамент и Пентагон. В то же время в Госдепартаменте существовало убеждение, что кубинское правительство непрочно и удерживается у власти только благодаря харизматическому авторитету своего основателя, после ухода которого со сцены режим будет недолговечным. Так, Томас Шеннон, впоследствии заместитель Госсекретаря по политическим вопросам, заявлял, что «Авторитарные режимы подобны вертолетам..., а когда у вертолета отрывается несущий винт, он разбивается. Когда в авторитарном режиме исчезает верховный лидер, авторитарный режим терпит крах»^[18].

В отличие от большинства других стран американский парламент играет существенную роль в принятии внешнеполитических решений. Хотя Президент США и обладает практически исключительными полномочиями во внешней политике, по ряду вопросов ему требуются консультации и согласие Сената. Более того, Конгресс обладает значительными полномочиями по контролю за внешнеполитическим курсом президента и деятельности зарубежных представительств. В процессе выделения ассигнований и надзора Конгресс имеет возможность препятствовать, если не полностью блокировать, нормализация двусторонних отношений. Так, в 2009 г. несколько сенаторов заявили о своем намерении заблокировать назначение посла в Гавану^[19].

Кроме того, принятый ещё в 1996 г. Закон Хелмса-Бёртона, представлял собой так называемые вторичные санкции, определив условия, которые должны сложиться на Кубе, прежде чем президент сможет отменить эмбарго. По сути эмбарго стало вопросом внутренней политики, а во многом и попыткой посягнуть на конституционную прерогативу президента в определении внешней политики. Это подтверждается тем фактом, что Клинтон в 1996 г., когда подписал указанный законопроект, не ввел в действие раздел III, который предусматривал наказание иностранных инвесторов на Кубе. То есть Закон так и не превратился в так называемые «вторичные санкции», что могло привести к потенциальным конфликтам с третьими странами, включая даже страны ЕС и Канаду. В 1999 г. он даже смягчил правила поездок граждан США. Это также отражает более широкую тенденцию в отношении общественного мнения к эмбарго и Кубе. Похоже, что

население США начинает уставать от политики эмбарго. Например, общенациональный опрос Института Гэллапа, проведенный в феврале 2008 года для газеты USA Today, показал, что 61% респондентов высказались за восстановление дипломатических отношений США с Кубой.

Как следствие, политика США в отношении Кубы превратилась в целый комплекс мер, частично включающих законы, принятые Конгрессом, указы, введенные разными президентскими администрациями, а частично и применение еще более старых законов, принятых против других стран во время войны и все еще действующих в законодательстве. Многие комментаторы, включая кубинское правительство и кубинских исследователей, склонны рассматривать это как «гордиев узел», который нельзя перерубить.

Роль кубинской диаспоры

Начиная с 1992 г. ни один американский политик, выигравший президентские выборы не мог обойтись без электоральной поддержки Флориды, штата, в котором проживает максимальное количество представителей кубинской диаспоры. Особенно драматичными были выборы 2000 г., когда республиканский кандидат Джордж Буш-младший лишь 537 голосами превысил результат демократа Альберта Гора, что потребовало пересчета голосов по решению Верховного суда штата Флорида. Радиостанция Майами "Мамби" передала обращения республиканцев Илеаны Рослехтинен и Линкольна Диас-Баларта, членов Конгресса США кубинского происхождения, в которых они призывали представителей диаспоры прекратить пересчет голосов в округе Майами-Дейд, проходящий в правительственном центре в Майами. [\[20\]](#)

В свою очередь, благодаря своему влиянию на политическую жизнь Флориды, хорошо организованное и хорошо финансируемое крайне правое кубино-американское лобби смогло использовать избирательную систему США в своих интересах. Это заставляет любого кандидата в президенты быть очень внимательным к запросам кубинской диаспоры, составляющей не менее 500 тыс. избирателей. По сути, оно осуществляет контроль над политикой в отношении Кубы, достаточный не только для того, чтобы пресечь большинство попыток изменить ее, но и принять новые меры, которые укрепили ее. [\[21\]](#) Влияние этого лобби в Майами обусловлено потенциалом Кубино-американского национального фонда (CANF), организации, которая была создана при администрации Рейгана в 1980 г., осуществляя финансирование через Национальный фонд в поддержку демократии. Администрация Рейгана помогла превратить его в лоббистскую силу, использующую тактику, заимствованную у Еврейского американского фонда. В отличие от лоббистов других этнических групп американо-кубинское лобби не стремилось к защите интересов своего правительства, а наоборот стремилось к его свержению.

Как следствие, от выборов к выборам CANF мог влиять на результаты не только во Флориде, но и по всей стране, нацеливая негативную рекламу на любого кандидата на выборах, который предлагал смягчить политику в отношении Кастро. С другой стороны, благодаря щедрым взносам, CANF сделал так, что кандидатам стало очень выгодно поддерживать жесткую антикастровскую политику. По мнению Кузнецова, «именно кубинское лобби, организованное и располагающее мощными механизмами воздействия, смогло оказать сильнейшее давление на представителей руководства США, в результате чего появились такие известные законодательные акты, как, например, Акт Торричелли (1992) и Закон Хелмса-Бертон (1996)». [\[22\]](#)

Большинство кубинских диссидентов отвергли уступки, в том числе меры по ослаблению

контроля за долларовыми переводами членам семьи. «Чем больше ресурсов у диктатуры, тем выше уровень репрессий в стране», - заявил активист движения за права человека и демократию Хорхе Луис Гарсия Перес. Многие из наиболее известных кубинских диссидентов, которым, по словам президента Обамы, он хочет помочь, выразили глубокое неодобрение его решению пойти на уступки режиму Кастро. Например, Оскар Элиас Бискет Гонсалес, афро-кубинский диссидент, награжденный медалью Свободы президентом Джорджем У. Буш в 2007 году, который отсидел 12 лет в кубинской тюрьме, пока не вышел на свободу в 2011 году, сказал об уступках Обамы: «Я чувствую себя так, словно меня бросили на поле боя».

Однако волны кубинских мигрантов после 1980-х годов привели к демографическому сдвигу во Флориде, в результате чего кубино-американское сообщество перестало быть однородным. Этот раскол в руководстве кубино-американской общины Флориды отражает демографические изменения, которые в настоящее время непосредственно влияют на президентскую гонку.

Заключение.

Таким образом, подход Рауля Кастро к кубино-американским отношениям был достаточно последовательным в сравнении с самой американской политикой. Так, Джордж У. Буш проводил политику смены режима, самую агрессивную со времен администрации Джона Ф. Кеннеди. С 2009 г. по 2014 г. Обама вел переговоры с Кубой по вопросам, представляющим взаимный интерес, но не внес кардинальных изменений в политику враждебности, которую он унаследовал от своих десяти предшественников. И хотя в 2014 г. страны добились быстрого дипломатического прогресса в направлении нормализации отношений, в 2017 г. президент Трамп изменил курс, вернувшись к более традиционной враждебной политике направленной на смену режима.

Несмотря на эти резкие колебания маятника в политике США, позиция Кастро оставалась неизменной: Куба была готова вести переговоры с США для урегулирования конфликтов и налаживания сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес, но она никогда не пойдет на уступки по своим внутренним политическим или экономическим договоренностям, которые могли бы посягнуть на суверенитет Кубы; она также не уступит перед лицом угроз со стороны США.

Многие политические силы, которые привели президента Обаму к нормализации отношений, все еще действовали: общественное мнение выступало за нормализацию, в том числе мнение республиканцев и американцев кубинского происхождения; бизнес-сообщество по-прежнему стремилось выйти на кубинский рынок; а союзники США в Латинской Америке и Европе поддерживали нормализацию. Эти силы в начале 2017 года отклонили предложения кубино-американских консерваторов, направленные Трампу, полностью свернуть политику Обамы, но они не смогли предотвратить ухудшение отношений после сообщений о таинственных «нападениях» на американских дипломатов.

В Гаване были отмечены некоторые разногласия между кубинскими лидерами по поводу баланса преимуществ и рисков сближения с Соединенными Штатами. Были мнения, что риски подрывной деятельности в виде «мягкой силы» перевесят экономические преимущества от ослабления санкций, особенно когда большая часть эмбарго остается в силе.

При этом достаточно сложно сделать вывод о том, сможет ли новый президент Кубы, лишенный исторического авторитета основателей современного кубинского государства, справиться с разногласиями внутри элиты по поводу стратегии в отношении США.

Очевидно, что Рауль Кастро проводил четкий и последовательный курс, который в конечном итоге привел к улучшению отношений, но сохранятся ли эти достижения, зависело от действий новых президентов, как в Гаване, так и в Вашингтоне.

Библиография

1. Pérez Jr. L.A. Cuba and the United States: Ties of Singular Intimacy. – 3rd ed. – Athens: University of Georgia Press, 2003. – 361 p.
2. Medina L.B. No Enemy Can Defeat Us / Granma. – August 18, 2006.
3. Fidel's Final Victory / Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/cuba/2007-01-01/fidels-final-victory> (дата обращения: 11.07.2025).
4. Organization of American States. Resolution on Cuba, AG/RES. 2438 (XXXIX/09) / Declarations and Resolutions Adopted by the General Assembly, Thirty-Ninth Regular Session, June 2 to 4, 2009, OEA/Ser.P AG/doc.5006/09 rev. 1, September 29, 2009.
5. Запарий Е.С. Эволюция внешней политики Кубы на современном этапе / Проблемы постсоветского пространства. – 2019. – № 6(4). – С. 438-449.
6. Кодзоев М.А. Проблема нормализации американо-кубинских отношений в Конгрессе США / М.А. Кодзоев // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2019. – Т. 49, № 8. – С. 92-106. DOI: 10.31857/S032120680005969-9 EDN: QNBYEX.
7. Лексина Е.А. Американо-кубинские отношения на современном этапе: перспективы деизгоизации Кубы / Е.А. Лексина // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2017. – № 10. – С. 73-82. EDN: ZVKCSN.
8. Secretary of State Hillary Rodham Clinton. Remarks with Haitian President Rene Preval, Port-au-Prince, Haiti. – U.S. Department of State, April 16, 2009.
9. Raúl Castro. Remarks during the public segment of the Seventh Extraordinary ALBA Summit, Cumaná, Venezuela, April 16, 2009. URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/rauldiscursos/2009/ing/c160409i.html> (дата обращения: 11.07.2025).
10. Куба готова обсуждать с США проблемы прав человека – Рауль Кастро – РИА Новости, 17.04.2009. URL: <https://ria.ru/20090417/168397929.html> (дата обращения: 12.09.2025).
11. New Tactic in Alan Gross Fight – The Forward. URL: <https://forward.com/news/153492/new-tactic-in-alan-gross-fight/> (дата обращения: 10.09.2025).
12. Castro R. Central Report to the 6th Congress of the Communist Party of Cuba / Granma International. – April 16, 2011.
13. Obama B. Statement by the President on Cuba Policy Changes / White House, Office of the Press Secretary. – December 17, 2014.
14. Castro R. Statement by the Cuban President / Granma. – December 17, 2014.
15. Republican Platform 2016 / GOP.com. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2016-republican-party-platform> (дата обращения: 10.09.2025).
16. Trump D. President-Elect Donald J. Trump Statement on the Passing of Fidel Castro / Trump-Pence Transition Team, November 28, 2016. URL: <https://sflcn.com/president-elect-donald-j-trump-passing-fidel-castro/> (дата обращения: 10.10.2025).
17. National Security Presidential Memorandum on Strengthening the Policy of the United States toward Cuba / White House, Office of the Press Secretary. – June 16, 2017.
18. Cuba Policy on the record briefing by Assistant Secretary for Western Hemisphere Affairs Thomas A. Shannon and Cuba Transition Coordinator Caleb Charles McCarry, U.S.

Department of State, Washington, DC, August 11, 2006.

19. Obama's pick as ambassador to Cuba has '0% chance' of approval, union says / Cuba / The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/sep/29/president-obama-cuba-ambassador-jeffrey-delaurentis> (дата обращения: 12.09.2025).

20. Counting the Vote: Miami-Dade County; Protest Influenced Miami-Dade's Decision to Stop Recount / New York Times. – November 24, 2000.

21. Erikson D. The New Cuba Divide / The National Interest. – 2002. – № 67. – P. 7.

22. Кузнецов Д.В. Куба и общественное мнение США / Д.В. Кузнецов // Латинская Америка. – 2009. – № 10. – С. 50. EDN: VIMEJP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает влияние внутривнутриполитических институциональных механизмов и факторов на динамику американо-кубинских отношений в период правления Рауля Кастро (2008–2018), включая роль кубинской диаспоры, взаимодействие исполнительной и законодательной власти США, а также эволюцию внешнеполитических стратегий обеих стран. Научная актуальность обусловлена тем фактом, что американо-кубинские отношения представляют собой уникальный случай длительного межгосударственного конфликта, осложненного географической близостью, идеологическим противостоянием и асимметрией власти, при этом опыт их нормализации в период 2014–2016 годов и последующий откат демонстрируют критическую роль внутривнутриполитических факторов в формировании внешней политики, что может служить пониманию механизмов разрешения затяжных международных конфликтов. Практическая значимость статьи заключается в предоставлении основ для прогнозирования перспектив развития двусторонних отношений между США и Кубой. Результаты исследования могут быть использованы при разработке дипломатических стратегий урегулирования двусторонних конфликтов с учетом влияния внутривнутриполитических акторов, включая этнические лобби, институциональную конкуренцию внутри исполнительной власти и роль законодательных ограничений во внешнеполитическом процессе, что применимо не только к кубино-американским отношениям, но и к другим случаям асимметричных межгосударственных взаимодействий. Автор заявляет о применении структурно-функционального подхода, однако фактический анализ текста свидетельствует о более эклектичной методологии. Например, слово «функция» в тексте встречается всего один раз (в названии метода!), а слово «структура» – три раза, из которых один раз – в названии метода. В работе преобладают историко-описательный и событийный методы с элементами институционального анализа: автор последовательно реконструирует хронологию событий с 2008 по 2017 годы, выявляя ключевые переломные моменты (арест Алана Гросса, саммит ОАГ в Картахене, обмен заключенными в 2014 году, приход Д. Трампа к власти). Институциональный анализ проявляется в исследовании роли Конгресса США, Государственного департамента, Совета по национальной безопасности и кубинской диаспоры как самостоятельных акторов, влияющих на формирование внешней политики. Обращение к законодательным актам (закон Хелмса-Бертон, акт Торричелли) и анализ механизмов их влияния на внешнеполитический процесс также указывает на применение институционального нормативно-правового анализа. Автор также

использует элементы сравнительного метода при сопоставлении позиций различных президентских администраций США (Дж. Буша-младшего, Б. Обамы, Д. Трампа) и их отношения к кубинскому вопросу. Тем не менее, несмотря на недостаток теоретико-методологической рефлексии, указанные методы применяются в работе вполне корректно, что позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о выявленной институциональной асимметрии в процессе принятия внешнеполитических решений между США и Кубой: автор демонстрирует, что в отличие от централизованной и последовательной кубинской позиции, американская политика характеризуется фрагментацией центров принятия решений (конкуренция между Госдепартаментом и Советом безопасности, влияние Конгресса, роль диаспоры), что приводит к непоследовательности и цикличности внешнеполитического курса США по отношению к Кубе. Показана взаимозависимость внутренней институциональной структуры США и динамики отношений с Кубой, включая роль Конгресса и политических лобби. Кроме того, в процессе работы выявлена решающая роль внутривнутриполитических акторов в динамике двусторонних отношений: исследование показывает, что трансформация американской политики в 2008–2017 годах определялась не столько изменением геополитической конъюнктуры или идеологических приоритетов, сколько сменой влияния различных внутривнутриполитических групп интересов, включая эволюцию кубино-американской диаспоры от монолитной антикастровской позиции к демографическому и политическому расколу. Обосновано, что устойчивость позиции Кубы объясняется не только идеологической преемственностью, но и институциональной инерцией американской политики, превращающей кубинское направление в заложника внутривнутриполитических противоречий США. Наконец, по результатам исследования установлены закономерности между процедурными особенностями американской политической системы и ограничениями исполнительной власти во внешней политике: автор аргументирует, что законодательное оформление эмбарго через закон Хелмса-Бертон 1996 года фактически превратило внешнеполитический вопрос во внутривнутриполитический, существенно ограничив конституционные полномочия президента и создав институциональные препятствия для нормализации отношений даже при наличии политической воли исполнительной власти. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение» где содержится обоснование антагонистического характера американо-кубинских отношений, обусловленного географической близостью, геополитической асимметрией и идеологическими противоречиями, а также фиксируется начало изменений с 2008 года и формулируется цель, гипотеза и методология исследования; - «Возобновление двустороннего сотрудничества», где анализируется начальный этап взаимодействия администрации Б. Обамы с кубинским правительством в 2009–2011 годах, демонстрируется столкновение американских требований политических уступок со стороны Кубы с кубинской позицией о недопустимости обсуждения внутренних вопросов и необходимости соблюдения принципа суверенного равенства, а также прерывание диалога после ареста Алана Гросса; - «Восстановление дипломатических отношений США и Кубы», где реконструируется процесс секретных переговоров между правительствами в 2013–2014 годах, приведший к обмену заключенными, историческому заявлению Б. Обамы 17 декабря 2014 года о нормализации отношений и последующим шагам по восстановлению дипломатических связей, включая исключение Кубы из списка стран-спонсоров терроризма; - «Окончание "перезагрузки" и разворот Трампа», где описывается эволюция риторики Дональда Трампа в ходе президентской кампании 2016 года от нейтральной к жесткой антикубинской позиции под влиянием

электоральных соображений и необходимости заручиться поддержкой консервативной части кубино-американской диаспоры, а также последующее сворачивание политики нормализации после его избрания президентом; - «Институциональные аспекты двусторонних отношений», где раскрываются механизмы внутривластного влияния на внешнеполитический процесс США, включая конкуренцию между Советом по национальной безопасности и Государственным департаментом, роль Конгресса в блокировании президентских инициатив через контроль над бюджетом и законодательство (закон Хелмса-Бертона как механизм лишения президента исключительных полномочий во внешней политике); - «Роль кубинской диаспоры», где анализируются влияние кубино-американского лобби на электоральный процесс через критическое значение Флориды в президентских выборах, деятельность Кубино-американского национального фонда (CANF) как организованной политической силы, способной влиять на законодательство (акты Торричелли и Хелмса-Бертона), а также демографические трансформации диаспоры после 1980-х годов, приведшие к ее политическому расколу; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, делаются основные выводы о последовательности кубинской позиции Рауля Кастро в противовес колебаниям американской политики между администрациями Дж. Буша-младшего, Б. Обамы и Д. Трампа, сохраняющемся влиянии внутривластных сил, поддерживающих нормализацию (общественное мнение, бизнес-сообщество, международные союзники), и неопределенности перспектив отношений в условиях смены политического руководства в обеих странах. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических и грамматических погрешностей (например, повторы одних и тех же слов в соседних, а иной раз и в одном предложении (так, дериваты слова «отношение» встречаются в тексте 47 раз, причем иной раз встречаются обороты «процесс "нормализации" отношений был связан с желанием Вашингтона сохранить отношения...», «включая отношения с Кубой...», назвав даже идею улучшения отношений...»); и др.), но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 22 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место в вводной части статьи. Хотя учитывая тот факт, что автор явно демонстрирует симпатии к Раулю Кастро и к кубинскому правительству, что не могло не отразиться на выводах, противоположную точку зрения не мешало бы рассмотреть более подробно и глубоко. Тем не менее, рецензируемая статья имеет несколько достоинств, позволяющих не обращать внимание на ее недостатки и рекомендовать к публикации. Прежде всего, речь идет о достаточно убедительной эмпирической базе с опорой на первоисточники. Автор систематически использует прямые цитаты из выступлений политических лидеров (Рауля Кастро, Барака Обамы, Дональда Трампа), что позволяет проследить эволюцию официальных позиций и риторики, а также привлекает конкретные факты (результаты выборов во Флориде 2000 года с перевесом в 537 голосов, данные опроса института Гэллапа 2008 года о поддержке нормализации 61% респондентов), что придает исследованию фактологическую достоверность и позволяет избежать общих деклараций. Кроме того, нельзя не отметить корректное применение многоуровневого институционального анализа: автор демонстрирует нетривиальное понимание механизмов принятия внешнеполитических решений, выходя за рамки упрощенных схем «президент-государство» и раскрывая сложную систему взаимодействий между исполнительной и законодательной ветвями власти, внутреннюю конкуренцию в исполнительной власти (Совет безопасности против Госдепартамента), влияние этнических лобби и законодательных ограничений, что позволяет объяснить кажущуюся

непоследовательность американской политики как результат структурных противоречий, а не субъективных факторов.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны исследователям международных отношений и внешней политики США, специализирующимся на латиноамериканском направлении, а также политологам, изучающим процессы принятия внешнеполитических решений, роль этнических лобби в формировании государственной политики и институциональные ограничения исполнительной власти в президентских республиках. Работа также представляет ценность для историков, занимающихся периодом пост-холодной войны и эволюцией американо-кубинских отношений, дипломатов-практиков, работающих над урегулированием двусторонних конфликтов с учетом внутривнутриполитических факторов, и преподавателей курсов по американской политике и латиноамериканским исследованиям в высших учебных заведениях. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Осудзи К. Структурная Перестройка и Воспроизводство Зависимости в Африке, 1980-1990-е годы //

Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76846 EDN: WLEDAR URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76846

Структурная Перестройка и Воспроизводство Зависимости в Африке, 1980-1990-е годы

Осудзи Кингсли Чибузе

ORCID: 0009-0004-7185-2355

кандидат исторических наук

докторант; институт международных отношений и мировой истории; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23

✉ kingsleyc05@gmail.com

[Статья из рубрики "Глобальные проблемы развития мировой цивилизации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76846

EDN:

WLEDAR

Дата направления статьи в редакцию:

19-11-2025

Аннотация: В течение преобразующих десятилетий 1980-х и 1990-х годов программы структурной перестройки (ПСП) стали важной движущей силой на Африканском континенте, предвещая экономическую стабилизацию. Однако эти инициативы часто приводили к устойчивой нищете и наследию зависимости, создавая динамику, которая продолжает определять траекторию будущего Африки. Исследование углубляется в сложную динамику глобального финансового управления, особенно в том, что оно основано на механизмах условного кредитования и управляется такими институтами, как МВФ и Всемирный банк. В нем исследуется взаимосвязь этих структур с хрупкими структурами постколониальных институтов, которые в конечном итоге влияют на оперативный потенциал африканских государств. В этом исследовании используется сравнительно-исторический подход, объединяющий информацию, полученную из архивных документов, свидетельств выдающихся деятелей и анализа макроэкономических показателей. В этом исследовании использованы Бреттон-вудские

технические документы и национальные архивы Анголы, Алжира, Кот-д'Ивуара, Заира (ныне Демократическая Республика Конго) и Анголы. Модель воспроизводства зависимости показывает, как обусловленность создает долгосрочные структурные ограничения, и данные Африканского банка развития и Показателей мирового развития (2024) подтверждают это. Полученные результаты свидетельствуют о парадоксальном факторе: ПСП добились кратковременной стабилизации, но при этом разрушили промышленную политику, снизили реальную заработную плату и еще сильнее привязали экономику к нестабильным сырьевым товарам. Реформаторское рвение Ганы не привело к диверсификации; доходы сельских жителей Кот-д'Ивуара упали; Заир довел до совершенства "исполнительную дисциплину", которая подорвала институты; Эксперименты рантье в Алжире и Анголе потерпели крах из-за частичных реформ. В конечном счете, в исследовании утверждается, что ПСП укрепляет зависимость, ограничивая политическую автономию и институционализируя внешний надзор. Последствия этого очевидны: восстановление финансового суверенитета региона, возрождение промышленной политики, обеспечение прозрачности задолженности и включение социальной защиты в бюджетную систему являются важными шагами на пути к разрыву порочного круга перестройки и зависимости.

Ключевые слова:

Программы структурной перестройки, исторический институционализм, Африка, политика развития, МВФ, Всемирный банк, Смешанные методы исследования, Теория зависимости, Сравнительно-исторический анализ, 1980-е-1990-е годы

1. введение

Экономические кризисы, разразившиеся в 1980-е годы, привели к значительным преобразованиям в странах Африки к югу от Сахары. Обвал цен на сырьевые товары в сочетании с ростом мировых процентных ставок и сокращением бюджетных возможностей привел к серьезным кризисам платежного баланса [\[13, с. 6-7\]](#). В ответ на существующие экономические трудности правительства африканских стран обратились за финансовой поддержкой к Международному валютному фонду и Всемирному банку. Однако эта помощь зависела от осуществления программ структурной перестройки. Реализация этих реформ включала меры жесткой экономии, либерализацию торговли, приватизацию и девальвацию валюты, что привело к реструктуризации основных операций африканских государств [\[23, с. 4; 7\]](#).

Процесс перестройки вышел за рамки простой перекалибровки экономической политики; он коренным образом перестроил саму структуру постколониальной государственности. ПСП преобразовал структуру институциональной власти, поставив внутреннюю политику под влияние внешних условий. В данном исследовании рассматривается влияние программ структурной перестройки на пути развития в странах Африки к югу от Сахары, подчеркивается их роль в сохранении устойчивой системы зависимости.

1.1 Постановка проблемы

В этом исследовании рассматривается ключевой вопрос о том, как программы

структурной перестройки (ПСП) трансформировали устоявшиеся институциональные и экономические рамки в Африке, часто приводя к состоянию зависимости, а не способствуя подлинному развитию. Предполагалось, что программы структурной перестройки принесут стабильность экономике. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что они часто снижали бюрократический потенциал, ограничивали инструменты промышленной политики и повышали уязвимость к внешним потрясениям.

Население столкнулось со значительными социальными последствиями, выразившимися в снижении заработной платы, росте безработицы и упадке государственных услуг. В свете проведенных комплексных исследований следует отметить, что лишь ограниченное число исследований попыталось реконструировать программы структурной перестройки путем интеграции архивных материалов, интервью и количественных данных в рамках единой, смешанной методологической модели. Еще меньше исследований рассматривают эти реформы как инструменты сохранения иждивенчества. Данное исследование устраняет эти недостатки.

2. Обзор существующих научных работ

Теория зависимости - это концепция, которая стремится объяснить динамику экономического развития и слаборазвитости. Она утверждает, что экономические условия развивающихся стран в значительной степени зависят от их взаимоотношений с более развитыми странами. Эта теория возникла в середине 20-го века, главным образом как критика теорий модернизации, которые предполагали линейный путь развития. Сторонники этой теории утверждают, что глобальная экономическая система увековечивает неравенство, поскольку ресурсы и богатства перетекают из периферийных стран в центральные, тем самым усиливая порочный круг зависимости. Выводы из этой теории вызвали широкую дискуссию среди ученых и политиков относительно наилучших подходов к содействию справедливому развитию.

Теория зависимости, сформулированная Амином [\[2\]](#) и Родни [\[20\]](#), утверждает, что глобальный капитализм увековечивает неравный обмен между центральными и периферийными экономиками. Экономика периферийных государств по-прежнему зависит от внешних источников финансирования, технологий и доступа к рынкам. В этом контексте мы понимаем ПСП как современные инструменты, которые увековечивают зависимость посредством выдвигания условий, внешнего надзора и ослабления институтов развития.

Институциональная политическая экономия изучает взаимодействие между политическими институтами и экономической практикой, уделяя особое внимание тому, как эти структуры влияют на экономические результаты и формируют их. Эта область исследований изучает исторический контекст и развитие институтов, а также анализирует их роль в содействии или препятствовании экономическому росту и стабильности. Посредством всестороннего изучения различных политических и экономических систем она стремится понять

Концепция институциональной политической экономики, сформулированная Асемоглу и Робинсоном [\[1\]](#), объясняет важную роль, которую различные институциональные конфигурации, классифицируемые как инклюзивные или экстрактивные, играют во влиянии на результаты развития. Эта схема объясняет, каким образом различия в возможностях государства и бюрократической автономии влияли на различные результаты программ структурной перестройки.

Исторический институционализм представляет собой важную структуру в области социальных наук, подчеркивающую роль институтов в формировании политических и социальных результатов с течением времени. Этот подход исследует, как исторические условия влияют на развитие и трансформацию институтов, тем самым влияя на политические решения и структуры управления. Анализируя взаимосвязь между институтами и историческими событиями, ученые могут получить представление о сложностях политического поведения. Исторический институционализм подчеркивает важность зависимости от пути и последовательности реформ, как это было сформулировано Насимуллой [\[14\]](#) и Мкандавайром [\[12\]](#). Он рассматривает SAP в контексте исторически укоренившихся конфликтов, а не просто как мероприятия технократической политики.

2.2 Концептуальная основа

Рисунок 1: Модель воспроизводства зависимостей

Глобальное финансовое управление

Обусловленность ПСП

Потеря политической автономии

Институциональная реструктуризация

Долгосрочная зависимость

Источник: Концептуальный синтез автора, основанный на архивных и количественных данных (1980-е-1990-е годы).

3. Методология

В данном исследовании используется сравнительно-исторический смешанный подход, включающий отслеживание процессов, который хорошо подходит для изучения долгосрочных институциональных преобразований. Исследование проводилось в

нескольких странах, включая Гану, Кот-д'Ивуар, Заир (в настоящее время известный как Демократическая Республика Конго), Алжир и Анголу. Демографическая группа состояла из лиц, занимающих руководящие должности, должностных лиц государственной службы и коллекции экономических отчетов, охватывающих период с 1980 по 1999 год. В результате целенаправленной выборки было собрано 30 интервью с представителями элиты и более 300 архивных документов.

3.1 Уточнена структура данных и их кодирование

Для практической реализации институциональных преобразований были закодированы четыре переменные:

Таблица 1: Перечень переменных и их кодов

Код	Переменная	Определение	Источник
MC1	Долг/ВВП	Внешняя задолженность	Африканский отдел МВФ. Таблицы
SR2	Интенсивность приватизации	Количество приватизированных государственных предприятий	Файлы Всемирного Банка
GC3	Институциональная реорганизация (0-3)	Глубина реструктуризации бюрократии	Национальный архив
SO4	Изменение реальной заработной платы	Порядковый код: -1 (незначительный спад), -2 (умеренный), -3 (серьезный)	Обследования заработной платы ЮНЕКА

Кодовая книга данных для сравнительного анализа (1980-е-1990-е годы)

4. Результаты

4.1 Гана:

Программа экономического восстановления (ПВЭ), начатая в Гане в 1983 году, представляет собой парадигму "успешной" перестройки в контексте экономической истории континента [\[18\]](#). Архивные документы [\[26\]](#) указывают на то, что решение, принятое правительством Ролингса, было продиктовано насущной потребностью в повышении платежеспособности, а не изменением идеологической позиции. С 1983 по 1992 год произошли значительные преобразования, поскольку более 100 государственных предприятий были приватизированы. За этот период инфляция заметно снизилась, снизившись со 122% до уровня ниже 40% [\[22; 21, с. 427; 19\]](#). По данным Африканского банка развития, в 1996 году объем добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности заметно снизился, сократившись с 14% до 8% ВВП. Один экономист из Банка Ганы, размышляя о ситуации, заявил: "Корректировка сохранила экономику, но привела к тому, что Гана стала зависеть от экспорта сырья". Усиление бюрократической дисциплины способствовало соблюдению установленных протоколов, но не привело к значительным преобразованиям [\[3, с. 4\]](#).

4.2 Кот-д'Ивуар:

Исторически признанный как образец экономического роста, ориентированного на экспорт, структурные преобразования в Кот-д'Ивуаре привели к распаду его системы аграрного патронажа [\[27, с. 213\]](#). Документы из архивов [\[10, с. 68\]](#) и свидетельские показания в Ямусукро (2025) свидетельствуют о том, что официальные лица выражали

обеспокоенность тем, что отмена контроля над ценами производителей может подорвать общественный договор, установленный между государством и крестьянством. К 1995 году произошел заметный рост бедности в сельской местности, которая удвоилась, наряду со значительным снижением реальной заработной платы, которая упала на 38%. Технократическая рациональность перестройки столкнулась с режимом, зависящим от лояльности сельских жителей, что привело к социальным потрясениям и снижению легитимности [\[11\]](#).

4.3 Заир (ДРК):

Заир служит типичным примером того, что Ндикумана и Бойс [\[16\]](#) называли "одиозным долгом". Несмотря на подписание пяти соглашений с Международным валютным фондом, осуществление реформ часто откладывалось. К 1993 году инфляция в стране достигла ошеломляющих 4500%, что привело к краху валюты Заира [\[9; 25\]](#). Рассекреченные документы ЦРУ, в частности документ (CIA-RDP85T00287R000901430001-6), разъясняют, что, хотя политика документируется в письменном виде, она часто подрывается в процессе реализации [\[5\]](#). Неопатримониальные рамки, установленные Мобуту, как отмечает Мкандавайр [\[12\]](#), оказались политически пагубными для мер жесткой экономии, что привело к состоянию институционального паралича.

4.4 Алжир:

Нефтяной кризис 1986 года привел к значительному сокращению доходов Алжира на пятьдесят процентов. Международный валютный фонд руководил периодом бюджетного сжатия с 1989 по 1994 год, в ходе которого были ликвидированы субсидии и государственные отрасли промышленности, как отмечает Нашашибби [\[15\]](#). Протесты, вспыхнувшие в октябре 1988 года, стали катализатором процесса политической либерализации, который, возможно, непреднамеренно создал возможность для появления исламистской оппозиции [\[28\]](#). Беллал [\[4\]](#) обосновывает, что процесс реформ "подорвал законность распределения без институциональной замены". Корректировка привела к дестабилизации общественного контракта рантье.

4.5 Ангола:

В бурный период гражданской войны Ангола придерживалась стратегии выборочной перестройки, в первую очередь сосредоточившись на расширении своей нефтяной промышленности. Протоколы из архивных документов [\[24\]](#) свидетельствуют о четкой политике, направленной на "достижение стабилизации доходов за счет производства, а не жесткой экономии". На протяжении 1990-х годов инфляция сохранялась на уровне, превышающем 500%. Экономическая структура военного времени служила защитным барьером для элитного класса от внешних воздействий, одновременно усиливая его зависимость от экспорта нефти.

5. Сравнительный анализ

5.1 Факторы, влияющие на расхождения

Сравнительные данные указывают на то, что три взаимосвязанные структурные переменные могут объяснить различия в результатах SAP, наблюдаемые в пяти случаях.

1. Концепция государственного потенциала. Потенциал бюрократических институтов существенно повлиял на степень концептуализации, последовательности и исполнения реформ. Администрации с высоким потенциалом, примером которых является Гана, продемонстрировали необходимую технократическую согласованность для эффективного осуществления реформ. Напротив, сильно ослабленные бюрократические структуры, особенно в Заире/ДРК, изо всех сил пытались провести реформы, что привело к значительному институциональному краху.

2. Структура экономики. Степень зависимости от ресурсов рантье оказала существенное влияние на ход реформ. Богатые углеводородами страны, примером которых являются Алжир и Ангола, зависели от внешних источников доходов, которые давали им возможность отложить или смягчить необходимые экономические изменения. Тем не менее, эти одинаковые арендные ставки увековечивали состояние долгосрочной зависимости, ограждая правящие элиты от участия в диверсификации производства.

3. Политическое урегулирование. Динамика соглашений между режимом и обществом в значительной степени повлияла на жизнеспособность инициатив по реформированию. В политических системах, характеризующихся распределительными коалициями, как это наблюдается в Кот-д'Ивуаре, реализация мер жесткой экономии значительно ослабила существующие сети покровительства. Эта эрозия легитимности режима, следовательно, привела к усилению политической фрагментации.

Таблица 2: Сравнительные показатели внедрения SAP

Страна	Вместимость	Интенсивность реформ	Соотношение долга к ВВП (1992)	Изменение реальной заработной платы*	Исход
Гана	Сильный	Высокий	72%	-1 (незначительное снижение)	Стабилизация без диверсификации
Кот-д'Ивуар	Умеренный	Высокий	96%	-2 (умеренное снижение)	Разрыв сельского контракта
Заир	Слабый	Низкий	135%	-3 (значительное снижение)	Крах государства
Алжир	Умеренный	Средний	78%	-1	Политическая нестабильность
Ангола	Слабый	Низкий	90%	-2	Частичная стабилизация

Источник: Авторский анализ архивных и количественных данных за 1980-1990-е годы.

Примечание: Изменение заработной платы кодируется обычным образом (-1 = незначительное снижение, -2 = умеренное, -3 = серьезное).

6. Обсуждение

Процесс адаптации вышел за рамки простой экономической реформы и представляет

собой глубокую перестройку постколониальной государственности. Внешние потрясения приводят к условному финансированию, что, в свою очередь, требует внутренней реорганизации, что в конечном итоге приводит к долгосрочным ограничениям. Процессы девальвации и жесткой экономии значительно подорвали основы производственного потенциала, в то время как механизмы приватизации способствовали перераспределению активов между устоявшимися элитными кругами.

Реализация программ структурной перестройки (ПСП) интегрировала внешний надзор в процессы разработки политики, тем самым установив налогово-бюджетную ортодоксальность в качестве нормы и ограничив возможности для творчества в области развития [\[12\]](#). Современные реформы, связанные с Африканская континентальная зона свободной торговли (АфКЗСТ) и Повесткой дня на период до 2063 года, означают согласованные усилия по восстановлению ранее ограниченной автономии [\[17\]](#).

Последствия для политики и исторического контекста

1. Концепция регионального финансового суверенитета: Уязвимость Ганы и Кот-д'Ивуара подчеркивает необходимость создания механизмов стабилизации в рамках Африканского союза.
- 2 . Важность прозрачности задолженности: Обременительный долг Заира служит наглядным примером опасностей, связанных с непрозрачной практикой заимствования средств. Проведение аудиторских проверок под руководством африканских организаций имеет первостепенное значение.
3. Восстановление промышленной политики: Примеры Алжира и Анголы показывают, что стабилизация экономики рантье неэффективна в отсутствие диверсификации производства.
- 4 . Социальная защита: Упадок сельского хозяйства, наблюдаемый в Кот-д'Ивуаре, подчеркивает необходимость включения систем социального обеспечения в рамки финансового планирования.

7. Заключение

Период осуществления программ структурной перестройки ознаменовался значительными изменениями в политической экономике Африки. Выдвигая условия, государства отказались от некоторых аспектов своего суверенитета, тем самым установив рамки зависимости внутри своих институтов. Эмпирические исследования показывают, что на результаты влияют такие факторы, как потенциал, экономические рамки и динамика коалиционной политики. Устойчивое наследие проявляется в ограниченной финансовой автономии и постоянной зависимости, что служит подтверждением представления о том, что внешние механизмы реформ, как правило, более глубоко преобразуют государства, чем восстанавливают их.

Библиография

1. Acemoglu, D., Johnson, S., and Robinson, J. A. (2005). *Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth*. Oxford: Elsevier Science, 2005. pp. 386-464.
2. Amin, S. (2005). *Uneven Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism*. Sussex: The Harvester Press Limited, 1976.

3. Aryetey, E., Fosu, A. (2002). Explaining African Growth Performance: The Case of Ghana. 2002.
4. Bellal, S. (2002). Institutional Change in the Context of a Rentier Economy: The Case of Algeria. 2024.
5. CIA Intelligence Directorate. Zaire: Swallowing the "Bitter Pill" of the 1984 Economic Reforms.
6. Federal Research Division, Library of Congress. Algeria: Country Study, 1993.
7. Heidhues F., Obare G. Lessons Learned from Structural Adjustment Programs and Their Impact on Africa. Quarterly Journal of International Agriculture. 2011. No. 50. pp. 55-64.
8. International Bank for Reconstruction and Development. Ghana-Public Enterprises-Contracts, Reports. Vol. 2, 1993.
9. International Monetary Fund Hyperinflation in Zaire, 1990-96. 1997.
10. International Monetary Fund External Evaluation of ESAF: Peer Review Group Report 1998.
11. Jarret M.-F., Maillet F.-R. Changing Structures, Relationships, and Divide: The Case of Côte d'Ivoire. Revue tiers-monde. 1991. No. 125. Pp. 39-62.
12. Mkandawire T. Neopatrimonialism and the Political Economy of Economic Performance in Africa: Critical Reflections. World Politics. 2015. No. 3. Pp. 563-612.
13. Mkandawire T., Soludo K. S. Our Continent, Our Future: African Prospects for Structural Transformation. Dakar, Senegal: CODESRIA, 1991.
14. Nasimullah A. The Political Economy of National Development: A Research Agenda After Neoliberal Reforms? World Development. 2023. No. 106-269. Pp. 106-269.
15. Nashashibi K. Algeria: Stabilization and Transition to a Market. Washington, DC, USA: International Monetary Fund, 1998.
16. Ndikumana, L., Boyce, J. Congo's Monstrous Debt: Foreign Borrowing and Capital Flight from Zaire. Development and Change. 1998. No. 29. pp. 195-217.
17. Nitsche, B. et al. Harnessing the Potential of the African Continental Free Trade Area: Logistics Challenges and Pathways for Future African Value Chains. Logistics. 2024. No. 1. p. 25.
18. Nowak, M. III. Ghana 1983-91. In T. Amor, et al., eds. Washington, DC, USA: International Monetary Fund, 1996. pp. 22-33.
19. Potte, A. Privatization in Ghana in 2015.
20. Rodney W. How Europe Underdeveloped Africa. Washington, D.C., USA: Howard University Press, 1981.
21. Steele, W., Webster, L. How Small Firms in Ghana Responded to Perestroika. World Bank Economic Review. 1992. No. 3. pp. 423-438.
22. Sunita, K., Nellis, J., Shirley, M. Privatization: Lessons from the 1992 Experience.
23. Taylor, I., Williams, P. Africa in International Politics: External Intervention on the Continent. London: Routledge, 2004.
24. The United Nations Development Programme in Angola: Issues and Options in the Energy Sector, 1989.
25. Weil, P. Between Economic Nationalism and Liberalization: Development Ideas and the Neoliberal Moment in Mobutu's Congo, 1965-74. Journal of African History. 2024. No. 1. pp. 66-84.
26. Valley High School Library. Ghana: Country Study, 1995.
27. Villalon, L. A., and Huxtable, P. A. The African State at the Turning Point: Between Disintegration and Reconfiguration, 1997.
28. Walker, S. Rentier State Theory after 50 Years: New Developments. Frontiers of Political Science, 2023, No. 1120439.
29. The World Bank Archives. Algeria Economic Reform Credit Project-Algeria-Loan 3117-

P004953-General Information, Correspondence. Volume 4, 2019.

30. World Development Indicators. [Electronic resource]. URL:

<https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 11/17/2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Сунь Е. Эволюция и текущее состояние системы государственного управления чрезвычайными ситуациями в Китайской Народной Республике // Конфликтология / nota bene. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76021 EDN: WKTONO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76021

Эволюция и текущее состояние системы государственного управления чрезвычайными ситуациями в Китайской Народной Республике

Сунь Есинь

аспирант; факультет политологии; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

117574, Россия, г. Москва, р-н Ясенево, Новоясеневский пр-кт, д. 22 к. 1

✉ holmemeng@gmail.com

[Статья из рубрики "Инновационная политика в сфере безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.4.76021

EDN:

WKTONO

Дата направления статьи в редакцию:

26-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является процесс эволюции и современное состояние системы государственного управления чрезвычайными ситуациями (ЧС) в Китайской Народной Республике. Объектом исследования выступают нормативно-правовые акты, институциональная структура и ключевые реформы в области менеджмента ЧС в Китае, сфокусированные на периоде XXI века. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как исторические этапы развития системы управления ЧС, анализ документов, регламентирующих данную сферу, и институциональную архитектуру органов, ответственных за предотвращение и ликвидацию последствий ЧС. Особое внимание уделяется комплексному анализу масштабной реформы 2018 года, результатом которой стало создание Министерства по управлению чрезвычайными ситуациями КНР, а также выявлению уникальных национальных особенностей китайской модели, сочетающей элементы зарубежного опыта и собственные наработки. В исследовании применяется комплекс методов, включающий институциональный и исторический анализ, анализ документов, а также

элементы сравнительного анализа для сопоставления китайской системы управления ЧС с зарубежными аналогами. Научная новизна исследования заключается в комплексной концептуализации системы управления ЧС Китая как динамичной модели, прошедшей путь от крайней дисперсии функций между ведомствами до централизации в рамках единого министерства. В работе систематизированы три ключевых этапа эволюции системы и выделены четыре уникальных механизма управления, характерных для китайской практики. Основным выводом работы является положение о том, что современная китайская система управления ЧС, интегрирующая лучшие черты западного (комплексное управление) и российского (отдельное министерство) подходов, продемонстрировала высокую эффективность, что подтверждается успешным кризисным регулированием в период пандемии COVID-19. Доказано, что, несмотря на достигнутые результаты, система продолжает активное развитие, уделяя особое внимание цифровизации и технологической модернизации всех процессов для противодействия новым вызовам.

Ключевые слова:

управление чрезвычайными ситуациями, Китай, МЧС КНР, цифровизация, реформа Государственного совета, комплексное управление ЧС, пандемия COVID-19, КНР, институциональный анализ, государственное управление

Введение

На протяжении XXI в. система управления чрезвычайными ситуациями (ЧС) в Китае претерпела значительные изменения. Актуальность изучения истории и современного состояния системы управления ЧС в Китае заключается в ряде факторов.

Во-первых, Китай, как и Россия – одно из крупнейших государств с разнообразной географией. Китай в значительной мере подвержен различным стихийным бедствиям, значительную угрозу представляет глобальное изменение климата. Дополнительную угрозу представляют вспышки различных заболеваний, таких как SARS в 2003 г. и COVID-19 в 2020 г. Таким образом, повышенный риск, вызванный, с одной стороны, объективными факторами, и, с другой стороны, новыми угрозами, приводит к необходимости современной и эффективной системы управления ЧС. Изучение истории эволюции этой системы позволит определить ее адекватность текущим нуждам государства.

Во-вторых, Россия и Китай активно развивают стратегический характер двусторонних отношений, в связи с чем изучение системы управления ЧС Китая представляют определенный интерес для российских исследователей и руководителей. Опыт Китая может использоваться в интересах развития и российской системы управления ЧС.

В-третьих, Россия и Китай являются соседями с весьма протяженной общей границей, следовательно, существует высокий риск трансграничных катастроф. Понимание современного состояния системы управления ЧС в Китае представляет интерес для российской стороны, поскольку позволит эффективнее предотвращать такого рода вызовы и устранять их последствия.

Целью данного исследования является концептуализация системы государственного управления чрезвычайными ситуациями в КНР на основе анализа документов, нормативно-правовых актов и научной литературы. Для достижения данной цели

поставлены следующие задачи: провести исторический анализ развития системы управления ЧС в Китае; провести анализ документов, касающихся управления ЧС в Китае, провести институциональный анализ органов, отвечающих за управление ЧС в Китае; сделать выводы относительно современного состояния системы управления ЧС в Китае.

Для решения поставленных задач в работе применяется комплекс общенаучных и специальных методов. Основу исследования составляет институциональный анализ, позволяющий выявить структуру, компетенцию и эволюцию органов управления ЧС в Китае. Исторический метод используется для реконструкции и периодизации этапов развития системы управления ЧС, начиная с конца XX века по настоящее время. Анализ документов (нормативно-правовых актов, стратегических планов, официальных отчетов ведомств) является ключевым для понимания правовых основ и механизмов функционирования системы. Кроме того, применяются элементы сравнительного анализа при сопоставлении китайской модели управления ЧС с зарубежными аналогами (в частности, с российской и западной системами), что позволяет выявить ее национальную специфику и универсальные черты. Такой методологический синтез обеспечивает комплексный и многомерный характер исследования.

История управления ЧС в Китае

Несмотря на обилие факторов риска, долгое время в Китае отсутствовало единое ведомство, отвечающее за управление в сфере ЧС. Китайская система в ее виде до 2018 г. переняла многие черты советской системы управления в сфере ЧС. В Китае так же, как и в СССР, различные функции менеджмента ЧС относились к разным ведомствам, при этом наблюдалась большая дисперсия функционала. До 2018 г. в Китае не было единого департамента по управлению ЧС национального уровня, таких как Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) или Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях при Министерстве внутренней безопасности в США. Вместо этого ответственность за управление ЧС была разделена между различными ведомствами.

Ведущим органом было Министерство по гражданским делам, которое руководило ликвидацией последствий стихийных бедствий при поддержке других смежных ведомств. В рамках Министерства по гражданским делам действовал Национальный центр по уменьшению опасности стихийных бедствий, который являлся специализированным учреждением при правительстве Китая, предоставляющим информационные услуги для принятия решений в связи с различными стихийными бедствиями. В его задачи входило предоставление справочных материалов для департаментов по борьбе со стихийными бедствиями, техническая поддержка мероприятий по уменьшению опасности стихийных бедствий, оценка стихийных бедствий и оказание чрезвычайной помощи [\[6\]](#).

Государственное управление по надзору за безопасностью производства, подотчетное Государственному совету КНР, являлось внеминистерским учреждением правительства Китая, ответственным за регулирование рисков безопасности и гигиены труда в Китае. Национальный центр управления чрезвычайными ситуациями на рабочих местах Государственного управления по надзору за безопасностью производства в основном отвечал за техногенные катастрофы.

Министерство общественной безопасности является главным полицейским органом КНР и китайским аналогом МВД. В его обязанности входили действия по ликвидации

последствий ЧС. Также в его сферу деятельности входила противопожарная безопасность. ^[11]. Ответственностью Министерства обороны традиционно было предотвращение геологических катастроф и ликвидация их последствий.

Министерство здравоохранения участвует в борьбе с заболеваниями и эпидемиями, занимается вопросами безопасности пищевых продуктов и координирует использование ресурсов, проводит экспертизу там, где это необходимо. Оно также сотрудничает и поддерживает контакты с другими министерствами и ведомствами в области здравоохранения, включая министерства специальных административных районов и ВОЗ.

Также определенные функции по управлению ЧС находились в ведомстве Министерства водных ресурсов и Министерства сельского хозяйства.

Помимо вышеперечисленных организаций, существовал ряд агентств, которые обеспечивали комплексное управление ЧС. Во-первых, это Национальная служба гражданской обороны. В область ответственности ведомств гражданской обороны входили химическая, биологическая, радиологическая и ядерная защита, ПВО и некоторые другие аспекты.

Во-вторых, это Национальное управление по чрезвычайным ситуациям при Государственном Совете КНР. Национальное управление по чрезвычайным ситуациям занималось планированием действий при ЧС, вопросами общественной санитарии, проблемами социального обеспечения, а также восстановительными работами. Управление играло большую координирующую роль между министерствами и другими смежными ведомствами. Центральное правительство Китая учредило управление в декабре 2005 г., что стало важной вехой на пути к централизации менеджмента ЧС в Китае. Помимо национального управления существовали также локальные и региональные управления ^[15].

В-третьих, при Государственном Совете КНР действовали и другие органы, такие как Управление по борьбе с землетрясениями, Национальная служба по предотвращению наводнений и засухи и Национальное командование по предотвращению лесных пожаров.

Таким образом, очевидно, что имело место обширная рассредоточенность обязанностей по управлению ЧС между различными ведомствами. С ростом природных катаклизмов на фоне глобального изменения климата своевременность и оперативность реагирования на возникновение ЧС может быть критически важной.

Создание Национального управления по чрезвычайным ситуациям при Государственном Совете КНР продемонстрировало позитивные возможности централизации. Свою роль сыграло и принятие в 2007 г. Закона Китайской Народной Республики о реагировании на чрезвычайные ситуации (Emergency Response Law of the People's Republic of China // National People's Congress of China [Электронный ресурс] URL:http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2009-02/20/content_1471589.htm#:~:text=After%20an%20emergency%20occurs%2C%20the,the%20matter%20to%20the%20people's (дата обращения: 18.08.2025)). Этот закон является важной вехой становления системного управления ЧС в Китае. В соответствии с этим законом управление чрезвычайными ситуациями в Китае получает юридическую поддержку со стороны всех уровней власти, от центрального до местного правительства. Данный закон уделяет большое внимание созданию системы управления ЧС, которая характеризуется единым руководством, всесторонней координацией, контролем по

уровням, ответственностью на разных уровнях и, главное, территориальной подведомственностью. Кроме того, закон уделяет большое внимание кризисному планированию, которое ложится на плечи Государственного Совета, а также местных органов власти.

Реформа управления ЧС в Китае

Несмотря на усилия, направленные на улучшение качества менеджмента ЧС, вплоть до 2018 г. система оставалась достаточно децентрализованной и перегруженной. Появление новых и реформирование старых ведомств, находящихся под контролем различных министерств, не давали создать базу для стабильного руководства. Реформа Государственного совета 2018 г. в значительной степени оптимизировала работу государственных ведомств. В рамках этой реформы было создано Министерство по управлению чрезвычайными ситуациями КНР - учреждение, ответственное за надзор и координацию усилий по управлению чрезвычайными ситуациями внутри страны.

Для создания Министерства по управлению чрезвычайными ситуациями были объединены функции различных ведомств. Так, министерству были переданы обязанности Национального управления по чрезвычайным ситуациям Государственного Совета, обязанности по борьбе с пожарами Министерства общественной безопасности, обязанности по ликвидации последствий стихийных бедствий Министерства гражданской администрации, обязанности по предотвращению геологических катастроф и контролю за ними Министерства обороны. Функции по предотвращению стихийных бедствий, связанных с водными ресурсами и засухой, были переданы из Министерства водных ресурсов, функции по предотвращению пожаров на пастбищах - из Министерства сельского хозяйства, функции, связанные с предотвращением лесных пожаров, - из Государственного управления лесного хозяйства.

Китайское управление по борьбе с землетрясениями, Национальная служба по предотвращению наводнений и засухи, Национальный центр по уменьшению опасности стихийных бедствий, Командование по ликвидации последствий землетрясений и стихийных бедствий при Государственном совете и Национальное командование по предотвращению лесных пожаров также перешли под управление нового министерства. Также министерству были полностью переданы функции Государственного управления по надзору за безопасностью производства.

На Министерство по управлению чрезвычайными ситуациями был возложен ряд обязанностей, связанных с предотвращением стихийных бедствий, обеспечением готовности к ним, реагированием на них и восстановлением по итогам. К предметам ответственности Министерства относятся стихийные бедствия, а также промышленные аварии, ЧС в области общественного здравоохранения и другие кризисы. Министерство играет решающую роль в разработке политики, нормативных актов и руководящих принципов по предотвращению и борьбе с последствиями стихийных бедствий, а также по координации и мобилизации ресурсов во время ЧС.

В рамках нового министерства были модернизированы различные существовавшие ранее ведомства, благодаря чему значительно возросла эффективность менеджмента чрезвычайных ситуаций.

Так, например, была проведена системная реформа ведомств, отвечающих за противопожарную безопасность. Под эгидой нового министерства на основании пожарных сил Министерства общественной безопасности и лесных сил Китайской народной вооруженной полиции были созданы Национальные комплексные пожарно-

спасательные силы. Созданная пожарно-спасательная служба отвечает за предотвращение и устранение основных рисков безопасности, ликвидацию всех видов бедствий и несчастных случаев, а также выполнение соответствующих функций по предотвращению пожаров и аварийно-спасательных работ в соответствии с законом. В рамках этой новой организации произошло развитие различных форм спасательных отрядов, внедрение современных технологий и улучшение единой системы оповещения о стихийных бедствиях. Были расширены возможности мониторинга и оповещения, экстренной связи и экстренной транспортировки. Благодаря значительному расширению возможностей комплексного реагирования на ЧС Китай успешно справился с многочисленными крупными и катастрофическими авариями и решил ряд серьезных проблем (National Emergency Management System Plan during the 14th Five-Year Plan Period // Ministry of Emergency management, p. 10 [Электронный ресурс] URL: <https://www.mem.gov.cn/zl/202208/P020220823583813558584.pdf> (дата обращения: 18.08.2025)).

Другим важнейшим подразделением нового министерства, получившим свое развитие после реформы, стал Национальный центр по уменьшению опасности стихийных бедствий, который является важнейшим центром мониторинга стихийных бедствий Китая. Центр в своей работе использует новейшие системы слежения, включая три орбитальных спутника и беспилотные летательные аппараты.

Характеристика управления ЧС в Китае

В рамках нового министерства на основе накопленного с начала века национального и международного опыта управления ЧС была разработана своя особая система управления. С одной стороны, частично она опирается на принципы Комплексного управления чрезвычайными ситуациями (Comprehensive Emergency Management). Это международный подход к менеджменту чрезвычайных ситуаций, используемый в США, Австралии и Европе. В рамках этих принципов действует система «один кейс, три системы», где тремя системами являются управление всеми опасностями (All-hazard management), управление всеми заинтересованными сторонами (All-stakeholder management) и управление на всех этапах (All-phase management) [12].

С другой стороны, частично китайская система опирается на российский опыт. Создание единого обособленного профильного министерства повторяет путь, который прошли Россия, Казахстан и некоторые другие страны постсоветского пространства. Этот подход отличается от западного, где орган, отвечающий за менеджмент чрезвычайных ситуаций, чаще всего входит в состав Министерства внутренних дел или его аналога.

Система управления чрезвычайными ситуациями в Китае обладает уникальными национальными особенностями, сформированными в результате опыта, приобретенного в ходе противостояния стихийным бедствиям, техногенным катастрофам и эпидемиям в XXI в. В структуре управления чрезвычайными ситуациями правительства Китая выделяются следующие ключевые механизмы: Министерство управления чрезвычайными ситуациями, Штаб управления чрезвычайными ситуациями, Совместная межминистерская конференция по управлению чрезвычайными ситуациями и Объединенный механизм командования по вопросам защиты и управления при чрезвычайных ситуациях [11].

Министерство управления чрезвычайными ситуациями является непрерывно действующим функциональным подразделением, осуществляющим ежедневный мониторинг, сбор информации и всестороннюю координацию, включая функции операционного центра. В его обширную компетенцию входит система мониторинга и

предупреждения, организация и управление, информационная система, спасение и разбор завалов, восстановление и реконструкция, а также предотвращение и смягчение последствий стихийных бедствий.

Штаб управления чрезвычайными ситуациями является структурой, активируемой при определенных обстоятельствах и не являющейся постоянно действующим органом. Его главная задача состоит в реализации решений и распоряжений вышестоящего руководства. Для этого штаб анализирует обстановку, разрабатывает меры и планы реагирования на чрезвычайные ситуации, выдает директивы, направляет, инспектирует и контролирует деятельность подведомственных организаций.

Совместная конференция по управлению чрезвычайными ситуациями действует как совещательный и координирующий орган на всех уровнях государственного управления. В её обязанности входят координация и макроуправление в сфере управления чрезвычайными ситуациями, изучение и формулирование соответствующей политики, а также надзор и мониторинг проблем с последующим информированием высшего руководства. [\[8\]](#)

Объединенный механизм командования по вопросам защиты и управления при чрезвычайных ситуациях представляет собой межведомственную координационную структуру под руководством соответствующего министерства. Его ключевые обязанности включают проведение межсекторальных консультаций, распространение информации и контроль за конкретными чрезвычайными ситуациями [\[9\]](#). Этот механизм показал свою особую эффективность в период пандемии коронавируса в 2019-2022 гг.

Заключение

Реформа системы управления чрезвычайными ситуациями (ЧС) в Китае прошла через три основных этапа.

Первый этап начался в конце 1980-х годов, когда подход к управлению ЧС изменился с реакции на бедствия к их предотвращению, что увеличило внимание к готовности к ЧС [\[2\]](#). Центральные функции по борьбе с бедствиями были сосредоточены в Национальном комитете по уменьшению опасности бедствий, который объединял около тридцати национальных департаментов. [\[7\]](#) Этот суперминистерский комитет получил задачу координации функций разных министерств в области борьбы с бедствиями, что создавало сложности из-за распределения полномочий. [\[5\]](#)

Второй этап реформ стартовал в 2003 году после кризиса с атипичной пневмонией. Этот раунд реформ ввел концепцию комплексного управления ЧС, заменив управление стихийными бедствиями. Внедрение комплексного управления чрезвычайными ситуациями усилило централизованное принятие решений во время кризисов, а также поддержало автономию местных органов власти в реагировании на чрезвычайные ситуации. [\[10\]](#) Новая структура объединила управление в области общественного здравоохранения, общественной безопасности и предотвращения несчастных случаев, признав управление стихийными бедствиями серьезной задачей. [\[2\]](#) Управление по чрезвычайным ситуациям при Государственном совете стало отвечать за координацию всех ЧС на центральном уровне.

Третий этап реформ был внедрен в 2018 году и основывался на идее всеобъемлющей

безопасности, охватывающей внутренние и международные аспекты. Созданное в 2018 году Министерство по чрезвычайным ситуациям заменило предыдущее Управление по чрезвычайным ситуациям и получило более широкие полномочия. [4] Министерство стало ответственным за полный цикл управления ЧС, включая предотвращение, смягчение последствий, восстановление и обучение. [3] Оно также координировало ЧС в сфере общественного здравоохранения вместе с Министерством здравоохранения и в сфере общественной безопасности с Министерством общественной безопасности, что сохраняло сложности в межведомственном взаимодействии.

В результате реформы и в рамках десятилетий эволюции система управления ЧС в Китае была успешно модернизирована и показала свою высокую эффективность в период пандемии COVID-19. [13] Тем не менее, система кризисного менеджмента в Китае продолжает развиваться. После создания в 2018 г. Министерства по управлению чрезвычайными ситуациями Китая значительное количество исследований было посвящено вопросам модернизации таких аспектов, как действия в ЧС, техническое руководство ЧС, управление информацией и предотвращение непредвиденных рисков. [14] В последние годы также большое внимание уделяется планированию при ЧС, профилактике новых инфекционных заболеваний, управлению техногенными авариями и социальными аспектам ЧС. К новейшим тенденциям в области системы управления ЧС в Китае относится задача технического и информационного сопровождения менеджмента ЧС. Использование современных технологий позволяет повысить эффективность не только в области мониторинга и реагирования на ЧС, но и в области координирования работы различных служб и организаций как в рамках Министерства по управлению чрезвычайными ситуациями, так и за его пределами.

В заключение следует отметить, что Китай сталкивается с множественными вызовами в области ЧС, которые связаны как с географическими и экономическими особенностями страны, так и с новейшими вызовами, такими как изменение климата и эпидемии новых вирусных заболеваний. Для борьбы с этими вызовами Китаю требуется эффективная система управления ЧС. На протяжении всего XXI в. эта система развивалась и эволюционировала. До 2018 г. система представляла собой трудную в управлении структуру, состоящую из множества разрозненных ведомств, находящихся в подчинении у различных министерств и других государственных органов. Реформа, основанная на лучших аспектах западного, российского и национального опыта в сфере управления ЧС, создала новую структуру, направленную на повышение эффективности работы служб управления ЧС. Министерство по управлению чрезвычайными ситуациями объединило различные ведомства и обеспечило более эффективное управление. Кроме того, в рамках нового министерства существовавшие ранее органы получили мощный толчок к развитию. Успешное управление кризисной ситуацией в Китае в период пандемии коронавируса показало эффективность проведенных реформ. Тем не менее, китайская система управления ЧС продолжает развиваться, уделяя большое внимание новым технологиям и процессу цифровизации.

Библиография

1. Икрамов Д. Б., Дымков А. В., Сардановский С. Ю. Возможные направления сотрудничества государств-членов ШОС России и Китая в сфере борьбы с бедствиями с учетом существующих структурно-организационных различий // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2015. № 2 (9). С. 50-55. EDN: UNVTNX.
2. Boin A. The transboundary crisis: Why we are unprepared and the road ahead // Journal

- of Contingencies and Crisis Management. 2019. Vol. 27. No. 1. P. 94-99. <https://doi.org/10.1111/1468-5973.12241>.
3. Boin A., Hart P. Public leadership in times of crisis: Mission impossible? // Public Administration Review. 2003. Vol. 63. No. 5. P. 544-553. <https://doi.org/10.1111/1540-6210.00318>. EDN: LMWWRP.
 4. Egeberg M. How bureaucratic structure matters: An organizational perspective. New York: Sage Publications, 2012.
 5. Hart P., Tummers L. Understanding public leadership. 2nd ed. Red Globe Press, 2019.
 6. Jung K., Song M. Linking emergency management networks to disaster resilience: Bonding and bridging strategy in hierarchical or horizontal collaboration networks // Quality & Quantity. 2015. Vol. 49. No. 4. P. 1465-1483. DOI: 10.1007/s11135-014-0092-x. EDN: BAWHJL.
 7. Kettl D. Contingent coordination: Practical and theoretical puzzles for homeland security // The American Review of Public Administration. 2003. Vol. 33. No. 3. P. 253-277. <https://doi.org/10.1177/0275074003254472>. EDN: JLHXEZ.
 8. Kong F. A short note on four different emergency management mechanisms in Chinese government disaster response // Journal of Contingencies and Crisis Management. 2022. Vol. 30. P. 222-224. DOI: 10.1111/1468-5973.12407. EDN: EFGQXR.
 9. Kong F. Better understanding positive and negative impacts of disasters on regional economies, with special reference to China // Journal of Contingencies and Crisis Management. 2020. Vol. 28. No. 4. P. 479-481. DOI: 10.1111/1468-5973.12302. EDN: FWHURC.
 10. Liu Y., Christensen T. The long-term development of crisis management in China-Continuity, institutional punctuations and reforms // Review of Policy Research. 2021. Vol. 00. P. 1-21. <https://doi.org/10.1111/ropr.12455>. EDN: HVLDNV.
 11. Lu X. Managing uncertainty in crisis: Exploring the impact of institutionalization on organizational sensemaking. Springer, 2017.
 12. Lu X., Han Z. Emergency management in China: Towards a comprehensive model? // Journal of Risk Research. 2019. Vol. 22. No. 11. P. 1425-1442.
 13. Nanshan C., Min Z., Xuan D., Jieming Q., Fengyun G., Yang H. Epidemiological and clinical characteristics of 99 cases of 2019 novel coronavirus pneumonia in Wuhan, China: A descriptive study // Lancet. 2020. Vol. 395. No. 10223. P. 507-513.
 14. Wu F., Tang Y., Lin C., Zhang Y., Xu W. Knowledge Trajectories Detection and Prediction of Modern Emergency Management in China Based on Topic Mining from Massive Literature Text // Sustainability. 2022. Vol. 14. P. 16675. DOI: 10.3390/su142416675. EDN: ZTAXZS.
 15. 高小平. 建设中国特色的应急管理体系 // 中国应急管理. 2009. № 4. P. 11-17. [Гао С. Система управления чрезвычайными ситуациями с китайскими особенностями // Китайское управление чрезвычайными ситуациями. 2009. № 4. С. 11-17.]

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает институциональная трансформация государственной системы государственного управления чрезвычайными ситуациями в Китае с конца XX века до настоящего времени, включая исторический анализ ее

децентрализации и централизации после реформы 2018 года, с акцентом на интеграцию функций различных ведомств в новое министерство. Научная актуальность работы обусловлена растущими рисками природных, техногенных и эпидемических угроз в Китае на фоне глобального изменения климата и трансграничных вызовов, что требует оценки эффективности современных механизмов реагирования для крупных государств с подобными географическими и социально-экономическими условиями. Кроме того, научная значимость исследования повышается сегодня в контексте стратегического партнерства России и Китая, необходимости противодействия трансграничным катастрофам на общей границе двух государств, а также возможности использования китайского опыта для совершенствования российской системы управления чрезвычайными ситуациями. Практическая значимость заключается в возможности применения опыта Китая для оптимизации аналогичных систем в других странах, включая Россию, с учетом стратегического партнерства и общей границы, что способствует улучшению трансграничного сотрудничества в предотвращении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Результаты исследования могут быть использованы российскими органами государственного управления при разработке мер по модернизации национальной системы реагирования на чрезвычайные ситуации, а также при подготовке соглашений о трансграничном сотрудничестве в области предотвращения и ликвидации последствий катастроф. В работе фактически применяется институциональный анализ для изучения структуры, компетенций и эволюции государственных органов управления чрезвычайными ситуациями в Китае через рассмотрение нормативно-правовых актов и официальных документов. Исторический метод используется для выделения трех основных этапов развития системы (конец 1980-х, 2003 год, 2018 год) с анализом ключевых реформ и изменений в распределении полномочий между ведомствами. Элементы сравнительного анализа применяются при сопоставлении китайской модели с советской, российской и западными системами управления чрезвычайными ситуациями, что позволяет выявить заимствованные и оригинальные черты китайского подхода. Работа опирается на анализ первичных источников, включая китайское законодательство и документы профильных министерств. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о систематизации и концептуализации трех этапов институциональной трансформации системы управления чрезвычайными ситуациями в Китае (конец 1980-х — переход от реагирования к предотвращению; 2003 год — внедрение концепции всестороннего управления; 2018 год — создание единого министерства на основе принципа всеобъемлющей безопасности), что позволило проследить логику эволюции от фрагментированной к централизованной модели. Показано, что реформа 2018 года существенно повысила эффективность китайской системы управления ЧС, что подтверждается успешным преодолением кризиса COVID-19. Кроме того, описана гибридная природа современной китайской системы управления чрезвычайными ситуациями, сочетающая элементы западной концепции всестороннего управления (управление всеми опасностями, всеми заинтересованными сторонами и на всех этапах) с постсоветской моделью создания обособленного профильного министерства, что отражает прагматичный подход китайского руководства к заимствованию институциональных решений. Выявлены тенденции дальнейшей эволюции китайской модели, связанные с цифровизацией и использованием современных технологий мониторинга и реагирования, что открывает новые перспективы развития кризисного менеджмента. Наконец, по результатам исследования установлено, что ключевым механизмом повышения эффективности системы стала не просто административная централизация через создание Министерства по управлению чрезвычайными

ситуациями в 2018 году, но интеграция ранее разрозненных специализированных служб (противопожарных, противопаводковых, сейсмологических) под единым координационным органом при сохранении их функциональной специфики. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность исследования через указание на географическую близость России и Китая, риски трансграничных катастроф и возможность использования китайского опыта, а также формулируется цель работы как концептуализация системы государственного управления чрезвычайными ситуациями через анализ документов и научной литературы; - «История управления ЧС в Китае», где описывается фрагментированная система, существовавшая до 2018 года, когда функции по реагированию на различные типы катастроф были распределены между Министерством по гражданским делам, Государственным управлением по надзору за безопасностью производства, Министерством общественной безопасности и рядом других ведомств, при этом координирующую роль играло созданное в 2005 году Национальное управление по чрезвычайным ситуациям при Государственном Совете; - «Реформа управления ЧС в Китае», где анализируются институциональные преобразования 2018 года, в результате которых было создано единое Министерство по управлению чрезвычайными ситуациями путем объединения функций тринадцати различных ведомств и управлений, что позволило централизовать полномочия в сфере предотвращения, реагирования и восстановления после катастроф; - «Характеристика управления ЧС в Китае», где раскрывается структура современной системы через описание четырех ключевых механизмов: постоянно действующего Министерства управления чрезвычайными ситуациями, активируемого при необходимости Штаба управления, совещательной Совместной межминистерской конференции и межведомственного Объединенного механизма командования, показавшего эффективность в период пандемии COVID-19; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, суммируются три этапа эволюции системы управления чрезвычайными ситуациями в Китае и констатируется, что реформа 2018 года создала эффективную централизованную структуру, успешно справившуюся с вызовами пандемии коронавируса, при этом система продолжает развиваться в направлении цифровизации и внедрения новых технологий мониторинга и реагирования. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, повторы слов в одном или смежных предложениях: «Так, министерству были переданы обязанности Национального управления по чрезвычайным ситуациям Государственного Совета, обязанности по борьбе с пожарами Министерства общественной безопасности, обязанности по ликвидации последствий стихийных бедствий Министерства гражданской администрации, обязанности по предотвращению геологических катастроф и контролю за ними Министерства обороны»; дериваты слова «управление» употребляются в тексте 94 раза!; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «Актуальность изучения истории и современного состояние системы управления ЧС в Китае заключается в ряде факторов», «...Имело место обширная рассредоточенность обязанностей по управлению ЧС между различными ведомствами...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 15 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части работы. В числе достоинств рецензируемой статьи можно отметить, прежде всего, глубокую проработку первоисточников, включая китайское

законодательство (Закон о реагировании на чрезвычайные ситуации 2007 года) и документы профильных министерств (Национальный план управления чрезвычайными ситуациями в период 14-го пятилетнего плана), что позволяет автору опираться на официальные данные о структуре и компетенциях государственных органов, а не на вторичные интерпретации. Кроме того, автор убедительно выявляет гибридный характер китайской модели, показывая на конкретных примерах заимствование как западных принципов всестороннего управления чрезвычайными ситуациями (система «один кейс, три системы»), так и постсоветского опыта создания обособленного профильного министерства, что свидетельствует о способности китайского руководства прагматично адаптировать различные институциональные решения к национальным условиям.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны исследователям в области государственного управления и сравнительной политологии, изучающим институциональные реформы в авторитарных режимах, сотрудникам МЧС России и других профильных ведомств, заинтересованным в изучении зарубежного опыта модернизации систем реагирования на чрезвычайные ситуации, специалистам по китайским исследованиям, анализирующим эволюцию государственных институтов КНР в XXI веке, преподавателям программ по государственному и муниципальному управлению при изучении моделей кризисного менеджмента в различных политических системах, а также студентам и аспирантам перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Англоязычные метаданные

China's humanitarian aid as a tool for creating a positive image in the international arena

Qiu Shuangshuang

Postgraduate student; Department of Theory and History of International Relations; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ shuan1299@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of humanitarian aid from the People's Republic of China as a tool for creating a positive international image. The author examines the evolution of China's approaches to humanitarian activities over the past two decades, starting with limited participation in the aftermath of natural disasters and ending with an expanded role in armed conflict and global epidemics. The focus is on the key factors determining the specifics of Chinese humanitarian diplomacy: cultural and historical traditions, a state-centric approach and the desire to preserve the principles of non-interference and respect for sovereignty. Special attention is paid to China's cooperation with international organizations and Southeast Asian countries, including during the COVID-19 pandemic, when humanitarian aid was used not only to meet urgent needs, but also to strengthen bilateral ties. Thus, the subject of the study covers the role of humanitarian diplomacy in the modern foreign policy strategy of the People's Republic of China, its impact on the development of soft power and the formation of trust on the part of the world community. The research uses methods of comparative analysis, historical and political approach and case study, which allows us to identify the features of Chinese humanitarian diplomacy and trace its transformation in the international context. The scientific novelty of the article lies in the comprehensive consideration of humanitarian aid from China as a systemic instrument of foreign policy, and not only as a response to crisis situations. The author reveals that, unlike Western practices based on multilateral cooperation and the leading role of NGOs, the Chinese model focuses on government involvement and bilateral aid channels. It is concluded that humanitarian aid has become an important element of China's "soft power" and is closely linked to the "One Belt, One Road" initiative, which allows Beijing to strengthen its political and economic positions in the countries of the Global South. At the same time, challenges remain — limited transparency, a cautious attitude towards non-state actors, and wariness on the part of Western countries. Despite this, China's experience during the COVID-19 pandemic has demonstrated its ability to quickly mobilize resources and expand the range of international cooperation, which confirms the increasing importance of humanitarian diplomacy in shaping a positive image of China.

Keywords: ASEAN, international image, COVID-19, Xi Jinping, Southeast Asia, international development assistance, China's humanitarian diplomacy, humanitarian aid, China, foreign policy

References (transliterated)

1. China to continue relief aid to alleviate Syrian people's suffering: Envoy // Xinhua. 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-10/31/c_136716070.htm (data obrashcheniya: 13.07.2025).

2. Chen L. Chinese foundations and NGOs cross border to aid Nepal // The Asia Foundation. 2015. URL: <https://asiafoundation.org/2015/06/10/chinese-foundations-and-ngos-cross-border-to-aid-nepal/> (data obrashcheniya: 13.07.2025).
3. Gong L. Southeast Asia-China cooperation in disaster management in post-Covid era // RSIS Policy Report. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies, 2020. 12 S.
4. Richmond O.P., Tellidis I. Emerging actors in international peacebuilding and statebuilding: Status quo or critical states? // Global Governance. 2014. Vol. 20, no. 4. S. 563-584.
5. Rotmann P., Kurtz G., Brockmeier S. Major powers and the contested evolution of a responsibility to protect // Conflict, Security & Development. 2014. Vol. 14, no. 4. S. 355-377.
6. Thakur R. R2P after Libya and Syria: Engaging emerging powers // The Washington Quarterly. 2013. Vol. 36, no. 2. S. 61-76.
7. Woods N. Whose aid? Whose influence? China, emerging donors and the silent revolution in development assistance // International Affairs. 2008. Vol. 84, no. 6. S. 1205-1221.
8. Hirono M. Impact of China's decision-making processes on international cooperation: cases of peace keeping and humanitarian assistance/disaster relief // Australian Journal of International Affairs. 2020. Vol. 74, no. 1. S. 54-71.
9. Yeophantong P. China and disaster governance: Assessing the domestic sources of a global responsibility // Journal of Chinese Political Science. 2016. Vol. 21, no. 2. S. 241-255.
10. Gong L. Humanitarian diplomacy as an instrument for China's image-building // Asian Journal of Comparative Politics. 2021. Vol. 6, no. 3. S. 238-252. DOI: 10.1177/20578911211019257 EDN: ILYXDO
11. Kalashnikov D.B. Kitaiskaya pomoshch' razvitiyu: ofitsial'nye i istinnye tseli // Mirovoe i natsional'noe khozyaistvo. 2021. № 4. S. 50-57. EDN: EADCLB
12. Sutyurin V. Transformatsiya politiki SShA, ES i KNR v oblasti sodeistviya razvitiyu na fone mezhdnerzhavnogo sopernichestva // Mezhdunarodnye protsessy. 2024. T. 21. № 4. S. 53-82.
13. Vinogradov A.V. Kitaiskii proekt dlya bol'shoi Evrazii // Mezhdunarodnye protsessy. 2021. T. 19, no. 2. S. 6-20. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.2 EDN: PXZFKS
14. Lomanov A.V. Obshchechelovecheskii Kitai i abstraktnyi Zapad // Rossiya v global'noi politike. 2025. T. 23. № 2 (132). S. 207-226. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-2-207-226 EDN: HWCDDN
15. Shennan' S. Strategiya Kitaya po bor'be s bednost'yu i ee global'noe znachenie // Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. T. 27. № 7. S. 87-93. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-7-87-93 EDN: AQLNAX
16. IMF survey: IMF board approves far-reaching governance reforms // International Monetary Fund (IMF). 2010. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sonew110510b> (data obrashcheniya: 13.07.2025).
17. Zhou F. Between assertiveness and self-restraint: Understanding China's South China Sea policy // International Affairs. 2016. Vol. 92, no. 4. S. 869-890.
18. Xi Jinping. Build a socialist cultural great power and strive to strengthen national cultural soft power // Xinhua. 2013. URL: http://www.xinhuanet.com//politics/2013-12/31/c_118788013.htm (data obrashcheniya: 13.07.2025).

19. Wang Yi. The joint undertaking of the belt and road initiative (BRI) enters a new phase // Ministry of Foreign Affairs. 11 dekabrya 2018. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1621547 (data obrashcheniya: 13.07.2025).
20. Bogatyreva O. Gumanitarnaya diplomatiya. Sovremennye kontseptsii i podkhody // Mezhdunarodnye protsessy. 2022. T. 20, no. 1. S. 166-191. DOI: 10.17994/IT.2022.20.1.68.4 EDN: PKIRFL
21. O'Hagan J., Hirono M. Fragmentation of the international humanitarian order? Understanding "cultures of humanitarianism" in East Asia // Ethics & International Affairs. 2014. Vol. 28, no. 4. S. 409-424.
22. Simm G. Disaster militarism? Military humanitarian assistance and disaster relief // Max Planck Year book of United Nations Law Online. 2019. Vol. 22, no. 1. S. 347-375.
23. Junk J. Testing boundaries: Cyclone Nargis in Myanmar and the scope of R2P // Global Society. 2016. Vol. 30, no. 1. S. 78-93.
24. Zonova T.V. Diplomatiya prinuzhdeniya. Kazus Livii // Mezhdunarodnye protsessy. 2017. T. 15, no. 1. S. 35-48. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.4 EDN: YMGQCV
25. Kalashnikov D.B. Kitai kak donor pomoshchi promyshlennomu razvitiyu stran Yuga: znachenie dlya postindustrializatsii ego ekonomiki // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2021. T. 14. № 2. S. 195-213. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-11 EDN: OTMQOR
26. Liu T. Chinese strategic culture and the use of force: Moral and political perspectives // Journal of Contemporary China. 2020. Vol. 23, no. 87. S. 556-574.
27. China's foreign aid // State Council of China. 2014. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986592.htm (data obrashcheniya: 13.07.2025).
28. Seah S., Hoang T.H., Martinus M. et al. The state of Southeast Asia: 2021 survey report. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2021. S. 20-57.
29. China to continue relief aid to alleviate Syrian people's suffering: Envoy // Xinhua. 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-10/31/c_136716070.htm (data obrashcheniya: 13.07.2025).
30. 年中华人民共和国国防白皮书 [Belaya kniga po natsional'noi oborone Kitaya. 2013 g.] // 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL: <http://www.doczj.com/doc/94cdd33c9b6648d7c1c74670-22.html> (data obrashcheniya: 13.07.2025).
31. COVID-19 – Global Situation // WHO. 28 maya 2025. URL: <https://www.who.int/emergencies/disease-outbreak-news/item/2025-DON572> (data obrashcheniya: 13.07.2025).
32. World economic outlook update, June 2020: A crisis like no other, an uncertain recovery // International Monetary Fund (IMF). 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdateJune2020> (data obrashcheniya: 13.07.2025).
33. Fighting COVID-19: China in action // Government of China. 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-06/07/c_139120424.htm (data obrashcheniya: 13.07.2025).
34. China calls for stronger ties with Cambodia after COVID-19 pandemic: FMI // Xinhua. 2020. URL: http://www.china.org.cn/world/Off_the_Wire/2020-04/28/content_75985886.htm (data obrashcheniya: 13.07.2025).

35. Ambassador Xiao Qian attends the handover ceremony of medical supplies to Indonesia Donated by Chinese Ministry of National Defense // Embassy of China in Indonesia. 2020. URL: <http://id.china-embassy.org/eng/sgdt/t1778976.htm> (data obrashcheniya: 13.07.2025).
36. China's medical expert team arrives in Myanmar // Embassy of China in Myanmar. 2020. URL: <http://mm.china-embassy.org/eng/sgxw/t1767429.htm> (data obrashcheniya: 13.07.2025).
37. Statement of the Special ASEAN-China Foreign Ministers' Meeting on the corona virus disease 2019 (COVID-19) // ASEAN-China. 20 fevralya 2020. URL: <https://asean.org/statement-special-asean-china-foreign-ministers-meeting-coronavirus-disease-2019-covid-19/> (data obrashcheniya: 13.07.2025).
38. Joint Statement of the Special ASEAN Plus Three Summit on Coronavirus Disease 2019 (COVID-2019) // ASEAN Plus Three. 14 aprelya 2020. URL: <https://asean.org/storage/2020/04/Final-Joint-Statement-of-the-Special-APT-Summit-on-COVID-19.pdf> (data obrashcheniya: 13.07.2025).

The importance of the strategic partnership between Russia and China in the context of the US-China trade war

Li Nin

Postgraduate student; Department of Theory and History of International Relations; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ li_nin95@yahoo.com

Abstract. The article is devoted to the study of strategic competition between the United States of America and the People's Republic of China, manifested in the form of a trade war that began in 2018. The key stages of the escalation of trade conflicts, the introduction of tariff and non-tariff measures, as well as sanctions restrictions aimed at curbing China's technological development are considered. Special attention is paid to the impact of the US protectionist policy on international trade relations, the processes of globalization and the formation of a new world architecture. The article analyzes the transition from interdependence to the concept of "decoupling" — the economic gap between the two leading powers, which reflects the trend towards the formation of a new bipolarity. The paper also examines the role of Russia as a strategic partner of China and a factor of stability in the context of the growing confrontation between Washington and Beijing. The research uses methods of systemic, comparative, and structural-functional analysis, as well as a historical and political approach that allows us to consider the dynamics of trade confrontation in the context of global transformations of the international system. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive consideration of the US-China trade war as an integral part of a broader strategy of geo-economic and technological deterrence, which makes it possible to assess its impact not only on bilateral relations, but also on the transformation of the global political and economic system. It is shown that the trade confrontation has become an essential element of the transition to a new world order based on bipolarity and rivalry between global centers of power. The role of Russia as a key partner of China, ensuring a balance of interests and forming alternative mechanisms for international cooperation, is revealed. It is concluded that the further development of Sino-American competition will determine the structure of international relations and the nature of global security in the 21st century.

Keywords: sanctions, multipolarity, decoupling, Russia, China, USA, strategic competition, trade war, economic security, world order

References (transliterated)

1. Bown C., Kolb M. Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide // PIIE. 31.12.2023. URL: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/trumps-trade-war-timeline-date-guide> (data obrashcheniya: 20.04.2023).
2. Bown C.P. Donald Trump's Solar and Washer Tariffs May Have Now Opened the Floodgates of Protectionism // PIIE. 23.01.2018. URL: <https://www.piie.com/commentary/op-eds/donald-trumps-solar-and-washer-tariffs-may-have-now-opened-floodgates> (data obrashcheniya: 20.08.2023).
3. United States (USA) Exports, Imports and Trade Partners // The official website of the Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/country/usa-depthSelector1=HS6Depth&yearSelector1=2018> (data obrashcheniya: 20.08.2023).
4. Lynch D.J., Paletta D. Trump announces steel and aluminum tariffs Thursday over objections from advisers and Republicans // Washington Post. 23.10.2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/business/wp/2018/03/01/white-house-planning-major-announcement-thursday-on-steel-and-aluminum-imports> (data obrashcheniya: 10.08.2023).
5. Commerce Department Lifts Ban After ZTE Deposits Final Tranche of \$1.4 Billion Penalty // US Department of Commerce. URL: <https://2017-2021.commerce.gov/news/press-releases/2018/07/commerce-department-lifts-ban-after-zte-deposits-final-tranche-14> (data obrashcheniya: 20.08.2023).
6. Wong D., Chipman Koty A. The US-China Trade War: A Timeline. 25.08.2020. URL: <https://www.china-briefing.com/news/the-us-china-trade-war-a-timeline> (data obrashcheniya: 20.08.2023).
7. Bown C. How the United States marched the semiconductor industry into its trade war with China // PIIE. 2020, December. URL: <https://www.piie.com/publications/working-papers/how-united-states-marched-semiconductor-industry-its-trade-war-china> (data obrashcheniya: 20.08.2023).
8. Shoigu zayavil o formirovanii v mire global'nykh koalitsii // Izvestiya. 23.06.2021. URL: <https://iz.ru/1182879/2021-06-23/shoigu-zaiavil-o-formirovanii-v-mire-globalnykh-koalitsii> (data obrashcheniya: 15.05.2024).
9. Degterev D.A., Ramich M.S., Tsvyk A.V. SSHa – KNR: "vlastnyi tranzit" i kontury "konfliktnoi bipolyarnosti" // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 21. № 2. S. 210-231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231 EDN: PXYZEE.
10. Luk'yanov F. Dialektika konfrontatsii // Rossiiskaya gazeta, 29.06.2021. URL: https://rg.ru/2021/06/29/professor-niu-administraciia-bajdena-hochet-sistematizirovat-mezhdunarodnuiu-anarhiu.html-fbclid=IwAR35k_RPGFEOpxzZGETSHHbTg4Wpanzc9yxzijB4r_wB79IdEnMverQ4IWY (data obrashcheniya: 15.05.2024).
11. Witt M., Li P., Välikangas L., Lewin A. De-globalization and Decoupling: Game Changing Consequences? // Management and Organization Review. 2021. № 17:1. P. 6-15. DOI: 10.1017/mor.2021.9 EDN: WXKNAR.
12. Clark R. Pool or Duel? Cooperation and Competition Among International Organizations // International Organization. Online, 28 April, 2021. P. 1-13.

13. Kalganov V. A., Ryzhov G. B., Solov'ev I. V. Strategicheskoe sderzhivanie kak faktor obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii // Voennaya mysl'. 2022. № 8. S. 6-14. EDN: ZWFPMB.
14. Fesenko M. The Danger of Confrontation between the United States and China in the New Cold War // Problems of World History. 2020. № 11. P. 114-130. DOI: 10.46869/2707-6776-2020-11-7 EDN: GXSIAS.
15. Patrushev zayavil o poyavlenii eshche odnogo voennogo bloka protiv Rossii. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/09/2021/614992709a7947e2cd777b37> (data obrashcheniya: 15.05.2024).
16. 中俄“背靠背”战略协作成为维护国际公平正义的中流砥柱 [Strategicheskoe sotrudnichestvo "spina k spine" mezhdru Kitaem i Rossiei stalo osnovoi obespecheniya mezhdunarodnoi chestnosti i pravosudiya] // 海外网 [Zarubezhnaya set']. 30.06.2021. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s-id=1703947526626442025&wfr=spider&for=pc> (data obrashcheniya: 12.05.2024).
17. Goncharov S. Bol'shaya igra Kitaya i SShA: pochemu Rossiya imeet znachenie. Interv'yu // Rossiya v global'noi politike. 15.05.2024. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bolshaya-igra-kitaya-i-ssha/-ysclid=lw9j0l8q6b775009568> (data obrashcheniya: 12.05.2024).
18. Tubilewicz, C. The Little Dragon and the Bear: Russian-Taiwanese Relations in the Post-Cold War Period // The Russian Review. 2002. Vol. 61, No. 2. P. 276-297. DOI: 10.1111/0036-0341.00227 EDN: TVGYCW.
19. SCO Supports Peace and Stability in South China Sea // Xinhua. 2016, May 25. URL: https://www.xinhuanet.com/english/2016-05/25/c_135385276.htm (data obrashcheniya: 01.05.2024).
20. China and Russia should work together to combat 'colour revolutions', says Chinese foreign minister // SCMP. 8 Mar 2021. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3124567/china-and-russia-should-work-together-combat-colour> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
21. 周柏青, 游巧荣. 世界格局变迁与中国的角色定位 [Chzhou Baitsii, Yu Tsyaozhun. Izmenenie miroporyadka i rol' Kitaya] // 华中农业大学学报 [Vesnik agrarnogo universiteta Khuachzhun]. 2009. № 2. S. 50-55.
22. 阎学通. 历史的惯性: 未来十年的中国与世界 [Yan' Syuetun. Inertsia istorii: sleduyushchee desyatiletie Kitaya i mira]. 北京: 中信出版社 [Pekin: Izdatel'stvo Chzhousinya]. 2013. № 7. S. 70-80.
23. Lomanov A.V. Rossiya i Kitai v "Novuyu epokhu": vyzovy i perspektivy // Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'. 2020. № 25. S. 34-50. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10002 EDN: KEXCOS.
24. 李景治. 国际变局与新型大国关系的构建 [Li Tszinzi. Stroitel'stvo otnoshenii mezhdru derzhavoi novogo tipa i mezhdunarodnogo poryadka] // 新视野 [Nauchnyi zhurnal novogo krugozor]. 2015. № 1. S. 110-121.
25. 王树春. 冷战后的中俄关系 [Van Shuchun'. Kitaisko-rossiiskie otnosheniya posle kholodnoi voiny]. 北京: 时事出版社 [Pekin: Izdatel'stvo "Tekushchie dela"]. 2005. 303 s.
26. 王海运. 新形势下的中俄关系 [Van Kheiyun'. Razvitie kitaisko-rossiiskikh otnoshenii v novoi obstanovke] // 俄罗斯学刊 [Akademicheskii zhurnal issledovaniy Rossii]. 2014. № 5. S. 28-40.

Sport as an instrument of Russia's "soft power" under

international restrictions

Kolosov Aleksandr Aleksandrovich

independent researcher

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ kolosov05alexander@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of sport as the most important tool for implementing the concept of "soft power" of the Russian Federation in the system of modern international relations. The focus is on the role of sports diplomacy in shaping Russia's positive image on the world stage, as well as the transformation of its functions in the face of sanctions pressure and politicization of sports. Special attention is paid to the analysis of the largest sports projects – the Olympic Games in Sochi (2014) and the FIFA World Cup (2018) – as examples of successful use of sports to strengthen the country's foreign policy prestige. The article examines the current challenges associated with the introduction of the neutral status of Russian athletes, the restriction of the use of national symbols and the growing number of cases of changing sports citizenship, which indicates a profound transformation of the international sports space and a decrease in Russia's ability to realize the potential of "soft power". The research is based on systematic, institutional and comparative analytical approaches, as well as on the case study method used in the analysis of specific international sporting events and political and legal decisions. The scientific novelty of the article lies in a comprehensive assessment of the current state of Russian sports diplomacy through the prism of the concept of "soft power" in conditions of international isolation. It is shown that sport, which previously acted as an effective tool for shaping the national image, was influenced by political factors, which led to an institutional crisis of the Olympic movement and a revision of the principles of neutrality. The article substantiates that the introduction of the neutral status of Russian athletes and restrictions on their participation in competitions have turned into a form of political pressure that violates the foundations of sports equality. It is concluded that, despite external barriers, Russia retains the potential of "soft power" through the development of domestic sports projects, the expansion of international initiatives outside Western institutions (BRICS, "Games of the Future") and the preservation of cultural influence through sports as a symbol of national identity.

Keywords: politicization of sports, international sports, Olympic Games, sanctions policy, neutral status of athletes, image of the state, international relations, sports diplomacy, soft power, foreign policy influence

References (transliterated)

1. Nye J., Jr. Soft Power // Foreign Police, № 80, Autumn 1990, P. 159-170.
2. Alekseeva D.A. Problemy i perspektivy uchastiya Rossii v Mezhdunarodnom Olimpiiskom dvizhenii (politologicheskii analiz). Avtoreferat diss. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk. M. 2012. 28 s.
3. Leonova O. «Myagkaya sila – resurs vneshnei politiki gosudarstva» // Informatsionno-analiticheskii zhurnal «Obozrevatel'». 2013. № 4. S. 24-37.
4. Podgotovka k zimnim Olimpiiskim igrām 2014 goda v Sochi. Dos'e // TASS. 05.02.2014. URL: <https://tass.ru/info/940404> (data obrashcheniya: 06.10.2025).
5. Analiticheskaya spravka o khode realizatsii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi

- Federatsii «Razvitie fizicheskoi kul'tury i sporta» v 2014 godu // Ofitsial'nyi sait Ministerstva sporta RF. URL: <http://www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26377> (data obrashcheniya: 06.10.2025).
6. Olimpiiskie igry 2014 v Sochi – osnovnaya informatsiya: kak proshli i kto vyigral, chto bylo postroeno i stalo s ob'ektami // Sport-Ekspress Internet. 05.02.2024. URL: <https://www.sport-express.ru/olympics/reviews/olimpiyskie-igry-v-sochi-kogda-proshli-i-kto-vyigral-medal'nyy-zachet-i-vse-obekty-olimpiady-2014-2175539/?ysclid=mgsfv81mrj626807654> (data obrashcheniya: 06.10.2025).
 7. Hudson M., Sommers J. Russia after Sochi // CounterPunch. 2014. URL: <https://www.counterpunch.org/2014/02/24/russia-after-sochi/> (data obrashcheniya: 06.10.2025).
 8. Ranking Of The World's Most Powerful People // Forbes. 2014, November 5. URL: <https://www.forbes.com/sites/forbespr/2014/11/05/2014-ranking-of-the-worlds-most-powerful-people/> (data obrashcheniya: 06.10.2025).
 9. Zimnie Igry v Sochi: luchshie v istorii, samye uspekshnye dlya Rossii // RIA Novosti. 15.12.2014. URL: <https://ria.ru/20141215/1038068904.html?ysclid=mgsfynoyju401204349> (data obrashcheniya: 06.10.2025).
 10. Rossiiskie olimpiitsy opravdany, no bor'ba za Igry-2018 eshche vpered i // TASS. 01 fevralya 2018. URL: <https://tass.ru/sport/4922264> (data obrashcheniya: 28.02.2025).
 11. Principles relating to the implementation of the CAS award WADA vs RUSADA. URL: <https://stillmedab.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/News/2021/02/Principles-implementation-CAS-WADA-Rusada.pdf> (data obrashcheniya: 28.02.2025).
 12. Sal'nikov E.V., Sal'nikova I.N. Osobennosti protsessa politizatsii sporta vysshikh dostizhenii: istoriko-politologicheskii analiz // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. 2021. T. 16, № 5. S. 105-116.
 13. Kak rossiiskikh sportsmenov vozvrashchali k uchastiyu v mezhdunarodnykh sorevnovaniyakh // TASS. 08 dekabrya 2023. URL: <https://tass.ru/info/19494411> (data obrashcheniya: 06.10.2025).
 14. Rekomenduemye usloviya uchastiya individual'nykh neitral'nykh sportsmenov i vspomogatel'nogo personala s rossiiskim ili belorusskim pasportom v mezhdunarodnykh sportivnykh sorevnovaniyakh, kotorye provodyatsya mezhdunarodnymi federatsiyami i organizatorami mezhdunarodnykh sportivnykh sorevnovaniy // MOK. 28.03.2023. URL: https://www.olympics.com/athlete365/app/uploads/2023/04/Recommended-Conditions-of-Participation-for-Individual-Neutral-Athletes-and-Support-Personnel-with-a-Russian-or-Belarusian-Passport_eng_Russian.pdf?ysclid=mgz99x1kw168984650 (data obrashcheniya: 06.10.2025).
 15. SMI podschitali, chto za god bolee 200 rossiiskikh sportsmenov smenili grazhdanstvo // Forbes. 2023. URL: <https://www.forbes.ru/sport/492794-smi-podschitali-cto-za-god-bolee-200-rossijskih-sportsmenov-smenili-grazhdanstvo> (data obrashcheniya: 20.05.2025).
 16. Bekareva K.Yu. Igry BRIKS – novyi format sportivnogo sodruzhestva // Vestnik SibGUFGK. 2023. № 4 (9). S. 41-45.
 17. «Ikh postupok vyzyvaet voprosy». Rossiiskii ministr raskritikoval smenivshikh grazhdanstvo sportsmenov // Lenta.ru. 2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/09/04/ih-postupok-vyzyvaet-voprosy-rossiyskiy-ministr-raskritikoval-smenivshih-grazhdanstvo-sportsmenov/> (data obrashcheniya: 20.05.2025).
 18. Mamiashvili popal v skandal na chempionate Evropy po bor'be // RBK. 2025. URL:

<https://www.rbc.ru/sport/10/04/2025/67f74d599a79475aab054f4c> (data obrashcheniya 21.05.2025).

19. Olimpiada-2026 bez Rossii uzhe v shesti vidakh sporta. Kto ostanovit bespredel // RIA Novosti. 16.09.2025. URL: <https://rsport.ria.ru/20250916/olimpiada-2042260597.html?ysclid=mh09bha0rk397967655> (data obrashcheniya: 06.10.2025).

Approaches to demographic development governance in the context of achieving the Sustainable Development Goals : international experience

Yanik Andrey Aleksandrovich

PhD in Technical Science

Leading Research Associate, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

119333, Russia, Moscow, Fotieva str., 6, office 1

✉ aa.yanick@yandex.ru

Popova Svetlana Mikhailovna

PhD in Politics

Leading Researcher; Institute of Social Demography, FCTAS RAS

Office 1, Fotieva str., Moscow, 119333, Russia

✉ sv-2002-1@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of an analysis of contemporary international experience, conducted with the aim of identifying the most common approaches to managing demographic development in the context of achieving the Sustainable Development Goals (SDGs). The topic of managing national demographic development in the context of achieving the SDGs is a relevant research direction, as a deep understanding of the dynamics of global and national demographic changes and their interaction with other global trends, such as climate change, digital transformation, and increased overall tensions in the world, is required for making scientifically grounded managerial decisions. The experience of managing demographic development in the context of achieving the SDGs can be useful for Russia, as from a managerial perspective, the tasks that our country and the international community are addressing in promoting a sustainable development model amid global demographic shifts are similar. The research base consisted of official documents, reports, forecasts, expert publications from international organizations (UN, OECD, IMF, European Commission) and countries from various regions of the world, international statistical data, and relevant scientific literature. The study employed general scientific approaches, semantic analysis, and comparative methods. Groups of factors influencing international approaches to managing demographic development in the context of achieving the SDGs were identified. The ambivalent nature of the influence of global demographic shifts on the prospects for achieving various SDGs was demonstrated. It was concluded that under contemporary conditions, there is a mutual adjustment of demographic management policies in the context of achieving the SDGs and, consequently, an adjustment of policies for achieving the SDGs in the context of the influence of global demographic shifts. The priority approach becomes the use of adaptive management methods. However, adaptation does not mean that the policy is limited to reacting to external challenges. On the contrary, effective adaptive management should be proactive, aimed at purposefully managing demographic changes in light of new realities. One of the promising directions of demographic policy is to facilitate the increase of the share of

people of working age in the population structure and create opportunities to more effectively utilize the emerging "demographic dividend" for economic growth.

Keywords: Population ageing, Population growth, Global demographic shifts, Sustainable Development Goals, Sustainable development, Demographic sustainability, Demographic development, Demographics, Urbanization, Migration

References (transliterated)

1. Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustoichivogo razvitiya na period do 2030 goda // Rezolyutsiya General'noi Assamblei OON, 25 sentyabrya 2015 g. № A/RES/70/1.
2. The World in 2050. Transformations to Achieve the Sustainable Development Goals. Report prepared by The World in 2050 initiative. Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis, 2018. – 157 p. URL: https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/15347/1/TWI2050_Report081118-web-new.pdf (data obrashcheniya: 20.10.2025).
3. Foroudi, P., Marvi, R., Cuomo, M. T., & D'Amato, A. Sustainable Development Goals in a regional context: conceptualising, measuring and managing residents' perceptions. Regional Studies. 2024. Vol. 1-16. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2373871>.
4. Chernyshev K.A. Demograficheskoe razvitie regionov Rossii: dvizhenie k dostizheniyu natsional'nykh tselei // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2025. № 21 (2). S. 212-222. DOI: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_3_212_222. EDN: DWABLU.
5. Sukhanova, T. V., Shcherbakov, E. M., Prisekar', I. R. Demograficheskii potentsial natsional'noi modeli ekonomicheskogo rosta // Kreativnaya ekonomika. 2025. T. 19. № 2. S. 191-202. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.19.2.122668>. EDN: ISPBQM.
6. Global Population Growth and Sustainable Development. UN DESA/POP/2021/TR/NO. 2. New York: United Nation, 2021. – 124 p. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/global-population-growth> (data obrashcheniya: 20.10.2025).
7. Population and Development Programme of Action adopted at the International Conference on Population and Development, Cairo, 5-13 September 1994 // United Nation, ST/ESA/SER.A/149.
8. Navigating Megatrends: The ICPD Programme of Action for a Sustainable Future ICPD30 Think Piece: Demographic Change and Sustainability. United Nations Population Fund, 2024. – 32 p.
9. World demographic trends: Report of the Secretary-General. E/CN.9/2025/5. New York, NY: United Nation, 2025. – 18 p.
10. Gruss B., Nureldin B. Podderzhanie rosta v stareyushchem mire // MVF. 2025. Iyun'. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2025/06/sustaining-growth-in-an-aging-world-bertrand-gruss> (data obrashcheniya: 20.10.2025).
11. Otchet ob ustoichivom razvitii Moskvy po itogam 2024 goda. M.: Departament ekonomicheskoi politiki i razvitiya goroda Moskvy, 2024. – 20 s.
12. V tsentre vnimaniya rol' denezhnykh perevodov migrantov v dostizhenii tselei ustoichivogo razvitiya // OON. Departament po ekonomicheskim i sotsial'nym voprosam. URL: <https://www.un.org/ru/desa/gfrid-2017> (data obrashcheniya:

20.10.2025).

13. Types and objectives of population policies – Population and Society // Fiveable. 2024 July 31. URL: <https://fiveable.me/population-and-society/unit-12/types-objectives-population-policies/study-guide/cRMbCt1NwR5qSzG> (data obrashcheniya: 20.10.2025).
14. Gietel-Basten S. Contemporary demographic challenges and population policies // Bull World Health Organ. 2024. Vol. 102. No. 4. P. 227-227. DOI: <https://doi.org/10.2471/BLT.24.291641>. EDN: HOSIML.
15. Icardy R., Gailey N., Goujon A., Natale F., Ueffing P. Global Demography Expert Survey on the Drivers and Consequences of Demographic Change. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2023. – 84 p. DOI: <https://doi.org/10.2760/139588>.
16. Shrinking Smartly and Sustainably: Strategies for Action. Paris: OECD Publishing, 2025. – 94 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/f91693e3-en>.
17. Syssner J. Pathways to Demographic Adaptation. Cham: Springer International Publishing, 2020. – 171 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-34046-9>.
18. Demographic change in Europe: a toolbox for action // Brussels: European Commission. COM/2023/577 final.
19. Månsson J., Eriksson L., Hodgson I., Elmberg J., Bunnefeld N., Hessel R., Johansson M., Liljebäck N., Nilsson L., Olsson C., Pärt T., Sandström C., Tombre I., Redpath S.M. Understanding and overcoming obstacles in adaptive management // Trends in Ecology & Evolution. 2023. Vol. 38. Issue 1. P. 55-71. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tree.2022.08.009>. EDN: VJBKSY.
20. Kruze A., Pol'mann Sh., Shmitt E., Bol'k M., Khinner I. Politika v otnoshenii lits preklonnogo vozrasta: kompleksnyi podkhod. Germanskaya i mezhdunarodnaya perspektivy // V pamyati i dobrom zdravii. Starshee pokolenie, obshchestvo i politika. Spetsvypusk / Pod obshchei redaktsiei F. Vaikselya, M. Zappera, A. Klokovo. – M.: Ves' mir, 2011. S. 81-102.
21. Printsipy Organizatsii Ob"edinennykh Natsii v otnoshenii pozhilykh lyudei "Sdelat' polnokrovnoi zhizn' lits preklonnogo vozrasta". Prinyaty rezolyutsiei 46/91 General'noi Assamblei ot 16 dekabrya 1991 goda. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml (data obrashcheniya: 20.10.2025).
22. Grigor'eva N.S. Gosudarstvennaya politika po okhrane zdorov'ya pozhilykh lyudei i snizhenie smertnosti: opyt Yaponii // Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii. 2007. № S1. C. 61-69. EDN: IJTYTP.
23. India Overtakes China as the World's Most Populous Country // UN DESA Policy Brief No. 153. 2023. April 24.
24. Amiesimaka OI, Payam S. Family planning policy and gender in Nigeria: A thematic analysis of the government's health policy perspective // Sociology of Health & Illness. 2025. Vol. 47. No. 2. (online) ID: e13853. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9566.13853>. EDN: XHBRZW.
25. Demographic change in Europe: A toolbox for action / Pape M., Szechy B., Grbesa M. PE 762.302. Brussels: European Union, 2024. – 12 p.
26. Efanova L. D., Fedorova K. A. Demograficheskaya politika Frantsii // Vestnik GUU. 2019. № 12. S. 189-192. URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/1949/1014> (data obrashcheniya: 18.09.2025). DOI: 10.26425/1816-4277-2019-12-189-192 EDN: SNUPNJ.
27. Shpakova, R. N., Shcherbakova, M. I. Demograficheskaya politika Frantsii: istoriya i sovremennost' // Vestnik Evraziiskoi nauki. 2022. T 14. № 6. URL:

<https://esj.today/PDF/70ECVN622.pdf> (data obrashcheniya: 20.10.2025). EDN: UANKBJ.

28. Government policies to address population ageing // UNDESA. Population Facts. October 2020, No. 2020/1. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2020_pf_government_policies_population_ageing.pdf (data obrashcheniya: 20.10.2025).
29. Vasil'eva E.V. Rossiiskii i evropeiskii opyt realizatsii kontseptsii aktivnogo dolgoletiya // Uspekhi gerontologii. 2024. T. 37. № 5. S. 481-490. DOI: <https://doi.org/10.34922/AE.2024.37.5.001>. EDN: UTJVL.
30. Ananchenkova P.I. Budushchee mirovoi politiki v usloviyakh starenia naseleniya // Vlast'. 2025. № 33 (4). S. 287-293. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-4-287-293>. EDN: QFSSFP.
31. Vishnevskaya N.T. Podderzhanie zanyatosti rabotnikov starshikh vozrastov v stranakh OESR: perenastroika mekhanizma // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2021. № 3. S. 135-154. EDN: LNHBSB.
32. Galkin K.A. Sotsial'naya politika aktivnogo dolgoletiya v Rossii i gosudarstvakh vseobshchego blagosostoyaniya Evropy: opyt sravnitel'nogo analiza // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2022. №15 (2). S. 239-252. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.15 EDN: UQVRAL.
33. Vliyanie demograficheskikh izmenenii // Sait Evropeiskoi komissii URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/new-push-european-democracy/impact-demographic-change-europe_en#:~:text=The%20European%20Commission%20published%20the,resilience%20in%20an%20ageing%20Europe (data obrashcheniya: 20.10.2025).
34. Bunting J. Why demography drives global development: a hidden force behind the SDGs. July 09, 2025 // SDG Action. URL: <https://sdg-action.org/why-demography-drives-global-development-a-hidden-force-behind-the-sdgs/> (data obrashcheniya: 20.10.2025).
35. Global Population Growth and Sustainable Development. UN DESA/POP/2021/TR/NO. 2. New York: United Nation, 2021. – 124 p.
36. Kalabikhina I. E., Kazbekova Z. G. Vliyanie pervogo demograficheskogo dividenda na ekonomicheskii rost s uchetom chelovecheskogo kapitala // Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii. 2022. № 3 (55). S. 81-100. DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-5>. EDN: HUXEGP.
37. Kazbekova Z.G., Lyu Yu., Kalabikhina I.E. "Starye" i "molodye" provintsii Kitaya: vozrastnaya struktura i ekonomicheskii rost // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika. 2024. T. 59. № 1. S. 96-121. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-1-5>. EDN: PMFYLB.
38. Kazbekova Z.G., Kalabikhina I.E. Prognoz dinamiki demograficheskogo dividenda v Rossii s uchetom pensionnoi reformy i pandemii // Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyi zhurnal ekonomicheskogo fakul'teta MGU imeni M.V.Lomonosova. 2023. T. 15. № 3. S. 68-82. DOI: <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2023-15-3-68-82>. EDN: MACIXE.
39. Scheijgrond J-W., Donovan P. Demographic shifts: How to steer towards economic growth // World Economic Forum. 2024. Oktober 15. (S. 18).
40. Zhuravlev N., Senin V., Teksler A., Sharokina E., Prokof'ev S., Klimanov V., Bobylev S., Vedyakhin A., Baida A., Bakhtina I., Dolgikh E., Groznaya E., Konstantinidi Kh.,

Mironova T. Ustoichivoe razvitie regionov. Mneniya // Byulleten' Schetnoi palaty RF: elektron. zhurn. 2023. № 9. S. 65 – 96.

41. Zaitsev D. Otchet o rezul'tatakh parallel'nogo ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya "Analiz dostizheniya sub'ektami Rossiiskoi Federatsii pokazatelei tselei ustoichivogo razvitiya pri realizatsii dokumentov strategicheskogo planirovaniya v period s 2020 goda po istekshii period 2022 goda" (so Schetnoi palatoi Respubliki Tatarstan, Schetnoi palatoi Vladimirovskoi oblasti, kontrol'no-schetnoi palatoi Volgogradskoi oblasti, kontrol'no-schetnoi palatoi Voronezhskoi oblasti, kontrol'no-schetnoi palatoi Lipetskoi oblasti, kontrol'no-schetnoi palatoi Nizhegorodskoi oblasti, Schetnoi palatoi Samarskoi oblasti, kontrol'no-schetnoi palatoi Tverskoi oblasti, kontrol'no-schetnoi palatoi Chelyabinskoi oblasti, kontrol'no-schetnoi palatoi Moskvy i kontrol'no-schetnoi palatoi goroda Sevastopolya) // Byulleten' Schetnoi palaty RF: elektron. zhurn. 2023. № 9. S. 5-60.
42. Ursul A.D. Demograficheskaya problema v kontekste dostizheniya global'noi ustoichivosti // Koevolutsiya i noosfera: issledovaniya, analitika, prognozirovaniye. 2018. № 2. S. 5-24. EDN: XPBSSD.
43. Rykovskaya O.O. Demograficheskaya ustoichivost': kontseptual'noe sodержanie i osobennosti proyavleniya // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. 2024. T. 14. № 4A. S. 217-225. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-economy-2024-4/b16-rykovskaya.pdf> (data obrashcheniya: 20.10.2025). EDN: HKDLTW.

Challenges of Migration Policy in West African Countries: Contradictions Between Regional Integration and National Interests (The Case of Nigeria and Ghana)

Achonwa Ethel Chinwe

Postgraduate student; Department of Theory and History of International Relations; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ curve66549@mriscan.live

Abstract. The article is dedicated to analyzing the contradictions between regional integration and national interests within the migration policies of West African countries. It focuses on the role of the Economic Community of West African States (ECOWAS) in regulating migration processes and ensuring the freedom of movement for citizens. Using Nigeria and Ghana as examples, it examines the reasons and forms of divergence between the commitments stemming from the ECOWAS Protocol on Free Movement of Persons and the internal priorities of the member states. The paper highlights the historical, economic, and legal prerequisites of migration policy and identifies key socio-economic factors influencing the extent of its implementation. Particular attention is paid to the impact of national protectionist measures on the effectiveness of the integration process in the West African region. The theoretical and methodological basis of the research relies on the principles of regionalism and neofunctionalism, which allow for examining integration processes as the result of the interaction between national interests and supranational institutions. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive examination of ECOWAS migration policy through the lens of the national interests of key countries in the region and in identifying mechanisms that hinder the full implementation of the principle of freedom of movement. The article demonstrates that, despite the existence of a developed regulatory framework and institutional mechanisms of ECOWAS, the member states, primarily Nigeria and

Ghana, apply its provisions selectively, based on internal socio-economic and political considerations. The author concludes that these contradictions limit the potential for regional integration, intensify the unevenness of migration flows, and maintain the dependence of regional countries on national regulators. The need to harmonize national legislation with ECOWAS norms and to strengthen the role of supranational institutions for the formation of an effective migration space in West Africa is emphasized.

Keywords: cross-border cooperation, labor migration, national interests, freedom of movement, Ghana, Nigeria, migration policy, regional integration, ECOWAS, West African region

References (transliterated)

1. Data accessed via the Migration Data Portal on September 9, 2025 // UN DESA. URL: https://www.migrationdataportal.org/international-data-i=stock_abs_&t=2020&m=2&sm49=11 (data obrashcheniya: 28.10.2025).
2. Abebe, T.K., Mugabo, J. Migration and security in Africa: Implications for the free movement of persons agenda. In: Adepoju, A., Fumagalliand, C., Nyabola, N. (eds) Africa Migration Report: Challenging the Narrative. Addis Ababa: International Organisation for Migration, 2020. P. 145-154.
3. Aniche, E.T. Integration, borders and migration in West Africa: Lessons from European Schengen Area. In: Moyo, I., Laine, J., Nshimbi, C. (eds) Intra-Africa migrations: Reimagining borders and migration management. London: Routledge, 2021. P. 23-43.
4. Garba, F., Yeboah, T. Free Movement and Regional Integration in the ECOWAS Sub-Region. In: Teye, J.K. (ed) Migration in West Africa. Springer, 2022. P. 19-34.
5. Castillejo, C. The influence of EU migration policy on regional free movement in the IGAD and ECOWAS regions // Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (DIE), 2019. № 11. 32 p.
6. Awumbila, M., Teye, J.K., Yaro, J.A. Migration, Mobility and Emerging Urban Centres in Ghana: Implications for Livelihoods, Poverty Reduction and Pro-Poor Policies // Migration Development, 2018. № 7(1). P. 1-21.
7. Yeboah, T., Kandilige, L., Bisong, A., Garba, F., Kof Teye, J. The ECOWAS free movement protocol and diversity of experiences of different categories of migrants: A qualitative study // International Migration, 2021. Vol. 59(3). P. 228-244. DOI: 10.1111/imig.12766 EDN: TWLPAA.
8. Karkare, P., Odijie, M., Ukaoha, K., van Seters, J. Inconsistent policies or political realities? Nigeria's Trade and Industrial Policy Imperatives // European Centre For Development Policy Management, 2022. № 318. P. 13-31.
9. Aniche, E.T., Alumona, I.M., Iwuoha, V.C., Isike, C., Nnamani, R.G. Your Land or Your Life! ECOWAS Free Movement Regime, Migration, and Resource Conflicts in West Africa // Society, 2023. № 6. P. 1-3.
10. Okunade, S.K., Ogunnubi, O.A. "Schengen" agreement in Africa? African agency and the ECOWAS protocol on free movement // Journal of Borderlands Studies, 2021. Vol. 36(1). P. 119-137.
11. Azeez, G. Niger as a transit country for Nigerian and other West African migrants. American University in Cairo, Master's Thesis, 2020. 136 p.
12. Teye, J.K. Migration in West Africa: An Introduction. In: Migration in West Africa: IMISCOE Regional Reader. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 3-17.
13. Karkare, P., Odijie, M., Ukaoha, K., van Seters, J. Inconsistent policies or political

- realities? Nigeria's Trade and Industrial Policy Imperatives // European Centre For Development Policy Management, Discussion Paper, 2022. No. 318. 34 p.
14. Review of Nigerian Legislation and Policy in View of the ECOWAS Protocol On Free Movement Of Persons, Residence and Establishment // International Organization for Migration, 30.12.2014. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/ecowas_protocol.pdf (data obrashcheniya: 28.10.2025).
 15. Bisong, A. Assessing gender inclusion in the migration policies of ECOWAS // Policy briefing: Women, power & policymaking, 2019. 28 p.
 16. Awumbila, M. et al. Migration country paper (Ghana) // Centre for Migration Studies, University of Ghana, Legon, 2008. 60 p.
 17. Setrana, M.B., Kleist, N. Gendered dynamics in West African migration. In: Teye, J.K. (ed) Migration in West Africa. Springer, 2022. P. 57-76.
 18. Teye, J.K., Awumbila, M., Nikoi, E. Policy contradictions and challenges in the ECOWAS free movement protocol: The Ghanaian case // Migration and Development, 2019. Vol. 8(4). P. 581-599.
 19. Awumbila, M., Teye, J.K., Yaro, J.A. Migration, Mobility and Emerging Urban Centres in Ghana: Implications for Livelihoods, Poverty Reduction and Pro-Poor Policies // Migration Development, 2018. № 7(1). P. 1-21.

The role of the Russian Federation in ensuring the security of Burkina Faso at the present stage.

Wangraoua W. Vanessa Estelle

Postgraduate student; Department of Theory and History of International Relations; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ 31vanessaestelle@rambler.ru

Abstract. This article is dedicated to the analysis of the current stage of foreign policy relations between the Russian Federation and the Republic of Burkina Faso. It examines a range of political, economic, and humanitarian factors that determine the interaction between the two countries in the context of increasing security threats in the Sahel region and the changing global balance of power. Special attention is paid to Russia's role in strengthening Burkina Faso's defense capabilities and ensuring its national and economic security, as well as in diversifying its international alliances following the decline of France's influence. The impact of cooperation in the military, energy, and mining sectors on the country's internal stability and socio-economic development is analyzed. The significance of Russia's humanitarian support aimed at overcoming the food crisis and improving living conditions is emphasized. The study is based on a comprehensive analysis of political, economic, and humanitarian factors, employing systemic and comparative-historical approaches, as well as the analysis of official documents, reports from international organizations, and intergovernmental agreements. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive examination of Russia-Burkina Faso relations in the context of contemporary geopolitical dynamics and in identifying trends in Burkina Faso's foreign policy reorientation towards the East. It is shown for the first time that military cooperation with Russia has become a key element of Burkina Faso's strategy to strengthen national sovereignty, supplemented by the expansion of economic and energy ties. The conclusion is made that interaction between the two countries contributes to strengthening stability in the Sahel, aids in the creation of new jobs, and

fosters infrastructure development, yet simultaneously increases Burkina Faso's dependence on external partners. It is emphasized that Russian-Burkinabé cooperation has the potential for long-term sustainable development, provided there is a balance between national interests and global challenges.

Keywords: Russia, geopolitics of Africa, humanitarian aid, energy independence, economic partnership, military cooperation, security in the Sahel, foreign policy, Burkina Faso, national sovereignty.

References (transliterated)

1. Isaev L.M. Global'naya terroristicheskaya ugroza v Sakhele i istoki terrorizma v Burkina-Faso // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2022. T. 22, № 2. S. 411-421. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-411-421. EDN: EPVXPX.
2. Denisova T., Kostelyanets S. Politicheskii krizis v Burkina-Faso: vnutrennie i vneshnie faktory destabilizatsii // Puti k miru i bezopasnosti. 2023. № 2 (65). S. 73-90. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-73-90. EDN: SSZDVU.
3. Thurston A. Escalating Conflicts in Burkina Faso // RLS Research Papers on Peace and Conflict Studies in West and Central Africa, 2021. 30 p.
4. Kirui P. The resurgence of Russia-Africa military cooperation: Perspectives from Burkina Faso and Niger // Jumuga Journal of Education Oral Studies and Human Sciences (JJEOSHS). 2025. Vol. 8. № 2. P. 1-7.
5. Benkiran R. Études des perceptions des facteurs d'insécurité et d'extrémisme violent dans les régions frontalières du Sahel // Hypothèses. 2025. URL: <https://sahelradical.hypotheses.org/ce-que-disent-800-saheliens-etudes-des-perceptions-des-facteurs-dinsecurite-et-dextremisme-violent-dans-les-regions-frontalieres-du-sahel> (data obrashcheniya: 21.10.2025).
6. Isaev L.M., Shishkina A.R., Liokumovich Ya.B. Rossiiskaya politika sek'yuritizatsii v Afrike: analiz afrikanskikh SMI // Vestnik RUDN. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. № 2. S. 322-338. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-322-338. EDN: DWBKSX.
7. Abramova I. O. Rossiya i Afrika: vyzovy i vozmozhnosti v novykh global'nykh realiyakh // Aziya i Afrika segodnya. 2017. № 12. S. 3-7. EDN: ZTUTHJ.
8. Borishpolets K.P. Strategicheskie interesy Rossii v Afrike // Mezhdunarodnaya analitika. 2019. № 1-2. S. 7-15. EDN: XLFNBZ.
9. Korendyasov E.N. Rossiisko-afrikanskie otnosheniya na novom starte // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. T. 16, № 2. S. 203-214. EDN: WNHGWJ.
10. Issaev L., Korotayev A., Fain E. Impact of the Arab Spring on Terrorist Activity in the Sahel // Ideology and Politics Journal. 2021. Vol. 19, № 3. P. 34-49.
11. Koepf T. The Problems of French-led Peace Operations in Francophone Sub-Saharan Africa // International Peacekeeping. 2012. Vol. 19, No. 3. P. 333-347.
12. Ngcayisa L. What Will Russia's Influence in Africa Mean for the Continent // Conference: Honors Presentation. 2019. P. 1-9.
13. Données sur les comptes nationaux de la Banque mondiale et fichiers de données sur les comptes nationaux de l'OCDE // Groupe Banque mondiale. URL: <https://donnees.banquemondiale.org/indicateur/NY.GDP.MKTP.CD> (data obrashcheniya: 21.10.2025).

14. Burkina Faso : un nouveau permis d'exploitation minière industrielle attribué à NORDGOLD à Niou // Horonya Finance. 24.04.2025. URL: <https://horonyafinance.com/2025/04/24/burkina-faso-un-nouveau-permis-dexploitation-miniére-industrielle-attribue-a-nordgold-a-niou/> (data obrashcheniya: 20.10.2025).
15. Chto izvestno ob otnosheniyakh Rossii i Burkina-Faso // TASS. 05.06.2024. URL: <https://tass.ru/info/20997795> (data obrashcheniya: 20.10.2025).
16. Putin soobshchil, chto Rossiya gotova bezvozmezdno napravit' zerno nuzhdayushchimsya stranam Afriki // TASS. 27.07.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18378119> (data obrashcheniya: 20.10.2025).
17. "Prioritetnoe znachenie pridaem gumanitarnomu sotrudnichestvu": Putin – na vstreche s prezidentom Burkina-Faso // RT. 10.05.2025. URL: <https://russian.rt.com/world/article/1475875-putin-beseda-prezident-burkina-faso-ysclid=mhac1ss3gb783446852> (data obrashcheniya: 20.10.2025).
18. O peredache rossiiskoi gumanitarnoi pomoshchi v Burkina-Faso // MID RF. 23.07.2025. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/bf/2037688/> (data obrashcheniya: 20.10.2025).

Weaponization of migrants: the case of Turkey

Karpukhin Maxim Kirillovich

Postgraduate student; Faculty of Humanities and Social Sciences; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

121351, Russia, Moscow, Kuntsevo district, Ekaterina Budanova str., 8, room 2

✉ svoboda1999@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the weaponization of migration, specifically focusing on Turkey's policy towards the European Union between 2015 and 2020. The research examines how migration flows were used as a tool for political pressure in the international relations between the EU and Turkey. The author delves into institutional and humanitarian mechanisms of migration management, as well as the role of information campaigns and media discourses in shaping public perception of the crisis. Particular attention is given to the 2016 EU-Turkey agreement and the 2020 Greek-Turkish border crisis, analyzing their impact on the decisions of the European Commission and the European Council regarding quota allocation and external border protection. In a comparative context, the study mentions similar practices of migration pressure by Belarus in 2021 and Morocco towards Spain, highlighting the systemic nature of this phenomenon. The research employs systematic, comparative, and case-oriented approaches, alongside methods of content and event analysis. Empirical data includes statistics from Eurostat, UNHCR, Frontex, official statements, parliamentary reports, and materials from international media. The analysis involves stages such as data collection, thematic coding, interpretation, and comparison of EU political reactions. The scientific novelty of the work lies in identifying the mechanism of how migration flows influence the political decision-making process in the EU. It demonstrates that Ankara's threats to open borders correlated with the acceleration of negotiations on financial support for Turkey and the strengthening of Frontex's mandate. Unlike existing studies focusing on the humanitarian component of the crisis, this research considers migration as a controlled instrument of hybrid pressure. The practical significance of the study is in developing recommendations for European and international institutions to enhance independent migration response mechanisms, reduce dependence on third countries, and improve strategic communication in crisis situations.

Keywords: Migration management, Strategic communication, Hybrid pressure, International relations, Border crisis, Political pressure, EU, Turkey, Migration, Weaponization

References (transliterated)

1. Greenhill K. Weapons of Mass Migration: Forced Displacement, Coercion, and Foreign Policy. Ithaca: Cornell University Press, 2010.
2. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998.
3. Carrera S., Lannoo K. EU External Migration Policy and the Neighbourhood. CEPS Essays, 2021.
4. Gromyko A. A. Gibridnye vyzovy i bezopasnost' v sovremennom mire // Kontury global'nykh transformatsii. 2020. T. 13. № 1. S. 32-49.
5. Voinikov V. V. Protivodeistvie instrumentalizatsii migratsii v ES: pravovye i politicheskie tendentsii // Sovremennaya Evropa. 2024. № 3. S. 45-64.
6. Kirişçi K. Turkey and the Refugee Issue: Domestic and International Dimensions. Washington: Brookings Institution, 2018.
7. Kaldor M. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era. Stanford: Stanford University Press, 2012.
8. Eurostat. Migration Statistics. Luxembourg: European Union, 2024.
9. UNHCR. Global Trends: Forced Displacement in 2024. Geneva: United Nations, 2025.
10. European Commission. EU-Turkey Statement, 18 March 2016. Brussels: European Union, 2016.
11. Frontex. Risk Analysis for 2023. Warsaw: European Border and Coast Guard Agency, 2023.
12. Wodak R. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean. London: Sage, 2021.
13. Gromov V. Gibrizatsiya konfliktov i nemilitarnye instrumenty vliyaniya // Sovremennaya Evropa. 2022. № 6. S. 48-59.
14. Liotta P., Shearer A. Security and Environment in the Mediterranean: Conceptualising Security and Environmental Conflicts. Berlin: Springer, 2020.
15. Akgün M., Gündoğar S. The EU-Turkey Deal: Success or Failure? Istanbul: Istanbul Policy Center, 2021.
16. Davutoğlu A. Strategic Depth: Turkey's International Position. Istanbul: Küre Yayınları, 2010.
17. Chavarría A. Migration as a Geopolitical Tool: Comparative Perspectives. Madrid: Real Instituto Elcano, 2023.
18. Gromova N. Migratsionnoe davlenie i evropeiskaya bezopasnost' // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2023. № 5 (80). S. 71-83.
19. Balci A. Turkey's Foreign Policy in an Age of Uncertainty. Istanbul: SETA Publications, 2022.
20. Karabulut A. Securitization of Migration in EU-Turkey Relations // Journal of International Studies. 2021. Vol. 8. No. 2. Pp. 45-60.
21. Korneev O. Russia and the Global Migration Governance Regime // World Economy and International Relations. 2022. Vol. 66. No. 2. Pp. 73-85.
22. Karpukhin M. K. Veaponizatsiya migrantov: keis Belarusi // Al'manakh kazachestva. 2025. № 83. S. 123-128. EDN: TNJXBY

Postcolonial Ethnopolitical Separatism: Conceptual-Discursive Analysis

Camara Sidy

Postgraduate student; Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences; Southern Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Rostov region, 344006

✉ sidicamara1980@yahoo.fr

Abstract. The article is dedicated to the issue of the rise of separatist movements in the world, accompanied by an increase in the level of conflict in relations between ethnic groups in various countries. The focus of the research is on the theoretical and methodological problems of studying separatism in political science. An attempt is made to propose a new theoretical approach to the study of one type of contemporary ethnopolitical separatism characteristic of countries that have freed themselves from colonial dependence. The object of the research is separatism, while the subject of the research is postcolonial ethnopolitical separatism in divided societies. The goal is to develop a concept of postcolonial ethnopolitical separatism. The significance of conceptualizing postcolonial ethnopolitical separatism as a distinct type of separatism is demonstrated. The concept of "postcolonial" is analyzed as a definition within postcolonial studies that critique colonialism and suggest ways to combat it. The theoretical and methodological framework of the study consists of the postcolonial discourse theories of E. Said and H. Baba, along with the theories of divided societies by S. Rokkan, M. Lipset, and A. Lijphart, which help to substantiate the properties of "postcolonial" and "ethnopolitical" that define the uniqueness of this type of separatism in divided societies. The method of research is conceptual-discursive analysis (F. Oppenheim, W. Connolly). The result of the research, which determines its novelty, is the proposed postcolonial concept of ethnopolitical separatism. The conceptual structure and main features of postcolonial ethnopolitical separatism are described, the meaning of the term "postcolonial" in the semantic field of deeply divided societies is explicated, and the discursive forms of its manifestation are outlined. A methodology for applying the concept to the analysis of political practices of separatist movements in countries of the post-colonial historical period is proposed. The developed conceptual model allows for the formulation of certain principles for managing separatist conflicts in divided societies. Conclusions are drawn about the special role of ethnopolitical separatism in the formation of national states in countries that have liberated themselves from colonial dependence. The methods of applying the postcolonial concept of ethnopolitical separatism for studying the possibilities of constructing integration in deeply divided societies and overcoming accompanying conflicts are clarified.

Keywords: ethnopolitical conflicts, conceptual-discursive analysis, post-colonial period, theory of social cleavages, postcolonial discourse theory, postcolonial ethnopolitical separatism, ethnopolitical separatism, separatism, postcolonial concept, neocolonialism

References (transliterated)

1. Gupta D. Separatist movements. The Wiley|Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements. 27 September 2022. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9780470674871.wbespm388.pub2> (data obrashcheniya: 27.10.2025).
2. Oppenheim F. Political Concepts. A Reconstruction. Oxford: Basil Blackwell, 1981. 227 p.

3. Connolly W. The terms of political discourse. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993. 257 p.
4. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya 2004–2017. Separatizm. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3656853-ysclid=mgxn60gmvb184550513 (data obrashcheniya: 27.10.2025).
5. Gorovits D. Irredentizm, separatizm i samoopredelenie // Natsional'naya politika v Rossiiskoi Federatsii: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Lipki, sentyabr' 1992 g.). M.: Nauka, 1993. S. 145-164.
6. Tishkov V.A. Moral'nost' separatizma // Blog V.A. Tishkova. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n61_moralno.html# (data obrashcheniya: 27.10.2025).
7. Etnopolitologiya: Politicheskie funktsii etnichnosti. Uchebnik dlya vuzov. 3-e izd., ispr. i dop. / V.A. Tishkov, Yu.P. Shabaev. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019. 416 s.
8. Baranov A. V. Separatizm v sovremenном mire: politiko-territorial'nyi aspekt // Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. 2005. № 3. S. 107-23. EDN: QASSKH.
9. Nurullin R.M. Ponyatie setsessii v politicheskoi nauke. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. 2010. T. 152. № 1. S. 212-21. EDN: LDFTID.
10. Nurullin R. M. Paradigma konflikta kak metodologicheskaya osnova analiza etnopoliticheskogo separatizma. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. 2009. T. 151. Kn. 1. S. 154-60. EDN: JXOFFD.
11. Kingsbury D. Separatism and the State. London: Routledge, 2021. 260 p. DOI: 10.4324/9780429297113. EDN: SQYRVL.
12. Horowitz D. Patterns of Ethnic Separatism // Comparative Studies in Society and History. 1981. № 23. P. 165-195. DOI: 10.1017/s0010417500013268.
13. Glukhova A.V. Politicheskie konflikty v global'nyu epokhu (K probleme teoreticheskoi identifikatsii) // Politicheskaya nauka. 2020. № 3. S. 13-33. DOI: 10.31249/poln/2020.03.01. EDN: GPHPXW.
14. Stalennaya L. S. Separatizm s tochki zreniya teorii sistem // Vostochno-evropeiskii nauchnyi zhurnal. 2016. № 5. S. 73-78. EDN: XQWXTL.
15. Prokhorenko I.L. Evropeiskaya integratsiya i problema separatizma v gosudarstvakh-chlenakh Evropeiskogo soyuza. M.: IMEMO RAN, 2018. 93 s. DOI: 10.20542/978-5-9535-0521-5. ISBN: 978-5-9535-0521-5. EDN: XWPCEP.
16. Afrika: postkolonial'nyi diskurs: tezisy dokladov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii 25–26 iyunya 2020 g. / otv. red. T. M. Gavristova [YarGU im. P.G. Demidova]; N. E. Khokhol'kova [IAfr RAN]. Yaroslavl': Filigran', 2020. 149 s.
17. Said E. V. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Tekst] / Edvard V. Said ; per. s angl. A. V. Govorunova. Sankt-Peterburg: Russkii mir, 2006. 636 s. ISBN: 5-9900557-1-4. EDN: VWMXID.
18. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. Post-colonial studies: The key concepts. London: Routledge, 2013. 368 p. DOI: 10.4324/9780203449974.
19. Afrika: postkolonial'nyi diskurs. Koll. monografiya. / otv. red. T.M. Gavristova, N.E. Khokhol'kova. M.: Institut Afriki RAN, 2020. 248 s.
20. Mil'to A.V. Postkolonial'nyi diskurs: terminy, obrazy, syuzhety // Afrika: postkolonial'nyi diskurs. M.: IAfr. RAN, 2020. 149 s.
21. Balezin A.S. Nekotorye soobrazheniya o bolevykh tochkakh sovremennoi otechestvennoi istoricheskoi afrikanistiki (priglasenie k diskussii) // Ural'skoe

vostokovedenie. Vyp. 13. 2023. № 13. S. 6-11. DOI: 10.15826/usos.2023.13.1. EDN: BACKSO.

22. Lipset S.-M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction. Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective / Lipset S.-M., Rokkan S. (eds.). New York: Free Press, 1967. P. 1-64.
23. Lijphart A. Consociational democracy // World politics. 1969. Vol. 21. № 2. P. 207-225.
24. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Sotsial'nye razmezhevaniya i politicheskie protivostoyaniya v nauchnom diskurse: kriterii otsenki i klassifikatsii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2021. № 5. S. 56-77. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.07. EDN: DTBRYE.
25. Bondarenko D.M. Formirovanie postkolonial'nykh natsii: teoriya i sovremennye realii // Afrika: postkolonial'nyi diskurs. 2020. S. 29-31. EDN: JJEUXL.
26. Amabiamina F., Njoh Kome F. Les métamorphoses africaines et leurs langages: Une analyse de discours politiques, médiatiques et littéraires contemporains. 2021. 272 p.
27. Amine B. M., Idir M. Études postcoloniales et sciences sociales: pistes d'analyse pour un croisement théorique et épistémologique // Revue Interventions économiques. Papers in Political Economy. 2020. № 64. URL: <https://journals.openedition.org/interventionseconomiques/11042>. DOI: 10.4000/interventionseconomiques.11042 (data obrashcheniya: 20.10.2025).
28. Confavreux J. Decolonial anxieties in a postcolonial world: an interview with Achille Mbembe // Postcolonial Studies. 2022. Vol. 25. № 1. P. 128-135. DOI: 10.1080/13688790.2022.2050587. EDN: QEVQKP.
29. Mbembe A. On the Postcolony. University of California Press, 2001. 274 p.
30. Fraiture P.-P. Past Imperfect: Time and African Decolonization 1945–1960. Liverpool: Liverpool University Press, 2021. 320 p.
31. O'Flynn I. Democratic Theory and Practice in Deeply Divided Societies // Representation. 2010. Vol. 46. № 3. P. 281-293. URL: <https://doi.org/10.1080/00344893.2010.499696>.
32. Medvedev N.P., Kamara S. Problema separatistskikh tendentsii v Afrike: Natsional'no-Osvoboditel'noe Dvizhenie AZAVADA (MNLA) // Evraziiskii Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnoshenii. 2018. № 1 (23). S. 17-24. EDN: XOSOIX.

International cooperation of BRICS countries in the field of climate adaptation in agriculture

Zhang Zhan

Graduate student; Faculty of International Relations; St. Petersburg State University

3 Smolny ave., Saint Petersburg, 191124, Russia

✉ 1213622412@qq.com

Abstract. Climate change has a profound impact on agricultural systems, creating new challenges for food security and farmers' livelihoods. As developing countries, BRICS play an important role in climate adaptation in agriculture and international cooperation. This article first analyzes the numerous consequences of climate change for agricultural production, including rising temperatures, uneven precipitation, extreme weather events, and socio-economic risks, as well as highlighting the vulnerability of the five countries in terms of water

resources, reliance on monsoons, permafrost degradation, deforestation, and drought. Subsequently, practices and paths of agro-climatic adaptation are summarized based on three aspects: the adoption of adaptive technologies by farmers, low-carbon transformation of agriculture, and climate-smart agriculture (CSA). Using literature analysis, comparative analysis, case studies, and policy analysis, a systematic summary and assessment of the current state, challenges, and prospects of BRICS countries' international cooperation in adapting agriculture to climate change are conducted. Research has shown that the adoption of adaptive technologies by farmers can significantly increase their incomes, especially for low-income groups, while low-carbon strategies and CSA provide a pathway for system transformation. The article further discusses the development and challenges of the BRICS agricultural cooperation mechanism and emphasizes the importance of trade coordination and South-South cooperation. Finally, the role of BRICS countries in international cooperation is analyzed, including political commitments, technology transfer, financial support, and food security governance. The study found that by creating transnational knowledge platforms and risk-sharing mechanisms, BRICS countries can play a more significant role in global agro-climatic adaptation. At the same time, in the management of global food security, BRICS countries should continue to act as key exporting nations and promote a more stable and equitable international food trade order. Overall, it is expected that through deepening cooperation and innovative mechanisms, BRICS countries will have a greater impact on agro-climatic adaptation and global governance.

Keywords: farmers' behavior, food security, technology adoption, South-South cooperation, low-carbon development, international cooperation, climate-smart agriculture, agricultural adaptation, climate change, BRICS countries

References (transliterated)

1. Syui I., Chzhao M., Li K., Chzhao Yu., Van Ch. Obzor i perspektivy progressa v issledovaniyakh adaptatsii sel'skogo khozyaistva k izmeneniyu klimata [J]. Kitaiskii zhurnal ekologicheskogo sel'skogo khozyaistva (kitaiskii i angliiskii yazyki), 2023, t. 31, № 8, s. 1155-1170.
2. Tyan' Kh. Prioritetnye oblasti i varianty politiki sotrudnichestva v oblasti ustoichivogo razvitiya mezhdunarodnykh stranami BRIKS [J]. Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo, 2017, № 8, s. 17-25.
3. Ren Yu., Tun Yu., Don B., Li Ch. Progress i perspektivy mekhanizma sel'skokhozyaistvennogo sotrudnichestva stran BRIKS [J]. Vestnik sel'skokhozyaistvennoi nauki i tekhnologii Kitaya, 2021, t. 23, № 10, s. 1-9.
4. Sandrin P., Amigo S., Oliveira A. B. i dr. Klimaticheskie ambitsii stran BRIKS [R]. Politicheskii tsentr BRIKS, 2024, s. 1-40.
5. Mao Kh., Fu Yu., Pen P., Yu Ch. Ts. Povedenie fermerov po vnedreniyu tekhnologii nepriyatiya riska i adaptatsii k izmeneniyu klimata: empiricheskii analiz, osnovannyy na dannykh fermerov, vyrashchivayushchikh khlopok v Sin'tszyane [J]. Kitaiskaya sel'skaya strazha, 2022, № 1, s. 126-137.
6. Li S., Khan S., Lyan Kh. Vliyanie vnedreniya tekhnologii adaptatsii k izmeneniyu klimata na sel'skokhozyaistvennyi dokhod fermerov [J]. Progress v issledovaniyakh v oblasti izmeneniya klimata, 2024, t. 20, № 2, s. 193-204.
7. Chzhen Yu., Yui F. Nizkouglerodnoe razvitie sel'skogo khozyaistva v kontekste izmeneniya klimata: mezhdunarodnyi opyt i kitaiskaya strategiya [J]. Kitaiskii zhurnal ekologicheskogo sel'skogo khozyaistva (kitaiskii i angliiskii yazyki), 2024, t. 32, № 2, s. 183-195.

8. Syui Yu., Chen' S., Lu S., Pan Yu., Khuan S. Ratsional'noe s tochki zreniya klimata sel'skoe khozyaistvo v ramkakh Tselei ustoichivogo razvitiya: kontseptual'nyi analiz, osnovnye problemy i prakticheskie posledstviya dlya Kitaya [J]. Geograficheskie issledovaniya, 2023, t. 42, № 8, s. 2018–2035.
9. Glauben T., Duric I. BRIKS: mirovoi tyazheloves v trgovle sel'skokhozyaistvennoi produktsiei [J]. Mezhekonomicheskie svyazi, 2024, t. 59, № 3, s. 160-166.
10. Syui Ch., Gao R. Sravnenie modelei sel'skokhozyaistvennogo sotrudnichestva mezhdu Indiei, Braziliie i Afrikoi i ego posledstviya dlya Kitaya [J]. Mirovoe sel'skoe khozyaistvo, 2023, № 11, s. 45-52.
11. Polzikov D.A. Osnovnye napravleniya politik adaptatsii sel'skogo khozyaistva Rossii k klimaticheskim izmeneniyam. Problemy prognozirovaniya, 2023, № 6, s. 119-137. DOI: 10.47711/0868-6351-201-119-137. EDN: BIZBHC.
12. Yakovleva E.N., Kryukova I.V. Klimaticheskaya bezopasnost' agrarnogo sektora: ugrozy i problemy adaptatsii. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika, 2022, № 60, s. 22-35. DOI: 10.17223/19988648/60/2. EDN: JCXXUT.

The South China Sea and US-China rivalry as interconnected factors of Chinese diplomacy towards ASEAN

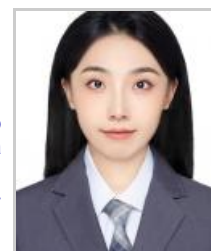
Zhao Wenyu

PhD in Politics

Postgraduate Student; Department of Comparative Political Science; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Bogdanova street, 48k1, entrance 2, apartment 74

✉ 1042235160@pfur.ru

Abstract. The subject of the research is the analysis of China's diplomatic strategy towards the countries of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in the context of two interrelated foreign policy factors: the territorial dispute in the South China Sea and the strategic rivalry between the People's Republic of China (PRC) and the United States of America. Special attention is given to how these factors not only influence China's foreign policy but also shape its substantive and tactical features. The study covers issues of security, regional integration, political pressure, and China's diplomatic initiatives in the region, as well as analyzes the responses of ASEAN countries to the Chinese strategy. The relevance of the topic is determined by the fact that Southeast Asia is becoming a theater for large-scale geopolitical transformations, and China's diplomatic approaches to interaction with ASEAN are gaining significant importance for the future of the entire Asia-Pacific security architecture. Thus, the work aims to identify mechanisms of political influence, configurations of partnership, and diplomatic balances in the context of increasing turbulence. The research is based on the application of a systematic approach and the method of comparative analysis, including the study of official documents, scientific publications, and analytical reports in Russian, English, and Chinese. The scientific novelty of the article lies in the comprehensive approach to analyzing China's diplomatic strategy, viewed through the prism of the simultaneous action of two key factors – the territorial conflict in the South China Sea and strategic rivalry with the United States. Unlike several existing studies, this work emphasizes the mutual reinforcement of these factors and their cumulative impact on the formation of China's dual diplomacy – a combination of assertively defending national sovereignty and striving to maintain stable relations with ASEAN. The timeliness of the topic adds additional significance, as issues of stability and security in the Asia-Pacific region are priorities on the

international agenda. Among the main conclusions, it is emphasized that China is implementing an adaptive strategy, simultaneously strengthening its military and political presence in the region while initiating confidence-building measures and cooperation with ASEAN. The work highlights the need for a balance between national interests and the building of robust partnerships, which allows for a reduction in the risks of isolation and international confrontation.

Keywords: national interests, regional security, international relations, territorial dispute, diplomatic strategy, external factor, South China Sea, ASEAN, China, bilateral relations

References (transliterated)

1. Vinogradov I. S. Strategiya Kitaya v Yuzhno-Kitaiskom more: militarizatsiya i otstaivanie istoricheskikh prav // Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'. 2025. № 30. S. 226-244. DOI: <https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.33.72.015> EDN: BBPQGT.
2. Triki, Abdussalam G. A. Understanding the South China Sea Crisis: State Claims, International Interventions, and Implications. Asia & the Pacific Policy Studies, Nov 2025.
3. Ge Hongliang. Nanhai anquan quyu jian zhili moshi tanxi [Analysis of Regional Governance Models of Security in the South China Sea] // Guoji Anquan Yanjiu (Journal of International Security Studies). 2016. No. 2: 26. DOI: 10.14093/j.cnki.cn10-1132/d.2016.02.004.
4. Lyu Lin'.中国与东盟国家南海危机管控探析 [Kitaiskaya strategiya upravleniya morskimi intsidentami v YuKM] // Yuzhnoaziatskii region i global'naya bezopasnost'. 2025. № 2. S. 63-72.
5. Lokshin G. M. Yuzhno-Kitaiskoe more: poisk soglasiya prodolzhaetsya: izbrannye trudy. M.: IKSA RAN, 2024. 271 s. EDN: WFGLE.
6. Ayesh S., Askari M. U. China-ASEAN Approaches towards the South China Sea Disputes // Journal of Social Sciences Review. 2025. Vol. 5. No. 1. P. 150-162. DOI: 10.62843/jssr.v5i1.481 EDN: PLRNOL.
7. Dontsov A. S. Vliyanie vneshnei politiki SShA na sotrudnichestvo mezhd KNR i ASEAN // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2023. № 7. DOI: 10.24412/0869-8120-2023-7-135-137 EDN: VQKLBA.
8. Korolev A. S., Apasova A. M. ASEAN kak zona stolknoveniya interesov SShA i Kitaya // Aziya i Afrika segodnya. 2020. № 8. S. 13-19. DOI: 10.31857/S032150750010445-1. EDN: WNBIDU.
9. Lokshin G. M. Sotrudnichestvo ASEAN-Kitai: klyuch k miru v YuVA // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. T. 64. № 6. S. 142-150. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-142-150 EDN: JYILCE.
10. Mosyakov D. V. Razvorot politiki Filippin v 2023 g.: ot poiska kompromissov s Kitaem do eskalatsii napryazhennosti i voennogo protivostoyaniya v Indo-Tikhookeanskom regione // Vostochnaya analitika. 2024. T. 15. № 1. S. 208-233. DOI: 10.31696/2227-5568-2024-01-208-233. EDN: AJBNEW.
11. Van Chen', Chen' Ipin. 中美战略竞争下东盟国家对华对冲战略的策略选择 [Politika balansirovaniya stran ASEAN v usloviyakh amerikano-kitaiskogo sopernichestva] // 东南亚研究. 2025. № 3. S. 141-150.
12. Kikot' I. N. Vliyanie Kitaya na strany ASEAN: ekonomicheskie i politicheskie aspekty vzaimodeistviya // Molodoi uchenyi. 2024. № 44(543). S. 230-233. URL:

<https://moluch.ru/archive/543/118759/> EDN: DGCAGL.

13. Petrasyak M. Interesy Kitaya i strategiya vneshnei politiki v otnosheniyakh s ASEAN // Problemy Dal'nego Vostoka. 2014. № 1. S. 37-49. EDN: RZJQYX.
14. Kikot' I. N. Vliyanie Kitaya na strany ASEAN: ekonomicheskie i politicheskie aspekty vzaimodeystviya // Molodoi uchenyi. 2024. № 44(543). S. 230-233. URL: <https://moluch.ru/archive/543/118759/> EDN: DGCAGL.
15. Kikot' I. N. Vliyanie Kitaya na strany ASEAN: ekonomicheskie i politicheskie aspekty vzaimodeystviya // Molodoi uchenyi. 2024. № 44(543). S. 230-233. EDN: DGCAGL.
16. Ayesh S., Askari M. U. China-ASEAN Approaches towards the South China Sea Disputes // Journal of Social Sciences Review. 2025. Vol. 5. No. 1. P. 150-162. DOI: 10.62843/jssr.v5i1.481 EDN: PLRNOL.
17. Sheludyakov I.F. Geostrategiya SShA v Aziatsko-Tikhookeanskom regione // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2020. № 12-1. URL: 10.24411/2500-1000-2020-11601 DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11601 EDN: BPLLRW.
18. Shugurov M. V. EAES i ASEAN: voprosy formirovaniya mezhdunarodno-pravovogo mekhanizma sotrudnichestva v sfere nauki i tekhnologii // Vestnik SGYuA. 2023. № 4 (153). URL: 10.24412/2227-7315-2023-4-59-69.
19. Shchepetnova A.P., Tarasova A.G. Rol' ASEAN v usloviyakh mnogopolyarnogo mira // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2023. № 10-4 (85).
20. Tsygankov P.A. Vneshnyaya politika gosudarstva: osobennosti, protsess i faktory, vliyayushchie na prinyatie reshenii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2022. № 2. S. 7-30. EDN: PHPXPI.

Political and Practical Aspects of International Cooperation between China and the South Caucasus in the Field of Renewable Energy (2012–2025)

Xue Wenjing

Postgraduate Student; Department of Theory and History of International Relations; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Office no. 6, Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ xwjvera@163.com

Abstract. This paper examines the political and legal framework and practices of interaction between China and the South Caucasus states (Armenia, Azerbaijan and Georgia) in the field of renewable energy sources (RES) for the period 2012–2025. Within the framework of the Belt and Road Initiative, China is actively developing international cooperation, strengthening ties with the countries of the South Caucasus - Armenia, Azerbaijan and Georgia. These countries also face similar challenges in the energy sector, which requires a transition to energy consumption based on the expansion of the use of renewable energy sources. The study examines the evolution of the political and legal frameworks of China and the South Caucasus countries in the renewable energy sector, including national strategies, national legislation, as well as five-year, medium- and long-term plans for energy development, and outlines practical projects for cooperation between China and the countries of the South Caucasus. Systematizing China's documents in the field of renewable energy, the author concludes that within the framework of the renewable energy development policy, the legal framework was gradually improved in accordance with national strategic guidelines, which led to the formation

of the "1+N" political structure. On the basis of this framework, action plans aimed at ensuring the implementation of the policy have been consistently implemented. Within the framework of the Belt and Road Initiative, China's bilateral relations with the countries of the South Caucasus are strengthening, and their cooperation in the field of renewable energy demonstrates a differentiated approach due to the country's national specifics. Cooperation between China and Armenia is aimed at the implementation of representative projects with a technological demonstration effect, in which the success of an individual project becomes an incentive for further cooperation. Cooperation between China and Azerbaijan in the field of renewable energy is characterized by the greatest systematic, based on the implementation of large-scale wind and solar projects, as well as on the localization of the production of electric vehicles. Georgia and China are focused on hydropower projects, while Georgia, using its geographical location in the Trans-Caspian International Transport Corridor, is strengthening cooperation in the field of renewable energy sources.

Keywords: International cooperation, Belt and Road, energy strategy, political and legal grounds, Georgia, Azerbaijan, Armenia, China, renewable energy sources, differentiated approach

References (transliterated)

1. 逐绿向新 “十四五”时期能源转型“加速跑”. 17.10.2025. National Energy Administration (国家能源局). URL: <https://www.nea.gov.cn/20251017/293d07cfb51f483eab7e7ab0b279b343/c.html> (Data obrashcheniya: 22.10.2025).
2. Vystuplenie Predsedatelya Kitaiskoi Narodnoi Respubliki Si Tszin'pina v khode obshchei diskussii na 75-i sessii GA OON. 22.09.2020. Ministerstvo inostrannykh del KNR. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/202009/t20200922_857957.html (Data obrashcheniya: 23.10.2025).
3. Politicheskoe byuro Tsentral'nogo komiteta Kommunisticheskoi partii Kitaya provelo dvenadtsatoe kollektivnoe zasedanie, posvyashchennoe novym energeticheskim tekhnologiyam i energeticheskoi bezopasnosti Kitaya. (中共中央政治局就新能源技术与我国的能源安全进行第十二次集体学习). 29.02.2024. CRI Online. URL: <https://news.cri.cn/2024-03-01/e3b1e904-e1ca-5510-7337-43c2d86422c5.html> (Data obrashcheniya: 22.10.2025).
4. Energetika v Respublike Armeniya. 2019. Ministerstvo energetiki i prirodnkh resursov Respubliki Armeniya. URL: <https://sng-atom.com/files/news/files/109/195/89bfde35efb1c2978efd8d786fca9cbc.pdf> (Data obrashcheniya: 22.10.2025).
5. Guan Yuhong, Gao Guowei. Research on Production Capacity Cooperation between China and Armenia under the Belt and Road Initiative // Journal of International and Regional Studies. 2020. № 5(04). S. 11-35. (管玉红, 高国伟. “一带一路”倡议下中国--亚美尼亚产能合作研究 // 国别和区域研究. 2020. № 5 (04). S. 11-35).
6. Zhang Xiaotao, Meng Sicheng. Energy Cooperation Between China and Armenia Under the Belt and Road Initiative // Overseas Investment & Export Credits. 2019. № 2. S. 11-14. (张晓涛, 蒙思丞. “一带一路”倡议下的中国与亚美尼亚能源合作 // 海外投资与出口信贷. 2019. № 2. S. 11-14).
7. Energeticheskaya bezopasnost' Armenii v kontekste Soglasheniya s ES. 02.12.2018. Lazarevskii Klub. URL: <https://lazarevsky.club/analitika/energeticheskaya-bezopasnost-armenii-v-kontekste-soglasheniya-s-yes/> (Data obrashcheniya: 22.10.2025).

8. Vage Odabashyan, Susanna Khachatryan. Vozobnovlyaemaya energetika v Respublike Armeniya // 21-i vek. 2007. № 2 (6).
9. Vasil'kova S. V. O regulirovanii i praktike stroitel'stva energeticheskikh ob'ektov inostrannymi kompaniyami v Armenii // VEPS. 2024. № 4. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-148-157 EDN: RATSGA.
10. Ismailly I. Sh. Zavisimost' ekonomiki Azerbaidzhana ot tsen na neft' i ot ee eksporta // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2023. № 4-1 (98).
11. Obzor energeticheskoi politiki i investitsionnykh vozmozhnostei v Gruzii. Ministerstvo ekonomiki i ustoichivogo razvitiya Gruzii. URL: <https://secca.eu/wp-content/uploads/2023/11/Presentation-of-EE-RE-and-SD-Department-RU.pdf> (Data obrashcheniya: 26.10.2025).
12. V Gruzii uprostili protsedury investirovaniya v vozobnovlyaemye istochniki energii. 02.09.2024. SPUTNIK. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20240902/v-gruzii-uprostili-protsedury-investirovaniya-v-vozobnovlyaemye-istochniki-energii-289694402.html-yclid=mhdu1c8s8c987054657> (Data obrashcheniya: 26.10.2025).
13. Mokretskii Aleksandr Cheslavovich. Strany Zakavkaz'ya v kitaiskoi strategii "Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti" // Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'. 2016. № 21.
14. "Masrik-1"-krupneishii proekt kitaiskogo giganta v Armenii. 25.04.2025. Armenpress. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1218186> (Data obrashcheniya: 23.10.2025).
15. Si Tszin'pin vstretilsya s prezidentom Azerbaidzhana Il'khamom Alievym. 04.07.2024. Ministerstvo inostrannykh del Kitaiskoi Narodnoi Respubliki. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202407/t20240705_11448682.html (Data obrashcheniya: 23.10.2025).
16. Vstuplenie v "goluboi okean" fotoelektricheskoi energetiki v pustyne: krupneishaya v Azerbaidzhane fotoelektricheskaya elektrostantsiya, nakhodyashchayasya v stadii stroitel'stva, pristupaet k poetapnomu podklyucheniyu k seti i vyrabotke elektroenergii (走进荒漠里的“光伏蓝海”--阿塞拜疆在建最大光伏电站开始分批并网发电). 11.20.2023. URL: <http://vod.sasac.gov.cn/folder21/folder24/2023-11-20/jLu94FdUcQFqYYj8.html> (Data obrashcheniya: 23.10.2025).
17. Elektrobusy v Azerbaidzhane: podpisany dokumenty o sotrudnichestve s kompaniei BYD. 02.07.2024. URL: <https://caliber.az/post/elektrobusy-v-azerbajdzhan-podpisany-dokumenty-o-sotrudnichestve-s-kompaniej-byd> (Data obrashcheniya: 23.10.2025).
18. Podpisannye mezhdru Azerbaidzhanom i kitaiskimi kompaniyami dokumenty predusmatrivayut proizvodstvo 2,4 GVt zelenoi energii. 23.04.2025. Azerbaidzhanskoe Gosudarstvennoe Informatsionnoe Agentstvo. URL: https://azertag.az/ru/xeber/podpisannye_mezhdru_azerbaidzhanom_i_kitaiskimi_kompaniyami_dokumenty_predusmatrivayut_proizvodstvo_24_gvt_zelenoi_energii-3518915 (Data obrashcheniya: 23.10.2025).
19. China Power Engineering International Co., Ltd. podpisala kontrakt EPC na realizatsiyu proekta po stroitel'stvu fotoelektricheskoi stantsii moshchnost'yu 131 MVt v Rustavi (中电工程国际公司签约格鲁吉亚Rustavi 131MW 光伏项目EPC TS). 15.11.2024. China International Contractors Association. URL: <https://www.chinca.org/sjtcoc/info/24111514525011> (Data obrashcheniya: 26.10.2025).
20. Kompanii Hunan Construction Investment Water Resources Co., Ltd. i Zhongxiang Overseas Co., Ltd. podpisali kontrakt na realizatsiyu proekta po stroitel'stvu vetrovoi elektrostantsii v Gruzii (湖南建投水利携手中湘海外签约格鲁吉亚风电项目). 11.07.2025. China Electrical Equipment Industry Association. URL:

<https://www.ceeia.com/HYZL/d/202507/b238603f05f84ed387097ebd0a22d149.html>
(Data obrashcheniya: 26.10.2025).

Latin American "soft power" in action: Brazil and Chile as pillars of UNASUR (2004–2017)

Madris Rito Selene Andreina

Postgraduate student, Department of Theory and History of International Relations; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

14 Aerostatnaya str., room 2, Vnukovo district, Moscow, 108809, Russia

✉ celenea.10@gmail.com

Abstract. The article examines Latin American "soft power" in Haiti during the period of the United Nations Stabilization Mission in Haiti (MINUSTAH) from 2004 to 2017, as a combination of political-diplomatic, humanitarian, policing, and infrastructural practices through which Brazil and Chile served as the main regional pillars of the mission while simultaneously shaping their own models of international influence in the South-South cooperation space. The analysis focuses on the forms of this influence, their institutional connection to the MINUSTAH mandate, and their impact on the legitimization of the mission within Haitian society and the international community. The scientific novelty lies in reconstructing MINUSTAH as an institutional platform where the "soft power" of Brazil and Chile developed not parallel to peacekeeping but within it, relying on military-police and civilian components of the mission. It is shown that Brazil used its status as the leading country in the military component to expand its diplomatic authority and cooperation projects, while Chile established its position through engineering-humanitarian functions and local infrastructural support. The conclusion is drawn that Latin American leadership in MINUSTAH set a specific regional profile for the mission, blending security tasks and practices of international legitimization; however, the limits of "soft power" became evident in trust crises after 2010 and in the ambiguous perception of the mission by Haitian society. The study employed document analysis, quantitative methods, statistical analysis, and comparative studies of the obtained data. The research allows the conclusion that Latin American leadership in MINUSTAH established a specific regional profile for the mission, intertwining security objectives and practices of international legitimization. The "soft power" of Brazil and Chile was institutionally embedded in peacekeeping procedures and developed through them rather than parallel to them. The completion of MINUSTAH and the transition to a subsequent justice support mission confirmed the continuity of this connection, maintaining channels of external influence in less militarized forms. Thus, the Haitian experience demonstrates that in long-term stabilization operations, the coercive and "soft" dimensions of peacekeeping are mutually determined, and the sustainability of external influence is defined not only by resources but also by the level of trust of the host society.

Keywords: public diplomacy, ONU, peacekeeping, soft power, Chile, Brazil, MINUSTAH, Haiti, civilian security, Latin America

References (transliterated)

1. Balanyk A.Ya. Neklassicheskie poslantsy mira OON v piarizatsii mezhdunarodnykh otnoshenii // Vestnik mezhdunarodnykh otnoshenii. 2016. № 4. S. 113-117.
2. Baluev D.G. Vvedenie v politicheskii analiz. Nizhnii Novgorod : INGU, 2000. 556 s.
3. Val'des Kh. MOONSG i vosstanovlenie gaityanskogo gosudarstva. Mezhdunarodnye

- issledovaniya, 2008. T. 159. S. 129-142. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.revistaei.uchile.cl/index.php/REI/stat'ya/fail_prosmotra/13924/14215 (data obrashcheniya: 07.12.2024).
4. Gonsales Rainerio Z. Gaiti v epokhu Zhana-Bertrana Aristida // *Romanskie issledovaniya*. 2016. № 32. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://journals.openedition.org/etudesromanes/5186> (data obrashcheniya: 07.12.2024).
 5. Doklad General'nogo sekretarya o Missii Organizatsii Ob''edinennykh Natsii po stabilizatsii v Gaiti, 23 iyunya 2005 goda. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.un.org/es/S/2005/411> (data obrashcheniya: 07.12.2024).
 6. Kaldor M. Vlast' i prinuzhdenie: grazhdanskaya bezopasnost' v globalizirovannom mire. Izdatel'stvo "Tuskets Publishers", 2010.
 7. Mel'kin A.S. Mezhdunarodno-pravovye problemy mirostroitel'stva OON v postkonfliktnykh gosudarstvakh. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013. S. 19. EDN: SUZTQL.
 8. Missiya Organizatsii Ob''edinennykh Natsii po podderzhke sektora pravosudiya v Gaiti: MOONPPG – faktologicheskii byulleten'. URL: www.peacekeeping.un.org/ru/mission/minujsth (data obrashcheniya: 07.12.2024).
 9. Missiya Organizatsii Ob''edinennykh Natsii po stabilizatsii v Gaiti (MOONSG) – faktologicheskii byulleten'. URL: www.peacekeeping.un.org/ru/mission/minustah (data obrashcheniya: 07.12.2024).
 10. Missiya Organizatsii Ob''edinennykh Natsii po stabilizatsii v Gaiti: spravoch'naya informatsiya // Ofitsial'nyi sait OON. URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/minustah/background.shtml> (data obrashcheniya: 07.12.2024).
 11. Promezhutochnyi doklad General'nogo sekretarya o Missii Organizatsii Ob''edinennykh Natsii po stabilizatsii v Gaiti, 30 avgusta 2004 goda. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.un.org/es/S/2004/698> (data obrashcheniya: 30.08.2004).
 12. Rezolyutsiya 1529 (2004). URL: www.docs.cntd.ru/document/902134480?ysclid=m4leqss2li504894356 (data obrashcheniya: 07.12.2024).
 13. Rezolyutsiya 1542 (2004) [ob uchrezhdenii Missii Organizatsii Ob''edinennykh Natsii po stabilizatsii v Gaiti (MOONSG)]. URL: www.refworld.org/ru/legal/resolution/unsc/2004/ru/60469 (data obrashcheniya: 07.12.2024).
 14. Rezolyutsiya 1908 (2010), prinyataya Sovetom Bezopasnosti na ego 6261-m zasedanii 19 yanvarya 2010 goda. URL: www.refworld.org/ru/legal/resolution/unsc/2010/ru/71721 (data obrashcheniya: 07.12.2024).
 15. Rezolyutsiya 1944 (2010), prinyataya Sovetom Bezopasnosti na ego 6399-m zasedanii 14 oktyabrya 2010 goda. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1944%20\(2010\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1944%20(2010)) (data obrashcheniya: 14.10.2023).
 16. Serrano Kabal'ero E. Operatsii po podderzhaniyu mira na Gaiti (1991–2005) // *Problemy redaktsii*. № 16. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://revistas.urosario.edu.co/index.php/desafios/article/view/603/522> (data obrashcheniya: iyun' 2007 g.).
 17. Tishkov S.A. Deyatel'nost' mnogokomponentnykh mirotvorcheskikh missii OON: sovremennaya paradigma, imperativy sovershenstvovaniya. Diss. ... kand. polit. nauk. Orel, 2011. 222 s. EDN: QFHMLN.
 18. Tishkov S.A. Opyt i uroki missii OON po stabilizatsii v Gaiti (MOONSG) po

sokrashcheniyu nasiliya i prestupnosti v protsesse formirovaniya osnov postkonfliktnogo vosstanovleniya // Nauchnye vedomosti: seriya istoriya i politologiya. 2017. № 15 (264). S. 175-182.

19. Tripodi P. Zhurnal Vooruzhennye sily i obshchestvo. 2005. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.resdal.org/haiti/art-tripodi.pdf> (data obrashcheniya: 06.12.2023).
20. EKLAK, Rendol'f Gilbert. Gaiti: ekonomicheskaya i sotsial'naya istoriya. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/ca60c347-03c7-4e29-be5b-0207f186227d/content> (data obrashcheniya: 07.12.2024).
21. Malacalza B. Participants and Agenda of Latin American South-South Cooperation in Haiti // In: T. Ojeda, E. Echart (Eds.). South-South Cooperation in Latin America and the Caribbean. CLACSO, 2019. P. 129-141.
22. Varrey E. United Nations peacekeeping missions in Haiti (1993–2019). In Statu Nascendi, 2021. T. 3.
23. Zaharna R.S. Information and Relational Communication Frameworks. In: Routledge handbook of public diplomacy / Ed. by Snow N., Taylor P. Taylor & Francis, 2009.

Assessment of the impact of environmental factors on the development of heavy industry in the Russian Federation

Ryzhov Ivan Gennad'evich

Independent researcher

117216, Russia, Moscow, Severnoye Butovo district, Dmitry Donskoy house, 11 K. 1

✉ fil-3d.91@mail.ru

Abstract. This article focuses on assessing the impact of the environmental factor on the development of heavy industry sectors in the Russian Federation in the context of the current sustainable development agenda and external economic constraints. It examines the contradictions between the goal of accelerated industrial growth, the need to ensure technological and budgetary sovereignty, and the requirement to reduce anthropogenic impact. The analysis covers manufacturing and mining industries, their contribution to the economy and budget, and the key environmental effects of industrial expansion. It also examines the regulatory framework for environmental policy, the dynamics of environmental and climate protection costs, the role of ESG approaches (sustainable development principles), and innovation. The study reveals systemic relationships between industrial indices, environmental costs, and strategic goals for sustainable development. The study uses structural-dynamic and comparative analysis of official statistics (Rosstat), legal and institutional analysis of environmental policy, and content analysis of scientific sources on ESG and innovation to interpret causal relationships and assess trends. The scientific novelty lies in the comprehensive linking of the dynamics of heavy industry indices with the budgetary dependence on resource revenues and the trajectory of environmental costs, including the climate agenda and R&D. It is shown that the growth of output is accompanied by a faster increase in current environmental protection costs, while the funding for environmental R&D is decreasing, which limits the potential for technological cost reduction. The "sustainability gap" has been identified: the expansion of production without adequate innovation support increases the environmental and fiscal burden on environmental measures. The paper concludes that it is advisable to shift the focus to investments in environmental R&D, the modernization of wastewater treatment facilities and best available technologies, ESG

standards and principles, and the alignment of development programs with environmental targets and performance metrics.

Keywords: government, economy, environment, production, modernization, development, sustainability, ecology, industry, politology

References (transliterated)

1. Afanas'ev, A. A. Promyshlennaya politika Rossii po dostizheniyu tekhnologicheskogo suvereniteta: teoretiko-metodologicheskie osnovy i prakticheskie aspekty. – M.: Pervoe ekonomicheskoe izdatel'stvo, 2023. – 204 s. DOI: 10.18334/9785912924644 EDN: CYTKCM.
2. Ataeva, A. G., Ataev, D. M. Metodologicheskii podkhod k formirovaniyu promyshlennoi politiki regiona // ArsAdministrandi (Iskusstvo upravleniya). 2023. – T. 15. – № 1. – S. 153-173. DOI: 10.17072/2218-9173-2023-1-153-173 EDN: UKNBJR.
3. Petrova, E. S. Korporativnoe upravlenie v sisteme ESG // Innovatsii i investitsii. – 2022. – № 7. – S. 48-52. EDN: TLUATP.
4. Pashkus, V. Yu., Zyuzina, L. A. Sovremennaya promyshlennaya politika: priority razvitiya regional'noi innovatsionnoi sistemy i problemy importozameshcheniya // Marketing MBA. Marketingovoe upravlenie predpriyatiem. – 2019. – T. 10. – № 2. – S. 76-107. EDN: AFZWTF.
5. Khalin, V. G., Chernova, G. V. Tsifrovizatsiya i ee vliyanie na rossiiskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2022. – № 10. – S. 14-22.
6. Edilyan, E. T. "Zelenaya" promyshlennaya politika: institutsionalizatsiya, mirovoi opyt, osobennosti realizatsii v Rossii // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. – 2019. – № 2. – S. 180-185.
7. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki Rossiiskoi Federatsii. URL: <https://rosstat.gov.ru>.
8. Mekhanizm dostizheniya tselei ustoichivogo razvitiya v Rossii: problemy i puti ikh resheniya // Nauchnyi zhurnal "Fundamental'nye issledovaniya". 02.04.2021. URL: <https://fundamental-research.ru/article/view-id=42973>.
9. Novaya real'nost' ESG: vozmozhnosti i rossiiskaya strategiya v 2025 godu // EcoStandart.journal. 10.06.2025. URL: <https://journal.ecostandard.ru/esg/ustoychivoerazvitie/novaya-realnost-esg-vozmozhnosti-i-rossiyskaya-strategiya-v-2025-godu/?ysclid=mg4ong8sh0810652816>.
10. Prodvizhenie Rossii po puti ustoichivogo razvitiya // ISIEZ NIU VShE. 2025. URL: <https://issek.hse.ru/news/1043155168.html>.
11. Sem' sostavlyayushchikh ustoichivogo razvitiya v Rossii segodnya // Roskongress. 21.07.2025. URL: <https://roscongress.org/materials/sem-sostavlyayushchikh-ustoychivogo-razvitiya-v-rossii-segodnya/?ysclid=mg4oucc97t93363429>.
12. Tseli ustoichivogo razvitiya OON i Rossiya. URL: <https://roscongress.org/materials/tseli-ustoychivogo-razvitiya-oon-i-rossiya/?ysclid=mg4p4e5g6d385334240>.
13. The history of ESG: A journey towards sustainable investing // IBM. 2023. URL: <https://www.ibm.com/think/topics/environmental-social-and-governance-history>.
14. UNIDO. Industrial Development Report 2022: The Future of Industrialization in a Post-Pandemic World // Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2022.

URL: <https://www.unido.org>.

15. OECD. Green Growth in the Industrial Sectors: A Review of Trends and Policies // Paris: OECD Publishing, 2015. URL: <https://www.oecd.org/environment/green-growth-in-the-industrial-sectors-9789264236813-en.htm>.
16. IEA. Energy Technology Perspectives 2020: Special Report on Clean Energy Innovation // Paris: International Energy Agency, 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/energy-technology-perspectives-2020>.
17. OECD. Aligning Industrial Policy and Environmental Policy: Towards Green Industrial Transitions // Paris: OECD Publishing, 2021. URL: <https://www.oecd.org/environment/aligning-industrial-policy-and-environmental-policy.htm>.
18. World Bank. Pollution Prevention and Abatement Handbook: Toward Cleaner Production // Washington, DC: The World Bank, 2022. URL: <https://documents.worldbank.org>.
19. Sustainability reporting: ESG disclosure and performance of firms // Journal of Cleaner Production, 2023. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.136580>.
20. Kotsantonis S., Pinney C., Serafeim G. ESG integration in investment management: Myths and realities // Journal of Applied Corporate Finance, 2016. URL: <https://doi.org/10.1111/jacf.12169>.
21. Sullivan R., Martindale W. (eds.). Fiduciary duty in the 21st century // UNEP FI, UN PRI, UN Global Compact, 2015. URL: <https://www.unepfi.org/publications/investment-publications/fiduciary-duty-in-the-21st-century>.
22. Sustainability Accounting Standards Board (SASB). SASB Standards Overview // Value Reporting Foundation, 2021. URL: <https://www.sasb.org/standards>.
23. International Finance Corporation (IFC). ESG Standards and Performance Requirements for the Private Sector // IFC, World Bank Group, 2020. URL: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/topics_ext_content/ifc_external_corporate_site/sustainability-at-ifc/policies-standards/esg-standards.

The problem and prospects of a peaceful transfer of power in the Democratic Republic of the Congo

Barinov Aleksandr Aleksandrovich

Graduate student; Faculty of Oriental and African Studies; Russian State University for the Humanities

125047, Russia, Moscow, Tverskoy district, Musskaya pl., 6 p. 6

✉ alexbarinov17@mail.ru

Abstract. The relevance of this research stems from the ongoing problem of peaceful transition of power in the Democratic Republic of the Congo (DRC), which negatively impacts the country's socio-political development. The object of this research is the peaceful transition of power in the DRC. The subject of this research is the specific features of the process of peaceful transfer of power in the DRC at the present stage. The goal of this research is to identify the factors influencing the implementation of a peaceful transition of power in the DRC. Particular attention is paid to solving such problems as identifying the factors that contributed to the successful process of the first peaceful transfer of power in the DRC, presenting the FCC-CACH coalition as a manifestation of the unfinished transition of power, determining the role of external forces in the issue of peaceful transition of power in the DRC, and assessing the prospects of maintaining F. Tshisekedi in power after 2028. The research methods used were historical and comparative to compare the existing conditions for the

implementation of the peaceful transition of power in the DRC from 1990 to 2021, event analysis for a detailed study of the actions of political actors who facilitated or hindered the process under study, and content analysis for a detailed examination of Congolese legislative texts. The scientific novelty of the study lies in identifying specific features that facilitate and hinder the process of peaceful transition of power in the DRC, based on an analysis of the intra-Congolese historical experience of power transfer and the influence of the international community on this process, as well as in forecasting the possible nature of the transition of power in the DRC in the future. The author concludes that in the history of the DRC, a genuine peaceful transition of power only occurred in 2019, but it was incomplete. Some of the main problems impeding a peaceful transition of power in the DRC are, firstly, the lack of desire on the part of the Congolese authorities to facilitate the transfer of their responsibilities, secondly, the disunity of the Congolese opposition, and thirdly, the presence of major conflicts within the DRC. The international community also plays a significant role in this issue. The possibility of a peaceful transition of power after 2028 appears realistic only if the international community opposes F. Tshisekedi's constitutional reform.

Keywords: Mobutu, International community, Security, Conflicts, Transfer of power, Opposition, Peaceful transfer of power, Democratic Republic of the Congo, Joseph Kabila, Felix Tshisekedi

References (transliterated)

1. Tshombe, L. M. Failed States in the Central Africa Region: A Case of the Democratic Republic of Congo. *Journal of Nation-Building and Policy Studies*. 2023. Vol. 7, no. 1. P. 29-47. doi: 10.31920/2516-3132/2023/v7n1a2. EDN: ZEASVM.
2. Sidorova, G. M. Vooruzhennye konflikty v Afrike: na primere Demokraticheskoi Respubliki Kongo. M.: Vost. lit., 2013. 399 s. EDN: UZZYMN.
3. Drnovsky, A., & Mochtak, M. Power-sharing and democratization in Africa: the Kenyan experience. *Journal of International Relations and Development*. 2020. Vol. 23, no. 3. P. 607-635. doi: 10.1057/s41268-018-0158-9.
4. Afoaku, O. G. The Politics of Democratic Transition in Congo (Zaire): Implications of the Kabila "Revolution". *Journal of Conflict Studies*. 1999. Vol. 19, no. 2. P. 72-92. Retrieved from: https://www.erudit.org/en/journals/jcs/1999-v19-n2-jcs_19_2/jcs19_02art03/.
5. Weiss, H. Zaire: Collapsed Society, Surviving State, Future Polity. In J. Blaustein & I. W. Zartman (Eds.). *Collapsed States. The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority*. Boulder, CO: L. Rienner Publishers, 1995. P. 157-170.
6. Msambya, J. A. La Conférence Nationale Souveraine et la Longue Transition Politique Inachevée en République Démocratique du Congo (de 1990 à nos Jours). *Studia Universitatis Babes-Bolyai-Studia Europaea*. 2023. Vol. 68, no. 1. P. 39-70. doi: 10.24193/subbeuropaea.2023.1.02.
7. de Villers, G., & Tshonda, J. O. An Intransitive Transition. *Review of African Political Economy*. 2002. Vol. 29, no. 93/94. P. 399-410. doi: 10.1080/03056240208704629. EDN: DWWFVJ.
8. Nzongola-Ntalaja, G. From Zaire to the Democratic Republic of the Congo. *Current African Issues*. 2004. No. 28. P. 1-23. Retrieved from: https://files.ethz.ch/isn/96246/28_From-Zaire-to-the-DRC.pdf.
9. Sidorova, G. M. Politicheskaya oppozitsiya v Demokraticheskoi Respublike Kongo: aktory, resursy i strategii bor'by. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*.

2019. T. 13, № 3. S. 36-43.
10. Molutsi, P. Beyond the state: Botswana's democracy and the global perspective. *Journal of African Elections*. 2006. Vol. 5, no. 2. P. 41-51. doi: 10.20940/JAE/2006/v5i2a3.
 11. Urnov A.Yu. SShA i konflikty v Afrike // Konfliktologiya / nota bene. 2018. № 3. S. 15-42. DOI: 10.7256/2454-0617.2018.3.26863 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26863
 12. Lohalo, G. O., Lestari, Y., Shongo, T., Mushinda, B. N., Diur, N. K., Badila, J. M., ... & Mutshembe, F. L. US-China Competition in Africa: The Strategic Ambiguity. *Open Journal of Political Science*. 2022. Vol. 12, no. 4. P. 670-684. doi: 10.4236/ojps.2022.124036. EDN: FIBUNY.
 13. Sidorova, G. M. Prezidentskie vybory v DR Kongo: bor'ba za vlast'. *Aziya i Afrika segodnya*. 2019. № 4. S. 36-40. DOI: 10.31857/S032150750004381-1. EDN: ZFEBRB.
 14. Englebert, P. Aspirations and realities in Africa: The DRC's electoral sideshow. *Journal of Democracy*. 2019. Vol. 30, no. 3. P. 124-138. doi: 10.1353/jod.2019.0047.
 15. Ngumbi Kitete Wa Yuma, C. *Violence, démocratie et émergence des élites politiques en République démocratique du Congo: de Laurent Désiré Kabila à Félix Antoine Tshisekedi Tshilombo*. Kinshasa, RD Congo: L'Harmattan RDC, 2021.
 16. Urs, A. B., & Mişcoiu, S. De la continuité à la rupture: une analyse discursive de la présidence de Félix Tshisekedi (RDC). In *Communication de crise et résolution des conflits en Afrique francophone*. Cluj-Napoca: Casa Cărţii de Ştiinţă, 2021. P. 11-28.
 17. Wolters, S. Anatomy of a break-up in the Democratic Republic of Congo: The collapse of the FCC-CACH majority and why it matters. *South African Journal of International Affairs*. 2022. Vol. 29, no. 1. P. 91-106. doi: 10.1080/10220461.2022.2048688. EDN: UPICRS.
 18. Ngalamulume Galance, M. Article 220 de la constitution du 18 fevrier 2006. Contribution au débat autour de son intangibilité et de sa "révisabilité". *KAS African Law Study Library*. 2016. Vol. 3, no. 1. P. 142-165. doi: 10.5771/2363-6262-2016-1-142.

Cultural and humanitarian aspects of Cambodian-Russian relations

Pichkhun Panha

Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Kingdom of Cambodia to Russia; Embassy of the Kingdom of Cambodia in Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ ir_ambassy@mail.ru

Abstract. This study examines the humanitarian cooperation between the Russian Federation and the Kingdom of Cambodia, focusing on its core dimensions in education, culture, and tourism. It analyzes the formation, evolution, and institutionalization of this collaboration, alongside its impact on strengthening political dialogue and fostering people-to-people ties. The research scrutinizes the implementation mechanisms of educational projects, cultural initiatives, and tourism exchanges, detailing the involvement of both state and private entities. Particular emphasis is placed on how these humanitarian links enhance mutual understanding, cultivate positive perceptions of both nations, and establish a robust foundation for sustained bilateral engagement. Furthermore, the humanitarian sphere is

considered as a self-sufficient instrument within the foreign policy arsenals of both countries. Methodologically, the research employs historical-genetic and comparative-analytical approaches, supplemented by institutional analysis. This integrated methodology allows for tracing the development of interaction formats and assessing the role of governmental and societal structures in their implementation. The novelty of this work lies in its holistic approach to Russian-Cambodian humanitarian interaction, treating it as a unified system encompassing educational, cultural, and tourism channels, and possessing its own independent foreign policy utility. It moves beyond a mere systematization of existing cooperation forms to identify their internal developmental patterns, demonstrate the synergistic effects between different humanitarian components, and define their function in consolidating bilateral relations. An additional original contribution is the focus on humanitarian cooperation as a "soft power" asset capable of augmenting political and economic partnership. The study also highlights the significance of synergy among these humanitarian vectors, which amplifies their overall impact, thereby opening prospects for new cooperation horizons responsive to contemporary challenges. The findings conclude that the humanitarian dimension is a cornerstone of stronger Russian-Cambodian relations, contributing to increased mutual trust, expanded public contacts, and a positive image of the partner country. The study determines that the further advancement of this sphere requires enhanced structural support, improved information dissemination, more active engagement of educational and cultural institutions, and the involvement of new actors such as youth associations, tourism operators, and academic communities. Such a broadening of participation is essential for ensuring the long-term stability and effectiveness of humanitarian interaction.

Keywords: international partnership, cultural exchange, soft power, public diplomacy, tourism, culture, education, Cambodia, Russia, humanitarian cooperation

References (transliterated)

1. Mosyakov D. V. Neprostaya istoriya rossiisko-kambodzhiiskikh otnoshenii // Tsentr ASEAN pri MGIMO MID Rossii. 04.06.2021. URL: <https://asean.mgimo.ru/news/2021/russia-cambodian-complicated-history-yclid=Itd68l3nfk429838153> (data obrashcheniya: 05.05.2025).
2. Korolevstvo Kambodzha kak vazhnoe zveno v rossiiskoi initsiative arkhitektury evraziiskogo sotrudnichestva // RSMD. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/k-stoletiyu-narodnoy-diplomatii-korolevstvo-kambodzha-kak-vazhnoe-zveno-v-rossiyskoy-initsiative-arkh/-sphrase_id=216166905 (data obrashcheniya: 22.11.2025).
3. Rossiisko-kambodzhiiskie politicheskie kontakty (spravochnaya informatsiya) // Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii. 06.09.2003. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/kh/1739821/> (data obrashcheniya: 05.05.2025).
4. Vpervye za 20 let v Moskve pokazyvayut iskusstvo Kambodzhii // Ministerstvo Kul'tury RF. URL: https://culture.gov.ru/press/news/vpervye_zh_20_let_v_moskve_pokazyvayut_iskusstvo_kambodzhii/ (data obrashcheniya: 22.11.2025).
5. O Rossiisko-Kambodzhiiskikh konsul'tatsiyakh v Pnompene // Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii. 08.02.2005. URL: <https://mid.ru/ru/maps/kh/1657009/> (data obrashcheniya: 05.05.2025).
6. Smena kursa ili podderzhanie traditsii Kambodzhii? // RSMD. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/smena-kursa-ili->

- podderzhanie-traditsiy-kambodzhi/ (data obrashcheniya: 22.11.2025).
7. Rossiya – Kambodzha: dvustoronnie otnosheniya i integratsionnye perspektivy v Vostochnoi Azii // Mezhdunarodnaya Zhizn'. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29725> (data obrashcheniya: 22.11.2025).
 8. Pradal Serei ili Kun Kkhmer / Kkhmerskii boks // Federatsiya Kkhmerskogo boksa. URL: <https://kun-khmer.ru/about> (data obrashcheniya: 22.11.2025).
 9. Kkhmerskii boks / Federatsiya sporta RF // Boitsovskii klub. URL: <http://bulatgold.ru/bojtsovskij-klub-bulat-rossiya-vstupil-v-federatsiyu-khmerskogo-boksa-g-moskvy/> (data obrashcheniya: 21.06.2025).
 10. "Rossiya – Kambodzha: 65 let diplomaticheskikh otnoshenii" // RSMD. URL: <https://russiancouncil.ru/news/kruglyy-stol-rossiya-kambodzha-65-let-diplomaticheskikh-otnosheniy/> (data obrashcheniya: 22.11.2025).
 11. Arakelyan T. F., Teng S. Traditsii i obychai kambodzhiiskogo naroda // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk. 2015. T. 9. № 5-2. S. 14-16.
 12. "Rossiya – Kambodzha: 65 let diplomaticheskikh otnoshenii" perspektivy razvitiya otnoshenii // RSMD. URL: <https://russiancouncil.ru/news/kruglyy-stol-rossiya-kambodzha-65-let-diplomaticheskikh-otnosheniy/> (data obrashcheniya: 22.11.2025).
 13. Elovkov D. I. Sanskritoyazychnaya literatura Kambodzhi // Vestnik SPbGU. Vostokovedenie. Afrikanistika. 2014. № 2. URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/2107> (data obrashcheniya: 17.11.2025).
 14. Spatar'-Kozachenko T. I., Morozan O. V., Petrienko N. S. Aktual'nye problemy professional'noi podgotovki kadrov v sfere turizma i gostepriimstva v Rossii i za rubezhom // Servis Plus. 2018. T. 12, vyp. 3. S. 44-51.
 15. Chan F. M. Ekonomicheskoe soobshchestvo ASEAN i trudnosti v protsesse razvitiya turizma // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2017. № 2. S. 57-63.
 16. Burova E. S. Tendentsii razvitiya turisticheskoi otrasli Kambodzhi // Vostochnaya Aziya: fakty i analitika. 2019. № 1. URL: <https://www.iccaras.ru/otdelnoe-izdanie.html-id=296> (data obrashcheniya: 24.11.2025).
 17. Royal ballet of Cambodia // Unesco. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/royal-ballet-of-cambodia-00060> (data obrashcheniya: 21.06.2025).
 18. "Umnye goroda" ASEAN: tsifrovye utopii, serye trushchoby i voprosy effektivnogo regulirovaniya // RSMD. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/umnye-goroda-asean-tsifrovye-utopii-serye-trushchoby-i-voprosy-effektivnogo-regulirovaniya/-sphrase_id=257865676 (data obrashcheniya: 20.11.2025).
 19. Prodvizhenie ekonomicheskikh interesov Rossii v stranakh Vostochnoi Azii // RSMD. URL: https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/prodvizhenie-ekonomicheskikh-interesov-rossii-v-stranakh-vostochnoy-azii/-sphrase_id=257865676 (data obrashcheniya: 20.11.2025).
 20. Muratshina K. G. Gumanitarnoe sotrudnichestvo Rossii i ASEAN v novykh istoricheskikh usloviyakh // YuVA: aktual'nye problemy razvitiya. 2023. № 1 (58). URL: <https://sea.ivran.ru/f/sea2023n158p76-86.pdf> (data obrashcheniya: 25.11.2025).

Japan between the Global North and the Global South: Tokyo's Foreign Policy Priorities by Region and Level of Development in 2013-2025

Oshchepkov Evgenii Romanovich

Postgraduate student; Department of Theory and History of International Relations; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ oshepkov-er@rambler.ru

Abstract. In this article, the author analyzes the dynamics of international visits by Japanese prime ministers to identify the most frequently visited continent/region. The aim of the work is to highlight the most and least popular destinations for Japanese leaders' visits to determine Japan's interest in contacts with both developed and developing countries. Initially, it was presumed that over the years, Japanese leaders would increasingly visit developing countries of the Global South due to the rapid growth of nations in Asia, Africa, Latin America, and the Middle East. However, the conducted research revealed that the most popular destinations for Japanese leaders have been and remain Western countries, particularly in Europe. The second most popular vector for international visits is Asian. Japanese leaders regularly visit ASEAN countries. The Middle East is visited irregularly by Japanese government heads, as are Latin American countries. The African continent is the least popular. Over 12 years, Japanese leaders have visited only 4 African countries. The main tool for studying the visits of Japanese leaders was quantitative analysis. The foreign trips considered were from 2013 to 2025. The author included only bilateral visits, as this format of interaction between leaders most clearly reflects one country's leadership interest in another. The novelty of the work lies in the analysis of foreign visits by Japanese leaders in terms of the most popular continents and regions. Based on the obtained results, it is mathematically proven that Japan tends to prioritize contacts with developed countries, while developing nations play a secondary role. The results can be useful for both theorists and practitioners in international relations. The area of application includes foreign policy agencies, educational institutions, and consulting agencies. The main conclusion can be formulated as follows: despite the rise of the Global South and the world's majority, Japan still focuses on political contacts primarily with developed post-industrial powers of the West. This is confirmed by the fact that Japanese leaders are more willing to engage with heads of state and government in developed Western countries, while their interactions with colleagues from the South and East are more rare and episodic.

Keywords: Foreign Policy, Global South, Global North, Developing Countries, Advanced Countries, Analysis, Prime Ministers, Statistics, Visits, Japan

References (transliterated)

1. International Monetary Fund (IMF). GDP based on PPP, Percent of World, Emerging market and developing economies / Advanced economies. 2025. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (data obrashcheniya: 21.11.2025).
2. International Monetary Fund (IMF). World Economic Outlook – World Population, Millions of people, Emerging market and developing economies / Advanced economies. 2025. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/LP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (data obrashcheniya: 21.11.2025).
3. International Monetary Fund (IMF). World Economic Outlook – Annual percent change, Emerging market and developing economies / Advanced economies. 2025. URL:

- <https://www.imf.org/external/datamapper/index.php> (data obrashcheniya: 21.11.2025).
4. Mandagi, C.A.F. Understanding Japan's Reputation as Southeast Asia's Most Trusted Partner // The Japan Institute of International Affairs. 2025. № 8. P. 12. URL: <https://www.jiia.or.jp/jic/2025/08/2025-08-05-04.pdf> (data obrashcheniya: 21.11.2025).
 5. Netswera, F. Making BRICS Work for its People and for those in the Global South // Journal of BRICS Studies. 28.05.2025. URL: <https://journals.uj.ac.za/index.php/jbs/article/view/3576> (data obrashcheniya: 21.11.2025).
 6. Helmy, N. The Importance of the SCO Summit for the Developing Countries of the Global South and the Third World // Modern Diplomacy. 03.09.2025. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2025/09/03/the-importance-of-the-sco-summit-for-the-developing-countries-of-the-global-south-and-the-third-world/> (data obrashcheniya: 21.11.2025).
 7. Gonzalez, J., Garcia, J. The Global South perspective through G20 // Southern Voice. 17.07.2024. URL: <https://southernvoice.org/the-global-south-perspective-through-g20-recommendations-from-the-think-tank-20/> (data obrashcheniya: 22.11.2025).
 8. Vastida, G., Lee, S. Understanding APEC: Towards a Multipolar World // International Strategy Center. 26.09.2025. URL: <https://www.goisc.org/englishblog/2025/9/25/understanding-apec-towards-a-multipolar-world> (data obrashcheniya: 22.11.2025).
 9. Gateway to a Multipolar World. The Far East in the New Architecture of International Relations // Eastern Economic Forum. 06.09.2022. URL: <https://forumvostok.ru/en/news/dalnij-vostok-novaja-os-mnogopoljarnogo-mira/> (data obrashcheniya: 22.11.2025).
 10. Promoting a 'Multipolar' World at the St. Petersburg International Economic Forum // The Moscow Times. 20.06.2025. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2025/06/20/in-photos-promoting-a-multipolar-world-at-the-st-petersburg-international-economic-forum-a89500> (data obrashcheniya: 23.11.2025).
 11. Nitsch, V. State visits and international trade. Berlin: Free University Berlin, 2005. P. 3. URL: https://www.ifo.de/DocDL/cesifo1_wp1582.pdf (data obrashcheniya: 23.11.2025).
 12. Hoshiro, H. Do diplomatic visits promote official development aid? Evidence from Japan // Political Science. 2020. № 3. S. 207-227. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00323187.2021.1948344#d1e122> (data obrashcheniya: 23.11.2025). EDN: MHUJXC.
 13. International Monetary Fund (IMF). Advanced economies. 2025. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/ADVEC> (data obrashcheniya: 23.11.2025).
 14. International Monetary Fund (IMF). Emerging market and developing economies. 2025. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/OEMDC> (data obrashcheniya: 23.11.2025).
 15. Saito, J. How Significant is the US Market for Japan? // Japan Center for Economic Research. 16.05.2025. URL: <https://www.jcer.or.jp/english/how-significant-is-the-us-market-for-japan> (data obrashcheniya: 23.11.2025).
 16. Kapur, C.L. Japan's Decisive Alignment with the West // Delhi Policy Group. 26.04.2024. URL: <https://www.delhipolicygroup.org/publication/policy-briefs/japans->

- decisive-alignment-with-the-west.html (data obrashcheniya: 23.11.2025).
17. Made, J. Western allies and Japan unite to face threat posed by China, Russia // RFI Asia-Pacific. 14.01.2023. URL: <https://www.rfi.fr/en/international/20230114-western-allies-and-japan-unite-to-face-threat-posed-by-china-russia> (data obrashcheniya: 24.11.2025).
18. Japan External Trade Organization (JETRO). 2024 Survey on Business Conditions of Japanese Companies Operating Overseas (Asia and Oceania): Business confidence strong in India, recovering in ASEAN, and sluggish in China. 28.11.2024. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/2024/EN_Asia_and_Oceania_2024_r4.pdf (data obrashcheniya: 24.11.2025).
19. 久賀百合子. 東南アジアを経済・安保共創のパートナーに (Kuga, Yu. Yugo-Vostochnaya Aziya kak partner dlya sovместnogo razvitiya ekonomiki i bezopasnosti) // Nikkei Business. 01.07.2025. URL: <https://business.nikkei.com/atcl/gen/19/00491/062600036/> (data obrashcheniya: 24.11.2025).
20. Rana, A. Understanding Japan's interest in ASEAN and the way forward // Modern Diplomacy. 29.07.2025. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2025/07/29/understanding-japans-interest-in-asean-and-the-way-forward/> (data obrashcheniya: 24.11.2025).
21. 白川 司. そりゃインドに投資できんわ.「世界最大の国」に幻想抱く日本人が知らない残念な事実 (Sirakava, Ts. Neudivitel'no, chto nel'zya investirovat' v Indiyu. Gor'kaya pravda, o kotoroi ne znayut yapontsy, pitayushchie illyuzii o krupneishei strane mira). // Diamond Online. 23.07.2025. URL: <https://diamond.jp/articles/-/368918-page=3> (data obrashcheniya: 24.11.2025).
22. 韓国貿易・輸出の基礎知識 (Bazovaya informatsiya o trgovle i eksporte v Yuzhnuyu Koreyu) // Boueki Standage. 10.05.2025. URL: <https://boueki.standage.co.jp/south-korea-trade-export-basic-knowledge/> (data obrashcheniya: 24.11.2025).
23. Modern Japan from the Viewpoint of the Arab World: Modernities in Different Cultures // Journal of the Interdisciplinary Study of Monotheistic Religions. 2013. № 3. S. 117-125. URL: <https://cismor.jp/uploads-images/sites/3/2013/03/Modern-Japan-from-the-Viewpoint-of-the-Arab-World-Modernities-in-Different-Cultures1.pdf> (data obrashcheniya: 25.11.2025).
24. 日本のエネルギー事情と原子力政策. エネルギーの安定供給の確保中東からホルムズ海峡、マラッカ海峡を通して、石油や天然ガスを日本へ運ぶ海路(シーレーン)の安全通行の確保がエネルギー安全保障上の重要な問題となっています (Energeticheskaya situatsiya i yadernaya politika Yaponii. Obespechenie stabil'nykh postavok energii. Obespechenie bezopasnosti morskikh putei, transportiruyushchikh neft' i prirodnyi gaz s Blizhnego Vostoka v Yaponiyu cherez Ormuzskii i Malakkskii prolivy, yavlyayetsya klyuchevym voprosom energeticheskoi bezopasnosti.) // JAERO. 2025. URL: <https://www.jaero.or.jp/sogo/detail/cat-01-05.html> (data obrashcheniya: 25.11.2025).
25. 橋爪 吉博. わが国の原油輸入 —中東依存95%— (Khasidzume, E. Import syroi nefti v Yaponiyu: 95% zavisimosti ot Blizhnego Vostoka) // IEEI. 20.02.2025. URL: https://ieei.or.jp/2025/03/hashizume_20250314/ (data obrashcheniya: 25.11.2025).
26. Tsuchiya, S., Estevadeordal, A., Aquino, C., Kuwayama, M. Are Japan's Ties to Latin America Getting Stronger? // The Dialogue. 22.08.2018. URL: <https://thedialogue.org/analysis/are-japans-ties-to-latin-america-getting-stronger#top> (data obrashcheniya: 25.11.2025).
27. Smith, A. Friends and threats: 75% of New Zealanders feel Japan is a friend, with 21% saying it's a close friend. Japan also nabs the title of 'Australia's best friend in Asia' // Asia Media Center. 2024. URL: <https://www.asiamediacentre.org.nz/opinion-and-analysis/how-do-new-zealanders-and-australians-view-asia> (data obrashcheniya: 25.11.2025).

26.11.2025).

28. Adegoke, Ye., Adegoke, Yi. Even Africa's poorest countries are too expensive to be the world's next manufacturing hub // Quartz Africa Weekly. 2025. URL: <https://qz.com/africa/1102798/ethiopias-factories-are-africas-big-hope-to-become-a-manufacturing-base-like-china> (data obrashcheniya: 26.11.2025).
29. United Nations Trade and Development (UNCTAD). Economic Development in Africa Report: Reaping the potential benefits of the African Continental Free Trade Area for inclusive growth. 08.12.2021. URL: <https://unctad.org/press-material/facts-and-figures-7> (data obrashcheniya: 26.11.2025).
30. Oyenuga, M., Omale, S. Is Africa Jinxed? Exploring the Challenges of Technology Access and Adoption in Africa // African Journal of Economics and Sustainable Development. 2025. № 10. S. 142-161. URL: https://www.researchgate.net/publication/385038058_Is_Africa_Jinxed_Exploring_the_Challenges_of_Technology_Access_and_Adoption_in_Africa (data obrashcheniya: 27.11.2025).
31. Geneva Academy of International Humanitarian Law. Today's armed conflicts. 2025. URL: <https://geneva-academy.ch/galleries/today-s-armed-conflicts> (data obrashcheniya: 27.11.2025).

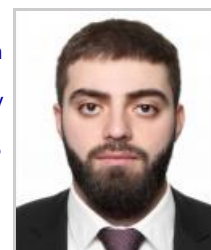
Russia and Turkey's Relations in the South Caucasus: Managed Rivalry as a New Interaction Model

Nalbandyan Karapet Sevanovich

Postgraduate student; Faculty of Global Processes; Lomonosov Moscow State University

620141, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Zheleznodorozhny district, Bebel St., 136, block 148

✉ k.s.nalbandyan@proton.me

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the transformation of Russian-Turkish relations in the South Caucasus in the context of geopolitical changes triggered by the Second Karabakh War of 2020. The subject of the research is the emerging model of interaction between the two regional powers, conceptualized by the author as "managed rivalry" or "coerced normalization." Within this framework, four key dimensions of Russian-Turkish interaction in the region are analyzed: military-political, trade-economic, energy, and informational-ideological. Special attention is paid to the transformation of regional alliances – strengthening the Azerbaijani-Turkish strategic partnership while simultaneously weakening the Russian-Armenian alliance. The mechanisms of deconfliction that allow Russia and Turkey to maintain a constructive dialogue despite the objective mismatch of strategic interests are explored. Furthermore, the prospects for the implementation of transport projects (the Zangezur Corridor, the Middle Corridor) and their impact on the regional balance of power, as well as the competition of ideological narratives – Turkish neo-Ottomanism and the Russian Eurasian project – are discussed. The study employs a comprehensive approach that combines a comparative analysis of the foreign policy strategies of Russia and Turkey, a case study method to examine specific manifestations of rivalry and cooperation, and elements of systemic analysis of regional security. The scientific novelty of the research lies in the conceptualization of a qualitatively new model of Russian-Turkish relations in the South Caucasus – "managed rivalry," which goes beyond traditional theoretical approaches that consider the relations of the two powers either through the lens of confrontation or strategic

partnership. This model captures the paradoxical combination of competition and pragmatic cooperation, wherein both sides, recognizing the objective mismatch of interests, build coordination mechanisms to prevent uncontrolled escalation. The author identifies the structural characteristics of this model: the formation of informal delineation of spheres of influence, the institutionalization of dialogue mechanisms at the highest level, the development of parallel economic projects, and the competition of ideological narratives while avoiding direct confrontation. Together, all this represents an original approach to preventing potential conflicts, which have repeatedly occurred throughout history.

Keywords: geopolitics, Zangezur corridor, energy diplomacy, neo-Ottomanism, regional security, managed rivalry, Karabakh conflict, South Caucasus, Turkey, Russia

References (transliterated)

1. de Waal T. Europe's Longest-Running Conflict Can't Be Ignored [Elektronnyi resurs]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/82813> (data obrashcheniya: 14.02.2025).
2. Bardakçı M. Is a Strategic Partnership Between Turkey and Russia Feasible at the Expense of Turkey's Relations with the EU and NATO? // Comparative Southeast European Studies. 2021. № 4 (69).
3. Zengin A.K., Topsakal İ. The Intersection of Grand Strategies in Turkey-Russia Relations // Insight Turkey. 2021. № 4 (23). S. 148.
4. Ibragimov A.G. Turtsiya i Rossiya: vzaimodeistvie vopreki stolknoveniyu interesov // Postsovetskie issledovaniya. 2018. № 1.
5. Avatkov V.A., Gudev P.A. Geopolitika rossiisko-turetskikh otnoshenii v chernomorskom regione // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2021. № 3. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363 EDN: FDHWE0.
6. Deistviya rukovodstva Azerbaidzhana v otnoshenii naseleniya Nagornogo Karabakha sleduet kvalifitsirovat' kak genotsid-mnenie ekspertov [Elektronnyi resurs]. URL: https://arminfo.info/full_news.php-id=89545 (data obrashcheniya: 15.02.2025).
7. Yusibova G. The First Steps towards Strategic Alliance in Azerbaijani-Turkish Relations before the Second Karabakh War // Public Administration and Regional Development. 2024. № 23. DOI: 10.34132/pard2024.23.08 EDN: UFUTEF.
8. Şuşa Beyannamesi. 15 Haziran 2021 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://haberglobal.com.tr/dunya/turkiye-ve-azerbaycan-arasinda-susa-beyannamesi-imzalandi-iste-beyannamenin-tam-metni-115805> (data obrashcheniya: 15.02.2025).
9. Atasuntsev A. Smena garanta. Kuda dvizhutsya otnosheniya Armenii i Rossii [Elektronnyi resurs]. URL: <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2023/10/long-standing-ties-between-armenia-and-russia-are-fraying-fast-lang=ru> (data obrashcheniya: 25.02.2025).
10. Mirotvortsy Karabakha: kak Turtsiya vozvrashchaetsya na Kavkaz [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.trrussian.com/mnenie/mirotvorcy-karabaha-kak-turciya-vozvrashaetsya-na-kavkaz-4395474> (data obrashcheniya: 15.02.2025).
11. Because of unclear mandate and limited number of Russian peacekeepers, relative peace is threatened [Elektronnyi resurs]. URL: <https://news.am/eng/news/714757.html> (data obrashcheniya: 14.02.2025).
12. Atabai E.I. Voennye vzaimootnosheniya Rossii i Armenii v ramkakh ODKB v kontekste bezopasnosti na Yuzhnom Kavkaze // Postsovetskie issledovaniya. 2022. № 3. EDN: BVEDWG.
13. Pilibossian A., Nersisyan L. Leaving the "Post-Soviet" Behind: Redefining Armenia's

- Deterrence Strategy [Elektronnyi resurs]. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/leaving-post-soviet-behind-redefining-armenias-deterrence-strategy> (data obrashcheniya: 25.02.2025).
14. Gadzhinskaya N., Gadzhinskii E. Dzh. Geopolitika v regione Yuzhnogo Kavkaza na sovremennom etape i novaya konfiguratsiya politicheskikh sil // *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2021. № 4. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-4-174-177 EDN: YAHRHY.
 15. Labarre F., Niculescu G. Discussing a South Caucasus Short of Russian Dominance. Study Group Information. Vienna, 2023.
 16. Trekhstoronnee Zayavlenie o prekrashchenii ognya v Nagornom Karabakhe ot 9 noyabrya 2020 g. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (data obrashcheniya: 25.02.2025).
 17. Agaev I. G. Interesy regional'nykh i mirovykh derzhav v otkrytii Zangezurskogo koridora // *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*. 2023. № 6-1.
 18. Avatkov V.A., Sbitneva A.I. Koridory turetskogo vliyaniya: evroaziatskii put' Ankary // *Geoekonomika energetiki*. 2022. № 3. DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_6 EDN: WMKIYL.
 19. Markelova E.A. Mezhdunarodnyi gazovyi khab v Turtsii kak novyi proekt rossiisko-turetskogo sotrudnichestva: vozmozhnosti i riski // *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. 2022. № 12. DOI: 10.18334/epp.12.12.116902 EDN: MTHVSF.
 20. Mekhdiiev E.T. "Neoosmanizm" v regional'noi politiki Turtsii // *Vestnik MGIMO*. 2016. № 2 (47).
 21. Machavariani G. G. Kharakter i osobennosti gruzino-turetskikh otnoshenii na sovremennom etape // *Arkhont*. 2017. № 2. EDN: ZXOGDD.
 22. Datukishvili E.Z. Politicheskie tekhnologii formirovaniya gosudarstvenno-grazhdanskoi identichnosti na postsovet'skom prostranstve (na primere Rossii, Azerbaidzhana i Gruzii). Diss. kand. polit. nauk. M., 2021. EDN: MZWQOS.
 23. Neset S. et al. Changing Geopolitics of the South Caucasus after the Second Karabakh War. Prospect for Regional Cooperation and/or Rivalry // *CMI Report*. 2023. № 4.
 24. Elitaş T. Maintaining International Relations Through Digital Public Diplomacy Policies and Discourses. Istanbul, 2023.
 25. Volkhonskii M., Mukhanov V. Rossiiskaya "myagkaya sila" na Yuzhnom Kavkaze: kontseptual'naya neopredelennost' i voprosy prakticheskogo primeneniya // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022. № 5 (66).
 26. Vardanian D. Turkey's Soft Power in the South Caucasus: An Assessment of Neo-Ottomanism Influence on Regional and Global Geopolitics // *CMC Senior Theses*. 2022. № 3146.
 27. Secrieru S., Saari S., Bechev D. Fire and Ice: The Russian-Turkish partnership // *Chaillot Paper*. 2021. № 168.
 28. Silaev N., Safranchuk I. Simbioz i sopernichestvo: dinamika rossiisko-turetskikh otnoshenii v perspektive teorii mezhdunarodnogo statusa // *Mezhdunarodnye protsessy*. 2023. T. 21. № 3 (74).
 29. Agamaliev S.M. Rol' neoosmanizma i ego osobennosti v kontekste Vtoroi Karabakhskoi voyny // *Problemy postsovet'skogo prostranstva*. 2024. T. 11. № 3. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-3-236-248 EDN: SNRHCF.
 30. Shcherbakov I.M. Rossiiskoe neoevraziistvo i turetskii neoosmanizm v otechestvennom politicheskom diskurse: teoriya i praktika // *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. 2023. № 3

(29).

31. Shcherbakov I.M. Vliyanie traditsii neoosmanizma na sovremennoe sostoyanie rossiisko-turetskikh otnoshenii: teoriya i praktika // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2023. T. 1. № 4.

Comparative analysis of state policy in the field of digital modernization of the armed forces institution: the experience of East Asian countries and Russia

Almametov Artur Nailevich

Postgraduate student; Department of Comparative Political Science; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Obruchevsky district, Mklukho-Maklaya str., 10 K. 2

✉ tj7322@gmail.com

Zagidulina Dar'ya Vladimirovna

Postgraduate student; Department of Comparative Political Science; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ daryazagidulina@gmail.com

Abstract. The study is dedicated to the comparative analysis of the digital modernization of the armed forces in Russia and East Asian countries (China, Japan, South Korea). The main subject of the research is the state strategies and concepts, mechanisms of political governance, and technological solutions that define the transformation of defense systems in the context of the proliferation of artificial intelligence technologies, automated management systems, networked reconnaissance and communication systems, and autonomous weapon systems. Based on the analysis of open sources, the study examines how digital technologies change the structure of military organization, shape new models of civil-military interaction, impact state policy, and redistribute power factors in the international system. Trends relevant to the development of the strategic course of the Russian Federation in the field of digital modernization are recorded. In the course of the work, strategic documents defining the directions of scientific, technical, and investment activities in the modernization of the armed forces, reports from research centers, and the current media agenda were analyzed. Methodologically, the study is based on a neorealist understanding of the logic of state behavior in international politics. The scientific novelty of the research lies in the systematic comparison of various models of digital modernization of the armed forces implemented in Russia and East Asian countries, with an emphasis on the differences in their geopolitical imperatives and strategic objectives. It has been revealed that East Asian states carry out digitization in the defense sphere predominantly within the logic of economic-technological growth, network integration of armaments, and active involvement of the civil sector, contributing to the accelerated implementation of AI and autonomous combat systems. The Russian model, on the contrary, is characterized by a centralized approach and a focus on achieving technological and political sovereignty in the face of external pressure. The digitization of the armed forces becomes an independent factor in the redistribution of military power and the transformation of security institutions, with its consequences, risks, and management effects significantly depending on the chosen model of digital development by the state.

Keywords: modernization of state policy, military doctrines, technological sovereignty, national security, defense policy, artificial intelligence, innovations, East Asia, armed forces, digitalization

References (transliterated)

1. Akimoto D. Japan's multi-domain defense force: The space, cyber, and electromagnetic domains // Institute for Security & Development Policy, Stockholm, Sweden. – 2021.
2. Defense of Japan (Annual White Paper) // Ministry of defense. – 2024. – URL: https://www.mod.go.jp/j/press/wp/wp2024/pdf/DOJ2024_Digest_EN.pdf (data obrashcheniya 07.12.2025).
3. Defense of Japan 2024. Digest. Tokyo: Ministry of Defense of Japan, 2024.
4. Engstrom J. Systems Confrontation and System Destruction Warfare: How the Chinese People's Liberation Army Seeks to Wage Modern Warfare. – 2018. – № RR1708.
5. How China could use DeepSeek and AI for an era of war // Reuters. – 2025. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/robot-dogs-ai-drone-swarms-how-china-could-use-deepseek-an-era-war-2025-10-27/> (data obrashcheniya 07.12.2025).
6. Kawai M. Will the 21st century be an Asian century?: A global perspective // China and Japan in the Global Economy. – Routledge, 2018. – S. 4-45.
7. Klare M. China Pushes "Intelligentized" Warfare // Arms Control Today. – 2021. – T. 51. – № 10. – S. 27-27.
8. Military to upgrade command, control system for combined Korea-US operations // The Korea Times. – 2025. – URL: <https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/defense/20250804/military-to-upgrade-command-control-system-for-combined-korea-us-operations> (data obrashcheniya 07.12.2025).
9. Park D., Kang D., Paik J. Analyzing South Korea's Defense Challenges with Defense Innovation 4.0 through LDA and BERT Techniques // IEIE Transactions on Smart Processing & Computing. – 2025. – T. 14. – № 5. – S. 644-656.
10. South Korea kicks off arms fair to showcase unmanned, AI weapons // Reuters. – 2025. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/south-korea-kicks-off-arms-fair-showcase-unmanned-ai-weapons-2025-10-17/> (data obrashcheniya 07.12.2025).
11. South Korean president calls for aggressive AI spending in budget speech // AP. – 2025. – URL: <https://apnews.com/article/south-korea-lee-jae-myung-ai-budget-nvidia-80db48ff3d6cdaabd10b79518d56dc0f> (data obrashcheniya 07.12.2025).
12. Space Domain Defense Guidelines // Ministry of defense. – 2025. – URL: https://www.mod.go.jp/en/images/outline_space-domain-defense-guidelines_20250807.pdf (data obrashcheniya 07.12.2025).
13. Tristan Tang K. Dissipative Warfare: The PLA's Potential New Strategy in the AI Era. – 2025. – URL: <https://jamestown.org/dissipative-warfare-the-plas-potential-new-strategy-in-the-ai-era/> (data obrashcheniya 07.12.2025).
14. C4ISR: Integratsiya BPLA. – 2025. – URL: <https://mosregdata.ru/article/c4isr-integraciya-bpla> (data obrashcheniya 07.12.2025).
15. Abramova I.A., Borisov D.N. Osnovnye napravleniya primeneniya iskusstvennogo intellekta v vooruzhennykh silakh vedushchikh zarubezhnykh stran // Nauka i voennaya bezopasnost'. – 2024. – № 2. – S. 74-78. EDN: VJJJMA.
16. Bolgov R. V. Informatsionnye tekhnologii v modernizatsii vooruzhennykh sil KNR: politicheskie aspekty // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. – 2010. – T. 6. – № 4. –

S. 268-275. EDN: NTCML.

17. Minoborony vnedrit avtomatizirovannuyu sistemu upravleniya chastyami v boyu // RBK / [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/688238b19a79471a4e431d19> (data obrashcheniya 07.12.2025).
18. Nikiporets-Takigava G. Yu. Strategiya natsional'noi kiberbezopasnosti Yaponii: problemnoe pole i lovushki podkhoda // Polis. Political Studies. – 2025. – № 3. – S. 162-175. DOI: 10.17976/jpps/2025.03.11. EDN: QATTIV.
19. Tekhnopolis "ERA" [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://mil.ru/activity/innovation/era> (data obrashcheniya 07.12.2025).

Military-technical cooperation between the USA, Japan, and the Philippines

Gumbatov Nazim Farizovich

Postgraduate Student; Department of Theory and History of International Relations; Peoples' Friendship University of Russia

109652, Russia, Moscow region, Moscow, Maryinsky b-R str., 4, sq. 496

✉ nazimgumbatov@gmail.com

Molokoedov Daniil Igorevich

Postgraduate student; Department of Theory and History of International Relations; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 10, room 2, Moscow, 117198, Russia.

✉ molokoedovd@bk.ru

Abstract. The subject of the research is the development of military-technical cooperation between the USA, Japan, and the Philippines from 2022 to 2024. The study examines specific mechanisms and directions of this interaction, including: the intensification of the US-Philippines alliance and the evolution of Japan-Philippines relations in the field of security; the formation and institutionalization of a new trilateral partnership between the USA, Japan, and the Philippines; the consideration of cooperation as an element of a broader strategy to counter China's influence in the Indo-Pacific region; the analysis of the reasons for the rapprochement of the three countries, the key one being the response to the increasing military-political pressure of China in the South China Sea; and the exploration of the shift in the foreign policy course of the Philippines under President Ferdinand Marcos Jr., which is expressed in the departure from the balancing policy of his predecessor Rodrigo Duterte and a decisive return to a close alliance with the USA. The research is based on the following methods: Comparative-historical analysis: Comparing the policies of Philippine President F. Duterte's administration (2016–2022) and the succeeding administration of F. Marcos Jr. regarding relations with China and traditional allies. Systemic approach: Placing trilateral cooperation in the context of a broader regional dynamic, including China's actions in the South China Sea. The scientific novelty of the research lies in the following: A comprehensive analysis of the new trilateral configuration: The work offers a systematic analysis of the formation of the USA-Japan-Philippines partnership as an independent and significant format of regional security, often characterized as a step towards creating a "mini-NATO" in Asia. Identification of synergy between military-technical and economic cooperation: The analysis goes beyond the purely military sphere, demonstrating how infrastructure projects (the "Luzon" economic corridor) and logistics create a sustainable basis for a military-political

alliance. The conclusion of this article is the identification of the formation of a strategic triangle. Military-technical cooperation between the USA, Japan, and the Philippines has transformed from a set of bilateral ties into a cohesive trilateral partnership, institutionalized at the highest level (summit in Washington in April 2024) and supported by specific military, economic, and infrastructure initiatives.

Keywords: counteraction, Philippines, military-technical cooperation, trilateral partnership, South China Sea, alliance, Indo-Pacific region, Japan, China, USA

References (transliterated)

1. Gumbatov N.F., Kun S. Minilateral'nye soyuzy v amerikanskoj strategii sderzhivaniya KNR v Indo-Tikhookeanskom regione // Konfliktologiya / nota bene. 2023. № 1. S. 1-10. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39633 EDN: CXCNSM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39633
2. Joint Leaders Statement on AUKUS / Prime Minister of Australia Scott Morrison; Prime Minister of the United Kingdom Boris Johnson; President of the United States of America Joseph R. Biden. 16 sentyabrya 2021. URL: <https://web.archive.org/web/20210927191438/https://www.pm.gov.au/media/joint-leaders-statement-aukus>
3. The Quad: What It Is – And What It Is Not. [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <https://thediplomat.com/2021/03/the-quad-what-it-is-and-what-it-is-not/>
4. 日本国とアメリカ合衆国との間の相互協力及び安全保障条約. [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/usa/hosho/jyoyaku.html>
5. Official Development Assistance (ODA). // Ministry of Foreign Affairs of Japan. [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/summary/1997/09.html>
6. World Integrated Trade Solution. Philippines major trading partner countries. [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/PHL/Year/2000/TradeFlow/EXPIMP>
7. Asia Dōkō Nenpō [Yearbook of Asian Affairs]. Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organization, yearly editions 2010–2021. URL: <https://www.ide.go.jp/Japanese/Publish/Books/Doko.html>
8. Koizumi, Arroyo condemn attack. [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <https://www.japantimes.co.jp/news/2001/09/14/national/koizumi-arroyo-condemn-attack/>
9. Tonosaki, Kojiro. Progress in Security Cooperation between Japan and the Philippines. Aiming for a Quasi-Alliance: Building a More Robust Japan-Philippines Security Partnership. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2022. S. 3-8. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep42756.4>
10. Konstitutsiya Yaponii 1946 goda. [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf>
11. Molokoedov D.I. Politika SShA v Yugo-Vostochnoi Azii v kontekste "razvorota v ATR" // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2025. № 4. S. 39-59. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.4.75975 EDN: GYDQVF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75975
12. Filipinos asked: Who do you want on your side? [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <https://globalnation.inquirer.net/133741/filipinos-asked-who-do-you-want-on-your-side>
13. Japan-Philippines Relations. [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa:

https://www.mofa.go.jp/s_sa/sea2/ph/pageite_000001_00432.html

14. Taniguchi, Miyoko. Japan, the Philippines, and the United States: A New Era of Partnership through Trilateral Defense and Security Cooperation. East-West Center, 2024. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep61474>
15. Poling, Gregory B., Andreyka Natalegawa, and Danielle Fallin. Building a U.S.-Japan-Philippines Triad. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2023. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep47344>
16. What's in the Philippines' Luzon Corridor? [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <https://thediplomat.com/2024/04/whats-in-the-philippines-luzon-corridor>
17. Mishin I.O. Al'yans SShA-Yaponii-Filippin: Novyi format sderzhivaniya KNR? // Aziya i Afrika segodnya. 2023. № 10. S. 45-52. DOI: 10.31857/S032150750028104-6. EDN: FNRGIM.
18. Kuleshova N. S., Chzhan Chen'i. SShA-Yaponiya-Filippiny: Rozhdenie novogo voennogo al'yansa v Indo-Tikhookeanskom regione // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika. 2024. № 3. DOI: 10.56429/2414-4894-2024-49-3-19-40. EDN: GTZKCS.

China-Nigeria strategic alignment challenges and responses under the framework of the "Belt and Road" initiatives

Oriomojor Jah'swill

Master's Degree; Department of Fundamentals of Marxism; Hebei Pedagogical University

China, Hebei Province, Shijiazhuang City, Yuhua District, No. 20 on the Southern Second Ring of the Eastern Road

✉ oriomojorjahswill@gmail.com

Pishcherskaia Elena Nikolaevna

PhD in Philology

Associate Professor, Head of the Department; Department of Foreign Languages; Chita Institute of the Baikal State University

56 Anokhina str., room 57, Chita, Zabaikalsky Krai, Russia

✉ kishana@inbox.ru

Sharenkova Tatiana Arkadievna

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Foreign Languages; Chita Institute of the Baikal State University

56 Anokhina str., Chita, Zabaikalsky Krai, 672000, Russia

✉ laoshi68@mail.ru

Abstract. The Belt and Road Initiative was launched by Chinese President Xi Jinping in 2013 to promote cooperation and infrastructure development, with the aim of reviving the ancient trade routes of the Great Silk Road that connected China with Asia, Europe and Africa. Even before the start of the project, Nigeria and China had a long history of friendship. Following the signing of the China-Nigeria Belt and Road Initiative, China has increased its direct investment in Nigeria. China's growing presence in Nigeria is driving job creation, infrastructure construction, higher education, and economic development, positioning China as a major investor and trading partner in Africa. Such strategic cooperation also poses some

challenges and requires specific responses from both sides.

The purpose of this study is to explore ways to promote socio-economic transformation in Nigeria through Chinese investment, strengthening trade relations, and expanding military cooperation. However, increasing militarization and the potential debt burden raise concerns about Nigeria's sovereignty, security, and geopolitical alliances. This paper examines the emerging strategies, partnerships, and other activities of the two countries to promote mutually beneficial economic cooperation and development. In addition, the economic, social and political impact that China has on the Nigerian economy is discussed.

Relations between Nigeria and China have improved significantly over the past few decades, and China and Nigeria are constantly developing economic, infrastructural, and diplomatic relations. The Belt and Road Initiative has further advanced this process. While these developing relationships offer great opportunities for Nigeria, they also come with significant challenges. In this article, we will look at the challenges faced by the strategic rapprochement between China and Nigeria in the context of China's Belt and Road Initiative, and ways to address them.

Keywords: collaboration, infrastructure, development, strategic alignment, challenges and responses, Belt and Road, initiative, Nigeria, China, connectivity

References (transliterated)

1. Ajah A. C., Onuoha J. I. China's Belt and Road Initiative and Infrastructure Development in Nigeria: Unveiling a Paradigm Shift or Repackaging of Failed Ventures? // Journal of Current Chinese Affairs. 2025. T. 0, № 0. DOI: 10.1177/18681026251330645.
2. McBride J., Berman N., Chatzky A. China's Massive Belt and Road Initiative // Council of foreign relations. 2023. URL: https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-massive-belt-and-road-initiative-gclid=CjwKCAjwYXmBRAOEiwAYsYl3OuaUYersp8IdVbD2h7ujK1wfrbXrvQCnILk3TiHbt_fiEK5hKIasRoC7zkQAvD_BwE (data obrashcheniya: 23.07.2025).
3. Wang C.N. About the Belt and Road Initiative (BRI) // The Green Finance & Development Center. URL: <https://greenfdc.org/belt-and-road-initiative-about/> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
4. Calabrese J. Redefining the China-Nigeria partnership: From trade to development // Think China. 2025. URL: <https://www.thinkchina.sg/politics/redefining-china-nigeria-partnership-trade-development> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
5. Habib G. China, Nigeria unveil broader vision for African development // Punch. 2025. URL: <https://punchng.com/china-nigeria-unveil-broader-vision-for-african-development/> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
6. Amokeoja O. Nigeria Turns To Yuan Once More As Currency Swap Deal With China Returns // Forbes Africa. 2025. URL: <https://www.forbesafrica.com/current-affairs/2025/01/01/nigeria-turns-to-yuan-once-more-as-currency-swap-deal-with-china-returns/> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
7. Ekanem S. China expands military supply pact in Africa with new Nigeria deal // Business Insider Africa. 2025. URL: <https://africa.businessinsider.com/local/markets/china-expands-military-supply-pact-in-africa-with-new-nigeria-deal/fmc9q97> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
8. Yang L., Xinyi X. Nigeria-China cooperation supports local economic diversification under BRI: Nigerian official // Global Times. 2024. URL:

- <https://www.globaltimes.cn/page/202412/1324520.shtml> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
9. Yeping Y. BRI helps Africa build infrastructure, create much-needed jobs // Global Times. 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202406/1315116.shtml> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
 10. Glazkova E. N. Interes Kitaya v razvitii torgovykh svyazei s Nigeriei // Finansovaya ekonomika. 2022. № 12. S. 192-194. EDN: XTWGPA.
 11. Zheng S. Boosting High-Quality Belt and Road Cooperation Through Rigorous and Sustained Efforts // English Edition of Qiushi Journal. 2024. URL: http://en.qstheory.cn/2024-01/05/c_953091.htm (data obrashcheniya: 23.07.2025).
 12. Anyanwu S. Nigeria-China Partnership: Driving Growth and Development // The Federal Ministry of Information and National Orientation. 2024. URL: <https://fmino.gov.ng/nigeria-china-partnership-driving-growth-and-development/> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
 13. Augustine A. The Problems and Countermeasures of China-Nigeria Bilateral Economic and Trade Cooperation // The International Journal of Business & Management. 2020. S. n. pag.
 14. Tafida A. A., Tukur A. L., Adebayo E. F., Ndaghu A. A., Onu J. I., Momodu J. A. Boko Haram insurgency and livelihood vulnerability of rural households in Northern Adamawa State, Nigeria // Research in Globalization. 2023. T. 6. DOI: 10.1016/j.resglo.2023.100116. EDN: ERBNMA.
 15. Lekan D. O. K., Temitayo J. M., Gambarawa J. A. Scourge of Rural Banditry and Food Security in Nigeria's North-West: The Economic Implications // UMYU Journal of Accounting and Finance Research. 2022. T. 4, № 1. S. 35-48. DOI: 10.61143/umyu-jaf.4(1)2022.003.
 16. Obiukwu C. I., Njoku E. C. Social Movements and National Security in Nigeria: A Study of the Indigenous People of Biafra (IPOB) // African Quarterly Social Science Review. 2024. S. n. pag.
 17. Brottem L. The Growing Complexity of Farmer-Herder Conflict in West and Central Africa // Africa Center. 2021. URL: <https://africacenter.org/publication/growing-complexity-farmer-herder-conflict-west-central-africa/> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
 18. Igbokwe C. Ch. Nigeria-China Relations: Impact on Power and Development in Nigeria // Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies. 2020. T. 12, № 1. S. 141-151. DOI: 10.21638/spbu13.2020.110. EDN: BMSKWZ.
 19. Mohanty S., Dutta R. Red Sea woes unlikely to dent Russia's position as India's top crude supplier // S&P Global. 2024. URL: <https://www.spglobal.com/commodity-insights/en/news-research/latest-news/crude-oil/010824-red-sea-woes-unlikely-to-dent-russias-position-as-indias-top-crude-supplier> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
 20. Adeniran A., Raifu I. A., Nnamani G. Transparency in the procurement process in Nigeria // The Brookings Institution. 2024. URL: <https://www.brookings.edu/articles/transparency-in-the-procurement-process-in-nigeria/> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
 21. Amusan T. What Nigeria Can Teach Us About China's Belt and Road // The Diplomat. 2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/11/what-nigeria-can-teach-us-about-chinas-belt-and-road/> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
 22. Denisova T. Nigeriya i Kitai: problemy ekonomicheskogo i politicheskogo sotrudnichestva // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. № 3.

23. Glazkova E. N. Investitsii iz KNR kak faktor razvitiya kitaiskogo biznesa v Nigerii // Russian Economic Bulletin. 2023. T. 6, № 3. S. 191-195. EDN: KQUBV.

From "diplomatic miracle" to systemic tension: modern challenges to the Antarctic Treaty

Ermolaev Ivan Alekseevich

Postgraduate student; Department of Theory and History of International Relations; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

10 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ aermolaev98@yandex.ru

Abstract. The subject of this research is the evolution and contemporary challenges of the Antarctic Treaty System as a unique international legal regime for security and scientific cooperation on the continent. In this article, the author analyzes the historical conditions that led to the formation of the regime, the key compromises of the 1959 Treaty, as well as subsequent crises and their resolutions. The central focus of the work is on two critical events: the crisis at the end of the 1980s related to the issue of resource extraction in Antarctica, resolved by the adoption of the Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty in 1991, and the current challenges to the Antarctic regime. The study examines how the initial gaps and flexible formulations of the Antarctic Treaty have created conditions for new threats to its stability in changed international circumstances over the long term. The author employs historical analysis methods such as the comparative method, problem-chronological approach, retrospective method, and systematic analysis. Document analysis methods such as content and event analysis were used. The scientific novelty of this work lies in the comprehensive analysis of the Antarctic Treaty System as a system whose resilience has historically depended not on resolving fundamental contradictions among the participants but on their successful postponement during unique historical windows of opportunity. The author concludes that the Madrid Protocol, which saved the system by introducing an indefinite moratorium on resource extraction, has itself laid the groundwork for a new postponed crisis. In the current context of the erosion of global institutions and the resurgence of power politics, this crisis is taking on a systemic character. The article's conclusions indicate that new challenges—such as the emergence of the military-political bloc AUKUS, which creates the risk of creeping militarization, and the strategies to establish "de facto sovereignty" by Argentina and Chile—undermine the universalist foundations of the Antarctic Treaty System.

Keywords: Southern ocean, Islas Malvinas, Latin America, Falkland islands, AUKUS, Antarctic, Argentina, Chile, Antarctic treaty System, Antarctic Treaty

References (transliterated)

1. Gorlatykh O.Yu. Osobennosti mezhdunarodno-pravovogo rezhima Antarktiki: teoretiko-pravovoi i prakticheskii aspekty // Mezhdunarodno-pravovaya sistema i nauka v poiske otvetov na global'nye vyzovy. Sankt-Peterburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologii "Asterion", 2024. S. 117-121. EDN: AHRUGF.
2. Kolesnikova E.A. Antarktika: istoriya osvoeniya i perspektivy mezhdunarodnogo upravleniya v KhKhI veke // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2015. № 4. S. 182-203. EDN:

VRNIAF.

3. Belousov V.V. Mezhdunarodnyi geofizicheskii god // Nauka i zhizn'. 1957. № 7. S. 27-29.
4. Lukin V.V., Timokhin K.V. Prolog debyuta na shestem kontinente // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2023. № 9. S. 94-105. EDN: NHLTJB.
5. Stepanova S.S. K voprosu o territorial'nom razdele Antarktiki // Aktual'nye problemy nauki i praktiki. 2024. № 1. S. 60-64. EDN: CUUQHW.
6. Podehl, J.G., Donald, R.R. New Zealand and the Convention on the Regulation of Antarctic Mineral Resource Activities (CRAMRA): An Unhappy Divorce? // Victoria University of Wellington Law Review. 1992. № 22(1). P. 33.
7. Hemmings, A.D. Why did we negotiate the Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty? // Antarctic Science. 2011. № 23(2). Pp. 181-192.
8. Gudev P.A. Problemy sistemy dogovora ob Antarktike (Politiko-pravovye aspekty) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2021. № 6. S. 91-103. DOI: 10.31857/S086904990017873-2. EDN: FNYFTP.
9. Chen' Ts. Antarktika v Kitaiskoi doktrine // Evraziiskii Yuridicheskii Zhurnal. 2022. № 4. S. 42-43. EDN: BLGEGO.
10. Labin D.K., Chen' Ts. Rol' Kitaya v razvitii mezhdunarodnogo sotrudnichestva v Antarktike: pravovoi analiz pozitsii i deistvii // Pravo i upravlenie XXI vek. 2025. № 1. S. 49-57. DOI: 10.24833/2073-8420-2025-1-74-49-57. EDN: DZNXNF.
11. Leonova O. The Impact of the Strategic Partnership AUKUS on the Geopolitical Situation in the Indo-Pacific Region // International Organisations Research Journal. 2022. № 3. S. 194-211.
12. Andreev A.S. Antarktida vo vneshnei politike stran Latinskoi Ameriki // Latinskaya Amerika. 2020. № 6. S. 82-94. DOI: 10.31857/S0044748X0009594-2. EDN: OAHSLW.
13. Ferrada L.V., Caldera D.A. Negotiation, adoption and domestic implementation of the annex on liability to the Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty // Antarctic science. 2024. № 5. S. 1-20. DOI: 10.1017/s0954102024000269. EDN: BAVULE.
14. Ferrada L.V. Latin America and the Antarctic Treaty System as a legal regime // The Polar Journal. 2020. № 9(2). S. 286-299.
15. Lukin V.V. Region dlya nauki – bez gosudarstvennykh granits i vooruzhenii. K 65-letiyu Dogovora ob Antarktike // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2025. № 3. S. 48-61. DOI: 10.31857/S0869049925030041. EDN: KAMRTC.
16. de la Barra O.P. Chilean Sovereignty in Antarctica. Santiago de Chile: Editorial del Pacífico, 1955. P. 32.
17. Mamenova K.M. Rol' gosudarstva i mezhdunarodnykh organizatsii v upravlenii Antarktikoï // Nauchnye issledovaniya molodykh uchenykh: novaya ekonomika i trendy v ustoichivom razvitii. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet, 2025. S. 250-253.
18. Jaeckel A. The International Seabed Authority and the Precautionary Principle: Balancing Deep Seabed Mineral Mining and Marine Environmental Protection. 2017.
19. Alekseenko Yu.A. Predposylki k evolyutsii rezhima upravleniya Antarktikoï // Voprosy Politologii. 2022. № 5. S. 1720-1728. DOI: 10.35775/PSI.2022.81.5.037. EDN: PLWGUD.
20. Benwell M.C., Dodds K. Argentine territorial nationalism revisited: the Malvinas/Falklands dispute and geographies of everyday nationalism // Political

Geography. 2011. № 30. S. 441-449.

21. Ermolaev I.A. Mal'vinskie ostrova: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy dlya Argentiny i Soedinennogo Korolevstva // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2025. № 2. S. 211-220. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.2.73808 EDN: EGDSKW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73808

The humanistic component of China's global and regional policy: key concepts and strategies

Qian Yuanjing

Postgraduate student; Department of Theory and History of International Relations; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

10 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ 1042248204@pfur.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the humanitarian component of the foreign policy of the People's Republic of China in a regional and global context. The subject of the research is the set of ideological concepts, value orientations, and practical strategies through which China shapes and promotes its humanitarian influence on the international stage. Special attention is paid to the evolution of China's foreign policy discourse—from the concepts of "peaceful development" and "harmonious world," characteristic of Hu Jintao's leadership, to the idea of a "community of shared future for mankind" and the concept of "cultural soft power under state control," developed and institutionalized during Xi Jinping's era. The article examines the role of culture, ideology, inter-civilizational dialogue, people's diplomacy, and humanitarian exchanges as tools for strengthening China's international image, reducing foreign policy risks, and advancing national interests. The analysis covers the interrelation of the internal cultural-ideological policy of the PRC and its projection into foreign policy practice, as well as the influence of humanitarian factors on China's positioning in the system of modern international relations. The study employs civilizational and constructivist approaches, elements of "soft power" theory, as well as methods of comparative political analysis, historical-genetic analysis, and discourse analysis of official documents and speeches by Chinese leaders. The scientific novelty of the article lies in the comprehensive understanding of the humanitarian component of China's foreign policy as a holistic strategy that combines cultural, ideological, and political tools of influence. It concludes that the transition from the concept of a "harmonious world" to the idea of a "community of shared future for mankind" reflects not only the growth of China's international ambitions but also the desire to propose an alternative model of global development based on the principles of cultural diversity, sovereign equality, and mutual benefit. The article also argues that China's humanitarian strategy serves a dual function: on one hand, it aims to create a favorable external environment and strengthen the country's international authority, while on the other, it acts as a tool for internal consolidation and legitimization of the CCP's course.

Keywords: state cultural policy, intercivilizational dialogue, ideology of the CPC, cultural diplomacy, community of shared future, harmonious world, soft power, humanitarian component, foreign policy of the PRC, China

References (transliterated)

1. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 290 p.

2. Zheng Bijian. China's "Peaceful Rise" to Great-Power Status // Foreign Affairs. September-October 2005. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2005-09-01/chinas-peaceful-rise-great-power-status> (data obrashcheniya: 28.12.2024).
3. 王海云. 新形势下中国外交战略中的国家定位 // 世界大势与中国和平发展, 徐敦信主编. 北京: 世界知识出版社, 2006. S. 78-87.
4. 肖枫. 怎么样理解邓小平同志的“韬光养晦、有所作为”思想 // 北京日报. 2010. URL: https://epaper.gmw.cn/wzb/html/2016-09/08/nw.D110000wzb_20160908_7-06.htm (data obrashcheniya: 28.12.2024).
5. 中国共产党第十六届中央委员会第四次全体会议公报 // 中共陕西省纪律检查委员会. 20.09.2004. URL: <https://www.qinfeng.gov.cn/info/1022/14768.htm> (data obrashcheniya: 29.12.2024).
6. 在新的发展起点上阔步前进 // 人民日报. 12.10.2005. URL: https://www.gov.cn/jrzg/2005-10/12/content_76170.htm (data obrashcheniya: 30.12.2024).
7. 中共中央关于构建社会主义和谐社会若干重大问题的决定 // 人民日报. 11.10.2006. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_453176.htm (data obrashcheniya: 01.01.2025).
8. Bodrova O.I. Opyt Kitaya v postroenii kul'tury "Garmonichnogo mira" // Vestnik VSGUTU. 2013. № 3 (42). S. 139-144. EDN: QIYPID.
9. 胡锦涛在联合国成立60周年首脑会议上的讲话 // 中央政府门户网站. 16.09.2005. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2005-09/16/content_63871.htm (data obrashcheniya: 31.12.2024).
10. 中国的和平发展道路白皮书 // 中国政府网. 2005. URL: https://www.gov.cn/xwfb/2005-12/22/content_133974.htm (data obrashcheniya: 23.12.2024).
11. Yan Tszechu ob itogakh uchastiya prem'era Gossoveta KNR Ven' Tszyabao vo vstrechakh OON // Posol'stvo KNR v RF. 26.09.2008. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/200809/t20080929_857835.html (data obrashcheniya: 31.12.2024).
12. 胡锦涛. 在美国耶鲁大学的演讲 // 人民日报. 23.04.2006. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2006-04/22/content_260592.htm (data obrashcheniya: 31.12.2024).
13. UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity / UNESCO. 2002. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000127162> (data obrashcheniya: 31.12.2024).
14. “国家”十一五”时期文化发展规划纲要 // 人民日报. 13.09.2006. URL: https://www.gov.cn/jrzg/2006-09/13/content_388046_6.htm (data obrashcheniya: 31.12.2024).
15. 年国务院政府工作报告. 2007. URL: http://www.gov.cn/test/2009-03/16/content_1260188.htm (data obrashcheniya: 06.01.2025).
16. “胡锦涛, 高举中国特色社会主义伟大旗帜,...(在中国共产党第十七次全国代表大会上的报告) // 中央政府门户网站. 15.10.2007. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/106155/106156/6430009.html> (data obrashcheniya: 28.12.2024).
17. 袁鹏.《和谢世界》与《中国新外交》// 现代国际关系. 2007. № 4. S. 1-7.
18. Yui Kepin, Frensis Fukuyama. Globalizatsiya, sovremenniy mir, kitaiskaya model' razvitiya // Problemy Dal'nego Vostoka. 2013. № 1. S. 104-113.
19. Perelomov L.S. Konfutsii: Konfutsianstvo i sovremenniy strategicheskii kurs KIR. M.: Iz.-vo LKI, 2007. S. 54.

20. Lin' Yan'mei. O teorii sotsialistich. garmonichnogo obshchestva // Voprosy filosofii. 2007. № 5. S. 30-46.
21. 文明对话与和谐世界国际会议文集. 北京: 世界知识出版社, 2010. S. 205-231.
22. 全国文化体制改革工作会议举行 // 人民日报. 19.02.2012. № 1. S. 3.
23. Van S. "Soobshchestvo edinoi sud'by chelovechestva": osobennosti kitaiskogo puti preobrazovaniya mirovogo razvitiya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: globalistika i geopolitika. 2022. № 4. S. 58-69. EDN: TZAWJD.
24. Lyu Ts. Kontseptual'nye osnovaniya prodvizheniya Kitaem idei "soobshchestva edinoi sud'by chelovechestva" // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2024. № 1. S. 62-77. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-62-77 EDN: KWVSUS.
25. 习近平. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (data obrashcheniya: 10.05.2024).
26. 韩庆祥, 陈远章. 人类命运共同体与中华新文明 // 学习时报. 2017. S. 2-13.
27. 龚婷. "一带一路"倡议的中国传统思想要素初探 // 当代世界与社会主义. 2015. S. 2-11.
28. 习近平. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (data obrashcheniya: 10.05.2024).
29. 吴玉军, 韩震. 坚定文化自信提高国家文化软实力 // 光明日报. 2019. S. 3.
30. 习近平: 高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗--在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 // 新华网. 25.10.2022. URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm (data obrashcheniya: 10.01.2025).
31. 深入学习贯彻习近平新时代中国特色社会主义思想 // 人民政协报. 08.04.2024. URL: <http://www.cppcc.gov.cn/zxww/2024/04/08/ARTI1712545091980500.shtml> (data obrashcheniya: 10.01.2025).
32. 杜占元. 构建更有效力的国际传播体系 向世界讲好中国式现代化的故事 // 人民政协网. 12.08.2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s-id=1807178261533073837&wfr=spider&for=pc> (data obrashcheniya: 10.01.2025).
33. 深入学习贯彻习近平新时代中国特色社会主义思想 // 人民政协报. 08.04.2024. URL: <http://www.cppcc.gov.cn/zxww/2024/04/08/ARTI1712545091980500.shtml> (data obrashcheniya: 10.01.2025).
34. Verchenko A.L. Partiinaya diplomatiya vo vneshnei politike KNR: "Dialog KPK s mirom – 2023" // Problemy Dal'nego Vostoka. 2023. № 4. S. 1-23. DOI: 10.31857/S013128120026884-3 EDN: GIPNKC.
35. Pyatachkova A. Osobennosti realizatsii kontseptsii "soobshchestvo edinoi sud'by chelovechestva" // Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN. 2025. № 1. S. 37-45. DOI: 10.20542/afij-2025-1-37-45 EDN: ORFDUZ.
36. Boyarkina A. Kitaiskaya initsiativa "Poyas i put'" v kontekste kontseptsii Si Tszin'pina "Soobshchestvo edinoi sud'by chelovechestva" // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2020. № 1A. S. 120-140.

The main trends in the development of oil cooperation between Russia and China in the context of sanctions pressure

Abstract. The article analyzes the transformation of Russian-Chinese energy cooperation under unprecedented sanctions pressure from Western countries, which is characterized by the dual containment of the Russian Federation and the People's Republic of China. Particular attention is paid to the factors contributing to the deepening of bilateral cooperation: the complementarity of the economies, China's desire to ensure national energy security, and Russia's need to diversify its markets. The object of the study is oil cooperation between Russia and China. The subject of the study is the dynamics of oil trade between the Russian Federation and the People's Republic of China following the start of Russia's special military operation in Ukraine. The aim of the study is to analyze the main trends in the development of oil cooperation between Russia and China from 2020 to 2025, identify prospects for further interaction between the two countries, as well as risks associated with the imposition of secondary sanctions. The study is based on a combination of historical-dynamic and comparative methods, as well as an analysis of official customs statistics from Russia and China and reports from international energy agencies. The scientific novelty of the study lies in the analysis of the features of the transformation of Russian-Chinese oil cooperation under conditions of sanctions restrictions, de-dollarization, and the reorientation of trade flows. The main conclusion of the study is that Western sanctions pressure, aimed at isolating and weakening Russia's position on the global energy market, has not achieved its goal. Although Russian oil exports to European countries, previously key importers of Russian raw materials, have declined, since 2022 Russia has been able to redirect its energy flows to China. This has contributed to the strengthening of the strategic partnership between the two countries and the creation of a cooperation structure that allows them to bypass restrictions through the transit of oil via third countries and the use of national currencies for payments. Thus, Russia has become a reliable supplier of oil, which is essential for Chinese industry, while China, in turn, has become a key importer of Russian oil, and has maintained this position over the past two years.

Keywords: strategic partnership, energy infrastructure, energy resources, payments in yuan, oil exports, energy security, sanctions pressure, oil cooperation, China, Russia

References (transliterated)

1. Balabaeva A.M. Tendentsii energeticheskogo sotrudnichestva RF i KNR // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2023. № 81. S. 143-148. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-6-1-143-148. EDN: XIETLZ.
2. Saneev B.G., Lopatina M.N. Energeticheskaya sostavlyayushchaya Programmy sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoi Sibiri Rossiiskoi Federatsii i Severo-Vostoka Kitaiskoi Narodnoi Respubliki (2009–2018 gg.) // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2014. № 4 (36). S. 65-73.
3. Dou Yu., Lavrov S.N., Simonov A.G. Perspektivy razvitiya sotrudnichestva mezhdu Rossiei i Kitaem v neftyanoi sfere // Ekonomicheskie otnosheniya. 2025. T. 15, № 2. S. 375-396. DOI: 10.18334/eo.15.2.122962. EDN: MPBWQZ.
4. Itogi meropriyatiya: Devyataya mezhdunarodnaya konferentsiya "Rossiya i Kitai: sotrudnichestvo v novuyu epokhu", 30–31 maya 2024 g., Moskva / Sost. Yu.Yu. Mel'nikova, G.V. Gryzlov, L.V. Nechaeva; Rossiiskii soviet po mezhdunarodnym delam (RSMD). Moskva: RSMD, 2024.

5. Rossiya i Kitai: chetyre veka vzaimodeistviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii / Pod red. A.V. Lukina. M.: "Ves' Mir", 2013. 701 s.
6. 吕文斌, 苏铭. 能源安全新战略推动转型发展 // 经济日报 (Economic Daily). 2025. [Elektronnyi resurs] URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2025/0909/c40531-40559808.html> (data obrashcheniya: 09.09.2025).
7. 中国能源展望2060--能源产业中国式现代化之路 [China Energy Outlook 2060: The Path to Chinese-style Modernization of the Energy Industry]. 2024. 97 p.
8. 海关统计数据查询平台. Statistika Glavnogo tamozhennogo upravleniya Kitaya. [Elektronnyi resurs] URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (data obrashcheniya: 05.06.2025).
9. Nemov V.Yu. Eksport nefti iz Rossii na mirovye energeticheskie rynki // Interesko Geo-Sibir'. 2019. T. 2, vyp. 5. S. 167. DOI: 10.33764/2618-981X-2019-2-5-162-167.
10. Petushkova V.V. Rossiisko-kitaiskie trgovye otnosheniya v period sanktsii // Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii. 2024. № 3. S. 83-100. DOI: 10.31249/espr/2024.03.05. EDN: QZANTU.
11. Torgovlya mezhdu Rossiei i Germaniei v 2021 g. // Vneshnyaya Torgovlya Rossii. 12.02.2022. [Elektronnyi resurs] URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-germaniey-v-2021-g/-ysclid=mfnuaxacf8286480177> (data obrashcheniya: 25.03.2024).
12. Stabilizatsiya rossiiskogo sektora energoresursov v novykh usloviyakh: adaptatsiya k sanktsiyam. Aktual'nye interv'yu / I.V. Yushkov. Geoekonomika energetiki. 2023. № 3 (23). S. 6-22. DOI: 10.48137/26870703_2023_23_3_6. EDN: JQCDTW.
13. Vneshnyaya torgovlya Rossiiskoi Federatsii // FTS. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (data obrashcheniya: 20.09.2025).
14. International Energy Agency. Oil Market Report. 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/oil-market-report-december-2021> (data obrashcheniya: 20.09.2025).
15. Kozmenko A. Arctic oil and the eastern direction of Russia's energy policy // SHS Web of Conferences. 2020. DOI: 10.1051/shsconf/20208403004. EDN: HRTNPY.
16. 赵宏图. 国际能源转型进程中的能源安全新挑战 [Novye vyzovy energeticheskoi bezopasnosti v protsesse global'noi energeticheskoi transformatsii] // 国家安全研究 [Issledovaniya natsional'noi bezopasnosti]. 2022. T. 6. № 6. S. 167.
17. Henderson J., Yermakov V., Connolly R. Outlook for Russia's oil and gas production and exports. OIES Paper: NG, 2024. № 189. 55 p.
18. Turaeva M.O., Yakovlev A.A. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v novykh usloviyakh: nekotorye ekonomicheskie itogi 2023 g. // Rossiya i sovremennyyi mir. 2024. № 3 (124). S. 29. DOI: 10.31249/rsm/2024.03.01. EDN: MWTXVQ.
19. 戚文海, 杨玉媛. 金融制裁下的俄罗斯国际结算: 货币多元化及其动因和风险 [Mezhdunarodnye raschety Rossii pod finansovymi sanktsiyami: valyutnaya diversifikatsiya, ee dvizhushchie sily i riski] // 欧亚经济 [Evraziiskaya ekonomika]. 2025. № 3. S. 26-41.
20. Mekhanizmy dedollarizatsii KNR v ramkakh strategii internatsionalizatsii yuanya: doklad № 98 / 2024 / [M.Kh. Aliev, Yui Syao, S.A. Ryazanova; pod red. S.M. Gavrilovoi, Yu.Yu. Mel'nikovoi, G.V. Gryzlova, D.O. Rastegaeva]; Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). M.: NP RSMD, 2024. 42 s.
21. 杨洁勉. 乌克兰危机下的世界秩序变局和发展中国家的使命担当 [Perestroika mirovogo poryadka v usloviyakh ukrainskogo krizisa i rol' razvivayushchikhsya stran] // 国家问题研究

[Issledovaniya mezhdunarodnykh problem]. 2022. № 4.

From "Informatization" to "Intellectualization": The Transformation of China's Military Concepts in the Xi Jinping Era

Dubrovskiy Ivan R.

Postgraduate student, Department of Theory and History of International Relations; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

 yiwan94@yandex.ru

Abstract. The focus of this article is the transformation of military concepts of the People's Republic of China during Xi Jinping's leadership. The author examines the transition from "informatization" to "intellectualization" of warfare as a reflection of a broader trend in the evolution of military strategy and doctrine of the PLA in the context of a global revolution in military affairs. The subject of the study is not only the change in the technical foundation of the armed forces but also a rethinking of the principles of active defense, the nature of modern conflicts, and the role of information and artificial intelligence in the military sphere. Special attention is paid to analyzing the organizational reforms of the PLA, the creation of new military branches, and the development of integrated joint operation concepts. The article discusses how Chinese military thought adapts to the challenges of the 21st century and seeks to establish strategic advantages in a rapidly changing international environment. The methodological foundation of the work relies on systemic and comparative-historical approaches, as well as the analysis of official Chinese documents, "White Papers," works of the Academy of Military Sciences, and contemporary studies in the field of security. The novelty of the research lies in a comprehensive examination of the transition from "informatization" to "intellectualization" as a key phase in the modernization of the Chinese military doctrine. The article demonstrates that in the era of Xi Jinping, intellectualization is viewed not as a separate technological innovation but as a systemic process integrating humans, weapons, and methods of warfare into a unified "system of systems." An important conclusion is that China aims to utilize artificial intelligence and related technologies not only to enhance the effectiveness of its armed forces but also to establish a new level of strategic deterrence. It is concluded that the development of the PLA towards intellectualization reflects the PRC's goal of transforming its armed forces into a "world-class army," capable of operating effectively by the mid-21st century amid a new revolution in military affairs and countering any potential adversaries.

Keywords: military reforms, joint operations, artificial intelligence, intellectualization, informatization, PLA, Xi Jinping, military doctrine, China, strategic superiority

References (transliterated)

1. Shu Syaosun. 战略学 [Nauka o voennoi strategii]. 北京: 军事科学出版社, 2013. 319 s.
2. U Chun'tsyu. 辩证法与大战略研究: 一种中国观点 [Dialektika i issledovanie obshchei strategii: vzglyad Kitaya]. 北京: 中国军事科学, 2002. 304 s.
3. Syao Tyan'lyan. 战略学 [Nauka o voennoi strategii]. 北京: 国防大学出版社, 2020. 367 s.
4. Van Ven'zhun. 战略学 [Nauka o voennoi strategii]. 北京: 国防大学出版社, 1999. 427 s.
5. Sya Sinsin. 改革开放以来中国军事战略方针调整探微 [Issledovanie korrektyrovki

- Rukovodyashchikh printsipov TsVS KNR posle nachala politiki "reformy i otkrytosti"] // 党史博采(上). 2021. № 03. S. 23-27.
6. Lu Chzhen'sin. 战略思维的光辉典范--重读毛泽东《中国革命战争的战略问题》 [Yarkii primer strategicheskogo myshleniya – perechityvanie knigi Mao Tszeduna "Problemy voennoi strategii v voine za nezavisimost' Kitaya"] // 解放军报. 28.10.2023. URL: http://www.81.cn/yd_208600/jdt_208601/16262704.html (data obrashcheniya: 07.09.2025).
 7. Tszyan Tszemin'. 江泽民文选. 第三卷 [Izbrannye proizvedeniya Tszyan Tszemina. T. 3]. 北京: 人民出版社, 2006. 648 s.
 8. McReynolds, J., Mulvenon, J. The Role of Informatization in the People's Liberation Army under Hu Jintao in Roy Kamphausen, David Lai, and Travis Tanner, eds., Assessing the People's Liberation Army in the Hu Jintao Era. Carlisle: Strategic Studies Institute, Army War College, 2014. P. 204-235.
 9. "Voennaya strategiya Kitaya". 年中国国防白皮书《中国的军事战略》 // China Daily. 26.05.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1138561/2015-5-28/cd_20821000.html (data obrashcheniya: 04.09.2025).
 10. Vsyaya armiya i Narodnaya vooruzhennaya politziya gluboko izuchili i voplotili v zhizn' dukh Pyatogo Plenuma 19-go s"ezda TsK Partii / 国防部网. 26.11.2020. URL: http://www.mod.gov.cn/jzhzt/2020-11/26/content_4874636.htm?from=timeline&isappinstalled=0 (data obrashcheniya: 24.01.2025).
 11. Obshchie svedeniya o sovmetnykh operatsiyakh Narodno-osvoboditel'noi armii Kitaya (probnaya realizatsiya). 推动解放和发展我军联合作战能力 // 解放军报. 26.11.2020. URL: http://www.mod.gov.cn/jzhzt/2020-11/26/content_4874624.htm (data obrashcheniya: 04.07.2025).
 12. Lo Dezhun. 军队建设与军事斗争准备的行动纲领 – 对新形势下军事战略方针的几点认识 [Plan deistviya po stroitel'stvu armii i podgotovke k vooruzhennoi bor'be – nekotorye soobrazheniya o voenno-strategicheskom podkhode v novoi situatsii] // 中国军事科学. 2017. № 1. S. 92-104.
 13. Sily strategicheskoi podderzhki budut sozdany kak nezavisimaya armiya i budut osnashcheny samoletami "Shen'lun" // Xinhua. 07.01.2024. URL: http://www.xinhuanet.com/mil/2016-01/07/c_128605864.htm (data obrashcheniya: 25.08.2025).
 14. Sily informatsionnoi podderzhki – eto nedavno sozdannoe strategicheskoe oruzhie // 国防部网. 19.04.2024. URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/lhzb/ztjzh_249264/2024n4y_249265/16302027.html (data obrashcheniya: 04.07.2025).
 15. Stremites' sozdat' sil'nye sovremennye sily informatsionnoi podderzhki // 解放军报. 20.04.2024. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/jmsd/16302172.html> (data obrashcheniya: 25.08.2025).
 16. Polonchuk R.A. Politika KNR v sfere oborony // Kitaiskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2024: kol. monografiya. M.: IKSA RAN, 2025. S. 49-59. EDN: KSHQVC.
 17. Chase, M.S. China's Digital Silk Road in Nadege Rolland, ed., Securing the Belt and Road Initiative. Washington: National Bureau of Asian Research, September 2019. 75 p.
 18. Vnedrenie obshchei kontseptsii natsional'noi bezopasnosti i sodeistvie stroitel'stvu kiber derzhavy // 中国网信网. 28.03.2025. URL: https://www.cac.gov.cn/2025-03/28/c_1744866206374020.htm (data obrashcheniya: 25.08.2025).

19. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China // U.S. Department of Defense. 2024. 182 p.
20. Zapusk innovatsionnogo dvigatelya sil'noi armii dlya omolozheniya armii – predstaviteli armii goryacho obsuzhdayut nauchnoe i tekhnologicheskoe omolozhenie armii // Xinhua. 11.03.2019. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-03/11/content_5372987.htm (data obrashcheniya: 25.08.2025).
21. Uskorenie sozdaniya ob"edinennoi sistemy boevogo komandovaniya s uchetom osobennostei nashei armii // 中央军委联合参谋部. 15.08.2016. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2016/0815/c40531-28636710.html> (data obrashcheniya: 25.08.2025).
22. Translation: 14th Five-Year Plan for National Informatization // Stanford University. Dec. 2021. URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-14th-five-year-plan-for-national-informatization-dec-2021/> (data obrashcheniya: 22.03.2025).
23. Fedasiuk, R., Melot, J., Murphy, B. Harnessed Lightning: How the Chinese Military Is Adopting Artificial Intelligence // Center for Security and Emerging Technology. 2021. 84 p.
24. Stokes, J. Military Artificial Intelligence, the People's Liberation Army, and U.S.-China Strategic Competition // CNAS. 2024. URL: <https://www.cnas.org/publications/congressional-testimony/military-artificial-intelligence-the-peoples-liberation-army-and-u-s-china-strategic-competition> (data obrashcheniya: 25.08.2025).
25. China's Air Defense Radar Industrial Base // China Aerospace Studies Institute. March 2025. 54 p.

The American-Cuban "thaw" (2008-2016): a shift in vector or limits of the possible?

Krivova Mariia Sergeevna

independent researcher

Novokuzechikhinskaya str., 8, block 113, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, 603136, Russia, Nizhny Novgorod region

✉ kriovamary@yandex.ru

Podguskov Vladimir Nikolaevich

PhD in Politics

Senior Lecturer; Institute of International Relations and World History; N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University; UNN

603006, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region, Volodarskogo str., 5, sq. 25

✉ skrivov2@yandex.ru

Abstract. For more than 50 years, the United States has pursued a regime change strategy in Cuba, while Havana's most sensitive issue has been the preservation of sovereignty and international subjectivity. The period following Raúl Castro's assumption of the presidency of Cuba and the beginning of Barack Obama's presidency in Western analytical and media narratives was termed the "Cuban Thaw." In domestic literature, the term "détente" became more commonly used. The American leadership, for the first time, abandoned its basic approach towards Cuba aimed at dismantling the existing political regime. This coincided with a broader period of a reset in relations with a number of countries, including Russia, Iran, China, and several others. However, U.S.-Cuban relations have always been extremely

antagonistic due to geopolitical and historical reasons. Even despite the initial positive momentum, subsequent bilateral contacts were limited to the formal restoration of diplomatic relations and the resumption of cooperation within international organizations, primarily of a regional nature. The paper examines the state of bilateral relations during Raúl Castro's presidency and attempts to forecast their future development. It focuses on the specifics of foreign policy decision-making shaped in both countries. The emphasis is placed on the role of the Cuban diaspora as one of the decisive factors that determined the contradictions in the process of normalizing bilateral relations. The conducted research confirms the hypothesis that the return to anti-Cuban rhetoric under President Trump was a consequence of the specific nature of foreign policy decision-making. The Cuban diaspora, long shaped by dissident immigrants, played a significant role in this context. This contributed to its initially high degree of political engagement compared to other ethnic diasporas. The specificity of foreign policy decision-making in the U.S. is reflected in Congress's efforts to enhance its influence over foreign policy. This effectively led to the creation of certain mechanisms that hindered the normalization of relations with Havana. On the other hand, among the Cuban political elite, there are also significant fears that the benefits of lifting a number of sanctions will not outweigh the risks associated with possible negative consequences from potential pressure from the U.S. on various political and ideological issues.

Keywords: Raúl Castro, regime change, CELAC, National Security Council, Obama's foreign policy, State Department, reset of bilateral relations, international détente, U.S.-Cuban relations, Alan Gross

References (transliterated)

1. Pérez Jr. L.A. Cuba and the United States: Ties of Singular Intimacy. – 3rd ed. – Athens: University of Georgia Press, 2003. – 361 p.
2. Medina L.B. No Enemy Can Defeat Us / Granma. – August 18, 2006.
3. Fidel's Final Victory / Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/cuba/2007-01-01/fidels-final-victory> (data obrashcheniya: 11.07.2025).
4. Organization of American States. Resolution on Cuba, AG/RES. 2438 (XXXIXO/09) / Declarations and Resolutions Adopted by the General Assembly, Thirty-Ninth Regular Session, June 2 to 4, 2009, OEA/Ser.P AG/doc.5006/09 rev. 1, September 29, 2009.
5. Zaparii E.S. Evolyutsiya vneshnei politiki Kuby na sovremennom etape / Problemy postsovetskogo prostranstva. – 2019. – № 6(4). – S. 438-449.
6. Kodzoev M.A. Problema normalizatsii amerikano-kubinskih otnoshenii v Kongresse SShA / M.A. Kodzoev // SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. – 2019. – T. 49, № 8. – S. 92-106. DOI: 10.31857/S032120680005969-9 EDN: QNBYEX.
7. Leksina E.A. Amerikano-kubinskie otnosheniya na sovremennom etape: perspektivy deizgoizatsii Kuby / E.A. Leksina // Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii. – 2017. – № 10. – S. 73-82. EDN: ZVKCSN.
8. Secretary of State Hillary Rodham Clinton. Remarks with Haitian President Rene Preval, Port-au-Prince, Haiti. – U.S. Department of State, April 16, 2009.
9. Raúl Castro. Remarks during the public segment of the Seventh Extraordinary ALBA Summit, Cumaná, Venezuela, April 16, 2009. URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/rauldiscursos/2009/ing/c160409i.html> (data obrashcheniya: 11.07.2025).
10. Kuba gotova obsuzhdats' s SShA problemy prav cheloveka – Raul' Kastro – RIA Novosti,

- 17.04.2009. URL: <https://ria.ru/20090417/168397929.html> (data obrashcheniya: 12.09.2025).
11. New Tactic in Alan Gross Fight – The Forward. URL: <https://forward.com/news/153492/new-tactic-in-alan-gross-fight/> (data obrashcheniya: 10.09.2025).
 12. Castro R. Central Report to the 6th Congress of the Communist Party of Cuba / Granma International. – April 16, 2011.
 13. Obama B. Statement by the President on Cuba Policy Changes / White House, Office of the Press Secretary. – December 17, 2014.
 14. Castro R. Statement by the Cuban President / Granma. – December 17, 2014.
 15. Republican Platform 2016 / GOP.com. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2016-republican-party-platform> (data obrashcheniya: 10.09.2025).
 16. Trump D. President-Elect Donald J. Trump Statement on the Passing of Fidel Castro / Trump-Pence Transition Team, November 28, 2016. URL: <https://sflcn.com/president-elect-donald-j-trump-passing-fidel-castro/> (data obrashcheniya: 10.10.2025).
 17. National Security Presidential Memorandum on Strengthening the Policy of the United States toward Cuba / White House, Office of the Press Secretary. – June 16, 2017.
 18. Cuba Policy on the record briefing by Assistant Secretary for Western Hemisphere Affairs Thomas A. Shannon and Cuba Transition Coordinator Caleb Charles McCarry, U.S. Department of State, Washington, DC, August 11, 2006.
 19. Obama's pick as ambassador to Cuba has '0% chance' of approval, union says / Cuba / The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/sep/29/president-obama-cuba-ambassador-jeffrey-delaurentis> (data obrashcheniya: 12.09.2025).
 20. Counting the Vote: Miami-Dade County; Protest Influenced Miami-Dade's Decision to Stop Recount / New York Times. – November 24, 2000.
 21. Erikson D. The New Cuba Divide / The National Interest. – 2002. – № 67. – P. 7.
 22. Kuznetsov D.V. Kuba i obshchestvennoe mnenie SShA / D.V. Kuznetsov // Latinskaya Amerika. – 2009. – № 10. – S. 50. EDN: VIMEJP.

Structural adjustment and reproduction of dependency in African countries, 1980s–1990s.

Osuji Kingsley Chibueze

PhD in History

PhD student; Institute of International Relations and World History, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603022

✉ kingsleyc05@gmail.com

Abstract. During the transformative decades of the 1980s and 1990s, structural adjustment programs (SAPs) became a significant driving force on the African continent, heralding economic stabilization. However, these initiatives often led to sustained poverty and a legacy of dependency, creating dynamics that continue to shape the trajectory of Africa's future. The study delves into the complex dynamics of global financial governance, particularly as it is based on conditional lending mechanisms and administered by institutions like the IMF and the World Bank. It examines the interrelationship of these structures with the fragile frameworks of postcolonial institutions, which ultimately influence the operational capacity of

African states. This research employs a comparative-historical approach, combining information drawn from archival documents, testimonies from prominent figures, and analysis of macroeconomic indicators. The study utilizes Bretton Woods technical documents and national archives from Angola, Algeria, Côte d'Ivoire, Zaire (now the Democratic Republic of the Congo), and Angola. The dependency reproduction model illustrates how conditionality creates long-term structural constraints, and data from the African Development Bank and World Development Indicators (2024) confirm this. The findings reveal a paradoxical factor: while SAPs achieved short-term stabilization, they simultaneously dismantled industrial policy, reduced real wages, and further tethered the economy to volatile raw commodities. Ghana's reformist zeal did not lead to diversification; rural incomes in Côte d'Ivoire declined; Zaire perfected "executive discipline," undermining institutions; rentier experiments in Algeria and Angola failed due to partial reforms. Ultimately, the study argues that SAPs reinforce dependency by limiting political autonomy and institutionalizing external oversight. The implications of this are clear: restoring financial sovereignty in the region, revitalizing industrial policy, ensuring debt transparency, and incorporating social protection into the budgeting system are essential steps toward breaking the vicious cycle of restructuring and dependency.

Keywords: Comparative Historical Analysis, Mixed Methods Research, The World Bank, The IMF, development policy, historical institutionalism, Africa, Dependency Theory, Structural Adjustment Programmes, 1980s-1990s

References (transliterated)

1. Acemoglu, D., Johnson, S., and Robinson, J. A. (2005). Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth. Oxford: Elsevier Science, 2005. pp. 386-464.
2. Amin, S. (2005). Uneven Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. Sussex: The Harvester Press Limited, 1976.
3. Aryetey, E., Fosu, A. (2002). Explaining African Growth Performance: The Case of Ghana. 2002.
4. Bellal, S. (2002). Institutional Change in the Context of a Rentier Economy: The Case of Algeria. 2024.
5. CIA Intelligence Directorate. Zaire: Swallowing the "Bitter Pill" of the 1984 Economic Reforms.
6. Federal Research Division, Library of Congress. Algeria: Country Study, 1993.
7. Heidhues F., Obare G. Lessons Learned from Structural Adjustment Programs and Their Impact on Africa. Quarterly Journal of International Agriculture. 2011. No. 50. pp. 55-64.
8. International Bank for Reconstruction and Development. Ghana-Public Enterprises-Contracts, Reports. Vol. 2, 1993.
9. International Monetary Fund Hyperinflation in Zaire, 1990-96. 1997.
10. International Monetary Fund External Evaluation of ESAF: Peer Review Group Report 1998.
11. Jarret M.-F., Maillet F.-R. Changing Structures, Relationships, and Divide: The Case of Côte d'Ivoire. Revue tiers-monde. 1991. No. 125. Pp. 39-62.
12. Mkandawire T. Neopatrimonialism and the Political Economy of Economic Performance in Africa: Critical Reflections. World Politics. 2015. No. 3. Pp. 563-612.
13. Mkandawire T., Soludo K. S. Our Continent, Our Future: African Prospects for Structural Transformation. Dakar, Senegal: CODESRIA, 1991.

14. Nasimullah A. The Political Economy of National Development: A Research Agenda After Neoliberal Reforms? *World Development*. 2023. No. 106-269. Pp. 106-269.
15. Nashashibi K. *Algeria: Stabilization and Transition to a Market*. Washington, DC, USA: International Monetary Fund, 1998.
16. Ndikumana, L., Boyce, J. Congo's Monstrous Debt: Foreign Borrowing and Capital Flight from Zaire. *Development and Change*. 1998. No. 29. pp. 195-217.
17. Nitsche, B. et al. Harnessing the Potential of the African Continental Free Trade Area: Logistics Challenges and Pathways for Future African Value Chains. *Logistics*. 2024. No. 1. p. 25.
18. Nowak, M. III. Ghana 1983-91. In T. Amor, et al., eds. Washington, DC, USA: International Monetary Fund, 1996. pp. 22-33.
19. Potte, A. Privatization in Ghana in 2015.
20. Rodney W. *How Europe Underdeveloped Africa*. Washington, D.C., USA: Howard University Press, 1981.
21. Steele, W., Webster, L. How Small Firms in Ghana Responded to Perestroika. *World Bank Economic Review*. 1992. No. 3. pp. 423-438.
22. Sunita, K., Nellis, J., Shirley, M. Privatization: Lessons from the 1992 Experience.
23. Taylor, I., Williams, P. *Africa in International Politics: External Intervention on the Continent*. London: Routledge, 2004.
24. The United Nations Development Programme in Angola: Issues and Options in the Energy Sector, 1989.
25. Weil, P. Between Economic Nationalism and Liberalization: Development Ideas and the Neoliberal Moment in Mobutu's Congo, 1965-74. *Journal of African History*. 2024. No. 1. pp. 66-84.
26. Valley High School Library. *Ghana: Country Study*, 1995.
27. Villalon, L. A., and Huxtable, P. A. *The African State at the Turning Point: Between Disintegration and Reconfiguration*, 1997.
28. Walker, S. Rentier State Theory after 50 Years: New Developments. *Frontiers of Political Science*, 2023, No. 1120439.
29. The World Bank Archives. *Algeria Economic Reform Credit Project-Algeria-Loan 3117-P004953-General Information, Correspondence. Volume 4*, 2019.
30. *World Development Indicators*. [Electronic resource]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 11/17/2025).

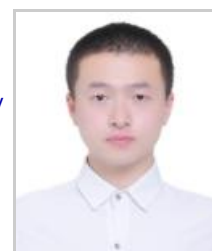
The evolution and current state of the national emergency management system in the People's Republic of China

Sun Esin

Postgraduate student; Faculty of Political Science; Lomonosov Moscow State University

117574, Russia, Moscow, Yasenevo district, Novoyasenevsky ave., 22 K. 1

✉ holmemeng@gmail.com

Abstract. This research examines the evolution and current state of the national emergency management system in the People's Republic of China. It focuses on regulatory frameworks,

the institutional structure, and key reforms in emergency management in China, focusing on the 21st century. The author examines in detail aspects of the topic, including the historical stages of the emergency management system's development, an analysis of regulatory documents, and the institutional architecture of the bodies responsible for emergency prevention and response. Particular attention is given to a comprehensive analysis of the large-scale reform of 2018, which resulted in the establishment of the Ministry of Emergency Management of the People's Republic of China, as well as to identifying the unique national characteristics of the Chinese model, which combines elements of international experience and domestic developments. The research utilizes a combination of methods, including institutional and historical analysis, document analysis, and comparative analysis to compare the Chinese emergency management system with its international counterparts. The research's novelty lies in its comprehensive conceptualization of China's emergency management system as a dynamic model that has evolved from extreme dispersion of functions across agencies to centralization within a single ministry. The paper systematizes three key stages in the system's evolution and identifies four unique governance mechanisms characteristic of Chinese practice. The study's main conclusion is that the modern Chinese emergency management system, integrating the best features of Western (integrated management) and Russian (separate ministry) approaches, has demonstrated high effectiveness, as evidenced by its successful crisis management during the COVID-19 pandemic. It is also demonstrated that, despite these achievements, the system continues to actively develop, focusing on digitalization and technological modernization of all processes to address new challenges.

Keywords: CPR, COVID-19 pandemic, digitalization, reform of the State Council, integrated emergency management, institutional analysis, Ministry of Emergency Management of the People's Republic of China, China, emergency management, public administration

References (transliterated)

1. Ikramov D. B., Dymkov A. V., Sardanovskii S. Yu. Vozmozhnye napravleniya sotrudnichestva gosudarstv-chlenov ShOS Rossii i Kitaya v sfere bor'by s bedstviyami s uchetom sushchestvuyushchikh strukturno-organizatsionnykh razlichii // Strategiya grazhdanskoi zashchity: problemy i issledovaniya. 2015. № 2 (9). S. 50-55. EDN: UNVTNX.
2. Boin A. The transboundary crisis: Why we are unprepared and the road ahead // Journal of Contingencies and Crisis Management. 2019. Vol. 27. No. 1. P. 94-99. <https://doi.org/10.1111/1468-5973.12241>.
3. Boin A., Hart P. Public leadership in times of crisis: Mission impossible? // Public Administration Review. 2003. Vol. 63. No. 5. P. 544-553. <https://doi.org/10.1111/1540-6210.00318>. EDN: LMWWRP.
4. Egeberg M. How bureaucratic structure matters: An organizational perspective. New York: Sage Publications, 2012.
5. Hart P., Tummers L. Understanding public leadership. 2nd ed. Red Globe Press, 2019.
6. Jung K., Song M. Linking emergency management networks to disaster resilience: Bonding and bridging strategy in hierarchical or horizontal collaboration networks // Quality & Quantity. 2015. Vol. 49. No. 4. P. 1465-1483. DOI: 10.1007/s11135-014-0092-x. EDN: BAWHJL.
7. Kettl D. Contingent coordination: Practical and theoretical puzzles for homeland security // The American Review of Public Administration. 2003. Vol. 33. No. 3. P. 253-277. <https://doi.org/10.1177/0275074003254472>. EDN: JLHXEZ.

8. Kong F. A short note on four different emergency management mechanisms in Chinese government disaster response // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2022. Vol. 30. P. 222-224. DOI: 10.1111/1468-5973.12407. EDN: EFGQXR.
9. Kong F. Better understanding positive and negative impacts of disasters on regional economies, with special reference to China // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2020. Vol. 28. No. 4. P. 479-481. DOI: 10.1111/1468-5973.12302. EDN: FWHURC.
10. Liu Y., Christensen T. The long-term development of crisis management in China-Continuity, institutional punctuations and reforms // *Review of Policy Research*. 2021. Vol. 00. P. 1-21. <https://doi.org/10.1111/ropr.12455>. EDN: HVLDNV.
11. Lu X. Managing uncertainty in crisis: Exploring the impact of institutionalization on organizational sensemaking. Springer, 2017.
12. Lu X., Han Z. Emergency management in China: Towards a comprehensive model? // *Journal of Risk Research*. 2019. Vol. 22. No. 11. P. 1425-1442.
13. Nanshan C., Min Z., Xuan D., Jieming Q., Fengyun G., Yang H. Epidemiological and clinical characteristics of 99 cases of 2019 novel coronavirus pneumonia in Wuhan, China: A descriptive study // *Lancet*. 2020. Vol. 395. No. 10223. P. 507-513.
14. Wu F., Tang Y., Lin C., Zhang Y., Xu W. Knowledge Trajectories Detection and Prediction of Modern Emergency Management in China Based on Topic Mining from Massive Literature Text // *Sustainability*. 2022. Vol. 14. P. 16675. DOI: 10.3390/su142416675. EDN: ZTAXZS.
15. 高小平. 建设中国特色的应急管理体系 // *中国应急管理*. 2009. № 4. P. 11-17. [Gao S. Sistema upravleniya chrezvychainymi situatsiyami s kitaiskimi osobennostyami // *Kitaiskoe upravlenie chrezvychainymi situatsiyami*. 2009. № 4. S. 11-17.]